

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

THE EARLIEST STATES OF EASTERN EUROPE

2023

THE BLACK SEA REGION IN
ANTIQUITY AND THE EARLY MIDDLE
AGES: PROBLEMS OF HISTORICAL
GEOGRAPHY

Editor of the volume
A.V. PODOSSINOV

GAUGN PRESS
Moscow
2023

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2023 год

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН
В АНТИЧНОСТИ
И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ

Ответственный редактор тома
А.В. ПОДОСИНОВ

ГАУГН ПРЕСС
Москва
2023

УДК 94(481).01,02,021,022

ББК 63.3(3,4)

Д73

*Печатается по решению Ученого совета Института всеобщей истории РАН
Протокол № 1 от 1 марта 2023 г.*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *В.Д. Кузнецов*
Кандидат исторических наук *Е.В. Ляпустина*

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН *А.А. Гиппиус* (Москва), проф. *Д. Домбровский* (Быдгощ, Польша),
д.и.н. *И.Г. Коновалова* (Москва), проф. *Дж. Линд* (Копенгаген, Дания),
д.и.н. *В.Я. Петрухин* (Москва), д.и.н. *Л.В. Столярова* (Москва),
д.филол.н. *С.Ю. Темчин* (Вильнюс, Литва), чл.-корр. РАН *Ф.Б. Успенский* (Москва),
проф. *С. Франклин* (Кембридж, Великобритания),
проф. *Г.Р. Цецхладзе* † (Лландриндод, Великобритания),
проф. *К. Цукерман* (Париж, Франция), проф. *Х. Янсон* (Гётеборг, Швеция)

Редакционная коллегия:

д.и.н. *Е.А. Мельникова* (Москва) (ответственный редактор серии)
к.и.н. *А.В. Акопян* (Москва), д.и.н. *О.Б. Бубенок* (Киев), д.и.н. *Т.В. Гимон* (Москва),
д.и.н. *А.И. Груша* (Варшава), д.и.н. *Т.Н. Джаксон* (Москва), д-р *Й. Комендова* (Оломоуц),
д.и.н. *А.А. Кузнецов* (Нижний Новгород), к.и.н. *В.С. Кулеиш* (Стокгольм),
к.и.н. *М.А. Курышева* (Москва), к.и.н. *Е.В. Литовских* (Москва), д.и.н. *П.В. Лукин* (Москва),
к.филол.н. *В.И. Матузова* (Москва), к.и.н. *И.М. Никольский* (Москва),
д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва), к.и.н. *Б.Е. Рашковский* (Москва),
к.и.н. *В.Н. Седых* (Санкт-Петербург), д.и.н. *А.С. Щавелев* (Москва),
д-р *А. Юсупович* (Варшава)

Д73 Древнейшие государства Восточной Европы. 2023 год: Черноморский регион в античности и раннем средневековье: проблемы исторической географии / Отв. ред. тома А.В. Подосинов. – М.: ГАУГН ПРЕСС, 2023. – 511 с.: илл.

ISBN 978-5-6049894-8-7

ISSN 1560-1382

Очередной том серии «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен проблемам исторической географии Черного моря в античности и раннем средневековье. Статьи написаны крупнейшими специалистами по истории античной географии и истории Черного моря из России, Дании, Германии, Италии, Австрии, Греции, Израиля и дают комплексную картину развития античных и раннесредневековых представлений об этом важном регионе Средиземноморья. Историческая география Причерноморья исследуется в книге в тесной связи с историческими процессами, происходившими здесь в рассматриваемый период.

Книга будет интересна для специалистов по античной истории и географии, для археологов, эпиграфистов и историков Восточной Европы и стран бассейна Черного моря в античный и раннесредневековый период, а также для всех, интересующихся античной историей.

ISBN 978-5-6049894-8-7

ISSN 1560-1382

УДК 94(481).01,02,021,022

ББК 63.3(3,4)

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2023

© Подосинов А.В., составление, 2023

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

А.В. Подосинов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 2022 года в Фессалониках прошел VII Международный конгресс по античной истории Черного моря. На нем обсуждался широкий круг вопросов, связанных с историей, археологией, нумизматикой, эпиграфикой, религией стран, примыкающих к Черному морю. Некоторые, весьма немногочисленные, доклады были посвящены также вопросам исторической географии Черного моря. Представляется всё же, что географическая составляющая исследований по истории Черного моря в античности заслуживает большего внимания. В самом деле, историческая география этого региона включает множество аспектов, рассмотрение которых существенно обогащает наше понимание исторических процессов, здесь происходивших. Перечислю лишь некоторые из них.

– **Мифическая география Черноморского региона.** Как известно, Черное море первоначально воспринималось греками как залив Северного океана, незамкнутый в своей северной оконечности, поэтому плавание Одиссея у Гомера и аргонавтов в эпической поэзии представлялись как плавание в океане, где присутствовали и киммерийцы (будущие население северочерноморских берегов), и Кирка на своем острове Ая (прототип будущей черноморской Колхиды). Привязка эпических «океанических» народов и местностей к конкретным географическим реалиям происходила в процессе колонизации побережий Черного моря, которая имела место здесь в VII–VI вв. до н.э. Эхо мифологических представлений о Черном море как отдаленнейшей части ойкумены на ее северо-востоке мы находим в таких легендах, обретших после колонизации Понта новую (псевдо)историческую жизнь, как приковывание Прометея к кавказской скале, приход сюда его освободителя и прародителя северочерноморских скифов Геракла, перенос богиней Артемидой дочери Агамемнона Ифигении из греческой Авлиды в крымскую Тавриду, загробная жизнь Ахилла на о. Левка (совр. Змеиный), вход в Аид около Гераклеи Понтийской, через который Геракл вывел на свет трехголового Кербера, мифические «Сходящиеся скалы» (Симплегады, или Планкты), губящие корабли на входе в Черное море из Босфора и др. И это не просто остатки архаико-мифологической картины мира. О Геракле как прародителе скифов рассказывали Геродоту местные черноморские

греки, Ифигения в образе некоей Девы (Партенос) стала защитницей и покровительницей греческого города Херсонес, храм Ахилла на о. Левка всю античность почитался и активно посещался проплывающими мимо мореплавателями.

– **История «открытия» Черного моря греками накануне и во время Великой греческой колонизации** строилась именно на этом переходе от мифологического знания региона к конкретному освоению новой территории с сохранением «памяти о мифологическом прошлом». И здесь важными представляются такие вопросы, как поздняя дата освоения Понта, причиной чего была труднопроходимость Босфорского пролива и маломощность изначально морских кораблей греков; бурный, по сравнению с Эгейским, характер Черного моря, препятствующий плаванию по нему; малочисленность хороших гаваней на побережьях (особенно на южном); болотистый или, наоборот, скалистый рельеф прибрежной местности, препятствовавший основанию колоний или их развитию и т.д.

– **Динамика нарастания знаний** о конфигурации и размерах Черного и Азовского морей, впадающих в них реках, прибрежных ландшафтах, народах, живущих на их берегах, также вызывает у исследователей большой интерес. Если анализировать накопление данных об этом регионе от Геродота до Птолемея, мы видим, как все более реалистичными становятся очертания Черного и Азовского морей, уточняется их окружность, определяются расстояния между городами, реками, островами и полуостровами, дебатировались вопросы истоков крупнейших рек, впадающих в Понт и Меотиду.

– **Палеогеография побережий Черного моря в их развитии** – одно из важнейших, особенно в последнее время, направлений в изучении античного Понта. Имеются в виду палеогеологические исследования изменений дельт рек, уровня моря, его периодических регрессий и трансгрессий, трансформации озер, проливов, островов и т.д. Без понимания этих трансформаций часто невозможно правильно локализовать и идентифицировать античные города и поселения. Известно, что большая часть некоторых городов, как, например, Фанагории на Таманском полуострове, находится на дне моря, где в настоящее время ведутся подводные раскопки. Кубанский Боспор в устье Кубани, дельта Дуная, устье Риони – вот горячие точки изучения палеогеографии Черноморского региона в последние десятилетия.

– **Локализация племен, народов, населенных пунктов, природных объектов и определение географических границ государственных образований черноморского региона** на протяжении всей античности

и раннего средневековья, включая миграции народов, появление новых и исчезновение старых топонимов и этнонимов также составляют важную часть исторической географии черноморского региона, которой посвящаются многочисленные труды.

– **Морские пути и сухопутные коммуникации вокруг Черного моря** – также предмет исторической географии. Многие исторические события региона остались бы неясными, если бы мы не исследовали местные системы коммуникации, будь то, например, дорожная сеть Таманского полуострова или возможность сухопутного пути вдоль Кавказского побережья от совр. Сочи до совр. Сухума, или от Гераклеи Понтийской до Трапезунта на южном побережье Черного моря. Направления морских путей в Черном море, диктовавшиеся морскими течениями и ветрами, определяли и возможности мореплавания вообще, и направления торговых путей, а в ряде случаев и направление колонизационных потоков.

– **Античная и раннесредневековая литературная традиция и эпиграфика** как источник по исторической географии Черного и Азовского морей и их побережий – особенно важная тема исторической географии. Имеются в виду античные периплы Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна и Мениппа, описывавшие побережья Понта и Меотиды, географические труды Эратосфена, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Арриана, Птолемея, Равеннского Анонима, Иордана и других авторов. История географических открытий, географического освоения бассейна наших морей представляет собой увлекательную страницу изучения Черноморского региона. Важным является исследование трудов каждого из упомянутых авторов, их взаимовлияния, их кругозора и источников и других особенностей. Местная эпиграфика в совокупности с данными археологии также дает много материала о географическом и этнографическом аспектах местной истории.

– **Картографическая традиция** презентации Черноморского региона дополняет данные литературных и эпиграфических источников. Территория Черного моря отразилась на карте из Дура Европос (середина III в. до н.э.), на Певтингеровой карте (первые века н.э.) и на картах, описанных в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (первая половина II в. н.э.). Собственно, других карт от античности практически не дошло, так что в случае с Черным морем мы имеем особенно благоприятную ситуацию. Многочисленные средневековые карты, содержащие изображение Черного моря, возможно, продолжают античные картографические традиции, поэтому также привлекают внимание историков.

Существуют и другие вопросы, связанные с исторической географией региона.

В настоящем томе рассмотрены многие из перечисленных проблем.

Читатель заметит, что на данных античной литературной и картографической традиции о Понте Эвксинском построены статьи практически всех авторов тома. Особое внимание уделяется сочинениям таких важных для нашей проблематики античных писателей, как Гекатей и Скилак (статья И.Е. Сурикова), Эратосфен (статья С. Бьянкетти), Страбон (статья Д. Дуэк), Помпоний Мела (статья К. Гойса), Птолемей (статья М. Манолдакиса), Гай Юлий Солин (статья Е.В. Илюшечкиной), а также Певтингерова карта (статьи Е.В. Вдовченкова, А.В. Подосинова и А. Чошкунa) и карты средневековья, на которых встречаются античные сюжеты (статья А.О. Денисова). Некоторые статьи посвящены топонимам и этнонимам, их происхождению (статьи М.Д. Бухарина и А.А. Завойкина), локализации (статьи А.А. Масленникова, В.Г. Зубарева и С.В. Ярцева, А.Ю. Виноградова) и миграции народов (статья С. Ликкардо). Отдельные работы затрагивают проблемы палеогеографии (статьи А.А. Масленникова). В некоторых работах решаются вопросы большой исторической и теоретической важности, например, о соотношении эмпория и полиса в древнем Причерноморье (статья С.Ю. Сапрыкина), о границах Херсонесского полиса в связи с политическим, военным и этническим положением в этом знаменитом греческом городе (статья А.А. Зедгенидзе), об организации рыбного промысла и рыбороторговли в Черном море вообще и в Боспорском царстве, в частности (статья Т. Беккер-Нильсена). Хочу отметить комплексный характер большинства работ, когда вопросы исторической географии рассматриваются в тесной связи с изучением литературной традиции, археологии и эпиграфики, палеогеографии и климатологии, в диахронии и для конкретного временного отрезка.

Надеюсь, публикуемые работы не только прольют свет на некоторые аспекты исторической географии Черного моря, но и откроют новые перспективы дальнейшей работы над этими проблемами.

Статьи расположены в томе в основном по хронологическому принципу, хотя сделать это было нелегко в виду широкого исследовательского диапазона некоторых работ.

И в заключение хотелось бы отметить широкое международное участие в этом проекте. Я благодарен коллегам из Канады, Германии, Италии, Дании, Австрии и Греции, которые охотно согласились написать работы по исторической географии Черного моря специально для нашего тома, сделав его тем самым интернациональным и интересным для широкого круга интересующихся античной историей черноморского региона.

Особой благодарности заслуживает Елена Литовских, внесшая огромный вклад в подготовку рукописи тома к печати.

Alexander V. Podossinov

PREFACE

In September 2022 the «7th International Congress on the Black Sea antiquities. The Black Sea: hub of peoples and cultures (8th century BC – 5th/6th century AD)» was held in Thessaloniki. It discussed a wide range of issues in connection with history, archeology, numismatics, epigraphy, and religion of the countries bordering upon the Black Sea. Some, very few, papers addressed the problems of historical geography of the Black Sea. However, it seems that the geographical component of research works on the history of the Black Sea in antiquity deserves more attention. Indeed, historical geography of the region includes numerous aspects, which, being observed, significantly enrich our knowledge of historical processes having unfolded here. Here are but some of them.

– **Mythical geography of the Black Sea region.** It is known that originally the Greeks apprehended the Black Sea to be a gulf of the North Ocean open in its northern extremity. Therefore, Ulysses' voyage by Homer and the Argonauts in epic poetry were seen like voyages in the ocean, where they could meet both the Cimmerians (the future inhabitants of the Northern Black Sea coast) and Kirke on the island of Aia (the prototype of the future Colchis of the Black Sea). The linking of epical "ocean" peoples and locations to concrete geographical realities happened while colonizing the Black Sea coast in the 7th and 6th centuries BC. We find the echo of mythological ideas of the Black Sea like the farthest part of the oikumene at its North-East in such tales (after the Pontus's colonization they got a new (pseudo-)historical life) as Prometheus' chaining to a Caucasian rock, arrival of Hercules, his liberator and the forefather of the Scythes of the Northern Black Sea, the transition of Iphigenia, Agamemnon's daughter, from the Greek Aulis to the Crimean Tauris by Goddess Artemis, Achilles' afterlife on the island of Leuke (now Zmeinyj Island), the entrance to Hades near Heraclea Pontica (Hercules led the three-headed Cerberus through it), mythical "Clashing Rocks" (Symplegades, or Planctae), destroying ships at the entrance to the Black Sea from the Bosphorus etc. These are not mere remains of archaic-mythological image of the world. Herodotus knew Hercules as the forefather of the Scythes from local Greeks of the Black Sea; Iphigenia in the image of a Virgin (Parthenos) became the defender and

patroness of the Greek city of Chersonesos; in antiquity Achilles' temple on the island of Leuke was revered and visited by the seafarers sailing by.

– **The history of “the discovery” of the Black Sea by Greeks on the eve of the Great Greek colonization and during it** was based on that transition from mythological knowledge to the concrete opening up of the new territory at the same time keeping “the memory of the mythological past”. Here the most important issues are as follows: the late date of the opening up of the Pontus due to intransigence of the Bosphorus Strait and originally low-powered Greek ships; the Black Sea itself, stormy in comparison with the Aegean Sea, and preventing the navigation; few good harbors at its coast (especially in the south); marshy or rocky reliefs of the coast, preventing from founding colonies or from their developing etc.

– **The dynamics of growing knowledge** of the configuration and sizes of the Black Sea and the Sea of Azov, of the rivers flowing into them, coastal landscapes, of the peoples living at the coasts are also of great interest for researchers. Analyzing data accumulation on the region from Herodotus to Ptolemaeus, we see that the outlines of the Black Sea and the Sea of Azov become still more realistic, their circumference being amplified, distances between cities, rivers, islands and peninsulas being determined, the issues of the sources of the biggest rivers flowing into the Pontus and the Maeotian Lake being debated.

– **The paleogeography of the Black Sea coasts in their development** lately has been one of the most important spheres in the study of the ancient Pontus in terms of palaeogeological researches of the changes of rivers' deltas, the sea's level, its periodical regressions and transgressions, as well as transformations of lakes, straits, islands etc. Ignoring these transformations, the correct localization and identification of ancient cities and settlements is often impossible. It is known that such cities like Phanagoria on the Taman peninsula, for the most part, now lie on the seabed. Currently, underwater excavations are carried out there. In recent decades the Kuban Bosphorus in the Kuban delta, the Danube delta, the Rioni delta have been the hot points of researching paleogeography of the Black Sea region.

– **The localization of tribes, peoples, settlements, natural objects and the determination of geographical borders of state formations of the Black Sea region** through the antiquity and early Middle Ages, including peoples' migrations, the emergence of new toponyms and ethnonyms and the disappearance of the old ones are also an important part of historical paleogeography of the Black Sea region reflected in numerous researches.

– **Maritime routes and land communications around the Black Sea** are also the subjects of historical geography. Many of historical events of the re-

gion would have remained unclear without the study of local communication system, such as the road network of the Taman peninsula or the possibility of the land route along the Caucasian coast from modern Sochi to modern Sukhum or from Heraclea Pontica to Trapezus on the southern coast of the Black Sea. The directions of sea routes in the Black Sea dictated by sea currents and winds determined both the possibilities of the navigation in general and the directions of trade routes, as well as, in a number of cases, the direction of colonization flows.

– **Ancient and early medieval literary tradition and epigraphy** being one of the sources for historical geography of the Black Sea and the Sea of Azov and their coasts is the especially important topic of historical geography. Among them there are ancient periploi by Pseudo-Scylax, Pseudo-Scymnus and Menippus, describing coasts of the Pontus and the Maeotian Lake, geographical works by Eratosthenes, Strabo, Pomponius Mela, Plinius Maior, Arrianus, Ptolemaeus, the Ravenna Cosmography, Jordan and other authors. The history of geographical discoveries and geographical development of our seas' basins is a fascinating page of the investigation of the Black Sea region. It is important to research the works of each of the mentioned authors, their interaction, their range of interests, sources and other features. Local epigraphy in conjunction with archeological data presents a broad information on geographical and ethnographical aspects of the local history.

– **The cartographic tradition** of the Black Sea region's presentation supplements the data of literary and epigraphic sources. The territory of the Black Sea is reflected on the map from Dura-Europos (mid-3d century BC), on Tabula Peutingeriana (early centuries AD) and on the maps described in "Geography" by Claudius Ptolemaeus (the first half of the 2nd century AD). As a matter of fact, these are the only maps that have come down to us from antiquity; so, the situation with the Black Sea is especially favorable to us. Numerous medieval maps with the image of the Black Sea, probably, continue ancient cartographical traditions; therefore, they also attract attention of historians.

There are also other issues connected with the region's historical geography.

This volume discusses a lot of the mentioned issues.

The reader will see that nearly all the articles of this book are based on the data of the ancient literary and cartographic traditions on Pontus Euxinus. Special attention is paid to the works of such ancient writers, important for our theme, like Hecataeus and Scylax (Igor R. Surikov), Eratosthenes (Serena Bianchetti), Strabo (Daniela Dueck), Pomponius Mela (Klaus Geus), Ptolemaeus (Manolis Manoledakis), Gaius Julius Solinus (Ekaterina V. Ilyushechkina), as well as Tabula Peutingeriana (Eugeny V. Vdovchenkov, Alexander

V. Podosinov and Altay Coşkun) and medieval maps with ancient subjects (Andrey O. Denisov). Some articles discuss toponyms and ethnonyms, their origin (Michail D. Bukharin, Alexey A. Zavoikin), localization (Alexander A. Maslennikov, Viktor G. Zubarev and Sergey V. Yartsev, Andrey Yu. Vinogradov) and migration of peoples (Salvatore Liccardo). Some works touch problems of paleogeography (Alexander A. Maslennikov). Some authors discuss very important historical and theoretical issues, such as the correlation of emporium and polis in the ancient Black Sea region (Sergey Yu. Saprykin), boundaries of Chersonesus polis in connection with the political, military and ethnic situation in the famous Greek city (Angelina A. Zedgenidze), the organization of fishing and fish business in the Black Sea in general and in the Bosporan Kingdom in particular (Tønnes Bekker-Nielsen). It is noteworthy that the works are mostly complex examining issues of historical geography in close connection with literary tradition, archeology and epigraphy, paleogeography and climatology, in diachrony and for a concrete time period.

I hope, these works will not only shed light on some aspects of historical geography of the Black Sea, but also will open new prospects for the further work at these issues.

The articles in the volume are arranged chronologically, though this task was not easy due to the wide range of some works.

Last but not least, numerous researchers from all over the world have participated in this project. I am grateful to my colleagues from Canada, Germany, Italy, Denmark, Austria, Greece, and Israel, who readily agreed to write articles on the historical geography of the Black Sea specifically for our volume, just making it international and appealing to a wide range of those interested in the ancient history of the Black Sea region.

Special thanks go to Elena Litovskikh, who made a huge contribution to the preparation of the manuscript for publication.

И.Е. Суриков

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ГЕОГРАФЫ О ПОНТЕ ЭВКСИНСКОМ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Древнейшими греческими географами (VI в. до н.э.) являлись представители архаической ионийской учености Анаксимандр Милетский, Гекатей Милетский и Скилак Кариандский. Философ Анаксимандр составил первую карту, еще очень схематичную; историк Гекатей усовершенствовал эту карту в сторону детализации, а также написал первую периегезу («Описание Земли»); перу мореплавателя Скилака принадлежит первый перипл (хотя на столь раннем этапе развития греческой прозаической литературы жанры периегезы и перипла еще мало отличались друг от друга). В статье рассматриваются сохранившиеся данные этих авторов о Черном море и прилегающим к нему регионам. Правда, во фрагментах Анаксимандра такой информации нет, а во фрагментах Скилака ее довольно мало (в основном о зоне Черноморских проливов); зато она в изобилии имеется во фрагментах Гекатея. Географический трактат этого автора представлял собой практически исчерпывающее описание известных на тот момент земель, включая, естественно, побережья Черного и соединяющегося с ним Азовского морей. Гекатей измерял размеры Черного моря (скорее по карте, чем «в натуре»). Именно ему, похоже, принадлежит знаменитый, столь популярный в античности образ Понта как скифского лука. Интересен вопрос о том, где в черноморском регионе ученый проводил границу между Европой и Азией; в статье приводятся аргументы в пользу того, что для него она шла не по Дону, как позже у Геродота, а по Кубани. При этом территория, которая ныне является Таманским полуостровом (а в античности была островом), Гекатеем причислялась к Азии. В «Описании Земли» содержится первое в нарративной традиции упоминание о Фанагории – одной из самых известных древнегреческих колоний на территории России, впоследствии – втором по значению центре Боспорского царства. Амазонки Гекатея локализует у Фермондонта, а не в Северном Причерноморье, как позже Геродот и Гелланик.

Ключевые слова: география, Анаксимандр, Гекатей, Скилак, карты, периеге-за, перипл, Черное море, Черноморские проливы

География как отдельная, изолированная наука «в своем праве» сформировалась у греков достаточно поздно. Думаем, не преувеличим, если скажем, что профессиональные географы, географы, которых можно

назвать специалистами в конкретной области, в полной мере стали распространённым явлением только с эллинистического времени. Да и эти специалисты не были узкими, наряду с географическими изысканиями они параллельно занимались исследованиями в сфере и других научных дисциплин, особенно часто – математики и астрономии. А если припомнить такую крупномасштабную фигуру, как Эратосфен, которого иногда характеризуют даже как «изобретателя» географии (Bianchetti 2016. P. 132), этот учёный вообще являлся отнюдь не только выдающимся географом-теоретиком, но в полном смысле слова энциклопедистом (о различных сторонах его многогранной сферы интересов см., например: Möller 2005; Molina Marín 2017; Matthaios 2018). Позже, в период уже позднего эллинизма, Страбон начинал как историк (к огромному сожалению, не сохранился его исторический труд, который сам он считал главным в своем наследии; о нем см.: Malinowski 2017), а уже потом вступил на стезю географа, в качестве которого он ныне в первую очередь и известен – вплоть до того, что его часто называют Географом (с прописной буквы), как Гомера – Поэтом.

Так что же говорить о более ранней эпохе – о конце периода архаики, о времени так называемой ионийской географии? К ней констатированное выше обстоятельство, само собой, относится *a fortiori*. Географией (в качестве своеобразного хобби?) занимались люди, которые остались в культурной памяти человечества в иной связи. Часто как о крупном представителе ионийской географии вспоминают о Геродоте (например: Bichler 2016; 2018). Это представляется оправданным в том смысле, что в труде Геродота географической информации чрезвычайно много. Но у уроженца Галикарнасса были на данном поприще предшественники – авторы более ранние, принадлежащие к той же традиции, но притом такие, от которых, увы, мы не имеем полностью дошедших сочинений (но имеем фрагменты, с которыми ведь тоже можно – и нужно! – работать).

Среди этих ученых, во-первых, виднейший философ Анаксимандр Милетский. В сущности, можно сказать, что именно он был и *первым* греческим философом. Правда, в трудах по истории античной философии в качестве такового обычно фигурирует его учитель Фалес, но несколько иначе считали в самой античности: Фалеса относили еще к «мудрецам», а череду философов начинали с Анаксимандра (см.: Diog. Laert. I. 21–22; II. 1). Этот милетянин, как известно, создал первую у эллинов географическую карту (свидетельства см. ниже). Во-вторых, в данной группе перед нами опять же виднейший историк – земляк Анаксимандра Гекатей Милетский¹, усовершенствовавший карту своего предшествен-

¹ Именно с Гекатея, как правило, начинается изложение в общих трудах по истории древнегреческой мысли (например: Lendle 1992).

ника, а также написавший, судя по всему, первую периегезу (в этом абзаце нам, может быть, чрезмерно часто пришлось употреблять числительное «первый», но это было неизбежно). О Гекатее далее будет говориться много и подробно.

Что же касается Анаксимандра, в статье византийского лексикона «Суда», посвященной ему (Anaximand. DK. 12. A2), философу приписано сочинение «Очерк земли» (Γῆς περίοδος), т.е. фактически тоже периегеза, причем хронологически более ранняя по сравнению с той, которая вышла из-под пера Гекатея. Однако это сообщение представляется нам вряд ли соответствующим действительности. Согласно более распространенной и более надежной традиции, Анаксимандр – автор только одного труда – трактата «О природе» (и это, похоже, самое первое у греков сочинение в прозе). Характерно, что среди сохранившихся фрагментов Анаксимандра (они сведены в известном корпусе Г. Дильса и В. Кранца «Фрагменты досократиков») нет ни одного фрагмента географического содержания. Кстати, равно как и исторического содержания, поэтому Анаксимандр не попал во «Фрагменты греческих историков» Ф. Якоби.

Точнее, Анаксимандр Милетский в этом издании присутствует (FGrHist. 9). Но тут перед нами другой Анаксимандр – историк-мифграф (о нем см.: Fowler 2013. P. 630–631), тезка философа (и, скорее всего, его потомок). Его называют Анаксимандром Младшим; он жил и писал в гораздо более позднее время, в первой половине IV в. до н.э. Мы, между прочим, допускаем, что именно он – автор периегезы, которая в «Суде» оказалась ошибочно приписана Анаксимандру Старшему. Путаница могла возникнуть чрезвычайно легко: налицо полное совпадение и имени, и этникона, а кроме того, византийскому лексикографу, естественно, было известно, что философ Анаксимандр интересовался географией, составлял карту, и это тоже могло подтолкнуть автора (или авторов) «Суды» к неверной атрибуции трактата.

В этот же ряд древнейших географов-любителей входит мореплавателю Скилак Кариандский, автор перипла. Этот писатель значительно реже привлекает к себе внимание специалистов, чем два вышеупомянутых (именно поэтому на его фигуре мы задержимся подольше). Если и пишут о перипле Скилака, то, как правило, имеется в виду перипл Псевдо-Скилака (наиболее фундаментальное исследование об этом памятнике: Shipley 2011), созданный кем-то в IV в. до н.э. (судя по всему, с использованием некоторой информации из подлинного перипла Скилака) и, таким образом, не относящийся к самым ранним географическим текстам. Соответственно, нас будет интересовать не он, а те фрагменты, которые сохранились от самого Скилака.

Последний был родом из городка под названием Карианды в Кариии, и, возможно, по этническому происхождению являлся эллинизированным

карийцем (кстати, как и Геродот, у которого и отец, и дядя носили не греческие, а карийские имена). Он состоял на службе у Дария I, и самое раннее свидетельство о нем, принадлежащее Геродоту, гласит (Herod. IV. 44 = Scyl. FGrHist. 709. T3a): «Многое в Азии было открыто Дарием, который, желая знать, где река Инд (она – одна из двух рек во всем мире, где водятся крокодилы) впадает в море, посылает на кораблях людей, в которых был уверен, что они скажут правду, и в их числе, конечно же, Скилака, мужа-кариандца. А они, отправившись из города Каспатира (?)² и пактийской земли, плыли по реке на восток, в сторону восходящего солнца, до моря, а по морю, плывя на запад (διὰ θαλάσσης δὲ πρὸς ἑσπέρην πλέοντες), на тридцатый месяц прибывают в ту страну, откуда царь египтян послал финикийцев, о которых я говорил раньше, чтобы обогнуть Ливию. После того, как было совершено это плавание, Дарий покорил и индийцев и стал пользоваться этим морем. Так и в Азии, кроме областей, простирающихся в сторону солнца, все остальные были открыты, подобно тому, как обстоит дело и с Ливией».

Здесь мы имеем, в сущности, единственный известный биографический факт о Скилаке. Итак, он участвовал в индийском походе Дария, а затем совершил свое знаменитое плавание. Маршрут его, судя по всему, был следующим. Начался он где-то в нижнем течении Инда, судя по тому, что путешественники двигались «по реке на восток, в сторону восходящего солнца»: на любой карте можно увидеть, что направление Инда в основном южное и юго-западное и только в самых низовьях поворачивает на юго-восток. Далее, выйдя в Индийский океан, экспедиция обогнула Аравию и попала в Красное море, дойдя до Египта³.

Покорение Дарием I северо-западной части Индии датируют временем ок. 517 г. до н.э. Значит, примерно тогда же состоялось и плавание Скилака. Или, возможно, несколько позже: судя по тому, что наш автор довольно много рассказывал об Индии, он познакомился со страной, то есть пожил там какое-то время, скорее всего, не слишком малое.

Приведем теперь статью о Скилаке из лексикона «Суда» (Suid. s.v. Σκύλαξ = Scyl. FGrHist. 709. T1): «Скилак. Кариандец (Карианды – это город в Карию, близ Галикарнасса); математик и знаток музыки⁴. [Написал:] “Перипл мест, что за Геракловыми столпами”, “События при Ге-

² Название города испорчено. Речь идет, понятно, о каких-то индийских топонимах.

³ Не знаем, чем объяснить странную ошибку, допущенную недавно таким серьезным специалистом, как Г. Шипли (Shipley 2021. P. 1300). Он утверждает, будто бы экспедиция Скилака плыла по Инду до моря, а потом вернулась обратно в Каспатир. В море, стало быть, не выходила. Но см. вышеприведенное свидетельство Геродота.

⁴ Или искусство в целом. Эта характеристика (как и данная перед ней) применительно к автору периода поздней архаики отдает некоторым анахронизмом.

раклиде, царе милассян⁵», «Очерк земли», «Возражение на “Историю” Полибия»»).

Как нередко бывает в этом позднем лексикографическом памятнике, в статье немало разного рода путаницы. Естественно, Скилак не мог ничего писать о Полибии – выдающемся греческом историке, работавшем во II в. до н.э. Более того, не мог о нем писать даже и Псевдо-Скилак, перипл которого относят, повторим, к IV в. до н.э. Иными словами, здесь перед нами совсем уже грубая ошибка лексикографа.

Прокомментируем остальное. Сочинение «Перипл мест, что за Геракловыми столпами» Якоби связывает с индийским плаванием Скилака (Jacoby 1958. S. 589). Резонный взгляд: Индийский океан и Красное море с точки зрения греков действительно находились за Геракловыми столпами. Заметим, кстати, что трактат с точно таким же названием указывается «Судой» в статье о Хароне Лампсакском, авторе более позднем. Вполне допустимо, что Харон опирался на данные Скилака.

Соответственно, труд Скилака «Очерк земли» (Γῆς περίοδος), с точки зрения Якоби (Ibid. S. 591), являлся, видимо, периплом более традиционного типа, описывавшим побережья «Внутреннего», или «Нашего», моря, – иными словами, средиземноморский бассейн. Причем, скорее всего, вкупе с понтийским: во всяком случае, материал по зоне Черноморских проливов в сохранившихся фрагментах, как мы увидим, имеется.

Еще один упомянутый в статье «Суды» трактат Скилака является по содержанию не географическим, а историческим, но он всё же заслуживает того, чтобы сказать о нем хотя бы несколько слов. Трактат этот назывался «События при Гераклиде, царе милассян». Практически несомненно, что этот Гераклид должен быть отождествлен с карийским военачальником Гераклидом, сыном Ибаноллия, из Милас, которого упоминает Геродот (Herod. V. 121), рассказывая о восстании против персидского владычества в Карию в самом начале V в. до н.э. Таким образом, в данном сочинении Скилака речь шла о событиях первого этапа Греко-персидских войн.

К интересным наблюдениям приводит сопоставление Гекатея и Скилака. Два автора – современники, причем в самом прямом и полном смысле слова: они начали свою литературную деятельность в последней четверти VI в. до н.э., но были еще живы и активны в первом десятилетии следующего столетия. Оба – из малоазийских греков, оба были персидскими подданными. Гекатей, помимо историко-мифологического трактата (название которого передается как «Истории»⁶, «Генеало-

⁵ Милассы (чаще Миласы) – город в Карию.

⁶ Именно так, во множественном числе. Скорее всего, так же называлось и сочинение Ферекида Афинского, работавшего во второй четверти V в. до н.э. Неосновательно мнение (Niko-

гии», «Героология»)⁷, написал географический труд «Описание Земли» (Περὶ γῆς Γῆς), название которого иногда передается как «Очерк Земли» (Περίοδος Γῆς). Практически точно такое же название (Γῆς περίοδος) мы встретили в перечне сочинений Скилака в свидетельстве «Суды». Обычно считается, что Гекатей создал первую периегезу⁸, а Скилак – первый перипл. Но на раннем этапе эти два жанра почти не отличались друг от друга, были настолько тесно взаимосвязаны, что подчас трудно провести между ними разграничительную линию⁹.

Остановимся на этом вопросе чуть подробнее. Различие между двумя вышеназванными жанрами, по большому счету, только в том, что в первом из них описывался тот или иной путь по суше, во втором – по морю. Соответственно, авторов периегез (периегетов) иногда называют «гидами», а авторов периплов – «лоцманами». Такого рода определения, понятно, следует воспринимать только метафорически.

Обычно считается, что в периегезах уделяется большее внимание событиям прошлого, поскольку в них при описании городов и местностей постоянно идет речь о достопримечательностях, о памятниках истории и культуры; в периплах же интерес к прошлому проявляется в существенно меньшей степени, поскольку писались они в первую очередь для мореходов, которым важнее было знать, где лучше причалить, а не где осмотреть пресловутые достопримечательности. Да, если сопоставить, скажем, периегезу Павсания и перипл Арриана, то именно это различие и бросится в глаза. Но всегда ли оно существовало? Далеко не факт, что, если оно и имеет силу применительно к периплам и периегезам гораздо более поздних эпох, чем конец VI в. до н.э., его можно найти при сравнении самых ранних памятников, когда жанры только формировались.

Итак, обычно считается, что авторы периегез движутся по суше, авторы периплов – по морю. И в целом, безусловно, это соответствует действительности. Однако маршрут-то тем не менее в обоих случаях получается довольно-таки схожий! Особенно когда описывается средиземноморский бассейн. Автор идет вначале от Гибралтарского пролива на восток вдоль северного (европейского) побережья, а возвращается в

laidou-Arabatzis 2018. P. 224), будто ранее Геродота существовавшее «история» (ἱστορία, ἱστορίη) вообще не встречается в памятниках древнегреческого языка.

⁷ О Гекатее как историке и мифографе см.: Heidel 1987; West 1991; Armayor 2004; Bertelli 2007; Alganza Roldán 2012. Не утратила значения также посвященная Гекатею глава в книге: Pearson 1975.

⁸ Чрезвычайно богатую информацией, часть которой (имеющую отношение к тематике данной статьи) нам предстоит рассмотреть в дальнейшем. Данные периегезы Гекатея часто используются в исторических исследованиях на самые разнообразные темы (см. хотя бы: Herrmann 1911; Hansen 1987; Brown 2004).

⁹ Об их смежности мы писали, – правда, в связи с иным источником (периплом Псевдо-Скимна) – и в другом месте (Суриков 2020).

конце концов к тому же Гибралтарскому проливу, следуя теперь на запад южным (африканским) побережьем. Взять хотя бы последовательность изложения в периегезе Гекатея¹⁰: Испания – южное побережье Кельтики (Галлии) и Лигурии – западное побережье Италии – Сицилия – южное побережье Италии – Адриатическое море... И так далее. А в завершающей части: Египет – регионы к югу от него – Ливия вплоть до Геракловых столпов. Близость к периплам налицо. Это и не удивительно, учитывая, что эллины, особенно на ранних этапах своей истории, были по понятным причинам больше ориентированы на морские, а не на сухопутные путешествия. «С самого начала греческая география в равной мере представляла собой и *талассографию*» (Janni 2016. Р. 21).

Авторы периегез, правда, не так сильно привязаны к морю, как авторы периплов, они совершают экскурсии в регионы, отдаленные от него. Но и это всё в известной мере условно и относительно. Так, автор известного перипла Псевдо-Скимна (составленного, видимо, во второй половине II в. до н.э.) иногда отклоняется от своего морского маршрута в глубину материка, – в частности, когда повествует о земле кельтов или скифов.

Насколько нам представляется, географические сочинения Гекатея и Скилака не так уж и сильно отличались друг от друга. Правда, от первого дошло огромное количество фрагментов (намного более трех сотен)¹¹, а от второго, к сожалению, очень небольшое. При имеющемся состоянии источниковой базы не может быть решен вопрос о том, кому из этих двух принадлежит хронологический приоритет.

* * *

Итак, именно тех трех авторов, о которых шла речь, следует считать древнейшими греческими географами, и именно к их данным нам теперь надлежит обратиться. Начнем с того, что с именами двух из них – Анаксимандра и Гекатея – традиция связывает, как упоминалось выше, создание географических карт. Приведем соответствующие свидетельства.

Strabo I. 1. 1: «Мы считаем, что это занятие достойное философа – если уж какое-либо другое, то и география... Ведь и первыми дерзнувшими ее коснуться стали люди такого рода: и Гомер, и Анаксимандр Милетский, и Гекатей, его согражданин...». Известно, что для Страбона Гомер – географ номер один. А вот географами номер два и номер три для него оказываются, как видим, именно Анаксимандр и Гекатей. Далее

¹⁰ О которой см. теперь нашу совсем новую статью (Суриков 2021), в которой, подчеркнем, мы рассматривали только средиземноморский материал периегезы и не касались причерноморского, который будет фигурировать в данной работе.

¹¹ Опубликован их перевод, выполненный нами: Гекатей Милетский 2021.

он называет имена и других ученых (Эратосфена, Полибия, Посидония и т.п.), но относящихся уже к гораздо более позднему времени. О карте в данном пассаже ничего не говорится; но вот что читаем у Страбона в другом месте, во многом аналогичном по содержанию.

Strabo I. 1. 11: «А теперь пусть будет достаточно сказанного о том, что Гомер основал географию. Известны и мужи, последовавшие за ним, достойные упоминания и причастные философии; из них Эратосфен называет первыми после Гомера двух – Анаксимандра, являвшегося приятелем и согражданином Фалеса, и Гекатея Милетского: один из них ведь первым-де издал географическую карту, а Гекатей оставил сочинение, свидетельство подлинности которого берется из других его писаний». Тут упомянута только карта Анаксимандра; сообщения же о карте Гекатея имеются у более поздних авторов – Агафемера и схолиаста к Дионисию Периегету. Вот они.

Agathem. I. 1: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались. Ведь Гелланик Лесбосский, муж многосведущий во многих отношениях, просто дал повествование¹²». Schol. Dion. Perieg. p. 428, 7 Muell.: «Кто прежде того изобразил на карте ойкумену? Первым – Анаксимандр, вторым – милетянин Гекатей, третьим – Демокрит, ученик Фалеса¹³, четвертым – Евдокс». В связи с картой Гекатея Ф. Якоби во «Фрагментах греческих историков» приводит также следующие пассажи.

Agathem. I. 1 = Hecat. FGrHist. 1. F36a. «Итак, древние изображали ойкумену круглой, в середине ее располагалась Эллада, а в середине этой последней – Дельфы; ведь там был пуп земли. А Демокрит первым... осознал, что земля продолговата и ее длина в полтора раза больше ширины; с этим согласился и перипатетик Дикеарх. Евдокс же считал, что длина земли вдвое больше ширины; а Эратосфен – что даже более, чем вдвое». Herod. IV. 36 = Hecat. FGrHist. 1. F36b. «А я смеюсь, смотря на тех, кто написал очерки земли – их уже много, и ни один ничего вразумительно не объяснил: они пишут, что Океан течет вокруг земли, которая является круглой, как бы очерченной циркулем, и делают Азию равной по размеру Европе».

Сам Геродот считал, что Европа гораздо больше Азии. Но дело здесь в том, что ранние картографы (в том числе и Гекатей) включали Ливию (Африку) в Азию, а не выделяли ее как особую часть света. Характерно,

¹² По контексту – в отличие от Гекатея, который сопроводил свой труд картой.

¹³ Фалес здесь упомянут явно некстати. Если имеется в виду Демокрит Абдерский (а хронологическая последовательность перечисленных в свидетельстве авторов говорит именно об этом), то он был учеником Левкиппа, а Фалес жил гораздо раньше.

что труд Гекатея состоял из двух книг: «Европа» и «Азия», африканский материал включался во вторую. Вопросы о том, где наш географ проводил границу между Европой и Азией в наиболее проблематичной части – как раз в регионе Понта Эвксинского, – мы еще коснемся ниже.

Строго говоря, в приведенных здесь свидетельствах имя Гекатея не упоминается, однако Якоби все-таки вполне основательно приводит их в связи с этим ученым. Мы бы, со своей стороны, напомнили в той же связи еще одно важное геродотовское сообщение. Вскоре после начала Ионийского восстания 500–493 гг. до н.э. его лидер Аристагор Милетский прибыл послом в Спарту с просьбой о военной помощи¹⁴. «Аристагор, по словам лакедемонян, принес с собой медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также “всякое море и реки”... Аристагор показывал земли на карте, вырезанной на меди, которую он принес с собой» (Herod. V. 49).

Для нас практически несомненно, что Аристагор захватил с собой именно карту Гекатея. Оба они жили и действовали в Милете, являлись влиятельными его гражданами и, соответственно, не могли быть незнакомы. Более того, опять же из Геродота, а также из Диодора известно, что Гекатей играл определенную роль в Ионийском восстании, – во всяком случае, принимал участие в советах лидеров повстанцев (Herod. V. 36; V. 124–125; Diod. X. 25. 4).

Итак, в источниках говорится о том, что Гекатей «усовершенствовал» карту Анаксимандра. В чем же заключалось это усовершенствование? Карта Анаксимандра, насколько можно судить, была предельно простой, чуждой какой-либо детализации. Именно такой представляют ее современные реконструкции¹⁵. Главной целью этой карты было не приводить подробности о странах, народах, городах и т.п., а продемонстрировать некий общий принцип, согласно которому Земля имеет форму плоского диска (точнее, очень невысокого цилиндра), как представлял ее милетский мыслитель. Соответственно, при взгляде сверху она будет выглядеть круглой. «Карта Анаксимандра изображала круглую Землю, симметрично разделенную на два полукруглых континента, отделенных друг от друга водами Средиземного моря... и всё обрамляется кругом Океана» (Munn 2006. P. 186). Иными словами, Анаксимандр подходил к картографированию исключительно как натурфилософ, а дескриптивная география его нимало не интересовала. И характерно, что собственно географических фрагментов от его труда «О природе» не дошло, как отмечалось и выше (и поэтому далее нас Анаксимандр интересовать не будет).

¹⁴ К рассказу Геродота об этом посольстве Аристагора см.: Pelling 2007.

¹⁵ См., например, реконструкцию в: Munn 2006. P. 187.

Совсем другое дело – Гекатей. По колоссальному количеству топонимов и этнонимов, упоминающихся во фрагментах его периегезы, можно судить, насколько подробной, насыщенной, информативной была его карта. В этом и заключалось усовершенствование: «голая идея» Анаксимандра была, так сказать, насыщена плотью и кровью. Карта, несомненно, составляла единое целое с периегезой Гекатея. С одной стороны, можно назвать ее иллюстрацией к периегезе, приложением к ней; но, с другой стороны, можно ведь посмотреть на вещи и под другим углом, воспринимая трактат-периегезу как, в сущности, развернутый комментарий к карте.

К данным Гекатея о понтийском регионе (таковые данные имеются во вполне достаточном количестве) мы обратимся уже вскоре. Но перед этим нам хотелось бы обратиться к тому материалу об этих местностях, которые содержатся у третьего из авторов, фигурирующих в данной статье, – у Скилака Кариандского. Вот этого материала как раз крайне мало (от Скилака и в целом сохранилось, в отличие от Гекатея, очень незначительное количество фрагментов), и его разбор не займет у нас много места. Информация, предоставляемая Скилаком, относится, строго говоря, не к самому Черному морю, сколько к его окрестностям, к таким областям, как Мисия, Вифиния, Троада.

Scyl. FGrHist. 709. F10 = Schol. Apoll. Rhod. I. 1177/1178a (к словам: «В это время достигли герои [Аргонавты. – *И. С.*] страны Кианиды / Возле Арганфонецкой горы и Киосского устья. / Приняли их дружелюбно... мисийцы, / Жители этой земли»): «В описательном смысле о Киосе. Это – город в Мисии, названный в честь Кия, основавшего там колонию милетян, как повествует Аристотель в “Киосской политике”. Населяли же его вначале мисийцы, затем – карийцы, третьими – милетяне. Есть и река, называемая так же и обтекающая город; о ней упоминает Скилак Кариандский».

Этот фрагмент (в нем и в нескольких следующих речь идет о зоне Черноморских проливов) не принадлежит к особенно информативным. В сущности, чего-то принципиально нового мы из него не узнаем. Впрочем, задержимся на данном месте из сохранившихся к Аполлонию Родосскому чуть дальше – в иной связи, безотносительно к Скилаку. Просто не можем об этом не упомянуть.

Речь тут идет о небольшом городе Киосе в Мисии (позже он вошел в состав Вифинии и в эллинистическое время был переименован в Прусиаду). Киос – милетская колония, основанная, по данным других источников, во второй половине VII в. до н.э. (Tsetskhladze, Hargrave 2010. P. 393). И вот, в сохранившихся источниках говорится, что ее ойкистом был некий Кий (собственно, в оригинале имя этого человека полностью совпадает с названием города), в честь которого апоикия была названа.

Что в этом сообщении знаменательного? Традиционно считалось, что практика наименования колоний в честь основателей прижилась у греков достаточно поздно, около середины IV в. до н.э. В свое время известный специалист по греческой колонизации И. Малкин посвятил специальную статью опровержению этого мнения (Malkin 1985). Он считал, что уже в архаическую эпоху можно указать несколько прецедентов подобного же рода.

Впрочем, аргументация этого исследователя выглядела во многом шаткой и уязвимой. Приведенные им примеры были проанализированы нами (Суриков 2012), и мы пришли к выводу, что большинство их являются либо иррелевантными (когда речь идет о *мифических* основателях, как Визант или Тарант, а не о реальных лицах), либо в высшей степени сомнительными (как в случае с афинянином Солоном, в чью честь будто бы был назван кипрский город Сола). Оставались, в сущности, два города на Тамани – Фанагория и Гермонасса, основанные в VI в. до н.э. Эти два уникальных случая, признаться, озадачивали (тем более если учитывать, что речь идет о двух городах, лежащих буквально по соседству друг с другом), и мы в работе, на которую сослались чуть выше, попробовали предложить иную этимологию обоих топонимов, связывающую их не с ойкистами, а возможно, с эпиклезам божеств.

Ныне мы, пожалуй, уже далеко не под всем подписались бы в этой своей статье, да и в целом весь вопрос получил «новое измерение» в связи с тем, что несколько лет назад стала известна весьма ранняя (около 520-х гг. до н.э.) фанагорийская надпись (граффито)¹⁶, в которой ФАНАГР и первоиздатель Н.В. Завойкина, и другие участники дискуссии об этом памятнике (Шелов-Коведяев 2018; Сапрыкин 2019) восстанавливают в сокращенное и искаженное имя Фанагора (спор между ними идет по вопросу о возможном падеже, в котором оно стояло). Последний, таким образом, оказывается в их глазах не кем иным, как тем самым героизированным ойкистом теосской колонии (в надписи, помимо его имени, читаются теонимы). Это вполне допустимо (допустимо, впрочем, и то, что здесь перед нами сокращенное и искаженное название самого города Фанагории, чего, кажется, никто еще не предлагал; также по-прежнему не исключен вариант с эпиклезой Аполлона, тем более что в том же граффито Н.В. Завойкина находит еще одну эпиклезу, и тоже Аполлонову: Ἰῆος), и в любом случае проблема действительно нуждается в самом пристальном осмыслении.

Здесь углубляться в нее не имеет смысла, да это и увело бы нас слишком далеко от основной нити изложения. Вернемся к Киосу, архаической

¹⁶ См. теперь об этой надписи (с замечаниями по истории вопроса) статью ее первоиздателя: Завойкина 2020.

колонии, основанной, повторим, во второй половине VII в. до н.э. В нарративном источнике эксплицитно упомянуто, что город был назван в честь своего основателя, милетянина. Отвергать достоверность этого сообщения нет прямых оснований, тем более что оно дается со ссылкой на такого авторитетнейшего ученого, как Аристотель, да к тому же на его «Киосскую политику» (Arist. fr. 514 Rose, единственный сохранившийся фрагмент из трактата «Киосская политика»). Над циклом «Политий», как известно, работал под руководством Аристотеля весь Ликей, сотрудники которого, следуя традициям этой школы, скрупулезнейшим образом собирали данные. Из этого цикла до нас дошла «Афинская политика», и про нее ответственно можно сказать, что это один из самых ценных и надежных нарративных источников по древнегреческой истории. Следует полагать, что теми же характеристиками отличались и остальные «Политии».

Да и кому (а главное, зачем?) потребовалось бы придумывать информацию о происхождении названия Киоса? Подчеркнем, что здесь перед нами не мифологический персонаж, как, скажем, Визант, которого традиция называла основателем Византия, но при этом помещала в далекую легендарную эпоху, до Троянской войны, в то время как Византий в действительности возник тоже в VII в. до н.э. (подробнее об основании Византия и проблеме его основателя или основателей см.: Russell 2017. P. 205–241; Prandi 2020. P. 17–28). Нет, тут перед нами вполне историческое время: архаический период, пора Великой греческой колонизации, едва ли не самым активным участником которой, как известно, являлся как раз Милет, ставший метрополией для нескольких десятков апоекий. В территориальном отношении милетская колонизационная активность была направлена преимущественно в зону Черноморских проливов, а далее – на побережья Понта Эвксинского.

Одним словом, если бы И. Малкин в своей вышеупомянутой статье привел данный пример с Киосом, он стал бы чрезвычайно весомым аргументом в пользу его гипотезы о том, что уже в период архаики город мог получить имя своего основателя. Настолько весомым, что, собственно, вопрос можно было бы считать практически решенным положительно. К сожалению, исследователь упустил из виду этот аргумент, который мог бы очень ему помочь.

Но вернемся к фрагментам Скилака. Scyl. FGrHist. 709. F11 = Strabo XII. 4. 8, p. 566: «А о том, что Вифиния населена мисийцами, прежде всего свидетельствует Скилак Кариандский, говоря, что вокруг Асканийского озера живут фригийцы и мисийцы, а после него – Дионисий, со-

ставивший “Основания”¹⁷ ... и Евфорион¹⁸ ... и Александр Этолийский¹⁹ подтверждают то же самое, поскольку нельзя найти никакого другого Асканийского озера, кроме тамошнего». Здесь мы по-прежнему остаемся в том же регионе, в пределах Мисии и Вифинии.

К зоне Черноморских проливов относится и следующий фрагмент. Это важный пассаж из Страбона, в котором говорится о границах Троады, как они понимаются разными авторами. Он представляет собой интерес применительно к взглядам не только Скилака, но и некоторых других ранних ученых, писавших по географическим сюжетам (Харона Лампсакского, Дамаста Сигейского²⁰), и обязательно должен быть приведен полностью.

Scyl. FGrHist. 709. F12 = Char. FGrHist. 262 F13 = Damast. FGrHist. F9 = Strabo XIII. 1. 4, p. 582–583: «Однако, поскольку эолийцы рассеялись по всей стране, которую, как мы говорили, поэт (Гомер. – И. С.) называет троянской, из тех, кто жил позже, одни именуют Эолидой ее всю, а другие – ее часть, и Троей – одни всю ее, а другие – часть, совершенно ни в чем не соглашаясь друг с другом. Ведь Гомер указывает начало Троады прямо у мест по Пропонтиде, от Эсеп²¹; а Евдокс²² – от Приапа и Артаки, местечка на острове кизикийцев, обращенного к Приапу, изменяя ее границы²³ в меньшую сторону. Дамаст же еще сильнее сокращает ее, начиная от Пария; и, опять же, он продолжает ее до Лекта, а у других – иначе. Харон Лампсакский отнимает еще триста стадиев, начиная Троаду от Практия (ведь именно такое расстояние от Пария до Практия), а продлевает до Адрамиттия. А Скилак Кариандский начинает ее от Абидоса; подобным же образом Эфор²⁴ говорит, что Эолида простирается от Абидоса до Кимы, а у других – иначе».

Перед нами свидетельство кипевших в древнегреческой литературе с достаточно раннего времени острых споров историко-географического характера. Порождены они, в частности, тем, что в архаическую эпоху имели место колонизация и освоение Троады греками Эолиды. Поскольку два этих региона, находясь рядом, соприкасались до того тесно, что

¹⁷ Было несколько античных географов, носивших очень распространенное имя «Дионисий». Здесь с наибольшей вероятностью имеется в виду Дионисий Халкидский (IV в. до н.э.), написавший сочинение об основании городов.

¹⁸ Евфорион Халкидский, эпический поэт III в. до н.э.

¹⁹ Поэт (лирик и драматург) рубежа эпох классики и эллинизма.

²⁰ Харон и Дамаст были прежде всего историками, но интересовались и географией. Они, впрочем, писали уже в V в. до н.э. и поэтому не могут быть отнесены к самому первому поколению греческих географов.

²¹ Название реки. В дальнейшем изложении фигурируют различные троядские топонимы.

²² Евдокс Книдский, разносторонний ученый IV в. до н.э.

²³ «Границы» – поправка издателей; в тексте Страбона ошибочное «горы».

²⁴ Эфор из Кимы – один из крупнейших историков IV в. до н.э., представитель риторической историографии.

могли с какого-то момента начать восприниматься как единое целое, в действительности таковым не являясь, закономерно стал актуальным вопрос об их разграничении (как неоднократно отмечалось, в пространственных представлениях категория границы – одна из ключевых, если не самая ключевая).

Где тот или иной автор видел границы Троады и Эолиды (почему, скажем, Дамаст видел их так, а Харон – иначе, а Скилак – еще иначе) – это, несомненно, зависело от каких-то злободневных факторов, действовавших в их время, в частности, от политического соперничества полисов. Детали этого соперничества от нас теперь уже ускользают. Впрочем, бросается в глаза, что исходным звеном «цепочки мнений» предстает здесь «Илиада» Гомера, в которой, кстати, Троада имеет наибольшую величину, а последующие авторы ее уменьшают. Здесь перед нами, между прочим, аналогия с тем, как Гомер воспринимал соседний с Троадой Геллеспонт. Для него это не только нынешний Дарданелльский пролив (как Геллеспонт понимали в более позднее время), но также и акватории, прилегавшие к нему как с юго-запада (северо-восточная часть Эгейского моря), так и с северо-востока (Пропонтида – полностью или частично, иногда даже Боспор Фракийский)²⁵.

Наконец, еще один фрагмент Скилака, сохраненный весьма поздним писателем – византийским императором Константин VII Багрянородным (X в.) – в трактате «О фемах» (фемами назывались, как известно, единицы административного деления в тогдашней Византийской империи).

Scyl. FGrHist. 709. F13 = Const. Porph. De them. I. 2: «Фема, называемая Армениаком, имеет не собственное имя, и название ее не является древним... Ведь ни Страбон не упоминает о таком названии... ни Менипп²⁶, записавший расстояния во всем населенном мире, ни Скилак Кариандский, конечно, ни Павсаний²⁷ и никто другой из авторов исторических сочинений». Фема Армениак была создана в VII в., включала территории Понта, Малой Армении и Северной Каппадокии. Совершенно не удивительно, что у античных авторов не упоминается фема, созданная (и получившая название) в послеантичное время. Здесь перед нами, если так можно выразиться, «отрицательное свидетельство», сообщающее о том, чего Скилак (ожидаемо) *не* говорил. Из него можно сделать только тот вывод, что Константин Багрянородный был знаком с периплом Скилака. Впрочем, нет, – даже и такого вывода сделать нельзя. Ибо император вполне мог читать на самом деле перипл Псевдо-Скилака и говорить здесь именно о нем. Даже скорее всего, что именно так обстоит дело,

²⁵ В связи с пониманием Геллеспонта Гомером, а также с проблемами эолийской (и ионийской) колонизации этого региона сошлемся на свою большую статью: Суриков 2013.

²⁶ Менипп Пергамский, географ I в. до н.э.

²⁷ Видимо, имеется в виду известный переиет II в. н.э.

ибо перипл Псевдо-Скилака с определенного момента имел хождение в качестве «перипла Скилака».

* * *

А теперь перейдем, наконец, к релевантным фрагментам Гекатея Милетского. Приводить и рассматривать их мы будем не в том порядке, в каком они даны у Якоби, а руководствуясь определенной внутренней логикой изложения. Предварительно оговорим, что географический трактат милетянина представлял собой практически исчерпывающую периегезу известных на тот момент земель, включая, естественно, побережья Черного и соединяющегося с ним Азовского морей.

Касательно последнего приведем, например, такую цитату из Руфа Феста Авиена – римского географа IV в. н.э., из его ученой поэмы «Морские берега», сохранившейся фрагментарно (Avien. Or. mar. 32 sqq. = Hecat. FGrHist. 1. T23):

Спросил ты, если помнишь: Меотийского
Где положенье моря²⁸? У Саллюстия,
Как я узнал...
... есть моря описание,
И знаменитое²⁹ ...
...Много почерпнули мы,
Связав, из разных мест. И был средь авторов,
Конечно, Гекатей Милетский – самый тот;
Гелланик был Лесбосский...

Из сказанного здесь вытекает, что у Гекатея содержалась, в числе прочего, и информация о Меотиде. Что же касается Черного моря, характерен следующий пассаж (источник, из которого взята цитата, – «Гомеровские эпимеризмы», анонимный византийский грамматический трактат, видимо, IX в.; эпимеризм – разбор слова по составу):

Hecat. FGrHist. 1. F196 = Epimer. Nom. Gram. An. Ox. I. 287, 28: ««Измерено» (μετρέαται)³⁰: это по-ионийски. Ведь как вместо “обдуманы” – “обдуманно” и вместо “сохранены” – “сохранено”, так же вме-

²⁸ Т.е. Азовского моря.

²⁹ Если таковое и было у Саллюстия, одного из лучших римских историков (I в. до н.э.), мы его не имеем. Оно могло, например, содержаться в Саллюстиевой «Истории», в связи с Митридатовыми делами.

³⁰ В этом фрагменте мы пытаемся посылно передать неперебиваемую игру слов, имеющую место в греческом оригинале. Речь идет о том, что в ионийском диалекте *μετρέαται* вместо аттического *μετρέονται* (аналогично и с окончаниями в далее приводимых примерах), что на первый взгляд может создать иллюзию формы третьего лица единственного числа, а не множественного.

сто “измерены” (μεμέτρηται) – “измерено” (μεμετρέαται) у Гекатея...³¹: “Итак, мной измерено следующим образом Боспор, Понт, а также Геллеспонт (ὁ μὲν οὖν Βόσπορος καὶ ὁ Πόντος οὕτω καὶ ὁ Ἑλλήσποντος κατὰ ταῦτά μοι μεμετρέαται)”. И у Гиппонакта... “подвинуто”; и Анакреонт... “отрублено”; и “наброшено”».

Здесь перед нами дословная цитата из Гекатея, причем с диалектальной ионийской особенностью (фрагменты, содержащие дословные цитаты, а не пересказ, по понятным причинам являются наиболее ценными, но они, увы, редки), в которой появляется важное понятие измерения пространств (в данном случае водных). Кстати, эта фраза имеет большое (хотя не дословное) сходство с одним местом у Геродота (Herod. IV. 86), что заставляет задуматься. Если не считать, что здесь под видом цитаты из Гекатея дана геродотовская (а это маловероятно, поскольку, повторим, полного текстового совпадения нет), то, получается, Геродот заимствовал данные об измерениях названных водных бассейнов у Гекатея?

Как мы указываем в другом месте (Суриков 2011. С. 288–290), сам Геродот, вопреки тому, что он утверждает, лично не измерял и не мог измерять длину, во всяком случае, Черного моря в западно-восточном направлении, поскольку никогда не совершал сквозного плавания по его «длинной» стороне – ни по южной, ни по северной. Но если он опирался на Гекатея, то резонно поставить вопрос: а измерял ли Понт милетянин, и если да – то как?

Здесь, правда, перед нами возникает проблема, порождаемая тем, что, если о путешествиях Геродота, о том, где он бывал в течение жизни, мы осведомлены достаточно детально³², то о соответствующем аспекте деятельности Гекатея сведений почти нет. Строго говоря, доподлинно мы знаем только о посещении им Египта. Разумеется, Гекатей уж точно не был домоседом. Всё говорит о нем как о типичном представителе ионийской интеллектуальной элиты, а этот слой вообще отличался чрезвычайно большой мобильностью. Гекатея отличали широта кругозора и большая эрудиция – эти качества, скорее всего, были им приобретены в ходе многочисленных странствий по миру. Неслучайно Агафемер в процитированном выше свидетельстве (Agathem. I. 1) характеризует милетского географа так – «муж, много путешествовавший». Ф. Якоби считает (Jacoby 1912. Sp. 106), что в этом пассаже сознательно противопоставлены друг другу Гекатей как ἀνὴρ πολυπλανής и живший позже Гелланик Лесбосский как ἀνὴρ πολυίστωρ. Последний предстает перед нами как своего рода «кабинетный ученый», в отличие от «вечного странника» Гекатея.

³¹ Перед идущей далее цитатой из Гекатея Якоби предполагает лауну.

³² См. посвященную этому вопросу книгу: Lister 1979.

Но одно дело странствовать, в т.ч. и с познавательными целями, а другое дело – заниматься в пути измерением расстояний; одно не предполагает другого с неизбежностью. Нам представляется более правомерным несколько иное решение проблемы, заключающееся в том, что Гекатей провел измерения, о которых здесь идет речь, не «в натуре», а по карте – по своей знаменитой карте, создание которой является одной из главных его заслуг. Для работы же над картой ее составителю, естественно, вовсе не требуется лично побывать во всех тех местах, которые на ней отображены. Тем более что свою карту Гекатей создавал не «с нуля»: он, как мы видели выше, усовершенствовал предыдущую, принадлежащую Анаксимандру Милетскому.

Приведем еще один небезынтересный фрагмент Гекатея о Черном море. Его источник – Аммиан Марцеллин, известнейший позднеантичный историк (вторая половина IV в. н.э.); будучи греком, свой труд *Res gestae* (по-русски обычно издается как «Римская история») написал на латинском языке.

Hecat. FGrHist. 1. F197 = Ammian. Marcell. XXII. 8. 9–13: «Таким образом разделяясь и заканчиваясь соединением двух морей, теперь уже оно³³, становясь более спокойным, простирается подлинно морским простором, раскинувшись широко и далеко, доколе только достигает взгляд. Прибрежное плавание же по всему нему³⁴ – как если бы огибать остров – имеет протяженность в двадцать три тысячи стадиев, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птоломей³⁵ и другие скрупулезнейшие исследователи дел этого рода; образ моря, согласно всей географии³⁶, уподобляется скифскому луку с натянутой тетивой (*speciem Scythici arcus, nervo coagmentati, geographiae totius adsensione formatur*)... А оконечности лука с обеих сторон образуют два узких Боспора, противоположных друг другу, – Фракийский и Киммерийский».

Здесь перед нами появляется знаменитый, столь популярный в античности образ Черного моря как скифского лука. Кем он, кстати, был впервые придуман? Думаем, на роль изобретателя столь запоминающейся метафоры может с наибольшим основанием претендовать именно Гекатей. В вышеприведенном пассаже фигурируют три имени, но два остальных – Эратосфен и Клавдий Птоломей – принадлежат авторам, заведомо намного более поздним, нежели милетянин.

Коснемся теперь вопроса о том, где в районе Понта Эвксинского Гекатей проводил границу между Европой и Азией. Для более западных

³³ Якоби здесь поясняет в скобках: “*sc. mare Aegaeum*”. Но, строго говоря, речь здесь идет о «стыке» Эгейского и Черного морей.

³⁴ А вот тут уже речь идет собственно о Черном море.

³⁵ Так у Аммиана Марцеллина. Речь идет, естественно, о Клавдии Птолемеи.

³⁶ Т.е. согласно всем представителям географической науки.

регионов направление этой линии вполне ясно: через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Эгейское море, Черноморские проливы. Потом сам Понт, а дальше?

Этому интересному вопросу недавно посвятила специальную статью В.Т. Мусбахова (2014). В ней проблема трактуется в контексте эволюции общегреческих взглядов на локализацию этой границы. Не со всеми положениями автора мы можем вполне согласиться, но тем не менее теперь дальнейшие научные разработки по проблеме должны учитывать и эту работу.

Говоря в максимально обобщенном виде, ситуация, судя по всему, развивалась так. Изначально греки предполагали, что на крайнем востоке две части света разделяет река Фасис (Риони), вытекающая из Океана и впадающая в Черное море; именно такие представления отразились в мифе об аргонавтах. В частности, как раз Гекатей, передавая легенду об их плавании, пишет, что на возвратном пути аргонавты «из Фасиса прошли в Океан, затем оттуда в Нил, а из него в наше море (т.е. Средиземное море. – *И. С.*)» (Hecat. FGrHist. 1. F18; ср. F302)³⁷.

Затем эта роль перешла к Гипанису (Кубани) и, наконец, к Танаису (Дону), за которым и закрепилась. Правда, В.Т. Мусбахова считает, что в раннюю эпоху Фасисом называлась та река, которая потом стала Гипанисом, т.е. Кубань, и только позднее топоним Фасис был перенесен на Риони. Но эта гипотеза влечет за собой ряд далеко идущих допущений, которые трудно согласовать с наличными фактами. В частности, поскольку Фасис в мифологии тесно связан с царством Ээта, то само это царство приходится локализовать «в бассейне Кубани» (Мусбахова 2014. С. 93). Это ровно ни из чего не следует. Царство Ээта помещалось все-таки в Колхиде, то есть к югу от Кавказского хребта, а не к северу от него. Либо надо искать (и вряд ли такой поиск увенчается успехом) каких-то доказательств в пользу того, что греки когда-либо понимали под Колхидой не Восточную Грузию, а некий иной регион.

Другое дело, что саму Колхиду могли иногда именовать «Скифией», то есть относить этот регион к Скифии (в широком смысле слова). Так, в одном из фрагментов Гекатея (в том виде, как он передается в схолиях к Аполлонию Родосскому), повествующем о бегстве Фрикса на златорунном баране к царю Ээту, говорится, что баран унес героя «в Скифию» (εἰς τὴν Σκυθίαν)» (Hecat. FGrHist. 1. F17 = Schol. Apoll. Rhod. I. 256). Видимо, схолиаст (но вряд ли сам Гекатей) воспринимал Колхиду именно как часть Скифии.

Впрочем, в конце концов данный нюанс для нас не столь уж принци-

³⁷ Это – архаическая географическая концепция, исследованию которой посвятил ряд работ А.В. Подосинов (итоговая из них – Подосинов 2015).

пиален: речь в статье идет не о Колхиде. Важнее другое: какая река во времена Гекатея (и, соответственно, им самим) принималась за границу между Европой и Азией? Дон или еще Кубань (ясно, что в любом случае уже не Риони)? Ко времени творчества Геродота вопрос был окончательно решен в пользу Дона, а вот о том, что это случилось уже при Гекатее, нельзя утверждать со всей категоричностью; неслучайно и В.Т. Мусбахова в данной связи выражается достаточно осторожно³⁸.

Вероятно, лучшим способом внести хотя бы какую-то определенность будет рассмотрение сохранившихся фрагментов, содержащих информацию по этой тематике. Одним из самых характерных (но и самых проблематичных, маловразумительных) среди них является следующий, не содержащий прямой цитаты из Гекатея (более того, имеющий стихотворную форму, в то время как Гекатей писал, естественно, прозой) и даже непонятно, к нему ли восходящий (Hecat. FGrHist. 1. F195 = Anon. Periopl. Pont. Eux. 49):

Там от меотов³⁹ имя получившее
Лежит затем болото Меотийское.
В него же Танаис
Течет; начало от реки Аракса⁴⁰ он
Берет, как эретриец⁴¹ Гекатей писал,

³⁸ «Сохранившиеся фрагменты “Землеописания”, хотя и не дают абсолютно ясной картины, свидетельствуют в основном (курсив наш. – И. С.) в пользу Танаиса как границы материков...» (Мусбахова 2014. С. 83). Кстати, совершенно не обязательно напрямую увязывать (как это делает В.Т. Мусбахова) данный вопрос с вопросом о том, считал ли Гекатей Каспийское море заливом Внешнего Океана.

³⁹ Меотами называли обширный и, судя по всему, неоднородный конгломерат племен, обитавших в регионах к югу и востоку от Азовского моря и со временем в основном покоренных правителями Боспора (последние в своей титулатуре с определенного момента именуется царями всех меотов, например: КБН 1015, 1039, 1040). Насколько можно судить, например, по данным топонимики (часто фигурирует звуко сочетание *nc*, особенно в гидронимах), в языковом отношении меоты по большей части принадлежали к кавказской группе. Особой проблемой является этническая принадлежность синдов, которых то включают, то не включают в число меотов. Высказывались версии вплоть даже до такой, согласно которой синды – осколок древних индоариев.

⁴⁰ Название «Аракс» в древности применялось к нескольким рекам Азии. Ясно, что здесь имеется в виду не та река, которая и поныне называется Араксом; это – приток Куры, текущий на восток, в сторону, противоположную Дону. Значительно вероятнее, что речь идет о том Араксе, который называли также Оксом, т.е. о нынешней Амударье. В рассматриваемом пассаже как-то отразились представления, относящиеся к палеогеографической ситуации эпохи Геродота, когда уровень Каспийского моря (и, соответственно, его размеры) стоял на очень низкой отметке. Но налицо также и путаница. Так, ниже упоминается об озере, но ни Дон, ни какой-либо из его важнейших притоков не вытекает из крупного озера.

⁴¹ Испорченное место. Возможно, следует предпочесть эмendaцию, принимаемую Диллером и Маркоттом – «теосец». Речь, очевидно, идет о Гекатее Абдерском, а Абдеры являлись колонией Теоса. Гекатей Абдерский писал на рубеже IV–III вв. до н.э. Впрочем, действительно существовал и менее известный автор Гекатей Эретрийский, работавший примерно в то же время. Якоби

А по Эфору – он течет из озера,
Чей край неведом. И имеет Танаис
Два устья⁴²: выход к Меотиде – первое,
Второе же – к Боспору Киммерийскому.

Источник фрагмента – т.н. перипл Псевдо-Арриана, в действительности составленный кем-то в позднеантичное или ранневизантийское время⁴³. Здесь этим неизвестным автором цитируется отрывок из той части стихотворного перипла Псевдо-Скимна, которая сохранилась только фрагментарно (Ps.-Scymn. 865–873 Müller). Отнесение данного пассажа к «Азии» (как первоначально сделал Якоби), а не к «Европе» Гекатея представляется нам проблематичным (да и издатели труда Псевдо-Скимна обычно относят его к главе «Европа» его перипла); кажется, и сам Якоби не был в нем вполне уверен. Более того, он был не уверен (да и многие не уверены) даже в том, что в качестве источника здесь фигурирует именно Гекатей-милетянин, а не более поздний автор того же имени (см. выше примеч. 41). Одним словом, лучше на основании столь сомнительного фрагмента ответственных выводов не делать.

Однако есть несколько фрагментов, которые, с одной стороны, надежно атрибутируются Гекатею Милетскому (а не Абдерскому), а с другой – позволяют, кажется, внести несколько большую ясность. Приведем и их. Hecat. FGrHist. 1. F191 = Steph. Byz. s.v. Δανδάριοι: «Дандарии. Племя близ Кавказа, как пишет Гекатей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F192 = Steph. Byz. s.v. Τιλάνισσαι: «Типаниссы (этноним в рукописях испорчен. – И. С.). Племя у Кавказа. Гекатей в “Европе”».

Как нам представляется, из этих пассажей довольно ответственно можно делать вывод о том, что Танаис для Гекатея – не граница Европы и Азии. Ведь речь здесь идет о племенах, живших южнее Дона, в Прикубанье (в частности, дандарии относились к меотской группе), а в то же время они появляются в гекатеевой «Европе», а не в «Азии». Кстати, дандарии, которые упоминаются в первом из только что процитированных фрагментов, фигурируют, как известно из многих надписей, в титулатуре

в первом издании первого тома FGrHist включил данный пассаж в число фрагментов Гекатея Милетского. Однако впоследствии он изменил свое мнение в пользу авторства Гекатея Абдерского, что и оговорил в addenda, включавшихся им в дальнейшие переиздания тома: “F195 ist zu streichen: die Beziehung auf den Abderiten scheint sicher” (Jacoby 1995, *4). Ссылаемся на последнее по времени переиздание данного тома; цифрами со звездочкой пронумерованы страницы addenda (этот раздел в томе имеет отдельную пагинацию).

⁴² Свидетельство о «двух устьях» Дона – тоже несомненное недоразумение. Возможно, за второе устье был принят какой-то из рукавов Кубани.

⁴³ М.В. Агбунов признает за этим памятником арриановское авторство (например: Агбунов 1992. С. 209), но здесь его мнение стоит особняком.

правителей Боспора первой половины IV в. до н.э. как племя, подвластное им. Поэтому их имя на слуху у всех специалистов по боспорской истории. Однако обратим внимание, сообщение Гекатея имеет хронологический приоритет по отношению ко всем этим эпиграфическим памятникам. Оно, кажется, является вообще самым первым сохранившимся свидетельством о дандариях.

С другой стороны, та территория, которая ныне является Таманским полуостровом, Гекатеем причислялась уже к Азии. Об этом свидетельствуют два фрагмента. *Hecatei. FGrHist. 1. F211 = Steph. Byz. s.v. Ἀλάτουρον*: «Апатур. Святилище Афродиты в Фанагории, Страбон в 11-й книге... А Гекатей знает залив Апатур в Азии». *Hecatei. FGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια*: «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (название склоняется по среднему роду)»⁴⁴.

Таким образом, выбор, судя по всему, следует делать в пользу Гипаниса-Кубани как границы Европы и Азии для Гекатея. Правда, и здесь необходимы некоторые оговорки. Дельта Кубани на протяжении веков сильно меняла свой вид и характер. Так, ныне наиболее полноводным из кубанских гирл является самое северное (т.н. Протока), а самое южное (т.н. Старая Кубань) совсем обмелело. В античности же локальные условия были совершенно иными и, помимо прочего, на месте Таманского полуострова находился большой остров⁴⁵, который, как видим, Гекатеем воспринимался как тяготеющий все-таки к Азии. Похоже, этот самый остров у историка и назван «островом Фанагорой».

Итак, именно в «Описании Земли» Гекатея содержалось самое раннее упоминание о Фанагории – одной из самых известных древнегреческих колоний на территории России, впоследствии – втором по значению центре Боспорского царства. И сделано это упоминание было тогда, когда с момента основания города прошло совсем немного времени. К огромному сожалению, во фрагменте F212 ничего не говорится о том, кто был Фанагор, в честь которого получила свое название Фанагория. Как упоминалось выше, мы некоторое время назад (Суриков 2012) высказали мысль, что Гекатей имел в виду не реальное лицо, ойкиста колонии, а эпиклезу божества. Весьма вероятно, что в его трактате содержалось разъяснение

⁴⁴ Причем во множественном числе. Этот фрагмент ввиду его важности стоит привести и в оригинале: *Φαναγόρεια· πόλις ἀπὸ Φαναγόρων, ὡς Ἐκαταῖος Ἀσία· ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια· ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια οὐδετέρως.*

⁴⁵ Именно большой остров, омывавшийся двумя проливами – Боспором Киммерийским (существующим и поныне Керченским проливом) и вторым, располагавшимся восточнее и впоследствии исчезнувшим, а не архипелаг, как считали до относительно недавнего времени. Этот тезис особенно активно отстаивается группой Д.В. Журавлева и У. Шлотцауера. Из многочисленных публикаций по теме см., например: Журавлев, Шлотцауер, Камелина, Кельтербаум. 2010 Журавлев, Шлотцауер 2011; Kelterbaum, Brückner, Porotov, Schlotzhauer, Zhuravlev 2011.

этого вопроса. Но, увы, Стефан Византийский⁴⁶ (а очень многие фрагменты «Описания Земли» извлекаются именно из его лексикона «Этника»), epitomizing свои источники, часто делал это весьма небрежно, выписывая только то, что интересовало лично его, – названия городов и племен, а всё остальное отбрасывая.

Еще один фрагмент, имеющий отношение к местностям близ Боспора Киммерийского, тоже взят из труда Стефана. *Hecat. FGrHist. 1. F216 = Steph. Byz. s.v. Ἰξίβαται*: «Иксибаты. Племя у Понта, близкое к Синдике⁴⁷. Гекатей в “Азии”». Таким образом, Гекатей упоминал и Синдику – одну из важных частей боспорского региона.

С другой стороны, является спорным вопрос, к милетскому ли историку восходит свидетельство о городе Киммериде, которое будет приведено далее. Страбон пишет об Аполлодоре Афинском, выдающемся ученом II в. до н.э.⁴⁸, критикуя его за чрезмерную доверчивость: «...он (Аполлодор. – И. С.) переходит к историкам, которые говорят о Рипейских горах⁴⁹, и об Огийской горе⁵⁰, и о жилище Горгон и Гесперид; а у Феопомпа – земля Меровида⁵¹, у Гекатея же – город Киммериды, у Евгемера⁵² же – земля Панхея...» (*Strabo VII. 3. 6 = Hecat. FGrHist. 1. T13*). В любом случае здесь перед нами важное сообщение о вполне реальном городе Киммериде (тоже находившемся в боспорском регионе), которое Аполлодор и за ним Страбон ошибочно поставили в ряд легендарных квазифактов, перечисляющихся в процитированной фразе.

Ф. Якоби вначале считал данное сообщение принадлежащим Гекатею Милетскому, но потом, как и в случае с фрагментом F195, изменил свою точку зрения в пользу Гекатея Абдерского, правда, в этом случае не столь категорично, как в том, а скорее предположительно: “Doch eher der Abderite” (*Jacoby 1995, *1*). Так же считает крупнейший отечественный специалист по географическим знаниям в античности А.В. Подосинов (2012). Нам, впрочем, представляется, что данную точку зрения не обязательно принимать. Что, собственно, препятствует признать наличие упоминания о Киммериде в «Описании Земли» Гекатея Милетского (причем это совершенно не исключает того, что о том же городе мог писать и Гекатей Абдерский)? Ведь, как отмечалось выше, периегега милетянина отличалась, судя по всему, скрупулезно-исчерпывающим характером.

⁴⁶ Об этом авторе см. недавнюю монографию: *Billerbeck, Neumann-Hartmann 2021*.

⁴⁷ Поправка издателей. У Стефана – явно ошибочное «Индике».

⁴⁸ О его главном сочинении – «Хронике» – есть классический труд: *Jacoby 1902*. Теперь см. также: *Bravo 2009; Fleischer 2020*.

⁴⁹ Чаше всего отождествляются с Уралом.

⁵⁰ Какой-то мифологический топоним.

⁵¹ Мифический материк, придуманный Феопомпом Хиосским, видным историком IV в. до н.э. (см. *Aelian. Var. hist. III. 18*).

⁵² Знаменитый эллинистический утопист, придумавший Панхею.

Коснемся также и остальных фрагментов Гекатея, имеющих отношение к Понту Эвксинскому и его окрестностям. Начнем именно с окрестностей, так сказать, с подходов к нему, т.е. с региона Черноморских проливов. Это будет и логично, поскольку именно таков маршрут в «Описании Земли». Рассказав об Эгейском море, автор обращается к Геллеспонту.

Hecat. FGrHist. 1. F139 = Steph. Byz. s.v. Τένεδος: «Тенедос. Остров из числа Спорад, как говорит Гекатей, в Геллеспонте. Назван в честь Тенна и Амфифеи (или Гемифеи), детей Кикна⁵³, – как бы “Теннуедос”. Назывался же ранее Левкофрией». Строго говоря, Тенедос располагается близ входа в Геллеспонт (Дарданелльский пролив), в северо-восточной части Эгейского моря. Но ранее мы говорили о том, что существовало и расширительное понимание Геллеспонта; видимо, как раз оно тут и используется.

Пожалуй, имеет смысл остановиться на вопросе чуть подробнее. Уже у Гомера намечаются и подчеркиваются некоторые базовые характеристики Геллеспонта, представлявшиеся, видимо, наиболее важными. Его упоминания в «Илиаде» часто сопровождаются набором определенных эпитетов и в совокупности с ними порождают устойчивые формулы, употреблением которых, как известно, вообще отличается эпический стиль. Одна из таких формул особенно известна – в переводе Гнедича «Геллеспонт бурнотечный» (греч. ἀγάρροος, буквально «чрезмерно сильно текущий», от ἄγαν и ῥέω; см. Ном. II. II. 845; XII. 30). Среди других подобных эпитетов – πλατύς «широкий» (Ном. II. VII. 86; XVII. 432), ἀπείρων «бесконечный» (Ном. II. XXIV. 545), ἰχθυόεις «обильный рыбой» (Ном. II. IX. 360).

Если такие характеристики, как «бурнотечный» и «обильный рыбой» вполне ясны, то определение достаточно узкого Геллеспонта (его обычная ширина – 5–6 км) как «широкого» и «бесконечного» может вызвать некоторое удивление. Но дело в том, что уже в «Илиаде» прослеживается тенденция, получающая дальнейшее развитие в нарративных памятниках последующих эпох, параллельно пользоваться понятием «Геллеспонт» в узком и широком смысле. В первом случае понимался собственно пролив, на современных картах обозначаемый как Дарданеллы, во втором же – не только он сам, но также акватории, прилегавшие к нему как с юго-запада (северо-восточная часть Эгейского моря), так и с северо-востока (Пропонтида – полностью или частично, иногда даже Боспор Фракийский).

⁵³ Кикн («Лебедь») – местный мифологический герой.

Ясно, что в тех случаях, когда Геллеспонт характеризуется Гомером как «бурнотечный», имеется в виду Дарданелльский пролив, а когда речь идет о «широком» и «бесконечном» Геллеспонте – перед нами расширительное употребление топонима⁵⁴. Это последнее, наряду с узкоконкретным, продолжает существовать довольно долго, во всяком случае, встречается еще в классическую эпоху. Вполне типично, например, следующее словоупотребление Геродота (Herod. VI. 33): «А на европейской стороне Геллеспонта находятся следующие местности: Херсонес (Фракийский. – *И. С.*) с большим числом городов, затем город Перинф, укрепленные места во Фракии, потом Селимбрия и Византий». Легко заметить, что здесь в Геллеспонт оказываются включенными вся Пропонтида и, по крайней мере, южная часть Боспора. Аналогично в перечне «тиранов геллеспонтийцев» (Herod. IV. 138), в число которых включены: Дафнис из Абидоса, Гиппокл из Лампсака, Герофант из Пария, Метродор из Проконнеса, Аристагор из Кизика, Аристон из Византия. Здесь, как видим, названы в числе прочих правители городов на Пропонтиде и Боспоре (но парадоксальным образом в списке отсутствует Мильтиад с Херсонеса Фракийского, который появляется в качестве «полководца и тирана херсонесцев, что на Геллеспонте», в том же эпизоде, но в ином контексте – Herod. IV. 137). Однако у того же Геродота в другом месте (Herod. V. 122) мы парадоксальным образом встречаем и иное понимание топонима: в ходе подавления Ионийского восстания Гимей, один из персидских военачальников, «оставил Пропонтиду, повел свое войско в Геллеспонт и захватил все эолийские города в Илионской области». Здесь Геллеспонт и Пропонтида четко отделяются друг от друга.

Можно вспомнить еще и о том, что в Афинской архэ V в. до н.э. границы Геллеспонтского податного округа были определены исходя именно из максимально широкой трактовки понятия «Геллеспонт». В округ включались не только полисы на берегах пролива как такового, но и, например, с одной стороны, вышеупомянутый остров Тенедос, с другой – Кизик, Византий и др. В этих своих пределах Геллеспонт оказывается, по сути, тождественен зоне Черноморских проливов в целом. Местом нахождения коллегии геллеспонтфилаков (о которой см.: Rubel 2001), судя по всему, был Византий.

Но особенно показательно следующее рассуждение Страбона (Strabo VII. fr. 57): «Относительно названия “Геллеспонт” нет общего согласия, но по этому поводу высказано несколько мнений. Действительно, одни называют Геллеспонтом всю Пропонтиду, другие же – только часть

⁵⁴ Не убеждает альтернативное объяснение, предлагаемое Афинеем (Athen. II. 41b), согласно которому Геллеспонт в «Илиаде» назван широким потому, что «ключевые воды Гомер отличает от широких».

Пропонтиды по эту сторону Перинфа. Третьи прибавляют еще к Геллеспонту часть Внешнего моря, обращенную к Меланскому заливу и к открытым водам Эгейского моря; при этом одни из них применяют одно деление, другие – другое: так, одни прибавляют сюда еще пространство от Сигея до Лампсака и Кизика или же Парий и Приап; а один писатель добавляет даже пространство от Сигрия на острове Лесбосе. Наконец, некоторые без колебаний считают Геллеспонтом даже всё пространство открытого моря до Миртойского моря... Таким образом, они хотят всё Эгейское море до Фермейского залива и Фессалийского и Македонского морей называть Геллеспонтом». Как видим, относительно разногласий здесь всё сказано исчерпывающим образом. Итак, мы окончательно убеждаемся в том, что в данном случае «Геллеспонт» у Гекатея – в расширительном значении.

Выше в связи с Геллеспонтом упоминался Херсонес Фракийский. Приведем информацию о нем, содержащуюся у милетского ученого. *Neocat. FGrHist. 1. F163 = Steph. Byz. s.v. Χερρόνησος*: «Херронес. Город на полуострове у Книда... Есть 2-й город Херронес, во Фракии, о котором пишет Гекатей в “Европе”: “А среди них город Херронес на перешейке полуострова”. А жителя города он называет херронесцем⁵⁵: “С апсинтиями (фракийское племя. – *И. С.*) с юга граничат херронесцы”. А Геродот⁵⁶ называет жителя херронеситом: “Херронеситы с башен дали знак афинянам о случившемся”. Он называет их и⁵⁷ херронесцами, а в женском роде – у Еврипида: “Он лучшую равнину херронесскую...”⁵⁸».

Нам топоним, о котором идет речь, ближе знаком как «Херсонес» (собственно, «полуостров»), но у Стефана (и, видимо, у самого Гекатея) именно «Херронес». Тут нет принципиальной смысловой разницы, налицо лишь диалектальное различие. Что же касается «Херронеса во Фракии», оговорим: был, с одной стороны, полуостров Херсонес Фракийский⁵⁹, а с другой стороны, среди располагавшихся на нем городов имелся и такой, который специально назывался Херсонесом (Isaac 1986. P. 197; Loukoroulou 2004. P. 904–905). Эта ситуация и отражена во фрагменте.

Гекатеем указаны также еще несколько конкретных городов в зоне Черноморских проливов. Приведем и эти фрагменты. *Neocat. FGrHist. 1. F162 = Steph. Byz. s.v. Κόπασις*: «Кипасис. Город близ Геллеспонта. Гека-

⁵⁵ Якоби со знаком вопроса предлагает поправку «херронеситом».

⁵⁶ Имя Геродота здесь – вставка издателей, ввиду безусловности в дальнейшем цитаты именно из него (Herod. IX. 118).

⁵⁷ Некоторые издатели постулируют здесь лакуну.

⁵⁸ *Eug. Hes.* 8.

⁵⁹ О котором см., например: Hammond 1956 (в связи с установившейся на нем тиранией афинского рода Филаидов); Tsvetkova 2000.

тей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F164 = Steph. Byz. s.v. Λίμναι: «Лимны. Город на Геллеспонте, близ Сеста. Гекатей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F165 = Steph. Byz. s.v. Μαδυτός: «Мадит. Геллеспонтский город. Гекатей в “Европе” и другие».

Двинемся дальше. Hecat. FGrHist. 1. F166 = Herodian. De mon. lex. 31, 26 (II. 937, 10 Lentz): «Бориза, персидский город, как говорит Гекатей в “Описании Европы”: “Далее же Бориза, город персов, далее же Финиада”». Финиада – мыс в районе Салмидесса и Аполлонии Понтийской. Таким образом, здесь Гекатей уже переходит от описания европейского побережья Черноморских проливов к описанию черноморского побережья Фракии. А вот почему город Бориза назван персидским? Безусловно, следует учитывать, что в 513 г. до н.э. Фракия была включена в состав державы Ахеменидов (Castritius 1972; Hammond 1980) и оставалась в ней вплоть до похода Ксеркса 480–479 гг. до н.э. (а некоторые прибрежные пункты страны – еще и позже), Гекатей же писал как раз во времена этого персидского владычества. Но в таком случае все города Фракии для этого периода должны именоваться персидскими, у Гекатея же так охарактеризована специально Бориза. Вопрос пока приходится оставить открытым⁶⁰.

В нескольких из следующих фрагментов упоминаются племена и города близ Истра (Дуная), впадающего в Понт Эвксинский. Hecat. FGrHist. 1. F170 = Steph. Byz. s.v. Κρόβυζοι: «Кробизы. Племя, живущее в направлении южного ветра от Истра. Гекатей в “Европе”. Отсюда название страны – Кробизика». Hecat. FGrHist. 1. F171 = Steph. Byz. s.v. Τριζοί: «Тризы. Племя к югу от Истра. Гекатей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F172 = Steph. Byz. s.v. Ὀργάμη: «Оргама. Город у Истра⁶¹. Гекатей в “Европе”. Есть еще Оргомены, город в Иллирии». В еще одном фрагменте названное племя с Истром не соотносится, но явно тоже находится в понтийском регионе. Hecat. FGrHist. 1. F182 = Steph. Byz. s.v. Σκαί: «Скеи. Племя между Троадой и Фракией, как пишет Гекатей в “Европе”». Как тут не вспомнить о знаменитых Скейских воротах Трои, упоминаемых в «Илиаде»?

Затем маршрут Гекатея ожидаемо ведет в Северное Причерноморье, в Скифию, в связи с которой из периегезы тоже сохранился ряд пассажей разной степени информативности. Hecat. FGrHist. 1. F184 = Steph. Byz. s.v. Καρκινίτις: «Каркинитида. Скифский город. Гекатей в «Европе». Название жителей – каркиниты». В действительности Каркинитида, или Керкинитида (конечно, если здесь имеется в виду именно она), была гре-

⁶⁰ Впрочем, см.: Vasilev 2016. М. Василев считает, что Бориза была специально основана Дарием I сразу после основания Фракии как база для персидского гарнизона.

⁶¹ Об этом полисе см.: Lungu 2019.

ческим городом в Западном Крыму. Свидетельство Гекатея об этой колонии является, естественно, самым ранним, и именно оно используется как *terminus ante quem* при определении времени ее основания (Щеглов 1984. С. 55).

Hecat. FGrHist. 1. F185 = Steph. Byz. s.v. Μελάγχλαινοι: «Меланхлены. Скифское племя. Гекатей в “Европе”. Они названы от одежд, которые носят⁶², подобно тому, как гипемолги – от того, что они доят кобыл⁶³, и моссинойки – от их жилищ⁶⁴». О меланхленах, равно как и о других племенах Скифии, позже подробно рассказывал Геродот, и его данные интенсивно исследовались в литературе, в т.ч. отечественной (см. прежде всего: Доватур, Каллистов, Шишова 1982); как видим, и в этом отношении, т.е. в плане интереса к далеким скифским землям и этносам, Гекатей выступил предтечей Геродота. В остальных фрагментах, относящихся к Скифии (Hecat. FGrHist. 1. F186–190), упоминаются скифские племена (эды, матикеты, миргеты, исеп – почему-то в ед.ч.), а также «Кардесс – город в Скифии». К сожалению, все эти фрагменты дошли через посредство Стефана Византийского, а потому не отличаются информативностью⁶⁵.

Ряд фрагментов «Описания Земли» посвящен южному и восточному побережьям Черного моря. Большинство их сохранено опять же Стефаном, и поэтому в них – ничего, кроме топонимов и этнонимов. Например, «Стефанида – город у мариандинов» (Hecat. FGrHist. 1. F198), «Хадисия – город у левкосирийцев» (Hecat. FGrHist. 1. F200), «Тирия – город у левкосирийцев» (Hecat. FGrHist. 1. F201), «Стамена – город у халибов» (Hecat. FGrHist. 1. F202), «мары – племя, соседствующее с моссинойками» (Hecat. FGrHist. 1. F205), «макроны – те, что ныне называются саннами» (Hecat. FGrHist. 1. F206), «колы – племя близ Кавказа» (Hecat. FGrHist. 1. F209), «кораксы – колхское племя, близ колов» (Hecat. FGrHist. 1. F210), «Кросса – город у Понта» (Hecat. FGrHist. 1. F213), «Патрасий – понтийский город» (Hecat. FGrHist. 1. F214), «иамы – скифское племя» (Hecat. FGrHist. 1. F215).

Впрочем, бывают случаи, когда и Стефан дает несколько больше, чем эти *nomina nuda*. Например, приводит дословную цитату из Гека-

⁶² «Черноризцы» – так передают на русском этноним «меланхлены» некоторые старые переводчики.

⁶³ «Кобыл» – поправка Якоби; в рукописи Стефана – «коней». «Гипемолги» в переводе и означает «доящие кобыл».

⁶⁴ От моссин – башнеобразных построек, в которых обитали представители этого племени, локализуемого на южном побережье Черного моря.

⁶⁵ По словам того же Стефана, у Гекатея и Исседоны фигурировали как скифское племя (Hecat. FGrHist. 1. F193 = Steph. Byz. s.v. Ἰσσηδόνες). Но тут, видимо, налицо ошибка. Исседонов локализовали значительно дальше от Понта Эвксинского, и, соответственно, здесь они не рассматриваются.

тея (такие фрагменты, как отмечалось и выше, особенно ценны). Hecat. FGrHist. 1. F203 = Steph. Byz. s.v. Χάλυβες: «Халибы. Племя близ Понта, у реки Фермодонта... А у Гекатея их название изменяется по второму склонению (Χάλυβοι)⁶⁶: “С халибами с юга граничат (ὄμορρέουσι) армяне”». Hecat. FGrHist. 1. F204 = Steph. Byz. s.v. Χοιράδες: «Херады. Город у моссинойков⁶⁷. Гекатей в “Азии”⁶⁸: “А с тибаренами на восход солнца граничат (ὄμορρέουσι) моссинойки; у них же есть город Херады”». Hecat. FGrHist. 1. F207 = Steph. Byz. s.v. Χοί: «Хои. Племя близ бехи-ров. Гекатей в “Азии”: “А здесь и бехирская земля, соприкасаются же с ними хои”. И еще раз: “До них – хои”. И еще раз: “А с хоями граничат (ὄμορρέουσι) со стороны восхода солнца дизеры”».

Территориально фрагменты, процитированные в предыдущем абзаце, относятся к восточной части Малой Азии, являвшейся в античности регионом огромной этнической пестроты. Судя по лексике фрагментов, Гекатей проявлял интерес к важной пространственной категории границ. Характерным образом он употребляет глагол ὄμορέω (в ионийском написании ὄμορρέω), акцентирующий не момент разделения границей, а напротив, момент смежности, пространственной близости двух этносов.

А вот еще одно интересное свидетельство. Hecat. FGrHist. 1. F208 = Steph. Byz. s.v. Ἐρμόνασσα: «Гермонасса. Маленький остров в Киммерийском Боспоре, на котором – город, колония ионийцев, как пишет Периегет⁶⁹. А Скимн⁷⁰ называет его также Германией. Страбон в 7-й книге упоминает деревню Гермонакта. Менипп⁷¹ же говорит о местечке (χωρίον) такого названия, принадлежащем Трапезунту, в “Перипле двух Понтов”. Но Гекатей и Феопомп называют эту Гермонассу городом (πόλις)».

По нашему мнению, эта малоазийская Гермонасса (которую не следует смешивать с более известной боспорской, нынешней Таманью) изначально была основана как полис (такая ситуация отражена у ранних авторов – Гекатея и Феопомпа), но со временем деградировала до комы на хоре Трапезунта (такая ситуация отражена у Мениппа, автора более позднего).

Кстати, именно потому, что у Гекатея в «Описании земли» постоянно упоминались разные города и употреблялся термин πόλις, – а при этом перед нами, подчеркнем, весьма ранний источник! – его свидетельства привлекли внимание выдающегося антиковеда М. Хансена (Hansen

⁶⁶ Выше, в заголовке статьи, этноним в плюралисе дан с окончанием третьего склонения.

⁶⁷ Такое написание – поправка издателей, а в тексте Стефана – неточно: «моссинойки» и даже «мо-синоки».

⁶⁸ У Стефана ошибочно «в Европе»; Якоби поправляет.

⁶⁹ Дионисий Периегет.

⁷⁰ Скимн Хиосский, а не Псевдо-Скимн.

⁷¹ Менипп Пергамский, географ I в. до н.э.

1997), когда тот во главе коллектива ученых занимался определением понятия «полис». Общее заключение к статье на эту тему ученый делает таким: «...Гекатей использовал термин “полис” таким же образом, как все остальные греческие авторы: даже несмотря на то, что это слово в “Описании” употреблялось в основном в значении города скорее, чем в значении города-государства, оно, кажется, в случае с эллинскими полисами применялось исключительно к общинам, которые были полисами в политическом смысле в той же мере, как и в урбанистическом» (Hansen 1997. P. 27).

Иногда черноморские фрагменты периегезы сохранены не Стефаном, а каким-нибудь не столь немногословным писателем; тогда они, конечно, пространнее. Вот, например, из Страбона. *Hecataei FGrHist. 1. F199 = Strabo XII. 3. 25*: «Но он (Аполлодор. – *И. С.*) не может сказать, что древние имели такое мнение: будто бы они все согласны в том, что никто с противоположной стороны Галиса не участвовал в Троянской войне. Скорее можно найти свидетельства в пользу обратного: по крайней мере, Меандрий⁷² говорит, что энецы, отправившись из земли левкосирийцев, стали троянцам союзниками, а оттуда отплыли вместе с фракийцами и поселились в глубине Адриатического моря, те же из энецов, которые не приняли участия в походе, стали каппадокийцами... Сам же Аполлодор излагает чтение Зенодота⁷³, которое гласит: “Из Энецы, где стадаются дикие мески”⁷⁴. Он говорит, что Гекатей Милетский принимает за Энецу Амис». Амис – значительный греческий город на южном побережье Черного моря. Энецы же, о которых идет речь в данном пассаже, – фракийское племя в Малой Азии. Здесь представлена популярная традиция, отождествлявшая энецов с венетами, жившими на севере Адриатического моря (от последних, кстати, название Венеции).

У Страбона находим и следующий фрагмент, с которым Гекатей, обозрев Понт Эвксинский, возвращается в зону Черноморских проливов, проходя теперь по ее восточному, азиатскому побережью. Фрагмент достаточно объемён, мы даже несколько сократим его.

Hecataei FGrHist. 1. F217 = Strabo XII. 3. 22: «А скепсиец⁷⁵, как кажется, не принимает его (Эфора. – *И. С.*) мнение, равно как и мнение тех, кто помещает гализонов близ Паллены... Равным образом он недоумевает и по поводу того, как кто-то может считать, что от кочевников, живших за Борисфеном, пришла военная помощь троянцам. Больше же всего он

⁷² Милетский историк времени раннего эллинизма.

⁷³ Зенодот Эфесский – эллинистический филолог. Здесь имеется в виду его поправка к тексту Гомера.

⁷⁴ В каноническом тексте Гомера (Ном. II. II. 852) – «из Энет» (или «от энецов»). Речь идет о Пилемене, вожде пафлагонян, пришедших на помощь Трое.

⁷⁵ Деметрий Скепсийский – известный эллинистический ученый III–II вв. до н.э.

хвалит мнение Гекатея Милетского, Менекрата-элеата⁷⁶ (мужа из числа приятелей Ксенократа⁷⁷) и Палефата⁷⁸. Из них Гекатей в “Описании земли” говорит: “Около города Алазии – река Одрисс, которая, протекая через равнину Мигдонии с запада, из озера Даскилитиды, впадает в Риндак⁷⁹”. Он говорит, что ныне Алазия опустела, а алазоны живут в многочисленных деревнях, мимо которых течет Одрисс; в них-де особенно почитается Аполлон, в наибольшей же степени – по границе с кизикийцами⁸⁰ (далее выпускаем часть пассажа, в которой речь идет не о Гекатее, а о других авторах. – *И. С.*)... Итак, что достойно похвалы в их суждениях? Помимо того, что и они изменяют древнее написание, они не показывают ни серебряных рудников, ни того, где в Мирлеатиде находится Алопа, ни того, каким образом пришедшие оттуда в Илион оказались пришедшими издалека, даже если допустить, что была какая-то Алопа или Алазия».

Здесь Страбон вступает в довольно запутанную дискуссию об упоминаемых Гомером гализонах (ализонах) и об их соотношении с алазонами, которых обычно локализовали в Скифии (примешивался тут еще и вопрос об амазонках – в связи с имеющим место созвучием). Из упоминаемых географом писателей самым ранним является Гекатей, который, как видим, связывает алазонов отнюдь не со Скифией, а с регионом, близким к Трое. Иными словами, он оказывается мыслящим более реалистично, чем, скажем, Эфор, который, не смущаясь пространствами и расстояниями, «приводил» троянцам союзников из далекого Северного Причерноморья.

А далее – опять фрагменты из Стефана. В них упомянут ряд находившихся в регионе городов и даже мелких городков – даже таковые не ускользали от внимания скрупулезного Гекатея: например, Скилака близ Кизика (Hecat. FGrHist. 1. F218), Абарн близ Лампсака (Hecat. FGrHist. 1. F220), Мирикунт, Лампоний и Грины в Троеде (Hecat. FGrHist. 1. F222, F223, F225). Несколько более значительным центром была Гаргара. Hecat. FGrHist. 1. F224 = Steph. Byz. s.v. Γάργαρα: «Гаргара. Город в Троеде, на вершине Иды⁸¹, в древности именовавшийся Гаргаром. Страбон и Гекатей называют его эолийским. А Алкман называет его Гаргаром (но в женском роде) и говорит, что в нем жили лелеги. Назван он был в честь

⁷⁶ Историк IV в. до н.э.

⁷⁷ Ксенократ Калхедонский (IV в. до н.э.) – видный философ-платоник, третий схолярх Академии.

⁷⁸ Палефат – древнегреческий мифограф, время жизни которого с точностью не датируется (чаще его относят к IV в. до н.э.). В своем трактате «О невероятном» довел до логического предела методику рационалистической интерпретации мифов.

⁷⁹ Описываются территории на северо-западе Малой Азии, близ Геллеспонта.

⁸⁰ Т.е. с жителями Кизика – важного греческого города в Пропонтиде.

⁸¹ Ида – знаменитая гора близ Трои, многократно упоминаемая уже в «Илиаде».

Гаргара, сына Зевса, уроженца Лариссы в Фессалии... И есть мыс Гаргара. Эпафродит⁸² же утверждает, что город склоняется по женскому роду, а мыс – по среднему. А Гелланик говорил, что есть город Гаргас, через «с»; но я считаю это ошибкой».

Еще более известным троядским городом был Сигей, который у Гекатея фигурирует почему-то как «Сига» (Hecat. FGrHist. 1. F221 = Steph. Byz. s.v. Σίγη). Сигей занимал на «ментальной карте» Трояды весьма значимое место. Ведь именно на его территории, согласно преданию, находилась знаменитая «Корабельная стоянка», т.е. лагерь ахейцев, осаждавших Троию.

В заключение приведем фрагмент Гекатея, который обычно считают происходящим не из «Описания Земли», а из его историко-мифогеографического трактата, хотя, строго говоря, вопрос этот спорный. Речь во фрагменте идет о Синопе – одном из важнейших центров Южного Понта. Hecat. FGrHist. 1. F34 = Schol. Apoll. Rhod. II. 946: «А поскольку у фракийцев (каковым диалектом пользуются и амазонки) пьяные называются санапами, то и город был назван Санапой⁸³, потом, в результате порчи, Синопой. Пьяная амазонка из этого⁸⁴ города пришла к Литиду⁸⁵, как говорит Гекатей».

В данном пассаже речь идет об амазонках в связи с тем, что одним из главных мест их локализации в античности была долина Фермондонта, неподалеку от Синопы (да и сама Синопя в одной из ветвей традиции основана амазонками). Гекатей, автор времен поздней архаики, помещает амазонок, как видим, именно в этот регион. Историки второй половины V в. до н.э. – Геродот (Herod. IV. 110 sqq.) и Гелланик в «Аттиде» (Hellan. FGrHist. 4. F167) – «находят» их уже не в Малой Азии, а в Северном Причерноморье. Но это – предмет отдельного разговора.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. [Agbu-nov M.V. Antichnaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Geography of the Northern Black Sea Region). Moscow, 1992.]

Гекатей Милетский. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова // Scripta antiqua. 2021. Т. 9. С. 393–482. [Hecataeus of Miletus. Fragmenty. Pervod s drevnegrecheskogo i kommentariy I.E. Surikova (Frag-

⁸² Грамматик I в. н.э.

⁸³ «Санапой» – вставка издателей.

⁸⁴ «Этого» – вставка Якоби.

⁸⁵ Гапакс. Смысл неясен.

ments. Translated from Greek and commented by I.E. Surikov) // Scripta antiqua. 2021. Vol. 9. S. 393–482.]

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. [Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. Narody nashey strany v “Istorii” Gerodota (Peoples of our country in Herodotus’ “Histories”). Moscow, 1982.]

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. 2011. Т. 1. С. 252–293. [Zhuravlev D.V., Schlotzhauer U. Grecheskaya kolonizatsiya vostochnoy chasti Tamanskogo poluostrova (Greek colonization of the eastern part of the Taman Peninsula) // Scripta antiqua. 2011. Vol. 1. S. 252–293.]

Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д. Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // ДБ. 2010. Т. 14. С. 162–183. [Zhuravlev D.V., Schlotzhauer U., Kamelina G.A., Kelterbaum D. Poselenie Strelka 2 na Tamanskom poluostrove (Predvaritel’naya informatsiya) (The Settlement Strelka 2 at the Taman Peninsula (preliminary information)) // Drevnosti Bospora. 2010. Vol. 14. S. 162–183.]

Завойкина Н.В. Граффито ок. 520-х гг. до н.э. из Фанагории // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 245–259. [Zavoykina N.V. Graffito ok. 520-kh gg. do n.e. iz Fanagorii (A graffito of ca. 520s BC from Phanagoria) // Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii. 2020. Vol. 258. S. 245–259.]

Мусбахова В.Т. В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии / Под ред. В.Т. Мусбаховой. СПб., 2014. С. 75–92. [Musbakhova V.T. V poiskakh granitsy mezhdu Evropoy i Aziey: Gekatey Miletskiy (In the search of the border between Europe and Asia: Hecataeus of Miletus) // Ladoga v kontekste istorii i arkheologii severnoy Evrazii / Ed. V.T. Musbakhova. St-Petersburg, 2014. S. 75–92.]

Подосинов А.В. Гекатей Абдерский. «О гипербореях». Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. М., 2012. Т. 3. С. 145–185. [Podossinov A.V. Gekatey Abderskiy. “O giperboreyakh. Vvedenie, drevnegrecheskiy i latinskiy tekst fragmentov (Hecataeus of Abdera. “On Hyperboreans”. Introduction, Greek and Latin text of the fragments) // Trudy kafedry drevnikh yazykov istoricheskogo fakul’teta MGU. 2012. Vol. 3. S. 145–185.]

Подосинов А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М., 2015. [Podossinov A.V. Kuda plaval Odissey? O geographicheskikh predstavleniyakh grekov arkhaischeskoy epochi (Where did Odysseus sail? On geographical notions of the Greeks of the Archaic period). Moscow, 2015.]

- Сапрыкин С.Ю. К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // ДБ. 2019. Т. 24. С. 473–487. [*Saprykin S.Ju.* K prochteniyu i interpretatsii nekotorykh bosporskikh graffiti (To the reading and interpretation of some Bosporean graffiti) // *Drevnosti Bospora*. 2019. Vol. 24. S. 473–487.]
- Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. [*Surikov I.E.* Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii (Essays on historical writing in Classical Greece). Moscow, 2011.]
- Суриков И.Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 440–469. [*Surikov I.E.* Ob etimologii nazvaniy Fanagorii i Gremonassy (k postanovke problemy) (On etymology of the names of Phanagoria and Hermonassa (towards the statement of a problem)) // *Drevnosti Bospora*. 2012. Vol. 16. S. 440–469.]
- Суриков И.Е. «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгейдой и Пропонтидой и его роль в античной истории) // ПИФК. 2013. № 4 (42). С. 3–44. [*Surikov I.E.* “Gellespont burnotechnny” (Proliv mezhdru Egeidoy i Propontidoy i ego rol’ v antichnoy istorii) (“The rapidly flowing Hellespont” (The strait between the Aegean and the Propontis and its role in ancient history)) // *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. 2013. N 4 (42). S. 3–44.]
- Суриков И.Е. Сочинение Псевдо-Скимна в контексте античных греческих жанров перипла и периегезы // Херсонесский сборник. Севастополь, 2020. Вып. 21. С. 216–226. [*Surikov I.E.* Sochinenie Psevdo-Skimna v kontekste antichnykh grecheskikh zhanrov periplus i periegezy (The work of Pseudo-Scymnus in the context of Ancient Greek genres of *periplus* and *periegesis*) // *Khersonesskiy sbornik*. Sevastopol, 2020. Vol. 21. S. 216–226.]
- Суриков И.Е. Первое прозаическое описание Средиземноморья: историко-географический труд Гекатея Милетского // *Mare nostrum*. М., 2021. Вып. 2. С. 10–50. [*Surikov I.E.* Pervoe prozaicheskoe opisanie Sredizemnomor’ya: istoriko-geograficheskii trud Gekateya Miletskogo (The first prose description of the Mediterranean: Hecataeus of Miletus’ historical and geographical treatise) // *Mare nostrum*. Moscow, 2021. Vol. 2. S. 10–50.]
- Шелов-Коведяев Ф.В. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 2018. № 3 (61). С. 98–106. [*Shelov-Kovedyaev F.V.* K ranney istorii Fanagorii (From the early history of Phanagoria) // *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. 2018. N 3 (61). S. 98–106.]
- Щеглов А.Н. Керкинитида // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М., 1984. С. 55–56. [*Shcheglov A.N.* Kerkinitida (Cercinitis) // *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor’ya* / Ed. by G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov. Moscow, 1984. S. 55–56.]

- Alganza Roldán M.* Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo” // *Florentia iliberitana*. 2012. Vol. 23. P. 23–44.
- Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // *The World of Herodotus* / Ed. V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 321–335.
- Bertelli L.* Hecataeus: From Genealogy to Historiography // *The Historian’s Craft in the Age of Herodotus* / Ed. by N. Luraghi. Oxford, 2007. P. 67–94.
- Bianchetti S.* The “Invention” of Geography: Eratosthenes of Cyrene // *Brill’s Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition* / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 132–149.
- Bichler R.* Persian Geography and the Ionians: Herodotus // *Brill’s Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition* / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 3–20.
- Bichler R.* Herodotus the Geographer // *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian* / Ed. by E. Bowie. Berlin; Boston, 2018. P. 139–155.
- Billerbeck M., Neumann-Hartmann A.* Stephanos von Byzanz: Grammatiker und Lexikograph. Berlin; Boston, 2021.
- Braun T.* Hecataeus’ Knowledge of the Western Mediterranean // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton* / Ed. by K. Lomas. Leiden; Boston, 2004. P. 287–347.
- Bravo B.* La Chronique d’Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antique et littérature géographique dans la seconde moitié du II^e siècle av. J.-C. Leuven, 2009.
- Castritius H.* Die Okkupation Thrakiens durch die Perser und der Sturz des athenischen Tyrannen Hippias // *Chiron*. 1972. Bd. 2. S. 1–15.
- Fleischer K.* The Original Verses of Apollodorus’ *Chronica*: Edition, Translation and Commentary on the First Iambic Didactic Poem in the Light of New Evidence. Berlin; Boston, 2020.
- Fowler R.L.* Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford, 2013.
- Hammond N.G.L.* The Philaids and the Chersonese // *Classical Quarterly*. 1956. Vol. 6. N 3–4. P. 113–129.
- Hammond N.G.L.* The Extent of Persian Occupation in Thrace // *Chiron*. 1980. Bd. 10. S. 53–69.
- Hansen M.H.* Hekataios’ Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis* / Ed. by T.H. Nielsen. Stuttgart, 1997. P. 17–27.
- Heidel W.A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. New York; London, 1987.
- Herrmann M.* Hekataios als mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges // *Klio*. 1911. Bd. 11. S. 382–384.
- Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986.

- Jacoby F.* Apollodors Chronik. Berlin, 1902.
- Jacoby F.* Hellanikos // RE. Hbd. 15. 1912. Sp. 104–153.
- Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). C. Autoren ueber einzelne Laender. Nr. 608a–856 (Bd. 2: Illyrien – Thrakien, Nr. 709–856). Leiden, 1958.
- Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden; New York; Köln, 1995.
- Janni P.* The Sea of the Greeks and Romans // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 21–42.
- Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D.* Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) – the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // Die Erde. 2011. Bd. 143. Ht. 3. S. 235–258.
- Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992.
- Lister R.P.* The Travels of Herodotus. London, 1979.
- Loukopoulou L.* Thracian Chersonesos // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxford, 2004. P. 900–911.
- Lungu V.* Orgame Necropolis in the Black Sea Area // Greek Colonization in Local Contexts: Case Studies in Colonial Interactions / Ed. by J. Lucas, C.A. Murray, S. Oven. Oxford, 2019. P. 123–144.
- Malinowski G.* Strabo the Historian // The Routledge Companion to Strabo / Ed. by D. Dueck. London; New York, 2017. P. 337–352.
- Malkin I.* What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. Vol. 63. P. 114–130.
- Matthaios S.* Eratosthenes, Crates and Aristarchus on the Homeric Dual. Rethinking the Origins of the 'Analogy vs. Anomaly Controversy' // Approaches to Greek Poetry / Ed. by M. Ercoles, L. Pagani, F. Pontani, G. Ucciardello. Berlin; Boston, 2018. P. 25–49.
- Molina Marín A.I.* Under the Shadow of Eratosthenes: Strabo and the Alexander Historians // The Routledge Companion to Strabo / Ed. by D. Dueck. London; New York, 2017. P. 294–305.
- Möller A.* Epoch-making Eratosthenes // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2005. Vol. 45. P. 245–260.

- Munn M.* The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia: A Study of Sovereignty in Ancient Religion. Berkeley, 2006.
- Nikolaidou-Arabatzi S.* ἱστορέειν and θωμάζειν: Scientific Terms and Signs of Unity in Herodotus' *Histories* // Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / Ed. by E. Bowie. Berlin; Boston, 2018. P. 223–241.
- Pearson L.* Early Ionian Historians. Westport, 1975.
- Pelling C.* Aristagoras (5.49–55, 97) // Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' *Histories* / Ed. by E. Irwin, E. Greenwood. Cambridge, 2007. P. 179–201.
- Prandi L.* Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. Roma; Bristol, 2020.
- Rubel A.* Hellespontophylakes – Zöllner am Bosporos? Überlegungen zur Fiskalpolitik des attischen Seebundes (IG I³ 61) // *Klio*. 2001. Bd. 83. Ht. 1. S. 39–51.
- Russell T.* Byzantium and the Bosporus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017.
- Shipley G.* Pseudo-Skylax's *Periplus*: The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary. Bristol, 2011.
- Shipley G.* Scylax (Σκύλαξ, ὁ) of Caryanda // The Herodotus Encyclopedia / Ed. by C. Baron. Vol. 3 (P–Z). Hoboken, 2021. P. 1300–1301.
- Tsetskhladze G., Hargrave J.* Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова* / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 381–398. [Gaudeamus igitur: Sbornik statey k 60-letiyu A.V. Podosinova / Ed. by T.N. Jackson, I.G. Konovalova, G.R. Tsetskhladze. Moscow, 2010. P. 381–398.]
- Tsvetkova J.* Siedlungen und Siedlungssystem auf der Thrakischen Chersonesos in der vorrömischen Zeit // *Thracia*. 2000. Vol. 13. P. 431–462.
- Vasilev M.I.* Βόρυζα πόλις Ποντικής // The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches: Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity Held in Thessaloniki, 18–20 September 2015 / Ed. by M. Manoledakis. Oxford, 2016. P. 99–118.
- West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 144–160.

THE EARLIEST GREEK GEOGRAPHERS ON THE PONTUS EUXINUS
AND ITS ENVIRONS

Anaximander of Miletus, Hecataeus of Miletus and Scylax of Caryanda, representatives of the Archaic Ionian scholarship, were the earliest Greek geographers (6th century B.C.). The philosopher Anaximander drew the first map (still very schematic one); the historian Hecataeus improved this map towards more detailed elaboration and also wrote the first periegesis (“Description of the Earth”); the seafarer Scylax was the author of the first periplus (although at such an early stage of development of Greek prose literature the genres of periegesis and periplus still had little difference between each other). The article deals with extant data of these writers on the Black Sea and adjacent regions. To be true, there is no such information in Anaximander’s fragments, and rather little in Scylax’s ones (mainly on the area of the Straits); but Hecataeus’ fragments contain it in abundance. That author’s geographical treatise was a virtually exhaustive description of lands known at his time, surely including coasts of the Black Sea and the nearby Azov Sea. Hecataeus measured the size of the Black Sea (at the map rather than “in nature”). It is he who is likely to have for the first time used the famous and very popular in antiquity image of the Pontus as a Scythian bow. Of interest is the question where in the Black Sea region the scholar drew the border between Europe and Asia; the article gives arguments in favour of the opinion that for him the border was not the Don River, as later in Herodotus, but the Kuban River. Meanwhile, the territory that is now the Taman Peninsula (it was an island in antiquity) belonged to Asia according to Hecataeus. In the “Description of the Earth”, there is the first in the narrative tradition evidence on Phanagoria – one of the most significant Greek colonies at the territory of Russia, later the second in importance center of the Bosporan Kingdom. Amazons are localized by Hecataeus near the Thermodon River rather than in the Northern Black Sea Region, as Herodotus and Hellanicus later did.

Keywords: geography, Anaximander, Hecataeus, Scylax, maps, *periegesis*, *periplus*, the Black Sea, the Straits

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-13-49

Serena Bianchetti

THE BLACK SEA AS A SCYTHIAN BOW: GENESIS OF AN IMAGE

The Black Sea-Scythian bow comparison occurs in many sources (in particular Strabo 2. 5. 22 C125) but only Ammianus Marcellinus (22. 8. 10) mentions Eratosthenes, Hecataeus and Ptolemy in the context of a description focusing on the perimeter of this sea.

In this paper I would like to examine the possibility that the comparison with the Scythian bow could be traced back to Eratosthenes. Examination of Strabo's complex testimony, in fact, reveals a polemical attitude on the part of the geographer from Amasea with regard to the scientist from Alexandria concerning the Black Sea area. In particular, Eratosthenes considered Issos and not Dioskourias to be the eastern end of the Mediterranean and evidently attributed different characteristics and functions to the Black Sea compared to those imagined by Strabo.

In the description by Strabo, the role of Timosthenes of Rhodes, who was Ptolemy II's admiral and who provided Eratosthenes with most of the measurements from his periplographical experience at the service of the Lagids, can be clearly highlighted.

Through the examination of the important literary, papyrological and archaeological documentation and through the recent discussion of the historical-political significance of the evidence, a dense network of commercial and political relations that linked the Black Sea to the Egypt of the early Lagids seems to emerge. In this context, the role of Timosthenes is undoubtedly relevant and the examination of some fragments of his work reveals important points of contact with the work of Eratosthenes, who echoed the court admiral. It is hypothesized here that even the Black Sea-Scythian bow comparison may derive in some way from Timosthenes' description.

Finally, the testimony of Ammianus Marcellinus, which shows a differently oriented bow, is nevertheless precious in that it allows us to identify and comprehend the traces of a different conception from that of Eratosthenes, probably one of Polybian origin, and perhaps part of the numerous "corrections" that Polybios wanted to make to the Alexandrian "map". The role of Polybius in the representation of Pontus, which we attempt to reconstruct here through the complex testimony of Ammianus, also contributes to clarifying the importance of Eratosthenes in defining an image (Pontus-Scythian bow) which is entirely consistent with the method of the scientist, who used comparisons of geographical areas with concrete objects (chlamys, butcher's knife, ship) to make his complex geometrical theories on world map construction more comprehensible to readers.

Keywords: Black Sea, Scythian bow, Ammianus Marcellinus, Eratosthenes, Hecataeus, Ptolemy

The comparison between the Pontos Euxeinos and a Scythian bow is present in many sources¹. Amongst these are Strabo (2. 5. 25 C126) who generically mentions “some”, and Ammianus Marcellinus who is the only one to explicitly (22. 8. 10) mention by name Eratosthenes, Hecataeus and Ptolemaeus: *Omnis autem eius velut insularis circuitus litorea navigatio viginti tribus dimensa milibus stadiorum, ut Eratosthenes affirmat et Hecataeus et Ptolemaeus aliique huius modi cognitionum minutissimi scitatores, <in> speciem Scythici arcus nervo coagmentati geographiae totius assensione formatur.*

Of the three names mentioned, we can say that Ptolemaeus does not make any comparison between the Black Sea and the Scythian bow. As far as Hecataeus is concerned, if he can be identified with Hecataeus of Miletus (Geus 2007. P. 116 thinks of Hecataeus of Abdera), it must be said that the few fragments that have come down to us contain no useful references and therefore do not allow us to come to any reliable conclusions.

Modern critics have been divided on the mention of Eratosthenes. On one hand, some like Berger (1880. P. 332), have accepted the reference and consider the scientist from Cyrene to be the creator of this comparison. On the other hand, others such as Dan (2013b), have disputed the paternity of the comparison, their stance being based both on the fragmentary state in which the *Geography* has come down to us and also on the fact that the comparison with a sea – rather than a land surface – would be an isolated case within the Eratosthenic work. The latter group therefore deem it preferable to fix the origin of the comparison in a period between late Hellenism and first century AD and to trace its origin in contexts other than mathematical geography.

In this paper an attempt will be made to analyze the genesis of the comparison in order to evaluate the possibility that, for specific reasons, it could in fact be attributed to Eratosthenes. Justification can be found, on the one hand, in the indirect evidence as reported in the descriptive method used by the scientist, and on the other hand, in that which might have been described by Timosthenes of Rhodes concerning the Lagid policy in the Pontic area and which constitutes an important source of the Eratosthenic *Geography*.

1. Strabo’s testimony

In order to approach both aspects of the problem, it is necessary to start from the above-mentioned passage by Strabo (2. 5. 22 C125):

¹ Sall. Hist. 3. 63M: *Speciem efficit Scythici arcus*; Manil. 4. 755: *Euxinus Scythicos pontus sinuatus in arcus*; Mela 1. 102: ... *ad formam Scythici arcus maxime incurvatus* (see Grilli 1979. P. 179–181); Plin. NH 4. 76: ... *ut sit plane arcus Scythici forma* (cf. 4. 86 ...*quae maxime ratio Scythici arcus formam efficit*); Val. Fl. 4. 728: ... *Scythicum specie sinuatus in arcum*; Avien. Orb. terr. 238: *Scythici speciem facit arcus*; Dion. Per. 157: τὸρνην εἰδιόμενον (scil. Πόντον) περιηγέος ἕμματι τόξου, without reference to the Scythian one (Ilyushechkina 2010. P. 209, n. 15; Lodesani 2022. P. 209–210).

“This (*scil.* Euxeinus Pontos) is a double type of sea, for about its middle two capes project into it, one from the Europe and the northern regions, and the other opposite, from Asia, bringing the strait between them together and creating two large seas. The European promontory is called the Ram’s Forehead and the Asian, Karambis, and they are separated from each other by about 2,500 stadia. The western sea has a length from Byzantion to the outlet of the Borysthenes of 3,800 stadia and a width of 2,000; the island Leuke is in it. The eastern is oval-shaped, ending in a narrow recess at Dioskourias and is 5,000 stadia [long], or a little more, and with a width around 3,000. The circumference of the entire sea is about 25,000 stadia. Some compare the shape of the circumference to a stretched Scythian bow, with the sinew like what is called the right-hand portion of the Pontos. This is the coastal sailing route from the mouth to the recess at Dioskourias, since except for Karambis the entire coast has only small inlets and projections, so it is like a straight line. The rest is the horn of the bow with its double curve, the upper part more rounded and the lower straighter. Thus two gulfs are formed there, with the western one more rounded” (Transl. Roller 2014).

This passage, which is inserted by Strabo in the description of the seas formed by inlets of the Ocean, reproduces the ancient Ionian conception, which had been taken up in substance also by Eratosthenes, whereby the inhabited world was an island and in penetrating the land, the Ocean formed four gulfs: the Mediterranean, the Caspian, the Red Sea and the Persian Gulf.

Starting from 2. 5. 18 C121, Strabo therefore describes the “Internal or Our Sea which takes its beginnings from the west at the Pillars of Heracles and is lengthened toward the east but with varying widths, dividing at the end into two gulfs-like seas, one on the left that we call the Euxeinus Pontos and the other consisting of the Egyptian Sea, as well as the Pamphylian and the Issic”².

In addition to the division of the inhabited world into three continents, Strabo immediately recalls the shape of the island-inhabited world: it is a chlamys (Macedonian cloak), which immediately evokes Eratosthenes’ idea, which had been already described in detail by Strabo in 2. 5. 14 C118. Although the scientist from Cyrene is not specifically mentioned, he is unmistakably recognizable due to the description of the procedure used to define the space occupied by the inhabited world within the terrestrial sphere (Berger 1880; Geus 2007. P. 111–122; Biffi 2012. P. 181–214).

The name of Eratosthenes is mentioned in 2. 5. 20 C123 (= F III B, 56 Berger 1880) regarding the size of the Great Syrtis and the whole passage suggests a precise scanning of the different sections of the Mediterranean carried out by the scientist from Kyrene (Bianchetti 2013. P. 293–314).

² On the viewpoint used by Strabo in this and other comparisons see Biffi 2012. P. 198–199.

This conception was criticized by Polybios and Artemidoros, according to whom Strabo, who is a non-neutral witness, also provides a description in which it is often difficult to identify each individual and different contribution.

The Pontos Euxeinos, with which we are concerned here, is presented as a sort of “double” sea, divided by a segment whose extremities are, to the north, i.e. in Europe, the promontory of the Ram’s Forehead³, situated in the Crimean Peninsula, and to the south, i.e. in Asia, the Karambis Promontory⁴. The linear distance between the two promontories is estimated to be about 2,500 stadia⁵. This is a measurement that we can find in Dionysios Periegetes (150–155) and in the *Commentary* of Eustathios to Dionysios (*ad loc.*)⁶, where there are close analogies with the text of Strabo.

The basin, which is defined first as ‘western’ and shortly afterwards as ‘upper’ (ἄνω) in relation to the bow handle, is 2,000 stadia wide (πλάτος) and 3,800 stadia long (μῆκος) stretching from Byzantion to the mouth of the Borysthenes-Dnjeper. The words used to define length and width are here reversed compared to Eratosthenes’ use as witnessed by Strabo (2. 1. 33 C86): according to Eratosthenes, indeed, length (μῆκος) is to be understood as stretching in the east-west direction and width (πλάτος) in the north-south direction. This inversion is already found in 2. 5. 21 C124 so that Strabo was thought by Germaine Aujac (1969. P. 105) to have drawn the stretch from Timosthenes of Rhodes.

It must be said, however, that what is given here is clearly a linear measurement, derived from a nautical one (Erat. F III A, 39 = Strabo 2. 5. 7 C114: “Again, everyone agrees that the sea route from Alexandria to Rhodes is in line with the course of the Nile, as well as the sailing route from there along Karia and Ionia to the Troad, Byzantion and the Borysthenes”). Byzantion and Borysthenes are two points on a line that constituted the fundamental me-

³ The Ram’s Forehead (od. Cape Sarych), at the southern end of the Crimea, is indeed west of Karambis: Minns 1913. P. 19; Hind 2001. P. 25–31.

⁴ The Karambis (Kerembe Burnu) is located west of Sinope, about 400 km. west of Themodon. On the history of this area Dan 2013b. P. 42 (with bibliography).

⁵ Radt 2002 corrects Strabo’s text to 1,500. But see Strabo 7. 4. 3 C309: “Now the distance from Karambis to the city of the Kersonesites is two thousand five hundred stadia, but the number to Ram’s Forehead is much less”. On the measurements of Pontos, ‘the most wonderful of all seas’, see Hdt. 4. 85–86: the length, from the mouth to the Phasis, is estimated at nine days and eight nights of navigation, equivalent to 11,600 stadia according to the historian, while the maximum width, from the Syndika to Themiskyra, on the Thermodon, is calculated at three days and two nights of navigation, equivalent to 3,300 stadia according to the historian. On these measures see Armayor 1978. P. 45–62; Corcella 1993. P. 302; West 2003. P. 151–167. For the representation of a Scythian archer bending his bow on an Scythian gold vessel (Hermitage Museum n. KO 11) found in the kurgan of Kul-Oba cf. Bord, Mugg 2005. P. 9–28; Dan 2013b. P. 44–45 for a miniature bow from Olbia (5th century BC).

⁶ See Lodesani 2022. P. 207–208 on the three days of navigation (Dion. Per. 155) between the two promontories, calculating the distance considering the hours of daylight during each day (i.e. 12 hours). On this basis the distance would be 1500 stadia (3X500 stadia) which corresponds to the Strabonian text as it was corrected by Radt 2002.

ridian, and which was imagined, for this stretch, on the basis of nautical data dating back to Timosthenes of Rhodes⁷ and reworked by Eratosthenes in order to develop a grid of meridians and parallels⁸.

On the basis of updates matured thanks above all to a broader knowledge of the areas concerned, Eratosthenes also constructed a Nile-Borysthenes alignment, replacing the disposition dating back to Eudoxos of Knidos which connected the Nile with the Tanais-Don (Lasserre 1966. P. 241). This is an important innovation which also involved a different conception of the Maiotic Lake, in that it was imagined not so much as being inclined towards the east but stretching northwards.

To set the pivotal points of his map of the inhabited world, Eratosthenes defined the network of parallels and meridians after carefully selecting cities and places of great historical importance (Bianchetti, forthcoming a). The reference to Dioskourias, instead of the river Phasis, seems to respond to this criterion. Strabo, in fact, reproaches the scientist (Erat. F III B, 93 = Strabo 1. 3. 2 C47) for having considered Issos, instead of Dioskourias, as the eastern extremity of the Mediterranean Sea. The latter nevertheless played a role in Eratosthenes' map, although it was not considered the eastern extremity of the Inland Sea, as Strabo would have thought appropriate.

In his mention of Dioskourias, Eratosthenes (F III B, 65 = Strabo 2. 1. 39 C92) considered this city to be 8,600 stadia away from the Kyanean Rocks, a distance shared by Strabo (12. 3. 17 C548) who reported a series of measurements, totaling 8,000 stadia, taken along the coast of Pontos from Hieron to Phasis.

If we consider that Pliny (NH 6. 15) mentions Timosthenes for the description of Dioskourias where there were 300 different-speaking peoples, we should suppose that Ptolemy II's admiral may have provided Eratosthenes with essential data for the description of the Pontos Euxeinos and for the mapping out of the coasts of this sea.

The measurements of the eastern gulf of Pontos, which were evaluated by Strabo with the same definition of length (north-south) and width (east-west) already noted for the measurement of the western gulf, may also point to Timosthenes. Indeed, the periplographical data reported by Ptolemy II's admiral may have been reworked (together with some data collected for other areas) by Eratosthenes and adjusted to fit the design of the map and the description of the inhabited world contained in his *Geography*, which, for the first time in the history of geographical thought, "dialogued" with the map.

⁷ On Timosthenes: Wagner 1888; Gisinger 1937. P. 1310–1322; Hauben 1996. P. 220–242; Meyer 2013; Prontera 2013. P. 207–217; Roller 2019. P. 56–60; Jones 2020. On the difficulties of navigation in the Black Sea see Labaree 1957. P. 29–33; Arnaud 1992. P. 57–77; Sayar 2021. P. 188–193.

⁸ However, Eratosthenes does not mention Byzantion but the Hellespont in the definition of the main meridian (F II C. 2 = Strabo 1. 4. 2 C63). See n. 44.

In the passage we are discussing here, Strabo, estimates the perimeter of the Pontos to be about 25,000 stadia⁹. Strabo himself (16. 3. 2 C766) quotes Eratosthenes on the Persian Gulf, the perimeter of which (20,000 stadia) was considered by the scientist to be slightly less than that of Pontos. Therefore, the probable Eratosthenic measurement of Pontos can be deduced from Pliny¹⁰ who also quotes the scientist from Cyrene when he reports that the two seas measured 1,546 miles (= 12,360 stadia) + about 100 miles less than 1,438 (= 10,708 stadia).

Regarding the circumference of the Pontos, Ammianus speaks of 23,000 stadia¹¹. This slight contrast concerning these measurements has been differently understood¹², but what seems deducible from the passage by Strabo we are examining is that the two gulfs delineating the two horns of the bow have their meeting point in the Crimean Peninsula (which constitutes the space in the bow handle). They are measured by Strabo, in the case of the western one, from Byzantion to the mouth of Borysthenes, and in the case of the eastern one from the Ram's Forehead to Dioskourias.

We can therefore see that the north-western end of the bow is measured up to a different point from the one where the eastern gulf begins, i.e. the Ram's Forehead. This difference, which moreover indicates greater navigation activity in the western part of Pontos than in the eastern part (Saprykin 2014. P. 353–366; Sayar 2021. P. 188–193), reveals the peculiarity attributed to the Byzantion–Borysthenes section, along which both a highland route and a small cabotage route ran, touching the numerous arbors of the western coast of the Black Sea.

At this point in the description, the geographer introduces the opinion of “some” who represent the contour of Pontos in the form of a Scythian bow¹³ where the chord corresponds to what was by common consent referred to as

⁹ We find Strabo's measurement in the anonym Hypotyposis § 53: Mittenhuber 2011 constituted a new edition of this text (already published in GGM II 494–509) in which he identified three main sources: Strabo, Ptolemy and a periplographical tradition with echoes from Dyonisios Periegetes. The compilation of the Hypotyposis can be dated between 4/5 and 9 Century AD.

¹⁰ Plin. NH 5. 47 = Erat. F III B, 77: Eratosthenes calculates the distance from the mouth of Pontos to the mouth of the Maiotic Lake as 1,545 miles; Plin. NH 6. 3 = Erat. F III B, 78: “Some sources estimate the size of Pontos from the Bosporos to the Maiotic Lake to be 1438½ miles, Eratosthenes considers it to be 100 miles smaller”.

¹¹ Measures analogous to Ammianus' are found in the anonymous PPE 92 (GGM I, 423 = Podossinov 2021) where we read 23,587 stadia, while in Arrian PPE 25 the sum of the single distances is 22,715 stadia (Silberman 1995. P. 66; cf. 1993. P. 276–311). The 3,350 stages of Agathemerios 11 (Diller 1975. P. 63) are interpreted by Leroy 2018 as a possible misunderstanding of the 3,300 stadia of Hdt. 4. 85 relating to the width of Pontos.

¹² Gardthausen 1873. P. 540–41, who thought that both Ammianus and Strabo drew on Eratosthenes, explained the difference in measurements (25,000 in Strabo, 23,000 in Ammianus) as a mistake in the text whereby, in the course of time, an E would have become I.

¹³ On the Scythian bow see Godehardt 2007; 2009; Dan 2013b; Meyer C. 2013. P. 13, fig. 3.

the right bank of Pontos, i.e. the line from Byzantion to Dioskourias. The double curvature of the bow, constituted by the two gulfs described above, is here considered in relation to a bow being held in the hand, thus determining the definition of high and low for the two bays.

It seems to me that we can only note the composite character of the description that Strabo generically attributes to “some”, among whom I find it difficult not to see Eratosthenes. Although not mentioned directly, the scientist is in fact an undoubted point of reference for Strabo in his description, in which we can also detect the presence of Timosthenes, who was Eratosthenes’ source and perhaps the first creator of a comparison, which the scientist from Cyrene was able to develop precisely by exploiting the results of the experience of Ptolemaic seamanship.

2. The Lagids and the Pontos Euxeinos

Traces of intense activity on the part of Lagid ships in the Black Sea have been identified and extensively studied by modern critics, who have attempted to read in a global perspective the scarce data coming from historical documentation, from papyrology, epigraphy and archaeology.

A fragment of the historical work by Memnon of Heraclea, handed down by Photios¹⁴, informs us of a conflict between Byzantion and an alliance comprising Kallatis, the foundation of Heraclea, and Istria regarding the emporium at Tomi. Heraclea did not respond despite the urging of both contenders and then offered diplomatic mediation, an agreement being reached when Kallatis found itself in great difficulty as a result of the conflict.

In modern criticism this war is considered by some to have been limited to the Pontic area (Robu 2014), and by others (Avram 2003; 2004; Archibald 2013; Russell 2016. P. 116–117) as a competition between Hellenistic kingdoms engaged in acquiring spaces of prestige, with the Lagids taking a leading role in the anti-Seleucid function.

Memnon (434 F 15) (Dueck 2006. P. 43–61; Avram 2003. P. 1181–1190) mentions a siege of Byzantion by an Antiochus who can be identified as Antiochus II Theos (261–246), and who was engaged in the campaign in Thrace (Polyaen. 4. 16. Cf. Avram 2003. P. 1183, n. 3; Keaveney, Madden 2011. On numismatic evidence cf. Psoma 2008. P. 257–263). In this same context, it seems possible to place Ptolemy II’s aid to the besieged Byzantion, the plausibility of this intervention being deducible not so much from Photios’ patchy account, which quotes Memnon, as from the concession of divine honors by

¹⁴ BNJ 434 F 13: Keaveney, Madden 2011, on this war (*circa* 260 BC). On Memnon and the dating of his work see Janke 1963. P. 7 ss.; Bittner 1998. P. 4; Dueck 2006. P. 43–62; Yarrow 2006; Desideri 2007. P. 45–59; Davaze 2013; Gallotta 2014. P. 65–77. On Heraclea s. Grammenos, Petropoulos 2003. P. 1403–1419.

Byzantion to Ptolemy II¹⁵. These honors could be interpreted as gratitude to the sovereign for his support to the city in difficulty. According to this interpretation, Ptolemy reputedly played the role of arbiter of the complex situation in the Straits and Pontos, where Alexander's heirs were evidently playing out an important political and economic match.

Presence of the Lagid, which can be defined as significant is also attested, for the years around the middle of the 3rd century BC, by two archaeological testimonies from the Crimean Peninsula, one being the wall painting from Nymphaion, south of Pantikapaion (modern Kerch), the other an inscription on an altar from Tauric Chersonesos.

The fresco from Nymphaion shows a ship clearly bearing the inscription "Isis" on its bow. This ship was interpreted by Vinogradov as being a warship on a mission by Ptolemaios II in winter or spring 254¹⁶. Braund¹⁷ expressed reservations about this interpretation and studied the fresco, the numerous graffiti on these and the two adjoining walls, concluding that the inscription *Isis* was not necessarily contemporary with the image of the trireme. Whatever may be the case, the fresco and the graffiti constitute an "overwhelming concern with the sea" (162). In fact, at the prow of the extant trireme, a large male figure has been scratched, identifiable with one of the Dioscuri, the particular protector deities of sailors. Having examined the structure and the function of the building, Braund is of the opinion that it is not necessarily of religious nature and that the graffiti might have been scrawled in the later third century, when the civil war brought Eumelos to power (163). Braund's remarks about the fresco (in which Isis could simply be the name of the ship) are valid and invite a certain caution in considering it a central piece in the mosaic of international relations between Egypt and Bosporus.

However, the elements in favor of a network of relations between Lagid Egypt and Bosporos are strong and acknowledged by Braund himself, who underlines the religious nature of documents which should not be reduced to a feature of power politics.

Braund also expressed doubts about the second piece of evidence we cited above, i.e. the dedication inscribed on the altar slab from Tauric Kersonesos. It is a dedication by a man – Charmippos son of Prytanis – to Sarapis Isis and Anoubis¹⁸ and dated, on prosopographical and paleographic grounds, to the

¹⁵ Avram 2003. P. 1204–1208 with the arguments in favor of Ptolemy II's intervention in aid of Byzantion and the honors given by the city to the Lagid king. Cf. also Avram 2004.

¹⁶ Vinogradov 1999 (SEG 50, 696). See Sokolova 2000; Murray 2001 (SEG 51, 966); Archibald 2007. P. 254, 258; Marquaille 2008. P. 51: "perhaps a sacred gallery or a warship". On the history of the ancient Nymphaion cf. Avram, Hind, Tsetskhladze 2004. P. 948.

¹⁷ Braund 2018. P. 161 with photo; Bricault 2006 considered the meaning of the fresco obscure; sceptic on ptolemaic influences Kazakevich 2012. P. 186–187.

¹⁸ Vinogradov, Zolotarev 1999. P. 360–365; Braund 2018 notes that the nature of the inscription (*epitagma*) which caused Charmippos to dedicate this altar is not stated.

middle of the 3rd century BC. This date, in contrast to a more conservative estimate (early 2nd century) should also suggest reconsidering the extensive epigraphic documentation recording dedications to the Egyptian gods¹⁹.

Finally, papyrus evidence, to which attention has been drawn several times by Avram and Archibald²⁰, mentions an embassy (September 254) sent by Pairisades II, ruler of Bosporos (c. 284/3 to 245) to Alexandria and the conferring of divine gifts and honors by Byzantion on Ptolemy II²¹.

What is summarized here represents a cluster of information which, read in relation to the Ptolemaic international strategies directed towards the Aegean and beyond into the Black Sea region during the 3rd and 2nd centuries BC, led Avram (2003. P. 1211; cf. 2007. P. 127–153, cf. also Reger 2007. P. 273–285) to speak of a “remarquable domination de Ptolémée II Philadelphie en mer Noire” resulting in “contrôle de la côte méridionale, alliance avec Pairisadeès II, roi du Bosphore, et dissolution de l’alliance entre les villes de la côte occidentale et les Séleucides”.

Archibald (2004. P. 1–15; 2007. P. 253–271) in particular emphasizes the complexity of Black Sea-Ptolemaic relations and considers “formal links between the Ptolemaic crown and Black Sea communities”.

Despite not imagining an anachronistic network of diplomatic relations built up according to the canons of modern mentality, Archibald has nevertheless highlighted two possible levels of relationship between the Lagids and the Pontic area: firstly, an interstate level, with a prominent role played by Lagid diplomacy, and secondly, a local level involving the exchange of relationships between Ptolemaic officials stationed in the various centers of Pontos and local inhabitants.

Whatever the level and manner in which it took place, a network of relations linking Lagid Egypt to the Pontic kingdom undoubtedly emerges from our documentation, although these are not always easily interpretable. Within this context, it seems very likely that Timosthenes played a leading role. He was in fact admiral of Ptolemy II’s fleet and author of geographical works, including *On Harbors* with its description of the coasts of Egypt, the Red Sea, the islands of Asia, Pontos and Europe.

The few remaining fragments of his work give us an idea of the description of the Pontic area. In F 9 Meyer (= Harpocrat. s.v. ἐφ’Ἰερόν = F 24 Roller 2019) and F 10 (Sc. Ap. Rh. 2. 531= F 25 Roller) we read that in

¹⁹ Archibald 2007. P. 254 with important observations on the penetration of Egyptian cults in the Pontic area. Cf. Avram 2011. P. 426–437. On the contacts between Greeks and non Greeks in the Black Sea cf. Dana 2021. P. 31–42.

²⁰ Skeat 1974. P. 62–66. Cf. Archibald 2004. P. 1–15; 2007. P. 253–271; cf. Avram 2012. N 5 (184) on the advancement of Lagid troops from Byzantium to Apollonia.

²¹ Dion Byz. Anapl. Bosp. 41 Güngerich 1958² (ναῶς Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου); on the history of the text cf. Marcotte 2000. P. XXXVIII; CLXIV.

On Harbors, Timosthenes mentioned the sanctuary to the Twelve Gods, located at the Bosporos²². In F 11 Meyer (= Plin. NH 6.15 = F 27 Roller) Timosthenes is reported to have described the city of Dioskourias as being inhabited by three hundred different peoples speaking different languages²³.

In F 25 Meyer (= sch. Theocr.13. 22/23 = F 26 Roller, who omitted the sentence relating to whether the two places belong to Europe or Asia)²⁴ the testimony of Timosthenes is reported within a commentary on the passage of the Argonauts through the Thracian Bosporos. Timosthenes names only one islet with several peaks called Kianeiai (νησίδιον σκοπελωδες, καλεισθαι δὲ τὰς τούτου ἄκρας Κυανέας). He adds that the islet is in Europe while the ἄκρα is in Asia (τὸ μὲν νησίδιον τῆς Εὐρώπης, ἡ δὲ ἄκρα τῆς Ἀσίας) and that they were situated 25 stadia apart (ἀπέχουσι δ' ἀλλήλων σταδίου κε')²⁵.

Wieseler (1879. P. 9) assumed that Timosthenes was the first to describe the Symplegades as a rock with a double peak, formed, according to the myth, by the collision of the rocks after the Argo had passed through. Ptolemy II's admiral also seems to have noted the European and Asian position of the two points, which he considered with a perspective on the division of the continents. This point of view is confirmed by the testimony of a *scholion* to Lucan²⁶ reporting on the theories concerning the division of the inhabited world into continents: Timosthenes is mentioned here among those who divided the inhabited world, not into two or three parts, but into four, adding Egypt to Europe, Asia and Libye.

On this subject, Eratosthenes took a different position and denied that the continents could be divided by rivers or isthmus because the Earth had to be considered unique. I have already observed that behind this position we could perceive the necessity of not entering into a controversy that would have involved the possession of territories by Libya or Asia, which would have involved contrasts between Seleucids and Lagids (Bianchetti 2007–2008. P. 25–39).

²² The sanctuary is also mentioned by Polyb. 4. 39. 5–6 and located by the historian on the Asian coast of the Bosporos. Walbank (1957. P. 487; 489) thinks that Polybios derived the two “geographical” sections (39.1–6 and 43.1–44.10) from marine handbooks (*periplōi*) to them he went back through some literary intermediary, perhaps Diophantos or Demetrios of Kallatis, who wrote on the Black Sea in the third century. Dion. Byz. (Anapl. Bosp. 75) instead located the sanctuary on the European coast, as is also evident from the scholia to Apollonios Rhodios: Long 1987. P. 55 ss.; 153 ss.; 217 ss.; Meyer 2013 comm. *ad loc.*

²³ Strabo (11. 2. 16 C498) attributed this plurality of idioms to the difficulty of communication of these peoples. Wagner 1888. P. 69 believed the Strabo's passage was derived from Eratosthenes.

²⁴ On The ‘Rocky island’ (Skopelodes) also known as Symplegades or Kyaneai, located at the mouth of the Thracian Bosporos, cf. Ruge 1922. P. 2236; Delage 1930. P. 130–135; Meyer 2013. comm. to F 25; Dan 2013a.

²⁵ Cf. PPE 25. 3–4, where there were forty stadia to Hieron. On Hieron Moreno 2008. P. 655–709.

²⁶ F 1 Meyer = F 10 Roller: cf. Zimmermann 1999. P. 73–76.

Despite having different views on the division of the continents, with regard to the area of Pontos as mentioned above, it cannot be ruled out that the both reference to the Symplegades (Erat. F III B, 82 = Tzet. ad Lyc. *Alex.* 1285, to which we have to add Sch. Eur. *Medea* 2. 7) as well as that to Dioskourias (Erat. III B, 65 = Strabo 2. 1. 39 C91) in the *Geography* of Eratosthenes may come from Timosthenes' *On Harbors*.

In addition, the distance from the mouth of Pontos to that of the Maiotic Lake, which was calculated as 1,545 miles by Eratosthenes in Pliny's report (NH 5.47 = Erat. F III B, 77), seems to derive from Timosthenes. Within the Fragments of Eratosthenes, Berger, referring to Pliny's words, also included the measurement of the distance from the canopic mouth of the Nile to the mouth of Pontus (= 2,638 miles) calculated by Timosthenes²⁷.

We have mentioned here the Byzantion-Borysthenes (Erat. F III A, 39 = Strabo 2. 5. 7 C114) and Karambis–Ram's Forehead alignments, which seem to be related to a periplographic method probably used by Timosthenes and it is from Timosthenes that Eratosthenes appears to have derived the use of alignments of localities considered geographically opposite each other and moved by the scientist into the alignment on a meridian, this being the case of Metagonion (Cape tres Forcas, near modern Melilla, in Morocco) which had been placed opposite Massalia by Timosthenes²⁸.

If these traces, which although not numerous are significant, can help us to understand Eratosthenes' debt to the data derived from Timosthenes, we could also hypothesize that the Pontos–Scythian bow comparison was already present, in a more or less defined form, in Timosthenes' work. Eratosthenes may have reworked or constructed the comparison with geometric precision, drawing from it a comparison that was well suited to the descriptive form of the scientist, who favored images that would bring his readers "closer" to remote locations, making it easier for them identify them both on the map and in the text of the *Geography*²⁹.

²⁷ Erat. F III B, 95 = Plin. NH 5. 47 = Timosth. F 2 Meyer = F 15 Roller. Cf. Erat. F II C, 2 = Strabo 1. 4. 2 C63: "In determining the width of the inhabited world, he [Eratosthenes] says that from Meroe it is 10,000 stadia along its meridian to Alexandria, and from there to the Hellespont about 8,100, then 5,000 to the Borysthenes"; F II C, 5 + II C, 7 = Strabo 2. 5. 42 C135: "Eratosthenes says that these regions are a little more than 23,000 stadia from Meroe, since it is 18,000 to the Hellespont and then 5,000 to the Borysthenes" (Transl. Roller 2014).

²⁸ F 29 Meyer = Strabo 17. 3. 6 C827 = F 33 Roller. On the importance of this alignment see Prontera 2013. P. 211: "The mental map underlying the nautical geography of Timosthenes is thus materialized in the geometric construction of Eratosthenes".

²⁹ For the comparison of the fourth part of the sphere in which the inhabited world is inscribed with the head of an artichoke and for the inhabited world like a Macedonian mantle cf. Strabo 2. 5. 5–6 C112–113 = Erat. F II B, 27; for the rowing and sailing ship to which Mesopotamia is compared cf. Strabo 2. 1. 23–26 C78 = Erat. F III B, 25; for the comparison with a butcher knife for the area delimited by the northeastern ocean coast and the Taurus line cf. Strabo 11. 11. 7 C519: Bianchetti 2012. P. 155–171. Important observations on Strabo's comparisons by Biffi 2012. P. 181–214.

To confirm this hypothesis, it can be added that the comparison Pontos–Scythic bow leads us to the form of the Greek letter Σ, bringing to mind a usage to be found precisely in Egyptian contexts and to which Eratosthenes himself was a witness. It will be recalled that the course of the Nile was described as a N (F III B, 51= Strabo 17. 1–2 C 785–786) and that the shape of the mouth of the great Egyptian river was called Delta in the ancient tradition³⁰. These elements are clearly part of an Egyptian tradition, taken up and reworked in the geographical thought, of which we can find traces in the fragments of the works of Timosthenes and Eratosthenes.

The tradition reconstructed here, passed on from Timosthenes to Eratosthenes, probably includes Artemidoros. This seems to be possible to deduce from evidence provided by Strabo (11. 2. 14 C496), who mentions him in connection with sites located in opposite positions (*antikeisthai*) on the two shores of the Black Sea, the so-called Passages being located in front of Sinope, in the same way as Karambis Point faces the Ram’s Forehead³¹.

The fact that Strabo quotes Artemidoros in the description of the coast as far as Dioskourias, i.e. as far as the city whose location Eratosthenes had contested, also suggests that Strabo used Artemidoros’ text to criticize Eratosthenes’ theories, which in turn were largely based, for this area, on Timosthenes.

3. Ammianus Marcellinus

Ammianus Marcellinus, who participated in Julian’s Persian campaign in the second half of the 4th century AD, dedicates a geographical *excursus*³² to the region of Pontos in the book 22 of his *Res gestae* attesting the success of the comparison (Pontos–Scythian bow: 22. 8. 10; 13; 20; 37; 42–43) which I already mentioned at the beginning of this paper:

10. *Omnis autem eius velut insularis circuitus litorea navigatio viginti tribus dimensa milibus stadiorum ut Eratosthenes adfirmat et Hecataeus et Ptolemaeus aliique huiusmodi cognitionum minutissimi scitatores, <in> speciem Scythici arcus nervo coagmentati geographiae totius assensione formatur...*

13. *Extremitates autem arcus utrimque tenues duo exprimunt Bospori e regione sibi oppositi, Thracius et Cimmericus: hac causa Bospori vocitati, quod per eos quondam Inachi filia, mutata (ut poetae locuntur) in bovem, <usque> ad mare Ionium permeavit.*

³⁰ Hdt. 2. 15: see Vasunia 2001. P. 91. Geographical comparisons in: Berger 1880. P. 333–335.

³¹ Cf. also 7. 4. 3 C309; 11. 2. 14 C496; 12. 3.10 C545.

³² On the *excursus* in Ammianus’ work see Emmett 1981. P. 15–33; Caltabiano 1989. P. 289–296; Richter 1989. P. 209–222. On Ammianus see Gualandri 1968. P. 199–211; Cicochka 1975. P. 329–340; den Hengst 1992. P. 39–46; Lana 1993. P. 23–40; Drijvers 1998. P. 268–278; Feraco 2004; 2011 (with bibliography).

20. *Haut procul inde attollitur Carambis, placide collis contra septentrionem Helicen exurgens, cuius e regione est Criumetopon, Taurices promunturium, duobus milibus et quingentis stadiis disparatum. Hocque ex loco omnis ora maritima, cuius initium Halys est amnis, velut longitudine lineali directa nervi efficit speciem, duabus arcus summitatibus complicati...*

37. *Hactenus arcus apex protendi existimatur. Eius nunc residua leniter sinuata, subiectaque ursae caelesti, ad usque laevum Bospori Thracii latus ut ordo postulat, exsequemur; id admonentes, quod, cum arcus omnium gentium flexis curventur hastilibus, Scythici soli vel Parthici, circumductis utrimque introrsus pandis et patulis cornibus, effigiem lunae decrescens ostendunt, medietatem recta et rotunda dividente.*

10. “The complete navigation around its shores, similar to the route around an island, measures 23,000 stadia, as is asserted by Eratosthenes, Hecataeus, Ptolemy, and other very accurate investigators of such problems; and according to the testimony of all geographers it takes the form of a Scythian bow held together by a string.

13. Now the subtle extremities of the bow on both sides are represented by the two Bospori lying opposite to each other, the Thracian and the Cimmerian; and they are called Bospori, as the poets say, because the daughter of Inakos, when she was changed into a heifer, once crossed through them to the Ionian sea.

20. Not far from there the hill called Karambis lifts itself with gentle slope, rising towards the Great Bear of the north, and opposite this, at a distance of 2500 stadia, is Ram’s Forehead. a promontory of Taurica. From this point the whole seacoast, beginning at the river Halys, as if drawn in a straight line, has the form of the string joined to the two tips of the bow.

37. So far the peak of the bow is thought to extend; the remainder of it, gently curved and lying under the Bear in the heavens, we shall now follow as far as the left side of the Thracian Bosporus, as the order demands, with this warning; that while the bows of all other races are bent with the staves curved, in those of the Scythians alone, or the Parthians, since a straight rounded handle divides them in the middle, the ends are bent downwards on both sides and far apart, presenting the form of a waning moon.” (Transl. J.C. Rolfe, Loeb 1940 with modifications).

The mention of Eratosthenes, together with that of Hecataeus and Ptolemy, has given rise – as already noted – to discussions on the possible Eratosthenic authorship of the Pontos Euxeinos–Scythian bow comparison, also in relation to Strabo’s testimony, when he alluded to Eratosthenes in the “some” supporters of the comparison.

We have already noted that Ammianus mentions a measurement of Pontos (23,000 stadia) which differs from that reported by Strabo (25,000). Gardthausen, who thought that the text was corrupted (E misrepresented as Γ),

was also convinced that Ammianus did not use Eratosthenes directly but through Dionysios Periegetes³³.

As for the comparison between Pontos and the Scythian bow, Ammianus's text shows lexical similarities with that of Strabo. However, difficulties, already highlighted by Berger and now by Feraco³⁴, arise concerning Strabo's ἐντεταμένω, which seems to refer to the stretched bow, while Ammianus's *coagmentare* (22. 8. 10) simply means to join.

These difficulties can indeed be overcome in the light of remarks made by Lodesani (2013), where he suggested that Strabo's "stretched" bow should be understood in the light of the way Homer describes the bow scene in Od. 21,406 where τόξον τανύειν indicates the effort of hooking a νευρή string at the two ends of the bow whose curvature was thus accentuated. This would in essence, be the same image suggested by Ammianus who refers to the two ends of the string being joined together.

The statements contained in 22. 8. 13 and 8. 20 are undoubtedly more problematic: if the distance between the two facing promontories (Karambis and Ram's Forehead) is fixed at 2,500 stadia (22.8.20), similarly to Strabo, the design of the arch that emerges from the two passages does not seem very coherent.

In fact, the statement in 22. 8. 20 ("from the cape of Karambis the whole coast starting from the river Halys as in a long straight line takes the form of the string twisted at the two ends of the bow") seems to contrast with what we read in 22. 8. 13 ("represent the thin ends of the bow on the one hand and on the other the two Bosphoros, Thracian and Cimmerian opposite each other in a straight line"). In fact, in § 20 the string seems to start from Halys and proceed eastwards, excluding the stretch from the Thracian Bosphoros to Halys or Karambis (about 300 km between them).

³³ Gardthausen 1873. P. 547. Berger 1880. P. 333–334, n. 2 expressed doubts about the exclusively Eratosthenic origin of the data in 22. 8. 10. In the commentary of Groningen 1995. P. 102 it is assumed that the names of Eratosthenes, Hecataeus and Ptolemy were inserted by Ammianus only to give credibility to the reported data (see Fornara 1992. P. 426 "references to... Eratosthenes and others are mostly ornamental and usually derivative"). The possibility that Ammianus drew directly from Strabo has also been questioned, due to the lack of success and diffusion of Strabo's *Geography* in antiquity: Gardthausen 1873. P. 543–544; Keyser 1991. P. 345. Feraco 2004. P. 130–132; cf. Vanhaegendoren 2005. P. 500–503 (for the presence of Strabo in some passages of the *Res gestae*) who has pointed out some significant similarities between Strabo's text and that of Ammianus, believes that the possibility of a doxographic source from which Ammianus would have drawn most of his geographical information cannot be excluded (2011. P. 185). Moreover, on the sources of Ammianus in the description of Pontos Euxeinos cf. Fontaine 1996. P. 271–72, n. 604; Sundwall 1996. P. 619–643; Feraco 2000. P. 247–281; Dan 2013b. P. 39–58.

³⁴ On the translations of Seyfarth 1970. S. 23 ("Bogen, der mit der Sehne gespannt ist"), Fontaine 1996. P. 106 ("arc scythique tendu") see Feraco 2011. P. 183–184, who also criticizes the interpretation of den Boeft et alii (1995) according to which when the bow is stretched the two ends appear to be joined and thus justify Ammianus' *coagmentare*.

There have been many attempts to resolve this discrepancy³⁵, and I believe that the most reasonable explanation is the interpretation formulated once again by Lodesani, who has attempted to trace the statements made by Ammianus back to a conception in which the Maiotic Lake was moved further east than it actually is in reality (22. 8. 11) and the two Bosphoros were well spaced apart with the Cimmerian set back to the east.

It is a conception that Lodesani rightly compares to that of Polybios (4.39.1: “That which is called Pontos has a perimeter very close to 22,000 stadia and two mouths situated in diametrically opposite positions, one on the side of the Propontid, the other on the side of the Maiotic Lake, which in itself has a circumference of 8,000 stadia”) with the two Bosphoros diametrically opposite each other. This was an hodological representation in which the water route running from the Propontid to the Thracian Bosphoros and the Cimmerian was a line probably drawn along routes directly connecting centers of major economic interest.

What Polybios presents is, in substance, a different conception from the geometric one outlined by Ammianus (22. 8. 20) in terms similar to those of Strabo’s passage: in both texts the reference to a straight line for the bow’s string and the ends of it fixed to the Thracian Bosphoros and to Dioskourias suggest a representation – a “map”, we might say – which I do not think it is hazardous to identify with that of Eratosthenes.

It is well known that Polybios disputed the Eratosthenic map on several occasions: the direction of the river Tanais, which Eratosthenes imagined as having a longitudinal course – probably on the basis of the description by

³⁵ Gualandri (1968. P. 205–220) saw a contradiction between the two passages concerning the chord of the bow, which in 8. 20 seems not to include the stretch between the Thracian Bosphoros and the river Halys, while in 8. 13 the Thracian Bosphoros is understood as one of the two ends of the bow. She found the origin of the contradiction in a passage by Dionysios Periegetes (156–162), who considered the southern coast of Pontos straight, located on the right of those arriving from the Thracian Bosphoros: only the promontory of Karambis seemed to interrupt this line since it juts out to the north. The hypomnematic source from which Ammianus drew would have misunderstood the passage and therefore excluded from the line the stretch from the Thracian Bosphoros to Karambis. den Boeft et alii 1995. P. 113 believe that Ammianus imagines a straight line from Karambis to the two Bosphoros. Fontaine (1996. P. 285, n. 707), on the other hand, thinks that the bow should be imagined stretched with an archer who stretches the rope at the height of Karambis: the promontory would constitute an angle whose sides would be knotted at the two ends of the bow formed by the two Bosphoros. Feraco (2011. P. 202–204), considering that Ammianus does not say where the rope ends but where it begins – i.e. at Halys, east of the Karambis – speculates that the beginning of the rope at the Hays was justified by the proximity of the river to the promontory or that Ammianus misunderstood the expression of Strabo (*ὁ παράπλους ὁ ἀπὸ τοῦ στόματος*) and imagined that the end of the rope began not from the mouth of Pontos, i.e. from the Thracian Bosphoros, but from the mouth of the river Halys, which is found shortly after Karambis. Finally, he believes that Ammianus uses different sources in 8. 13 and 8. 20 and refers in 8. 20 to the same map underlined by Strabo (2. 5. 22 C125) and unknown to us, while in 8. 13 the reference to the two Bosphoros refers to another unidentifiable source. Feraco concludes that, since the Pontos is considered a double sea, cannot be excluded that Ammianus alludes in 8. 13 to a bow limited only to the western part of the Pontus (see Fig.1: Fontaine 1996 with drawing).

Pytheas³⁶ – the Tauros, which Eratosthenes drew superimposed on the line of the 36th parallel, while Polybios imagined it inclined from south-west to north-east as in the “ancient maps” (Prontera 2001. P. 1061–1064; 2005–2006. P. 89–106), the Meotid Lake, located by Eratosthenes to the north rather than to the east of Pontos³⁷.

Even the description of Pontos, therefore, with the ends of the sea in the two Bosphors, seemed to be in conflict with the conception of Eratosthenes and the Scythian bow drawn by the geographer with the two ends defined in the manner described above.

Thus, the idea of Pontos which Polybios developed and which was different from that of Eratosthenes may have left a trace in the description by Ammianus, who (22. 8. 20) seems to have clumsily described the Asian coast, making it straight, except for the protuberance of the Karambis promontory. Thus, Ammianus may have meant: “After the Karambis the whole coast, starting from Halys, is straight and offers together with the coast before the Karambis the image of a tightstring”.

In conclusion it can be said that our sources provide us with traces of two different descriptions of Pontos: one of a periplographic-timosthenic matrix, on which Eratosthenes’ scientific conception is based, and one of a historical-geographical matrix – in short, a political conception of space – which is the basis of Polybios’ conception.

The genesis and elaboration of the comparison between Pontos and the Scythian bow (unmentioned by Polybios) can be identified in the context of the frequentation of the Black Sea, which, at the time of the Lagids and especially thanks to the work of Timosthenes, was translated into a precise and comprehensive description of the coasts of this sea. Eratosthenes may have drawn on this description by reworking the drawing of a sea or constructing it on a geometric basis so that it was comparable to a Scythian bow, just as other realities of the ecumene were considered similar to concrete objects (chlamys, butcher’s knife, ship).

This description becomes an unavoidable point of reference, as is also clear from Ammianus’ statement (regardless of how true it may actually be), which quotes Eratosthenes along with Hecataeus and Ptolemaeus in support of his own description.

Ammianus’ testimony, which shows a differently oriented bow, is in any case precious in that it allows us to identify and comprehend the traces of a different conception from that of Eratosthenes, probably one of Polybian or-

³⁶ Bianchetti forthcoming b.

³⁷ Berger 1903². S. 103; Fontaine 1996. P. 279 for the Maiotic Lake, sloped towards the east in Ammianus’ description.

igin, and perhaps part of the numerous “corrections” that Polybios wanted to make to the Alexandrian “map”.

The Scythian bow with the two ends of the string fixed in the two Bospori corresponds to a less geometric and more historical vision of space, in which it is possible to recognize, for example, a line through the two Bospori directly connecting political and economic realities of indisputable historical importance.

What is of course implicit in Polybios’ “correction” of the Eratosthenic conception, is the recognition of the importance of those world maps, which had become a point of reference for any representation of the ecumene. The choice of figures, such as the Scythian bow, which aimed to facilitate the understanding of distant spaces to a non-expert audience was destined to enjoy great fortune in the history of geographical thought. However, Eratosthenes’ choice of information and informants could not have been fully or indeed always shared by those who, like Polybios, were animated first and foremost by pro-Roman sentiments and would never have sacrificed their ideals in the name of science.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Archibald Z.H.* In-Groups and out-Groups in the Pontic Cities of the Hellenistic Age // *Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology* / Ed. by C.J. Tuplin (Colloquia Pontica; 9). Leiden; Boston, 2004. P. 1–15.
- Archibald Z.H.* Contacts between the Ptolemaic Kingdom and the Black Sea in the Early Hellenistic Age // *The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges* / Ed. by V. Gabrielsen, J. Lund (Black Sea Studies; 6). Aarhus, 2007. P. 253–271.
- Archibald Z.H.* *Ancient Economies of the Northern Aegean*. Oxford, 2013.
- Armayor O.K.* Did Herodotus ever go to the Black Sea? // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1978. T. 82. P. 45–62.
- Arnaud P.* Les relations maritimes dans le Pont-Euxine d’après les données numériques des géographes anciens (pseudo-Scylax, Strabon, Pomponius Mela, Plin, Arrien, Anonyme de 500, Marcien d’Héraclée) // *REA*. 1992. Vol. 94. P. 57–77.
- Aujac G.* *Strabon, Géographie, Livre II*. Paris, 1969.
- Avram A.* Antiochos II Théos, Ptolémée II Philadelphie et la mer Noire // *CRAI*. 2003. P. 1181–1213.
- Avram A.* Sur la date de divinisation de Ptolémée II Philadelphie à Byzance // *Orbis antiquus. Studia in honorem Ioannis Pisonis* / Ed. L. Ruscu. Cluj-Napoca, 2004. P. 828–833.

- Avram A., Hind J., Tsatskhladze G.R.* The Black Sea area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxford, 2004. P. 924–973.
- Avram A.* L’Égypte lagide et la Mer Noire: approche prosopographique // La Méditerranée d’une rive à l’autre: culture classique et cultures périphériques / Actes 17 Colloque de la Villa Kérylos à Beaulieu-sur-mer 2006, Publ. Acad. des Inscriptions et Belles Lettres. 2007. P. 127–153.
- Avram A.* Les cités grecques du Pont Gauche et les royaumes hellénistiques: autonomie et dépendance // Forme sovrapoleiche e interpoleiche di organizzazione nel mondo greco antico. Atti Convegno Internazionale Lecce 2008 / Ed. M. Lombardo, F. Frisone. Galatina (Lecce), 2011. P. 426–437.
- Avram A.* Les étrangers dans la diplomatie des cités grecques le la mer Noire (époques hellénistique et imperiale) // Cahiers Centre G. Glotz. 2012. T. 23. P. 181–193.
- Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Leipzig, 1880.
- Berger H.* Geschichte des wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipzig, 1903².
- Bianchetti S.* La carta di Eratostene e la sua fortuna nella tradizione antica e tardo-antica // Geographia Antiqua. 2007–2008. Vol. XVI–XVII. P. 25–39.
- Bianchetti S.* I Greci e il “mare esterno”: dalle esplorazioni delle aree estreme alla rappresentazione “scientifica” dell’ecumene // Los Griegos y el mar, Revisiones de Historia Antigua VI / Ed. J. Santos Yanguas, B. Díaz Ariño. Vitoria; Gasteiz, 2012. P. 155–171.
- Bianchetti S.* I mari di Eratostene // Homeron ex Homerou saphenizein. Omaggio a D. Musti Chieti 2011 / Ed. U. Bultrighini, E. Dimauro. Lanciano, 2013. P. 293–314.
- Bianchetti S.* I centri urbani nella “carta” alessandrina. (forthcoming a).
- Bianchetti S.* Istmo Tanais e mar Caspio: storia di un passaggio a Nord-Est. (forthcoming b).
- Biffi N.* “E’ simile a”...L’uso delle immagini nella *Geografia* di Strabone // Scienza antica in età moderna. Teoria e immagini / Ed. V. Maraglino. Bari, 2012. P. 181–214.
- Bittner A.* Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung (Asia Minor Studien; 30). Bonn, 1998.
- Bord L.J., Mugg J.P.* L’arc des steppes: étude historique et technique de l’archerie des peuples nomades d’Eurasie. Aix-en-Provence, 2005.
- Braund D.* Greek Religion and Cults in the Black Sea region. Goddesses in the Bosphoran Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge, 2018.
- Bricault L.* Isis dame des flots. Liège, 2006.
- Caltabiano M.* Il carattere delle digressioni nelle *Res Gestae* di Ammiano Marcelino // Metodologie della ricerca sulla tarda antichità. Atti del Primo Convegno

dell' Associazione di Studi Tardoantichi / Ed. A. Garzya. Napoli, 1989. P. 289–296.

Cicochka H. Die Konzeption des Exkurses im Geschichtswerk des Ammianus Marcellinus // *Eos*. 1975. Vol. 63. P. 329–340.

Corcella A. Erodoto. Le Storie. Libro IV. La Scizia e la Libia, Introduzione e commento di A. Corcella, Testo critico di S.M. Medaglia, Traduzione di A. Frascchetti. Milano, 1993.

Dan A. Entre Rochers sombres et errants: sur les difficultés de dresser une carte historique du Bosphore antique // *L'Anatolie des peuples, cités et cultures (IIe millénaire av.J.-C. – Ve siècle ap. J. C.)*. Autour du projet d'Atlas historique et archéologique de l'Asie Mineure antique. Actes du colloque international de Besançon 2010 / Ed. H. Bru, G. Labarre. Besançon, 2013. P. 85–104. (a)

Dan A. The Black Sea as a Scythian Bow // *Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity (Thessaloniki 2012)* / Ed. M. Manoledakis (BAR International Series; 2498). Oxford, 2013. P. 39–58. (b)

Dana M. Greeks and non Greeks in Contact: Commercial and Epigraphical Practices according to the Lead and Ostrakon Letters from the Northern Black Sea // *Peoples in the Black Sea Region from the Archaic to the Roman Period: Proceedings of the 3rd International Workshop on the Black Sea in Antiquity Held in Thessaloniki, 21–23 September 2018* / Ed. M. Manoledakis. Oxford, 2021. P. 31–42.

Davaze V. Memnon, historien d'Héraclée du Pont: commentaire historique. PhD Diss. Université du Maine, 2013.

Delage E. La géographie dans les Argonautiques d'Apollonios de Rhodes. Paris, 1930.

den Hengst D. The scientific digressions in Ammianus' *Res Gestae* // *Cognitio Gestorum: The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus* / Ed. J. den Boeft, D. den Hengst, H.C. Teitler. Amsterdam, 1992. P. 39–46.

den Boeft J., Drijvers J.M., den Hengst D., Teitler H.C. Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXII. Groningen, 1995.

Desideri P. I Romani visti dall'Asia: riflessioni sulla sezione romana della Storia di Eraclea di Memnone // *Tra Oriente e Occidente. Indigeni, Greci e Romani in Asia Minore* / Ed. G. Urso. Torino, 2007. P. 45–59.

Diller A. Agathemerus, Sketch of Geography // *GRBS*. 1975. Vol. 16. P. 59–76. = *Diller A.* *Studies in Greek Manuscripts Tradition*. Amsterdam, 1983. P. 69–86.

Drijvers J.M. Ammianus Marcellinus on the Geography of the Pontus Euxinus // *Histos*. 1998. P. 268–278.

Dueck D. Memnon of Herakleia on Rome and the Romans (43–61) // *Rome and the Black Sea Region: Domination, Romanisation, Resistance* / Ed. by T. Bekker-Nielsen (Black Sea Studies; 5). Aarhus, 2006. P. 43–61.

- Emmett A.M.* Introductions and Conclusions to Digressions in Ammianus Marcellinus // *Museum Philologum Londiniense*. 1981. Vol. 5. P. 15–33.
- Feraco F.* Gli studi sulle fonti geografiche di Ammiano Marcellino // *Boll. Studi latini*. 2000. Vol. 30. P. 247–281.
- Feraco F.* Ammiano geografo: la digressione sulla Persia (23.6). Napoli, 2004.
- Feraco F.* Ammiano geografo. Napoli, 2011.
- Fontaine J.* Ammien Marcellin, Histoires III (livres XX–XXII) / Texte établi, traduit et annoté par J. Fontaine avec la collaboration de E. Frézouls et J.D. Berger. Paris, 1996.
- Fornara C.W.* Studies in Ammianus Marcellinus II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature // *Historia*. 1992. Vol. 41. P. 420–438.
- Gallotta S.* Appunti su Memnone di Eraclea // *Erga-Logoi*. 2014. Vol. 2. P. 65–77.
- Gardthause V.* Die geographischen Quellen Ammians // *Jahrbuch für classische Philologie*. Suppl. 6. Leipzig, 1873. P. 509–556.
- Geus K.* Die Geographika des Eratosthenes von Kyrene: Altes und Neues in Terminologie und Methode // *Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume der Antike* / Ed. M. Rathmann. Mainz, 2007. S. 111–122.
- Gisinger F.* Timosthenes // *RE*. VI A2, 1937. Col. 1310–1322.
- Godehardt E.* Der skythische Bogen // *Reflexbogen. Geschichte & Herstellung* / Ed. L.M. Bittlet et alii. Ludwigshafen, 2009. P. 27–60.
- Godehardt E., Jaworski J., Pieper P., Schellenberg H.M.* The Reconstruction of Scythian Bows // *The Cutting Edge: Studies in ancient and medieval combat* / Ed. by B.P.C. Molloy. Stroud, 2007. P. 112–133.
- Grammenos D.V., Petropoulos E.K.* (Ed.). *Ancient Greek Colonies in the Black Sea*. Thessaloniki, 2003. P. 1403–1419.
- Grilli A.* Mela 1, 102 e la descrizione del Mar Nero // *RFIC*. 1979. Vol. 107. P. 179–181.
- Gualandri I.* Fonti geografiche di Ammiano Marcellino XXII, 8 // *Parola del Passato*. 1968. T. 23. P. 199–211.
- Güngerich R.* Dionysii Byzantii Anaplys Bosphori una cum scholiis X saeculi. Berlin, 1958² (1927).
- Hauben H.* Timosthène et les autres amiraux de nationalité rhodienne au service des Ptolémées // *Proceedings of the International Scientific Symposium Rhodes: 24 Centuries 1992* / Ed. G. Gizelis. Athens, 1996. P. 220–242.
- Hind J.G.F.* A Sea 'Like a Scythian Bow' and Herodotus' 'Rugged Peninsula' (Hist. 4. 99) // *North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies* / Ed. by G.R. Tsetschkladze. Leiden, 2001. P. 25–31.
- Ilyushechkina E.* Studien zu Dionysios von Alexandria. Groningen, 2010.
- Janke M.* Historische Untersuchungen zu Memnon von Herakleia. Würzburg, 1963.

- Jones N.F.* Timosthenes of Rhodos 354 // *Jacoby Online*. Brill's New Jacoby – Second Edition. Part III7 / Ed. I. Worthington. Brill, 2020.
- Kazakevich G.* Celtic military equipment from the territory of Ukraine: towards a new warrior identity in pre-Roman Eastern Europe // *Transforming traditions; studies in archaeology, comparative linguistic and narrative* / Ed. by M. Fomin, V. Blazek, P. Stalmaszczyk. Lodz, 2012. P. 177–212.
- Keaveney A., Madden J.A.* Memnon 434, *Jacoby Online*. Brill's New Jacoby, Part III / Ed. I. Worthington. Leiden, 2011.
- Keyser P.T.* Geography and Ethnography in Sallust. Diss. Univ. Colorado, 1991.
- Labaree B.W.* How the Greeks sailed into the Black Sea // *American Journal of archaeology*. 1957. Vol. 61. P. 29–33.
- Lana I.* Ammiano Marcellino e la sua conoscenza degli autori greci // *Politica, cultura e religione nell'Impero Romano (secoli IV–VI) tra Oriente e Occidente*. Atti II Convegno Associazione Studi Tardoantichi / Ed. F. Conca, I. Gualandri, G. Lozza. Napoli, 1993. P. 23–40.
- Lasserre F.* Die Fragmente des Eudoxos von Knidos. Herausgegeben, übersetzt und kommentiert. Berlin, 1966.
- Leroy P.O.* Agathemeros 2102 // *Jacoby Online*. Die Fragmente der Griechischen Historiker Continued, Part V / Ed. H.-J. Gehrke, F.K. Maier. Leiden, 2018.
- Lodesani D.* Recensione a: Feraco, Ammiano geografo // *GIF*. 2013. P. 342–352.
- Lodesani D.* Dionisio Periegeta. Descrizione dell'ecumene. Introduzione, testo critico, traduzione e commento. Roma, 2022.
- Long Ch.* The Twelve Gods of Greece and Rome. Leiden, 1987.
- Marcotte D.* Les Géographes grecs. Introduction générale. Pseudo-Scymnus. Paris, 2000.
- Marquaille C.* The foreign policy of Ptolemy II // *Ptolemy II Philadelphus and his world* / Ed. P. McKechnie, P. Guillaume. Leiden, 2008. P. 39–64.
- Meyer C.* Greco-Scythian Art and the Birth of Eurasia: From Classical Antiquity to Russian Modernity // *Oxford Studies in ancient culture and representation*. Oxford; New York, 2013.
- Meyer D.* Timosthenes // *Jacoby Online FGrHist V* / Ed. H.-J. Gehrke, F. Maier. Leiden, 2013.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology in the North Coasts of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 2013.
- Mittenhuber F.* Hypotyposis // *Jacoby Online FGrHist V* / Ed. by H.-J. Gehrke, F. Maier. Leiden, 2011.
- Moreno A.* Hieron. The Ancient Sanctuary at the Entrance of the Black Sea // *Hesperia*. 2008. Vol. 77, 4. P. 655–709.

- Murray W.M.* A trireme named Isis: the sgraffito from Nymphaion // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 2001. Vol. 30. P. 250–256.
- Podossinov A.V.* Anonymous, Circumnavigation of the Black Sea 2037 // *Jacoby Online*. FGrHist V / Ed. by H.-J. Gehrke, F. Maier. Leiden, 2021.
- Prontera F.* Αρχαῖοι πίνακες nella geografia di Polibio // *Poikilma*. Studi in onore di M.R. Cataudella / Ed. S. Bianchetti et alii. II La Spezia. 2001. P. 1061–1064.
- Prontera F.* L'Asia Minore nella carta di Eratostene // *Geographia Antiqua*. 2005–2006. Vol. XIV–XV. P. 89–106.
- Prontera F.* Timosthenes and Eratosthenes: Sea Routes and Hellenistic Geography // *The Ptolemies, the Sea and the Nile: Studies in Waterborne Power* / Ed. by K. Buraselis, M. Stefanou, D. Thompson. Cambridge, 2013. P. 207–217.
- Psoma S.* Numismatic Evidence on the Ptolemaic Involvement in Thrace During the Second Syrian War // *American Journal of Numismatics*. 2008. Vol. 20. P. 257–263.
- Radt S.* Strabons *Geographika*. Band 1, Prolegomena, Buch I–IV: Text und Übersetzung. Göttingen, 2002.
- Reger G.* Traders and Travelers in the Black and Aegean Sea // *The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges* / Ed. by V. Gabrielsen, J. Lund (Black Sea Studies; 6). Aarhus, 2007. P. 273–285.
- Richter U.* Die Funktion der Digressionen im Werk Ammians // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*, NF. 1989. Bd. 15. S. 209–222.
- Robu A.* Les relations de Byzance avec les cités du Pont Gauche à l'époque hellénistique: La guerre pour l'emporion de Tomis // *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods* / Ed. V. Cojocar, A. Coşcun, M. Dana. Cluj-Napoca, 2014. P. 187–206.
- Roller D.W.* *The Geography of Strabo. An English Translation, with Introduction and Notes*. Cambridge, 2014.
- Roller D.W.* Timosthenes of Rhodos // *New Directions in the Study of Ancient Geography* / Ed. by D.W. Roller. Pennsylvania Univ., 2019.
- Ruge W.* Kyaneai 3 // *RE*. XI, 2, 1922. Col. 2236.
- Russel Th.* Byzantium and the Bosphorus. A historical Study from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2016.
- Saprykin S.* The pontic proxenies and the sea routes of the Ancient Greeks in the Euxine // *The International Journal of maritime history*. 2014. Vol. 26. P. 353–366.
- Sayar M.H.* Trade routes and the historical geography of the south-western coast of the Black Sea and the mouth of the Bosphorus // *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC – 5th century AD): 20 Years On (1997–2017)*. Proceedings of the Sixth International Congress on Black Sea Antiquities (Constanta 2017) dedicated to J. Boardman / Ed. by G.R. Tsetschladze, A. Avram, J. Hargrave. 2021. P. 188–193.

ЧЕРНОЕ МОРЕ КАК СКИФСКИЙ ЛУК: ГЕНЕЗИС ОБРАЗА

Сравнение Черного моря со скифским луком встречается во многих источниках (в частности, Strabo 2. 5. 22 С125), но только Аммиан Марцеллин (22. 8. 10) упоминает Эратосфена, Гекатея и Птолемея в контексте описания, посвященного очертанию этого моря.

В данной работе я хотела бы исследовать, можно ли возвести сравнение со скифским луком к Эратосфену. Исследование комплекса сведений Страбона фактически выявляет полемику относительно Причерноморья, которую географ из Амазии ведет с ученым из Александрии. В частности, Эратосфен считал восточной оконечностью Средиземноморья не Диоскурию, а Иссос, и явно приписывал иные характеристики и функции Причерноморью по сравнению с представлениями Страбона.

В описании Страбона отчетливо вырисовывается роль Тимосфена Родосского, адмирала Птолемея II, предоставившего Эратосфену почти все данные измерений, полученных им в морских путешествиях, которые он совершил, находясь на службе у Лагидов.

В ходе исследования важных литературных памятников, а также папирологии и археологических данных, равно как недавней дискуссии об историческом и политическом значении этих сведений, предстает густая сеть торговых и политических отношений, связывавших Причерноморье с Египтом ранних Лагидов. В данном контексте роль Тимосфена, несомненно, усматривается, и исследование некоторых фрагментов его сочинения выявляет важные моменты использования сочинения Эратосфена, повторяющего придворного адмирала. Гипотетически даже сравнение Черного моря со скифским луком могло каким-то образом появиться на основании описания Тимосфена.

Наконец свидетельство Аммиана Марцеллина, показывающее иначе ориентированный лук, тем не менее ценно, поскольку позволяет идентифицировать и осмыслить следы отличной от Эратосфена концепции, вероятно, исходящей от Полибия; возможно, она относится к тем многочисленным «исправлениям» Полибия, которые он собирался внести в александрийскую «карту». Роль Полибия в описании Понта, которое мы пытаемся реконструировать с помощью комплексного свидетельства Аммиана, также способствует разъяснению роли Эратосфена в определении образа (Понт-скифский лук), что вполне согласуется с методом ученого, который, создавая карту мира, использует сравнения географических регионов с конкретными предметами (хламида, нож мясника, корабль), чтобы его сложные геометрические теории стали понятными читателям.

Ключевые слова: Черное море, скифский лук, Аммиан Марцеллин, Эратосфен, Гекатей, Птолемей

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-50-73

С.Ю. Сапрыкин

«ЭМПОРИЙ – ПОЛИС» В ДРЕВНЕМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Статья посвящена изучению понятия «эмпорий» в древнем Причерноморье. Автор приводит различные точки зрения о характере греческой колонизации Причерноморья, об урбанистике и превращении апойкий в полисы. Он возражает против ранее постулировавшихся положений об эмпориальной стадии греческой колонизации, двусторонности основания колоний, когда в этом процессе принимали участие эллины и местное население. Базовый тезис автора заключается в том, что апойкия и полис – это разные социально-экономические и социально-политические понятия. Апойкия – это община колонистов, не достигшая уровня города-государства, а полис – это развитая гражданская община с системой государственной власти и управления. Торговля могла осуществляться через апойкию, т.е. она могла брать на себя функцию эмпория, но исключительно по инициативе частных лиц – эмпоров. При этом она не являлась эмпорием как поселенческая структура. В полисе же торговля контролировалась властями общины, поэтому эмпории и купцы (эмпоры) находились под защитой государства и законов полиса (асилия, ателия, полития и т.п.). Поэтому в полисе эмпории функционировали в виде кварталов, рынков, пристаней, гаваней как часть города либо в качестве отдельных гаваней и портов за его пределами, но непременно на хоре полиса. Автор приходит к выводу, что термин «эмпорий» в античных источниках о Причерноморье получил различное толкование. Он применялся по отношению к крупным городам-полисам, которые вели посредническую торговлю, осуществляя переброску товаров из Эгеиды и причерноморских портов к варварам и от варваров через свои гавани в Эгеиду и Понт. Эти товары вывозили с хоры полисов, где в процессе развития полисных отношений возникали различные поселения. В Западном Причерноморье греческие полисы часто основывали торговые поселения на большом отдалении от собственной хоры, однако они не назывались эмпориями, хотя выполняли их функции. Пантикапей вывел эмпории в Нижнее Подонье, например, Танаис, который через некоторое время стал гражданской общиной и включил в свою структуру ранний эмпорий. Поэтому эмпориями называли порты, рынки, гавани, места для торговли и заключения торговых сделок, отдельные кварталы и блоки для торговцев в крупных полисах и «малых городах». Термин «эмпорий» применялся к общинам колонистов, не достигших уровня апойкий и тем более полиса, а также к гаваням на отдаленных территориях или возникавших на некотором расстоянии от апойкий-полисов, в том числе в варварском хинтерланде

(Пистирос). В Южном Причерноморье эмпории основывали как торговые гавани на хоре полисов, в результате чего они были включены в единую полисную структуру, но уже после обустройства хоры. Эмпории не основывали в ходе колонизации как предтечи колоний, они всегда возникали после их выведения в ходе создания полисных структур. Поэтому, заключает автор работы, причерноморские эмпории выступали как элемент полисов, а сами полисы принимали активное участие в торговле через эмпории – элемент урбанизационной структуры как часть города (полиса) внутри общины или как поселенческая структура за пределами общины на созданной полисной хоре (ближней и дальней). Варвары же подключались к торговле только в процессе формирования полиса или уже после его создания.

Ключевые слова: колонизация, апойкия, эмпорий, полис, торговля, хора, малые города, гавани, греки, варвары

Проблема, вынесенная в заголовок этой работы, связана с греческой колонизацией и развитием полисных государств. Ее обычно изучают в контексте трансформации доколониционных эмпориев в полисы в соответствии с троичной схемой: эмпории > апойкии > полисы. Понятие «полис» в социальном смысле имеет два значения – город-государство, гражданская община. Полис развился из сельской или соседской общины и сохранил в целом коллективную форму общинного землевладения, которая опосредовала индивидуальное владение гражданином земельного участка. Полис – это система отношений между членами общины, поэтому в греческих источниках термином «полис» иногда обозначалась община. В связи с этим следует сразу оговорить – колония (апойкия) могла быть полисом, но только как община колонистов без органов власти и свода законов (политии), что соответствовало государству. Она превращалась в государство только тогда, когда в общине принимались законы, появлялись магистратуры и т.п. В этом случае термин «полис» соотносится с государственной и политической структурами. Развитие земледелия – основы полисной экономики – неизбежно способствует экономической активности ремесленников, купцов-эмпоров, развивавших внутреннюю и внешнюю торговлю. В этих условиях в складывавшемся полисе возрастает понятие «город», которое приобретает экономический оттенок (Hansen 1998; Hansen 2000. P. 141–187; Hansen 2000a. P. 173–251). В таком случае в системе «полис – государство» и «город – полис» эмпорий как часть городской структуры в рамках полиса получает особое значение (Counillon 1993. P. 46–57; Rouillard 1993. P. 34–46; Étienne 1993. P. 22–34). Аристотель пишет: «... и теперь мы видим, что многие местности и города имеют порты и гавани с прекрасным расположением относительно городов, они не составляют единого целого

с ними, не располагаются от них на далеком расстоянии и город может распространить на них свою власть с помощью стен и прочих фортификационных сооружений» (Arist. Pol. VII. 5. 1327a). Из этого следует, что эмпории, торговые порты и гавани греков были связаны с городами, хотя и не всегда составляли с ними единое целое, но город мог распространить на них влияние и власть.

Термин «эмпорий» связан с торговлей и торговым обменом (*emporía*), которыми занимаются купцы (*emporoi*), поэтому эмпориями называли места, где осуществлялся обмен товарами и заключались коммерческие сделки. Они, как правило, располагались на побережье, чтобы легче доставлять товары по водным артериям (рекам, озерам, лиманам, заливам и т.п.), но иногда они возникали внутри страны. Греческие источники использовали термин «эмпорий» по отношению к торговым портам и гаваням, поэтому в их представлении он отличался от понятий «полис», *polichnion*, гавань, кома. Эмпории могли находиться вне пределов города, на некотором расстоянии от него, но, как правило, там, где заканчивались водные торговые маршруты (Casevitz 1993. P. 9–20; Hind 1995/1996. P. 113–126). Эмпорий мог быть автономным и независимым от полиса, но иметь связь с городом и проживавшими в нем иноземными торговцами (Velissaropoulos 1977. P. 61–85; Velissaropoulos 1980. P. 29–48). А. Брессон, например, утверждал, что эмпорий составлял едва ли не главную часть города-государства (полиса) и зависел от его городской половины – *astu*, т.е. собственно города, поскольку полис не мог развиваться без торговли – одной из движущих сил его экономики (Bresson 1993. P. 164). М. Хансен отмечал, что в Греции классической эпохи были общины (полисы) с эмпориями и общины, которые сами являлись эмпориями. Город как часть полисной гражданской общины с гаванью был центром заморской торговли (Hansen 1997. P. 86–103). Эта концепция предусматривает, что термин «полис» по смыслу соответствует значению «город», т.е. последний выступает как урбанистический центр полиса – города-государства. В таком случае «эмпорий» – это город, центр полиса как политического образования или «гражданской общины», когда жители получали гражданские права и община обзаводилась магистратурами, в том числе теми, которые следили за выполнением принимаемых законов как важнейшей составной части политики (*politeia*), т.е. конституции и государственного строя.

Концепция «автономного эмпория» появилась в связи с теорией т.н. «эмпориальной стадии» Великой греческой колонизации. В ее основу заложена идея о доколониционных контактах греков (Rostovtzeff 1922. P. 65; Жебелев 1953. С. 51, 196; Gajdukevič 1971; ср.: Блаватский 1954. С. 8). Она сводится к тому, что еще до колонизации или на ее ранней стадии греки выводили эмпории или торговые фактории для коммерческих

делок с варварами, так как последние достигли высокого уровня экономики. Они являлись предшественниками городов-колоний (Иессен 1947. С. 76; Белов 1948. С. 32; Блаватский 1954. С. 16; Блаватский 1959. С. 11; Блаватский 1964. С. 15–23), поэтому первые греческие колонии – это эмпории. Они возникали на поселениях местного населения, особенно во Фракии (Velkov 1988. Р. 269–271; Фол, Димитров 1984. С. 97), Скифии, Колхиде (Болтунова 1963. С. 155; Лордкипанидзе О. 1977; Лордкипанидзе О. 1979а. С. 193), на Боспоре и в Синдике. Адепты этих идей поддерживали теорию «двусторонней колонизации», согласно которой эллины и варвары совместно участвовали в основании колоний, поскольку имели взаимные торговые интересы. Это выражалось в предоставлении грекам мест для поселения. Взаимовыгодные экономические отношения греков и варваров стимулировали формирование государства у автохтонных племен (Сокольский, Шелов 1959. С. 48–54). В результате греко-варварских контактов превращение эмпориев в полисы происходило успешнее, т.к. торговля с племенной знатью (Книпович 1935. С. 106; Иессен 1947. С. 78) привлекала местное население (Гайдукевич, Капошина 1951. С. 162–187; Иванова 1951. С. 188–203; Книпович 1955. С. 178).

Эти положения подверглись убедительной критике, особенно тезис об активных доколониальных контактах греков и местных племен (Капошина 1956а. С. 238; Лапин 1966. С. 85; Шелов 1970. С. 45; Брашинский 1981. С. 84; Качарава, Квирквелия 1991. С. 123). В распоряжении ученых очень мало импортных вещей, которые предшествуют появлению эллинов в Понте. Самые ранние образцы архаической керамики относятся к середине – второй половине VII в. до н.э., но в основном к рубежу VII–VI вв. до н.э., когда были уже основаны Синопа, Истрия, Аполлония Понтийская, Березань, а теперь, как выяснилось, Ольвия и Пантикапей. Расписные родосско-ионийские ойнохои позднего VII в. до н.э. из Темир-горы и Филатовки в Крыму (Копейкина 1972. С. 147–159; Корпусова 1980. С. 100–104), фрагмент родосско-ионийского килика этого же времени из Алексеевки в окрестностях Анапы (Kharaldina, Novichikhin 1996. Р. 349) используются иногда как свидетельства торговли греков и варваров. Однако их дата совпадает с появлением ионийских колоний. К тому же, согласно некоторым предположениям, сосуды из Темир-горы и Филатовки могли попасть на Боспор в связи со скифскими миграциями (Корпусова 1980. С. 100–104). В поэмах Гомера (Иванчик 2005. С. 18; 2008. С. 105–112; Подосинов 2012. С. 74), в мифах об аргонавтах (Lordkipanidze О. 1996. Р. 21–46), легендах о Геракле можно найти отголоски путешествий в Эвксинский Понт выходцев из Эгеиды еще во II тысячелетии до н.э. Финикийцы и карийцы считались первыми, кто совершал плавания в Черное море. Карианцы якобы даже основали ряд по-

селений на его побережье и в районе Меотиды (Luc. Tox. 4; Plin. VI. 20). Но за исключением отдельных названий типа Карон Лимен в Левобережном Понте, свидетельств об этом нет. Лишь незначительное количество материалов из Западного Понта, главным образом, якоря, подтверждают спорадические плавания в Черное море из Эгеиды в данный период времени. Поэтому современные исследователи оспаривают идеи о появлении карийцев и финикийцев в Причерноморье, как и предположения о доколониционных контактах греков в Причерноморье (Иессен 1947. С. 51; Шелов 1970. С. 45; Брашинский 1981. С. 84; Качарава, Квирквелия 1991. С. 123).

Теории о доколониционных контактах греков и варваров, «эмпириальной стадии колонизации», «двусторонней колонизации» породили предположения о торговле эллинов исключительно с племенной знатью (Книпович 1935. С. 106; Иессен 1947. С. 78), что позднее распространилось на рядовое население. В русле этих идей появились предположения, что землянки и полуземлянки в ранних греческих колониях относятся к варварскому населению (Соловьев 1995. С. 121–132). С этими же представлениями связано определение скорченного обряда погребения как варварского (Капошина 1956. С. 230), а предметы вооружения «скифского» типа в некрополях эллинских городов и лепная керамика, в том числе в ранних слоях, рассматривались как прямое доказательство присутствия местного населения среди эллинских первооселенцев (Марченко 1988). Однако в настоящее время землянки считаются жилищами ранних греческих колонистов (Крыжицкий 1993. С. 41), а захоронения с предметами вооружения приписываются грекам (Лапин 1966. С. 206; Зубарь, Сон 2007. С. 19). Это противоречит теории о двусторонней колонизации, ее эмпириальной стадии, а также идеям о совместном проживании в колониях греков и варваров и совместных интересах племенной верхушки и греческих торговцев в коммерческих делах (Воронов 1979. С. 274). В Колхиде, например, где государственная власть не была централизованной, греки стремились обосноваться в колониях отдельно от варваров, поэтому хоронили усопших сепаратно (Кахидзе 1975. С. 92). Так что в Причерноморье никаких совместных интересов эллинов и варваров до основания колоний и их развития в полисы скорее всего не было.

Тем не менее роль эмпориев в организации апойкий и полисов до сих пор остается предметом дискуссий. Надо иметь в виду, что становление государств полисного типа в этом регионе в общих чертах напоминает модель, по которой развивались полисы в самой Элладе. Отличие лишь в том, что полисы на Понте возникли позднее как следствие греческой колонизации, которая сама являлась результатом полисного развития в Восточном Средиземноморье. Греки заселяли обширные территории,

которые позволяли им не всегда ограничиваться стенохорией и ради расширения хоры вступать в контакт с местным населением, втягивая его в торговые отношения.

Выделяются три типа эмпориев. Первый тип – «гавань» или «торговый порт» как часть города (Thuc. I. 13. 5; Strabo VIII. 6. 20: Коринф; Demosth. Adv. Aristocr. 211: Эгина; Adv. Dionysod. 5, 6: Египет, Родос, Афины; Adv. Phil. (1). 32: гавани Лемноса, Фасоса, Скиафа и других островных центров). Такие эмпории находились на определенном расстоянии от города, подобно Пирею, главному торговому порту Афин, но составляли с ним одно целое (Isocr. Evag. 47; Paneg. 42; Xen. Por. III. 3; Demosth. Adv. Phorm. 1; 3; 4; 10; 27; 28; 29; 36–38; 42; 43; 50–52; Adv. Lacr. 50; 53; Adv. Apatur. 5; 6; Adv. Dionysod. 10; 11; 17; 19; 47). Они использовались для доставки зерна из других эмпориев – гаваней или торговых факторий. Полисные власти, в частности, афинские, принимали специальные законы, запрещавшие привозить хлеб в другие порты или снабжать деньгами тех, кто транспортировал пшеницу не в Афины и Пирей, а в другие эмпории (Demosth. Adv. Lept. 31; cf. Adv. Lacr. 50). Государство – полис – следило за доставкой грузов и за вывозом товаров именно из таких портов, так как это приносило прибыль в виде пошлин. За это отвечали эпимелеты, которые контролировали договорные отношения между купцами и владельцами кораблей (Demosth. Adv. Theocrin. 8; 10; Adv. Dionysod. 16; 34). Полисы специально назначали их для взимания 2/3 зерна с торговцев для доставки в город (*astu*) (Arist. Ath. Pol. 51. 4). Эти свидетельства подтверждают тезис об экономическом единстве торговых портов-эмпориев и города как составных частей полиса.

Второй тип – эмпории как торговые порты вне города-государства (полиса), не составлявшие с ним единого целого. Они могли быть основаны полисом для торговли с метрополией. Эмпории вне города могли функционировать наряду с эмпориями внутри города, хотя и те, и другие являлись торговыми портами. Торговцы привозили товары в гавань города (*emporion*) для дальнейшей их транспортировки в другие места, например, на Фасосе, который имел гавани в Южной Фракии и на материке на пути в Македонию. Они являлись торговыми и посредническими эмпориями, доставлявшими полезные ископаемые, в частности, золото (Thuc. I. 100. 2; cf. Demosth. Adv. Polycl. 47). Питекуссы, например, возникли как эмпорий, чтобы вывозить руду, эмпории Аль-Мина в Сирии и в пиренейской Иберии предназначались для торговли с местным населением. Они не обладали автономией, не становились полисами, а греки нередко составляли лишь часть их населения. Когда в Кумах на материке была основана *apoikia*, развившаяся в полис, жители покинули Питекуссы. Но бывало, что эмпории превращались в полисы, как Гела в Сицилии.

Эмпории могли остаться торговым центром на хоре полиса либо стать обычной гаванью (портом) на варварской периферии (Finley 1970. P. 97–99; Boardman 1973. P. 37, 166). Различные гавани и эмпории вне Олинфа давали доход его гражданам (Xen. Hell. V. 2. 16). Македония при Филиппе II обладала прибрежными городами и эмпориями на эгейском побережье, в частности, Неаполем – торговой гаванью основанного им полиса Филиппы. Афиняне пользовались ими для торговли (*emporía*) с македонянами (Demosth. Halon. 12), но иногда из политических соображений они для них закрывались (Demosth. Adv. Phil. (2) 12; Adv. ambass. 153; 315). Афины основали *klerukhiai* на Фракийском Херсонесе и взяли под контроль города и гавани (*emporía*), приносящие доход более чем в 200 талантов (Demosth. Adv. Aristocr. 110). Фукидид (IV. 102. 4) рассказывает историю основания Амфиполя: колонисты изгнали местное племя эдонов и основали город; они прибыли из Эйона – прибрежного эмпория афинян в устье р. Стримон в 25 стадиях от Амфиполя. Этот торговый порт осуществлял коммерческие связи Афин и материка вместе с Амфиполем. В подобные торговые порты и поселения привозились товары из отдаленных регионов. Они нередко принадлежали полисам, могли быть основаны на полисной хоре, но большая их часть сохраняла автономию и не имела политических связей с полисами. Некоторые из таких эмпориев, снабжавших Афины зерном, были для них важными центрами (IG I². 46. 7 = IG I³. 47. 7), поэтому им разрешалось использовать свои пути доставки грузов в порты и даже размечать собственные границы (IG I². 887).

Третий тип включает торговые города на островах, в береговой зоне, во внутренних районах. Эти поселения исключительно торговые, например, Навкратис в Египте, где торговцы из различных эгейских центров вели торговые дела (Herod. I. 165; II. 178; 179), прибрежные *emporía* в Аравии (Herod. III. 5) и Тартессе в Иберии (Herod. IV. 152), карфагенский город Неаполь в Ливии (Thuc. VII. 50. 2), финикийский город Мириандр – *emporion* со многими торговыми судами (Xen. Anab. I. 4.6), Фаселис – *emporion* на побережье Ликии, где торговцы брали кредиты и подписывали договоры об условиях морских перевозок (Demosth. Adv. Locr. 1, 47). Они являлись независимыми поселениями, которые устанавливали связи с большими городами, способными поставить их под контроль. Тогда они превращались в порты крупных полисов, как в случае с египетской Канобой в устье Нила, откуда греки вначале совершали плавание по реке во внутренние районы Египта (Herod. II. 179). В 331 г. до н.э. Александр Македонский доверил Клеомену переселить жителей в Александрию и организовать торговый порт – *emporion* – в Канобе, где он ранее находился. Клеомен объявил жрецам и всем, кто имел в Канобе

собственность, о намерении переправить их на новое место. Жрецы и жители дали ему денег, чтобы сохранить порт там, где он был раньше (Arist. Oecon. 1352a). Таким образом эмпорий стал портом новооснованного полиса.

Автономный статус эмпориев, их связь с городом, развитие эмпория внутри одного населенного пункта (города), взаимоотношения полисов и эмпориев на полисной хоре и за ее пределами как части одного полиса представляются базовыми вопросами для исследования роли эмпориев в причерноморском регионе. Задачей данного исследования является проследить, как в Причерноморье могла осуществляться связь эмпориев с апойкиями и полисами и каково было значение эмпориев в процессе развития полисных государств. Для этого следует обратиться к тем случаям из практики освоения эллинами побережья Понта, где к их поселениям применяется термин «эмпорий» и существовали населенные пункты, которые служили для доставки товаров в метрополии.

Западное и Южное Причерноморье

На западнопричерноморском побережье древнейшей греческой колонией, а впоследствии крупнейшим полисом являлась Истрия. Она была основана в середине – третьей четверти VII в. до н.э. (657 г. до н.э.) как централизованная апойкия, заселенная милетянами. Первоначально колонисты обитали в полужемлянках, позднее в наземных домах, но апойкия не имела фортификационных сооружений приблизительно до 575 г. до н.э., когда там впервые появилась архаическая стена (Soja 1970. P. 101–103; 1990. P. 160). Территория колонии изначально не подчинялась местному населению – гетам, отношения которых с колонистами были мирными. Геты жили общинами, занимались земледелием, снабжали эллинов зерном, поэтому Истрия приступила к созданию собственной хоры сразу после основания. Недалеко от Истрии во второй половине – конце VII в. до н.э. милетяне основали Оргаму, или Оргалему, – поселение, которое античная традиция называет полисом (Hecat. fr. 152=Steph. Byz. s.v.=FGrHist 1 F 72) (Ruscu 2002. P. 259–261; ср.: Lungu 2000–2001. P. 171–188). Появление поселений в окрестностях Истрии способствовало развитию аграрной периферии. Хора Истрии развивалась на рубеже VII–VI в. до н.э. и особенно активно в VI в. до н.э. (Pippidi 1961. P. 91; Avram 1996. P. 249–251; 2001. P. 593–603)¹ одновременно с колонизацией Нижнего Поднестровья и побережья Северо-Западного Причерноморья. В конце VI – первой половине V в. до н.э. истрийцы основали Никоний,

¹ Alexandrescu 1968. P. 265–267: в конце VII – начале и середине VI в. до н.э. на хоре Истрии возникли поселения Тариверда, Нунташи 1 и 2, Вишина, Саринасуф, к концу VI в. до н.э. – Истрия-Под. Они были заселены эллинами и фрако-гетами.

Гавань истриан, Гавань исиаков, Одесс и др. Эти поселения появились в результате «внутренней колонизации», что явилось прямым следствием превращения апойкии в полис. Никоний характеризуется как полис или хорион (Ps.-Scyl. 68; Strabo VII. 3.16; Steph. Byz. s.v. *Nikonion*; Anon. PPE 87), Одесс как якорная стоянка (Arr. PPE 31; Anon. PPE 87), Скопелы как хорион, Гавань истриан и Гавань исиаков как *limenes* (Arr. PPE 31; Anon. PPE 87); некоторые – Антифиловы, Кремниски, Эполий – не имеют определений (Anon. PPE 89; cf. Plin. IV. 82: oppida Cremniscos, Aepolium). Это торговые пункты, якорные стоянки, убежища для судов, которые позднее развились в небольшие городки и поселения городского типа.

К концу VI–V в. до н.э. Истрия наладила торговые связи с ближними и отдаленными районами от Нижнего Подунавья до Приднепровья. Как только она стала центром аграрного производства, ремесла и торговли, ее связи с варварами существенно выросли, так как местное население втягивалось в аграрные отношения полиса и торговую деятельность. Многие общины гетов в Нижнем Подунавье были поставлены в экономическую зависимость от Истрии. Античная традиция называла их «истрианами» (Justin IX. 2. 1–2; XXXII. 3.13; 15), так как они проживали по Дунаю (Истру) в непосредственной близости от полиса и были тесно с ним связаны. Часть гетов проникала в город (Alexandrescu 1963. P. 257–263; 1965. P. 163–184; Avram 2006. P. 63), чтобы заниматься торговлей. Через посредничество истрийцев в Нижнее Подунавье привозилось большое количество импортной архаической керамики, часть которой поступала к гетам уже с VI в. до н.э. В это время местные племена под влиянием греков стали выпускать собственную керамическую продукцию (Irimia 2005. P. 83). В V в. до н.э. в полисе осуществлялось грандиозное строительство, развивалась архитектура, возводились храмы, совершенствовалась урбанистика (Coja 1958. P. 69–92; 1962. P. 115–125; 1968. P. 306). Монеты Истрии распространялись по всей полисной хоре и за ее пределами, маркируя высокий уровень торговли между эллинами и гетами (Coja 1962. P. 136; Preda 1975. P. 81; Alexandrescu 1985. P. 41–53; Musielak 2003. P. 32).

Истрия едва ли была эмпорием до выведения апойкии. Она начала обустраивать хору в процессе перерастания в полис. Местное население втянулось в торговые связи с греками, когда колонисты появились в устье Дуная. Торговля и ремесленная деятельность, предусматривавшая возникновение эмпориев, активно развивалась уже с превращением Истрии в полис и обретением ею хоры. Поселения на хоре и в Северо-Западном Причерноморье принимали участие в посреднической торговле, несмотря на отсутствие упоминаний об эмпориях. В таком случае в самой Истрии, куда вывозились товары, должен был существовать квар-

тал для их складирования, который можно условно причислить к эмпорию в пределах полиса.

По аналогичному пути развивалась другая милетская колония Аполлония Понтийская. Она была основана в конце VII в. до н.э., но уже в VI в. до н.э. управлялась олигархами, которые присвоили себе большие суммы денег, что вызвало политические потрясения (Arist. Pol. V. 5. 7). В V в. до н.э. к власти пришли демократы (Strabo VII. 6. 1), что свидетельствует о развитии полисного строя, всегда сопровождавшегося обострением политической борьбы (Блаватская 1952. С. 24–27; Венедиков 1957. С. 96)². Развитие полисной хоры начинается во второй половине VI в. до н.э., когда аполлониаты приступили к разработкам залежей меди в окрестностях полиса. Сельские усадьбы на хоре появились в первой половине V в. до н.э. (Baralis, Panayotova 2015. P. 78–83). Их возникновение фиксирует превращение Аполлонии в полис во второй половине VI–раннем V в. до н.э. (Ps.-Symn. 730 Marcotte), когда в полисе обострилась социальная борьба. В VI–V вв. до н.э. Аполлония основала ряд поселений, предназначением которых было торговать с фракийцами: Туниаду (Strabo VII. 6. 1: *khora*), имевшую прекрасную гавань (Ps.-Scymn. 728 Marcotte), Финаполис, Андриаку (Strabo VII. 6. 1), очевидно, Агатополи (Lazarov 1993. P. 17; 1998. P. 89, 90), Авлутейх³. Наиболее значительным выселком являлся Анхиал, основанный в конце V в. до н.э. (Strabo VII. 6. 1: *polikhnion*; ср.: ISM I. 64). Во II в. до н.э. Месембрия вела войну с Аполлонией, захватила и разграбила ее хору, разорила святилище Аполлона, угрожала городу и завладела Анхиалом, но при содействии Истрии, союзников и командующего войсками истрийского наварха Гегесагора, сына Монима, город (*polis*), хора (*khora*) и гавани (*limenes*) были освобождены, а укрепление (*phrourion*) в Анхиале отобрано у врагов. Город лишился больших доходов, но было решено уничтожить это укрепление до основания (ISM I. 64). Надпись показывает, что аполлониаты имели гавани, через которые осуществлялась торговля, приносящая полису большой доход. В этом принимал участие и Анхиал. Согласно контексту документа, истрийцы и союзники совершали подвиги под стенами Анхиала, который имел крепость и гарнизон, а полис, хора и гавани были освобождены еще до подхода флота к Анхиалу. Это означает, что Анхиал находился за пределами полисной хоры и гаваней Аполлонии. Гавани аполлониатов и городок Анхиал появились, по-видимому, после того, как аполлониаты начали осваивать хору, что стало результатом формирования полисных отношений. Однако доступные источники не характе-

² Мы не знаем ничего о ранней конституции Аполлонии, за исключением того, что полисный строй сложился там в конце VI в. до н.э. (Lazarov 1998. P. 86–89).

³ Предполагается, что городок был основан Афинами на месте поселения фракийцев (Karagianni 2014. P. 135).

ризуют эти поселения в качестве эмпориев. Анхиал даже достиг уровня полиса, сравнимого с самой Аполлонией (Arr. PPE 36). Это делает сомнительным основание эмпория в самой Аполлонии до возникновения там апойкии⁴.

В конце VI в. до н.э. дорийские колонисты из Византия, Калхедона, частично из Мегар заселили Месембрию (Velkov 1969. P. 9–28; Lazarov 1998. P. 90, 91), очевидно, заняв фракийское поселение (Velkov 1985. P. 30; Venedikov 1980. P. 7–22; Nawotka 1997. P. 15). Страбон (VII. 6. 1) свидетельствует, что первооснователи Месембрии – мегаряне и город назывался Менебрией по имени основателя Менаса, вероятно, одного из фракийских вождей племени кирмианов или нипсеев (ср. Мене (Месем)-брия, букв. «город Менаса»). Поэтому название города фракийское (Detschew 1957. P. 295), включающее существительное *bria* («форт, город, укрепленное поселение»). Более поздняя традиция именовала его Мелсас: Μελσσιβρία > Μεσιβρία. К. Навотка обратил внимание, что названия будущих эллинских колоний в Западном Понте унаследовали фракийскую топонимию без какого-либо намека на доколониционное появление греков и их торговые контакты до возникновения апойкий (Nawotka 1997. P. 15). Оборонительные сооружения и строительные комплексы местного населенного пункта просто инкорпорировались в греческую апойкию (Там же). Догреческая торговая деятельность в Месембрии не засвидетельствована, что исключает появление эмпория в Месембрии даже при использовании эллинами фракийского поселения для организации колонии.

Месембрия была основана в типичном для дорийских колонистов стиле. Прибывая на уже ранее освоенные места, они изгоняли (возможно силой) или ассимилировали жителей, но чаще налагали на них поземельную зависимость (Сапрыкин 2011. С. 128–162). Источники дают возможность выделить три этапа колонизации Месембрии: 1 – до экспедиции Дария против скифов в 518–516 гг. до н.э., когда фракийский вождь позволил группе колонистов-мегарян поселиться рядом с его резиденцией или в ее пределах (Herod. IV. 93; Strabo VII. 6. 1); 2 – во время вторжения Дария в Скифию отряд мегарских и калхедонских колонистов занял Месембрию (Ps.-Scymn. 739); позднее большая часть эпойков прибыла из Мегар, спасаясь от жестокой социальной борьбы, когда город оказался под гегемонией Спарты; 3 – в 493 г. до н.э., когда персы завоевывали греческие полисы Малой Азии, жители Византия и Калхедона переселились в Месембрию (Herod. VI. 33; cf. Eustath.: GGM II. 356–357).

⁴ Самая ранняя керамика из Аполлонии датируется ок. 600 г. до н.э. (Bouzek 1990. P. 174), что совпадает с появлением первых греческих колонистов, которые могли вести торговлю до организации колонии.

В V в. до н.э., когда в Месембрии сформировался гражданский коллектив – полис со своей хорой, фракийское поселение – городок (πολίχιον) Бизона (Каварна), возникший в VI в. до н.э., вошел в его состав (Anon. PPE 758–769) и одновременно использовался фракийцами (Ps.-Scymn. 758–760) как важный торговый пункт. Через него осуществлялась торговля с внутренними районами. Ок. 200 г. до н.э. Бизона перешла под власть Истрии, затем ее захватили гетские правители Золт (ISM I. 15 = SEG XXIV. 1095), а в I в. до н.э. Бурбиста (Sallust. Hist. Fr. IV. 19; Eutrop. VI. 10). Бизона имела свою хору, к римскому времени пришедшую в запустение (Agr. PPE 35). Месембрией был основан «малый» город (πολίχιον) Навлох (Strabo VII. 6.1), в римский период получивший название Тетранавлох (Plin. IV. 11. 44). Одновременно Месембрия приступила к чекану серебряных монет (Карайотов 1994. С. 14), что стало результатом экономического подъема полиса.

Одесс, основанный милетянами ок. 585–550 гг. до н.э., в раннюю эпоху был незначительной греческой колонией с едва ли прочными торговыми связями с местным населением (Nawotka 1997. P. 25; Karagianni 2014. P. 215–217). Активное проникновение фракийцев в город началось в V в. до н.э., т.к. эллины и фракийцы жили в его окрестностях, развивая ремесло и торговлю. Греческий импорт из Малой Азии и Эгеиды стал активно поступать через Одесс во фракийский хинтерланд не ранее конца этого столетия, достигнув апогея в IV в. до н.э. Расцвет его экономики пришелся на IV–I вв. до н.э., причем фракийцы продолжали проникать в город и вести там торговлю (Тончева 1956. С. 51–60; Danov 1960. P. 73–80). Эти процессы начались приблизительно через сто лет после возникновения колонии уже в связи с развитием полисного строя. Поэтому организация эмпория в Одессе до колонизации вряд ли была возможна, иначе фракийцы появились бы там раньше и торговая деятельность Одесса стала бы активно развиваться еще в VI в. до н.э.

В конце VI в. до н.э. колонисты из Гераклеи Понтийской вывели колонию на западное побережье Черного моря близ местечка Кербатис⁵, которое ранее могло быть освоенно милетянами (Mela II. 2. 22). Они называли ее Гераклея (Plin. IV. 11(18). 44), но в конце V – начале IV в. до н.э. гераклеоты организовали новую колонию и дали ей название Каллатис. Каллатис, «колония гераклеотов», характеризуется античными авторами как *apoikia*, но когда они описывают ее местоположение, то всегда используют термин *polis* (Ps.-Scymn. 761; Strabo VII. 6. 1; Anon. PPE P. 136; cf. Ps.-Scyl. 67; Diod. XIX. 73. 1). В начале IV в. до н.э. в Каллатисе

⁵ В одной из надписей, где говорится о границах Каллатиса в правление императора Траяна, прочитываются слова κούης Κε[...] = vicum Σε[...], что с большой долей вероятности относится к Кербатису (ISM III. 51; 52).

начинается процесс формирования полиса и город приступает к созданию хоры (Avram 1999. P. 9–22; Сапрыкин 2011. С. 146–149). Изначально Каллатис являлся апойкией, но, как только в IV в. до н.э. обзавелся собственной хорой, получил статус полиса. Поэтому до возникновения гераклейской колонии там едва ли сложились условия для возникновения на ее месте обычного торгового пункта – эмпория. В 180 стадиях, между Каллатисом и Бизоней, располагалась Гавань (*limen*) карийцев, к которой примыкала земля (*ge*) Кария (Агг. PPE 35), по-видимому, принадлежавшая ей область.

Эллинский полис Тома возник в начале VI в. до н.э. как апойкия Милета. В римское время там было шесть милетских фил, которые появились еще в процессе формирования полисного строя (Doruțiu-Boila 1975. P. 158; Ehrhardt 1983. S. 67–70; Nawotka 1997. P. 18–20). Это означает, что Тома вряд ли были основаны как эмпорий, поскольку филы не могли появиться в торговой фактории до основания колонии. Подобные административные институты полисного типа могли объединять апойков, как в метрополии. Гераклейский историк Мемнон, рассказывая о событиях середины III в. до н.э., говорит, что Тома являлись эмпорием (Memnon: FrGrHist fr. 21 434, p. 347). Данное свидетельство указывает на важную роль торговли в ее экономике (Nawotka 1997. P. 20; ср.: Ehrhardt 1983. S. 70). Для Западного Понта это уникальное сообщение, но надо иметь в виду, что к середине III в. до н.э. Тома являлись полисом, что доказывается монетами Том (Pick, Regling 1912. I, 2. S. 597; Stoian 1961. P. 233–239). Однако в III в. до н.э. город попал под контроль Истрии и Каллатиса, которые вели активную торговлю с фракийцами, но их торговые связи по суше и в бассейне Дуная сдерживались враждебностью гетов (ср.: ISM I. 8, 15 = SEG XXIV.1095). Потому-то истрийцы и пытались захватить Бизону во Фракии и приняли участие в освобождении Анхиала от мессембрийского гарнизона. Торговая активность Каллатиса и союзной ему Истрии, распространившей влияние до Аполлонии Понтийской (ISM I. 64), вошла в противоречие с интересами Византия, который, по словам Мемнона, начал с ними войну «за монополию в Томах» (Arslan 2007. P. 38; ср.: Pippidi 1984. P. 167; Сапрыкин 1995. С. 137). Поэтому термин *emporion*, употребляемый Мемноном, относится к Томам, греческому полису, занимавшему важное место в торговых отношениях между фракийцами и эллинами, прежде всего к его удобной гавани, через которую во внутренние районы доставлялись товары, обменивавшиеся на сырье, поступавшее затем в обратном направлении на экспорт.

Апойкии эллинов возникали на Левобережном Понте как централизованно основанные общины колонистов. Местное земледельческое население проживало в деревнях-общинах и небольших поселениях по-

лугородского и городского типа. Греки основывали колонии на месте некоторых из таких поселений, но чаще поблизости от них (Lazarov 1974. P. 111, 112; Alexandrescu, Morintz 1982. P. 47–55). Греческие колонии и общины местного населения составляли надежный базис для формирования полисов и хоры. Однако отсутствие регулярных доколониционных связей и смешанные группы колонистов, как, например, в Дионисополе, вряд ли стимулировали создание торговых колоний – эмпориев до возникновения апоекки. Быстрое расширение полисной хоры говорит за то, что первоочередной задачей апойков было получить земельные владения. Новые группы колонистов, прибывавшие в колонии, уже перенасыщенные поселенцами, включая часть местного населения, особенно на хоре, не могли добиться тех привилегий, которые имели первопоселенцы, т.к. апойкии, а позднее полисы, испытывали стенохорию – ограничение землевладения в связи с узостью границ полисной хоры. Это стало причиной «вторичной колонизации», т.е. выселения групп колонистов из ранее основанных колоний. Они переселялись на новые места и создавали новые поселения. Данный процесс совпал с формированием полисного строя и облегчал реорганизовывавшимся в полисы апойкиям расширять хору и активизировать торговую деятельность на прибрежных землях и во фракийской глубинке. Трансформация греческой апойкии в полис происходила в каждом случае по своим канонам, приблизительно в одно время, но с поправкой на дату основания колонии: в Истрии она завершилась к концу VI – середине V в. до н.э., в Аполлонии, Томах, Одессе, Месембрии – к середине V в. до н.э. и только в Каллатисе – приблизительно в первой половине – середине IV в. до н.э. В процессе превращения апоекки в полисы появлялись новые гавани, «малые города», поселения городского типа. Некоторая их часть находилась в окрестностях бывших колоний, трансформировавшихся в крупные полисы. Но большая их часть использовалась для торговли с местным населением и основывалась за их пределами. Ряд таких населенных пунктов достигал уровня городков-*polikhnia* и даже полисов, другие традиционно сохраняли статус торговых гаваней-*limenes*, но не назывались эмпориями, очевидно, потому, что их население в первую очередь занималось земледелием. Неслучайно, что многие из них обзавелись собственной хорой. Тем не менее купцы заключали там коммерческие сделки, чтобы вести посредническую торговлю.

Однако во Фракии засвидетельствован эмпорий Пистирос, о котором сообщал еще Геродот (VII. 109). Найденная там греческая надпись 359–342 гг. до н.э. сохранила обещания некоего фракийского властителя (вероятно, Котиса I), которые он дал эмпорию: не взимать налог с товаров, которые привозили из Пистироса и других эмпориев в греческий

город Маронею или из эмпориев и Маронеи в Пистирос; не заковывать в кандалы, не приговаривать к смерти и не лишать собственности граждан Маронеи, Аполлонии Понтийской, Фасоса, проживавших в Пистиросе, и прочие привилегии (Avram 1997/1998. P. 37–46; Domaradzka 1999. P. 349–351; 2002. P. 339–340). В надписи упоминаются греческие полисы, которые вели торговлю во Фракии, и эмпории, через которые проходили торговые пути. Котис I поощрял торговлю, привозил большие партии зерна в эмпории, чтобы продать их там и выручить за это большие суммы денег (Arist. Oecon. 1351a). Очевидно, он наладил выгодные коммерческие отношения с городами, прибрежными поселениями и эмпориями внутри страны. Ведь надпись из Пистироса подтверждает связи Фракии с греческими полисами побережья Эгеиды и Понта, а также эмпориями внутри страны и на побережье. Прибрежные города Анхиал, Навлох, Бизона и эмпории, куда фракийцы привозили зерно, использовались как перевалочные пункты для посреднической торговли, чтобы доставлять товары в крупные полисы типа Аполлонии Понтийской. Прибыль в основном поступала фракийским династам и парадинастам, а частью – эллинам. Доходы от торговли распределялись среди их жителей и граждан Аполлонии Понтийской, Истрии, Каллатиса и других. Греческие прибрежные города – полисы, «малые» городки, гавани, основанные в ходе «вторичной колонизации», не характеризуются источниками как эмпории, хотя выполняли функции посредников в торговле. Античная традиция чаще применяет к ним термин *πολίχιον*, реже «полис» или «кома», вкладывая в это понятие значение простой общины, а не города-государства или объединения граждан. Термин «эмпорий», если опираться на пример с Томами (см. выше), применялся в основном к крупным центрам, т.к. туда свозились товары как для импорта, так и для экспорта. Ведь после того, как апойкии преобразовывались в полисы, они обустроивали гавани и торговые места, где заключались сделки и осуществлялся торговый обмен. Поэтому понятие «эмпорий» используется в общем смысле, обозначая торговую и коммерческую деятельность на протяжении длительного периода времени.

Почему же «малые города» Западного Понта не обозначались как эмпории, хотя через них проходил поток товаров в Истрию, Месембрию, Томы, Аполлонию Понтийскую и обратно во Фракию и Гетику? В преамбуле договора фракийского правителя Садала и месембриотов первой четверти III в. до н.э. содержался пункт о выкупе моряков и грузов с кораблей, потерпевших крушение близ подвластной Садалу территории (IGB I². 307). Более поздние надписи из Одесса и Дионисополя свидетельствуют о разграничении полисной хоры и владений фракийских царей Садала II и Котиса II (IGB I². 43; V. 5011). Следовательно, хора греческих

полисов лимитировалась границами владений фракийских династов, и эллины были вынуждены считаться с распространением их власти на обширные территории. Поскольку большая часть земли вокруг полисов принадлежала фракийцам, то грекам, очевидно, приходилось договариваться с ними о границах своих владений. Это ограничивало аграрную периферию полисов прибрежными областями. Данное обстоятельство вынуждало эллинов переносить торговую деятельность на поселения, основанные во время «вторичной колонизации» вдали от полисных центров. Они получали возможность развиваться более самостоятельно, нежели это позволялось эмпориям, иметь земельную округу и подчас даже некоторые органы управления, как, например, в случае с Никонием в Нижнем Поднестровье (Сапрыкин 2007. С. 63–72). По этой причине их не могли официально считать эмпориями, поэтому называли полисами и «малыми городами», иногда просто гаванями, подразумевая удобную бухту и торговые связи с местным населением. Эмпории внутри страны типа Пистироса и других, которые располагались в пределах Одрисского царства и зависели от его властителей, подчинялись установленным ими законам. Поэтому для эллинов они больше соответствовали понятию эмпорий как торговая фактория, торговое поселение и т.п.

Ситуация в Южном Причерноморье сложилась иначе, чем в Левобережном Понте. Здесь было три крупных полисных центра: Синопа, Гераклея Понтийская, Амис. Синопа была основана милетянами в конце VIII – третьей четверти VII в. до н.э. (относительно точные даты: 725–700 или 696–676 гг. до н.э., когда прибыл отряд милетян во главе с Хаброндой, а после киммерийского вторжения в 632 г. до н.э. другая группа милетян, возглавляемая Коосом и Кретином) (Ps.-Scymn. 941–952 Müller = 986–997 Diller; Plut. Luc. 23; cf. Apol. Rhod. II. 955ff.)⁶. При основании Синопы греки противостояли каппадокийцам либо киммерийцам (Herod. IV. 12). Коос и Кретин (или Кретин из Коса и милетские *apoikoi*) прибыли в Синопу, когда там находился киммерийский лагерь или их временная стоянка, так как жители более ранней колонии, т.н. «ктисмы Хабронды», были рассеяны по окрестностям в местных пафлагонских деревнях. Поэтому новоприбывавшим апойкам пришлось созывать их, чтобы возродить жизнь в колонии. Это говорит об основании Синопы централизованно под руководством ойкиста (или ойкистов) (Сапрыкин 2010. С. 74).

Некоторые исследователи обосновывают возникновение Синопы в VIII в. до н.э. упоминанием в гомеровских поэмах греческих городов Китора, Сезама, Кромн, Эгиала (Hom. II. 851–855) (Manoledakis 2013.

⁶ Пассаж об основании Синопы у Псевдо-Скимна комментировался по-разному: в издании 2002 г. (F 27) отмечается, что Синопу основали не милетские изгнанники Коос и Кретин, а Кретин из Коса и изгнанники из Милета. Если подобная трактовка верна, то ойкистом милетских колонистов был косец Кретин (ср.: Максимова 1956. С. 31–52; Ivantchik 1998. S. 297–318).

Р. 19–37). Однако информация о Пафлагонии и греческих городах, позднее попавших под власть Синопы, появилась в «Илиаде» Гомера, когда поэма редактировалась и в нее добавлялись новые сведения. Описание пафлагонцев под властью Пилемена, правившего в VI в. до н.э., сведения о пафлагонцах, прибывших под Трою из-под Китора, упоминание Кромн и Сезама, основанных не ранее VI в. до н.э. милетянами – это вставки в текст поэмы, сделанные не ранее VI в. до н.э., когда колонисты обосновались на севере Пафлагонии. Там, согласно легендам, правил Финей, сын Феникса из Тира в Финикии (Schol. Apol. Rhod. II. 181; Ps-Scymn. 958–967; Anon. PPE 16) – миф, также появившийся после проникновения туда греков. Легенды о связях эллинских городов вифинского и пафлагонского побережья с Троянской войной и с правлением мифического Финея, царя всех азиатских фракийцев, служили идеологическим обоснованием превращения апойкий в полисы ради престижа и гордости жителей. Ведь популярные и широко известные мифы часто сопровождали основание колоний в ходе Великой греческой колонизации. Неслучайно жители Кромн всегда гордились тем, что их город был прославлен самим Гомером (Robert 1970. P. 262–265). Эти легенды не позволяют уверенно говорить об основании Синопы в VIII в. до н.э., поскольку она начала создавать свою хору не позднее VI – начала V в. до н.э., когда переживала процесс становления полисного коллектива.

Первоначально Синопа осваивала окрестности, но вскоре ее влияние распространилось далее по побережью на восток и частично на запад. Соседние племена пафлагонцев, каппадокийцев, моссинойков, макронов, тибаренов, халибов и др. были заинтересованы в торговых контактах с греками, а Синопа рассчитывала получать из Северной Анатолии аграрные ресурсы и полезные ископаемые. В VI в. до н.э. синопейцы основали Трапезунт (Ps.-Scyl. 85; 88; 90)⁷, что облегчило освоение юго-восточного побережья Черного моря. Хора Синопы окончательно сформировалась к середине – второй половине V в. до н.э., поскольку Ксенофонт, посетивший эти места на рубеже V–IV вв. до н.э., упоминает ряд прибрежных городов, подчинившихся синопейцам (Xen. Anab. V. 1–10). Он подробно рассказывает о Трапезунте, который был расположен на торговом пути между юго-восточным побережьем Понта, Кавказом и Боспорским государством. Трапезунт, эллинский полис (Janssens 1969. P. 39; Максимова 1956. С. 118–145), апойкия синопейцев, поддерживал взаимовыгодные

⁷ Греческая традиция дает дату основания Трапезунта – 750 г. до н.э., однако с исторической точки зрения она неверна, так как сама Синопа возникла позднее. У самого Евсевия сведения об этом противоречивые: он утверждает, что Синопа была основана в 631 г. до н.э., а Трапезунт был выведен синопейцами в 757 г. до н.э. (Euseb. II. 80, 89 Schöne). Ср.: Graham 1994. P. 4–7; Manolidakis 2013. P. 29. Последний предполагает основание Синопы и ее колоний еще в VIII в. до н.э., но это не подтверждается керамическими находками (Boardman 1980. P. 240; 1991. P. 387–390).

торговые связи с окружавшими его варварскими племенами, и только жители горных районов были враждебны грекам (Xen. Anab. IV. 8. 22, 23). Он имел агору, куда окрестные племена доставляли продукты согласно торговому договору (Xen. Anab. IV. 8. 19; V. 2. 2). Некоторые его граждане были проксенами варваров, которые занимались коммерцией в городе (Xen. Anab. V. 4. 2; 5. 14) и помогали различным купцам заключать торговые сделки с племенной знатью.

Синопе подчинялся Керасунт – эллинский полис, апойкия синопейцев в Южной Колхиде (Xen. Anab. V. 3. 2; ср. Ag. PPE 24: апойкия синопейцев), а во времена Страбона «незначительное поселение» (*katoikia*) (Strabo XII. 3. 17). Синопейцам принадлежал Китор, о котором сохранилось упоминание в поэмах Гомера. Согласно ранней традиции, он являлся полисом (Ps.-Scyl. 90: Κύτωρις πόλις Ἑλληνίς; Mela I. 19), а ко времени Страбона стал эмпорием (Strabo XII. 3. 10). При описании Понта Помпоний Мела, как и Скилак, использует древние источники, возможно, еще позднеархаической эпохи. Эта традиция одновременна упоминанию Китора, Сезама и Кромн в гомеровой «Илиаде», которое, если это действительно вставка в поэму, появилась не позднее VI в. до н.э. В таком случае Китор мог быть основан в ходе колонизации Южного Причерноморья и ко времени составления перипла Скилака (VI в. до н.э.) считался полисом. В 301 г. до н.э., когда Сезам, Китор и Кромны объединились в полис Амастрию, они являлись поселениями (ср.: Strabo XII. 3. 10). Анонимный автор перипла Черного моря, опиравшийся на сведения Эфора и Артемидора, говорит, что Кромны, Сезам, Тий, Китор, объединившиеся в Амастрию, являлись полисами, выведенными Милетом (Anon. PPE 16). Страбон, правда, поясняет, что во времена Эфора Китор был эмпорием синопейцев. Скорее всего, эти четыре города были милетскими поселениями, а позднее, с развитием хоры Синопы к началу IV в. до н.э., стали выселками синопейцев (во всяком случае это определенно относится к Китору). Получается, что в ходе ионийской колонизации возникли колонии-апойкии, из которых некоторые превратились в полисы (Robinson 1906. P. 125–153; Seibert 1963. S. 169–174; Drews 1976. P. 18–31; Weimert 1984. S. 85–94, 98–104). Это означает, что Китор, Сезам, Кромны, Тий и, возможно, другие города прибрежной Пафлагонии не могли быть основаны как эмпории.

В состав хоры Синопы входила Котиора – на рубеже V–IV вв. до н.э. эллинский полис, апойкия синопейцев, а во времена Страбона городок (*polikhne*) в области расселения тибаренов (Strabo XII. 3. 17). Котиориты имели агору и земельные участки с усадьбами (*khoria*) (Xen. Anab. V. 5. 3, 6; V. 9.1), откуда на агору торговцы привозили товары. Везли их и из Пафлагонии, но, главным образом, из соседней Тибарении (Xen. Anab. V.

5. 3–6; 19). Город, как и другие центры на подвластной Синопе территории, платил ей форос, синопейцы отправляли в Котиору послов, что свидетельствует о сохранении за ней полисных прав. Как и прочие города, Котиора подчинялась синопским наместникам – гармостам, следившим, чтобы дела там обстояли благополучно, поскольку ее область была завоевана у варваров для организации хоры (Xen. Anab. V. 5. 10–20). Котиора вместе с Синопой поддерживала добрые отношения с пафлагонцами: среди синопейцев были проксены пафлагонского царя, однако он сам и часть его окружения были настроены против греков из желания захватить синопские прибрежные поселения, а точнее Синопу и укрепления (*khoria*) на ее хоре (Xen. Anab. V. 5. 22, 23; 6. 11). Ко II в. н.э. Котиора превратилась в небольшую деревушку-кому (Arr. PPE 23).

На синопской хоре известны и другие населенные пункты: полис Каллистрата (Anon. PPE 19), Гермонасса – «незначительное поселение» (*katoikia*) недалеко от Трапезунта (Strabo XII. 3. 17; Arr. PPE 24: стоянка для кораблей), Эгинет, обозначенный как *polikhnion* (Anon. PPE 20), Армена – *polis* (Ps.-Scyl. 89; Xen. Anab. V. 9. 15; Mela I. 19), затем кома синопейцев и гавань (Strabo XII. 3. 10; Anon. PPE 20; Arr. PPE 21: просто гавань), Стефана – кома с гаванью (Ps.-Scyl. 86–90; Anon. PPE 20), Каруса (Arr. PPE 21: якорная стоянка), Эгиал (Strabo XII. 3. 10: кома; Anon. PPE 17: *khorion*), Хойрады, Фемискира, Ликастос, Калусса, Антикинолис, Кинолис/Кимолис, Стамена, Ясоний, Карамбис, Сезам (Strabo XII. 3. 10: поселение [*katoikia*]), Тетракис (Ps.-Scyl. 86–90), Кромны (Mela I. 19), Абонутейх (Arr. PPE 20: *polis*; Strabo XII. 3. 10: *polikhnion*), а также множество других «малых» городов, селений и гаваней типа гавани Псорон близ Трапезунта и гавани Генет (Ps.-Scyl. 86–90).

Не менее значительным полисом с обширной аграрной округой была Гераклея Понтийская – колония Мегар, основанная в 554 г. до н.э., но ранее, вероятно, заселенная колонистами из Милета (Strabo XII. 3.4). Она приступила к созданию хоры в конце VI в. до н.э., но этот процесс, активно происходивший на протяжении V в. до н.э. (Paus. V. 26.7; cf. Herod. VII. 72), завершился в IV в. до н.э., когда город расширил владения вдоль черноморского побережья и внутри страны. Это позволило увеличить объем торговли, но главное – поставить в зависимость от полиса земледельческие племена мариандинов, которые снабжали город аграрной продукцией (Burstein 1976. P. 25–30; Saprykin 1997. P. 21–56; 2013. P. 3140, 3141). В гераклейскую сельскохозяйственную округу входили остров Туниада или Аполлония Туниада (Ps.-Scyl. 92; Arr. PPE 18; Apol. Rhod. II. 669–720; Ps.-Scymn. 976; Markian. Peripl. Menip. 8) – *proi-ikia* гераклеотов с гаванью, которая превратилась в полис (Anon. PPE 6), некое поселение Хела или мидийские Хелы (Arr. PPE 18; Anon. PPE 6),

emporion Лиллий (Арг. PPE 18; Anon. PPE 9), *polis* Дия (Anon. PPE 9), *emporion* Гелайон (Арг. PPE 18; Anon. PPE 9), *emporion* Калета (Арг. PPE 18; Anon. PPE 9; Markian. Peripl. Menip. 8), Метроон, возможно, святилище Матери Богов (Арг. PPE 19; Anon. PPE 12), гавань Сандарака, *emporion* Псилла, позднее *khorion* (Арг. PPE 19; Anon. PPE 13), Посидея / Потистея, Тиндариды / Кирсаита, Нимфей, гавань Крениды. Самым известным поселением была Кальпа с великолепной гаванью, якорная стоянка и *emporion* гераклеотов (Арг. PPE 17, 18; Anon. PPE 4–6). Ксенофонт (Anab. VI. 1. 1, 10; 16; 2.1–6) называет ее гаванью без кораблей, местом, где можно без труда добыть пищу, где не было ремесленной деятельности, но много леса, пшеницы, овощей, винограда, вина и т.п. Он говорит, что Кальпа снабжала Гераклею натуральной продукцией. На рубеже V–IV вв. до н.э. Кальпа была единственной гаванью на побережье между Византием и Гераклеей, где, по словам Ксенофонта, не было ни одного греческого города.

Разнообразие терминов, применяемых античными авторами к поселениям на хоре Синопы и Гераклеи, связано с разновременным характером источников. Населенные пункты на юге Понта характеризуются как города-полисы, городки-полихнии, укрепления, гавани (порты, пристани), якорные стоянки, местечки, эмпории. Псевдо-Скилак и Ксенофонт называют крупные города «эллинскими полисами», что позволяет говорить об их основании как апойкий (колоний), которые со временем превращались в настоящие полисы и не утрачивали этот статус до конца античности. Более мелкие поселения на хоре крупных полисов, а также населенные пункты, выведенные Синопой и Гераклеей в отдаленные районы, также характеризуются как апойки синопейцев или гераклеотов с гаванью. Такие поселения впоследствии становились полисами, при этом в источниках специально подчеркивается наличие у них гавани. Они возникали в ходе колонизации из Средиземноморья и «вторичной колонизации» из Гераклеи, Синопы, Трапезунта и т.п. при создании полисной хоры. Некоторые основанные таким образом синопейцами или трапезунтцами поселения, например, в юго-восточном секторе Черного моря, согласно периплу Псевдо-Скилака (IV в. до н.э.), ряд сведений которого восходят к VI в. до н.э., получили названия от племен или мест, где эти племена проживали. Например, греческий полис Бехейриада, имевший гавань (*limen*) под названием Бехейрикос, был основан в стране бехиров (Бехейрика); в стране экехирейцев был город (*polis*) Лимна, а неподалеку находился греческий город (*polis*) Одиный (Ps.-Scyl. 83, 84). Термин «полис» применительно к небольшим поселениям не предусматривал наличия гражданской общины с органами государственного управления полисного типа, законодательной и исполнительной вла-

стью, монетным делом, гражданским ополчением. Это были коллективы поселенцев, изначально апойкии, которые, хотя и названы полисами, на самом деле представляли собой простые общины, внешне напоминавшие города или малые городки (*polikhnia*) (Hansen 1997. P. 17–27). Они обладали гаванями для вывоза товаров в метрополию.

Однако на хоре Синопы и Гераклеи существовали более крупные города в статусе полисов, которые в IV в. до н.э. спорадически чеканили монету (Price 1993. Pl. 50–52), могли иметь небольшую аграрную округу, свод законов, законодательную и исполнительную власть. Например, в Керасунте, эллинском полисе, ранее апойкии синопейцев (Ps.-Scymn. 911–916; Agr. PPE 24 – *apoikia*), местное население находилось в мирных отношениях с городом. Некоторые из местных жителей часто совершали поездки к полисным магистратам, привозили продукты, скот и даже признавали декреты полисной общины (Xen. Anab. V. 7. 13, 18, 30).

В прибрежных районах возникали также поселения, которые напоминали торговые фактории и именовались эмпориями. Их основывали при формировании полисной хоры и освоении отдаленных прибрежных районов, причем в ряде случаев в такие эмпории превращались даже ранее основанные милетянами апойкии, как, например, Китор. Но это происходило тогда, когда они, апойкии с удобными гаванями, став полисами, вошли в состав хоры крупных городов. Они выполняли функции торговых пунктов независимо от того, назывались ли они эмпориями, полисами, комами, хорионами и т.п. Источники часто именуют их просто гаванями или полисами с гаванями, подчеркивая торговое значение этих поселений. Местные племена доставляли туда продукты в виде дани или на продажу, что происходило при участии сборщиков продовольствия и торговцев из Синопы и из других полисов, в том числе Гераклеи Понтийской (Xen. Anab.V. 6. 19). Прибрежные поселения использовались для транспортировки товаров в Синопу и Гераклею, т.е. принимали участие в посреднической торговле. Это приносило доходы крупным полисам, обладавшим хорой, поэтому некоторые местные царьки для собственной выгоды вынашивали планы захвата этих полисов и их хоры. Важно подчеркнуть, что эмпории в Южном Причерноморье появились в связи с созданием хоры крупных полисов и, возможно, округи, подвластной более мелким полисам, распространявшим влияние на соседние племена.

Изменения на хоре, конфликты с местными племенами и соседними властителями, захват ими полисных земель, кризисы привели к сокращению объемов ремесла и торговли. Крупные поселения постепенно хирели и превращались в комы – общины или деревни, утратившие первоначальные функции эмпориев или городов. Показателен пример с якорной стоянкой и эмпорием Кальпа. Ко времени Страбона она уже ничего со-

бой не представляла и в источниках упоминалась только одноименная торговой гавани река (Strabo XII. 3. 7). Или, например, Кинолис, названный Аппианом и Помпонием Мелой эмпорием (Mela I. 19; App. PPE 21). Страбон вообще его никак не характеризует (XII. 3. 10), а Анонимный автор перипла Понта определяет как деревню-кому (Anon. PPE 20). Совершенно очевидно, что этот *emporion* Синопы, входивший в состав ее хоры, к III–I вв. до н.э., когда Синопа потеряла большую часть своих владений, утратил экономическое значение и превратился в обычное поселение – кому. Поэтому некоторые торговые гавани на хоре Гераклеи, Синопы и более мелких полисов в связи с потерей части хоры или захватами ее соседями не успели стать полисами, а более слабые полисы, напомиравшие общины, теряли значение и в лучшем случае становились деревушками-комами.

Тем не менее в Южном Причерноморье сведений об эмпориях, гаванях, мелких городках в источниках больше, нежели в Левобережном Понте. В Западном Понте греческие полисы Истрия, Месембрия, Аполлония, осваивая побережье, основывали поселения вне полисной хоры. Их поселения появлялись в областях, принадлежавших местным племенам и их царям, что делало их более самостоятельными по отношению к метрополиям. В Южном Причерноморье прибрежные области осваивались путем расширения единой территории – ближней и дальней полисной хоры, как в Гераклее, или комбинированно – созданием ближайшей хоры и постепенным освоением отделенных земель при помощи ранее основанных милетских апоекий или выведением новых «вторичных» колоний. При этом все поселения подчинялись наместникам типа синопских гармостов. Подобная практика формирования хоры полиса (дальней и ближней) объяснялась направленностью экономики. В Синопе, Амисе и Гераклее сельское хозяйство и торговое посредничество всегда играли важную роль. Аграрное производство, основа экономики полисов, интенсивный характер земледелия требовали высокого уровня ремесленной деятельности и инвестиций. Они могли появиться только благодаря поступлению торговой прибыли от вывоза товаров с обширной хоры или посредничеству в торговле. Для этого на ближнюю хору и в отдаленные районы выводились эмпории, устраивались торговые пристани, якорные стоянки, внешние порты и гавани. Они становились частью единой полисной системы независимо от того, основали их милетяне или переселенцы из Гераклеи, Амиса или Синопы. Их инкорпорировали в полисы в процессе формирования гражданской общины как часть обширной аграрной периферии, так как крупные города превращались в торговых посредников и расширяли торговлю с другими центрами Эгеиды и Понта. Для этого требовались гавани и эмпории по всей хоре, чтобы

вывозить продукцию в полисы. В результате Синопа, Амис и особенно Гераклея, наиболее централизованно управлявшая хорой, превратились в крупнейшие торговые центры Причерноморья.

Города, мелкие городки, поселения городского типа, укрепления, а главное эмпории – торговые фактории в прибрежной зоне Северной Анатолии – появлялись, как только апойкии превращались в полисы и приступали к обустройству хоры. Их возникновение было обусловлено развитием сельскохозяйственного производства, ремесленной деятельности и торговли в VI–IV вв. до н.э. Эти процессы начались после основания колоний и совпали с «вторичной колонизацией», когда расширялась хора крупных полисов Синопы, Гераклеи и, вероятно, Амиса, об аграрной округе которого у нас сведений крайне мало. Появление торговых пунктов на хоре способствовало благоустройству гаваней в крупных городах, превратившихся в важные центры посреднической торговли. Поэтому эмпории, торговые гавани, якорные стоянки и прочие поселения на южном берегу Понта стали важной составной частью единой полисной системы.

Восточное Причерноморье

Самая ранняя ионийская керамика в Колхиде (из Батумис Цихе) датируется концом VII в. до н.э., но большая ее часть относится ко второй четверти VI в. до н.э. и появилась она там вследствие милетской колонизации региона (Tsetskladze 2011. P. 69). В историографии долгое время господствовала теория, что эллинские колонии в Колхиде являлись торговыми поселениями, изначально основанными как эмпории (Болтунова 1963. С. 155). Это, полагали исследователи, было следствием подъема экономики и усиления царской власти в Колхиде, препятствовавших созданию полисов. Колхидская аристократия была заинтересована в эллинах и торговых контактах с ними, поэтому эллинские поселения едва ли могли развиваться как полисы. Такое положение обрекало их на то, чтобы оставаться эмпориями в течение долгого времени (Лордкипанидзе О. 1977; 1979а. С. 193). Противоположный взгляд на колонизацию Колхиды сводился к тому, что с самого появления там греков они выводили колонии-апойкии, а благоприятные экономические условия и социально-политическая обстановка способствовали быстрому превращению их в полисы. Однако специфические природные и географические условия, включая заболоченность прибрежной зоны, препятствовали становлению полисных отношений. Это привело к скорому прекращению функционирования полисов в Колхиде (Цецхладзе 1997. С. 100–116; 1998. С. 87–97). В нашу задачу входит определить время и обстоятельства появления эмпориев в Колхиде и их связь с греческими городами.

В середине VI в. до н.э. в устье реки Риони была основана милетская колония Фасис, куда первопоселенцев вывел ойкист Фемистогор из Милета (Лордкипанидзе О. 1997. С. 15–34). Гераклид Лемб сообщает о жестокости местного племени гениохов в Фасисе и благодеяниях поселившихся там греков в отношении потерпевших кораблекрушение моряков (FGrHist II. 218.18f. = FHG II. P. 208–224 = SC I. 2. P. 447). Эллина-милетяне были «столь гостеприимными, что снабжали средствами потерпевших кораблекрушение и освобождали их за цену в три мины» (Hind 2009. P. 155). Гераклид противопоставляет жестокость гениохов в Фасисе, когда они сдирали с людей кожу, гостеприимству милетян после основания там эллинской колонии. В отличие от людоедов-гениохов, жители Фасиса – эллины – были привлекательнее для чужеземцев, очевидно, благодаря привилегиям, которые официально гарантировались им наподобие принятия декретов о проксениях. Фасисцы выкупали пленных согласно принятым законам. Сообщение Гераклида показывает, что потерпевших кораблекрушение моряков освобождали потому, что это бедствие постигло их не в самом Фасисе, что было явно невозможно, а за его пределами, скорее всего на территории, где проживали варвары. Следовательно, Фасис граничил с автохтонными племенами, что подразумевает наличие хоры. Совершенно ясно, что привилегии, о которых говорит Гераклид, это привилегии уже сложившегося полиса. Это подразумевает создание институтов полисной власти и гражданской общины. Очевидно, поэтому Фасис заключил с варварами договор, в который входил пункт о выкупе и освобождении эллинов. Но это могло произойти только если он уже был полисом с собственными органами власти. Превращение Фасиса в полис могло стать следствием основания там централизованной апойкии.

Эллинская традиция называет Фасис Μίλησιών πόλις ‘Ελληνίς, где собиралось до шестидесяти различных племен (Anon. PPE 44; Steph. Byz. s.v.). Большая их часть приезжала временно для торговли, однако некоторые торговцы постоянно проживали в городе (Агг. PPE 9–12). Колхи, которые жили в лесистых окрестностях и на покрытом болотами пространстве, использовали небольшие реки и каналы для прибытия в город на лодках, хотя в самом городе (πόλις) и в эмпории ходили пешими (Ps.-Нирросг. 22). Страбон (XI. 2. 17) утверждает, что Фасис был полисом и эмпорием колхов. Во II в. н.э. гавань и жилища в Фасисе находились на некотором расстоянии от римского лагеря, хотя все они находились в одном городе (Агг. PPE 12). Это означает, что выражение “ἡ πόλις καὶ τὸ ἐμπόριον” означало в Фасисе единое целое – *polis*, но *emporion* занимал в полисе отдельное место: порт, место жительства торговцев, рынок, где местные жители приобретали необходимые им вещи. Хорошей параллелью представляется ситуация в Византии. Этот город «лежал при торговой гавани (τὴν πόλιν ἐπ’ ἐμπορίου κειμένην ἔχειν), и народ проводил все

время на берегу и на рынке (περὶ τὴν ἀγορὰν) и возле гавани (τὸν λιμένα)» (Athen. XII. 32. 526 e-f = Theopomp.: FGrH II B. 115 F 62). Город *polis* включал торговый порт, агору как часть города (*astu*) и гавань, где находились торговые места. То же самое было в Фасисе, куда приезжали жители его хоры и соседних областей Колхиды, поскольку территория полиса соседствовала с землями колхов.

Превращение Фасиса в полис стало следствием удачного географического расположения на большом торговом пути из Азии в Европу, что привлекало торговцев и местное население. Купцы и жители окрестностей могли оседать в городе только если он достиг уровня полиса, т.к. на это требовалось разрешение властей. Пассаж Гераклида, процитированный выше, являлся скорее всего фрагментом политики фасисцев – конституции полиса. Ко времени ее появления милетская *apoikia* в Фасисе уже достигла уровня полиса с органами власти и управления, а также аграрной округой и эмпорием в городе для ведения торговых дел.

В VI в. до н.э. Фасис распространил влияние на колхские земли в бассейнах рек Риони и других, где колхи построили укрепленные поселения, среди которых выделяется поселение Симагре. С середины VI – середины V в. до н.э. они снабжали город аграрной продукцией, древесиной, кожей, металлами. Развитие аграрной периферии, торговли и ремесла привлекало местное население. Некоторые из колхов оседали в окрестностях Фасиса, возможно, на хоре, чтобы вести земледельческое хозяйство в деревнях типа общин или на поселениях как полузависимые или зависимые крестьяне. Античные писатели называли их «фасианами», подобными «истрианам» – втянутым в торговые отношения с Истрией гетам Подунавья (см. выше). Этот процесс происходил в конце VI–V в. до н.э., очевидно, когда Фасис превратился в полис (Микеладзе 1977. С. 12–23). Возможно, что уже в конце VI в. до н.э. он чеканил анэпиграфные монеты – «колхидки» – для платежей в торговле с колхским населением. Они индексируют высокий уровень экономики Фасиса и соседних колхских племен (Дундуа 1987. С. 17–33). Трудно представить, что до организации апойкии в полис Фасис был эмпорием, поскольку начал интенсивную торговлю с колхами через несколько десятилетий после своего основания.

Диоскурия была основана ок. 550–530 гг. до н.э. милетянами, и уже в конце VI–V в. до н.э. ее хора простиралась вдоль побережья на 7–10 км на запад и юго-восток и 3–5 км вглубь материка. Город окружали не менее 10 поселений (Воронов 1980. С. 38), а в 15 км от него существовала даже керамическая ремесленная мастерская, снабжавшая продукцией греков и варварские аграрные поселения⁸. В V–II вв. до н.э., когда Диос-

⁸ Производство амфор с клеймом Диоскурии осуществлялось в IV–III вв. до н.э. на т.н. «ближней» хоре полиса в районе совр. г. Сухум (Шамба 1976. С. 149–157; Воронов 1977. С. 162–171).

курия уже являлась полисом, что подтверждается амфорными клеймами и монетами с ее названием, в окрестностях города появились колхские деревни (Инадзе 1968. С. 128–132; Лордкипанидзе Г. 1978. С. 42–60; Воронов 1980. С. 27–68), откуда поступала аграрная продукция. Античные периплы, использовавшие раннюю традицию, называют Диоскурию полисом с гаванью (Ps.-Scyl. 81; Anon. PPE 47: *limen*). Согласно Страбону (Xl. 2. 16), Диоскурия являлась общим эмпорием для народов, которые проживали в горных районах и в окрестностях, причем там собиралось от 70 до 300 различных племен, чтобы осуществлять торговлю (Plin. VI. 15) (Étienne 1993. P. 26). Термином «эмпорий» географ хотел показать высокий уровень торгового дела в Диоскурии, что не означает основания там эмпория как торговой фактории или торгового порта, предшествовавшего греческой апойкии. Именно город стал центром ремесла и торговли, где местное население участвовало в ремесленных и торговых делах. Плиний Старший (VI. 15), опираясь на ранние источники, называет Диоскурию *urbs Colchorum Dioscurias*, подразумевая не только ее нахождение в Колхиде, но и участие в ее жизни колхов, так как далее рассказывает о ее торговле с различными племенами, в том числе с римлянами. Активная торговля требовала специальных мест для хранения и сбыта товаров, предназначенных для вывоза и ввоза, т.е. поселений типа эмпориев. С VI в. до н.э. таким центром могло быть Эшерское городище в 10 км от Диоскурии, где обнаружено большое количество греческой импортной керамики (Шамба 1980. С. 18–25; Лордкипанидзе Г. 1978. С. 45). Предполагается, что к такого рода населенным пунктам относился Гиенос. Он был основан около середины VI в. до н.э., в конце VI–V вв. до н.э. переживал расцвет, поэтому Псевдо-Скилак называет его полисом (Ps.-Scyl. 81), но в начале IV в. до н.э., когда Диоскурия расширила свою хору, пришел в упадок. Поэтому он едва ли функционировал как эмпорий в период расцвета Диоскурии (Воронов 1976. С. 42–55; Braund 1994. P. 104–106), тем более что в это время она совместно с Эшерским городищем осуществляла почти все торговые операции. Однако в VI–V вв. до н.э. Гиенос мог считаться торговым портом или гаванью, но нам неизвестно, был ли он, как и Эшерское городище, эмпорием.

Не знаем мы и о статусе эллинского поселения в Пичвнари, основанного в VI в. до н.э. милетянами либо синопейцами. Археологические раскопки позволяют констатировать мирные добрососедские отношения эллинов и колхов: расположение колхского и греческого некрополей отдельно друг от друга показывает, что греки поселились в отдалении от варваров или же занимали отдельный квартал на колхском поселении (Кахидзе 1975. С. 92; Tsetskhladze 1994. P. 127–145; 1999. P. 56–57). Такая ситуация противоречит отстаивавшейся ранее в историографии идее о

совместно организованных греками и варварами эмпориях и даже апоийких, делая несостоятельной теорию о «двусторонней колонизации» Причерноморья.

К северу от Диоскурии на северо-восточном побережье Кавказа до совр. г. Геленджика последовательно известны *oppida* Гераклий, Питиунт (Plin. VI. 17), который позднее считался якорной стоянкой (Агг. PPE 27; Anon. PPE 54(13), укрепление Бага (Anon. PPE 58), очевидно, более позднее образование, гавани Пагры и Иерон (Агг. PPE 28; Anon. PPE 60, 62), эллинский город (*polis*) Торик с гаванью (*limen*) (Ps.-Scyl. 74). Он был основан в середине VI в. до н.э. и в середине V в. до н.э. жители его покинули. Вряд ли это был полноценный полис, он скорее развивался как община, но имевшая гавань для кораблей и ведения торговли. Следуя лексике Плиния, полис – это *urbs* (Диоскурия), а *oppida* – городки-общины с гаванью. Неслучайно, что расположенные выше Торика Баты (совр. г. Новороссийск) Страбон вслед за Артемидором называет комой с гаванью (XI. 2. 14), а Птолемей простой гаванью (V. 8. 8). Очевидно, эти пункты возникли не как эмпоррии, а как небольшие общины (*poleis*), которые впоследствии превратились в деревушки – комы или простые гавани. Расположенные в Колхиде по берегам реки Фасис и притокам *oppida* Кигн, Тиндарида, Цирцей, Эя, Пеней ко времени Плиния уже не существовали, за исключением Фасиса и Кигна (VI. 13,14). Это подтверждает, что *oppida* у Плиния – это не классические полисы, а поселения городского типа наподобие общин.

Таким образом, Фасис и Диоскурия были основаны как апоийкии, на месте которых образовались полисы (Tsetskhladze 1992. P. 223–258; 1992a. P. 80–107). При их посредничестве через небольшие городки типа общин и их гаваней (наши источники не называют их эмпориями) греки торговали с местным населением (Меликишвили 1959. С. 116; Лордкипанидзе Г. 1978. С. 17–19, 137; Болтунова 1979. С. 52; Воронов 1979. С. 274). Некоторые из таких поселений представляли часть полисной структуры Диоскурии и Фасиса, но чаще всего городки, комы, гавани к северу от Диоскурии до Синдики существовали независимо. Это подтверждают слова Страбона (XI. 2. 12), что даже боспорские правители предоставляли племенам северо-восточного побережья Понта, совершавшим пиратские рейды для захвата добычи, свои гавани и рынки для сбыта товаров, так как у них не было своих корабельных стоянок.

Северное Причерноморье

Самым ранним поселением греков на северном побережье Понта считается Борисфенида, основанная милетянами в 647 г. до н.э. на острове Березань в районе Днепро-Бугского лимана. Там обнаружены фрагменты

керамики конца VII в. до н.э., тогда как самый ранний археологический слой относится к началу VI в. до н.э. До конца третьей четверти VI в. до н.э. застройка поселения была хаотичная, состоявшая из землянок и полуземлянок. Лепная керамика из античных слоев поселения, возможно, принадлежала варварскому поселению, которое прекратило существование до прихода эллинских первопоселенцев, хотя не исключается, что она принадлежала грекам (Сенаторов 2005. С. 184; Зубарь, Сон 2007. С. 18). В первой половине – середине VI в. до н.э. греческие колонисты создали сеть сельских поселений с земляночными и полуземляночными строениями по берегам Березанского лимана. Считается, что Березань (древняя Борисфенида) способствовала их продвижению на материк (Крыжицкий, Отрешко 1986. С. 11–13; Solovyev 1998. Р. 205–226; Крыжицкий, Русяева и др. 1999. С. 37–42). Регион развивался спонтанно, колонисты стихийно селились на обширной территории по берегам Березанского и Бугского лиманов (Крыжицкий 1989. С. 40–50; Марченко 1994. С. 92–98; Русяева 1994. С. 99–107).

В науке ведется дискуссия о статусе поселения на острове Березань – эмпорий ли это или апойкия, которая вскоре превратилась в полис. Основные положения, отстаиваемые в этой дискуссии, следующие: а) Борисфенида была основана как *emporion* для торговли зерном и рыбой, но не вследствие «эмпориальной стадии» греческой колонизации; б) это аграрная колония, так как сельское хозяйство изначально составляло основу ее экономики; в) на поселении развивались ремесла и торговля; г) Борисфенида, изначально независимый *emporion*, стала частью Ольвии в качестве торгового порта, составив единый с нею полисный центр.

Действительно, торговля в экономике ранней Березани занимала важное место, что подтверждается греческой керамикой позднего VII – раннего VI в. до н.э. из Березани и Ольвии и архаической и раннеклассической керамикой из аграрных поселений лесостепной зоны, явно попавшей туда при посредничестве Ольвии и Борисфениды⁹. Во второй половине – конце VI в. до н.э. колония получила регулярную городскую планировку: появились культовые и общественные постройки, алтари, теменос храма Афродиты. Это говорит об элементах урбанизации и администрации в городе, появившихся одновременно с хорой в первой половине – середине VI в. до н.э., что подтверждает постепенное превращение апойкии в полис. Период между 647 г. до н.э. и второй четвертью VI в. до н.э. был очень плодотворным для Березани: развивались металлургия, гончарное дело, рыболовство, посредническая торговля с материком (Шелов 1994. С. 102; Доманский, Марченко 2003. С. 29–31;

⁹ Эта керамика совпадает с датой основания Березани: Tsetskhladze 2013. Р. 71.

Petropoulos 2005. P. 11, 12). Это стало возможным только вследствие использования земельных угодий. Как известно, процесс греческой колонизации имел две стороны – аграрный и торговый. Первопоселенцы в греческих апойкиях обычно получали землю для устройства колонии и, когда она вступала в процесс развития полиса, они втягивались в торговую деятельность¹⁰. Как только апойкия достигала уровня полисной общины, торговля и сельское хозяйство становились преобладающими отраслями экономики. Ко второй половине – последней четверти VI в. до н.э. Березань обрела черты полиса (Буйских 2005. С. 146–165; Зубарь, Сон 2007. С. 13–16). Поскольку она изначально была связана с освоением земли, что подтверждается обустройством колонистов на материке при ее содействии, а также с развитием торговых связей с лесостепью и другими греческими поселениями, ее порт и гавань с раннего времени приспособились к торговым операциям, т.е. стали соответствовать тому, что греки называли эмпорием.

Соседняя Ольвия на правом берегу Бугского лимана возникла в конце VII – начале VI в. до н.э., что подтверждают последние находки керамики (Буйских 2013). К середине VI в. до н.э. на берегах Бугского лимана появилось ок. 100 греческих поселений. Их сеть протянулась к верхним берегам залива и ко второй половине столетия распространилась на его левый берег. Их населяли милетские колонисты, которые организовали независимые общины, и ранняя Ольвия являлась одной из них (Крыжицкий, Буйских и др. 1989. С. 18–22). Но в конце первой – второй четверти VI в. до н.э. в Ольвии началась регулярная застройка, в конце второй четверти появились священные участки храмов Аполлона Врача и Матери Богов и, вероятно, Афродиты, а в конце третьей четверти столетия агора. Урбанизация продолжалась до начала V в. до н.э., и этот процесс одновременно затронул поселение на Березани (Крыжицкий, Русяева и др. 1999. С. 43–97; ср. Крыжицкий 1985. С. 58–67).

В связи с этим и вследствие находок архаической керамики в науке предложена новая схема милетской колонизации Нижнего Побужья. В ней два главных тезиса: в начале третьей четверти VII в. до н.э. был основан временный *emporion* на Березани. В последние декады VII – начале VI в. до н.э. милетяне основали *polis* и город в Ольвии и постоянно действовавший *emporion* Борисфенида (Буйских 2013. С. 232). На наш взгляд, эта схема требует поправок. До того как Ольвия стала полноценным полисом со всеми полагающимися ему институтами, что началось не ранее первой половины VI в. до н.э. и завершилось к началу V в. до н.э. (Vinogradov, Kryžickij 1995. S. 129), Березань и Ольвия сосуще-

¹⁰ На это указывают примеры из истории Мегары Гиблейской и Селинунта (De Angelis 1994. P. 102–105), а также ряда причерноморских полисов (Tsetskhladze 1994. P. 124).

ствовали как отдельные общины в зоне милетской колонизации нижнебугского региона (Русяева 1994. С. 100–103; Русяева 1998. С. 168). Распространение импортной керамики в лесостепной зоне в конце VII – первой четверти V в. до н.э. было невозможно без посредничества Березани и Ольвии (Русяева 1999. С. 84–97; Braund 2007. P. 43). Греки жили среди местного населения, в частности, в городе Гелоне (совр. Бельское городище), поскольку они покинули свои торговые гавани (*emporía*), чтобы поселиться в стране будинов. Греки из эмпория Борисфенида и других понтийских *emporía* хорошо знали племена и земли к северу и востоку от р. Борисфен до областей, где обитали племена агриппеев и исседонов (Herod. IV. 24, 108). Эти геродотовы *emporía* были связаны со скифами, которые также знали об этих племенах. Дж. Хайнд предположил, что «другие понтийские *emporía*» – это, вероятно, Кремны, Тира и Керкинитида, а «*emporion* Борисфенида» Геродота (IV. 24) тождествен Геродотову *Βορυσθενεϊτέων ἐμπορίου* (IV. 17) и относится к Ольвии (Hind 1985. P. 106; 1997. P. 107–116). Однако Геродот (IV. 51, 55, 99), как и другие авторы, ничего не говорит о Тире и Керкинитиде как об эмпориях, он предпочитает называть их полисами. Кремны ассоциируют с Таганрогским поселением на Меотиде, которое прекратило функционировать еще до Геродота (Копылов, Ларенок 1994. С. 5–7; Копылов 2001. С. 20). «Понтийские эмпории» в контексте рассказа Геродота о Поднепровье и Побужье – это, скорее всего, поселения типа торговых гаваней на северо-западном побережье Черного моря, включая Ольвию и Березань. Геродот посещал Ольвию уже после того, как ее хора стала аграрной округой полиса. В начале V в. до н.э. в результате урбанизации и формирования полисного государства происходила ее реорганизация, вследствие которой жители аграрных поселений архаической эпохи частично перемещались в Ольвию, частично в лесостепную зону, где эллинские торговцы уже наладили торговые связи. Поэтому понтийские *emporía* во времена Геродота могли располагаться на северо-западном побережье Черного моря между островом (полуостровом) Березань, Бугским лиманом, Днепром вплоть до Приднестровья, так как через них осуществлялись торговые контакты с земледельцами лесостепи и скифами.

Экономическое и торговое влияние Березани/Борисфениды и Ольвии началось с рубежа VII–VI – начала VI в. до н.э. и продолжалось до начала V в. до н.э. С середины – третьей четверти V в. до н.э. на монетах Ольвии появляются имена монетариев или жрецов (Анохин 1986. С. 68–89; 1989. С. 5–8; Шелов 1987. С. 124–132; Карышковский 1988. С. 34–41). Это свидетельство того, что торговые дела и денежное обращение Ольвии были поставлены под контроль полисных магистратов. Ольвийские монеты появляются на Березани и на других сельских поселениях вследствие

укрепления экономики полисной хоры (Рубан, Урсалов 1978. С. 83–87; Рубан, Урсалов 1986. С. 31–53; Saprykin 2004. P. 71–86). Завершение формирования полисных отношений в начале V в. до н.э. привело к торговому и экономическому преобладанию Ольвии как ведущего центра в регионе. В результате подъема полиса поселение на острове Березань перешло под его контроль, и Ольвия стала центром распространения ее торгового и экономического влияния в районе Бугского лимана и далее в степной и лесостепной зонах.

Страбон (VII. 3. 17) называет Борисфен на острове Березань «гаванью» (*limen*). В том же пассаже он именует Ольвию Борисфенидой и, следуя традиционной ошибке античных географов, которые помещали Ольвию на Борисфене, а не на Гипанисе, где она располагалась на самом деле, называет Борисфениду/Ольвию «большим эмпорием, колонией (*ktisma*) Милета». Контекст этой фразы наводит на понимание ее в таком плане. Первоначально в устье Днепро-Бугского лимана иноземные торговцы и мореходы знали Борисфен/Борисфениду, одноименная гавань которой издревле служила для отправки товаров вверх по реке и потому считалась эмпорием (торговым пунктом) борисфенитов, хотя на самом деле была апойкией. Другая милетская апойкия (*ктисма* Страбона), расположенная в устье рек Борисфен и Гипанис, ранее называвшаяся Мелитополем, обретя статус полиса, получив название Ольвия и обустроив гавань и порт, по традиции считалась Борисфенидой, поскольку в процессе расширения хоры поглотила одноименный эмпорий, который стал частью нового полиса как его вторая внешняя гавань (Виноградов Ю.Г. 1976. С. 81; ср.: Карышковский 1967. С. 85). Торговцы, прибывавшие в эту гавань, переправляли товары в полис Ольвию, чтобы оттуда перевозить их на периферию и в отдаленные районы Нижнего Побужья и Поднепровья. Согласно Геродоту (IV.17), эмпорий борисфенитов был расположен в самой середине побережья всей Скифии. Это доказывает участие эмпория на Березани (ясно, что именно его имел в виду Геродот, помещая в середину побережья Скифии) в торговле со Скифией. Ведь из него и из других понтийских эмпориев, говорит он далее, имея в виду и Ольвию, добирались эллины до самых отдаленных племен Скифии (Herod. IV. 24). В этой связи неслучайно, что наивысшая активность в торговле греков с лесостепной зоной относится к VI – началу V в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983. С. 230–265), когда Ольвия начала создавать хору, а Борисфенида стала гаванью или эмпорием этого полиса.

В таком ключе, очевидно, Страбон и его источник понимали термин «большой эмпорий» применительно к Ольвии, но помещали ее на Днепре, поскольку через нее осуществлялись торговые контакты с областями, прилежавшими к берегам этой большой водной артерии. Эта ситуация

напоминает соотношение «гавань – полис» в Аполлонии Понтийской в эпоху эллинизма, а также в ряде мест южного и юго-восточного Причерноморья, в Колхиде и на северо-восточном побережье Понта. Термином «эмпорий» обозначали апойкию, полис и его гавань, но только в значении осуществляемых через их посредничество торговых операций. В отношении Ольвии и Борисфениды/Березани данный термин связан с организацией апойкии, но получил особое смысловое насыщение в связи с формированием у ольвиополитов полисных отношений. Он не предусматривает основание эмпория на Березани до возникновения колонии, т.к. только после ее появления начинается активная торговая деятельность в Скифии. Поэтому предложенная А.В. Буйских схема колонизации данного региона в рамках эмпорий – апойкия – полис требует уточнения.

Поселения на северо-западном побережье Черного моря в Нижнем Поднестровье – Никоний, основанный Истрией в середине – конце VI в. до н.э., полисы Тира или Офиусса, выведенные Милетом, Неоптолемова башня (*pyrgos*) и Гермонактова деревня (кома) (Ps.-Scyl. 68; Strabo VII. 3.16; Ptol. III. 10. 8; Anon. PPE 88; Steph. Byz. s.v. *Nikonía*), а также Гавань истриан и Гавань исиаков (Агг. PPE 31) – не фигурируют как эмпории, хотя торговля занимала важное место в их экономике. Письмо на черепке из Никония эллинистического времени сообщает о загрузке и разгрузке там кораблей (Awianowicz 2011. P. 237–239), а из найденной в Тире надписи III–II вв. до н.э. следует, что из Истрии в Тиру и Никоний морским путем поставляли хлеб (Виноградов Ю.Г. 1999. С. 54). Мелкие полисы типа Никония и Офиуссы, общины (комы), укрепления (пирги), гавани осуществляли торговую деятельность, не являясь эмпориями как поселения, но понимались как эмпории вследствие их коммерческой активности. Они находились за пределами административно установленных границ хоры крупных полисных государств, а общая направленность их экономики была аграрной (Секерская 1989. С. 15–63; Охотников 1990. С. 64–70; 1997. С. 5–26; Зубарь, Сон 1996. С. 5–24; Сон 2007. С. 49–54).

Об эмпории в Херсонесе Таврическом упоминает перипл Псевдо-Скилака: «В Таврике живут эллины [города у них следующие]: Херсонес *emporion*, Криуметопон, мыс Таврики» (Ps.-Scyl. 68). Любопытно сравнить это сообщение с клеймом ΑΘΑΝΑΙΟΥ / ΕΙΣ ΕΜΠΟΡΙΟΝ на херсонесских амфорах 315–275 гг. до н.э. Эти амфоры, произведенные при астиноме Афинее или под его контролем, предназначались для некоего эмпория, т.е. специально для экспорта. Поэтому Афиной мог быть магистратом, который отвечал за торговую активность в порту (Garlan 1993. P. 99–102). Наиболее правдоподобное объяснение этих сведений сводится к тому, что фраза «Херсонес *emporion*» у Псевдо-Скилака испорчена, ее должно исправить как «Херсонес, Эмпорион, Криуметопон, мыс Тав-

рики». Она не указывает на основание на месте раннего Херсонеса торговой колонии (фактории, эмпория) или самого Херсонеса как эмпория (ср.: Кац 1979. С. 26; Counillon 1986–1987. P. 59), но свидетельствует об эмпории где-то в его окрестностях. *Emporion* в перипле Псевдо-Скилака и в легенде амфорных клейм Херсонеса относится к одному и тому же пункту, очевидно, в юго-западном или северо-западном Крыму (Saprykin 1996. P. 357–369).

Этот вывод косвенно подтверждается «херсонесской присягой» первой четверти III в. до н.э., где говорится: «Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес» (IOSPE I². 401). «Равнина» присяги – это равнинная территория в Северо-Западном Крыму на дальней хоре Херсонеса (см. IOSPE I². 418). Согласно принятому в полисе закону, вводился запрет на вывоз зерна, минуя Херсонес, т.к. участились нарушения этого правила, в результате чего город терял доход от взимания пошлин¹¹. Херсонесская торговля осуществлялась в основном через прибрежные поселения на хоре, куда для продажи или обмена торговцы привозили товар, включая амфорную тару. Такого рода местечки херсонеситы называли *ta teikhe* – укреплениями, укрепленными поселениями, крепостями, а также гаванями (*limenes*) и городками (*polikhnai*) (Strabo VII. 4. 2; IOSPE I². 352, 418). Отдельно выделяются Керкинитида, со времен Гекатея и Геродота полис (Steph. Byz. s.v.), и Калос Лимен, никем так не охарактеризованный и лишь Помпонием Мелой (II. 3) названный портом, поскольку в греческой огласовке получил название от гавани. Среди этих поселений мог быть безымянный торговый пункт (эмпорий) или скорее Эмпорий, т.е. название поселения (по типу Эмпория на хоре Мессении), где была сконцентрирована торговля с местным населением.

Если этот вывод верен, то *emporion* в Херсонесе мог появиться в связи с организацией хоры, а значит, после превращения херсонесской апойкии гераклеотов (Strabo VII. 4. 2; Ps.-Scymn. 822–830; Anon. PPE 80) в полис. Он находился за пределами города как часть его владений и был связан с херсонесским портом, куда привозили товары. Взаимоотношения херсонеситов с гаванями – эмпориями (или Эмпорием?) напоминают ситуацию на хоре Гераклеи Понтийской и отчасти Синопы, где отдаленные поселения, осуществлявшие торговлю, напрямую подчинялись полисным властям.

Больше всего сведений об эмпориях относится к Боспорскому государству. Согласно Плинию Старшему (VI. 20), области вокруг дельты

¹¹ Ср., например, Demosth. Adv. Lacr. 50: Афинский закон запрещал купцам привозить зерно в другие порты, кроме афинского, и оказывать любую помощь в транспортировке зерна в другие эмпории, за исключением Пирея, гавани Афин.

Танаиса (Дона) вначале находились во владении карийцев, затем клазоменцев и минийцев, а позднее пантикапейцев. Из эпитомы неизвестного автора, использованного Стефаном Византийским (s.v. *Panticapaeum*), следует, что «Пантикапей был основан сыном колхского царя Ээта (ἠκίσθη δὲ παρὰ Αἰήτου παίδός), который получил территорию для этого от скифского царя Агаэта». Евстафий (Comm. ad Dion. 311) называет Пантикапей *polis* и κτίσμα παίδος Αἰήτου. Плиний говорит об Азовском море как известном грекам задолго до того, как на его берегах появились пантикапейцы. Те, о ком рассказывает Плиний, опиравшийся на очень ранние источники, достигали устья Дона по морскому пути – проливу или каналу – мимо островов через одно из устьев Гипаниса (Кубани) для прохода кораблей из Черного моря в Меотиду, минуя пролив Боспор Киммерийский (Журавлев, Шлоцауэр 2011. С. 256). Первые путешественники из Эгеиды могли проникнуть в Меотиду по этому пути, в результате чего было основано самое раннее эллинское поселение на его берегах – Таганрогское. Оно существовало в третьей четверти VII – начале VI в. до н.э., поэтому его условно отождествляют с Кремнами, гаванью и эмпорием на Меотиде (Herod. IV. 20, 110. Копылов, Ларенок 1994. С. 5–7; Корулов 1996. Р. 327)¹². Греки столь рано появились там потому, что скифы контролировали Восточную Таврику и окрестные земли, что доказывают сведения о владевшим ими царе Агаэте и миграции скифов из Восточной Таврики на Тамань через Керченский пролив (Herod. IV. 28). Для эллинов оставался один путь, как организовать торговлю с земледельческим населением Меотиды, а именно – основать поселение в Скифии в области, которую занимали «свободные скифы», т.е. за пределами Боспора, подвластного царским скифам. Часть геродотовой легенды об амазонках, отплывших вместе с победившими их при Фермодонте греками и прибывших в Меотиду в Кремны (IV. 110), является типичным мифом, при помощи которого в эпоху колонизации объясняли появление новооснованного эллинами поселения. Помимо «отца истории», о Кремнах сообщает Клавдий Птолемей, который при описании Меотиды комбинирует ранние и поздние источники. Он называет Кремны полисом (Ptol. III. 5. 4), а не эмпорием, как Геродот. Это может означать, что Кремны возникли как община поселенцев, создавших красивую легенду о прибытии на столь отдаленные земли, а термином «эмпорий» Геродот обозначил торговые связи Кремны с меотийским населением.

Во второй половине последней четверти VII в. до н.э. милетские колонисты появились в Пантикапее, очевидно, заключив договор со скиф-

¹² Мы не согласны с Дж. Хайндом, который отождествляет Кремны с ранним Пантикапеем (Hind 1985. Р. 109–116), поскольку Геродот определенно помещает их на Меотиде, «в земле свободных скифов», а Пантикапей находился на побережье пролива Боспор Киммерийский и был основан на территории, подвластной скифскому царю Агаэту.

ским царем Агаэтом о предоставлении им земли на горе Митридат для организации апойкии. Первопоселенцы заселили ограниченную территорию, окружив ее стеной и выстроив какое-то прямоугольное каменное здание. К концу VI в. до н.э., но в основном в начале V в. до н.э., когда появились наземные дома, общественные и сакральные постройки, апойкия переросла в полисную общину с городской структурой (Виноградов Ю.А. 2005. С. 220–224; Толстикова 1992. С. 45–98; 2001. С. 385–426). К 480 г. до н.э. Пантикапей превратился в классический полис, где установилась власть олигархии Археанактидов (Diod. XII. 31. 1). Основание других колоний по берегам Боспора Киммерийского – Мирмекия, Порфмия, Тиритаки, Нимфея, Гермонассы, Кеп, Патрея – происходило на протяжении первой – второй четверти – середины VI в. до н.э., а урбанизация и превращение их в полисы начались в середине – начале второй половины VI в. до н.э. и завершились в начале V в. до н.э. (Виноградов Ю.А. 1992. С. 99–119; Абрамов, Паромов 1993. С. 73; Вахтина 2003. С. 37–54; Зинько 1998. С. 86–104; 2001. С. 102–104; 2004. С. 14–20; 2010. С. 220–232; Абрамов 2010. С. 528–539; Финогенова 2010. С. 510–527). В Фанагории, основанной ок. 540 г. до н.э. как централизованная *apoikia*, собственная хора появилась в третьей четверти VI в. до н.э. Это совпало с процессом урбанизации, завершившимся к началу V в. до н.э. расширением городской застройки (Абрамов, Паромов 1993. С. 73; Кузнецов 2009. С. 194–204; 2010. С. 445), так что в начале V в. до н.э. Фанагория уже являлась классическим полисом.

Сельские поселения в окрестностях Анапы показывают, что греки начали заселять Синдику в позднеархаический период (Чевелев, Кашаев, Сударев 2011. С. 403–411). В 570–540 гг. до н.э. греческие поселения, появившиеся во внутренних районах Синдики и Тамани, были включены в состав аграрных владений Фанагории, Гермонассы, Патрея и других городов (Завойкин 2010. С. 211). Ок. 470–430 гг. до н.э. греческие города и поселения на азиатской стороне пролива подверглись нападениям скифов или соседей греков – воинственных меотов (Strabo XI. 2. 4). На европейской его стороне в результате вторжений кочевников пострадали Нимфей, Тиритака, Зенонов Херсонес, Мирмекий, сельские поселения, в частности, Андреевка Южная и другие. Некоторые поселения были разрушены, другие опустошены, большая часть полисов ослаблена. Эти нападения ускорили строительство фортификационных сооружений (Толстикова 1984. С. 25; Виноградов Ю.А. 2005. С. 236–241; Завойкин 2010. С. 213). Однако Пантикапей, избежавший разрушений вследствие давних, со времени основания, хороших отношений со скифами, только усилился и начал создавать свою хору. К середине V в. до н.э. Мирмекий, Парфений, Порфмий, Тиритака и другие были включены в его полисную

структуру, хотя при этом сохранили свои аграрные владения (Сапрыкин 2003. С. 13–18). Чуть позднее в течение V–IV вв. до н.э. начали развивать собственную хору Нимфей, Фанагория, Гермонасса, к ним добавились «малые города», которые вместе с округой встраивались в систему крупных полисов.

Пришедшие в 438 г. до н.э. к власти в Пантикапее тираны Спартокиды расширили его хору и распространили власть на Азиатский Боспор и Феодосию, завершив создание симмахии боспорских полисов, известной под названием «Боспор и Феодосия» и управлявшейся ими как носителями архонтской власти (CIRB 6, 6a, 8, 1037, 1038, 1111). При этом они оставались, по сути, полисными тиранами, захватившими власть в Пантикапее (Шелов-Коведяев 1985. С. 85; Завойкин 2001. С. 28; Сапрыкин 2006. С. 194, 195). Они укрепили земельные владения крупных полисов, прежде всего столицы Пантикапея и даже «малых городов» (Масленников 1998. С. 26–182; Масленников 2004. С. 4–61).

При Спартокидах завершилось формирование полисной структуры Боспора. В источниках крупные и мелкие города по берегам пролива, как правило, называются полисами или комами – последнее в зависимости от времени источника. Что до термина «эмпорий», то Страбон применяет его к крупнейшим полисам Боспора – к Фанагории за привозимые туда товары из Меотиды и лежавшей за ней области (ср.: App. Mithr. 108), и к Пантикапею за товары, привозимые морем, очевидно, из других боспорских городов и поселений, а также из-за пределов собственно Боспора (XI. 2. 10; cf. VII. 4. 5). Точка зрения на то, что термин *emporion* в таких случаях отражал приоритет торговли в регионе или продукцию населения, проживавшего в ближайших окрестностях (Étienne 1993. P. 26; Rouillard 1993. P. 39), в целом справедлива, но требует уточнения. В отношении Пантикапея, Фанагории, Ольвии он означал ведение торговли через их порты и гавани, для Диоскурии и Фасиса – то же самое, но еще и ярмарки, куда отовсюду свозили товары и куда съезжались купцы из разных мест. Но это происходило только в условиях полисной системы, так как при основании эти города эмпориями не являлись. Для посреднической торговли и доставки товаров использовались гавани и порты на хоре, но продукция в обязательном порядке поступала в полис. Так происходило в Синопе, Гераклее, Херсонесе, так осуществлялась торговая деятельность на Боспоре, где крупные полисы Пантикапей и Фанагория имели гавань и торговый порт – эмпорий. Торговля на Боспоре находилась под контролем пантикапейских тиранов (позднее царей). Это особенно касалось экспорта зерна, приносившего огромную прибыль, вывоз которого Спартокиды могли организовать через другие подвластные им полисы, их порты и гавани, например, через Феодосию. В 380–360-х гг.

до н.э. эта бывшая милетская апойкия была захвачена боспорцами, после чего Левкон I обустроил там удобную гавань (*emporion*) для вывоза пшеницы (Demosth. Ad Lept. 33; Schol. Ulpian ad Demosth. XX. 33). Греческие источники называют Феодосию апойкией милетян, полисом с удобной гаванью (Strabo VII. 4.4; Ps.-Scyl. 68; Arr. PPE 30; Steph. Byz. s.v. *Theudosia*; Anon. PPE 77), что подразумевает ее статус как эмпория – места, откуда осуществляется экспортная торговля, – только после превращения апойкии в полис и благоустройства ранее существовавшей в полисе гавани. Следовательно, крупные полисы, «малые» города, поселения, порты и гавани, подчиненные тиранам Боспора, могли выполнять функции эмпориев, однако это в основном касалось крупных городов, через порты которых вывозилась пшеница. В этих случаях термин *emporion* означал торговые порты, гавани, рынки и все, что связано с торговлей как внутри города, так и за его пределами, но находившиеся в компетенции полисных магистратов Пантикапея. Ведь Спартокиды как «архонты всего Боспора» являлись «хозяевами боспорского хлеба» (Demosth. Ad Lept. XX. 32), и чтобы этому соответствовать, они контролировали всю торговлю, осуществляемую через порты подвластного им Боспора (Кузнецов 2000. С. 115). Поэтому Спартокиды установили специальный налог – ἑλλμένιον – нечто вроде портового сбора (Брашинский 1963. С. 123).

Другой тип эмпория связан с вышеупомянутым свидетельством Плиния о проникновении пантикапейцев в область Меотиды. Когда в начале VI в. до н.э. в результате миграции скифов, о чем говорилось выше, Таганрогское поселение прекратило существование, регион Азовского моря оставался привлекательным для торговцев и переселенцев. Страбон (XI. 2. 3) рассказывает об острове Алопекия со смешанным населением в 100 стадиях от эмпория перед устьем Танаиса (Дона): πρὸκειται δ' ἐν ἑκατὸν σταδίῳ τοῦ ἑμπορίου νῆσος Ἀλοπεκία, κατοικία μίγδων ἀνθρώπων. *Emporion* в этом сообщении, очевидно, Танаис, поскольку указанное расстояние соответствует пути от Танаиса до Елизаветовского городища, находящегося в этом районе. Его убедительно связывают с Алопекией (Minns 1913. P. 567; Болтунова 1962. С. 81; Шелов 1970. С. 69–75; Марченко, Житников, Копылов 2000. С. 260). По данным археологии, оно имело смешанное население – скифов, меотов, греков. В позднем IV в. до н.э. или на рубеже IV–III вв. до н.э. на этом изначально (с конца VI – начала V в. до н.э.) варварском (скифском?) поселении для эллинских торговцев был устроен специальный квартал. На рубеже IV–III вв. до н.э. поселение было разрушено и оставлено обитателями, после чего на акрополе появилось новое греческое поселение, получившее в науке название «боспорского эмпория». В 280-х – 270-х гг. до н.э.

поселение Елизаветовское было разрушено окончательно, и греки, которые сохранили торговые связи с варварами в Нижнем Подонье и к северу от Азовского моря, переместились в Танаис, который возник десятью годами ранее или приблизительно в это же самое время (Марченко, Житников, Копылов 2000. С. 248–254).

Древние источники называют Танаис эмпорием и полисом. Александр Полигистор определяет его как *πόλις Ἑλληνική... καὶ Ἐμπορίον ὀνομάζεται* (Steph. Byz. s.v. *Τάναϊς*), античная традиция в лице Страбона как *πόλις ὁμώνυμος τῷ ποταμῷ μέγιστον τῶν βαρβάρων ἐμπορίων μετὰ τὸ Παντικάλαιον* (Strabo VII. 4. 5). Страбон говорит (XI. 2. 3), что «Танаис, κτίσμα греков, которые владели Боспором, одноименен реке... Он был общим торговым центром (ἐμπορίον) азиатских и европейских кочевников и для тех, кто прибывает на кораблях в Меотиду с Боспора. Он отказался подчиняться понтийскому царю Полемону и был разрушен». Некоторые из азиатских меотов подчинялись тем, кто владел эмпорием в Танаисе, а часть их подчинялись боспорцам (XI. 2. 11), утверждает Страбон. Тем самым он отличает проживавших в Танаисе меотов от тех, кто подчинялся боспорцам, в том числе Спартокидам.

Согласно данным археологии, торговый пункт Алопекия – *emporion* или *katoikia* греков и боспорцев на позднем этапе существования – около десяти лет функционировал одновременно с эмпорием в устье реки Танаис (Марченко, Житников, Копылов 2000. С. 66–68, 262). Это означает, что свидетельство Страбона об Алопекии, находившейся на расстоянии от эмпория в Танаисе (XI. 2. 3), может быть датировано временем вскоре после появления раннего эмпория в Танаисе, который считался полисом (общиной) и назывался Эмпорионом, если верить Александру Полигистору. Тогда датой его основания следует считать самое начало III в. до н.э., а связь Алопекии/Елизаветовского городища и Танаиса объяснять переселением греков из Алопекии к устью реки Танаис. Это были боспорцы, в основном из Пантикапея, если принимать во внимание свидетельства Плиния Старшего, о чем говорилось выше, и Страбона о Пантикапее и боспорцах, которые владели Танаисом. При таком понимании получается, что греки из Пантикапея основали два эмпория на Нижнем Дону – Алопекию/Елизаветовку и Танаис. Когда первая перестала существовать, второй был расширен, получил в распоряжение окрестные земли, где жили меоты, которые подчинялись «тем, кто владел эмпорием в Танаисе», т.е., скорее всего, местным, а не боспорским властям. Ведь Страбон отличает первых от вторых и доказывает это их неподчинением Полемону I, а также словами о том, что Танаис самый большой после Пантикапея эмпорий варваров.

Смысл фразы Страбона сводится к тому, что Танаис как эмпорий был основан для торговли с варварами Подонья и прилегающих степ-

ных районов. Пояснение, что этот эмпорий самый большой после Пантикапея, соотносится с характеристикой последнего как перевалочного пункта (эмпория) для товаров, поступавших по морю. Очевидно, что в представлении источника Страбона, по всей видимости, Артемидора, эмпорий в Танаисе также выполнял функции перевалочного пункта для поступавшей морским путем продукции, предназначенной для вывоза и ввоза. Несмотря на то, что эмпорий основали боспорцы, в основном пантикапейцы, он был независим от Спартокидов. Выражение Страбона, что Танаис был основан греками, владевшими Боспором, относится скорее к Пантикапею, чем к Спартокидам, ибо в противном случае он бы употребил их официальный статус «архонты Боспора». Ведь, согласно Страбону, боспорские правители захватывали области вплоть до Танаиса, особенно Фарнак, Асандр и Полемон I (Strabo XI. 2. 11). Из контекста неясно, входил ли Танаис в эти захваченные области, но если бы он в них входил, то этим царям не надо было бы его завоевывать. Очевидно, он лишь периодически признавал власть Боспора.

Как эмпорий Танаис возник, когда на Боспоре уже сложилась полисная система. Обозначение его полисом (Strabo VII. 4. 5), возможно, даже с органами власти означало создание общины. Пояснение Страбона, что Танаис это *κτίσμα* греков, которые владели Боспором, имеет отношение к Пантикапею. В первой четверти III в. до н.э. начался экономический кризис, поставки зерна снизились, происходила реорганизация его хоры, в Подонье и на Северном Кавказе активизировались сарматские племена. Это заставило торговцев искать новые рынки, для чего в устье Дона была организована община – полис с функциями классического эмпория.

Сосуществование эмпория и полиса в одном пункте проясняется археологией и эпиграфикой. В Танаисе, согласно надписям, проживали *Ἑλλήνες καὶ Ταναεῖται*, которые возвели разрушенную башню для эмпория (CIRB 1243), а *Ἕλληνας*, временно жившие в Танаисе, соорудили ворота (Иванчик, Ильяшенко 2018. С. 695–699). Известно об этникоме *Ταναεΐτης* (CIRB 1249), царских чиновниках, посланных царем «в эмпорий» как посланниках (CIRB 1237, 1239, 1241, 1245–1247, 1250, 1252), «архонтах танаитов» (*ἄρχων Ταναεϊτῶν*) – коллегии архонтов в составе четырех человек (CIRB 1237, 1242, 1245, 1251, 1251a), об агоре, реставрированной для полиса и эмпоров (CIRB 1245), эллинархах (CIRB 1250, 1251a, 1256), которые занимались строительством «для эмпория» вместе с эпимелетами (CIRB 1242; cf. 1243, 1245–1247, 1251a) или же «для полиса и эмпоров» (CIRB 1247; cf. 1249, 1250, 1252). Существовали и другие магистраты – *λοχαγὸς Ταναεϊτῶν* (CIRB 1251a), диадох (CIRB 1250, 1256), стратег граждан (CIRB 1256), гимнасиархи, неанискархи, связанные с фиасами (CIRB 1260a).

Социальное и административно-государственное устройство Танаиса, как следует из надписей, соответствует полису, который имеет агору и магистратуры, включая архонтов. Власть архонтов распространялась на город и хору, так как они управляли полисом – общиной граждан в лице *Ἐλλήνες καὶ Τανααῖται*, т.е. местного населения, эллинизованных варваров и греков, проживавших в городе и частично на хоре. Помимо этого, в Танаисе был эмпорий, где временно или постоянно обитали греки, в основном купцы и торговые посредники. Эта категория эллинского населения находилась под надзором эллинархов, которым при строительных работах в рамках общины помогали эпимелеты. Танаис как полис состоял из двух частей – эмпория и полиса (Болтунова 1962. С. 93; 1965. С. 197), т.е. общины жителей, наделенных гражданскими правами. Такая дуалистическая структура восходит ко времени его появления (Шелов 1970. С. 214–219; 1989. С. 52; Koshelenko, Marinovitch 2000. P. 173) – сначала как эмпория или небольшого торгового пункта в виде незначительной общины, быть может, под названием Эмпорий. Его основали греки, которые, согласно Страбону, «прибыли на кораблях в Меотиду с Боспора», по-видимому, из Пантикапея. Община была независимой, она выглядела как торговый пункт с портом и домами торговцев, в отличие от Алопекии/Елизаветовского городища в позднем IV в. до н.э. и на рубеже IV–III вв. до н.э., – «поселении со смешанным населением». По своему устройству эмпорий в Танаисе напоминал «эмпорий греков» на акрополе Елизаветовки в начале III в. до н.э. до того, как она была оставлена обитателями, но только, в отличие от него, функционировавший автономно.

После разрушения эмпория на Елизаветовском городище торговцы покинули его и переместились в недавно организованный эмпорий в Танаисе, который вскоре превратился в важный центр торговли с кочевниками из Азии и Европы. Это привлекало варваров, а из греков, главным образом, торговцев: некоторые из них приезжали на время и вскоре покидали эмпорий, другие оставались там на постоянное жительство. Торговля способствовала расширению эмпория, население его росло, обустроивалось новыми домами, и вскоре он стал напоминать город, где развивалась коммерческая деятельность. Эмпорий, первоначально независимый торговый пункт в рамках общины поселенцев, превратился в особый квартал нового города. Горожане получили право выбирать официальных магистратов для управления общиной, включая эмпорий, – прежнее место для ведения торговых дел, где квартировали эллины. Таким образом эмпорий оказался встроено в новую урбанистическую структуру. В это время он мог получить название Танаис, который был независим от Спартокидов, т.к. был выведен бывшими жителями Пантикапея, чтобы поддерживать с ним коммерческие отношения.

Город с эмпорием использовал ресурсы периферии, где в бассейне Танаиса расселились сарматы и меоты, получившие название танаитов от протекавшей через их земли реки. Некоторые из них подчинялись властям полиса, и его население, как ранее в Алопекии, постепенно становилось смешанным. Эмпорий в полисе, где предпочитали жить эллины, использовался как торговый пункт, место для торговли и заключения сделок. Это напоминает Фасис и Диоскурию, где были эмпории для варваров и греков, и отчасти Пичвнари, где греческий некрополь был отделен от колхского.

После разгрома Полемоном I Танаис был возрожден и на него распространилась власть боспорских царей. Однако древняя система *emporion – polis* в виде двух частей одного города сохранилась. Боспорские цари, очевидно, со времени Митридата Евпатора и Динамии, посылали в Танаис послов, когда город пользовался большей самостоятельностью, затем, как только он официально признавал власть Боспора, отправляли туда наместников. Все сказанное убедительно показывает, что эмпорий в Танаисе был основан пантикапейцами как община (полис) после создания на Боспоре полисной структуры. С развитием экономики торговой направленности он превратился в составную часть урбанистической структуры полисного типа. В результате в Танаисе образовалась двусоставная система организации жизни и управления – эмпорий и полис. Эмпорий, выведенный полисом Пантикапеем как небольшая самостоятельная община (полис), со временем превратился в независимую общину с элементами гражданской власти и управления. В этих условиях первоначально самостоятельный эмпорий был инкорпорирован в полис Танаис как часть его поселенческой структуры.

Заключение

Греки расселились на Эвксинском Понте вследствие развития экономики и обострения политической борьбы в полисах Эгеиды. Их целью было получить земельные владения, что стало причиной выселения на новые земли и организации апойкий без участия местного населения. Первые греческие колонии стали появляться не ранее середины VII в. до н.э., хотя большинство колоний возникло в VI в. до н.э. Торговля для первых колонистов Понта была важной статьёй дохода, но считалась вторичной до тех пор, пока колония не достигала уровня полиса (Лапин 1966; Кошеленко, Кузнецов 1992. С. 6–28). Эллинские полисы как гражданские общины в большинстве случаев появились в понтийском регионе не ранее второй половины VI в. до н.э., активно развивались на протяжении V в. до н.э. и достигли процветания в IV – начале III в. до н.э. Некоторые апойкии были основаны позднее, однако пик их развития как

полисов также приходится на IV – первую половину III в. до н.э. Торговые контакты устанавливались эллинами после возникновения апойкий и полисов – небольших общин колонистов, но активно осуществлялись уже после превращения апойкий в города-государства, т.е. гражданские общины. Подъем экономики и торговли обуславливался культивацией и заселением окружающих земель, но это было результатом развития хоры в процессе формирования полиса или сразу после его появления как города-государства. С принятием законов и укреплением государственной власти в полисах торговое дело из рук инициативных частных торговцев, действовавших на свой страх и риск через апойкии, гавани и небольшие общины-полисы первопоселенцев, перешло под контроль полисных магистратов. Это привело к формированию слоя посредников и торговых агентов, знавших конъюнктуру рынков и места сбыта товаров. Поэтому организация эмпориев в причерноморском регионе была прямым следствием становления и развития полисов, когда активно развивались ремесла и росла торговля с варварской периферией, куда направлялся экспорт из Восточного Средиземноморья и крупных причерноморских полисов. Эмпории стали возникать вследствие «вторичной колонизации», которая была порождена превращением апойкий в полисы, освоением хоры и выселением избыточного населения из уже основанных колоний. Термин «эмпорий» в причерноморском ареале имел различное «торговое» значение и применялся по отношению к крупным городам-полисам, осуществлявшим посредническую торговлю; портам, рынкам, гаваням, местам для торговли и заключения торговых сделок в полисах, «малым городам»; общинам и гаваням на отдаленных территориях или возникшим на некотором расстоянии от апойкий-полисов; торговым гаваням и общинам-полисам, когда они были включены в единую структуру полисного типа после обустройства хоры; отдельным кварталам и блокам для торговцев на поселениях.

Если говорить конкретно, то «эмпорий» в значении «торговый пункт» применялся в основном к крупным полисам: Томам, Фанагории, Пантикапею, Ольвии, Диоскурии, Фасису, поскольку они держали в руках посредническую торговлю с периферией и имели собственные торговые гавани, куда привозились товары. Эти гавани могли быть мелкими городками и общинами на хоре, а также на отдаленных территориях. Они участвовали в полисной торговле, но официально эмпориями не назывались. Эмпориями являлись населенные пункты, которые специально основывались на месте прежних апойкий или мелких полисов или возникали на новых местах для перевалочной торговли с местным населением. Как правило, они появлялись на хоре крупных городов или в отдалении от них, но там, куда было удобно съезжаться греческим купцам и вар-

варским посредникам. От них товары поступали в полис-метрополию, как в Гераклее Понтийской, Херсонесе Таврическом и отчасти в Синопе. Эмпории устраивали в варварских регионах, как Кремны и Алопекия на Меотиде, Эмпорий-Танаис в Подонье, Пистирос во Фракии, хотя многие подобные им поселения на побережье именовались полисами (общинами) с гаванью или небольшими городками-полихниями. Термин «эмпорий» употреблялся в Причерноморье в широком значении и обозначал торговую деятельность городов, полисов с гаванью, просто гаваней и даже деревень-ком. Появление эмпориев свойственно исключительно поселениям, которые возникали в ходе колонизации или в процессе создания полисной хоры. Поэтому эмпории в Понте всегда вторичны апоיקиям и полису.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1993. Вып. 2. С. 25–99. [*Abramov A.P, Paromov Ya.M.* Ranneantichnye poseleniya Tamanskogo poluostrova (Early Ancient Sites of the Taman Peninsula) // Bosporskiy sbornik. 1993. Vol. 2. S. 25–99.]
- Абрамов А.* Патрей // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. С. 528–539. [*Abramov A. Patrey (Patraeus)* // Antichnoe nasledie Kubani. Vol. I / Ed. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov. Moscow, 2010. S. 528–539.]
- Анохин В.А.* Монеты-стрелки // Ольвия и ее периферия / Под ред. А.С. Русяевой. Киев, 1986. С. 68–89. [*Anokhin V.A. Monety-strelki (Arrow-Coins)* // Ol'viya i ee periferiya / Ed. A.S. Rusjaeva. Kiev, 1986. S. 68–89.]
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. [*Anokhin V.A. Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Coins of Ancient Cities of the North-Western Black Sea Littoral).* Kiev, 1989.]
- Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. [*Belov G.D. Khersones Tavricheskij (Tauric Chersonesus).* Leningrad, 1948.]
- Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М., 1952. [*Blavatskaya T.V. Zapadnopontiyskie goroda v VII–I vv. do n.e. (The West Pontic Cities in 7th–1st Centuries BC).* Moscow, 1952.]
- Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954. Т. 33. С. 7–44. [*Blavatskij V.D. Arkhaicheskiy Bospor (Archaic Bosphorus)* // Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya. 1954. Vol. 33. S. 7–44.]
- Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в ан-

- тичную эпоху / Под ред. А.П. Смирнова. М., 1959. С. 7–39. [*Blavatskij V.D. Process istoricheskogo razvitiya antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya (Process of Historical Development of ancient States in the North Black Sea Littoral) // Problemy istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu / Ed. A.P. Smirnov. Moscow, 1959. S. 7–39.*]
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора, М., 1964. [*Blavatskij V.D. Pantikapey. Ocherki istorii stolitzy Bospora (Panticapaeum. Essays on History of the Bosporan Capital). Moscow, 1964.*]
- Болтунова А.И.* Ранний Танаис (III–II вв. до н.э.) // Археологические раскопки на Дону / Под ред. С.М. Маркова. Ростов-на-Дону, 1962. С. 78–94. [*Boltunova A.I. Rannij Tanais (III–I vv. do n.e.) (Early Tanais in 3rd–2nd Centuries BC) // Arkheologicheskie raskopki na Donu / Ed. S.M. Markov. Rostov-on-Don, 1962. S. 78–94.*]
- Болтунова А.И.* Античные города Грузии и Армении // Античный город / Под ред. А.М. Болтуновой. М., 1963. С. 153–169. [*Boltunova A.I. Antichnye goroda Gruzii i Armenii (Ancient Cities of Georgia and Armenia) // Antichniy gorod / Ed. A.M. Boltunova. Moscow, 1963. S. 153–169.*]
- Болтунова А.И.* К истории Танаиса (по данным эпиграфики) // *Klio*. 1965. Т. 42. С. 195–208. [*Boltunova A.I. K istorii Tanaisa (po dannym epigrafiki) (To the History of Tanais according to Epigraphy) // Klio. 1965. Vol. 42. S. 195–208.*]
- Болтунова А.И.* Колхи и держава Ахеменидов // Проблемы античной истории и культуры. Т. 1 / Под ред. Б.Б. Пиотровского. Ереван, 1979. С. 51–56. [*Boltunova A.I. Kolkhi i derzhava Akhemenidov (Colchians and the Achaemenid Empire) // Problemy antichnoy istorii i kultury. Erevan, 1979. S. 51–56.*]
- Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. [*Brashinkij I.B. Afiny i Severnoe Prichernomor'ye v VI–II vv. do n.e. (Athens and the North Black Sea Littoral in the 6th–2nd Centuries BC). Moscow, 1963.*]
- Брашинский И.Б.* Греки и варвары на Нижнем Дону и на Северо-Восточном побережье Азовского моря в VI–IV вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1981. С. 84–92. [*Brashinkij I.B. Greki i varvary na nizhnem Donu i na severo-vostochnom poberezhye Azovskogo morya v VI–IV vv. do n.e. (The Greeks and Barbarians on the Lower Don and in the North-Eastern Littoral of the Sea of Azov in the 6th–4th c. BC) // Demograficheskaya situatsiya v Prichernomor'ye v period Velikoy grecheskoy kolonizatsii. Tbilisi, 1981. S. 84–92.*]
- Буйских А.В.* Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н.э. // ВДИ. 2005. 2. С. 146–165. [*Buis-kikh A.V. Nekotorye polemicheskie zametki po povodu stanovleniya i razvitiya*

ya Borisfena i Olvii (Some Polemical Notes on the Origin and Development of Borysthenes and Olbia in the 6th Century BC) // Vestnik drevnei istorii. 2005. 2. S. 146–165.]

Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев, 2013. [*Buis-kikh A.V. Arkhaicheskaya raspisnaya keramika iz Olvii (Archaic Painted Pottery from Olbia)*. Kiev, 2013.]

Венедиков И. Аполония на Черно море // Археологически открития в България. София, 1957. С. 95–110.

Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора / Под ред. Г.А. Кошеленко. М., 1992. С. 99–119. [*Vinogradov Ju.A. Mirmekij (Murgmion)*] // Ocherki arkheologii i istorii Bospora. Moscow, 1992. S. 99–119.]

Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Под ред. К.К. Марченко. СПб., 2005. С. 211–297. [*Vinogradov Ju.A. Bospor Kimmerijskiy (The Cimmerian Bosporus)*] // Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epkhu. Saint-Petersburg, 2005. S. 211–297.]

Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира / Под ред. Н.И. Сокольского. М., 1976. С. 75–85. [*Vinogradov Ju.G. O politicheskom edinstve Berezani i Ol'vii (About Political Unity of Berezan and Olbia)*] // Khudozhestvennaya kultura i arkheologiya antichnogo mira. Moscow, 1976. 75–85.]

Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний покинутый и возрожденный // НЭ. 1999. XVI. С. 50–71. [*Vinogradov Ju.G. Istriya, Tira i Nikoniy pokinutiy i vozrozhdenniy (Histria, Tyra and Nikonion left and revived)*] // Numizmatika i epigrafika. 1999. Vol. XVI. S. 50–71.]

Воронов Ю.Н. Гиенос // СА. 1976. 4. С. 42–55. [*Voronov Ju.N. Gienos (Gyenos)*] // Sovetskaya arkheologiya 1976. Vol. 4. S. 42–55.]

Воронов Ю.Н. К изучению керамического производства Диоскуриады // СА. 1977. 2. С. 162–171. [*Voronov Ju. N. K izucheniyu keramicheskogo proizvodstva Dioskuriady (To the Study of Ceramic Production of Dioscurias)*] // Sovetskaya Archeologiya. 1977. 2, 162–171.]

Воронов Ю.Н. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 274–279. [*Voronov Ju.N. Nekotorye problemy sotsialnoy istorii Severnoy Kolkhidy v epokhu grecheskoy kolonizatsii (Some Problems of Social History of Northern Colchis in the Epoch of Greek Colonization)*] // Problemy grecheskoy kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ya. Tbilisi, 1979. S. 274–279.]

Воронов Ю.Н. Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М., 1980. [*Voronov Ju.N. Dioscuriada–Sebastopolis–Tzkhum (Dioscurias – Sebastopolis – Zhum)*. Moscow, 1980.]

- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.Н.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. 15. С. 162–187. [*Gajdukevič V.F., Kaposhina S.N.* K voprosu o mestnykh elementakh v culture antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (To the Question on Local Elements in Culture of Ancient Cities of the North Black Sea Coast) // *Sovetskaya Arkheologiya*. 1951. T. 15. S. 162–187.]
- Дундуа Г.Ф.* Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987. [*Dundua G.F.* Numizmatika antichnoy Gruzii (Numismatics of Ancient Georgia). Tbilisi, 1987.]
- Завойкин А.А.* Боспор: территориальное государство и полис // БФ. 2001. Т. 1. С. 22–28. [*Zavoikin A.A.* Bospor: territorialnoe gosudarstvo i polis (Bosporus: Territorial State and Polis) // *Bosporkij fenomen*. 2001. T. 1. S. 22–28.]
- Завойкин А.А.* Периодизация освоения греками Таманского п-ва в VI–V вв. до н.э. (соотношение письменных и археологических источников) // АМА. 2010. Т. 14. С. 203–217. [*Zavoikin A.A.* Periodizatsiya osvoeniya grekami Tamanskogo poluoostrova v VI–V vv. do n.e. (sootnoschenie pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov) (Periodization of Development of Taman Peninsula by the Greeks (6th–5th BC) (Correlation of Written and Archaeological Sources)) // *Antichnij mir i arkheologiya*. 2010. T. 14. S. 203–217.]
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. [*Zhebelev S.A.* Severnoje Prichernomor'ye (*The North Black Sea Coast*). Moscow; Leningrad, 1953.]
- Журавлев Д.В., Шлоцауэр У.* Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // *Scripta antiqua*. 2011. Т. 1. С. 252–293. [*Zhuravlev D.V., Schlotzhauer U.* Grecheskaya kolonizatsiya vostochnoy chasti Tamanskogo poluoostrova (Greek Colonization of the Eastern Part of the Taman Peninsula) // *Scripta antiqua*. 2011. T. 1. S. 252–293.]
- Зинько В.Н.* Основание и становление Тиритаки // ДБ. 2010. Т. 14. С. 220–232. [*Zinko V.N.* Osnovanie i stanovlenie Tiritaki (Foundation and Formation of Tyritake) // *Drevnosti Bospora*. 2010. T. 14. S. 220–232.]
- Зинько В.Н.* Хора Нимфея в VI–IV вв. до н.э. // ДБ. 1998. Т. 1. С. 86–104. [*Zinko V.N.* Khora Nimfeya v VI–IV vv. do n.e. (Nymphaeum's Chora in the 6th–5th Centuries BC) // *Drevnosti Bospora*. 1998. T.1. S. 86–104.]
- Зинько В.Н.* Становление нимфейского полиса // БФ. 2001. Т. 1. С. 102–104. [*Zinko V.N.* Stanovlenie nimfejskogo polisa (Formation of Nymphaeum Polis) // *Bosporkij fenomen*. 2001. T. 1. S. 102–104.]
- Зинько В.Н.* Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея // БФ. 2004. Т. 1. С. 14–20. [*Zinko V.N.* Problemy datirovki rannikh poselenij khory Pantikapeya i Nimfeya (Problems of Dating the Early Sites of Panticapaeum's and Nymphaeum's Chora) // *Bosporkij fenomen*. 2004. T. 1. S. 14–20.]

- Зубарь В.М., Сон Н.А.* Греки и римляне в Нижнем Поднестровье. Киев, 1996. [Zubar V.M., Son N.A. Greki i rimliane v Nizhnem Podnestrovie (Greeks and Romans in the Lower Dniestr Area). Kiev, 1996.]
- Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху (Основные тенденции социально-экономического развития). Симферополь, 2007. [Zubar V.N., Son N.A. Severo-Zapadnoe Prichernomorje v antichnuju epokhu (Osnovnye tendetsii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya) (North-Western Black Sea Region in the Ancient Period (Main Tendencies of Social and Economic Development)). Simferopol, 2007.]
- Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. М., 1947. [Iessen A.A. Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomorja (Greek Colonization of the North Black Sea Littoral). Moscow, 1947.]
- Ильинская В.А., Теренозжкин А.И.* Скифия в VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. [Il'inskaya V.A., Terenozhkin A.I. Skifija v VII–IV vv. do n.e. (Scythia in the 7th–4th centuries BC). Kiev, 1983.]
- Инадзе М.П.* Причерноморские города Древней Колхиды. Тбилиси, 1968. [Inadze M.P. Prichernomorskiye goroda drevnej Kolkhidy (The Black Sea Cities of Ancient Colchis). Tbilisi, 1968.]
- Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII – VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Berlin, М., 2005. [Ivantchik A.I. Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und Steppennomaden des 8. – 7. Jhs. v. Chr. in der klassischen Literaturtradition: Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte. Berlin, Moskau, 2005.]
- Иванчик А.И.* Аргонавтика, Океан и Черное море // Чтения памяти С.С. Аверинцева / Под ред. О.В. Смыка и др. М., 2008. С. 105–112. [Ivantchik A.I. Argonavtika, Okean i Chernoe more (Argonautica, Ocean and the Black Sea) // Chteniya pamyati S.S. Averintseva. Moscow, 2008. S. 105–112.]
- Иванчик А.И., Ильяшенко С.М.* Новые надписи из Танаиса // ВДИ. 2018. 78 (3). С. 644–664. [Ivantchik A.I., Il'yaschenko S.M. Novye nadpisi iz Tanaisa (New Inscriptions from Tanais) // Vestnik drevnej istorii. 2018. 78 (3). S. 644–664.]
- Иванова А.П.* Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА. 1951. Т. 15. С. 188–203. [Ivanova A.P. Mestnye motivy v dekorativnoj sculpture Bospora (Local Motives in Decorative Sculpture of Bosphorus) // Sovetskaya Arkheologiya. 1951. T. 15. S. 188–203.]
- Капошина С.Н.* О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. Т. 50. С. 154–189. [Kaposhina S.N. O skifskikh elementakh v kulture Ol'vii (On Scythian Elements in the Culture of Olbia) // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 1956. T. 50. S. 154–189.]

- Капошина С.Н.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956а. Т. 50. С. 211–234. [*Kaposhina S.N.* Iz istorii grecheskoy kolonizatsii Nizhnego Pobuzhya (From the Greek Colonization of the Lower Bug Region) // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 1956a. T. 50. S. 211–234.]
- Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988. [*Karyshkowskij P.O.* Monety Ol'vii (The Coins of Olbia). Kiev, 1988.]
- Карышковский П.О.* Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. 1967. Т. II (35). С. 76–86. [*Karyshkowskij P.O.* Zametki ob Ol'vii i Borisfene (Notes on Olbia and Borysthene) // Zapiski Odesskogo Arkheologicheskogo Obschestva. 1967. T. II (35). S. 76–86.]
- Кахидзе А.Ю.* Античные памятники Восточного Причерноморья (Греческий могильник Пичвнари). Тбилиси, 1975. [*Kakhidze A.Ju.* Ancient Monuments of the East Black Sea Coast (Greek Necropolis at Pichvnari)). Tbilisi, 1975.] (по грузински с русским резюме)
- Кац В.И.* Эмпорий Херсонес в «Перипле» псевдо-Скилака // Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 26–28. [*Kats V.I.* Emporij Khersones v "Periple" psevd-Skilaka (Emporion Khersonesos in "Periplus" of Pseudo-Scylax) // Mestnoe naselenie Prichernomor'ya v epokhu Velikoy grecheskoy kolonizatsii. Tbilisi. 1979. S. 26–28.]
- Качарова Д.Д., Квирквелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси, 1991. [*Kacharava D.D., Kvirkveliya G.T.* Goroda i poseleniya Prichernomor'ya antichnoy epokhi (Cities and Sites of the Black Sea Coast in Ancient Epoch). Tbilisi, 1991.]
- Книпович Т.Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII–V вв. до н.э. // ИГАИМК. 1935. Т. 5. С. 90–110. [*Knipovič T.N.* K voprosu o torgovykh snoscheniyakh grekov s oblastyu reki Tanaisa v VII–V vv. do n.e. (To the Question of Trading Relations of Greeks with the Region of Tanais River in 7th–5th Centuries BC) // Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury. 1935. T. 5. S. 90–110.]
- Книпович Т.Н.* Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья / Под ред. В.Ф. Гайдукевича, М.И. Максимовой. М.; Л., 1955. С. 164–187. [*Knipovič T.N.* Osnovnye linii razvitiya iskusstva gorodov Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu (Main Lines of Art Development in the Cities of the North Black Sea Coast in Ancient Epoch) // Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya. Moscow; Leningrad, 1955. S. 164–187.]
- Копейкина Л.В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темиргора // ВДИ. 1972. 1. С. 147–159. [*Kopeikina L.V.* Raspisnaya rodossko-ionij-

skaya oinokhoya iz kurgana Temir-gora (Painted Rhodian-Ionian Oenochoe from Temir-gora Barrow) // *Vestnik drevnej istorii*. 1972. 1. S. 147–159.]

Копылов В.П., Ларенок П.А. Таганрогское поселение. Ростов-на-Дону, 1994. [Kopylov V.P., Larenok P.A. Taganrogsкое poselenie (The Taganrog Settlement). Rostov-on-Don, 1994.]

Копылов В.П. Амфоры архаического периода на Нижнем Дону (последняя треть VII – третья четверть VI в. до н.э.) // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века* / Под ред. В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2001. С. 20–24. [Kopylov V.P. Amfory arkhaischeskogo perioda na Nizhnem Donu (posledniya tret' VII – tretya chetvert' VI v. do n.e. (Amphoras of Archaic Period from the Lower Don Region (last third of the 7th – third quarter of the 6th c. BC) // *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo moriya v drevnosti i srednie veka*. Rostov-on-Don, 2001. S. 20–24.]

Корпусова В.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму // *ВДИ*. 1980. 2. С. 100–104. [Korpusova V.V. Raspisnaya rodosko-ionijskaya oinokhoya iz kurgana u s. Filatovka v Krymu (Painted Rhodian-Ionian Oenochoe from Filatovka Barrow in the Crimea) // *Vestnik drevnej istorii*. 1980. 2. S. 100–104.]

Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // *Очерки археологии и истории Боспора* / Под ред. Г.А. Кошеленко. М., 1992. С. 6–28. [Koşelenko G.A., Kuznetsov V.D. Grecheskaya kolonizatsiya Bospora (v sviazi s nekotorymi obshchimi problemami kolonizatsii) (Greek Colonization of Bosphorus (in Connection with Some Common Problems of Colonization) // *Ocherki arkheologii i istorii Bospora*. Moscow, 1992. S. 6–28.]

Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. К истории ольвийской сельской округи // *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья* / Под ред. В.А. Анохина. Киев, 1980. С. 3–19. [Kryzhitskij S.D., Burakov A.V., Buyskikh S.B., Otreschko V.M., Ruban V.V. K istorii olvijskoy selkoj okrugj (To the History of Olbian Agrarian Periphery) // *Issledovaniya po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomorja*. Kiev, 1980. S. 3–19.]

Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. [Kryzhitskij S.D. Olviya. Historiograficheskoe issledovanie arkhitekturno-stroitelnykh kompleksov (Olbia. Historiographic Study of Architectural-Building Complexes). Kiev, 1985.]

Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования ольвийского полиса // *Ольвия и ее периферия* / Под ред. А.С. Русяевой. Киев, 1986. С. 3–17. [Kryzhitskij S.D., Otreschko V.M. K probleme formirovaniya Ol'vijskogo polisa

- (To the Problem of Formation of Olbian Polis) // *Ol'vija i ee periferiya*. Kiev, 1986. S. 3–17.]
- Крыжицкий С.Д.* К истории колонизации Нижнего Побужья // *Археология*. 1989. 3. С. 40–50. [*Kryzhitzkij S.D.* K istorii kolonizatsii Nizhnego Pobuzhya (To the History of Colonization of the Lower Bug Area) // *Arkheologia*. 1989. 3. S. 40–50.]
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. [*Kryzhitzkij S.D., Buyskikh S.B., Burakov A.V., Otreschko V.M.* Sel'skaya okruga Ol'vii (Rural Periphery of Olbia). Kiev, 1989.]
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. [*Kryzhitzkij S.D.* Arkhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya (Architecture of Ancient States of the North Black Sea Coast). Kiev, 1993.]
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С. и др.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. [*Kryzhitzkij S.D., Rusaeva A.C., and al.* Ol'vija. Antichnoe gosudarstvo v Severnom Prichernomor'ye (Olbia. The Antique State in Northern Black Sea Area). Kiev, 1999.]
- Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // *РА*. 2000. 1. С. 107–120. [*Kuznetsov V.D.* Afiny i Bospor: khlebnaya trgovla (Athens and Bosporus: Grain-Trade) // *Rossijskaya Arkheologiya*. 2000. T. 1. S. 107–120.]
- Кузнецов В.Д.* Новейшие исследования в Фанагории // *Археологические открытия 1991–2004 гг.* / Под ред. Н. Макарова. М., 2009. С. 190–204. [*Kuznetsov V.D.* Novejschie issledovaniya v Fanagorii (Recent Researches in Phanagoreia) // *Arkheologicheskie otkrytiya 1991–2004*. Moscow, 2009. S. 190–204.]
- Кузнецов В.Д.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // *Античное наследие Кубани*. Т. 1 // Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. С. 430–469. [*Kuznetsov V.D.* Fanagoria – stolitza Aziatskogo Bospora (Phanagoreia – a Capital of Asian Bosporus) // *Antichnoe nasledie Kubani*. T. 1. Moscow, 2010. S. 430–469.]
- Латин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. [*Lapin V.V.* Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomor'ya (Greek Colonization of the Black Sea Coast). Kiev, 1966.]
- Лазаров М.* Анхиало (Anchialos) // *Кратка энциклопедия “Тракийска древност”* / Под ред. Д. Попов. София, 1993. С. 17–18.
- Лордкипанидзе Г.А.* Колхида в VI–II вв. до н.э. Тбилиси, 1978. [*Lordkipanidze G.A.* Kolkhida v VI–II vv. do n.e. (Colchis in the 6th–2nd Centuries BC). Tbilisi, 1978.]
- Лордкипанидзе О.Д.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды). Тбилиси, 1977. [*Lordkipanidze O.D.* K probleme grecheskoy kolonizatsii Vostochnogo Prichernomor'ya (Kolkhidy) (To the Problem of Greek Colonization of the East Black Sea Coast (Colchis)). Tbilisi, 1977.]

- Лордкипанидзе О.Д.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды) // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 187–256. [*Lordkipanidze O.D.* K probleme grecheskoy kolonizatsii Vostochnogo Prichernomor'ya (Kolkhidy) (To the Problem of Greek Colonization of the East Black Sea Coast (Colchis)) // Problemy grecheskoy kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ya. Tbilisi, 1979. S. 187–256.]
- Лордкипанидзе О.Д.* Божества города Фасиса (Аполлон или Аполлинарная Триада?) // ВДИ. 1997. 1. С. 15–34. [*Lordkipanidze O.D.* Bozhestva goroda Fasisa (Apollon ili Apollinarnaya Triada?) (Gods of the City of Phasis (Apollo or Apollonial Triad?) // Vestnik drevnej istorii. 1997. 1. S. 15–34.]
- Марченко К.К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988. [*Marchenko K.K.* Varvary v sostave naseleniya Berezani i Ol'vii (Barbarians as a Part of Population of Berezan and Olbia). Leningrad, 1988.]
- Марченко К.К.* «Стихийная линия» греческой колонизации, или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода // ВДИ. 1994. 1. С. 92–99. [*Marchenko K.K.* "Stikhijnaya liniya" grecheskoy kolonizatsii ili k voprosu o kharaktere i putyakh formirovaniya sel'skogo naseleniya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Spontaneous Character of the Greek Colonization or to the Question about ways and character of rural population's creation in the North-Western Black Sea Coast) // Vestnik drevnej istorii. 1994. T. 4. S. 92–99.]
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000. [*Marcenko K.K., Žitnikov V.G., Kopylov V.P.* Elizavetovskoye gorodishche na Donu (The Elizavetovskoye settlement on Don). Moscow, 2000.]
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. М., 1998. [*Maslennikov A.A.* Ellinskaya khora na kraju ojkumeny (Hellenic Chora on the Edge of Oikumene). Moscow, 1998.]
- Масленников А.А.* Малые и малоизученные города античного Боспора. Тула, 2004. [*Maslennikov A.A.* Malye i maloizuchennye goroda antichnogo Bospora (Minor and Little Studied Cities of Ancient Bosphorus). Tula, 2004.]
- Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. [*Maximova M.I.* Antichnye goroda Jugo-Vostochnogo Prichernomor'ya (Ancient Cities of the South-East Black Sea Coast). Moscow; Leningrad, 1956.]
- Микеладзе Т.И.* Некоторые итоги раскопок поселений VI–V вв. до н.э. в районе устья р. Риони (Фасиса) // КСИА. 1977. Вып. 151. С. 12–23. [*Mikeladze T.I.* Nekotorye itogi raskopok poselenij VI–V vv. do n.e. v rayone ustya reki Rioni (Some results of Excavations of Settlements of the 6th–5th centuries BC in the Region of the Mouth of River Rhioni (Phasis) // Kratkie Soobscheniya Instituta Arkheologii. 1977. T. 151. S. 12–23.]

- Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. [*Melikischvili G.A.* K istorii drevney Gruzii (To the History of Ancient Georgia). Tbilisi, 1959.]
- Охотников С.Б.* Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Киев, 1990. [*Ochotnikov S.B.* Nizhnee Podnestrov'ye v VI–V vv. do n.e. (Lower Dniestr in the 6th–5th centuries BC). Kiev, 1990.]
- Подосинов А.В.* Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея // Аристей. 2012. Т. 5. С. 72–113. [*Podossinov A.* Kuda plaval Odissey? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov v svyazi s puteschestviyami argonavtov, Gerakla i Odisseye (Where Sailed Odysseus? The Geographical Concepts of Greeks in Connection with the Travels of Argonauts, Heracles and Odysseus) // *Aristeas*. 2012. T. 5. S. 72–113.]
- Рубан В.В., Урсалов В.Н.* Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана // ВДИ. 1978. 3. С. 82–88. [*Ruban V.V., Ursalov V.N.* Ol'vijskie monety iz antichnykh sel'skokhoziastvennykh vill Bugskogo limana (Olbian Coins from Rural Sites by the Bug Estuary) // *Vestnik drevnej istorii*. 1978. 3. S. 82–88.]
- Рубан В.В., Урсалов В.Н.* История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // ВДИ. 1986. 4. С. 31–53. [*Ruban V.V., Ursalov V.N.* Istorija denezhnogo obrascheniya na sel'skoy territorii Borisfenidy i Ol'vii (History of Coinage on the Rural Territory of Borysthenis and Olbia // *Vestnik drevnej istorii*. 1986. T. 4. S. 31–53.]
- Русяева А.С.* Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994. 4. С. 99–107. [*Rusyaeva A.S.* Osnovnye cherty i osobennosti kulturno-istoricheskogo razvitiya Nizhnego Pobuzhya v period kolonizatsii (The Main Features and Peculiarities of the Cultural-Historical Development of the Lower Bug Area in the Period of Colonization) // *Vestnik drevnej istorii*. 1994. T. 4. S. 99–107.]
- Русяева А.С.* К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. 1. С. 160–170. [*Rusyaeva A.S.* K voprosu ob osnovanii ionijcami Ol'vii (To the Question of Founding Olbia by the Ionians) // *Vestnik drevnej istorii*. 1998. T. 1. S. 160–170.]
- Сапрыкин С.Ю.* Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI–II вв. до н.э. Государственная политика или частная инициатива? // Античные полисы и местное население Причерноморья / Под ред. С.Д. Крыжицкого. Севастополь, 1995. С. 129–141. [*Saprykin S.Yu.* Bor'ba za ekonomicheskie zony vliyania na Ponte VI–II vv. do n.e. Gosudarstvennaya politika ili chastnaya initsiativa? (Struggle for economic influence on Pontos in the 6th–2nd c. BC. State Policy or Private Initiative? // *Antichnye polisy i mestnoe naselenie Prichenomorya. Sevastopol*, 1995. S. 129–141.]

- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. 1. С. 11–35. [*Saprykin S.Yu.* Bosporskoe tzarstvo: ot tiranii k ellinisticheskoy monarkhii (The Kingdom of Bosporus: From Tyranny to Hellenistic Monarchy) // *Vestnik drevnej istorii*. 2003. T. 1. S. 11–35.]
- Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары / Под ред. Л.П. Маринович. М., 2006. С. 171–242. [*Saprykin S.Yu.* Etyudy po sozionalnoy i ekonomicheskoy istorii Bosporskogo tzarstva (Studies on the Social and Economic History of the Bosporan Kingdom) // *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary*. Moscow, 2006. S. 171–242.]
- Сапрыкин С.Ю.* К проксенической и торговой деятельности Никония // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ / Под ред. И.В. Тункиной. СПб., 2007. С. 63–72. [*Saprykin S.Yu.* K proksenicheskoy i trgovoy dejatelnosti Nikoniya // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Saint-Petersburg, 2007. S. 63–72.]
- Сапрыкин С.Ю.* Дорийская колонизация Причерноморья // In *Klios Reich 1* / Под ред. И.Л. Маяк. Moskau; Berlin, 2011. С. 128–162. [*Saprykin S.Yu.* Dorijskaya kolonizatsiya Prichernomorja (The Doric Colonization of the Black Sea) // In *Klios Reich 1*. Moscow; Berlin, 2011. S. 128–162.]
- Сапрыкин С.Ю.* Греческие полисы Причерноморья (эпоха архаики и ранней классики) // Античный полис / Под ред. В.В. Дементьевой, И.Е. Сурикова. М., 2010. С. 55–89. [*Saprykin S.Yu.* Grecheskie polisy Prichernomorja (epokha arkhaiki i klassiki) (Greek Poleis of the Black Sea Coast (Archaic and Early Classical Epoch)) // *Antichnyy polis*. Moscow, 2010. S. 55–89.]
- Секерская Н.М.* Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. Киев, 1989. [*Sekerskaya N.M.* Antichnyy Nikonij i ego okruga v VI–IV vv. do n.e. (Ancient Nikonion and its Periphery in the 6th–4th centuries BC). Kiev, 1989.]
- Сенаторов С.Н.* Лепная керамика поселения на острове Березань из раскопок Государственного Эрмитажа 1963–1991 // Борисфен–Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа / Под ред. С.Л. Соловьева. СПб., 2005. С. 174–185. [*Senatorov S.N.* Lepnaya keramika poseleniya na ostrove Berezan iz raskopok Gosudarstvennogo Ermitazha 1963–1991 (Handmade Pottery from the Site on the Island of Berezan from Excavations of the State Hermitage Museum in 1963–1991) // *Borysthenis–Berezan. Arkheologicheskaya Kolleksiya Ermitazha*. Saint-Petersburg, 2005. S. 174–185.]
- Сокольский Н.И., Шелов Д.Б.* Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / Под ред. А.П. Смирнова. М., 1959. С. 40–62. [*Sokolskij N.I., Shelov D.B.* Istoricheskaya rol' antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomorja (Historical Role of Ancient States of the North Black Sea Coast) // *Problemy istorii Severnogo Prichernomorja v antichnuyu epokhu*. Moscow, 1959. S. 40–62.]

- Соловьев С.Л. Новые данные о типологии жилищ Березанского поселения в классическую эпоху // РА. 1995. 1. С. 121–132. [*Soloviev S.L. Novye dannye o tipologii zhilisch Berezenskogo poselenia v klassicheskuyu epokhu* (New Data on the Typology of Dwellings of Berzanskoe Site in Classical Epoch) // *Rossijskaya arkheologiya*. 1995. T. 1. S. 121–132.]
- Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. 3. С. 24–48. [*Tolstikov V.P. K probleme obrazovaniya Bosporskogo gosudarstva* (To the Problem of Forming the State of Bosporus) // *Vestnik drevnej istorii*. 1984. T. 3. S. 24–48.]
- Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора / Под ред. Г.А. Кошеленко. М., 1992. С. 45–98. [*Tolstikov V.P. Pantikapey – stolitsa Bospora* (Panticapaeum – capital of Bosporus) // *Ocherki arkheologii i istorii Bospora*. Moscow, 1992. S. 45–98.]
- Толстиков В.П. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 2001. Т. 4. С. 385–426. [*Tolstikov V.P. Ranniy Pantikapey v svete novykh arkheologicheskikh issledovanij* (Early Panticapaeum in the Light of New Archaeological Researches) // *Drevnosti Bospora*. 2001. T. 4. S. 385–426.]
- Тончева Г. Тракийского влияние в Одесос // ИВАД. 1956. Т. X. С. 51–60.
- Финогенова С.И. Гермонасса // Античное наследие Кубани. Т.1 / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. С. 510–527. [*Finogenova S.I. Germonassa* (Hermonassa) // *Antichnoe nasledie Kubani*. Vol. 1. Moscow, 2010. S. 510–527.]
- Фол А., Димитров С. (ред.) История на Добруджа. Т. 1. София, 1984.
- Цецхладзе Г.Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. 1. VI – начало V в. до н.э. // ВДИ. 1997. 2. С. 100–116. [*Tsetskhladze G.R. Grecheskoe proniknovenie v Vostochnoe Prichernomorje: nekotorye itogi izucheniya*. 1. VI – nachalo V v. do n.e. (Greek Penetration into the Eastern Black Sea Littoral: Some Results of Study. 1. 6th–early 5th c. BC) // *Vestnik drevnej istorii*. 1997. T. 2. S. 100–116.]
- Цецхладзе Г.Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. 2. Середина V – II в. до н.э. // ВДИ. 1998. 3. С. 87–97. [*Tsetskhladze G.R. Grecheskoe proniknovenie v Vostochnoe Prichernomorje: nekotorye itogi i perspektivy*. 2. Seredina V – II vv. do n.e. (Greek Penetration into the Eastern Black Sea Littoral: Some Results and Prospects. 2. Mid 5th – 2nd c. BC) // *Vestnik drevnej istorii*. 1998. T. 3. S. 87–97.]
- Цецхладзе Г.Р. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: новый взгляд // Аристей. 2011. Т. 4. С. 68–88. [*Tsetskhladze G.R. Grecheskaya kolonizatsiya Vostochnogo Prichernomorja: novyj vzgliad* (Greek Colonisation of the Eastern Black Sea Littoral: Some New Observations) // *Aristeas*. 2011. T. 4. S. 68–88.]

- Чевелев О.Д., Кашаев С.В., Сударев Н.И.* Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // БЧ. 2011. Вып. 12. С. 403–411. [*Chevelev O.D., Kaschaev S.V., Sudarev N.I.* Novye issledovaniya v Anapskom rayone Krasnodarskogo Kraya (New Researches in Anapa District of Krasnodar Region) // *Bosporskie chteniya*. 2011. T. 12. S. 403–411.]
- Шамба Г.К.* Амфорные клейма Диоскурии // Известия АН Груз. ССР. 1976. Т. 5. С. 149–157. [*Shamba G.K.* Amfornye klejma Dioskurii (Amphora Stamps of Dioscurias) // *Izvestija Akademii Nauk Gruzinskoj SSR*. 1976. T. 5. S. 149–157.]
- Шамба Г.К.* Эшерское городище. Тбилиси. 1980. [*Shamba G.K.* Escherskoe gorodische (The Site of Escheri). Tbilisi, 1980.]
- Шелов Д.Б.* Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество / Под ред. Т.В. Блаватской и др. М., 1967. С. 219–224. [*Shelov D.B.* Zapadnoe i Severnoe Prichernomorje v antichnuju epokhu (The Western and North Black Sea Littoral in Ancient Epoch) // *Antichnoe obschestvo*. Moscow, 1967. S. 219–224.]
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. [*Shelov D.B.* Tanais i Nizhnij Don v III–I vv. do n.e. (Tanais and the Lower Don in the 3rd–1st centuries BC). Moscow, 1970].
- Шелов Д.Б.* Монеты-стрелки в Нижнем Побужье // ВДИ. 1987. 4. С. 124–132. [*Shelov D.B.* Monety-strelki v Nizhnem Pobuzhye (Arrow-Coins in the Lower Bug Area) // *Vestnik drevnej istorii*. 1987. T. 4. S. 124–132].
- Шелов Д.Б.* Танаис – эллинистический город // ВДИ. 1989. 3. С. 47–54. [*Shelov D.B.* Tanais – ellinisticheskij gorod (Tanais – The Hellenistic City) // *Vestnik drevnej istorii*. 1989. T. 3. S. 47–54.]
- Шелов Д.Б.* Проблема греко-варварских контактов в эпоху греческой колонизации Северного Причерноморья // ВДИ. 1994. 2. С. 100–106. [*Shelov D.B.* Problema greko-varvarskikh kontaktov v epokhu grecheskoj kolonizatsii Severnogo Prichernomorja (Problems of Graeco-Barbarian Contacts in the Period of Greek Colonization of the Northern Black Sea Area) // *Vestnik drevnej istorii*. 1994. T. 2. S. 100–106.]
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР 1984 / Под ред. А.П. Новосельцева. М., 1985. С. 5–187. [*Shelov-Kovediaev F.V.* Istorija Bospora v VI–IV vv. do n.e. (History of Bosphorus in the 6th–4th c. BC) // *Drevnejschie gosudarstva na territorii SSSR*. 1984. Moscow, 1985. S. 5–187.]
- Alexandrescu P.* Les tertres funéraires d’Histria. Recherches Archeologiques dans la Necropole Tumulaire // *Klio*. 1963. Bd. 41. P. 257–266.
- Alexandrescu P.* Types de tombes de la nécropole tumulaire d’Histria // *Dacia*. 1965. T. 9. P. 163–184.

- Alexandrescu P.* Une nouvelle synthèse de l'histoire des villes grecques de la Dobroudja à l'époque préromaine // *Revue Roumaine d'histoire*. 1968. T. VII, 2. P. 263–279.
- Alexandrescu P.* Pour une chronologie des VI–IV siècles // *Thraco–Dacica*. 1976. P. 117–126.
- Alexandrescu P.* Histria in epoca arhaica I // *Pontica*. 1985. T. 18. P. 41–53.
- Alexandrescu P.* Geten, Skythen und die Chora von Histria in archaischer Zeit // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (Local Ethno-Political Entities of the Black Sea Area in the 7th–4th Centuries BC) / Ed. O.D. Lordkipanidze. Tbilisi, 1988. P. 281–294.
- Alexandrescu P., Morintz S.* A propos de la couche précoloniale de Mésambria // *Pontica*. 1982. T. 15. P. 47–55.
- Atasoy S.* Amisos. Karadeniz kıyısında antic bir kent. Samsun, 1997.
- Avram A.* Modes de contacts entre Grecs et Gètes à Histria à l'époque archaïque // Sur les traces des argonautes / Ed. O. Lordkipanidze, P. Leveque. Paris, 1996. P. 243–251.
- Avram A.* Notes sur l'inscription de l'emporion de Pistiros de Thrace // *Il Mar Nero*. 1997/1998. T. III. P. 37–46.
- Avram A.* Histoire de Callatis // *Inscriptions grecques et latines de Scythie Mineure*. Vol. III: Callatis et son territoire / Ed. A. Avram. Bucarest; Paris, 1999.
- Avram A.* Les territoire d'Istros et Callatis // *Problemi della 'Chora' Coloniale dall'Occidente al Mar Nero (Atti del quarantesimo convegno di studi sulla Magna Grecia)*. Taranto, 2001. P. 593–631.
- Avram A.* The Territories of Istros and Kallatis // *Surveying the Greek Chora* / Ed. P.G. Bilde, V. Stolba. Aarhus, 2006. P. 59–80.
- Awianowicz B.* A New Hellenistic Ostrakon from Nikonion // *ZPE*. 2011. Ht. 178. S. 237–239.
- Baralis A., Panayotova K.* Les colonies grecques aux marges de la Thrace // *Dossiers d'archéologie*. 2015. T. 368, mars/avril. P. 78–83.
- Boardman J.* The Greeks Overseas. Harmondsworth; London, 1973.
- Boardman J.* Early Greek Pottery on the Black Sea Sites // *Oxford Journal of Archaeology*. 1991. Vol. 10 (3). P. 387–390.
- Bordea G.* La diffusion des monnaies d'Istros, Callatis et Tomi du VIe au Ier siècle av. J.-C. dans leurs territoires, zones d'influence et ailleurs // *Presenza e funzioni della moneta nelle choraì delle colonie greche dall'Iberia al Mar Nero* / Ed. V. Marrazzo et al. Roma, 2004. P. 27–70.
- Bouzek J.* Studies of Greek Pottery in the Black Sea Area. Prague, 1990.
- Braund D.* Georgia in Antiquity. Oxford, 1994.
- Braund D.* Greater Olbia: Ethnic Religious, Economic, and Political Interactions in the Region of Olbia, c. 600–100 BC // *Classical Olbia and the Scythian World* / Ed. by D. Braund, S. Kryzhitskij. Oxford, 2007. P. 37–77.

- Bresson A.* Les cites grecques et leurs emporia // *L'emporion* / Ed. A. Bresson, P. Rouillard. Paris, 1993. P. 163–226.
- Burstein S.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley; Los Angeles, 1976.
- Casevitz M.* Emporion: employs classiques et histoire du mot // *L'emporion* / Ed. A. Bresson, P. Rouillard. Paris, 1993. P. 9–22.
- Coja M.* La céramique archaïque et les débuts de la cite pontique d'Histria // *Dacia*. 1958. T. V. 2 n.s. P. 69–92.
- Coja M.* L'artisanat à Histria du VI au I siècle avant notre ère // *Dacia*. 1962. T. V. 6 n.s. P. 115–138.
- Coja M.* La céramique grise d'Histria à l'époque grecque // *Dacia*. 1968. T. V. 12 n.s. P. 305–329.
- Coja M.* Les phases d'habitat du plateau ouest de la cite d'Histria à l'époque gréco-romaine // *Dacia*. 1970. T. V. 14 n.s. P. 99–117.
- Coja M.* Greek Colonists and Native Populations in Dobrudja (Moesia Inferior): The Archaeological Evidence // *Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honor of e.p. A.D. Trendall* / Ed. by J.-P. Descoeudres. Oxford, 1990. P. 157–168.
- Counillon P.* Skylax de Caryanda, Periple, 68–104 // *CCGR*. T. 5. 1986–1987.
- Counillon P.* L'emporion des géographes grecs // *L'emporion* / Ed. A. Bresson, P. Rouillard. Paris, 1993. P. 47–57.
- Crișan I.* Ceramica daco-getică. București, 1969.
- Danov Ch.* Thracian Penetration into the Greek Cities on the West Coast of the Black Sea // *Klio*. 1960. Bd. 38. S. 73–80.
- De Angelis F.* The Foundation of Selinous: overpopulation or opportunities? // *The Archaeology of Greek Colonization* / Ed. by G.R. Tsetschladze, F. De Angelis. Oxford, 1994. P. 87–110.
- Detschev D.* Die thrakische Sprachreste. Wien, 1957.
- Domanskij Ja. V., Marčenko K. K.* Towards Determining the Chief Function of the Settlement of Borysthenes // *The Cauldron of Ariantas* / Ed. by P.G. Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba. Aarhus, 2003. P. 29–36.
- Domaradzka L.* Monuments épigraphiques de Pistiros // *BCH*. 1999. T. 123. P. 349–351.
- Domaradzka L.* Addenda ad Pistiros I: The Pistiros-Vetren Inscription // *Pistiros II. Excavations and Studies* / Ed. J. Bouzek, L. Domaradzka, Z. Archibald. Prague, 2002. P. 339–342.
- Doruțiu-Boilă E.* Contribution épigraphiques à l'histoire de Tomis à l'époque du Principat // *Dacia*. 1975. T. 19. P. 151–160.
- Drews R.* The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // *JHS*. 1976. T. 96. P. 18–31.

- Étienne R.* L'emporion chez Strabon // L'emporion / Ed. A. Bresson, P. Rouillard. Paris, 1993. P. 23–34.
- Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt-am-Main, 1983.
- Finley M.* Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. London, 1970.
- Gajdukevič V.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Garlan Y.* Εἰς ἐμπόριον dans le timbrage amphorique de Chersonèse // L'emporion / Ed. A. Bresson, P. Rouillard. Paris, 1993. P. 99–102.
- Graham A.J.* Greek and Roman Settlements on the Black Sea: Historical Background // Colloquenda Pontica. Greek and Roman Settlements on the Black Sea Coast / Ed. by G.R. Tsatskhladze. Bradford, 1994. P. 4–11.
- Hansen M.H.* Emporion. A Study of the Use and Meaning of the Term in Archaic and Classical Periods // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. by T. Nielsen (Historia Einzelschriften; 117). Stuttgart, 1997. P. 86–103.
- Hansen M.H.* Polis and City-State: An Ancient Concept and its Modern Equivalent. Copenhagen, 1998.
- Hansen M.H.* A Survey of the Use of the Word Polis in Archaic and Classical Sources // Further Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2000. P. 173–215. (a)
- Hansen M.H.* The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000. P. 141–187. (b)
- Hind J.* Colonies and Ports of Trade on the Northern Shores of the Black Sea – The Cases of Olbiopolis and Kremnoi in Herodotus // Thracia Pontica II. Sozopol; Jambol, 1985. P. 105–119.
- Hind J.* Traders and Port-of-Trade (*emporoi* and *emporía*) in the Black Sea in Antiquity // Il Mar Nero. 1995/1996. T. II. P. 113–126.
- Hind J.* Colonies and Ports-of-Trade on the Northern Shores of the Black Sea: Borys-thenes, Kremnoi and the “Other Pontic Emporia” in Herodotos // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. by T. Nielsen (Historia Einzelschriften; 117). Stuttgart, 1997. P. 107–116.
- Hind J.* Greeks at Phasis and the Ransoming of Shipwrecked Sailors (FGrHist II. 218.18) // ВДІ (Vestnil drevnej istorii). 2009. T. 4. P. 154–159.
- Irimia M.* Cu privire la raporturile dintre sciți, geți și coloniile grecești de la Dunărea de Jos în secolele VI–IV a. Chr. // Revista Română de studii eurasiatice. 2005. T. I, 1. P. 51–93.
- Ivantchik A.* Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der Griechischen Kolonisation des Schwarzmeergebietes // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. by G.R. Tsatskhladze (Historia Einzelschriften; 121). Stuttgart, 1998. S. 297–330.
- Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.

- Karagianni F.* (ed.). 40 Medieval City-Ports in North Aegean and the Black Sea. A Cultural Guide. Thessalonike, 2014.
- Karayotov I.* The Coinage of Mesambria. Vol. 1: Silver and Gold Coins of Mesambria. Sozopol, 1994.
- Kharaldina Z.Ye., Novichikhin A.M.* Ancient Collections in the Anapa Museum // *AncCiv.* 1996. T. 3, 2–3, December. P. 347–365.
- Kopylov V.* Taganrog et la première colonization grecque du littoral nord-est de la mer d'Azov // *Sur les traces des Argonautes* / Ed. O. Lordkipanidze, P. Lévêque. Paris, 1996. P. 327–334.
- Koshelenko G.A., Marinovitch L.P.* Three *Emporia* of the Kimmerian Bosphorus // *Periplus. Papers on Classical Art and Archaeology presented to Sir John Boardman* / Ed. by G.R. Tsetshladze, A. Prag, A. Snodgrass. London, 2000. P. 171–177.
- Lazarov M.* Localités pré-grecques sur le littoral de la Mer Noire au sud du Balkan // *Thracia.* 1974. T. 3. P. 107–114.
- Lazarov M.* Notizen zur griechischen Kolonisation am Westlichen Schwarzen Meer: Schriftquellen und archäologische Denkmäler // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. by G.R. Tsetshladze (*Historia Einzelschriften*; 121). Stuttgart, 1998. S. 85–95.
- Lordkipanidze O.* La geste des Argonautes dans les premières épopées grecques sous l'angle des premiers contacts du monde grec avec le littoral pontique // *Sur les traces des Argonautes* / Ed. O. Lordkipanidze, P. Lévêque. Paris, 1996. P. 21–46.
- Lungu V.* La tombe du ερωξ et l'organisation de la nécropole d'une cité milésienne du Pont-Euxin: le tumulus T-A95 d'Orgamé // *The Black Sea Region in the Greek, Roman, and Byzantine Periods* / Ed. G.R. Tsetshladze, J. de Boer (*Talanta*; T. 32–33). 2000–2001. P. 171–188.
- Manoledakis M.* The Southern Black Sea in the Homeric *Iliad*: Some Geographical, Philological and Historical Remarks // *Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21–23 September 2012* / Ed. by M. Manoledakis (*BAR Intern. Series*; 2498). Oxford, 2013. P. 19–37.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Musiellak M.* Społeczeństwo greckich zachodnich wybrzeży Morza Czarnego. Poznań, 2003.
- Nawotka K.* The Western Pontic Cities. History and Political Organization. Amsterdam, 1997.
- Ochotnikov S.* Tyras i Nikonion. Świat kolonii greckich u ujścia Dniestru. Toruń, 1997.
- Petropoulos E.S.* Hellenic Colonization in the Euxeinos Pontos. Penetration, Early Establishment, and the Problem of the „Emporion“ Revised (*BAR Int. Series*; 1394). Oxford, 2005.

- Pick B., Regling K.* Die Antiken Münzen Nord-Griechenlands I: Die Antiken Münzen von Dacien und Moesien. Berlin, 1912.
- Pippidi D.* Die Agrarverhältnisse in den griechischen Städten der Dobrudscha in vor-römischer Zeit // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes / Hrsg. J. Imscher. Berlin, 1961. S. 89–105.
- Pippidi D.* Gètes, Grecs et Romains en Scythie Mineure: coexistence politique et interferences culturelles. Bucarest; Paris, 1976.
- Pippidi D.* Parerga. Bucureşti; Paris, 1984.
- Preda C.* Über die Silbermünzen der Stadt Istros // Dacia. 1975. T. 19. S. 77–85.
- Price M.* Sylloge nummorum graecorum. Vol. IX: The British Museum, part 1: The Black Sea. London, 1993.
- Rouillard P.* L'emporion chez Strabon // L'emporion / Ed. by A. Bresson, P. Rouillard. Paris, 1993. P. 35–46.
- Robert L.* Études anatoliennes. Amsterdam, 1970.
- Robinson D.* Ancient Sinope // AJPh. 1906. T. 27, 2. P. 125–153.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Ruscu L.* Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre. Cluj–Napoca, 2002.
- Saprykin S.* Emporion TAYRIKON and Scythian Harbour of Kalos Limen on Ceramic Stamps of Tauric Chersonesus // REA. 1996. Vol. 98, 3–4. P. 357–370.
- Saprykin S.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination. Amsterdam, 1997.
- Saprykin S.* Money Circulation on Chorai of Olbia and Tauric Chersonesus in Pre-Roman Period // Presenza e funzioni della moneta nelle chorai delle colonie greche dall' Iberia al Mar Nero. Roma, 2004. P. 71–132.
- Saprykin S.* Herakleia Pontica // The Encyclopaedia of Ancient History. First Edition / Ed. by R. Bagnall and al. Wiley-Blackwell, 2013. P. 3140–3141.
- Seibert J.* Metropolis und Apoikie. Würzburg, 1963.
- Solovyev S.* Archaic Berezan: Historical-Archaeological Essay // The Greek Colonisation of the Black Sea Area / Ed. by G.R. Tsatskhladze (Historia; 121). Stuttgart, 1998. P. 205–227.
- Stoian I.* La città pontica di Tomis: Capitolo introduttivo allo studio Tomitane // Dacia. 1961. T. 5. P. 233–274.
- Tsatskhladze G.R.* Greek Colonization of the Eastern Black Sea Littoral // DHA. 1992. Vol. 18, 2. P. 223–258.
- Tsatskhladze G.R.* Kolchis im System des antiken Handels (6.–2. Jh. v.u.Z.) // Münstersche Beiträge zur Antiken Handelgeschichte. 1992a. Bd. XI, 1. S. 80–107.
- Tsatskhladze G.R.* Greek Penetration of the Black Sea // The Archaeology of Greek Colonization / Ed. by G.R. Tsatskhladze, F. De Angelis. Oxford, 1994. P. 111–135.

(a)

- Tsetskhladze G.R.* The Interpretation of Pichvnari // DHA. 1994. Vol. 20, 1. P. 127–145. (b)
- Tsetskhladze G.R.* Pichvnari and its Environs 6th c BC – 4th c. AD. Paris, 1999.
- Tsetskhladze G.R.* Not all Things Greek Came Through Greek Trade or at the Hands of Greeks // The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC – 5th Century AD). BAR Int. Series 2517 / Ed. by G.R. Tsetskhladze, S. Atasoy. Oxford, 2013. P. 69–82.
- Vachtina M.* Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariantas / Ed. by P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V. Stolba. Aarhus, 2003. P. 37–54.
- Velissaropoulos J.* Le monde de l'emporion // DHA. 1977. Vol. 3. P. 61–85.
- Velissaropoulos J.* Les naoclères grecs. Paris; Genève, 1980.
- Velkov V.* Mesambria–Mesembria–Nessebre: situation, recherches, notes historique // Nessebre I / Ed. T. Ivanov. Sofia, 1969. P. 99–28.
- Velkov V.* Mesambria Pontica // Die bulgarische Schwarzmeerküste im Altertum / Ed. W. Schuller. Konstanz, 1985. S. 29–49.
- Velkov V.* Pontic Thrace and its Interrelations with the Greek World in the 12th–4th Centuries // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1988. С. 264–280.
- Venedikov I.* La Mesambria thrace // Nessebre 2 / Ed. V. Velkov. Sofia, 1980. P. 81–95.
- Vinogradov Ju., Kryžickij S.* Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum. Leiden, 1995.
- Weimert H.* Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen. Die Antike Landschaft Pontos. Eine Fallstudie. Frankfurt-am-Main; Bern, 1984.

Sergey Ju. Saprykin

“EMPORION – POLIS” IN ANCIENT BLACK SEA REGION

The article deals with the definition “emporion” in ancient sources about the Black Sea Coast. The author gives different points of view on the character of Greek colonization of the Black Sea region, paying attention to the urbanization in this area and to the process of turning the apoikiai into polis states. He argues with the earlier suggested ideas concerning the emporion stage of colonization, its bilateral character and the possible common participation of barbarians and Greeks in founding colonies. The background position of the author is as follows: apoikia is not a polis in common sense. Apoikiai and poleis belong to different social-economic and social and political definitions. Apoikia is a community of colonists whose social development was still much lower than that of the polis state while the Greek polis achieved a high level of civic community with a developed system of power, governing and administration. Trading activity could be carried out through the apoikia, i.e. it could take the function

of emporion but exclusively as private initiation of commercial people – emporoi. Though it was not emporion as a settlement. Polis trade was always under control of civic administration and the traders (merchants, emporoi) were defended by the state and its legislative system – polis laws, including asyilia, ateleia, politeia etc. That is why emporia in poleis were functioning as city blocks, quarters, markets, piers, harbours as parts of polis (city state) or as separate units – harbours, ports, minor towns, komai etc. outside the city territory but indispensably on polis chora – adjacent or distant. The term emporion has different sense though always concerns trade and commerce. It is often used in relation to the large cities – poleis like Phasis, Tomae, Dioscurias, Panticapaeum, Phanagoreia which were engaged in active intermediary trade and export-import exchange. Such cities used their own harbours and ports to carry goods to local inhabitants and back from them to Aegis or Pontus through sites on chora or at a distance from their own places. Such kind of settlements were founded or created in course of developing polis structures like reclaiming chora and forming state administration. The Hellenic poleis in West Pontic region often founded trading stations and commercial sites at a distance from their own territories, That is why we find no kind of emporia there but other terms to be used for attributing these sites though they were functioning like classical emporia. But in case with Panticapaeum, for example, we come across some emporia in the Lower Don area and the greatest among them called Tanais. Named initially as Emporion (?) it became autonomous and turned into a kind of civic community with ancient emporion to be included into its structure of polis type. So, the term “emporion” was embraced on ports, markets, harbours, places for trading operations and committing commercial agreements, separated blocks for traders’ everyday life etc. They could have been arranged in large cities and minor poleis. We find the term “emporion” as relevant to the colonists’ communities which didn’t achieve the level of apoikiai and poleis as well as in terms of harbours in far-distant lands or at a close distance from the cities in barbaric hinterland like Pistiros in the Kingdom of Odryssae. On the Southern Coast of the Black Sea emporia were founded chiefly on the polis chora of Heraclea Pontica, Sinope or Trapezous. They were incorporated into polis structure but not earlier than these cities obtained agrarian periphery. The main reason of this research is that emporia could hardly been arranged before the Greek colonies appeared in the region, they were created already after their foundation mostly during the process of polis development.

Keywords: colonization, apoikia, emporion, polis, trade, chora, minor cities, harbours, Greeks, barbarians

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-74-135

А.А. Зедгенидзе

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: ГРАНИЦЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИСА В КОНЦЕ V–IV В. ДО Н.Э.

В статье исследуется территориальная структура херсонесского полиса и взаимосвязь его элементов, а также их обусловленность географическими особенностями Гераклеяского полуострова. К базовым элементам полиса относятся сам город, укрепление на перешейке Маячного полуострова, дорога между городом и этим укреплением, размежевка вначале Маячного мыса, затем остальной территории Гераклеяского полуострова. Эти элементы полиса имели смысл только во взаимосвязи и при условии их одновременного функционирования (с конца V в. и в течение IV в. до н.э.) и являлись продуктом единого плана. Укрепление на перешейке Маячного полуострова, отождествляемое с «древним Херсонесом» Страбона, определяется нами как фрурион херсонесского полиса, созданный для овладения и контроля над территорией, изначально населенной варварами – таврами. Он фиксирует западную границу полиса и таким образом закрепляет за ним территорию, лежащую между городом и Маячным мысом. Определение в качестве фруриона следует из того, что этот объект, во-первых, бесспорно является укреплением, поскольку имеет оборонительные стены с башнями. Во-вторых, он находится на определенном удалении от города, однако в силу своего географического положения может принадлежать только Херсонесу и не является независимым поселением. Можно с достоверностью говорить о двух участках фруриона, которые создаются за счет диатейхисмы, разделяющей верхнюю («акрополь») и низинную части укрепления. Существенно, что оборонительные стены ограждают не только заселенную низинную часть перешейка, но всю его территорию. Наличие незаселенного, но при этом замкнутого стенами и обрывом пространства в верхней части перешейка, где находится культовый объект – храм, дает основание говорить об акрополе фруриона. После освоения всего Гераклеяского полуострова фрурион утрачивает свое первоначальное значение, и необходимость в нем как в военном объекте отпадает. Скорее всего, этим объясняется то, что ко времени Страбона он обветшал и был разрушен или разобран. В статье вводится в научный оборот акрополь «древнего Херсонеса» и дается вариант реконструкции храма на акрополе, раскопанного в 1890 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который составил его план и сделал краткое описание, являющееся основой для нашей реконструкции. Предполагается, что этот храм также мог использоваться как сокровищница.

Ключевые слова: полис, хора, тавры, «древний Херсонес» Страбона, акрополь

Введение

В «Географии» Страбона (VII. 4. 2) сказано:

«Если плыть дальше вдоль побережья, следует выдающийся в море на юг большой мыс (ἄκρα μεγάλη), который составляет часть целого Херсонеса (μέρος... τῆς ὅλης χερρονήσου). На этом месте расположен город гераклейцев (колония гераклейцев на Понте), который также называется Херсонесом и отстоит, если плыть вдоль берегов, на 4400 стадиев от Тираса. В городе есть святилище Девы (какого-то божества). В 100 стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей. Между городом и мысом три гавани. Затем следуют Древний Херсонес, лежащий в развалинах (ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσκαμμένη), и потом гавань с узким входом, где тавры, скифское племя, обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Символон Лимен и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадиев. Это перешеек, который замыкает Малый Херсонес (τὴν μικρὰν χερρόνησον), составляющий, как я сказал, часть Большого Херсонеса (τῆς μεγάλης χερρονήσου μέρος), с одноименным полуострову городом Херсонесом...» (пер. Г.А. Стратановского).

Обозначение χερρόνησος в этом тексте относится к четырем объектам: 1) «целый Херсонес», или «большой Херсонес» (ὅλη или μεγάλη χερρόνησος), – это весь Крым; 2) его часть составляет «большой мыс» (ἄκρα μεγάλη), или «Малый Херсонес» (ἡ μικρὰ χερρόνησος) – Гераклейский полуостров (μέρος... τῆς ὅλης χερρονήσου); 3) на нем расположен Херсонес – полис гераклейцев, и 4) «древний Херсонес, лежащий в развалинах». Последний пункт также именуется в литературе «Страбонов Херсонес». Он отождествляется с укреплением полиса, возведенным на перешейке Маячного мыса – северо-западной оконечности Гераклейского полуострова (Зедгенидзе 2015а. С. 41, 51).



Рис. 1. Гераклейский полуостров (1) на карте Крыма.

Fig. 1. Heracleian Peninsula on the map of the Crimea.

Гераклейский полуостров (рис. 1) представляет собой треугольное плато, площадью ок. 12 000 га, омываемое с северо- и юго-запада водами Черного моря. Его границами являются глубоко вдающиеся в сушу бухты: на севере – нынешняя Севастопольская бухта, на юге – Балаклавская бухта. С юго-востока он ограничен склонами Сапун-горы, ниже которых идут Караньские высоты. Юго-западное побережье полуострова между маяком на мысу и Фиолентом представляет собой обрывы высотой до 30 м. Плато полуострова пересекают подходящие к бухтам балки; некоторые из них имеют крутые склоны, нарушающие равнинность полуострова. Многие балки имеют источники пресной воды.

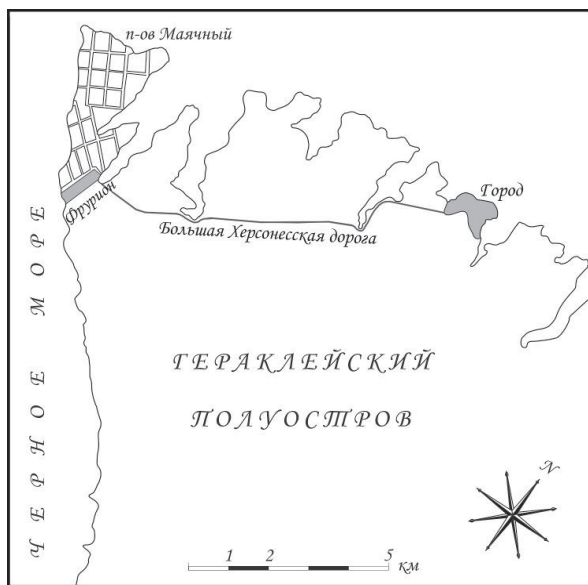


Рис. 2. Схематический план Херсонесского полиса в начальный период (выполнен А.А. Зедгенидзе).

Fig. 2. Schematic plan of the polis of Chersonesus in the early period (by Angelina A. Zedgenidze).

Херсонес Таврический является ярким примером и, можно сказать, моделью освоения территории древними греками. В данном случае освоение территории включает в себя следующие основные элементы: во-первых, возведение города, вокруг и для которого создается дальнейшая инфраструктура; во-вторых, создание базы для существования города – это хора, имеющая четкие границы; в-третьих – создание системы защиты как города, так и хоры. Важной особенностью освоения территории в случае Херсонеса является то, что оно происходит не просто с нуля

(на этой территории не было предшествующей инфраструктуры, которая могла бы служить непосредственной основой той пространственной системы, которую имеет Херсонесский полис¹), но в условиях присутствия варварского населения, являвшегося источником потенциальной угрозы. Пространственная система Херсонеса в ее базовых элементах – это не результат эволюции, происходившей на данной территории, и тем более не результат хаотичного расширения города и разрастания его окружи. Это результат четкого плана, принесенного колонистами. Базовыми территориальными единицами полиса в начальный период являются сам город у нынешней Карантинной бухты, укрепление на перешейке Маячного полуострова, дорога между городом и этим укреплением, размежевка на Маячном полуострове (рис. 2); несколько позже был размежеван Гераклеийский полуостров²; возможно, еще позже появились оборонительные сооружения на восточной границе, между устьями Севастопольской и Балаклавской бухт. Фрурион на перешейке Маячного полуострова защищает западную оконечность полисного пространства, размежевка на Гераклеийском полуострове (т.е. на основной части хоры) происходит в зависимости от линии дороги между городом и фрурионом. Таким образом, все базовые элементы полиса – и город, и фрурион, и дорога, и обе размежевки – имеют смысл только во взаимосвязи и при условии их одновременного функционирования (с конца V в. до н.э.; однако понятно, что на строительство тех или иных конкретных объектов и на размежевание Гераклеийского полуострова требовалось определенное время). Следовательно, эти элементы полиса являются продуктом единого плана,

¹ Теоретически нельзя исключать наличие некоего жилища на месте будущего Херсонеса (Сапрыкин 2018. С. 495; Буйских 2008. С. 40; ср.: Суриков 2009). Однако достаточные материальные свидетельства о нем отсутствуют (Буйских 2008. С. 244), не говоря о том, что Херсонесский полис является структурой совершенно другого уровня и потому не может считаться продолжением этого «поселения». Граница раннего города датируется рубежом V–IV вв. (подробно о соответствующем археологическом материале см.: Зедгенидзе 1978. С. 76–78); позже, с расширением города, его граница, естественно, изменилась. Таким образом, можно уверенно говорить о разных строительных периодах Херсонеса, но это именно Херсонес, Херсонесский полис, а не разные образования. Так же датируется укрепление на перешейке Маячного п-ова, что свидетельствует о начале развития хоры и, в целом, о создании системы полиса в конце V в. – начале IV в. до н.э. (анализ материала и аргументацию см.: Зедгенидзе 1993).

² С.Ф. Стрелецкий (1961. С. 41, 52) относил разделение земель Гераклеийского п-ова к рубежу IV–III вв. до н.э., определяя в качестве первой фазы размежевание Маячного п-ова (начало IV в. до н.э.). Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов (1990. С. 317) датировали ее началом второй четверти IV в. до н.э. С.Ю. Сапрыкин (1994. С. 136, 137; 2018. С. 496) относит размежевку земли на Маячном п-ове ко второй четверти, на Гераклеийском – к третьей четверти IV в. до н.э., В.М. Зубарь (2004. С. 91) – к последней четверти IV в. до н.э. А.В. Буйских (2008. С. 74) пишет о одновременном размежевании Гераклеийского полуострова, включающем Маячный мыс, и относит его к середине – третьей четверти IV в. до н.э. Исследования «древнего Херсонеса», безусловно связанного с хорой на Маячном полуострове, не позволяют согласиться со столь поздней датировкой его размежевания (Зедгенидзе 2015а. С. 45; 2016. С. 620).

а не возникают независимо друг от друга. При этом следует учитывать, что регулярная планировка хоры едва ли могла быть древнее регулярной планировки города. Система размежевки на Маячном полуострове датируется рубежом первой – второй четверти IV в. до н.э. (Сапрыкин 2018. С. 496). К этому времени регулярная планировка в том или ином виде должна была существовать и в городе, а значит, к этому же времени функционировала и система полиса в целом.

Сооружения на перешейке Маячного полуострова можно отнести к числу наиболее сложных и рискованных археологических объектов. Это связано с тем, что изначально не была ясна ни их структура в целостном виде, ни их назначение. Страбон, говоря о Херсонесе – колонии гераклеяцев – упоминает еще другой пункт поблизости с ним – «древний Херсонес», – и сообщает, что он был разрушен. Таким образом, и письменный источник не вносят ясности в вопрос о назначении «древнего Херсонеса» и о его связи с Херсонесом-городом. Ситуация усугубляется тем, что эта территория была повреждена в XX в. при строительстве батареи береговой обороны, в боях Великой Отечественной войны и из-за позднейших застроек, а до того изучалась лишь фрагментарно (что не отменяет ценности тех исследований, т.к. именно они дали принципиально важные для нашей работы сведения о диатейхизме и о храме на акрополе; см. ниже). К началу наших исследований «древнего Херсонеса» общепризнанным фактом была лишь его локализация на перешейке Маячного полуострова (Зедгенидзе 2015а. С. 51)³. В такой ситуации результативность исследования зависит от выбора места раскопок. Начинать раскопки в южной, возвышенной, части перешейка не было смысла из-за того, что этот участок был поврежден в XX в. при строительстве береговой батареи. Кроме того, по сообщению Н.М. Печёнкина, там отсутствовали какие-либо следы античной застройки. Что касается север-

³ Подробнее об истории изучения памятника см. также: Зедгенидзе 2014а; 2014б; 2015а; 2016. В 2018 г. вышла монография Г.М. Николаенко «Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников», где утверждается, что «по своему устройству и назначению поселение на перешейке Маячного полуострова более всего подобно муниципальной клерухии» (Николаенко 2018. С. 87–88). Интерпретации Г.М. Николаенко укрепления на перешейке Маячного полуострова радикально менялись от работы к работе: от укрепления для охраны виноградных питомников к укреплению для охраны маяка и, наконец, к «муниципальной клерухии». Относительно третьей интерпретации полагаем, что без понимания назначения данного объекта нельзя делать вывод о его подобии чему-либо при том, что именно назначение изучаемого объекта в монографии Г.М. Николаенко не рассматривается. При исследовании памятника необходимо прежде всего попытаться обосновать его назначение, исходя из его собственной структуры, а не из внешних аналогий, и затем обосновать причины, по которым он уподобляется чему-либо; в противном случае логическая цепочка построения обрывается и подобранные аналогии рискуют оказаться иллюзией. Клерухией данный объект не может считаться потому, что это исконная часть хоры Херсонеса, изначально входившая в систему полиса, а не находившаяся за его пределами.

ной части перешейка, примыкающей к Казачьей бухте, то там, наоборот, предполагалось наличие интенсивной застройки, что подтвердили и новейшие раскопки (Николаенко 2018). Это был наиболее перспективный район в плане обнаружения «древностей Маячного полуострова». Тем не менее, мы, выбирая место для раскопок, предполагали, что разгадка укрепления не в жилой застройке «портового» района и что раскопками этого района невозможно объяснить назначение укрепления и его место в системе полиса. Более важной казалась центральная часть укрепления; она была наименее понятна и требовала исследования в первую очередь. Раскопки были начаты на одном из немногих участков центральной части, где просматривался вал западной крепостной стены и остатки древних сооружений (Зедгенидзе 2019. С. 610). В результате была открыта часть западной крепостной стены и установлено время ее возведения: конец V – начало IV в. до н.э. Этим же временем датировали восточную крепостную стену укрепления С.Г. Демьянчук и В.А. Нессель (2011. С. 67), что дало дополнительное основание для вывода об одновременном возведении восточной и западной крепостных стен укрепления (Зедгенидзе 2016. С. 605–606, 620–621; о материалах из раскопок крепостных стен см.: Зедгенидзе 2019. С. 620–624). Поселение в северной части перешейка (портовый район) датируется началом IV в. до н.э. – II–III в. н.э. (Нессель, Демьянчук 2015. С. 55). Время функционирования открытого нашими раскопками строительного комплекса, примыкавшего к западной крепостной стене, по находкам монет, амфор, краснофигурной, чернолаковой керамики определяется первой четвертью – концом IV в. до н.э. В результате дальнейших исследований мы пришли к выводу, что укрепление на перешейке являлось фрурионом Херсонесского полиса, существовавшим в качестве такового с конца V по последнюю четверть IV в. до н.э. (Зедгенидзе 2019. С. 632–635).

В данной статье представлена характеристика памятника с точки зрения его места в системе Херсонесского полиса. Рассматривается акрополь фруриона, описание которого стало возможным благодаря изучению пространственной организации укрепления и обращению к акрополям Греции. Дается вариант реконструкции храма на акрополе, раскопанного в 1890 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который составил его план и сделал краткое описание, являющееся основой для нашей реконструкции. Разумеется, мы можем дать лишь общее описание структуры и планировки фруриона и его акрополя. Имеющиеся археологические данные, а также предшествующие описания (делавшиеся с самого начала изучения Херсонеса в XVIII в.⁴ и вплоть до того времени

⁴ Этими наблюдениями нельзя пренебрегать, потому что они были сделаны в период наилучшей сохранности античных памятников Гераклеяского полуострова. Подробнее см.: Зедгенидзе 2014а.

XX в., когда территория памятника была местами застроена и повреждена) вполне достаточны для структурно-планировочной реконструкции, необходимой для понимания места данного объекта в системе полиса. Что касается детальной реконструкции всех элементов памятника, то она едва ли возможна – прежде всего потому, что «древний Херсонес» был разрушен уже во времена Страбона⁵.

I. Фрурион

Херсонес, как город, находящийся на побережье и занимающий полуостров (между нынешними Карантинной и Песочной бухтами), можно отнести к числу тех городов, о которых Фукидид сообщает следующее: «Города, основанные в последнее время, когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей)» (Thuc. I. 7. 1; пер. Г.А. Стратановского)⁶.

Одна из самых ярких черт Херсонеса – строгая организованность, четкая геометричность в освоении территории⁷. Очевидно, что такое освоение территории было результатом изначального планирования. Размежевание хоры осуществлялось по системе, подобной планировке города, а именно по системе Гипподама (Буйских 2008. С. 105). По свидетельству Аристотеля, Гипподам Милетский «изобрел разделение полисов и спланировал Пирей» (Pol. II. 1267b, 25; пер. С.А. Жебелева). Поскольку полис представлял собой не только город, но включал в себя и хору, у Аристотеля, возможно, идет речь о разделении полиса в целом, т.е. о пла-

⁵ Не отрицая ценность корректных аналогий, мы в то же время не разделяем энтузиазма относительно обязательного поиска и представления аналогий и типологических параллелей. Дело в том, что в случае, когда задачей исследования является цельная реконструкция как структуры, так и функций памятника, крайне трудно подобрать полную и убедительную аналогию; в каких-то элементах аналогии всегда будут уязвимыми, противоречивыми и размытыми – прежде всего в силу уникальности ландшафта и различий в условиях существования каждого полиса. Как пронизательно замечают в связи с другим крымским памятником О. Домбровский и В. Сидоренко, «чем меньше в нашем распоряжении фактов, тем легче строить умозаключения по их поводу. Недостаток же фактического материала при этом легко возмещается аналогиями, которые как бы заменяют, а на деле – подменяют факты. Мобилизуя свою эрудицию, исследователь может невольно отойти от неясной ему исторической действительности» (Домбровский, Сидоренко 1978. С. 6). В самом деле, нельзя же считать полноценной аналогией использование в каком-либо другом памятнике особенностей ландшафта для обороны или наличие там оборонительных стен. Между тем, подобные черты – это единственное, что может оставаться от «аналогий» при ближайшем рассмотрении. Более оправданно говорить об аналогиях относительно отдельных элементов фортификаций и зданий, например, таких, как диатейхисма, создание замкнутого пространства при планировке акрополей и т.п.

⁶ Об этом фрагменте из Фукидида см.: Маньков 2015.

⁷ Возможно, эта территория именовалась ἡ κλρουχική; впрочем, это словосочетание известно из Аристофана (Nub. 203), т.е. является аттическим.

нировке не только города, но и его хоры. Эти процессы не были независимыми, но происходили взаимосвязанно. Сложная и впечатляющая своей геометричностью структура Херсонесского полиса оказалась возможной потому, что к той эпохе, когда был основан Херсонес, у греков, безусловно, уже имелся опыт создания системы, необходимой для существования и защиты города-государства. Собственно, Херсонес можно считать воплощением этого опыта, моделью создания полиса; складывается впечатление, что колонисты наложили уже существующий план на территорию Гераклеийского полуострова. Отсюда, в частности, эта строгость линий межевания, которые не останавливались ни оврагами, ни рвами, ни скалами, по словам Дюбуа де Монпере (2009. С. 215). Тщательность планировки хоры, гигантская трудозатратность работы по созданию системы наделов говорят о том, что хора была с точки зрения колонистов не менее важной частью полиса, чем город. Именно хора была основой существования полиса (Snodgrass 1987. P. 53), и это определяло ценность земель полуострова, прилегающих к городу. Следовательно, эта прилегающая территория должна была иметь четко определенные, охраняемые и укрепленные границы, которые представляли собой материализацию власти над определенной территорией. Эта материализованность, обеспечивающая возможность управления и контроля, так же важна, как, например, превращение мифов и в целом идеологии в физическую реальность в виде церемониальных действий, символических объектов и памятников (DeMarais, Castillo, Earle 1996. P. 16–19). В идеальном случае задача защиты хоры могла бы быть решена, если бы Гераклеийский полуостров был отгорожен с восточной стороны непрерывной стеной, проходящей от устья современной Севастопольской к устью Балаклавской бухты. Однако постройка стены такой протяженности представляется нереалистичной, особенно на первом этапе существования полиса. Тем не менее, оборонительные сооружения имелись и с этой стороны Гераклеийского полуострова, они фиксировались Палласом (1999. С. 42).

Из всех типов древнегреческих фортификаций ближе всего к укреплению на перешейке Маячного полуострова находится фрурион, характеризующийся в литературе как постоянное укрепление или укрепленное поселение, подразумевающее наличие гарнизона, располагающееся в сельской местности и при необходимости служащее убежищем для ее жителей (Lawrence 1979. P. 137, 173). Судя по данным источников (см. их анализ: Nielsen 2002. P. 50–51), фрурион является комплексом строений, может использоваться как сторожевой пост; назначение фруриона прежде всего военное, как оборонительное, так и наступательное. Укрепление на Маячном полуострове вполне соответствует этим признакам.

Расстояние от фруриона до города – 8,5 км по прямой на северо-восток. Фрурион и город связывала дорога, впервые описанная Ф. Дюбуа де

Монпере (2009. С. 216, 218). Создание этой дороги определило конфигурацию размежевания на Гераклейском полуострове, т.к. оси межевания идут параллельно дороге. Таким образом, дорога, связывающая фрурион с городом по кратчайшему пути, является структурообразующим элементом хоры на Гераклейском полуострове⁸, но не на Маячном, где схема расположения наделов была, естественно, иной прежде всего в силу чисто географических причин.

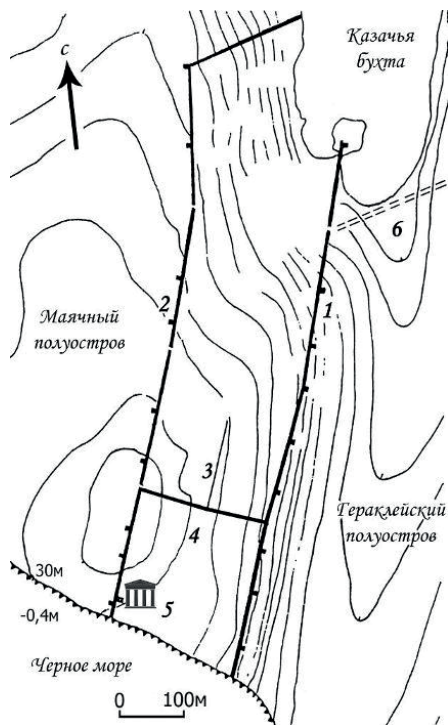


Рис. 3. План укрепления (фруриона) на перешейке Маячного полуострова – «древний Херсонес» Страбона. Конец V – IV в. до н.э.: 1 – восточная (внешняя) крепостная стена, 2 – западная (внутренняя) крепостная стена, 3 – диатеихисма, 4 – акрополь, 5 – храм, 6 – дорога, ведущая в Херсонес-город. Основой четежа послужил план А.Н. Щеглова (1994. С. 299).

Fig. 3. Plan of the stronghold (phourion) in the isthmus of the Lighthouse Peninsula – Strabo's "ancient Chersonesus". Late 5th – 4th centuries BC: 1 – eastern (external) fortification wall, 2 – western (internal) fortification wall, 3 – diateichisma, 4 – akropolis, 5 – temple, 6 – road to the city of Chersonesus (cf. Shcheglov 1994. S. 299).

⁸ Впервые об этом: Зедгенидзе 2015б. С. 109.

Географические черты местности способствовали и созданию укрепления на северо-западной оконечности полуострова. Прежде всего, здесь есть перешеек (шириной ок. 760 м), излюбленное греками место для создания укреплений (см., например, приведенное выше место из Фукидида). Перешеек достаточно узок, чтобы отгородить его непрерывными стенами с обеих сторон – западной, отделяющей Маячный полуостров, и восточной, отделяющей Гераклеийский полуостров. Длина западной стены – ок. 890 м, прослеживаемая длина восточной – ок. 550 м; расстояние между ними – ок. 210 м; общая площадь фруриона – 17,5 га (рис. 3)⁹. Одновременность создания стен нужна была, в частности, для использования пространства между ними в качестве убежища в случае нападения. Чрезвычайно важно, что часть перешейка возвышается над окружающей местностью, что обеспечивает обзор практически всего Гераклеийского полуострова на востоке и всего Маячного полуострова на западе. Со стороны моря на юге фрурион защищен неприступным обрывом. Такое положение затрудняет высадку и нападение с юго-востока: нападающие оказываются в балке прямо под укреплением. Наиболее возвышенной является южная часть фруриона, именно тут реконструируется акрополь. Он был отделен от остальной, низинной, территории фруриона (ὀψόπολις или κάτω πόλις; об этих терминах см.: Rönnlund 2018. P. 40) поперечной стеной – диатейхисмой, которая относится к тому же времени, что внешние стены фруриона (Зедгенидзе 2019. С. 623, о функциях диатейхисмы см.: Sokolicek 2009. P. 29ff.). Таким образом, можно с уверенностью говорить лишь о двух четко разграниченных в пространственном отношении частях фруриона (разграниченность в данном случае создается стеной – диатейхисмой). А.Н. Щеглов (1976. С. 18) писал о трех частях (по сути – о трех функциональных зонах): возвышенная – акрополь, средняя – «городская застройка»¹⁰, низина – портовая часть. С точки зрения функций этих частей, с данным утверждением А.Н. Щеглова можно согласиться с той оговоркой, что вопросы о наличии четкого пространственного разграничения между средней и портовой частью и о существовании регулярной застройки в средней части остаются открытыми. Позже А.Н. Щеглов (1994. С. 18) изменил свой взгляд на пространственную организацию «древнего Херсонеса» и выдвинул предположение не о трех, а о четырех его участках, разделенных «поперечными толстыми стенами». Следует, однако, иметь в виду, что, кроме диатейхисмы, отделяющей акрополь, фиксации других поперечных стен и достоверных

⁹ Подробнее о стенах и башнях см.: Щеглов 1994; Зедгенидзе 2015а; 2019. Приведенный план фруриона (рис. 3) основан на плане А.Н. Щеглова (1994. С. 299), который был скорректирован в свете наших исследований.

¹⁰ В работе А.Н. Щеглова 1976 г. «древний Херсонес» неточно именуется «городом», «городком».

данных о них нет¹¹. Эта обновленная реконструкция А.Н. Щеглова была связана с идеей о том, что деление площади перешейка Маячного полуострова на 4 дает примерно те же участки, что на остальной территории Маячного полуострова, – ок. 4,5 га. Следовательно, перешеек тоже был разделен на четыре «стандартных земельных участка», два из которых (находящиеся между акрополем и портом) были «земледельческой территорией» (Щеглов 1994. С. 22).

Следует признать, что при исследовании «древнего Херсонеса» Страбона А.Н. Щегловым сделан ряд проницательных наблюдений. Однако проведенные нами раскопки противоречили некоторым выводам А.Н. Щеглова, в т.ч. его интерпретации пространственной организации укрепления. Данная А.Н. Щегловым реконструкция структуры «древнего Херсонеса» не может быть признана вполне убедительной по нескольким причинам. Хуже всего обстоит дело с идеей о земледельческой территории среди крепостных стен: эти стены возводились явно не для того, чтобы оборонять эти земледельческие участки. Во-первых, такое сосуществование и взаимное наложение двух инфраструктур – военной и сельскохозяйственной – на достаточно небольшой и замкнутой площади выглядит странно¹². Во-вторых, это создает несправедливую ситуацию землепользования: владельцы двух участков на перешейке Маячного полуострова оказываются под защитой оборонительных стен, в отличие от остальных наделов. Наконец, обращение к картам и аэрофотографиям показало, что межевые стены не заходят на перешеек, т.е. он обособлен от прилегающих с востока и запада размежеванных территорий. Данные раскопок также противоречили утверждению Щеглова о том, что третий участок представлял собой земледельческую территорию с одной усадьбой, плантажом и оградами внутреннего межевания (Зедгенидзе 2019. С. 612–614). Таким образом, можно говорить об отделении поперечной стеной лишь южной, возвышенной, части перешейка, где находился акрополь.

Здесь следует обратиться к вопросу о том, против кого намеревались обороняться херсонеситы, создавая такие сложные и продуманные системы фортификации. У Херсонеса в начальный период существования не было соседствующего полиса, который можно было бы рассматривать в качестве потенциального противника. Но существовал фактор неизвестного окружения, чужой среды: этот район был заселен таврами. У древ-

¹¹ Г.М. Николаенко также не приводит данных об этих стенах, говоря, что их существование «предположительно» и «вероятно»: Николаенко 2018. С. 26, 27.

¹² Г.М. Николаенко (2018. С. 27) справедливо утверждает, что плантажные стенки и виноградные лозы перекрывали бы доступ к крепостным сооружениям, поэтому они не могли функционировать параллельно. Тем не менее, в ее монографии повторяется гипотеза А.Н. Щеглова о четырех участках.

них авторов тавры пользовались «ужасной славой» (Mela II. 11; Подосинов 2009. С. 234). См., например, у Геродота (Her. IV. 103) яркое описание того, каким образом тавры приносят в жертву потерпевших крушение мореходов и всех захваченных в море эллинов. Геродот подытоживает этот рассказ так: «Живут тавры разбоем и войной» (пер. Г.А. Стратановского). Археологически таврам соответствует кизил-кобинская культура (Кравченко 2010а. С. 149–154). В свое время С.Ф. Стржелецкий (1951. Л. 110) систематизировал материалы, полученные в ходе поисков памятников доколониционного периода на полуострове, сгруппировав их в четыре раздела: 1) памятники, расположенные вдоль побережья бухт от Херсонесского мыса до Инкермана; 2) расположенные вдоль юго-западного, южного побережья; 3) центральная группа; 4) Херсонес. О.Я. Савеля (1996. С. 13), характеризуя археологические материалы Гераклейского полуострова в период, предшествующий основанию Херсонеса, отметил на карте полуострова 18 пунктов с достоверными признаками поселений и дал их описание. Е.А. Кравченко (2010б. С. 61, рис. 2; с. 52) представила «Каталог поселений кизил-кобинской культуры VI–IV вв. до н.э. округа Херсонеса» и обозначила на плане Гераклейского полуострова «Поселения таврского периода кизил-кобинской культуры», определяя хронологию поселений второй половиной VI – концом IV в. до н.э. Что касается географической особенности распределения таврских поселений на Гераклейском полуострове, то, по наблюдениям исследователей, они располагались на прикрытых от холодных ветров склонах балок и ложин и тяготели к плодородным участкам (Савеля 1996. С. 14).

Тавры, населявшие полуостров, не могли не представлять опасность в глазах херсонеситов. Существование какого-либо неукрепленного или слабо укрепленного пункта в гуще варваров, на земле, обитатели которой живут «разбоем и войной», кажется невозможным. Поэтому первой задачей полиса было создание такой системы фортификаций, которая прежде всего обезопасила бы само поселение. Для того, чтобы в дальнейшем свести угрозу к минимуму и создать предпосылку для развития хоры, важно было освободить от тавров всю прилегающую к городу территорию, т.е. весь Гераклейский полуостров. Это было осуществлено посредством создания фруриона на границе хоры – на Маячном мысу. Демографическая ситуация на Гераклейском полуострове в связи с действиями Херсонесского полиса изменилась. Ко второй четверти IV в. до н.э. жизнь в варварских поселениях полуострова прекращается (Савеля 1996. С. 14; Кравченко 2010б. С. 55, 60). Задачей фруриона было также обеспечение безопасности наделов Маячного полуострова; логично поэтому, что размежевание его на надельные участки относится ко времени после возведения фруриона, к рубежу первой – второй четверти IV в. до н.э.

Построив на перешейке Маячного полуострова, т.е. на северо-западной оконечности хоры, крепостные стены, полис закрепил за собой эту границу и, следовательно, всю территорию, расположенную между Херсонесом-городом и «древним Херсонесом».

Однако являлись ли тавры настолько грозной силой, чтобы возводить сложную, стационарную и долговременную систему фортификации? Безусловно, тавры в качестве разбойников и грабителей представляли собой смертельную опасность для мореплавателей и жертв кораблекрушений. Вероятно, они были опасны для греков и на самом раннем этапе существования Херсонеса, до того, как были построены крепостные стены. Они и позднее вполне могли совершать разбойничьи нападения со стороны моря и грабить усадьбы; какие-то средства передвижения по морю у тавров как у прибрежного народа скорее всего были. При отсутствии укрепления высадиться и напасть можно было из любого места, где не было обрыва. Однако едва ли они могли представлять собой значительную угрозу для хорошо организованного и укрепленного полиса. По-видимому, здесь мы сталкиваемся с распространенным в древнем мире явлением – созданием укреплений такого размаха и сложности, которые превышают практические потребности, могущие возникнуть в ситуации реальной обороны, что в исследованиях, посвященных древней фортификации, объясняется в рамках теории монументальности (Trigger 1990. P. 121–122; Rönnlund 2018. P. 12, 124). Разумеется, оборонительные сооружения должны обладать достаточной мощностью, чтобы выполнять свое прямое назначение, однако монументальность таких сооружений не обязательно должна соответствовать их реальным практическим функциям. Она также призвана внушать врагам мысль о том, что мощь и ресурсы создавшей эти сооружения власти несопоставимо превышают их собственные силы. Именно поэтому монументальность архитектуры является наиболее общим и очевидным выражением могущества древних государств. Благодаря монументальным сооружениям, мощь власти наглядно доносится независимо от языка, возраста или культурной принадлежности тех, на кого направлено воздействие. Такие сооружения видны на значительном расстоянии, самим фактом своего наличия они обеспечивают контроль над определенной территорией. В отличие от тех или иных церемоний, которые повторяются периодически, монументальные фортификации являются постоянным воплощением мощи господствующей группы (DeMarais, Castillo, Earle 1996. P. 26). Кроме того, представляется более разумным вложить ресурсы в создание сооружений, превышающих реальные нужды обороны, чем находиться под угрозой нападения, т.к. наличие системы фортификаций снижает возможность войны.

II. Акрополь

Акрополь – благодаря Афинам – является одним из символов античности и входит в число основных понятий, связанных с полисом и, в целом, с Древней Грецией. «Древний Херсонес» имел акрополь, это является важным обстоятельством, поскольку изучение акрополя важно для понимания структуры полиса, логики его пространственной организации и назначения каждого из ее элементов. Честь определения данного участка в качестве акрополя принадлежит Н.М. Печёнкину. Он раскопал и описал диатейхисму, без которой не было бы и понимания акрополя (Печёнкин 1905). В статье мы снова вводим в научный оборот акрополь «древнего Херсонеса». Для Херсонеса этот объект важен еще и потому, что его создание относится к концу V – началу IV в. до н.э. Именно в это время возникли основные элементы инфраструктуры полиса, в связи с чем исследование этого периода и его памятников остается принципиальным для понимания развития Херсонеса.

В 2018 г. в Гётеборгском университете (Швеция) вышла диссертация Робина Рённлунда, посвященная акрополям Греции (Rönnlund 2018). Как ни странно, такой важный элемент греческого полиса как акрополь, до этого практически не имел комплексного систематизирующего исследования. С одной стороны, понятие «акрополь» прочно ассоциируется с афинским Акрополем; с другой – оно стало настолько расплывчатым, что, как пишет Рённлунд, чуть ли не любой холм поблизости с античным поселением в археологической литературе стали именовать «акрополем». Между тем, афинский Акрополь является исключительным явлением в греческом мире, возникшем в результате уникальной исторической ситуации, поэтому в работе Рённлунда он не рассматривается. Основное значение диссертации Рённлунда для нашей работы в том, что он перечисляет признаки, позволяющие определять объект в качестве акрополя и дает систематизацию типов планировки акрополя (Rönnlund 2018. P. 6, 111, 56–58, 83); привлекая это исследование, мы можем включить изучаемый нами акрополь в общегреческий контекст.

Акрополь, согласно определению Рённлунда (Ibid. P. 57–58), – это защищенное стенами пространство, находящееся на возвышении (о чем говорит первый компонент слова) и включенное в систему полиса (что следует из второго компонента). К этому можно добавить, что эта возвышенность не должна быть настолько недоступной, чтобы затруднять коммуникации для самих защитников (Wycheley 1967. P. 5). Кроме того, принципиальна включенность в систему полиса: акрополем не может считаться какой-либо укрепленный пункт или его часть, если этот пункт находится вне системы определенного полиса. Подчеркнем, что акрополь должен образовывать собственное замкнутое пространство, а не

просто являться возвышенной частью укрепления без четкой непрерывной границы. Наш акрополь полностью соответствует этим признакам. Его юго-восточной границей является неприступный обрыв, с запада и востока он защищен стенами укрепления (т.е. стены укрепления являются и стенами акрополя), от остального пространства укрепления (*katō polis*) он отделен поперечной стеной – диатейхисмой. Наличие поперечной стены важно, т.к. без нее не было бы ограниченного пространства и, соответственно, акрополя. С чисто фортификационной точки зрения, диатейхисма нужна для создания укрепленного пространства в случае высадки противника со стороны Казачьей бухты: без поперечной стены враг мог бы беспрепятственно пройти по всей территории укрепления и сразу занять его. Длина западной и поперечной стен в пределах стен акрополя – ок. 200 м, восточная стена несколько длиннее – ок. 250 м, длина обрывистой береговой линии – ок. 300 м. Таким образом, акрополь практически образует квадрат площадью ок. 4 га. Здесь мы снова видим характерную для Херсонеса любовь к геометрически правильной планировке. Толщина всех трех стен, судя по имеющимся данным, – 1,60 м. Восточная и западная стены на участке акрополя предположительно имели по три башни¹³. Что касается планировки акрополей, то Рённлунд (Rönnlund 2018. P. 84) выделяет шесть типов (рис. 4), их общий признак – это непрерывные границы акрополя, вследствие чего он образует замкнутое пространство. Относительно нашего акрополя можно сказать, что стены его, включая диатейхисму, проходят по наиболее возвышенным отрезкам местности, что позволяет считать его относящимся к типу А по Рённлунду.

Безусловно, акрополь в наиболее распространенном случае является частью города и находится внутри его стен. Однако Рённлунд (Ibid. P. 57) также перечисляет объекты, в отношении которых в письменных источниках употреблен термин «акрополь» и которые при этом находятся за пределами города, являясь фрурионами. Характерно также, что А.В. Лоренс (Lawrence 1979. P. 140) называет фрурион «внешним акрополем» (*external acropolis*). Согласно Ф. Винтеру (1971. P. 140), укрепление должно было иметь элементы, необходимые для нормальной жизни: храм, жилую застройку, запас воды, и даже, возможно, агору.

¹³ О стенах, башнях и типах кладки см. Зедгенидзе 2019 и указанную там литературу.

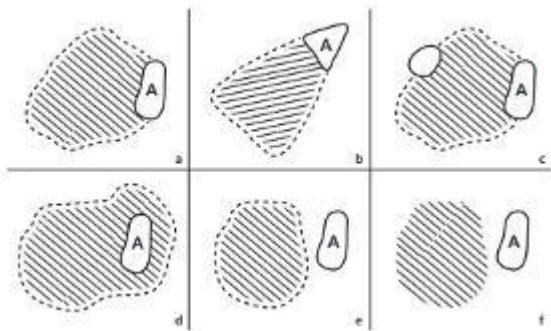


Рис. 4. Типы акрополей относительно поселений (штрих) и их крепостных стен (пунктир). По: Rönnlund 2018. P. 83.

Fig. 4. Types of akropoleis as related to settlements (hatched area) and their walls (broken lines), according to Rönnlund 2018. P. 83.

Одним из назначений акрополя было размещение гарнизона – *phroura* (Lawrence 1979. P. 137; Rönnlund 2018. P. 47). В связи с этим показательная надпись в честь Агасикла (IOSPE³ III: 151), внесшего предложение о гарнизоне и обустроившего его, а также размежевавшего виноградник на равнине. Агасикл не был устройтелем гарнизона в начальный период существования фруриона, т.к. надпись относится к более позднему времени, концу IV – началу III в. до н.э., однако логично, что устройство гарнизона и создание виноградника осуществлялось одним лицом: фрурион входил в систему хоры. Какой-либо жилой застройки на территории акрополя не обнаружено. Н.И. Печёнкин, проводивший разведки на северном участке акрополя в 1911 г., назвал его «чистой площадкой»¹⁴. Это полностью согласуется с ситуацией в Греции: в классическую эпоху на акрополях обычно никто постоянно не жил (Rönnlund 2018. P. 58). Когда воины гарнизона находились на посту, они, вероятно, проводили часы стражи в башнях (Lawrence 1979. P. 130).

¹⁴ Цит. по: Щеглов. 1994. С. 19. Тем не менее, Г.М. Николаенко (2018. С. 26) утверждает, что в 2008 г. отрядом геофизиков Херсонесского заповедника под руководством М.Ю. Николаенко при исследовании геофизическими методами на акрополе были выявлены «новые архитектурно-строительные остатки. В северо-восточной части выявлены остатки плантажных стен; в южной, вблизи башен II и III Восточной стены – фрагменты стен и углов каких-то зданий». На соответствующем рисунке видны хаотичные линии, обозначающие «потенциальные археологические объекты» и «предполагаемые элементы строительных конструкций» (Там же. С. 129). Ссылка на публикацию или отчет М.Ю. Николаенко отсутствует, никакой документации, по которой можно было бы судить о характере обнаруженных объектов, не приводится. Однако «по найденному материалу» (который не описывается и не анализируется) делается вывод, что «этот участок укрепления был обитаем уже в первой половине второй четверти IV в. до н.э.» (Там же. С. 26). О том, что многие постулируемые Г.М. Николаенко выводы не подкреплены анализом конкретного археологического материала, уже писал В.М. Зубарь (2007. С. 267).

Акрополи Греции, помимо фортификационной, имели сакральную функцию. Остатки святилищ находятся в целом ряде акрополей, хотя большая часть этих святилищ недостаточно изучена (Rönnlund 2018. P. 49). Средоточием храмов, алтарей, государственных святынь был акрополь Пантикапея (Толстиков 1987. С. 89–90). На нашем акрополе также находился храм (см. ниже).

На акрополях обычно отсутствует стандартная жилая застройка, они не предназначены для частного землевладения и частного жилья. Смысл акрополя в том, что он представляет собой *общее* убежище, предназначенное *для всех* граждан при том, что владельцы наделов, естественно, могли строить укрепленные усадьбы «для личного пользования» и на собственных участках. Именно в этом заключается основное значение акрополя: это символ единства граждан полиса, материализованного в виде особого пространства, имеющего четкие границы и обособленного от прочих пространств. Граждане полиса занимались частной хозяйственной деятельностью на своих наделах, тогда как акрополь был общим убежищем. Поэтому естественно, что акрополь должен быть как-то отделен от тех зон полиса, которые предполагают частное пользование. С географической точки зрения, он является доминантой прилегающей местности; возвышаясь на ней, он напоминает возможному противнику о могуществе господствующей группы, для собственных создателей является символом безопасности и при этом обособленным священным пространством с его средоточием в виде храма. Образно говоря, без акрополя жизнь граждан воспринималась бы пребывающей во власти хаотических сил – прежде всего из-за отсутствия общего убежища при возможности неожиданного нападения. Между тем, на материальном уровне, а именно в пространственной организации полиса, мы видим в Херсонесе удивительную и в прямом смысле геометрическую упорядоченность. Следует думать, что создатели этой системы и на нематериальном уровне едва ли могли мириться с хаотичностью и уязвимостью существования среди малоизвестного и, по-видимому, враждебного окружения. Это требовало создания акрополя. Добавим, что этим чувствам могла способствовать и возвышенная красота местности, где находился акрополь, – это уходящие вдаль неприступные прибрежные обрывы, морской простор с одной стороны и простирающаяся равнина с сетью наделов с другой.

III. Храм

1. Раскопки

К.К. Косцюшко-Валюжинич, ведя раскопки на Маячном полуострове, в 1890 г. открыл храм, пристроенный к внутренней, западной, крепостной стене укрепления. В рукописном отчете он дал план храма, рисунок

и описание его внутреннего помещения (Косцюшко-Валюжинич 1890. Л. 46; см. рис. 5, 6). В публикации Косцюшко-Валюжинич писал: «Возле первой башни западной стены, но с противоположной, или внутренней стороны, открыто небольшое, квадратной формы, помещение, может быть остатки языческого храма. Здесь устроено нечто вроде жертвенника, от которого уцелели: каменная плита, с несколькими неразборчивыми греческими буквами, обломок тонкой граненой колонки из желтоватого камня, вделанной в базу из такого же камня, и наконец очажок, сложенный из четырех, поставленных на ребро, каменных плит, на расстоянии 6 вершков от жертвенника. Подобные очаги, с остатками бараньих костей, открыты в одной из башен западной стены и в жилом доме возле восьмой башни. В земле, вынутой из храмика, найден обломок каменной надгробной плиты, с изображением задней ноги и хвоста лошади и части одежды всадника, и другой обломок, с неясным очертанием человеческой фигуры» (Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г. С. 38).

В отчете содержатся более подробные данные об артефактах храма: колонка и база выполнены из местного камня, первая вделана в базу, ее сторона, обращенная к стене, отесана для того, чтобы прилегать к стене. Высота фрагмента колонки – 11 вершков (0,57 м), диаметр базы сверху – 8 вершков (0,42 м), снизу – 12 вершков (0,62 м). Вплотную к пьедесталу колонны приставлен жертвенник, основание его сложено из подтесанных камней и перекрыто плитой длиной 22 вершка (1,15 м), шириной 10 вершков (0,52 м) и толщиной 2 вершка (0,10 м). Высота жертвенника в отчете не указана; судя по рисунку, она не превышала 0,50 м. На жертвеннике сохранилась одна строка надписи, которую К.К. Косцюшко-Валюжинич передал так: ΔΙ ΝΥΣΙ (Там же). Второе описание храма сделано А.Л. Бертье-Делагардом (1893. С. 57): «Раскопки открыли стены, уцелевшие на 1½–2 арш. (1–1,4 м) крепостной ограды и маленького храмика Диониса, в котором оказался жертвенник из трех плит в виде низенького стола с вырезанным сбоку верхней плиты одним словом ΔΙΩΝΥΣ; за жертвенником пьедестал для статуэтки бога, составленный из кусков, взятых из других зданий, а именно базы и колонны разных диаметров; все это на своих местах и только не хватало самой статуэтки». Отметим, что в отчете К.К. Косцюшко-Валюжинича зафиксированы план храма и артефакты, благодаря чему мы можем выполнить его реконструкцию.

2. Хронология храма

Из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича мы узнаем, что памятники, обнаруженные при раскопках храма и оставленные на месте (!), там и погибли. Храм и крепостная стена, к которой он примыкал, были разрушены при сооружении береговой батареи. Памятник утрачен, однако

имеющееся описание, план и археологический контекст позволяют сделать выводы о его хронологии. Как говорилось выше, в храме на верхней плите жертвенника сохранилась надпись, прочитанная К.К. Косцюшко-Валюжиничем как ΔΙ ΝΥΣΙ, А.Л. Бертье-Делагардом как ΔΙΩΝΥΣ; последний интерпретировал храм как посвященный Дионису (Бертье-Делагард 1893. С. 57). Ввиду утраты артефактов, обнаруженных при раскопках храма, в т.ч. жертвенника, В.В. Латышев при издании надписи на плите жертвенника вынужден был пользоваться прорисью Косцюшко-Валюжинича. Он датировал надпись по шрифту римским временем, реконструируя имя дедиканта – Дионисий: Δι[ο]νύσι[ος τοῦ δεῖνος ἀνέθηκεν?] (IOSPE I² 706). Не отрицая правдоподобия имени «Дионисий» в качестве имени дедиканта, мы считаем необходимым внимательнее отнестись к обстоятельствам, сопутствующим раскопанному памятнику. Крупнейший исследователь хоры Херсонеса С.Ф. Стржелецкий не согласился с отнесением надписи к римскому времени, считая, что оно могло быть следствием заблуждения Латышева, в которое он был введен записью Косцюшко-Валюжинича, с которой Латышев знакомился по отчету из архива Археологической комиссии. Стржелецкий обратил внимание на условность шрифта, воспроизводимого Косцюшко-Валюжиничем: «Надписи, начиная с IV в. до н.э. и кончая позднеримскими, передаются одним шрифтом». Стржелецкий относил храм к IV в. до н.э., приводя следующие доводы в пользу этой датировки: 1) храм связан с крепостной стеной; 2) на одновременность крепостной стены и храма указывают находки однородных культовых памятников (очагов) в храме, башнях крепостной стены и в примыкавшем к ней жилом доме укрепления; 3) характер кладки стен храма (нечто вроде полигональной кладки) известен в Херсонесе для стен конца IV – начала III в. до н.э.; 4) база и колонна пьедестала статуэтки характеризовались Бертье-Делагардом как очень ранние; 5) в хорошо сохранившемся храме, функционировавшем в течение длительного периода, не найдено вещей римского времени; 6) все находки «этой археологической кампании» (1890 г.), в т.ч. монеты, относятся к раннеэллинистическому периоду, что отмечалось Косцюшко-Валюжиничем и Бертье-Делагардом (Стржелецкий 1948. С. 103–105).

А.Н. Щеглов атрибутировал упомянутый Косцюшко-Валюжиничем фрагмент плиты из храма в качестве фракийского посвященного рельефа с изображением всадника. Исходя из латышевской датировки надписи на плите жертвенника римским временем, Щеглов утверждал, что храм был сооружен не раньше II века.

Характеризуя архитектуру храма «простой и безыскусной», а планировку и размеры обычными для храмов во фракийских святилищах, Щеглов (1969. С. 153, 154) заключил, что данный храм был посвящен фракийским богам. Э.И. Соломоник (1984. С. 7), соглашаясь с тем, что на плите жертвенника в храме высечено имя дедиканта, писала: «То, что плита найдена вместе с изображением фракийского всадника II–III вв. н.э., подтверждает предложенную Латышевым датировку этого памятника». Таким образом, закреплялась датировка храма римским временем, основанная на заключении о том, что плита его жертвенника найдена вместе с фракийским рельефом II–III вв. Однако полагаем, что прямым подтверждением этого заключения могла быть фиксация фрагмента непосредственно в помещении храма или описание стратиграфии раскопок, из которой следовала бы принадлежность рельефа внутреннему помещению храма, но этих данных нет. А.Л. Бертье-Делагард (1893. С. 57), характеризуя артефакты храма, писал: «Остатки зданий, в него попавшие, обнаруживают большую древность». Конструкция перед алтарем (рис. 6) подобна конструкциям, используемым для отправления культа, открытым в других районах укрепления: в башне V западной крепостной стены, в доме № 5 у этой башни, в одном из помещений в северном квартале портового района. Эти объекты функционировали в конце V–IV в. до н.э. (Зедгенидзе 2019. С. 630). В наосе эта конструкция служила священным очагом храма. И главное: датировка храма должна даваться по конструкции здания, а не по легко перемещаемым артефактам. Решающим аргументом в пользу древности храма является то, что он построен в конструктивной связи со стеной укрепления. На плане Косцюшко-Валюжинича (рис. 5) хорошо видно, что западная стена храма параллельна крепостной, а южная стена встроена в крепостную так, что между храмом и крепостной стеной получается коридор шириной 1 м (о его возможном назначении см. далее). Это говорит о том, что расположение храма мыслилось в связи с крепостной стеной укрепления, возведение которой датируется исследователями, А.Н. Щегловым в т.ч., концом V – началом IV в. до н.э., а утрата ею фортификационного назначения относится к концу IV в. до н.э. (Щеглов 1994. С. 26. Демьянчук, Нессель 2011. С. 69, 77; Зедгенидзе 2016. С. 603).

Исходя из этого, сооружение храма также следует относить к концу V – началу IV в. до н.э., т.е. к тому же периоду, что создание фруриона в целом. В более поздний период, по сообщению Страбона (VII. 4. 2), «древний Херсонес» лежал в развалинах, что прежде всего подразумевает разрушение или обветшание крепостных стен, ведь укрепление, собственно, создавалось крепостными стенами. Возведение храма много веков спустя не просто рядом, а в конструктивной связи со ста-

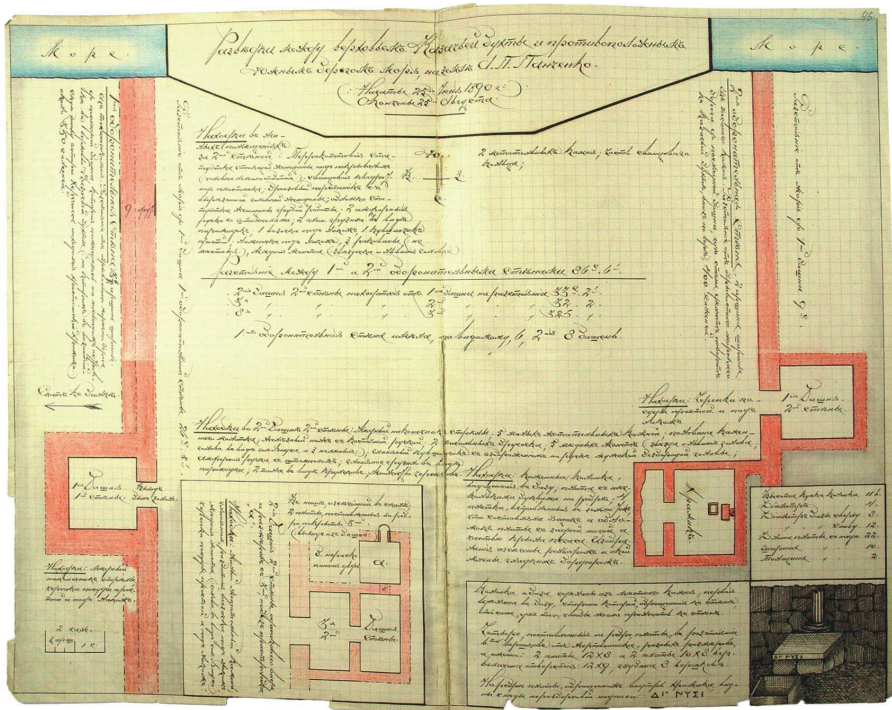


Рис. 5. Рукописный отчет К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1890 г. Справа план храма и 1-й башни западной крепостной стены. По: Косцюшко-Валюжинич 1890. Л. 46.

Fig. 5. K. Kościuszko-Waluszyni's handwritten report of 1890. On the right: plan of the temple and the 1st tower of the western fortification wall. Kept at the State Museum "Chersonesus Taurica", Sevastopol.

рой крепостной стеной представляется нам невероятным. Кроме того, зафиксированная на рисунке Косцюшко-Валюжинича кладка стены храма выполнена с соблюдением рядности путем подгонки обработанных камней, некоторые из которых стоят орфостатно (рис. 6): строительная техника храма близка приемам возведения других объектов укрепления (Зедгенидзе 2019. Рис. 10, 2). Всё это, вместе с приведенными выше доводами С.Ф. Стржелецкого, говорит об одновременности строительства стен укрепления и храма, об их структурной соотнесенности.

3. Тип храма, объемно-планировочная и фасадная реконструкция

План храма, выполненный Косцюшко-Валюжиничем и используемый в качестве исходного документа, привлечение данных аналогичных храмов, варианты реконструкции ордерных памятников различной со-

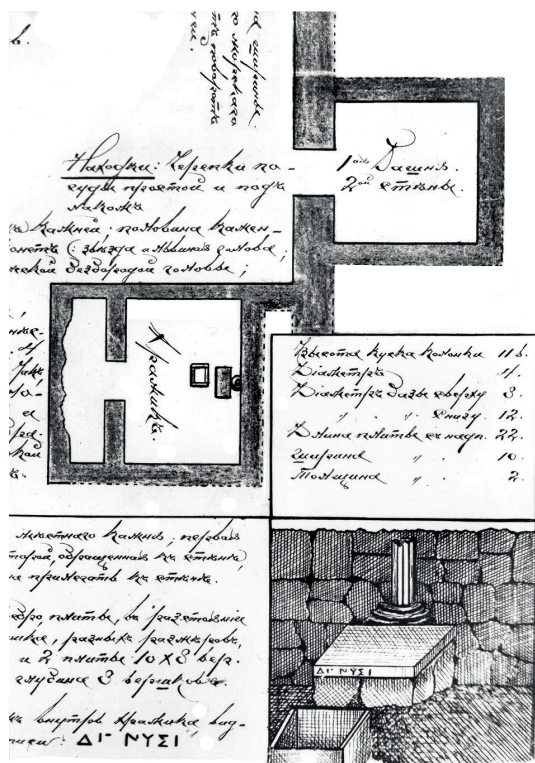


Рис. 6. Храм на акрополе. Наос храма. По: Косцюшко-Валужичич 1890. Л. 46.
Fig. 6. Temple in the akropolis. The naos. Based on K. Kościuszko-Waluszynski's handwritten report of 1890.

хранности, рекомендации Витрувия позволяют определить тип храма, выполнить реконструкцию его планировочной композиции, ордера, высотных габаритов, объемно-пространственного решения его фасада. Исследуемый храм является всего лишь третьим античным храмом, раскопанным в Херсонесе (ср.: Рыжов 2015. С. 5). Рекомендация Витрувия относительно расположения храмов заключается, в частности, в том, чтобы «из святилищ богов была видна как можно большая часть города» (IV. V. 2). Наш храм находился в юго-западной части акрополя, над открытым морем, на высоте 30 м над его уровнем. Как говорилось выше, это наиболее возвышенный участок местности с прекрасным обзором всей прилегающей территории Гераклеяского полуострова. Подобно многим храмам Греции, он сооружен на границе территории, которой владел полис (Polignac 1995. P. 34. О цепи святилищ, реконструируемой на границах Херсонесского полиса, см.: Зедгендзе 2015в).

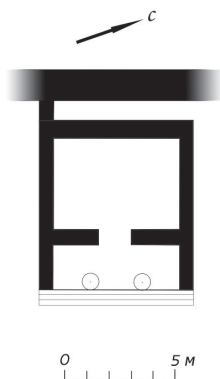


Рис. 7. Акрополь. План храма. Реконструкция А.А. Зедгендзе. Рис. Д.В. Костромичева.
Fig. 7. Akropolis. Plan of the temple. Reconstruction by A.A. Zedgenidze. Computer drawing
by D.V. Kostromichev.

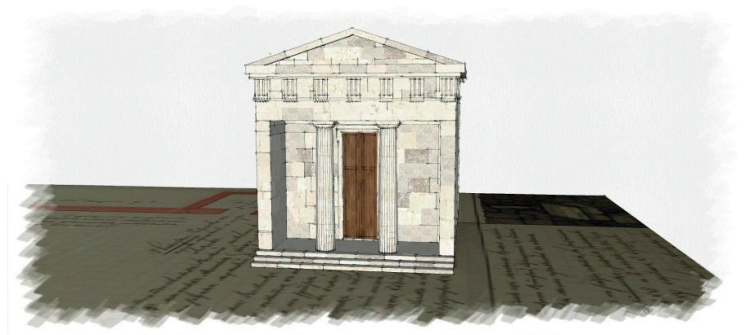


Рис. 8. Фасад храма на акрополе. Реконструкция А.А. Зедгендзе.
Компьютерная графика И.В. Батуры.
Fig. 8. Facade of the temple. Reconstruction by A.A. Zedgenidze.
Computer drawing by I.V. Batsura.

Коль скоро наш храм не был предметом специального исследования, подробно изложим логику его реконструкции. Храм, фасадом ориентированный на восток, имел прямоугольную форму; длина его по наружному контуру – 8,6 м; ширина – 7 м. Внешние фасы западной и северной стен храма даны на плане Косцюшко-Валюжинича пунктиром. В реконструкции храма мы исходили из того, что толщина его стен была одинаковой – 0,60 м (рис. 7). Восточная часть пронаоса показана на плане Косцюшко ломаной линией; возможно, этот способ фиксации говорит о наличии пьедестала храма и о том, что его фасад не был глухим.

Особенностью нашего храма является его конструктивная связь с крепостной стеной укрепления. Согласно плану Косцюшко-Валюжинича, между крепостной стеной и задней, западной, стеной храма имеется коридор шириной 1 м¹⁵ (рис. 5). Полагаем, что это помещение, будучи обособленным от общественной части храма, являлось опистодомом. В ряде греческих храмов их задняя часть предназначалась для хранения культовых ценностей и казны, как бы отдаваемых под охрану божества (Шуази 1905. С. 372; Виппер 1972. С. 83). Как известно, в Афинах казна хранилась в храмах Акрополя (Маринович, Кошеленко 2000. С. 157–158). Хранилище казны, не имея непосредственного отношения к культу, было отделено от наоса и, как правило, имело отдельный вход в западной части храма (подробно об этом см. ниже).

Размеры храма, его местоположение у крепостной стены укрепления, с которой соединена его южная стена, исключают возможность амфи-простильного или периптерального решения, нет оснований говорить о храме как о простиле. План храма позволяет реконструировать его как храм в антах с опистодомом и пронаосом открытого типа: между боковыми выступами стен – антами – могли быть помещены две колонны, украшающие портик (рис. 7; ср.: Крыжицкий 1993. Рис. 37. 5). Глубина портика составляла 2,18 м. Размеры наоса: ширина – 5,5 м, длина – 4 м. Эти параметры сопоставимы с размерами храмов в антах в Греции (Lavas 1974. Tafeln 16a, 18a, 23, 24, 34, 45). Также его размеры согласуются с храмом в антах, открытым в Северном Причерноморье на Березани, – храм Афродиты – 5,72x4,25 м (Крыжицкий 2001. С. 169). Мы полагаем, что храм был дорического ордера, это следует из его связи с крепостной стеной укрепления, соседством с башней крепостной стены. Наиболее ранние общественные сооружения в Херсонесе возводились соответственно дорийской строительной традиции, в дорическом ордере (Буйских 2008. С. 171). Реконструируя храм, мы обращались к рекомендациям Витрувия, который писал: «Излагаем все это так, как тому научились от наших наставников, чтобы тот, кто пожелает приступить к работе... имел в своем распоряжении установленные пропорции, пользуясь которыми он мог бы правильно и безупречно строить храмы по дорийскому образцу» (IV. III. 3).

Постамент храма мог состоять из трех ступеней¹⁶. Колонны храма, украшенные двадцатью каннелюрами (ср. Vitr. IV. III. 9), не имели базы. Обращаясь к определению высоты колонн храма, отметим, что, согласно Витрувию, большое значение придавалось пропорциональной организа-

¹⁵ Попутно заметим, что усадьбы раскопанного нами строительного комплекса в центральной части укрепления также были пристроены к западной крепостной стене (Зедгенидзе 2016. С. 606).

¹⁶ «Ступени на фасаде надо устанавливать так, чтобы число их всегда было нечетным» (Vitr. III. IV. 4). Ср.: Виппер 1972. С. 84.

ции здания – «симметриям», отношениям элементов друг к другу и к зданию в целом, что выражалось в постоянных цифрах. Толщина колонн должна равняться толщине стенных ант (Vitruv. IV. IV. 4), а высота колонны составлять семь диаметров ее толщины (IV. I. 8). В нашем храме толщина антовой стены составляла 0,6 м, следовательно, $H_k = 7D = 0,6 \times 7 = 4,2$ м. Расстояние между осями колонн – 2,3 м. Не вызывает сомнений, что портик храма, согласно условиям Северного Причерноморья и аналогиям, был фронтонным (Крыжицкий 2001. С. 172; ср.: Виппер 1972. С. 72). Учитывая свидетельство о появлении в Северном Причерноморье на рубеже VI–V вв. до н.э. архитекторов аттической школы, для определения высоты храма мы обратились к результатам анализа пропорций аттических храмов в антах дорического ордера, показавшим, что высота храма от стилобата до конька фронтона равнялась его ширине по внешним сторонам ант (Пичикян 1978. С. 75; ср.: Крыжицкий 2001. С. 173). Согласно этому методу реконструкции ордерных фасадов античных храмов, высота нашего храма, соответственно его ширине, составляла 7 м. Достоверность примененного метода подтверждена высотой сокровищницы афинян в Дельфах, равной его ширине (Bommelaer, Laroche 1991. P. 134, fig. 47; рис. 9). Данные реконструкции нашего храма позволяют определить в качестве аналогии его фасада именно эту сокровищницу, которая представляет собой храм в антах дорического ордера, датируемый началом V в. до н.э. (Bommelaer, Laroche 1991. P. 133–134). Высота нашего храма и его колонн равна высоте сокровищницы афинян и высоте ее колонн; толщина антовых стен (0,6 м), расстояние между осями колонн (2,3 м) обоих храмов идентичны (рис. 7, 9). Используя метод аналогии, можно сказать, что антаблемент нашего храма мог быть близким антаблементу сокровищницы афинян, составляя высоту ок. 2 м. Украшения на архитраве, вероятно, отсутствовали, что согласовалось с его назначением, т.к. скульптурная резьба ослабила бы его прочность: как указывает И.Б. Михаловский (1937. С. 83), «только священные надписи или металлические щиты иногда украшали архитрав». Фриз нашего храма мог иметь метопы и триглифы, последние располагались по одному над осью колонн и над промежутками между колоннами (ср.: Крыжицкий 1993. Рис. 37. 5). Дверь храма была, вероятно, выполнена в дорическом ордере. Соразмерность дорических дверей отличалась тем, что «верх карниза, помещающегося над верхней частью наличника, должен быть на уровне верхушек капителей колонн предхрамья» (Vitruv. IV. VI. 1).

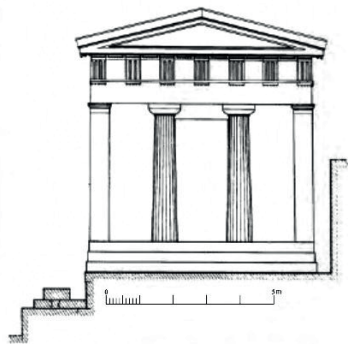


Рис. 9. Дельфы. Фасад сокровищницы афинян.

По: Bommelaer, Laroche 1991. P. 134, fig. 47.

Fig. 9. Delphoi. Facade of the Athenian Treasury.

According to Bommelaer, Laroche 1991. P. 134, fig. 47.

4. ΣΑΣΤΗΡ

В тексте Присяги граждан Херсонеса, датируемой второй половиной IV – началом III в. до н.э. (IOSPE³ III: 100), имеется форма ΣΑΣΤΗΡΑ, асс. sg., являющаяся гапаксом: τὸν σαστήρα τῷ δάμῳ διαφυλαξῶ καὶ οὐκ ἐχφερομυθησῶ τῶν ἀπορρήτων οὐθὲν οὔτε ποτὶ Ἑλλανα οὔτε ποτὶ βάρ[ρ]βαρον – «ΣΑΣΤΗΡΑ народу охраню и не передам на словах ничего тайного ни эллину, ни варвару, что может повредить городу» (Латышев 1892. С. 3). И.А. Макаров (2009) предположил, что σαστήρ – это фонетический вариант существительного σακτήρ ‘мешок’ у Гесихия (σακτῆρος θυλάκου), связанного с σάττω ‘набивать; наполнять’. Для σαστήρ в тексте присяги реконструируется значение ‘городская казна’. В результате перевод этого фрагмента звучит так: «Сохраню казну для народа и не разглашу никакой тайны ни эллину, ни варвару, если это способно нанести ущерб полису» (IOSPE³ III 100 – URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.100-ru.html> [12.06.2022]). В.П. Яйленко, оспаривая данную этимологию, справедливо заметил, что И.А. Макаров, возможно, преувеличил степень заведительствованности формы *σάζω, с которой связана форма σαστήρ. Однако это частность, которая не опровергает этимологию Макарова в целом. Яйленко (2018. С. 430) пишет о невозможности «производства *σάζω от σάττω». Разумеется, *σάζω не может фонетически восходить к σάττω (и наоборот). Дело в том, что σάττω/*σάζω – это хорошо известный пример рефлексов протогреческого колебания между глухим и звонким веларным согласным: наряду с σάττω (с *-k-) имеется существительное

σαυή ‘поклажа’; ср. также μάσσω (*k) ‘месить’ наряду с μάζα (*g) ‘тесто’ и др. (Шантрен 2001. С. 195). Таким образом, мы имеем не переход тт в ζ, а колебание *g/k, которое создает дублиеты, к числу которых относятся σακτήρ (с *k, к σάττω) и σαστήρ (с *g, к *σάζω). В этом случае принципиально не то, насколько засвидетельствован глагол *σάζω, а наличие g в исходной основе, а оно бесспорно, о чем говорит форма σαυή. Следовательно, у нас нет оснований отрицать возможность существования *σάζω (и, соответственно, производство σαστήρ от этого корня), даже если этот глагол слабо засвидетельствован. А.К. Гаврилов (2019. С. 22, 25) выдвинул предположение о том, что ΣΑΣΤΗΡΑ является фонетическим вариантом ζωστήρα, который в данном случае обозначает «священный (Воинский) Пояс». Это подразумевает допущение внутри одной формы сразу двух достаточно нетривиальных фонетических явлений, отраженных в написании сигмы вместо дзеты и альфы вместо омеги. Текст присяги не содержит каких-либо фонетических аномалий, поэтому возникает вопрос, почему в случае ζωστήρα понадобилась столь экзотическая трансформация фонетики. Значение «казна», которую гражданин обязуется «охранять» или «сохранять» (διαφυλάξω, fut.), вполне вписывается в данное место текста присяги, где говорится о верности гражданина государству¹⁷. Как известно, казна – необходимый атрибут государства, возникающий на самых ранних стадиях его существования (Маринович, Кошеленко 2000. С. 156).

Исследуемый нами храм мог служить местом (или одним из мест) хранения казны, по крайней мере той ее части, которая была связана с фрурионом. Это следует из значительной укрепленности данной территории. Именно на акрополе фруриона можно было контролировать доступ к храму и, соответственно, к казне: там не было близко примыкающей жилой застройки, и благодаря диатейхисме храм находился в обособленном от поселения пространстве, что, конечно, имело значение для обеспечения сохранности. Нахождение храма рядом с башней крепостной стены могло использоваться для охраны сокровищницы воинами гарнизона. Хранить всю казну в Херсонесе-городе едва ли было разумно как с точки зрения сохранности, так и с точки зрения чисто практических соображений: перемещать ценности из фруриона в город подразумевало как угрозу для их сохранности (учитывая варварское население, занятием которого был грабеж), так и неудобство при их использовании. Имя божества, которому был посвящен храм, не сохранилось, но в любом случае похищение казны из храма было бы религиозным преступле-

¹⁷ За консультацию по лингвистической стороне проблемы выражаю благодарность А.Е. Манькову (Институт языкознания РАН).

нием¹⁸. Наш храм типологически близок сокровищнице афинян в Дельфах. В качестве другого примера можно привести Березанское поселение, на теменосе которого находилось сооружение, чьи пропорции и малые размеры позволили предположить, что оно было сокровищницей (Крыжицкий 2001). Наличие опистодома – в данном случае помещения между задней стеной храма и крепостной стеной – также говорит в пользу возможности хранения казны в реконструированном нами храме. Ввиду узости этого пространства, там, вероятно, была лестница и вход на чердак храма, где и располагалась сокровищница¹⁹.

Отметим, что «састер» уже упоминался в предшествующей литературе в контексте «древнего Херсонеса»: мы видим удивительную интуицию в предположении Дж. Хайнда о том, что «древний Херсонес» (являвшийся, по Хайнду, убежищем, *refugium*, для владельцев наделов Маячного и прилегающей части Гераклеяского полуострова), – это и есть састер (Hind 1998. P. 150). Хайнд, по-видимому, исходил из того, что поскольку састер, согласно присяге, следует охранять, а «древний Херсонес» является укрепленным пунктом, подразумевающим, естественно, охрану, то састер можно отождествить с «древним Херсонесом». Это построение выглядит вполне логично, но из-за того, что лексическое значение слова *σαστήρ* тогда не было известно, его невозможно было ни принять, ни отвергнуть. В свете установленного И.А. Макаровым значения слова *σαστήρ* идея Хайнда, строго говоря, неверна, однако во время исследования Хайнда акрополь «древнего Херсонеса» и храм на акрополе не были введены в научный оборот. В противном случае английский ученый, вероятно, сделал бы вывод о нахождении састера на акрополе «древнего Херсонеса».

¹⁸ Ср. Эсхил, Персы, 786–790:

Богов престолы разорили, алтари
Расточены, раскиданы, разбиты в пыль.
За это всё, кто злое совершил, тот злом
Наказан будет злейшим.
(Пер. А.И. Пиотровского).

Если поэт считает возможным видеть в качестве одной из причин поражения персов осквернение ими эллинских святынь (пусть даже при условностях трагедии), то тем большим преступлением будет осквернение эллинского храма эллином.

¹⁹ Использование чердака храма в качестве сокровищницы не является уникальным явлением. Так, чердак Парфенона, возможно, использовался для хранения культовых ценностей и казны (Pore, Scahill, Schultz 2018). В храме Деметры (Конкордии) в Акраганте имелись лестницы, ведущие на чердак, помещение которого служило местом хранения драгоценных предметов, было кладовой для утвари храма (Шуази 1905. С. 385).

Заключение

Херсонес, обладая уникальной (до последнего времени) сохранностью хоры, позволяет характеризовать главные элементы полиса – город и хору – в их взаимосвязи и на различных этапах их существования. Поэтому исследование Херсонеса дает возможность целостного описания полиса, благодаря чему он предстает моделью греческого полиса и является примером освоения территории древними греками. Понимание логики и хода этого освоения является пониманием истории полиса. Создание полисной инфраструктуры в Херсонесе в исследуемый период определялось двумя факторами: демографической ситуацией на Гераклеийском полуострове и особенностями ландшафта. К базовым элементам полиса относятся: город, фрурион, дорога между городом и фрурионом, размежевка Маячного мыса, затем остальной территории Гераклеийского полуострова. Эти элементы полиса имели смысл только во взаимосвязи и при условии их одновременного функционирования (с конца V и в течение IV в. до н.э. – на размежевание Гераклеийского п-ова потребовалось определенное время) и являлись продуктом единого плана.

Создание укрепления на перешейке Маячного полуострова, отождествляемого с «древним Херсонесом» Страбона, датируется концом V – началом IV в. до н.э. и является одним из ключевых элементов в изначальной инфраструктуре полиса. Имеющиеся к настоящему времени сведения о «древнем Херсонесе», полученные благодаря раскопкам и реконструкции, можно суммировать следующим образом. Этот объект определяется как фрурион – укрепленный пункт за пределами города, созданный для овладения и контроля над территорией, изначальной занятой варварами. Он фиксирует западную границу полиса и, таким образом, закрепляет за ним территорию, лежащую между городом и фрурионом. После освоения всего Гераклеийского полуострова фрурион утрачивает свое первоначальное значение, и необходимость в нем как в военном объекте отпадает. Скорее всего, этим и объясняется то, что ко времени Страбона он обветшал и был разрушен или разобран. Παλαίος в этом случае означает, по-видимому, «устаревший, обветшалый». Что касается внутреннего устройства, то с достоверностью можно говорить о двух четко разграниченных участках фруриона – возвышенном и низинном. Первый участок являлся акрополем и предполагал возможность размещения гарнизона; там же находился реконструированный в этой статье храм. На низинном участке располагались порт и жилье.

Эта структура позволяет сделать некоторые соображения общего характера. Жизнь граждан в рамках полиса (как и в рамках любой общественно-государственной системы) подразумевает наличие двух

сфер – индивидуальной/частной и над-индивидуальной/универсальной. Это разграничение существует не только на понятийном уровне (ἴδιος vs. κοινός), но в том или ином виде всегда репрезентируется и на материальном, осязаемом, уровне, например, в планировке и структуре поселения. Естественно, греческий полис и входящие в него элементы также демонстрирует это разграничение. Так, функционирование фруриона связано с наличием нескольких зон – хозяйственной, жилой, фортификационной, общественной, сакральной. Самой яркой и ключевой особенностью здесь является четкая группировка и разграничение этих зон. Оно имеется не только на понятийном уровне, но материализовано самой планировкой данного объекта: это хозяйственная зона (katō polis) и сакрально-общественная – акрополь. При этом первая зона включает в себя жилую застройку, вторая – комбинируется с оборонительной функцией, т.к. акрополь – это также элемент системы фортификации. Разграничение этих двух зон в данном случае совершенно четкое, т.к. между ними в прямом смысле стена – диатейхисма. Следует еще раз подчеркнуть общественную функцию акрополя. Акрополь – это фактор единства граждан полиса, т.к. в случае военной угрозы он служит общим убежищем, являясь наиболее защищенным и при этом доступным для всех граждан пространством. В мирное время положение акрополя может использоваться для хранения там казны полиса, опять же благодаря защищенности и обособленности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. СПб., 1893. Вып. 12. С. 1–64. [*Bertier de la Garde A.L.* Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa (Antiquities of Southern Russia. Excavations in Chersonesus) // Materialy po arkheologii Rossii. St-Petersburg, 1893. Vol. 12. S. 1–64.]
- Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // Известия Императорской Археологической комиссии. 1907. Вып. 21. С. 1–207. [*Bertier de la Garde A.L.* O Khersonese (On Chersonesus) // Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii. 1907. Вып. 21. S. 1–207.]
- Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008. [*Buyskikh A.V.* Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (Spatial development of Chersonesus Taurica in the ancient period). Simferopol, 2008.]

- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310–371. [*Vinogradov Yu.G., Shcheglov A.N. Obrazovanie territorial'nogo Khersonesskogo gosudarstva (Formation of the territory of the state of Chersonesus) // Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura. Moscow, 1990. S. 310–371.*]
- Виппер Б.Р. Искусство древней Греции. М., 1972. [*Vipper B.R. Iskusstvo drevney Gretsii (The art of Ancient Greece). Moscow, 1972.*]
- Гаврилов А.К. ТОН ΣΑΣΤΗΡΑ в Присяге херсонесцев // Исследования по древнегреческим надписям Северного Причерноморья. М.; СПб., 2019. [*Gavrilov A.K. TON ΣΑΣΤΗΡΑ v Prisyage khersonestsev (TON ΣΑΣΤΗΡΑ in the Oath of Chersonesus) // Issledovaniya po drevnegrecheskim nadpisyam Severnogo Prichernomor'ya. Moscow; St-Petersburg, 2019.*]
- Демьянчук С.Г., Нессель В.А. Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова // Херсонесский сборник. 2011. Т. 16. С. 65–78. [*Dem'yanchuk S.G., Nessel' V.A. Novye dannye o fortifikatsionnykh sooruzheniyakh na peresheike Mayachnogo poluostrova (New data on the fortifications on the isthmus of the Mayachny Peninsula) // Khersonesskiy sbornik. 2011. Vol. 16. S. 65–78.*]
- Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978. [*Dombrovsky O.I., Sidorenko V.A. Solkhat i Surb Khach (Solkhat and Surb Хаç). Simferopol, 1978.*]
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т. 5, 6 / Пер. с франц., предисл. и примеч. Т.М. Фадеевой. Симферополь, 2009. [*Dubois de Montpéroux F. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniyu i v Krym (A Journey through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and the Crimea). Vol. 5, 6 / Transl. T.M. Fadeeva. Simferopol, 2009.*]
- Зедгендзе А.А. Атическая краснофигурная керамика из Херсонеса // Краткие сообщения института археологии. 1978. Вып. 156. С. 69–78. [*Zedgenidze A.A. Atticheskaya krasnofigurная keramika iz Khersonesa (Attic red-figure pottery from Chersonesus) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1978. Vyp. 156. S. 69–78.*]
- Зедгендзе А.А. К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического // Российская археология. 1993. № 3. С. 50–56. [*Zedgenidze A.A. K voprosu ob udrevnenii daty osnovaniya Khersonesa Tavricheskogo (On the earlier date of the foundation of Chersonesus Taurica) // Rossiyskaya arkheologiya. 1993. N 3. S. 50–56.*]
- Зедгендзе А.А. «Ученые путешествия» конца XVIII – начала XIX в. и исследование Херсонеса Таврического // Знание, понимание, умение. Научный

- журнал Московского гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 205–213. [Zedgenidze A.A. “Uchenye puteshestviya” kontsa XVIII – nachala XIX v. i issledovanie Khersonesa Tavricheskogo (“Academic travels” of the 18th and the beginning of the 19th centuries and the study of Chersonesus Taurica) // Znanie, ponimanie, umenie. Nauchnyi zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2014. N 1. S. 205–213.] (a)
- Зедгенидзе А.А. О начале исследования Херсонеса Таврического // ВДИ. 2014. № 2. С. 151–162. [Zedgenidze A.A. O nachale issledovaniya Khersonesa Tavricheskogo (On the beginning of study of Chersonesos Taurika) // Vestnik drevney istorii. 2014. N 2. S. 151–162.] (б)
- Зедгенидзе А.А. Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнего Херсонеса» Страбона // ВДИ. 2015. № 2. С. 40–55. [Zedgenidze A.A. Voprosy osvoeniia khory Khersonesa Tavricheskogo i problema “drevnego Khersonesa” Strabona (Land-division on the chora of Chersonesus Taurica and the problem of Strabo’s “ancient Chersonesus”) // Vestnik drevney istorii. 2015. N 2. S. 40–55.] (a)
- Зедгенидзе А.А. Херсонес Таврический: территория города и хоры. V–IV вв. до н.э. // Восточная Европа в древности и средневековье. 2015. Вып. XXVII. С. 108–111. [Zedgenidze A.A. Khersones Tavricheskii: territoriya goroda i khory (V–IV vv. do n.e.) (Chersonesus Taurica: the territory of the city and the chora in the 5th–4th c. BC) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov’e. 2015. Vol. XXVII. S. 108–111.] (б)
- Зедгенидзе А.А. Проблема сакральных мест хоры Херсонеса Таврического // Знание, понимание, умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 182–196. [Zedgenidze A.A. Problema sakralnykh mest khory Khersonesa Tavricheskogo (The problem of sanctuaries of the chora of Chersonesus Taurica) // Znanie, ponimanie, umenie. Nauchnyi zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2015. N 1. S. 182–196.] (в)
- Зедгенидзе А.А. «Древний Херсонес» Страбона. Результаты исследований 1985–1990 гг. // ВДИ. 2016. № 76/3. С. 597–625. [Zedgenidze A.A. “Drevniy Khersones” Strabona. Rezul’taty issledovaniy 1985–1990 gg. (Strabo’s “ancient Chersonesus”. Results of research carried out in 1985–1990) // Vestnik drevney istorii. 2016. N 76/3. S. 597–625.]
- Зедгенидзе А.А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019. № 79/3. С. 608–629. [Zedgenidze A.A. Khersones Tavricheskii: prostranstvennaya organizatsiya i naznachenie ukrepleniya na peresheike Mayachnogo poluostrova (Chersonesus Taurica: Spatial organisation of the stronghold on the isthmus of the Lighthouse Peninsula) // Vestnik drevney istorii. 2019. N 79/3. S. 608–629.]

- Зубарь В.М.* Еще раз по поводу интерпретации надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE I². № 418) // ВДИ. 2004. № 3. С. 89–99. [*Zubar' V.M.* Esche raz po povodu intrepretatsii nadpisi v chest' Agasikla, syna Ktesiya (IOSPE I². № 418) (Revising the inscription in honour of Agasicles, son of Ctesios (IOSPE I². № 418)) // *Vestnik drevney istorii*. 2004. N 3. S. 89–99.]
- Зубарь В.М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. Киев, 2007. [*Zubar' V.M.* Khora Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleyskom poluostrove. Istoriya raskopok i nekotorye itogi (Chora of Chersonesus Taurica in the Heracleian Peninsula. History of excavations and some results). Kiev, 2007.]
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Разведки между верховьем Казачьей бухты и противоположным берегом моря. Рукописный отчет. 1890 // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1.
- Кравченко Е.А.* До історії вивчення тубільного населення Криму доби раннього заліза // Боспорские исследования. 2010. Вып. 23. С. 133–154. [*Kravchenko Ye.A.* Do istorii vivchennya tubil'nogo naseleण्या Krymu dobi rann'ogo zaliza (On the history of study of the aboriginal population of the Crimea of the period of the early iron age) // *Bosporskiye issledovaniya*. 2010. Vyp. 23. S. 133–154.] (a)
- Кравченко Е.А.* Таври і Херсонес // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. 2010. Вып. 22. С. 51–70. [*Kravchenko Ye.A.* Tavri i Khersones (Tauri and Chersonesos) // *Drevnyaya i sovremennaya Tavrika. Arkheologicheskiy al'manakh*. 2010. Vyp. 22. S. 51–70.] (б)
- Кругликова И.Т.* Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. 1981. № 168. С. 9–16. [*Kruglikova I.T.* Zemelnye nadely khersonesitov na Gerakleyskom poluostrove (Land allotments of citizens of Chersonesus on the Heracleian Peninsula) // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 1981. N 168. S. 9–16.]
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. [*Kryzhitskiy S.D.* Arkhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomoria (The architecture of ancient states of the northern Black Sea coast). Kiev, 1993.]
- Крыжицкий С.Д.* Храм Афродиты на Березани. Реконструкция // ВДИ. 2001. № 1. С. 165–175. [*Kryzhitskiy S.D.* Khram Afrodity na Berezani. Rekonstruktsiia (The sanctuary of Aphrodite in Beresan. A reconstruction) // *Vestnik drevney istorii*. 2001. N 1. S. 165–175.]
- Кутайсов В.А.* Керкинитида. Симферополь, 1992. [*Kutaysov V.A.* Kerkinitis. Simferopol, 1992.]
- Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 // Материалы по археологии России. 1892. № 9. [*Latyshev V.V.* Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v Yuzhnoi Rossii v 1889–1891 (Greek

- and Latin inscriptions found in Southern Russia in 1889–1891) // *Materialy po arkeologii Rossii*. 1892. N 9.]
- Макаров И.А.* Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I, 401) // *ВДИ*. 2009. № 2. С. 49–61. [*Makarov I.A.* Grecheskoe pis'mo, naidennoe v Khersonese Tavricheskom, i problemy interpretatsii termina ΣΑΣΤΗΡ (A Greek letter found in Chersonesus Taurica and interpretation of the term ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I, 401)) // *Vestnik drevney istorii*. 2009. N 2. S. 49–61.]
- Маньков А.Е.* Текстологические заметки к Страбону и Фукидиду // *Аристей*. 2015. Вып. XI. С. 297–306. [*Man'kov A.E.* Tekstologicheskie zametki k Strabonu i Fukididu (Textual notes on Strabo and Thucydides) // *Aristeas*. 2015. Vyp. XI. S. 297–306.]
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Судьба Парфенона. М., 2000. [*Marinovich L.P., Koshelenko G.A.* Sud'ba Parfenona (The fate of the Parthenon). Moscow, 2000.]
- Михаловский И.Б.* Теория классических архитектурных форм. М., 1937. [*Mikhailovskiy I.B.* Teoriya klassicheskikh arkhitekturnykh form (The theory of classical architectural forms). Moscow, 1937.]
- Нессель В.А., Демьянчук С.Г.* Античное поселение на западном берегу Казачьей бухты вблизи Херсонеса Таврического. Новые факты и предположения // *Международная научная конференция «Крым и Северное побережье Черного моря в археологических исследованиях 1956–2013»* (Варшава, 19–23.10.2015). Варшава, 2015. С. 55–56. [*Nessel' V.A., Dem'yanchuk S.G.* Antichnoye poseleniye na zapadnom beregu Kazach'yey bukhty vblizi Khersonesa Tavricheskogo. Novye fakty i predpolozheniya (Ancient settlement on the western shore of Kazach'ya bay near Chersonesus. New facts and hypotheses) // *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Krym i Severnoe poberezh'e Chernogo morya v arkeologicheskikh issledovaniyakh 1956–2013"* (Warsaw, 19–23.10.2015). Warsaw, 2015. S. 55–56.]
- Николаенко Г.М.* Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь, 2018. [*Nikolaenko G.M.* Drevnosti Mayachnogo poluostrova. Arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov (Antiquities of the Maiachnyi Peninsula. Archaeological attribution of the monuments and sites). Sevastopol, 2018.]
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г. СПб., 1893. [Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г. (Reports of the Imperial Archaeological Commission). St-Petersburg, 1893.]
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999. [*Pallas P.S.* Nablyudeniya, sdelannyye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichest-

vam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh (Observations made during travels in southern parts of the Russian state in 1793–1794). Moscow, 1999.]

Печёнкин Н.М. Разыскания на местности предполагаемого древнего Херсонеса. Лето 1905 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 182, 2.

Пичикян И.Р. К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам // КСИА. 1978. № 152. С. 73–82. [*Pichikian I.R.* К методике реконструкtsii antichnykh ordernykh fasadov po arkhitekturnym fragmentam (On the methodology of reconstructing ancient order facades using architectural fragments) // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii.* 1978. N 152. S. 73–82.]

Подосинов А.В. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. I. Античные источники. М., 2009. [*Podossinov A.V.* *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov.* Т. I. *Antichnyye istochniki* (Ancient Rus in the light of foreign sources. Т. I. *Ancient sources*). Moscow, 2009.]

Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Известия Императорской Археологической комиссии. 1911. № 40. С. 1–42. [*Rostovtsev M.I.* *Sviatilishche frakiyskikh bogov i nadpisi benifitsiariev v Ay-Todore* (A sanctuary of Thracian gods and inscriptions of beneficiaries in Ay-Todor) // *Izvestia arkheologicheskoi komissii.* 1911. N 40. S. 1–42.]

Рыжов С.Г. Античный храмовый комплекс в северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 5–30. [*Ryzhov S.G.* *Antichnyi khramovyi kompleks v severnom rayone Khersonesa* (The ancient temple complex in the northern area of Chersonesus) // *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol, 2015. Выр. XX. S. 5–30.]

Савеля О.Я. Археологические материалы к истории Гераклеяского полуострова доколониционного периода // Херсонесский сборник. 1996. Вып. 7. С. 13–18. [*Savelya O.Ya.* *Arkheologicheskiye materialy k istorii Gerakleyskogo poluostrova dokolonizatsionnogo perioda* (Archaeological materials for the history of the Heracleian Peninsula of the pre-colonisation period) // *Khersonesskiy sbornik.* 1996. Выр. 7. S. 13–18.]

Сапрыкин С.Ю. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 126–143. [*Saprykin S.Yu.* *O vnutrenney kolonizatsii Khersonesa Tavricheskogo* (On internal colonisation of Tauric Chersonesus) // *Vestnik drevney istorii.* 1994. N 3. S. 126–143.]

Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. М.; СПб., 2018. [*Saprykin S.Yu.* *Drevnee Prichernomor'ye* (Ancient Pontic littoral). Moscow; St-Petersburg, 2018.]

Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. [*Solomonik E.I.* *Graffiti s khory Khersonesa* (Graffitos from the Chora of Chersonesus). Kiev, 1984.]

- Стржелецкий С.Ф.* Жертовник Гераклу из т.н. Страбоновского Херсонеса // Херсонесский сборник. 1948. Вып. 1. С. 97–106. [*Strzheletski S.F.* Zhertvennik Geraklu iz t.n. Strabonovskogo Khersonesa (Altar of Heracles from the so-called Strabo's Chersonesus) // Khersonesskiy sbornik. 1948. Выр. 1. S. 97–106.]
- Стржелецкий С.Ф.* Очерки истории Гераклеяского п-ва и его округи в эпоху бронзы и раннего железа (сер. II тыс. – V в. до н.э.) // НА ГМЗ ХТ. Севастополь, 1951. Ф. 1. Д. 1343. Л. 110ff.
- Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. Севастополь, 1961. [*Strzheletskiy S.F.* Klery Khersonesa Tavricheskogo. K istorii drevnego zemledeliya v Krymu (Kleroi of Chersonesus Taurica. Towards the history of ancient agriculture in the Crimea). Sevastopol, 1961.]
- Суриков И.Е.* «Херсонес изначальный» или «Предхерсонесское поселение»? (Заметки на полях книги: Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008) // *Studia historica*. 2009. Вып. IX. С. 185–201. [*Surikov I.E.* «Khersones iznachal'nyy» ili «Predkhersonesskoye poseleniye»? (Zametki na polyakh knigi: Buyskikh A.V. Prostranstvennoye razvitiye Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epokhu. Simferopol', 2008 (“Archaic Chersonesus” or the “Pre-Chersonesus settlement” (notes on the margins of the book: Buyskikh, A.V. Prostranstvennoye razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epokhu. Simferopol, 2008) // *Studia historica*. 2009. Выр. IX. S. 185–201.]
- Толстиков В.П.* Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1 (180). С. 88–114. [*Tolstikov V.P.* Sviatilishche na akropole Pantikapeia (Sanctuary on the acropolis of Panticapaeum) // *Vestnik drevney istorii*. 1987. N 1 (180). S. 88–114.]
- Щеглов А.Н.* Фракийские посвяtitельные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР / Под ред. Т.Л. Златковской, А.И. Мелюковой. М., 1969. С. 135–176. [*Shcheglov A.N.* Frakiiskie posviatitelnye rel'efy iz Khersonesa Tavricheskogo (Thracian dedicatory reliefs from Chersonesus Taurica) // *Drevnie frakiytsy v Severnom Prichernomor'ye. Materialy i issledovaniia po arkheologii* / Ed. T.D. Zlatovskaya, A.I. Melyukova. Moscow, 1969. S. 135–176.]
- Щеглов А.Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976. [*Shcheglov A.N.* Polis i khora (Polis and chora). Simferopol, 1976.]
- Щеглов А.Н.* «Старый Херсонес» Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма / Под ред. Ю.М. Могаричева. Симферополь, 1994. С. 8–42. [*Shcheglov A.N.* “Staryi Khersones” Strabona. Ukreplenie na peresheike Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikatsiya (Strabo's “Old” Chersonesus. Stronghold on the isthmus of the Lighthouse Peninsula. Topography and fortifica-

- tion) // *Problemy istorii i arkhologii Kryma* / Ed. Yu.M. Mogarichev. Simferopol, 1994. S. 8–42.]
- Шуази О.* История архитектуры. Т. 1 / Пер. с франц. Н.С. Курдюкова. М., 1906. [*Choisy A.* *Istoriya arkhitektury* (History of architecture). Vol. 1 / Transl. from French by N.S. Kurdyukov. Moscow, 1906.]
- Яйленко В.П.* Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея // *Древности Боспора*. 2017. Вып. 21. С. 398–440. [*Yailenko V.P.* A source analysis of ancient evidences of foundation of Phanagoreia and Hermonassa, of the Arhaeanaktidae, a “Sindian diasphagma”, Chersonesian saster; once again on the coin legends of Theodosia and Nymphaeum // *Drevnosti Bospora*. 2017. Vyp. 21. S. 398–440.]
- Bommelaer J.-F., Laroche D.* Guide de Delphes. Le site. Paris, 1991.
- Chantraine P.* Morphologie historique du Grec. Paris, 1947 (Russian translation, 2001).
- DeMarais E., Castillo L.J., Earle T.* Ideology, Materialization, and Power Strategies // *Current Anthropology*. 1996. N 37 (1). P. 15–31.
- Hind J.* Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea (Sister-and Daughter-Cities of Heracleia) // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. G.R. Tsatskheladze. Stuttgart, 1998. P. 131–152.
- Lavas G.P.* Altgriechisches Temenos: Baukörper und Raumbildung. Ideogramma der baulichen Gruppenorganisation. Basel; Stuttgart, 1974.
- Lawrence A.W.* Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.
- Nielsen T.H.* A Phourion. A Note on the Term in Classical Sources and in Diodorus Siculus // *Even More Studies in the Ancient Greek Polis* / Ed. T.H. Nielsen. Stuttgart, 2002. P. 49–64.
- Polignac F. de.* Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State. Chicago; London, 1995.
- Pope S., Scahill D., Schultz P.* The Parthenon’s Attic. Abstract. 19th International Congress of Classical Archaeology. Session 7.4: Financial resources and management in the sanctuaries in Greece (22–26 May, 2018). Cologne; Bonn, 2018.
- Rönnlund R.* A City on a Hill Cannot Be Hidden: Function and Symbolism of Ancient Greek Akropoleis. Gothenburg, 2018.
- Snodgrass A.* The Rural Landscape and its Political Significance // *Opus: International Journal for Social and Economic History of Antiquity*. 1987. N 6–8. P. 53–70.
- Sokolicek A.* Diateichismata: Zu dem Phänomen innerer Befestigungsmauern im griechischen Städtebau. Wien, 2009.
- Trigger B.* Monumental Architecture: A Thermodynamic Explanation of Symbolic Behaviour // *World Archaeology*. 1990. N 22/2. P. 119–132.

Winter F.W. Greek Fortifications. London, 1971.

Wycherley R.E. How the Greeks Built Cities. London; Melbourne; Toronto, 1967.

Angelina A. Zedgenidze

CHERSONESUS TAURICA: BOUNDARIES OF THE POLIS AND ITS ELEMENTS IN THE LATE 5TH – 4TH CENTURIES BC

This article studies the spatial structure of the polis of Chersonesus, the interrelationship of its elements and dependence of their relative arrangement on geographical features of the Heracleian Peninsula, i.e. the area where the city of Chersonesus and its chora were located. The main territorial elements of the polis were the city itself; the stronghold in the isthmus of the Lighthouse (Mayachny) Peninsula; the road between the city and the stronghold; landplots in the Lighthouse Peninsula and – later – in the remaining territory of the Heracleian Peninsula. These elements made sense only in their mutual relationship and on condition of their simultaneous functioning (from the end of the 5th c. and during the 4th c. BC). The stronghold in the isthmus of the Lighthouse Peninsula (identified as Strabo's "ancient Chersonesus") is described as a phrourion of Chersonesus. Its aim was to maintain control over the territory which was originally populated by the Tauroi. The phrourion marked the western boundary of the polis and, therefore, helped to control the area between the city and the Lighthouse Peninsula. The definition as a phrourion is due to the fact that this site is undoubtedly a stronghold, as it has fortification walls with towers. Further, it is situated at a certain distance from the city, but, due to its geographic location, can belong only to Chersonesus and cannot be an independent settlement. It can be stated with assurance that the phrourion was divided in two areas by a crosswall, i.e. the diateichisma discovered by Pechenkin. The fortification walls defended not only the lower, inhabited, part of the isthmus, but the whole of its territory. The fact that the elevated area of the isthmus was not built over and not inhabited, but was nevertheless walled off and had a temple, allows us to define this area as an acropolis of the phrourion. After the whole territory of the Heracleian Peninsula had been divided into plots, the phrourion naturally lost its original fortificatory significance. This may explain why by the time of Strabo it was ruined: its fortifications could simply become decrepit and were dismantled. The article also reconstructs the temple in the acropolis and puts forward a hypothesis that this temple could be used as a treasury.

Keywords: polis, chora, Tauroi, Strabo's "ancient Chersonesus", akropolis

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-136-173

М.Д. Бухарин

БОРИСФЕН: ТЕОНИМ И ГИДРОНИМ

Важнейшие сведения по географии расселения и мифологии скифов переданы в «Историях» Геродота – важнейшем, наряду с аккадскими царскими анналами, источнике по истории скифского языка в целом. Верховным божеством скифов, по сведениям данного источника, являлся Борисфен (Βορυσθένης). Это название в качестве теонима должно было быть знакомо грекам уже в VII в. до н.э. Точно так же называлась река (современный Днепр), вдоль которой селилась часть скифов. Современные трактовки гидронима Борисфен исходят из того, что древнегреческое название данной реки восходит к скифской форме, со следующими значениями: «широкое место», «протяженная вода», «пойма [реки] Вару», «очень шумный» / «мощно ревуший», «полногрудая», «бобровая». Данные трактовки, из которых наиболее распространенной является «широкой место» (на основе др.ир. **uagu-* + *sthāna-*), представляются ошибочными как с точки зрения передачи скифских фонем в древнегреческом, так и в смысловом отношении (так, присутствие элемента со значением «место» в имени верховного божества вызывает сомнения). Анализ значительной части ранее высказанных предположений относительно этимологии древнего названия Днепра (Βορυσθένης) был успешно выполнен С.В. Кулландой. Теоним Βορυσθένης гипотетически может быть трактован как «темно-бурый», «цвета грозовой тучи» (к др.-ир. **bauga-* (< арийск. **bhagu-* с метатезой) – «бурый», «рыжий», «буланый» и древнеиранского суффикса превосходной степени *-ēšta*, который усиливал бы основное значение). Борисфен – божество воды, отец Апи – также речного божества, и, принимая во внимание, что Борисфен занимал место во главе скифского пантеона, функционально Борисфен в скифском пантеоне являлся божеством грома, грозы и дождя и в этом качестве был похож на славянского Перуна, балтского Перкунаса, индийского Парджанью. Другие случаи цветового обозначения индоевропейских в целом и индоиранских божеств в частности известны на примере индийского Рудры («красный»).

Ключевые слова: скифы, Борисфен, древнеиранские языки, индоиранская мифология, античные источники

Сведения по скифскому языку крайне скудны. Значительную их часть составляют наименования – имена собственные, топонимы, гидронимы, теонимы. Они известны в передачах – переднеазиатских (аккадских),

древнегреческих, латинских. Интерпретация данных наименований – процесс крайне сложный, прежде всего, ввиду скудости самого материала по скифскому языку. Слов, безусловно относимых к языку скифов, совсем немного. Кроме того, далеко не все вопросы древне- и среднеиранского языкознания, которые встают при анализе аккадских и греческих передач скифских словоформ, имеют однозначное решение. Так, данные ахеменидских надписей отражают состояние не разговорного, а официального, «возвышенного» (по выражению Э.А. Грантовского) языка, и также едва ли показательны для всей совокупности говоров и диалектов иранского Ближнего Востока. Отмечается и несовершенство древнеперсидской графики, которая не могла передать всех особенностей древнеперсидской фонетики (Грантовский 2007. С. 92).

Одним из древнейших имен, интерпретируемых как скифское, является Ворусθένης. Данные античной литературной традиции позволяют утверждать, что наименование Ворусθένης должно было быть знакомо грекам уже в VII в. до н.э. (Виноградов 1983. С. 367). Древнейшие надписи, в которых встречается данная форма, датируются второй половиной VI в. до н.э. (IGDolbia 57 и 90). Во всяком случае, Ворусθένης – одна из наиболее ранних передач скифских слов в античной традиции. Для VII в. до н.э. скифский язык известен, помимо имени Ворусθένης, ссылками на Колаксия, самоназвание скифов, а также на имена царей скифов Ишпаксия, Таная, Протогия и Мадия.

Наименование Ворусθένης известно как название реки, которая почиталась скифами как божество. Геродот повествует о Борисфене в контексте скифской генеалогической традиции:

Ὅς δὲ Σκύθαι λέγουσι, νεώτατον πάντων ἐθνέων εἶναι τὸ σφέτερον, τοῦτο δὲ γενέσθαι ὧδε. Ἄνδρα γενέσθαι πρῶτον ἐν τῇ γῆ ταύτῃ ἐούση ἐρήμῳ τῷ οὐνομα εἶναι Ταργίταον· τοῦ δὲ Ταργίταου τούτου τοὺς τοκέας λέγουσι εἶναι, ἐμοὶ μὲν οὐ πιστὰ λέγοντες, λέγουσι δ' ὄν, Δία τε καὶ Ворусθένεος τοῦ ποταμοῦ θυγατέρα. Γένεος μὲν τοιοῦτου δὴ τις γενέσθαι τὸν Ταργίταον, τούτου δὲ γενέσθαι παῖδας τρεῖς, Λιπόξαιν καὶ Ἀρλόξαιν καὶ νεώτατον Κολάξαιν (IV. 5).

Версия собственной генеалогии, переданная самими скифами, дополняется в изложении Геродота вариантом, переданным эллинами (IV. 9–10). Прародителем скифов, по данным эллинов, является Геракл – в греческой мифологии сын Зевса. Сопоставляя эллинскую версию с

¹ «Как говорят скифы, из всех народов их народ – самый молодой. А произошел он следующим образом. Первого человека этой пустынной тогда страны звали Таргитай. Как говорят, родителями этого Таргитая (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения) были Зевс и дочь реки Борисфена. Такого происхождения был Таргитай, а у него было трое детей: Липоксай, Арпоксай и самый младший – Колаксай».

собственно скифской, этого скифского Геракла отождествляют с Таргитаем – сыном Зевса(-Папая) и Апи – дочери Борисфена. Это отождествление предлагалось уже Б.Н. Граковым (1950. С. 12). От этого Геракла и змееподобной девы родилось три сына – Ἀγάθυρτος, Γελωνός и Σκύθης. Также трое сыновей было у Таргитая и в скифской версии. Вероятно, эти имена следует, сопоставив, соотнести следующим образом: Липоксай скифской версии тождественен Агафирсу, Арпоксай – Гелону, а Колаксай – Скифу. Данное соответствие предлагалось также Ф. Корнийю (Cornillot 1981. P. 8), однако он видел в тождестве имен Скифа и Колаксяя единство как семантическое, так и этимологическое, анализ обоснованности которого выходит за рамки данной работы. М.И. Артамонов даже полагал, что в имени катиаров (потомков Арпоксяя, упоминаемых Геродотом далее) нельзя не узнать видоизменение имени агафирсов (акатиры) (Артамонов 1974. С. 131).

Попытка соединения версий скифской генеалогии, представленных Геродотом и Диодором Сицилийским, с объяснением различий в них этнически-территориальным происхождением соответствующих версий в скифской и тавро-скифской (киммерийской) среде была предпринята в свое время В. Бранденштайном (Brandenstein 1953. S. 192, 206).

Эллинскую версию скифской генеалогии следует трактовать именно как приспособление местной истории к греческим канонам, связанное с идентификацией персонажей тех или иных неэллинских религиозно-философских традиций с греческими богами и героями. Этот подход хорошо известен на материале Индии, Египта, Вавилонии и других регионов (подробнее см.: Бухарин 2000. С. 88–100; 2001. С. 88–103; Bukharin 2004. P. 51–81). С другой стороны, в исследовательской литературе присутствует и иная точка зрения, согласно которой скифская и эллинская генеалогические версии не связаны друг с другом: “This Greek version denies the whole Scythian account and replaces it with a less elevated tale which traces Scythian origin to the negotiated union of Herakles and a creature who is half-woman and half-snake... Herodotos presents these two accounts of Scythian origin simply as different, locating them in Scythian and local Greek society respectively... We have a Scythian version and an Olbian version” (Braund 2008. P. 357).

Схематично генеалогию скифов в их собственном изложении в передаче Геродота можно представить следующим образом:



с к о л о т ы

Диодор Сицилийский (II. 43. 4), повторяющий в целом «греческую» генеалогию скифов Геродота, упоминает, в отличие от Геродота, двух братьев – Пала и Напа: ...καὶ τὸν μὲν Πάλων, τὸν δὲ Νάπην ὄνομασθαι. Нап и Пал выступают потомками Скифа – младшего из сыновей Геракла. Имя Νάπης можно было бы возвести к др.-ир. **narpāt-* в значении «внук» (см.: Bartholomae 1904. Col. 1039). Эта этимология представляется тем более правдоподобной, что в скифской генеалогической традиции, переданной Геродотом, Липоксай (Нипоксай) оказывается первым (старшим) внуком Зевса и дочери Борисфена – сыном Таргитая. С другой стороны, рассматривая имена Νάπης и Πάλος как названия правящих родов, можно было бы интерпретировать их не просто как «имена реальных лиц» (Тохтасьев 2005. С. 91), а как теонимы: Νάπης можно было бы сопоставить с *Apāt Napāt* – персонификации водной стихии в иранской мифологии (ср. родственный ему *Neptunus*).

Имя Πάλος восходит к др.-ир. **pād* («нога») и может в данном контексте рассматриваться как теоним; ср. *bərəzi.pādō* («длинноногий») – эпитет бога ветра Ваю в Авесте (Yt. XV. 54). В индо-иранской мифологии Ваю занимал вполне определенное место в структуре мира. Функциональная аналогия со славянским Вием, отчетливо прослеживаемая по данным «Авесты», может указывать на его роль покровителя царства мертвых, подземной сферы (подробнее см.: Абаев 1965. С. 112–115). Нап и Пал могут рассматриваться, таким образом, как покровители водной и подземной (воздушной) сфер в иранской картине мира. Едва ли имя Νάπης следует сопоставлять с различиями к имени Λιτόξαις (ватиканская рукопись D): Νιτόξαιος (наряду с Νιτόξαιος в р.п.) (различение Λιτόξαις / Νιτόξαιος отмечено еще К. Мюлленхофом (Müllenhoff 1866. S. 562, 572; см. также: Hemmerdinger 1981. S. 163). Помимо фонетического несходства на их несовпадение указывает и то, что Липоксай (Нипоксай) был сыном Таргитая, а Нап – внуком Геракла (Таргитая).

Наименование Βορυσθένης по версии Геродота трактуется различным образом: «широкое место», «протяженная вода», «пойма [реки] Вару», «мощно ревуший», «полногрудая» (перечисление и самый краткий анализ см.: Кулланда 2016. С. 56). С.В. Кулланда склоняется к интерпретации данного имени от др.-ир. **bauru-* («бобр») – Кулланда 2016. С. 56).

Интерпретация Βορυσθένης как «широкое место» на основе др.-ир. **uaru-* + *sthāna-* встречается в литературе чаще всего (см., например: Абаев 1979. С. 308). При этом требует дополнительного обоснования передача др.-ир. **a* через *омикрон*, с другой стороны, и передача начального др.-ир. «твердого» **u* (напр., перед *a*) через *бэту*, несмотря на предлагавшиеся аргументы (Витчак 1992. С. 57), нехарактерна (ср., впрочем, для срединного: Ἀρτάβαζος < **Rtauzdah-*).

Так, передача начального **u* в **uaru-* через дифтонг *ou* в скифском названии реки Ὀαρος (о возможностях отождествления см.: Зубарев 2005. С. 319–321), впадавшей, согласно Геродоту (IV. 123–124), в Азовское море, название которой отражает др.-ир. **uaru-*, а также в сарматском гидрониме Οὐαρδάνης (так же, например: Ptol. Geogr. V. 9. 28; от **uaru-* + **dānu-* – «широкая вода»; = совр. Кубань; здесь наблюдается и исчезновение *-u* в исходе **uaru-*) не подтверждает возможность трактовки др.-гр. **b* (β) как отражения др.-ир. **u* в гидрониме Βορυσθένης. Таким образом, начальный **u* и в скифском, и в сарматском перед задними гласными передавался одинаково через **u*.

Другая этимология – **parustana* в значении «очень шумный» (Brandenstein 1953. S. 198) – не соответствует нормам скифской фонетики: др.-ир. **p* в скифском не переходит в **b*.

Можно предположить, однако, что первый компонент в названии Βορυσθένης восходит не к др.-ир. **uaru-*, а к др.-ир. **baura-* (< арийск. **bharu-* с метатезой) – «бурый», «рыжий», «буланый» (см. подробнее о значении: Абаев 1979. С. 284; Эдельман 2009. С. 73). Эта точка зрения высказывалась автором ранее (Бухарин 2013. С. 54). По мнению С.В. Кулланды, «единственное возражение против такой трактовки – отсутствие в иранских языках форм на *-u-* от данной основы в качестве цветообозначений, хотя это и не может считаться решающим аргументом» (Кулланда 2016. С. 57).

Возведение второй части названия (теонима и гидронима) Βορυσθένης к *sthāna-* вызывает ряд возражений. Само по себе присутствие элемента со значением «место» в имени божества вызывает сомнения в точности предложенной трактовки. И для названия реки «широкое место» – не самый правдоподобный вариант. Передача др.-ир. **ā* через эпсилон также нуждается в обосновании.

Если исходить из того, что первая часть названия Βορυσθένης восходит к основе **baura-*, то вторую его часть можно гипотетически трактовать

как отражение древнеиранского суффикса превосходной степени *-ēšta* с усилением основного значения слова. Таким образом, древнегреческое наименование Βορυσθένης можно было бы рассматривать как передачу скифского теонима со значением «темно-бурый». Принимая во внимание, что Борисфен – божество воды, отец Апи – также речного божества (обоснование тождества Апи и супруги «Зевса» в скифской мифологии см.: Brandenstein 1953. S. 189), а также само место Борисфена во главе скифского пантеона, можно предположить, что Борисфен «функционально» был божеством грозового неба и дождя. В этом своем качестве он был похож на Парджанью ведийского пантеона, славянского Перуна (тучи, стрелы, гром – неотъемлимый атрибут славянского Перуна, живущего на небе [Иванов, Топоров 1974. С. 17–12]), балтского Перкунаса, ведийского Индру.

«Цветовое» наименование божеств не является исключением в индо-иранском мире. Так, имя одного из верховных богов ведийского пантеона Рудры означает «красный», однако прямая связь с явлениями природы в данном случае не прослеживается.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. [*Abaev V.I.* Skifo-evropejskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada (Scythian-European Isoglosses. At the Junction of East and West). Moscow, 1965.]
- Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272–364. [*Abaev V.I.* Skifo-sarmatskie narechiya (Scythian-Sarmatian Dialects) // Osnovy iranskogo yazykoznanija. Drevneiranskie yazyki. Moscow, 1979. S. 272–364.]
- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974. (Kimmerijcy i skify (ot pojavleniya na istoricheskoj arene do konca IV v. do n.e.)) (Cimmerians and Scythians (From Appearing in the Historical Arena to the End of the 4th Century BC)). Leningrad, 1974.]
- Бухарин М.Д.* Раннеэллинистические хорографы: Мегасфен, Гекатей Абдерский и Берос // ВДИ. 2000. № 2. С. 88–100. [*Bukharin M.D.* Ranneellinisticheskie Khorografy: Megasthenes, Gekatej Abderskij i Beros [Early Hellenistic Chorographers: Megasthenes, Hekataios from Abdera and Berossos] // Vestnik drevnej istorii. 2000. N 2. С. 88–100.]
- Бухарин М.Д.* Первые индийские царские династии в пуранической, эпической и античной литературной традициях // ВДИ. 2001. № 4. С. 88–103. [*Bukharin M.D.* Pervye indijskie tsarskie dinastii v puranicheskoj, epicheskoj i

antichnoj literaturnoj tradiciyakh (The First Indian Royal Dynasties in the Puranic, Epic and Ancient Literary Traditions) // Vestnik drevnej istorii. 2001. N 4. S. 88–103.]

Бухарин М.Д. Колаксай и его братья (античная традиция о происхождении царской власти у скифов) // Аристей. 2013. Вып. VIII. С. 20–80. [*Bukharin M.D.* Kolaksaj i ego brat'ya (antichnaya tradiciya o proiskhozhdenii carskoj vlasti u skifov) (Kolaksaios and his Brothers (Ancient Tradition about the Origin of Royal Power among the Scythians)) // Aristeas. 2013. Vyp. VIII. S. 20–80.]

Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 366–420. [*Vinogradov Ju.G.* Polis v Severnom Prichernomor'e (Poleis in the Northern Black Sea Region) // Antichnaya Gretsija. Т. 1. Stanovlenie i razvitie polisa. Moscow, 1983. S. 366–420.]

Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. 1992. Т. 5. С. 50–59. [*Vitchak K.T.* Skifskij yazyk: opyt opisaniya (Scythian Language: Experience of Description) // Voprosy yazykoznanija. 1992. Т. 5. S. 50–59.]

Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. М., 1950. С. 7–18. [*Grakov D.N.* Skifskij Gerakl (Scythian Heracles) // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. Moscow, 1950. S. 7–18.]

Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Изд. 2-е. М., 2007. [*Grantovskiy E.A.* Rannaya istoriya iranskih plemen Perednej Azii. Izdanie 2-e (Early History of the Iranian Tribes of Near Asia. 2nd ed.). Moscow, 2007.]

Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. [*Zubarev V.G.* Istoricheskaya geografija Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoj pis'mennoj traditsii (Historical Geography of the Northern Black Sea Region According to Classical Written Tradition). Moscow, 2005.]

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974. [*Ivanov V.V., Toporov V.N.* Issledovaniya v oblasti slavyanskih drevnostej. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstrukcii tekstov (Research in the field of Slavic Antiquities. Lexical and Phraseological Issues of the Text Reconstruction). Moscow, 1974.]

Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М., 2016. [*Kullanda S.V.* Skify: yazyk i etnogenez (Scythians: Language and Ethnogenesis). Moscow, 2016.]

Тохтасьев С.Р. Проблема скифского языка в современной науке [*Tochtas'ev S.R.* Problema skifskogo yazyka v sovremennoj nauke (The Problem of the Scythian Language in Modern Science)] // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North

- and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași, 2005. P. 59–108.
- Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М., 2009. [Edelman D.I. Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskih yazykov. Leksika (Comparative Grammar of Eastern Iranian Languages. Vocabulary). Moscow, 2009.]
- Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.
- Brandenstein W.* Die Abstammungssagen der Skythen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1953. Bd. 52. S. 183–211.
- Braund D.* Scythian Laughter: Conversations in the Northern Black Sea Region in the 5th Century B.C. // Meetings of Cultures. Between Conflicts and Coexistence / Ed. by P.G. Bilde, J.H. Petersen. Aarhus, 2008 (Black Sea Studies. 8). P. 347–369.
- Bukharin M.D.* Early Royal Dynasties in the Purāṇas, Epics and Classical Tradition // Indologica Taurinensia. 2004. XXX. Proceedings of the XIth World Sanskrit Conference (Turin, April 3rd – 8th, 2000). Pt. 2. P. 51–81.
- Cornillot F.* De Skythès à Kolaxais // Studia Iranica. 1981. Vol. 10. P. 7–52.
- Hemmerdinger B.* Les manuscrits d'Hérodote et la critique verbale. Genova, 1981 (Pubblicazioni dell'Istituto di Filologia Classica e Medievale; 72).
- Müllenhoff K.* Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten // Monatsberichte der Königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1867 (1866). S. 549–576.

Mikhail D. Bukharin

BORYSTHENES AS THEONYM AND HYDRONYM

The most important information on the geography of resettlement and mythology of the Scythians is transferred in the “Histories” of Herodotus – the most important, along with the Akkadian royal annals, source on the history of the Scythian language as a whole. The supreme deity of the Scythians, according to this source, was Borysthene (Βορυσθένης). This name as a theonym should have been familiar to the Greeks already in the 7th century BC. The river Βορυσθένης (modern Dnieper), along which part of the Scythians settled, was also called in the same way. Modern interpretations of the hydronym Borysthene proceed from the fact that the ancient Greek name of this river goes back to the Scythian form, meaning “wide place”, “long water”, “floodplain [of the river] Varu”, “very noisy” / “powerfully roaring”, “full-breasted”, “beaver”. These interpretations, the most common of which is the “wide place” (based on Old Iranian *ṵaru - + sthāna-), seem erroneous both in terms of the transmission of Scythian phonemes in ancient Greek and in semantic terms (for example, the presence of an element with the meaning “place” in the name of the

supreme deity is doubtful). An analysis of a significant part of the previously given assumptions regarding the etymology of the ancient name of the Dnieper (Βορυσθένης) was quite successfully performed by S.V. Kullanda. The theonym Βορυσθένης can hypothetically be interpreted as “dark brown”, “the colors of a thunderstorm cloud” (from Old Iranian *baura- (< Aryan. *bharu- with metathesis) – “brown”, “red”, “bulan” and the Old Iranian suffix -ēšta, which would strengthen the basic meaning). Borysthene was the deity of water, the father of Api – also a river deity, and, taking into account that it was at the head of the Scythian pantheon, functionally Borysthene in the Scythian pantheon was the deity of thunder, and rain and as such was similar to Slavic Perun, Baltic Perkunas, Indian Parjanya. Other cases of color designation of Indo-European in general and Indo-Iranian in particular deities are known on the example of the Indian Rudra (“red”).

Keywords: Scythians, Borysthene, ancient Iranian languages, Indo-Iranian mythology, Classical sources

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-174-182

А.А. Масленников

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И АНТИЧНАЯ ТОПОНИМИКА И ТЕРМИНОЛОГИЯ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ¹

В статье рассматривается античная топонимика, терминология и соответствующие археологические реалии Крымского Приазовья, но, главным образом, соотношение их с палеогеологией и палеогеографией этого региона в античную эпоху. Основное внимание при этом уделяется динамике изменения уровней Азовского моря и Чокракского озера. Для этого привлекаются результаты новейших археологических раскопок и некоторых естественно-научных изысканий. Анализируются как расхождения, так и соответствия этих трех групп источников. В первом «случае» автор опирается на многолетние результаты работ-раскопок руководимой им академической экспедиции, исследовавшей на значительной площади и протяжённости не только разновременные и разнотипные археологические памятники Крымского Приазовья, но и соответствующие природные ландшафты. При этом, в частности, было установлено и подтверждено хронологически несколько периодов спада и подъема уровней местных водоемов, прежде всего, Азовского моря и сопредельных озер, рек, а равно и грунтовых вод. Проанализировано влияние этих процессов на характер, местоположение и состояние сохранности поселенческих структур, демографию и особенности хозяйственной деятельности местного населения на протяжении весьма продолжительного времени (VI в. до н.э. – VI в. н.э.). На основании всего этого выделены периоды (два-три) относительно запустения или наоборот-заселенности, расцвета жизнедеятельности на рассматриваемых территориях. Но самое главное: удалось подтвердить в целом очень хорошую осведомленность и даже объективность многих наших письменных свидетельств, а в некоторых случаях, правильнее понять их или даже скорректировать прежние переводы и, тем более, соответствующие комментарии. Так, в частности, вновь подтверждена очень большая осведомленность источников Геродота, Диодора Сицилийского, Скилака, Полибия, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея и в меньшей степени иных авторов различных историко-географических произведений, прежде всего, периплов, о размерах и глубине Азовского

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Причерноморская и Центрально-Азиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» № НИОКТР 122011200269-4.

моря, степени заселенности его берегов, направлении торговых путей (исходя из господствующих течений), местном климате и его изменениях на протяжении веков, исторических событиях и др. В целом ряде случаев, как отмечалось, удалось, с помощью археологии, существенно уточнить хронологию и масштабы тех или иных перемен. Главное же – подтвердить верность комплексного подхода к общему и частному анализу античного географического наследия.

Ключевые слова: Крымское Приазовье, палеогеология, античная топонимика, античная география, археология, хронология

Регион Крымского Приазовья, естественно, лишь часть обширной приморской территории с богатой историей и археологией. Не осталась она незамеченной и в античных нарративных источниках. Сохранившейся местной топонимике и, прежде всего, древним и средневековым названиям самого Азовского моря: Меотида, Тamarунда, Коргалук, Бахр ал-Азафр, Бахр эль-Ассал, Сурожское и некоторые другие, и названиям сопредельно-прибрежных населенных пунктов историки и лингвисты в разное время уделили достаточно внимания. При этом обращались либо к их предполагаемой локализации, либо к языковой принадлежности. И «тут и там» мнения исследователей нередко расходились, что при нынешнем уровне соответствующих знаний вполне естественно. Впрочем, касательно именно нашего района, как об этом будет сказано ниже, эта топонимика никогда не служила предметом дискуссий ввиду ее «древнегреческой очевидности».

Итак, Крымское побережье Азовского моря – это территория от современной южной оконечности Арабатской стрелки до входа в Керченский пролив. И если первой – в античный период, а равно «до» и сразу «после», по единодушному мнению палеоморфологов и палеогеологов, не существовало, то второй «ориентир» (северо-западное устье Боспора Киммерийского) как будто бы оставался всё это время почти неизменным. В плане археологии это на сегодняшний день, пожалуй, одно из наиболее исследованных мест во всем Северном Причерноморье. Причем многие античные поселения раскопаны весьма основательно, о чем автор имеет право писать со всем знанием дела. Это позволяет с высокой степенью объективности судить, помимо прочего, и о местной исторической демографии, т.е. динамике «обитаемости». Аналогичным образом можно оценить, как только что писалось, и состояние вопроса о тогдашней местной поселенческой топонимике. Напомним, что она состоит всего из трех дошедших до нас, в настоящее время почти наверняка точно локализуемых населенных пунктов: Парфения, Зенонова Херсонеса и Гераклия. Упоминанию их как «лежащих» в Европейской Сарматии,

на побережье Херсонеса Таврического (Ptolem. III. 6. 1), «по Меотийскому озеру» мы обязаны Клавдию Птолемею (Ptolem. III. 6. 4). Разумеется, существовавшие тут в разные периоды античной эпохи (VI в. до н.э. – VI в. н.э.) другие поселенческие структуры (городища, усадьбы, селища-деревни, сторожевые башни, святилища) – а их, подчеркнем еще раз, было немало – равно как и природные урочища, разного рода географические ориентиры, речки/ручьи, бухты и т.п. тоже как-то назывались, но... Строго говоря, упомянутые названия у Птолемея никакими уточнениями (гавань, город, местечко, мыс) не сопровождаются. Впрочем, так же как и гораздо более известные во всех отношениях перечисленные перед этим «настоящие» города: Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Нимфей. Вероятно, их городской статус был и так очевиден, в отличие от всех тех пунктов, которые располагались «внутри Таврики», и почему-то намеренно перечисленных именно под термином «город» (Ptolem. III. 6. 5). На наш взгляд, учитывая почти все соответствующие археологические реалии и предположительные отождествления, последнее – весьма странно. Впрочем, данный раздел труда великого географа вообще вызывает много вопросов и достоин отдельного рассмотрения. Укажем хотя бы на явную несуразность с таким размещением известных по другим источникам и надежно локализуемых на побережье пунктов (городов?), как Китей и Акра (Портакра).

Возвращаясь же к нашему региону, отметим, что все три названия – типично древнегреческие, два из которых, как известно, неоднократно засвидетельствованные в различных местах античной ойкумены. Ну, разве что – некий Зенон, вероятно, ойкист крохотного поселения на мысе Зюк – исключение. Их последовательность размещения в направлении с востока на запад, – намек на неведомый нам Меотийский перипл – один из возможных источников Птолемея. А вот существовали ли и какой «статус» имели эти три пункта непосредственно до и при Клавдии Птолемею? На первый вопрос археология уверенно отвечает утвердительно. На всех трех отождествляемых с этими селениями археологических памятниках засвидетельствованы культурные слои и строительные остатки первых веков н.э. Больше того, можно даже говорить, что это был период их активного функционирования. А вот второй – как и в большинстве аналогичных случаев с древними поселенческими структурами – связан с античной терминологией. Кажется, чего проще: перевод слова «полис», если он тут подразумевался, а в других «случаях» прямо употреблялся – более чем очевиден. Это город. Но так переводить могли позволить себе издатели, интерпретаторы и просто чтецы античных текстов, в данном случае Птолемея, вплоть до относительно недавнего времени. Теперь же успехи полевой археологии настоятель-

но требуют более осторожного, аккуратного и всякий раз конкретного перевода соответствующего источника (термина). И это, на наш взгляд, очень важный «посыл». Пожалуй, не менее важный, нежели личное, непосредственное знакомство всякого, взявшегося писать об исторической географии, с той местностью и памятниками, о которых он собирается судить. Вот и указанный древнегреческий термин «полис» (πόλις), в отличие от русскоязычного слова «город», совсем не так однозначен. Он употреблялся, как каждый может убедиться, заглянув в любой словарь, античными авторами в разное время и при разных обстоятельствах, и в значении, близком нашему пониманию, т.е. собственно города, и в качестве более или менее значительного и известного населенного пункта, и как главного города, родного города, главной части города, и как совокупности всех граждан (общины) и домов, и как государства, государственного образования, свободного государства, отечества, общины поселян. Близкий этому термин «астию» (ἄστυ) означает: город, главный город, столица, главная часть города, но иногда и просто населенный пункт (см., например: Вейсман 1899. С. 210 и 1022). Правда, последнее значение в источниках по Северному Причерноморью не встречается вовсе. (Случайно ли?) Повсеместно мы сталкиваемся здесь и даже на сопредельных, заведомо варварских территориях (см. соответствующие места и тексты известного свода В.В. Латышева – SC) только с термином «полис», изредка – его немногими «производными» (πολίχμιον, πολίχμη, πόλισμα – городок). Но что именно понимали всякий раз под этим словом античные авторы и прежде всего самые сведущие, «первоначальные», наиболее достоверные, упоминая те или иные населенные пункты? И придавали ли вообще этому значение? Или же при переводе нам надо выбирать из всех возможных вариантов тот, который был бы самым естественным, соответствующий современным знаниям о том или ином поселении? Правда, в данном случае, как только что отмечалось, никакая терминология вовсе не использовалась или подразумевалась «по умолчанию».

Итак, Парфений. Поскольку подробно к новой локализации его и двух других пунктов мы обращались совсем недавно (исчерпывающую на сегодняшний день археологическую информацию о них см.: Масленников 2020. С. 353–368), будем кратки. В сущности, пока ни о точной площади, ни о планировке, ни о примерах ордерной архитектуры (общественных зданий), ни об этапах истории, ни о качестве застройки и уровне благоустройства, ни о наличии хоть каких-то признаков общественной, культовой или иной самоорганизации мы судить не можем. Были некие, видимо, солидные укрепления (башня/маяк?), строительство, вернее, восстановление которых мог себе позволить самый богатый и знатный

из местных жителей (КБН 897). Есть данные об относительной хронологии памятника и существовании его совершенно не исследованного, но, к сожалению, столь же совершенно ограбленного некрополя. Определенным образом «настраивает» само название и предполагаемое местоположение этого пункта (мыс Борзовка-Варзовка близ пос. Осовины, почти у западного входа в Керченский пролив, напротив античного поселения со столь же теофорным наименованием: Ахиллион). И только. Уместно ли считать Парфений городом или хотя бы городком? И здесь мы вынуждены обратиться к важной, интересной и сложной проблематике, с которой, без сомнения, не раз сталкивались очень многие историки-археологи, а именно: каковы археологические признаки города. И тем более (касательно антиковедов) – «материальные», «анэпиграфные» свидетельства наличия гражданской общины-полиса в самом основном, распространенном (общепринятом) значении этого слова (Herod. VIII. 61; Thuc. VII. 77. 7; Arist. Polit. I. 1. 1. 1252a). При отсутствии прямых указаний, т.е. соответствующих письменных свидетельств, эта задача вообще представляется чрезвычайно трудной, с учетом же господствующего представления о том, что город и полис – понятия совсем не всегда тождественные (Кошеленко 1980. С. 3–28; 1983. С. 220–224), – почти неразрешимой. Литература, точнее, разного рода изыскания, касавшиеся этих тем, достойна специального обзора. Не исключение в этом плане и «наше» Северное Причерноморье. Разумеется, здесь существует своя специфика, с которой непременно следует считаться. И это тоже отдельная проблема. Другой вопрос: осознавали ли ее (эту специфику) античные авторы «первого порядка», писавшие об этом регионе, в частности о Боспоре, а тем более о том, что «имело место быть по соседству», на сопредельных территориях? Замечали ли ее хоть как-то их «прямые или косвенные» информаторы (не сами же они тут бывали), или же это ни от чего не зависело и выразилось в столь «абстрактной» терминологии, вернее, ее совершенно неконкретном использовании? Но вернемся, с учетом только что сказанного, к нашему повествованию.

Следующий (к западу) «город» в Крымском Приазовье (если позволите: «Таврическом Примеотидье») – Зенонов Херсонес. Тут у нас, к счастью, весьма солидная археологическая и эпиграфическая «составляющие», а главное – абсолютно однозначная локализация (отождествление). Кратко напомним: это совсем небольшое (около одного га) античное поселение на мысе Зюк, представляющем собой ярковыраженный скалистый полуостров с самыми северными для всего этого побережья (что, кстати, и это очень показательно, отмечено и у Птолемея) географическими координатами. Раскопками открыта его большая часть, что позволяет уверенно судить не только о стратиграфии, но и о хронологии,

изменениях общей и «частной» планировки и уровня строительного дела и благоустройства, фортификации, отчасти – жизни и быта его обитателей. Особо отметим крайне редкие для такой «глубинки» лапидарные эпиграфические находки – девять обломков надписей. За исключением двух эпитафий (КБН 899–900), всё это – фрагменты списков фиасотов II–III вв. н.э. (КБН 898; Сапрыкин, Масленников 1999. С. 193–202; Сапрыкин 2022. С. 259–281). Время существования данного населенного пункта – конец VI в. до н.э. – вторая треть VI в. н.э. И что это было? Просто рядовое сельское прибрежное поселение? А может быть, все-таки городок? Совсем крохотный даже по местным понятиям, но заметно отличавшийся (автор пишет это, опять-таки, со знанием дела) от всех соседних поселений не только своей «протяженной» и непрерывной хронологией, но и необыкновенно удобным (и выгодным!) расположением – мыс, следовательно, наличие гавани/гаваней (известен мол). Добавим к этому скорее «городские», нежели «сельские» особенности оборонительных сооружений и значительно более насыщенный разнообразными находками, местами весьма мощный культурный слой, аккуратно вымощенные неширокие, но более или менее прямые улочки с тротуарами, на которые выходили фасады помещений – домов, вход в которые был «оформлен» специальными порожными камнями (под установку полотен дверей), а также наличие достаточно просторного (10x7,2 м), тщательно выложенного большими и очень большими плитами прямоугольного пространства (общественная площадь?) вблизи въезда на городище. Под этой площадью проходил «городской» водосток (канализация), включавший в себя помимо высеченных в скале ям-коллекторов и закрытых желобов-траншей довольно солидный, сложенный из прямоугольных плит, также прямоугольный в сечении «выход» – своего рода подземный лаз (Масленников 1982. С. 120–173). Не исключено, имелся и маяк или некое сооружение с дозорно-навигационными функциями, помещавшееся на вершине скального массива, возвышавшегося на северо-восточной оконечности мыса, а также колодец, может быть, не один, и подземный ход (есть местная «легенда» и археологические примеры на других боспорских городищах), ведущий непосредственно на берег под поселением. Несколько весьма глубоких и вместительных (коллективных?) ям-зернохранилищ, а также остатки тоже, видимо, общественных, по крайней мере, двух виноделен, очень вероятное наличие одного-двух святилищ – также не «противоречат» высокому поселенческому «рангу» данного памятника. В «статусе» полиса? А почему бы и нет? Вообще говоря, любое совместное (тем более компактное, на ограниченной укреплённой площади) проживание нескольких (судя по приблизительному числу одновременно существовавших домов-посе-

щений, таковых могло быть ок. 20) семей-соседей, любой, силою чьей-то воли или каких-то обстоятельств созданный коллектив свободных, либо даже частично свободных людей обязательно требовал некоей организационно-контрольной структуры – общины, объединенной сакральными, военными, производственными и политическими функциями. Ну, чем не полис (гражданская община) в его классическом воплощении?! Да еще, скорее всего, в столь характерной для Боспора и, подчеркнем, необходимой форме: под опекой-подчинением центральной власти, не исключено, ею же – властью и образованный. Косвенное подтверждение всего этого – только что упомянутые надписи членов т.н. фиасов, само наличие которых, по мнению специалистов в этой области (Завойкина 2013. С. 6–7, 129–130, 200–216), являлось одним из очевидных признаков гражданской общины типа «полиса». Исходя из предположенной выше демографической характеристики этого городка, можно допустить (полного текста ни одного списка фиасотов не сохранилось), что членами такого (таких?) религиозно-политического союза (фиаса) фактически, по крайней мере во II–III вв. н.э., являлись все главы проживавших в Зеноновом Херсонесе семей или даже вообще все взрослые мужчины. Могут возразить: «Нет собственной монеты». Да уж слишком мал этот городок; да и зачем ему это? Двигаемся дальше на запад.

Последний пункт в перечне Птолемея, новая локализация и отождествление которого были предложены недавно, – Гераклий (Масленников 2020. С. 363–364). Если она (локализация) верна, то степень исследованности (раскопанности) этого объекта (городище у с. Семёновка) не меньшая, чем у предыдущего. При этом налицо существенная разница в основных планировочных принципах, отсутствие производственных комплексов и построек предположительно общественного назначения (общая площадь незастроенного пространства вообще заметно меньше, чем на мысе Зюк), невысокое качество кладок, в т.ч. оборонительных сооружений, абсолютное отсутствие кровельной черепицы и некоторые другие черты. Это, вообще, – некая большая «казарма» из нескольких линий-кварталов почти однотипных, весьма скромных по «экстерьеру», интерьеру и площади помещений-домов (Кругликова 1970. С. 18, рис. 2; с. 77–80, рис. 10; Масленников 2017. С. 167). Правда, находки расписной штукатурки и небольшого обломка мраморного (!) рельефа, вероятно, изображавшего некую фигуру (Геракла?) (Кругликова 1970. С. 65, рис. 50), оставляют некоторую надежду на наличие каких-то объектов сакрального или общественного назначения. Хронологические «рамки» (не ранее конца III в. до н.э. – III–IV вв. н.э.) в данном случае не столь уж существенны для соответствующей «градации» этого поселения. Тем не менее создается впечатление, что для того, кто плывал в I–II вв. н.э. вдоль

этого, в целом, довольно малонаселенного, а еще западнее – и вовсе пустынного (что совершенно точно – благодаря многократным археологическим разведкам) Таврического побережья Меотиды, да еще так далеко от «центров местной цивилизации», эта немаленькая по местным понятиям, компактно застроенная, укрепленная, да еще со столь «громким» названием большая «деревня», наверняка, могла показаться значительным населенным пунктом. Прямо-таки «городом»! Впрочем, эмоции – «дело тонкое», а тем более – «давно минувших дней».

Судя по прямому указанию Птолея, все прочие пункты на Европейском побережье Меотиды располагались уже вне интересующей нас территории.

Обратимся теперь к палеогеографии региона. «Начистую» не получится, ибо, как увидит читатель, без археологии, вернее ее открытий и наблюдений, все или почти все соответствующие рассуждения и гипотезы останутся как бы «вне пространства и времени». Итак, начнем с собственно Азовского моря – Меотиды.

Общеизвестно, что это очень молодой водный бассейн, появившийся, как считается, примерно 6–8 тыс. лет назад, т.е. уже на памяти некоего местного населения. До этого соответствующее низменное пространство представляло собой русло и пойму, а затем и лиман большой р. Танаиса–Дона с его притоками (а, может быть, еще и Кубани–Гипаниса), устьем которой был Киммерийский Боспор, нынешний Керченский пролив. Каким-то совершенно непостижимым образом воспоминания об этом дожили аж до античного времени (Подосинов 2018. С. 209–229). Что же касается интересующей нас эпохи, то с высокой степенью вероятности можно предположить, что облик этого региона 2600–1500 лет назад был близким, но не идентичным современному, а главное – не оставался неизменным. Но в чем и насколько? Самый существенный при этом фактор влияния – динамика уровня моря. Написано об этом немало. Сошлемся только на недавнюю публикацию (Kelterbaum et al. 2012. S. 206–219; там же можно ознакомиться и с соответствующей историографией вопроса), посвященную по большей части палеогеографии Чокракского озера – изначально, скорее всего, одного из наиболее вдававшихся в здешнюю сушу заливов. В ней было предложено четыре временных реконструкции его характеристик и размеров. Так, к началу греческой колонизации Северного Причерноморья (VII–VI вв. до н.э.) оно, будучи скорее заливом, чем закрытым водоемом, находилось в границах, близких современным. В период первого расцвета поселений на Керченском полуострове (IV–III вв. до н.э.) это полузакрытый водоем с небольшой протокой, соединявшей его с Азовским морем (Меотидой) и позволявшим навигацию лишь совсем маленьких судов. Затем, ссылаясь не столько на результаты

бурений, сколько на археологически выявленный факт временного запустения усадьбы на мысу в южной части озера, по мнению авторов статьи, последовало «закрытие» упомянутой протоки и превращение озера в солёный лиман. Но когда именно это имело место – они не уточнили, да и не могли этого сделать. Предложенный же диапазон в 1500 и даже 500 лет для современных исторических реконструкций совершенно не оправдан.

Такое представление о палеогеографии Чокракского озера не единственное. В частности, есть сомнения в скорости накопления наносов упомянутой пересыпи и времени ее «закрытия» (значительно позже). В античности же, точнее, в период существования поселения/усадьбы на Чокракском мысу (авторы указанной публикации вновь не уточняют дату), пролив (протока) был намного шире. В этом случае можно предположить, что в связи с замедлением подъема уровня моря происходило заиливание озера, и оно становилось все более и более мелководным и недоступным для плавания. Это, наряду с осолонением источников пресной воды, стало, по-видимому, причиной «деградации» всё того же поселения, хотя «...нельзя исключать чисто исторические и экономические факторы» (Дикарёв 2021. С. 88–89). Однако новые археологические открытия, сделанные в районе всё того же мыса и усадьбы (см. ниже), требуют пересмотра предложенной в указанной статье концепции эволюции озера в позднем голоцене. Судя по всему, в начале III в. до н.э. (а может быть, и несколько раньше) уровень поверхности этого залива (а следовательно, и Меотиды), был заметно (не меньше, чем на 2 м) ниже современного. Казалось бы, ну и что из этого? А то, что, учитывая крайнюю мелководность Чокракского озера в настоящее время (не более 1,5 м), сомнительно, чтобы оно вообще тогда существовало, и уж во всяком случае не было судоходным. Но первое «обстоятельство» всё же маловероятно ввиду того, что мощные донные отложения (лечебные грязи, аналогичные Сакским) по своим характеристикам не могли образоваться без постоянного «участия» как морской воды, так и местных сероводородных источников. А второе – тоже как бы не имело места, поскольку представить себе активную жизнь обитателей большой античной усадьбы IV–III вв. до н.э. на упомянутом мысу, да еще с их огородами, виноградниками и садами (Масленников 2010. С. 15–20) без доступа к морю и воде просто никак нельзя. Вместе с тем, есть и другие выявленные этими раскопками факты и наблюдения, которые еще более запутывают здешнюю палеоэкологическую картину.

Суть их в том, что, по-видимому, здесь имел место некий период, когда уровень Чокракского озера/залива и, соответственно, Азовского моря вдруг оказался намного (более чем на 2 м) выше современного. Этот

«потоп», наверняка, сделал озеро на какое-то время вновь широко открытым морским заливом. Конечно, одного такого предположения для столь «глобальных» выводов маловато. Но в других местах побережья Чокрака, да и Азовского моря, таковых «следов» или не сохранилось, или их просто не искали. Чем было вызвано это «наводнение» – неясно. Письменных свидетельств о нем среди античных, средневековых и более поздних источников как будто бы нет. В любом случае, судя опять-таки по археологическим данным, это имело место явно после I в. до н.э. Но когда именно?

Обратимся теперь к письменным, археологическим и некоторым иным соответствующим свидетельствам относительно самой Меотиды. Начнем с позднейших. Известный западноевропейский путешественник Вильгельм де Рубрук в середине XIII в. характеризовал Азовское море, как «...нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus)...» (Джованни дель Плано Карпини 1957. С. 88). Т.е. это, скорее, ок. 4,8 м при шаге, равном 0,8 м, нежели 9 м при оценке полного шага в 1,5 м. Напомним, в настоящее время средняя глубина моря составляет 7,5 м, а максимальная – 13,5 м. Но данные Рубрука, конечно, очень приближительны, хотя и отражают некие реалии. Иными словами, Азовское море в «зрелом» средневековье было существенно мельче (и меньше?) современного. Чокракское же озеро тогда, вероятнее всего, было замкнутым водоемом с меньшими размерами.

Теперь об античной эпохе. Общеизвестно, что с этим морем древние греки познакомились чуть ли не на заре колонизации, да и вообще почти все мало-мальски конкретные сведения о нем были собраны ими довольно рано. Уже Геродот упоминает его неоднократно (21 раз!) и как бы «со знанием дела». Далее и везде древние грекоязычные авторы, как «прямые», так и разного рода компиляторы, схолиасты и т.п. постоянно употребляют относительно этого водоема только один термин – ἡ λίμνη («озеро», реже – «стоячая вода, болото, водоем, пруд») или же просто – самоназвание: «Меотида». Лишь Аристотель и Полибий приводят более конкретную информацию в плане интересующей нас темы. Первый (как, впрочем, и второй) – писал о том, что побережье озера вследствие речных наносов увеличивается (? – *А.М.*), и плавать по нему в его время (т.е., примерно, в начале второй половины IV в. до н.э.) могли только суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет назад, и, как все озера, обязанные своим происхождением рекам, в конце концов Меотида высохнет (Arist. Meteor. I. 29 = соответствующие места в SC). Почему тут взят именно такой временной промежуток и какие по тоннажу корабли плавали по Меотиде раньше – неизвестно, но процесс ее заметного обмеления зафиксирован. Полибий, спустя почти полтора века (события,

изложенные в четвертой книге его Всеобщей истории, относятся к концу III – началу II в. до н.э.) еще точнее обрисовал эту ситуацию: «Меотида уже заносится илом, ибо большая часть ее имеет глубины пять-семь оргий (соответственно: ок. 9 и 12,6 м – что очень близко современным данным. – *А.М.*), вследствие чего по нему не могут ходить большие корабли без лоцмана. Далее (ранее? – *А.М.*) Меотида, как единогласно свидетельствуют о том древние (интересно – кто? – *А.М.*), была первоначально морем, сливающимся с Понтом в одно, а теперь это озеро сладкой воды, ибо морская вода вытеснена из него наносами, а вливающаяся в него из рек вода получила перевес» (Polyb. IV. 8–9; цит. по изданию: Полибий 1994; см. также соответствующее место в SC). Оставим в стороне ошибочные взгляды тогдашних естествоведов относительно неизбежного заиливания всех водоемов с речным стоком. Для нас важны в данном случае два обстоятельства – хронология и схожая с Аристотелем характеристика навигации при намеке на существенно большую глубину и размеры (?) Меотиды некогда «в древности». (И, отметим, – по отношению к современности и тем более XIII в. тоже.) Информатор Полибия в данном случае неизвестен. Не исключено, что это всё тот же труд Аристотеля или Гекатея Милетского. Но, может быть, эти сведения были почерпнуты из более близкого ему по времени источника. Тогда можно утверждать, что за указанный промежуток существенных перемен в интересующих нас характеристиках озера не произошло. Правда, никто из древнегреческих авторов, как уже отмечалось, термин «море» никогда применительно к этому водоему не использовал. Здесь не лишним будет привести сведения античной письменной традиции о размерах Меотиды (см.: RE – «Maеotis»). Тот же Полибий писал о 8000 стадиев в окружности (Polyb. IV. 39. 2), Страбон (он упомянул о Меотиде 28 раз) – 9000 стадиев «и даже больше» (Strabo II. 5. 23), Арриан почти сто лет спустя также приводит цифру 9000 стадиев (Arrian. PPE 30). А вот латиноязычные авторы пользовались термином «*lacus*» скорее в значении «озеро», нежели «болото, водоем». Впрочем, довольно часто употреблялся и термин «*palus*» – «болото», как в ед., так и во мн.ч. или же вообще – и тот, и другой. Наглядный пример этому – Помпоний Мела, труд которого был завершен, как известно, к началу 40-х гг. I в. до н.э. (Mela I. 7, но I. 112–113. Текст и перевод по изданию: Помпоний Мела 2017; см. также примеч. 490 к кн. I). Причем у более поздних авторов, кажется, преобладающим становится «*palus*». Здесь особенно показателен такой источник, как «Естественная история» Плиния Старшего (Plin. NH II. 168). Случайность ли всё это или действительно основательные во многих отношениях римляне, знакомясь с этим регионом, больше доверяли своим непосредственным информаторам, нежели греческой традиции? И, соответственно,

фиксировали некие природные реалии, имевшие место на рубеже эр и непродолжительное время спустя, т.е. факт обмеления и заболачивания Меотиды? Однако не всё тут так просто и однозначно. Убедимся в этом, вернувшись к характеристике размеров Меотиды и не только.

Плиний, опираясь на информацию карты Агриппы и сведения Артемидора, приводит соответственно две цифры: 1406 миль и 1125 миль (NH IV. 78; VI. 207). Кстати, у неизвестного автора «Схолий к Землеописанию Дионисия» сказано относительно Меотиды, что 9000 стадиев равно 1200 милям, т.е. 7,5 стадиев = 1 миле (SC T. I. C. 216. Schol. Ad. Dion. 718). Можно ли из этого делать вывод, что информация, собранная для Агриппы, точнее, или, действительно, к концу I в. до н.э. Меотида несколько увеличилась в размерах, сказать сложно. К тому же это как бы противоречит только что сказанному относительно соответствующей латинской терминологии. А если последнее «обстоятельство» дополнить тем, что только у позднеримского (не позднее V в. н.э.) автора Юлия Гонория (см. Iulius Honorius. Cosmographia A. 28, 33 = SC. T. II. C. 442) впервые Меотида трижды (!) называется морем (mare Maeotis), «картина» еще более запутывается. И хотя его непосредственные предшественники и современники (например: Павел Оросий, Вибий Секвестр и др.) продолжали называть Меотиду «болотом», сам характер труда этого писателя не позволяет, как нам кажется, пренебречь таким терминологическим «новшеством». Впрочем, а почему бы не предположить, что всё вышенаписанное относительно «потопа» на Чокраке имело место как раз в позднеантичное время? Хотя, конечно, весьма проблематично, чтобы все «старинные» сведения о Меотиде в силу известных обстоятельств (естественная для того времени неточность измерений, специфика различных письменных источников и их датировка и т.п.) были «напрямую» сопоставимы с современными данными. Но их анализ и привлечение, полагаем, небезынтересны в плане рассматриваемой тематики.

Итак, в настоящее время протяженность береговой линии Азовского моря составляет 1472 км. Римская миля – это в большинстве случаев 1,6 км, т.е. 1200 миль равняются примерно 1920 км. А согласно Плинию, 1800 или даже 2249 км. Оставляем за читателем соответствующие выводы-объяснения или размышления по поводу получившейся разницы, отметив только, что неведомые информаторы наших древних источников вряд ли, подобно современным, делали свои измерения вдоль кромки берега. Они плыли вдоль него на некотором, с учетом специфики этого водного бассейна порой значительном, расстоянии. Следовательно...

Выводы о нестабильном положении уровня Азовского моря подтверждаются и палеогеографическими исследованиями в ряде мест Караларского побережья Керченского полуострова. Так, в бухте «Широкая» была

изучена и, что важно, продатирована занимающая ее морская терраса. Выяснилось, что она заполнялась в два этапа, разделенных, по всей видимости, незначительным замедлением подъема или даже понижением уровня моря. Первый этап, судя по радиоуглеродным датировкам раковин моллюсков, слагающих данную террасу, имел место ок. 3900–3500 лет назад, т.е. задолго до греческой колонизации. В тот момент была сформирована нижняя часть террасы бухты. После этого произошло кратковременное замедление подъема уровня моря, а возможно, некоторое его снижение, о чем свидетельствует прослойка гумуса в отложениях террасы. Второй этап ее формирования относится к периоду 2400–2100 лет назад и теоретически (точнее датировать этот процесс пока не удалось) может соответствовать значительному подъему уровня поверхности воды, зафиксированному в описанных выше отложениях Чокракского озера. (Но еще раз подчеркнем – только теоретически, а не хронологически, отметив этим явные преимущества классической науки о древностях, включая археологию перед всеми современными...) В ходе этого подъема была сформирована основная часть бухты до современного берегового вала. Последний простирается вдоль всей бухты. Ширина вала составляет 3–4 м; общее превышение над уровнем террасы не более 0,5 м. Радиоуглеродные датировки раковинного материала из вала показали возраст в 870 ± 40 BP в его верхней части и 1100 ± 50 BP на уровне современного Азовского моря, на дне шурфа. По всей видимости, этот вал отражает максимальный подъем уровня моря в настоящее время, после чего он уже только отступал (Дикарёв 2014. С. 314–316).

В восточной части бухты в двух шурфах, на небольшой глубине, на расстоянии до 50 м от уреза воды были раскопаны остатки двух стен, точнее – весьма посредственных в смысле качества и сохранности кладок из необработанных, относительно больших и мелких камней местного известняка. Кладка двухрядная, трехслойная; камни внешних рядов более крупные, стоят на ребре и плохо пригнаны друг к другу. Средняя высота стен приблизительно 0,4 м, толщина 0,75–1 м. Фасы частично разрушены. Основания стен стоят на плотном серо-желто-коричневом ракушечном слое. В сопутствующих отложениях встречены немногочисленные обломки амфор и керамид второй половины IV – первой трети III в. до н.э., в большинстве – сильно окатанные. Оба эти обстоятельства настораживают, поскольку в непосредственной близости, но за пределами бухты располагались синхронные усадебные комплексы – Генеральское-западное и Генеральское-западное (юго-западный склон). Судя же по упомянутому характеру кладок, они, скорее всего, относились к раннему средневековью, но точнее сказать невозможно. Радиоуглеродный возраст раковинного материала из подстилающего стены слоя показал

значение 2480 ± 60 ВР, что соответствует описанному выше второму этапу заполнения бухты «Широкая». Вряд ли в силу своей примитивности, непрочности и размеров эти кладки могли быть причальным молом, рассчитанным даже на незначительное волнение Азовского моря и защиту маломерных судов. Скорее – это остатки каких-то, в общем-то, недолговечных и не очень основательных построек на берегу, появившихся тогда, когда море заметно отступило. Это противоречит, на наш взгляд, выводам палеогеографа, полагавшего, что уровень моря в этом месте тогда (когда? – А.М.) составлял, как минимум, +1 м по отношению к современному (Dikarev et al. 2009. P. 55–58). Думается, тут все дело в хронологии.

В соседней с пересыпью Чокракского озера с запада бухте (бухта «Шалман», или «Радости») также было обнаружено террасовидное накопление морских наносов на высоте от 3 до 8 м над современным уровнем моря. «Тело» этой псевдотеррасы сложено разнозернистым песком с прослоями детрита, раковин моллюсков и включением их отдельных целых створок. Радиоуглеродные датировки раковин дали калиброванный возраст от 3090 до 2300 календарных лет. Из этого можно сделать вывод, что накопление морских отложений продолжалось достаточно длительное время, почти синхронное со вторым этапом формирования вышеописанной террасы в бухте «Широкая». Морфология данной псевдотеррасы дает основания полагать, что береговая линия в этом месте имела какой-то специфический «изъян»: возможно, существовало что-то вроде грота, где накапливался и не размывался материал морских отложений. Столь высокое современное положение над уровнем моря следует объяснить, по-видимому, новейшей тектоникой, которая могла за три тысячи лет «поднять» этот массив на величину от 3 до 5 м (Дикарев 2020. С. 626–630).

Ну, а что же археология? Первая попытка собрать соответствующие сведения о Приазовском и сопредельных регионах была, насколько нам известно, сделана почти четверть века назад А.А. Никоновым (1998. С. 57–66). (Поскольку он выразил тогда благодарность автору настоящей статьи за соответствующую устную информацию, мы вправе повторить ее без цитирования указанной статьи и других ссылок, ибо всё это – материалы работ Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН.) Следуя с запада на восток, начнем с мыса Казантип, оговорившись предварительно, что подводные находки керамики ввиду неоднозначности трактовки в расчет братья не будут, а специальных подводных обследований и тем более работ в силу специфики Азовского моря и иных обстоятельств пока никто не вел. Итак, в западной части только что упомянутого мыса, в непосредственной близости от поселения (усадебного комплекса) «Казантип-западный» (конец V – начало I в. до н.э.) был

расчищен хорошо сохранившийся мол. Он был прослежен в длину на 13,5 м (от берега мыса до скалы-островка) при ширине 3,3 м и сохранившейся высоте до 1,4 м. Отметим, что он не был, в отличие от прочих местных, вероятно, аналогичных по назначению строений (см. ниже), полностью затопленным водами бухты. Напротив, как бы даже «оказался на мели». Сопутствовавший невыразительный и малочисленный археологический материал в основном синхронен упомянутому поселению.

Следующий пункт – некая, довольно загадочная стена, прослеженная целиком под водой (на глубине от 0,5 до 1,7 м) в нескольких сотнях метров (далековато для гавани относительно небольшого поселения) к югу от городища «Золотое-берег» (III в. до н.э. – IV–VI вв. н.э.), что на северной окраине одноименного села, в восточной части Казантипского залива. Она тянется не менее чем на 50 м примерно под углом 60° к нынешнему берегу. Ширина ее ок. 2 м. Античная принадлежность этой постройки не очевидна (рядом еще несколько десятилетий назад располагался рыб-цех местного колхоза), но, как и ее предназначение в качестве мола, все-таки вероятна. Раскопки или хотя бы поиски в прибрежной части этой стены не велись. Аналогичным образом обстоит дело и с подводной (на глубине от 0,3 до 1 м) стеной в бухте на западе мыса Зюк, также вблизи бывшего рыб-цеха. Ширина ее тоже 2 м, прослеженная длина (почти перпендикулярно берегу) 10–12 м, сохранившаяся высота ок. 1 м. Вблизи никаких следов культурного слоя античного времени нет. Но северо-восточную часть мыса (примерно в 250 м от мола) занимает уже упоминавшееся городище Зенонов Херсонес (конец VI в. до н.э. – первая треть VI в. н.э.). В обоих случаях для нормального функционирования мола уровень моря должен был опуститься по отношению к современному на 1,5–2 м.

Об открытии стены (стен?) на нижней террасе мыса Чокракского озера, сразу под остатками большой усадебной постройки IV–I вв. до н.э., уже писалось (Масленников 2022. С. 218–233). Та, что была раскопана полностью (с западной стороны мыса), имела протяженность по суше ок. 8 м и уверенно прослежена на 15 м, а не исключено и ок. 30 м под водой, вернее, под соляным раствором и грязью озера. Ширина ее 2,4 м. Сохранившаяся высота от 0,4 до 1,2 м. Направление – строго на запад. Сопутствовавшие находки относятся к концу IV – первой трети III в. до н.э. Кладка довольно аккуратная, двухрядная, трехслойная из больших и средних камней. Фасы ровные и вертикальные. В стене имелся заложённый проход – калитка шириной около метра. Аналогичная, но пока не раскопанная целиком стена существовала и с восточной стороны мыса, также на его нижней террасе. Их оборонительное предназначение представляется очевидным.

Уверенно можно судить об античной принадлежности, по крайней

мере, еще нескольких объектов Караларского побережья, чье местоположение нелогично с точки зрения современной береговой линии, сохранности и иных «житейских» обстоятельств.

Это небольшое, но многослойное и долговременное (IV в. до н.э. – VI в. н.э.) поселение «Салачик» и некие, вероятно, подсобно-хозяйственные, производственные и иные строения (рыбозасолочные ванны, рыбокопильни или рыбохранилища?) в прибрежной части (городище «Золотое-берег») или непосредственно под городищами («Сиреневая бухта», Зенонов Херсонес). В первом случае некоторые (подпорные) стены у основания небольшого холма с постройками размываются или уже смыты морем, а высеченный в своей нижней части в скале колодец, располагавшийся внутри поселения «Салачик» и открытый раскопками, в настоящее время содержит обычную морскую воду. Наверняка в древности колодец находился дальше от береговой линии, и вода в нем была пригодна для питья. Раскопанный рыбозасолочный комплекс II–III вв. н.э. («Золотое-берег») спустя три десятилетия уже более чем наполовину разрушен морем. Двум остальным объектам позднеантичного времени близость моря угрожает самым очевидным образом. Следовательно, для тех, кто их строил, соответствующая опасность вовсе не принималась в расчет. Вблизи поселения «Полянка» (в западной части упоминавшейся бухты «Радости») при строительных работах, непосредственно в зоне пляжа, на некоторой глубине, частично уже в воде, был выявлен развал некой стены с сопутствовавшим археологическим материалом II–III вв. н.э., а о двух стенках, раскопанных на пляже бухты «Широкая», выше уже писалось. Здесь же можно было бы привести и хрестоматийный пример из труда Плиния Старшего относительно городов (?) Пирра и Антисса, около Меотиды, которых поглотил (точнее: отнял, унес. – *А.М.*) ...Понт, т.е. Чёрное море (?) («Pyrum et Antissam circa Maeotim Pontus abstulit...» – Plin. NH. II. 206). Ну, уж как-то оно, как, безусловно, заметил читатель, противоречиво. Вместе с тем, напомним, что до нас дошел если не первоисточник этой информации, то хотя бы ссылка на него (схолии к речи Цицерона «За Флакка»). А раз так, то эти события, где бы они ни произошли, имели место, скорее всего, не позднее середины I в. до н.э. Есть мнение, что эти, более никем не упоминавшиеся здесь города (если это города?) располагались где-то на северо-западе Боспора Киммерийского (восточная часть Крымского Приазовья?) и были разрушены вследствие катастрофических оползней, вызванных, в свою очередь, известным землетрясением 63 г. до н.э. (Никонов 2001. С. 241–246). Зная, что называется, воочию всё соответствующее побережье как к востоку, так и к западу от нынешнего Керченского пролива и, в частности, район предполагаемых и реально существующих и поныне оползней, осмелюсь

возразить, что такое предположение всё же маловероятно. Никаких следов античных поселений тут нет. А самое главное: все соответствующие примеры и археологический опыт показывают, что на протяжении всей античной эпохи поселенцы предварительно знакомились с местностью и старались учитывать все особенности местной прибрежной топографии и «геологии». Они строились на относительно высоких прибрежных холмах и мысах, сложенных в основном из коренных известняковых или иных относительно слабо размываемых или просто устойчивых пород и грунтов. Другое дело – природные катастрофы или некие перманентные, также природные, процессы, пагубное действие которых сказывалось не одновременно. Наверняка, как-то обустроивались и места, прилегающие к таким населенным пунктам на побережье. В данном случае, как нам кажется, можно предположить, что некие поселения были «отняты» Азовским морем – Меотидой – вследствие существенного (и довольно быстрого?) подъема его уровня где-то около указанного выше времени. А что? Вот городок Акра (если это Акра), что в южной части западного побережья Керченского пролива: почти все его постройки, по крайней мере эллинистического периода, оказались под водой. Исследователи Акры полагают, что город в значительной степени был затоплен к рубежу эр. В I в. до н.э. эта опасность осознавалась его жителями весьма серьезно, а сам процесс стал ощутимым уже примерно со второй половины III в. до н.э. (Соловьёв и др. 2021. С. 74–78, 153). Поселение первых веков н.э. занимало совсем небольшую площадь на суше и не случайно именовалось античными авторами «деревенькой» (маленькое селение) (Strabo XI. 2. 8). Одновременно отметим, что максимальная оценка такой регрессии в районе данного поселения (городка) составляла в IV в. до н.э. ок. 3,6–4 м (Соловьёв и др. 2021. С. 11, 59–71).

Если всё это так, то, действительно, неведомый нам источник Цицерона мог зафиксировать полное подтопление прибрежных территорий и неких населенных пунктов в рассматриваемом регионе к указанному только что времени. Другими схожими примерами в Приазовье мы пока не располагаем, а касаться всех прочих – по обе стороны Керченского пролива – не станем. По мнению А.А. Никонова, для нормального функционирования таких «пригородов», прежде всего гаваней, уровень Азовского моря и северной части Керченского пролива должен был быть ниже современного не менее, чем на 1,5–2 м (Никонов 1998. С. 64). В таком случае, берег в какой-то период в античности располагался примерно в 50 или даже больше метров мористее современного. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любую карту Азовского моря с изобатами. Примерно на том же расстоянии, видимо, надо искать и следы древнего клифа, а может быть, и остатки портовых сооружений прочих прибреж-

ных городищ. Но, скорее всего, уровень моря заметно колебался даже на протяжении немногих поколений. При этом некий пик «спада», как нам кажется, приходился на рубеж IV–III вв. до н.э. и II–III вв. н.э. Их сменяли существенные и длительные подъемы III–I вв. до н.э. и, возможно, позднеантичного времени. Но вернемся к палеогеографии.

Надо сказать, что в современных изысканиях тема колебания уровня Азово-Черноморского бассейна в среднем и позднем голоцене (т.е. на «памяти» человечества) разрабатывается весьма активно. Не вдаваясь, что естественно, во все детали и сложности данной проблематики и дискуссий, отметим лишь, что, как это часто бывает, к настоящему времени тут сложилось два противоположных взгляда: условно «статичный» и «переменный» (Измаилов 2020. С. 159–163).

Выводы сторонников периодических и заметных изменений уровней упомянутых морей представляются и нам в свете всего вышеизложенного и более аргументированными, и более соответствующими некоторым археологическим реалиям. Разумеется, последние (см. выше) имеют исключительную ценность ввиду гораздо более точной и разработанной хронологии. Особенно, если мы располагаем письменными источниками. В качестве примера приведем один из регрессивных «пиков» диаграммы (т.н. фанагорийская регрессия) из только что упомянутой статьи (Там же. С. 161, рис. 1). Согласно ей, максимальное (до 5 м) понижение уровня Азово-Черноморского бассейна (иной конкретики тут нет) имело место примерно в V в. до н.э. Точнее, видимо, геоморфологам определить сложно. Но тогда... Совершенно справедливо заметить изволили, внимательный читатель! Тогда как же быть с вышеупомянутым свидетельством Аристотеля, да и Полибия тоже? Наверняка временную «шкалу» здесь надо сдвигать, как минимум, на век – полтора вверх. Вот тогда всё в плане местной археологии как будто бы «садится на место». Ко времени Митридата и Страбона, судя по всё той же диаграмме, интересующий нас показатель поднялся почти до современного уровня. Следовательно, постройки в прибрежной зоне на Меотиде и в ее заливах (Чокрак) оказались под водой или почти под водой. Следующий значительный (до 3 м) спад приходится, согласно всё тому же автору, примерно на VII в. н.э. А вот сколь-либо существенной трансгрессии, заметно превышавшей бы современный уровень, вроде бы и не происходило. Но упомянутый выше «потоп» на Чокраке – явный «сигнал» в обратном направлении этого научного поиска.

- Вейсман А.Д. Греко-русский словарь. СПб., 1899. [*Veisman A.V. Greko-russkiy slovar' (Greek-Russian Dictionary). St-Petersburg, 1899.*]
- Дикарёв В.А. Берега Чёрного и Азовского морей в условиях изменения уровня моря // VIII Щукинские чтения: рельеф и природопользование. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. МГУ имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра геоморфологии и палеогеографии (Москва, 28 сентября – 1 октября 2020 г.). М., 2020. С. 626–630. [*Dikaryov V.A. Berega Chyornogo i Azovskogo morej v usloviyakh izmeneniya urovnya morya (Shores of the Black and Azov Seas in the Conditions of Sea Level Change) // VIII Shchukinskiye chteniya: Relief i prirodopol'zovaniye. Materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. MGU imeni M.V. Lomonosova, geograficheskij fakul'tet, kafedra geomorfologii i paleogeografii (Moskva, 28 sentyabrya – 1 oktyabrya 2020 g.). Moscow, 2020. S. 626–630.*]
- Дикарёв В.А. Реконструкция палеорельефа бухты Широкая (Керченский п-ов) и античного поселения Генеральское Западное // IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани. Т. 4. Казань, 2014. С. 314–317. [*Dikaryov V.A. Rekonstruktsiya paleorel'efa bukhty Shirokaya (Kerchenskij p-ov) i antichnogo poseleniya General'skoe Zapadnoe (Reconstruction of the paleorelief of the Shirokaya Bay (Kerch Peninsula) and the ancient settlement of Generalskoye Zapadnoye) // IV (XX) Vserossijskiy arheologicheskij s'ezd v Kazani. T. 4. Kazan, 2014. S. 314–317.*]
- Дикарёв В.А. Эволюция озера Чокрак (Керченский полуостров) в позднем голоцене // Материалы 6-й Международной научно-практической конференции «Инновации в геологии, геофизике и географии-2021». М., 2021. С. 88–89. [*Dikaryov V.A. Evolyuciya ozera Chokrak (Kerchenskij poluostrov) v pozdnem golocene (Evolution of Lake Chokrak (Kerch Peninsula) in the Late Holocene) // Materialy 6-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Innovacii v geologii, geofizike i geografii". Moscow, 2021. S. 88–89.*]
- Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. [*Giovanni del plano Carpini. Istoriya mongalov (History of the Mongols). Guillaume de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany (Journey to the Eastern countries). Moscow, 1957.*]
- Завойкина Н.В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013. [*Zavojkina N.V. Bosporskie fiasy: mezhdou polisom i monarkhiej (Bosporan Fiasas: Between Polis and Monarchy). Moscow, 2013.*]
- Измаилов Я.А. Колебания уровня Азово-Черноморского бассейна в среднем и позднем голоцене и некоторые проблемы адаптации человека // Актуальные

проблемы палеогеографии плейстоцена и голоцена. М., 2020. С. 159–163. [*Izmailov Ya.A. Kolebaniya urovnya Azovo-Chernomorskogo bassejna v srednem i pozdnem golocene i nekotorye problemy adaptacii cheloveka (Fluctuations of the level of the Azov-Black Sea basin in the middle and late Holocene and some problems of human adaptation) // Aktual'nye problemy paleogeografii plejstocena i golocena. Moscow, 2020. S. 159–163.*]

Кошеленко Г.А. Полис и город. К постановке проблемы // ВДИ. 1980. Т. 1. С. 3–28. [*Koshelenko G.A. Polis i gorod. K postanovke problemy (Polis and city. To the formulation of the problem) // Vestnik drevney istorii. 1980. T. 1. S. 3–28.*]

Кошеленко Г.А. Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 217–246. [*Koshelenko G.A. Grecheskij polis i problemy razvitiya ekonomiki (Greek polis and problems of economic development) // Antichnaya Gretsija. T. 1. Moscow, 1983. S. 217–246.*]

Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семёновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970. С. 4–80. [*Kruglikova I.T. Raskopki poseleniya u der. Semyonovki (Excavations of the settlement near the village Semyonovka) // Poseleniya i mogil'niki Kerchenskogo poluostrova nachala n.e. Moscow, 1970. S. 4–80.*]

Латышев В.В. Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893–1900. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904. [*Latyshev V.V. Scythica et Caucasia. Izvestiya drevnix pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifi i Kavkaze. T. I. Grecheskiye pisateli. St-Petersburg, 1893–1900. T. II. Latinskiye pisateli (Scythica et Caucasia. The evidence of Greek and Latin writers about Skythia and Caucasus. Vol. I. Greek writers. Vol. II. Latin writers). St-Petersburg, 1904.*]

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. [*Maslennikov A.A. Ellinskaya khora na kraju Ojkumeny. Sel'skaya territoriya Evropejskogo Bospora v antichnuyu epokhu (Hellenic hora on the edge of the ecumene. Rural area of the European Bosphorus in Antiquity). Moscow, 1998.*]

Масленников А.А. Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Москва; Киев; Запорожье, 2007. С. 181–218. [*Maslennikov A.A. Krymskoe Priazov'e v antichnuyu epokhu (Crimean Shore of the Sea of Azov in the Antiquity) // Antichnyj mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy. Moscow; Kiev; Zaporozh'e, 2007. S. 181–218.*]

Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., 2010. [*Maslennikov A.A. Carskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e). T. 1. Arhitekturno-stroitel'naya i*

- arheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov (Royal hora of the Bosphorus (based on excavations in the Crimean shore of the Sea of Azov). Vol. 1. Architectural, construction and archaeological characteristics of monuments). Moscow, 2010.]
- Масленников А.А.* Социально-имущественная дифференциация сельского населения античного Боспора по материалам поселенческих структур // Крым в эпоху эллинизма (Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований). Симферополь, 2017. С. 155–168, 386–394. [*Maslennikov A.A.* Social'no-imushchestvennaya differentsiatsiya sel'skogo naseleniya antichnogo Bospora po materialam poselencheskikh struktur (Socio-property differentiation of the rural population of the ancient Bosphorus according to the materials of settlement structures) // Krym v epokhu ellinizma (Mezhkul'turnye protsessy po dannym novejsikh arkheologicheskikh issledovaniy. Simferopol, 2017. S. 155–168, 386–394.]
- Масленников А.А.* Меотийские «города» Клавдия Птолемея // Homo omnium horarum. Сб. ст. в честь 70-летия А.В. Подосинова. М., 2020. С. 354–369. [*Maslennikov A.A.* Meotijskie «goroda» Klavdiya Ptolemeya (Maecotian “cities” of Claudius Ptolemy) // Homo omnium horarum. Sbornik statej v chest' 70-letiya A.V. Podossinova. M., 2020. S. 354–369.]
- Масленников А.А.* Стена на Чокраке // ДБ. 2022. Т. 27. С. 218–233. [*Maslennikov A.A.* Stena na Chokrake (Wall on Chokrak) // Drevnosti Bospora. 2022. T. 27. S. 218–233.]
- Никонов А.А.* Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // РА. 1998. Т. 3. С. 57–66. [*Nikonov A.A.* Zatoplennye ostatki antichnykh sooruzhenij po beregam Bospora Kimmerijskogo (v svyazi s problemoj izmeneniya urovnya morya) (Flooded remains of ancient structures along the shores of the Cimmerian Bosphorus (in connection with the problem of sea level changes) // Rossijskaya arkheologiya. 1998. T. 3. S. 57–66.]
- Никонов А.А.* О местонахождении и исчезновении античных городов Пирра и Антисса на Боспоре // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государств. Ч. 2. СПб., 2001. С. 241–246. [*Nikonov A.A.* O mestonakhozhdenii i ischeznoventii antichnykh gorodov Pirra i Antissa na Bospore (On the location and disappearance of the ancient cities of Pyrrhus and Antissa in the Bosphorus) // Bosporskij fenomen: kolonizaciya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstv. Ch. 2. St-Petersburg, 2001. S. 241–246.]
- Подосинов А.В.* Еще раз о Меотиде как озере // Scripta antiqua. М., 2019. Т. VIII. С. 309–329. [*Podossinov A.V.* Eshchyo raz o Meotide kak ozere (Once again about Meotida as a lake) // Scripta antiqua. Moscow, 2019. T. VIII. S. 309–329.]

- Полибий*. Всеобщая история. Т. 1 / Пер. Ф. Мищенко. Под ред. А.Я. Тыжова. СПб., 1994. [*Polibiy. Vseobshchaya istoriya (Polybios. World history)*. Т. 1 / Пер. Ф. Mishchenko. Pod red. А. Ya. Tyzhova. St-Petersburg, 1994.]
- Помпоний Мела*. Хорография / Под ред. А.В. Подосинова. М., 2017. [*Pomponiy Mela. Khorografiya (Pomponius Mela. Chorographia)*] / Pod red. А. V. Podossinova. Moscow, 2017.]
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Греческие надписи с мыса Зюк // ДБ. 1999. Т. 2. С. 193–202. [*Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. Grecheskie nadpisi s mysa Zyuk (Greek inscriptions from Cape Zyuk)* // *Drevnosti Bospora*. 1999. Т. 2. S. 193–202.]
- Сапрыкин С.Ю.* Фиас Зенонова Херсонеса // ДБ. 2022. Т. 27. С. 259–281. [*Saprykin S.Yu. Fias Zenonova Khersonesa (Fias of Zenonov Chersonese)* // *Drevnosti Bospora*. 2022. Т. 27. S. 259–281.]
- Соловьёв С.Л., Вахонеев В.В., Шенко Л.Г.* Акра – античный город на Европейском Боспоре. СПб., 2021. [*Solov'yov S.L., Vakhoneev V.V., Shepko L.G. Akra – antichnyj gorod na Evropejskom Bospore (Acra – an ancient city on the European Bosporus)*. St-Petersburg, 2021.]
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) СПб., 2002. [*Tunkina I.V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) (Russian science of the classical antiquities of the South of Russia (18th – mid- 19th centuries))*. St-Petersburg, 2002.]
- Dikarev V.A. et al.* Complex archaeological and geomorphological studies on the northern coast of Kerchenskiy peninsula (Crimea, Ukraine) // ICGP 521-INQUA 0501 Fifth Plenary Meeting and Field Trip. Istanbul; Izmir; Canakkale, 2009. P. 55–58.
- Kelterbaum D., Brückner H., Dikarev V., Gerhard S. et al.* Palaeogeographic Changes at Lake Chokrak on the Kerch Peninsula, Ukraine, during the Mid- and Late-Holocene // *Geoarchaeology. An International Journal*. 2012. Vol. 27. № 3. P. 206–219.

Alexander A. Maslennikov

PALEOGEOGRAPHY, ARCHEOLOGY AND ANCIENT TOPONYMICS AND TERMINOLOGY OF AZOV CRIMEA

The article discusses ancient toponyms, terminology and relevant archeological realities of the Sea of Azov, but mostly their relevancy with paleogeology and paleogeography of the region in antiquity. The attention is mostly paid to the level changes

of the Sea of Azov and the Chokrak Lake. The author uses the results of the latest archeological excavations and of some natural-scientific investigations. He analyzes both differences and similarities of the three groups of the sources. In the first “case” the author uses the results of the long-term excavations of the academic expedition led by him. The expedition investigates on the significant area and extent not only multi-temporal and multi-cultural sites of the Sea of Azov, but also relevant natural landscapes. Particularly, several periods of water level decline and rises of local bodies of water have been determined and chronologically confirmed, first and foremost those of the Sea of Azov and neighboring lakes and rivers, as well as of subsoil waters. These processes’ having had impact on the origin, location and state of conservation of settlement structures, demography and features of economic activities of the local population in the 6th century BCE to the 6th century ACE have been analyzed. These results serve to determine two or three periods which show either desolation or (vice-versa) prosperity of the lands in question. But it is important that the results have confirmed that a lot of our written sources are well informed and even objective. Sometimes they permit to better understand the sources or even to correct the former translations and, moreover, relevant comments. Thus, they emphasize again great degree of information in the works by Herodotus, Diodorus Siculus, Scylax, Polybius, Strabo, Pomponius Mela, Plinius Major, Claudius Ptolemaeus and in the less degree of other authors of various historical and geographical works, first and foremost, peripli, on the size and depth of the Sea of Azov, the quantity of settlements on its coasts, the direction of trade routes (proceeding from the main streams), local climate and its changes through centuries, historical events etc. In a number of cases archeology served to significantly clarify the chronology and scope of some changes, and (last but not least) to emphasize the importance of the complex approach for general and specific research of the ancient geographical legacy.

Keywords: the Crimean Azov Sea region, paleogeology, ancient toponyms, ancient geography, archeology, chronology

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-183-205

Tønnes Bekker-Nielsen

GREEK AND ROMAN MARINE RESOURCE EXPLOITATION IN THE NORTHERN BLACK SEA: THE ORIGIN AND DYNAMICS OF THE BOSPORAN FISH TRADE

As early as the fifth century BC salted fish were exported from the Black Sea to the cities of the Mediterranean. From the beginning of our era, Pontic fish-salters also produced *garum*, a sauce made from fermented fish. At some sites, production of salted fish and sauce continued well into the Byzantine period.

The evidence for Pontic fish processing is somewhat contradictory. On the one hand, literary texts such as the *Deipnosophistae* of Athenaeus (c. AD 200) attest to the importance of Black Sea salt-fish in the Mediterranean market, while finds of large-scale salting installations at several sites in the Crimea testify to the large volumes of fish that were processed into *garum* or salt-fish. On the other hand, finds of amphorae for the finished product are rare. Finds of Black Sea amphorae reported from sites along the Mediterranean by no means match the massive numbers of fish amphorae from the Iberian Peninsula which have been found on Roman sites.

Taking imports rather than exports as its starting point, this paper proposes a new model for the development and organization of fish exports from the Black Sea. The export trade was not primarily driven by the Aegean demand for processed fish, but by the demand for prestige goods among the Pontic elite. Exports generated the cash income required for the elite's consumption of imported prestige commodities such as oil and wine. As the supply of another export commodity – slaves – declined under the *pax Romana*, the volume of fish exports was increased. It is also proposed that fish products were not as a rule exported by the producers themselves. Rather, they were acquired in bulk at the production site by travelling wholesalers, who packed them in empty amphorae brought from the Mediterranean; hence traces of the Black Sea fish trade are almost invisible in the archaeological record.

Keywords: Crimea, Bosporan Kingdom, salt-fish, *garum*, trade, Athens

Introduction

Considering how closely the Mediterranean and the Black Sea are linked to one another, being separated only by the Sea of Marmara, the two seas are surprisingly different in nature. The clear waters of the Mediterranean are high

in salinity but low in nutrient content; those of the Black Sea enjoy a higher level of nutrients but a lower salinity, and below the shallow surface layer, its murky waters are lifeless and anoxic. The Mediterranean is home to a wide range of aquatic species, the number of species is much smaller in the Black Sea, but some of these are present in great abundance.

Much of the explanation for the contrast between the two seas lies in their geological history. Whereas the Mediterranean has existed for millions of years, the life story of the Black Sea is a short one. The sea as we now know it – as a large body of salt water – came into being less than 10,000 years ago, at the end of the last glaciation, when the waters of the Mediterranean overflowed the threshold at the Thracian Bosphorus and spilled into the Black Sea basin (Kuprin, Sorokin 2007. P. 213–215; Yanko-Hombach, Mudie, Kadurin, Larchenko 2014. P. 116; Bekker-Nielsen 2016. P. 287–288). The salty incoming waters gradually raised the water level and increased the salinity of the Black Sea, but due to the constant replenishment with fresh river water, it has never reached the high salt content of the Mediterranean, whose freshwater inflow is balanced by surface evaporation.

Fogs and mists are a common occurrence, hence the epithet “dark” or “black” – *melas* in Greek, *чёрное* to Russian speakers, *kara* in Turkish, *axshainas* to ancient Persians. It seems that Greeks misheard the name as *axeinos*, “unwelcoming”, which was later changed to the positive *euxeinos*, in the same manner that the Cape of Torments was renamed the Cape of Good Hope.

The Black Sea is indeed unwelcoming. To enter from the Aegean, a ship must first force its way through the Dardanelles, then through the Thracian Bosphorus against a surface current running at 1½ to 5 knots. For sail-driven vessels this was a formidable obstacle, and ships might have to wait weeks or months for the tail wind that would take them through the straits.

The Black Sea is also unforgiving. Unlike the Aegean, whose islands form stepping-stones within sight of one another, the Black Sea has no more than a few offshore islets, and most of the voyage across to the Crimea is beyond sight of land. If his ship foundered in the Aegean, a traveller might still hope to find himself washed ashore on an island – a recurrent motif in ancient literature from Homer to Dio Chrysostom and beyond – whereas a shipwreck in the Black Sea left few chances of survival. Not without reason did the poet Posidippus in the epitaph of his drowned friend Dorus issue a warning: “do not be hasty to sail over the Euxine” (Austin, Bastianini 2002. P. 117, n. 91; Williams 2006. P. 117).

The rich aquatic resources of the Black Sea and its rivers were already being exploited on a local scale in the prehistoric period. The emergence of urban cultures along the coasts of the Mediterranean increased the demand

for fish and fish products and by the fifth century BC, Black Sea fish could be found in markets along the Aegean. Before transport, however, the fish had to be preserved by drying or salting. The resulting product, generically known as *tarichos*, was exported widely, even as far as Egypt (Bekker-Nielsen 2016. P. 291). Another fish derivative was *garum* (Greek *garos*), a fermented fish sauce which was very popular during the Roman period (Ejstrud 2005). Driven by the complementarity of the Mediterranean and the Black Sea ecosystems, the trade in Black Sea fish products expanded and reached its highest level under the early Roman Empire. The decline of east-west trade in late Antiquity affected the fish trade negatively, but marine resources still played a significant role in Byzantine times, to such an extent that their exploitation and marketing were regulated by imperial decree.

Research history

The systematic study of Black Sea fishing commenced nearly two centuries ago with the publication, in the Proceedings of the Saint Petersburg Academy of Sciences, of the seminal paper by H.E. von Köhler (1765–1838), *Tarichos, ou Recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie meridionale* (Köhler 1832). German by birth and education, Köhler chose a career in the Russian imperial service under Catherine the Great, who appointed him librarian at the Hermitage (Morgenstern 1839. P. 75–76). Over a period of forty years, Köhler published numerous scholarly papers in the fields of philology, epigraphy, archaeology and numismatics.

Already within Köhler's lifetime, his study of ancient fishing was acknowledged as a ground-breaking contribution and was probably the most widely read of his many works (Ibid. P. 101–102). Though outdated by present standards, it remains a testimony to the erudition of its author and the wide range of his reading. While his focus is on the fisheries of southern Russia, Köhler surveys the entire ancient literature pertaining to fishing or fish processing, from the earliest Greek authors to late antiquity (Köhler 1832. P. 435–475). Although he had conducted archaeological fieldwork in the Crimea on two occasions (Morgenstern 1839. P. 83; 94), Köhler rarely draws on the evidence of archaeology (Tunkina 2003. P. 313–314), save for brief discussions of amphora shapes (Köhler 1832. P. 379–381) and coin types (Ibid. P. 424–430).

During the decades following Köhler's death in 1838, history developed from antiquarianism into a scientific enquiry based on the systematic, comparative evaluation of the sources, and economic history emerged as a separate historical discipline. One of the pioneers in this new field was M.I. Rostovcev, also known as Rostovtzeff (1870–1952), professor of Latin at the University of Saint Petersburg until his emigration in 1918 and author of the *Social and*

Economic history of the Roman Empire (Rostovtzeff 1926, revised edition 1957) and *Social and Economic History of the Hellenistic World* (Rostovtzeff 1941).

According to Rostovcev, fish played an important role in the economy of the ancient Mediterranean world: “The Greek cities supplied their needs partly by extensive local fishing ... but in great part by the import of fish from the rich and flourishing fisheries of the Euxine, the straits, and the Propontis, and of the great northern rivers, the Danube, Dniester, Bug, Dnieper, Don and Kuban” (Ibid. P. 1177); “Salted, dried, and pickled fish, the staple food of the Greeks, was imported in large quantities into Greece, Egypt, and probably Syria from the Pontic regions and from Sicily ... The situation in this respect has not changed much in modern times, except that the Pontic territory is now replaced by Norway” (Ibid. P. 1254).

The comparison with Norway is telling. In Rostovcev’s analysis, the economy of the Graeco-Roman world could be compared with that of his own time. That is not to say that he envisaged the ancient world as an open market economy; on the contrary, he highlighted the role of state control, for instance in the Bosporan kingdom during the reign of the Spartocid dynasty (Ibid. P. 595–596) or under the Roman Empire: “most of the merchants, who frequently were at the same time shipowners and owners of storehouses, worked on behalf of the emperor ... the imperial annona was the chief moving force in the inter-provincial trade” (Rostovtzeff 1957. P. 158–159).

The application of modern economic-historical analysis to antiquity rested on the implicit premise that ancient Greeks or Romans acted according to modern ideas of economic behaviour. The opposing view was that the economic outlook of the ancients differed fundamentally from that of the twentieth century. The latter was the standpoint of, among others, Karl Marx, Max Weber and Johannes Hasebroek. For Marx, the salient point distinguishing the “ancient mode of production” from later periods was the use of slave labour (Marx 1976–1981. P. 381–383; 415). While acknowledging the role of slavery, Weber (2006. P. 326–327) and Hasebroek also stressed the distinction between the modern ‘market’ economy and the restricted economic horizon, the “oikos economy” or “Hauswirtschaft” within most ancient production took place (Weber 2013. P. 485; Hasebroek 1928. P. VIII, 72–73). Their view was taken up by Moses I. Finley, whose highly influential book *The Ancient Economy* (Finley 1971) rejected the “modernist” analysis of Rostovcev and called for a sociological, rather than an economic, approach.

According to Finley, the ancients did not possess the analytical tools for systematic accounting and profit-or-loss calculation (Ibid. P. 19–20, 110–111), nor the modern interest in maximizing profits for profit’s own sake (Ibid. P. 144–145). In a face-to-face society under the constant threat of famine, status in the eyes of one’s peers (Ibid. P. 51) and short-term survival were more

important than returns on investment (Ibid. P. 117). The standpoint of the Finley or Cambridge school became known among ancient economic historians as “primitivism”, as opposed to the “modernism” of Rostovcev.

Primitivism was taken to extremes by T.W. Gallant, who in *A Fisherman's Tale* (1985) claimed that fish was of no economic significance in the ancient world. Köhler's interpretation of the textual sources was dismissed as “naive” (Gallant 1985. P. 35) and Rostovcev's *Social and Economic History of the Hellenistic World* castigated for providing an “ill-conceived picture of the Pontic fisheries [which] has, unfortunately, found a wide audience” (Ibid. P. 35). The author concludes that “the role of fishing in the diet and in the economy would have been, on the whole, subordinate and supplementary its main function would have been to supply a source of sustenance during periods of food scarcity” (Ibid. P. 43–44).

A Fisherman's Tale fails, however, to take account of the archaeological evidence. The large fish-salting installations excavated in the USSR from the 1930s onwards (Zinko 2007. P. 835; Čechova 2014. P. 230) and in Morocco from the 1950s onwards (Trakadas 2004. P. 50–68) testify to a level of investment and planning that is clearly incompatible with Gallant's theory of fishing as an ad hoc activity in response to local food shortages. Extensive archaeological investigations carried out by Soviet archaeologists during the ‘thirties were cut short by the war and much of the material remains unpublished, but the syntheses by V.F. Gajdukevič (1949; 1971), V.I. Kadeev (1970) and V.I. Vinokurov (1994) clearly demonstrated the central rôle of fish processing in the economy of the northern Black Sea during the Roman period. As A.L.L. Jacobsen (2005. P. 103–104) has demonstrated, Gallant's model was flawed from its inception, but *A Fisherman's Tale* is nonetheless cited in leading works of reference such as *Der Neue Pauly* and the *Oxford Classical Dictionary* (fourth edition 2012. P. 580).

Most present-day economic historians would not conceptualize the Mediterranean economy as one unified system but as a more complex, multi-level pyramid incorporating elements of Rostovcev's capitalism as well as Finley's household economy. At the apex of the pyramid, we have a trade low in volume but high in value: prestige goods for the elite, durables such as fine pottery, valuable raw materials such as metals and purple dye. The base of the pyramid, the largest part, is taken up by the innumerable local and regional networks of production and exchange, only partly monetarized and serving a limited geographical area. Between these, we find the staple trade which revolved around the “big three”: grain, wine and olive oil, commodities traded in large quantities and sometimes even in dedicated vessels such as the grain ships plying between Alexandria and Italy, or the wine tankers carrying Italian wine to the western provinces.

Textual and iconographic sources

References to Black Sea fish abound in literary texts from the Greek and Roman period (Köhler 1838. P. 435–475; Lund, Gabrielsen 2005. P. 165–166). The earliest example is a fragment of a lost comedy, “The Basket-Bearers” by Hermippus, written c. 425 BC:

Tell now for me, Muses who have your home on Olympus, all the good things that Dionysus brought for people here, ever since he sailed as a trader over the wine-dark sea in his black ship. From Cyrene stalks of silphium and ox hides, from the Hellespont mackerel and salted fish of all sorts (Hermippus, fragment 63 = Athenaeus 2006. 1.27e = Storey 2011. P. 307–309).

In the fourth century, Demosthenes’ courtroom speech *Against Lacritus* deals with the alleged loss of a ship during a coasting voyage along the Crimea. The vessel was carrying, among other items, wine, goatskins and jars of salted fish:

Hippias, son of Athenippus, of Halicarnassus, deposes that he sailed with Hyblesius as supercargo of the ship, and that when the ship was sailing along the coast to Theodosia from Panticapaeum, Apollodorus put on board the ship one or two hampers of wool, eleven or twelve jars of salt fish, and goat-skins – two or three bundles – and nothing else (Demosthenes 1936. P. 300 = 35.34).

Two centuries later, the historian Polybius, who was born in Greece but spent most of his life in Rome, describes the flow of trade into and out of the Black Sea, as follows:

It is generally known that the most important necessities of life, cattle and enslaved captives, are brought from the lands around the Black Sea (which offers them in the greatest quantity and the best quality), as well as luxuries: an abundance of honey, beeswax and salted fish, and in return they receive the things which abound in our part of the world, namely olive oil and every kind of wine. As for grain, the direction of trade varies: when circumstances permit, they export it, at other times they import (Polybius 2010. 4.38.4–5).

Fishing or fish processing in the Black Sea is also described in a poem *On fishing* ascribed to Ovid, who was exiled to the Black Sea coast by Augustus, in the *Geography* of Strabo, the *Natural History* of Pliny the Elder (first century A.D.) and in the *Halieutica* or manual of fishing by Oppian (second century A.D.). In his treatise *On the properties of foodstuffs*, the medical writer Galen (second century A.D.) discusses fish of various species and origins, including some from the Black Sea. In Lucian’s dialogue *Toxaris, or on Friendship* (second century A.D.) the fictional Athenian interlocutor Mnesippus ironically compares Orestes’ voyage to Tauris with Phoenician traders roaming the Black Sea in search of salted fish (Lucian 1936. P. 108–109 = *Toxaris* 4)¹.

¹ A.M. Harmon’s translation has ‘fishmongers’, but *ταρχοπώλης* means a trader in salt-fish.

In the late second century AD, Athenaeus of Naucratis composed the *Deipnosophistae* (in English known as “The learned banqueters” or “The philosophers at dinner”), an account of a fictional banquet where a group of intellectuals discuss, among many other topics, the quality of salted fish products from various regions of the Roman empire, quoting the opinions of earlier writers. In total, salt-fish are mentioned forty times within a few pages. In twenty-one cases, the geographical origin of the fish in question is not given; in nineteen, it is. Of these nineteen references, nine are to fish from the Marmara, Black Sea or (in one case) the Sea of Azov; fish from Spain are mentioned five times, fish from Egypt four times. Only a single Aegean location, the Thracian city of Abdera, is mentioned as a source of salt-fish (Athenaeus 2006. P. 116–121). While one should not overstress the source value of his work – after all, Athenaeus was a writer of fiction, not a statistician – Black Sea salt-fish evidently played a considerable role in the Roman market, and some fisheries operated on a large scale. This is especially true of the tuna fishery, which required massive inputs of manpower at a given moment and needed to be backed up by processing facilities capable of handling large amounts of fresh fish rapidly.

The organization of a tuna fishery is described for us in detail by Aelian in his *On the nature of animals* (Aelian 1959. P. 212 = 15.5), and his description is corroborated by an inscription from Parium on the Hellespont, a dedication to Priapus by the members of a fishing collective comprising dozens of persons (Bekker-Nielsen 2016. P. 291). In general, however the epigraphic evidence is sparse. The Protogenes decree from Olbia of around 200 B.C. mentions, in passing, a fish market (IOSPE I², no. 32; Austin 1981. P. 172, n. 97), while a building inscription of the second century AD from Chersonesus records the construction of an *opsopolis* by Theagenes, son of Diogenes. Some authors have assumed that this structure was a specialized market for fish or fish sauce (Semenov-Zuser 1947; Kadeev 1971. P. 15) but it is more likely to have been a food market or *macellum* of a type found in many other cities of the Mediterranean world (Bekker-Nielsen 2007. P. 127–130).

From the Hellenistic and Roman periods, a number of graffiti depicting ships have been preserved, mainly from Panticapaeum (Peters 1981. P. 94–117) but none of these can be identified as fishing vessels. The potential contribution of the Pontic coinage was briefly touched upon by Köhler (Köhler 1838. P. 424–430), but his interpretations have not stood the test of time. It remains an open question to what extent fish images on coins of Carcinitis, Chersonesus and Panticapaeum can be taken as evidence of an active trade in fish (Stolba 2005a. P. 128–129). Attempts to relate fish motifs on amphora stamps to the fish trade have proven equally inconclusive (Conovici 1998. P. 193–194; Bekker-Nielsen 2016. P. 301–302).

Archaeology

There is archaeological evidence for fishing on the Black Sea and Sea of Azov as early as the fifth century BC (Gavriljuk 2005. P. 110–112). Much of our present knowledge of early fishing techniques derives from the excavation of the settlement at Elizavetovka by the river Don, published by Marčenko, Žitnikov & Kopylov (2000). Although located at the northern periphery of the Black Sea region, in the fifth to the third century B.C., Elizavetovka was an important trading settlement with far-reaching contacts, and the fishing strategies employed here may be taken to reflect conditions in the Black Sea region generally.

During the fifth century B.C., fishing at Elizavetovka was oriented towards the needs of the local economy, but in the fourth and third century, a “fishing boom” can be observed (Højte 2005. P. 142) which may reflect the integration of the local economy into a wider trading network that included Aegean Greece. A transition from subsistence to commercial fishing at this time can be observed at other sites in the region (Marčenko, Žitnikov & Kopylov 2000. P. 177). The importance of fishing in the economy of the Elizavetovka settlement is reflected in numerous deposits of fish scales and bones, both as layers of fish waste up to 20 cm thick and in refuse pits at the periphery of the settled area (Marčenko, Žitnikov & Kopylov 2000. P. 175–177). Most of this material presumably dates to the period when commercial fishing was flourishing at Elizavetovka, i.e., the fourth and third centuries B.C. Significant deposits of fish waste were also found at other sites in the region (Gajdukevič 1949. P. 110–111; Kadeev 1970. P. 6–7; Gajdukevič 1971. P. 124–126; Ivanova 1994).

The ancient fisherman had a wide range of equipment at his disposal: spears and tridents; hooks and lines; moveable nets and fixed nets (Bekker-Nielsen 2005. P. 89–93; 2010. P. 188–194; Alfaro Giner 2010; Marzano 2013. P. 28–38). Since lines and nets were typically produced from soft, organic materials such as hemp or flax, cork and wood, they are rarely preserved on land. Under normal conditions, archaeologists will find only artefacts made from inorganic materials: tips for fishing spears (metal), fishing hooks (metal), needles for mending nets (metal), net sinkers and weights for casting-nets (metal, stone, lead, pottery). Hooks and net sinkers are recorded from a number of sites in the Pontic region (Gajdukevič 1971. P. 411–412; Romančuk 2005. P. 99; Højte 2005. P. 135–136; Butyagin & Kasparov 2019. P. 110). Finds of large stocks of fishing hooks on individual sites imply that line fishing took place on a significant scale, possibly as long-lining, while quantities of small net-weights of equal size points to the use of hand-casting nets (*amphiblēstra*), either from shore or from boats. Larger net sinkers, typically of stone, were used to stabilize a stationary net (*peza*) or hold a seine (*sagēnē*) suspended vertically from floats.

Masonry cisterns for fish processing, however, are not found before the Roman period (Vinokurov 1994). The most important salteries were at Tyritace (Gajdukevič 1949. P. 352–359; 1971. P. 378; Højte 2005. P. 142–148), Myrmecium (Gajdukevič 1959. P. 23–24; 1987; Højte 2005. P. 149–150) and Chersonesus (Kadeev 1970. P. 11–13; Højte 2005. P. 142–153; Romančuk 2005. P. 102–103; Čechová 2014), but salting also took place at other locations, e.g., Zolotoe (Vinokurov 1994. P. 154–161) and Salatčik (Vinokurov 1994. P. 167–169; Højte 2005. 154–155). The productive capacity of the fish-salting complexes at Tyritace and Chersonesus is difficult to estimate (Højte 2005. P. 150–152; Zinko 2007. P. 841; Bekker-Nielsen 2016. P. 299–300) but in terms of numbers or cubic volume, the salting vats of the Crimea are comparable with those of other well-known production regions such as Baetica, Lusitania and Mauretania (Trakadas 2005). At Tyritace alone, the excavators identified more than 60 fish-salting cisterns (Gajdukevič 1949. P. 354; 1971. P. 376; Zinko 2007. P. 836–838) and at Chersonesus more than 90 (Kadeev 1970. P. 12). Not all of these, however, will have been in use at the same time; according to the revised chronology of Romančuk (2005. P. 104–106), new cisterns were being constructed at Chersonesus as late as the seventh century AD (Čechová 2014. P. 231).

Evidently, *tarichos* production during the Classical and Hellenistic periods did not require fixed fish-salting cisterns. Their introduction is presumably linked with the transition to fish-sauce production. Fish-sauce, *garum*, was an important ingredient in Roman cuisine and consumed in great quantities across the empire (Ejstrud 2005; Curtis 2016). As Lytle points out, “in the Black Sea region the appearance of large-scale salting cisterns and installations corresponds not to the initial development of fish salting operations but rather to the reorganisation of production in order to meet new demand for *garum*” (Lytle 2018. P. 409).

Fish sauces require transport containers and in the case of the western Mediterranean and Atlantic fish-salting industry, the evidence of literary sources and excavated fish-processing installations is backed up by finds of amphorae and amphora fragments, which make it possible to follow the trail of Iberian or African *garum* from the production site to the point of consumption (Opait 2007. P. 101–103; Lowe 2016. P. 219–225).

Strangely, the number of amphorae for Pontic fish products reported from archaeological sites by no means matches the vast amounts of Spanish fish-sauce amphorae (Opait 2001. P. 101). Various explanations have been proposed for this apparent absence. Possibly the amphorae have in fact been found but have been misinterpreted as containers for other commodities (Opait 2007. P. 106–107). Possibly fish products were primarily exported in baskets (Lytle 2018. P. 410–411) or wooden barrels (Marlière 2002), which would not sur-

vive in the archaeological record, or in discarded wine or oil amphorae which had been cleaned for re-use (Lund, Gabrielsen 2005. P. 164–165; Lytle 2016. P. 15). A similar situation has been observed in southwestern Sicily, where the export of Syracusan fish products is documented in other sources, whereas ceramic evidence seems to be lacking (Botte 2018. P. 378–380; see now, however, Bernal-Casasola et al. 2021. P. 514–518).

One way out of the conundrum is to assume that north Pontic fish-salters mainly produced *tarichos*, which could be packed in baskets (Lytle 2016. P. 14–18; Lytle 2018. P. 410). The deposition by Hippias of Halicarnassus (quoted above) is, however, very specific about the type of container: “eleven or twelve jars (*keramia*) of salt fish”. Another objection to the basket hypothesis is that in the fish-salting vats at Myrmecium, dated to the second or third century A.D., remains of anchovy (*Engraulis encrasicolus*) were found (Gajdukevič 1971. P. 378); given their small size, salted anchovies would hardly lend themselves to transport in baskets, but could easily be packed in amphorae. Alternately, the anchovies could have been used in the production of garum.

Another line of reasoning is followed by Andrei Opait, who concludes that “most Pontic amphorae are more suited to a content of salted fish” (Opait 2007. P. 119) than to fish sauce. This may well be true for types such as Zeest 75 and its variants, with their wide, slightly conical necks (Ibid. P. 108–111). On the other hand, types Zeest 83 & 89 have a cylindrical neck that is no wider in relation to the body than the necks of Dressel types 7 or 14B, both which are attested as fish sauce containers in the western Mediterranean (Lowe 2016. P. 220–221). Amphorae of Zeest types 83 & 89 have been found at the two most important fish processing sites in the eastern Crimea, Tyritace and Myrmecium (Opait 2007. P. 114–115).

Balancing imports and exports

As Rostovcev saw it, the growth of the Black Sea trade was driven by the demand of the Aegean cities for Pontic products, above all for grain and fish:

² Romančuk 2005. P. 102–103 and Čechova 2014. P. 231 assume that since the salting cisterns at Tyritace were shallower than those at Chersonesus, they were used for producing high quality *tarichos*, not *garum*. Gajdukevič gives the depth of the vats at Tyritace as 1,8 m (Gajdukevič 1949. P. 356; 1971. P. 377), similar to the group of vats at Myrmecium (Gajdukevič 1971. P. 378) but shallower than those at Chersonesus (Čechova 2014. P. 231). A group of three exceptionally deep vats (3,8 m) was discovered at Tyritace in 2004 (Zinko 2007. P. 838). For comparison, the cisterns at Troia, Portugal (Vaz Pinto, Magalhaes, Brum 2018. P. 147) are between 1,38 and 2,3 deep, those at Tipasa, Algeria (Amraoui 2014. P. 93) 1,10 m. Of the 45 fish-salting vats excavated at Algeciras, Spain (Bernal-Casasola, Jiménez-Camino Alvarez 2018. P. 184, 214), none were deeper than 1,9 m. At another large Spanish fish processing site, Baelo Claudia, most depths fall within the range 1,5 to 2,5 m, but some vats are shallower (Arévalo, Bernal-Casasola 2007. P. 111, 124, 149, 168).

It is common knowledge that the steppes of South Russia ... were the main sources of supply of grain, and the south Russian rivers were one of the sources of supply of fish, for the Greek world, particularly for Athens, in the second half of the fifth and in the fourth century. ... The volume of this trade inevitably declined. But the extent of the decline must not be exaggerated. Pontic fish had no rival, and the demand for it was in fact increasing rather than decreasing (Rostovtcev 1941. P. 105–106; 587).

Rostovtcev provides no explanation for the further expansion of Pontic fish processing during the Roman period. When the *Social and Economic history of the Roman Empire* was first published in 1926, the Crimean and Moroccan fish-salting plants had not yet been systematically excavated, and the importance of the fish-sauce industry in the economy of the Roman Empire was not fully appreciated. Rostovtcev seemed to consider fish-sauce as a Pompeian luxury product (Rostovtzeff 1957. P. 73) though for the second edition, a note was added referencing remains of fish-salting installations in France and Portugal (Ibid. P. 690, n. 100; Tchernia 2014. P. 13).

While Rostovtcev correctly observed that trade flows through the Hellespont and the Thracian Bosphorus were reciprocal, and that an outflow of Pontic exports must have been balanced by an equivalent value in imports – “it follows that Greece must have exported in return a large quantity of its own goods” (Rostovtzeff 1941. P. 196) – he assumed that the demand for grain and fish in the urban markets of the Aegean, and above all in Athens, were the prime movers of the Black Sea trade. The idea of the Athenian market as the locomotive pulling the economy of the Black Sea was in line with an Athenocentric approach that dominated ancient history for much of the twentieth century but in recent decades, this model has been called into question (Tsatskheladze 1998. P. 54–63; Braund 2007), and the alternative hypothesis – that the trade was driven by demand in the Black Sea region – deserves to be considered.

Diodorus of Sicily tells us, probably quoting Posidonius, that wine was among the first commodities exported to barbarian Europe, and that for a single amphora, the merchant received a slave as payment:

With their typical eye for a quick profit, Italian traders find the fondness of the Gauls for wine a chance not to be missed. They carry the wine in boats along the navigable rivers and on carts across the plains, and in return they receive an incredible price; for one jar of wine they receive a slave, a servant in return for the drink (Diodorus 1939. P. 166. 5.26.3).

Wine was imported into the northern Black Sea region by Greek traders as early as the seventh century BC (Gavriljuk 2007. P. 634) and no doubt slaves were received as payment along with gold – the famed Scythian gold (Avram 2007. P. 239–241). Slaves figure prominently in Polybius’ list of Pontic ex-

ports, quoted above, where the Greek wording literally means “persons who have been forced into slavery”: prisoners of war and victims of slave-hunters. The story of Jason and his Argonauts retells, in mythical form, the story of an early Greek journey to the Black Sea in search of gold (the Golden Fleece) and captives (Medea).

During the Archaic period, many Greek colonies were established on the northern Black Sea coast, and in these colonies, prestige was associated with the Greek lifestyle that was the mark of the upper classes. Archaeological finds reveal a steady flow of Aegean imports into the Black Sea (e.g., to Tyrrhatia: Matera 2014. P. 115–126) but over time, Greek craftsmen also settled in the northern Black Sea region to supply the local market with “Greek” goods (Gajdukevič 1949. P. 83–84). Two key elements of the Greek lifestyle were olive oil and wine, associated with two key institutions, the *gymnasion* and the *symposion*. Olives would not flourish in the Crimea, but oil could be obtained from the southern Black Sea coast, for instance from Sinope. From the third century BC onwards, the Bosporan cities produced significant quantities of wine for their home market (Gajdukevič 1966; Butyagin, Kasparov 2019. P. 109–110), but it was not exported (Gajdukevič 1971. P. 120). At all times, the best oil and the best wine was imported from the Aegean (Opait 2010).

To pay for Aegean imports, other goods had to be exported. The northern Black Sea steppe is good grain country, and in Rostovcev’s own time, the Ukraine had been the breadbasket of Europe. But ancient wheat and barley harvests were unpredictable and as Polybius notes, the grain trade through the Hellespont went in both directions, depending on circumstances. Even in a major grain-growing city-state such as Chersonesus (modern Sevastopol) in the Crimea, grain shortages could occur from time to time, as evidenced by the civic oath of the city expressly forbidding the export of grain (IOSPE I² 401; Lines 47–49; Stolba 2005b. P. 301–302).

Furthermore, even where ample supplies of grain were available, it might still be impossible to export them. Grain prices were a highly charged issue in the ancient world, as in more recent periods. In his study of bread riots in eighteenth- and nineteenth-century Britain, the historian E.P. Thompson developed the concept of the “moral economy” (Thompson 1991. P. 185–361) and highlighted the near-constant fear of grain shortage and famine that spurred local populations to violent attacks on grain traders. That a similar “moral economy” operated in the ancient Black Sea region is attested by the Chersonesus oath, and the mere suspicion that wealthy landowners were hoarding grain or profiteering could lead to riots. When the citizens of Prusa, a middle-sized town in Bithynia, suspected one of their wealthy compatriots of hoarding grain, they attempted to burn his house down (Dio Chrysostom 1946. P. 240. Or. 46.13).

In order to pay for Aegean imports, slaves, gold and grain would not suffice; a wider palette of export goods was required which came to include salted fish, hides, nuts and timber (Mehl 1987. P. 110–115; Hannestad 2007; Güney 2014. P. 610–612). With the imposition of the *pax Romana*, opportunities for warfare and slave-raiding were reduced, leaving a deficit which had to be made up by exports of other commodities. For that purpose, fish sauce was ideal. It had a high value-to-weight ratio, there was a steady demand in the Roman market, and it could be produced on a large scale without depleting resources on which the local inhabitants depended for their subsistence – in other words, without violating the rules of the moral economy (Fig. 1).

	Pontic exports through the Hellespont	Pontic imports through the Hellespont
Pre-colonisation/ Archaic	Slaves Gold Fish + grain 	Wine
Classical/ Hellenistic	Slaves Gold Fish + grain 	Wine Oil
Roman 1st/2nd century	Slaves Gold Fish + grain Fish sauce 	Wine Oil

Fig. 1. Hypothetical reconstruction of trade flows through the Hellespont, from the Archaic to the Roman period.

Production and marketing

On the Mediterranean coast, salt is a ubiquitous resource that can be obtained simply and cheaply by evaporating seawater, but the Black Sea waters are brackish and on the north coast, summer temperatures are significantly lower than in the Mediterranean basin. In consequence, salt-pans can only operate in locations where the natural conditions are favourable. Ancient authors mention salt extraction in the lagoon near Chersonesus (Strabo 1924. P. 246. 7.4.7; Kadeev 1970. C. 20–23; Romančuk 2005. P. 100–101) and at the mouth of the Borysthenes, where many Scythians came to buy salt (Herodotus 1921. P. 252. 4.53; Rybakov 1979. C. 37–38; Dion 2003. P. 28. 36.3; Carusi 2008. P. 70–72), but salt could also be extracted elsewhere, e.g., in the marshes around Perekop or on the coast near Kerch (Baladié 1994. P. 151–155; Ivanova 2014. P. 7–9). While the ready availability of salt may have contributed to the concentration of fish-salting activities at specific locations on the northern Black Sea coast, there is no evidence that salt production and fish-salting were integrated with one another. It needs to be remembered that salt was employed for many other purposes beside fish processing; the rural economy consumed prodigious amounts of salt and the itinerant salt merchant with his train of pack animals will have been a familiar sight (Bekker-Nielsen 2013. P. 15).

Producing *tarichos* requires a minimum of equipment and leaves few archaeological traces. The fish can be hung on wooden racks or simply laid out on the rocks to dry (the Scandinavian word *klipfisk*, from which Russian клипфиш is derived, literally means “rock-fish”). Making fish sauce (*garum*) is a more demanding process, since it involves a prolonged period of fermentation. In principle, this could take place in wooden tubs or ceramic jars (*dolia*), but most fish sauce was produced in masonry vats sunk into the ground, either round or, more often, rectangular in plan.

Investing in a fixed fish-processing installation employing masonry cisterns was beyond the financial capacity of individual fishermen. Assuming that the salting complexes were not under state ownership – for which there is no evidence in the sources – we should look for their proprietors among the wealthy landowning elite. But what was the exact nature of their involvement? Were they active, entrepreneurial capitalists as envisaged by Rostovtcev, or were they passive investors, what Max Weber called ‘rentier capitalists’ (*Be-sitzrentner*, Weber 2013. P. 272)?

Over and above the financial outlay, the commercialization of a specialized high-value product like *garum* in a distant Roman market required skills and contacts that a Pontic landowner was unlikely to possess. In any case, trade was generally considered below the dignity of well-to-do Romans. A plausible working hypothesis is that the owners confined themselves to the actual production, leaving the packing and transport to middlemen, in the same way

that aristocratic landowners in nineteenth-century Italy did not deign to involve themselves in the day-to-day operation of their estates, which they left in the hands of farm contractors, the so-called *mercanti di campagna*. The scheme, which is described in a classic study by the German economist Werner Sombart (Sombart 1888. P. 60–70), was not particularly efficient in economic terms, but it secured the landowner a steady income with a minimum of involvement. In a similar manner, during the early nineteenth century, wine growers in the Moselle valley confined themselves to tending, harvesting and pressing the grapes. The ageing, bottling and marketing was left to travelling wholesale traders who acquired the wine in bulk soon after the end of the harvest (Meyer 1926. P. 23–25; 187–188).

If the Black Sea fish trade operated in a comparable manner, who were these travelling merchants? In a recent paper, Ephraim Lytle has put forward the theory that the salt-fish merchant Chaerephilus, who obtained Athenian citizenship in the fourth century BC, was of Scythian extraction (Lytle 2016a. P. 9–13). References to Chaerephilus and his descendants in the sources are numerous, but scattered, and Chaerephilus himself remains a somewhat elusive figure. There is some circumstantial evidence in favour of Lytle's theory, but definite proof is lacking. If Chaerephilus were in fact of Pontic descent, he would be an exception to the rule. In all other literary references to Black Sea trade – from the mythical voyage of the *Argo* through the shipwreck epigrams of Posidippus to the Phoenician fish traders in Lucian's dialogue – it is Mediterranean sailors who sail the Black Sea, not vice versa.

The question of his extraction apart, Chaerephilus' base of operations was clearly Athens, since that is where he applied for citizenship. In Lytle's analysis, Chaerephilus was the head of a family firm that controlled the production, transport and marketing of salt fish, an example of 'vertical economic integration' in antiquity (Lytle 2016a. P. 18–19), but he could equally well have been an entrepreneurial wholesaler purchasing salt-fish in bulk on the Black Sea shores and transporting it to Athens.

For Aegean wholesalers who spent only a short part of the summer sailing season in the northern Black Sea; it would have been impractical to set up pottery kilns on the northern steppes, and more convenient to bring the amphorae from the Mediterranean, either new amphorae or amphorae which had been cleaned for re-use. Only that part of the year's production which was destined for the local market would then be packed in locally produced amphorae – such as the Zest 83 & 89 found in quantity in the eastern Crimea, but rarely outside the region. The larger part would be packed in amphorae produced elsewhere, finds of which would not reveal the Pontic origin of their contents.

While empty amphorae are often found employed for secondary purposes, e.g., as water containers or urinals, their re-use as transport containers does

not appear to have been a normal practice in the Greek or Roman world, but conditions in the Black Sea trade were not normal. Most of the goods coming down the Hellespont were staples with a low value per unit of weight or volume when compared to incoming goods such as oil or high-quality wine. Assuming that the trade was evenly balanced in terms of value, the volume going up would always be less than that coming down. (For a similar situation in the Roman seaborne trade with India, see Cobb 2015. P. 193–193). Ships sailing up the Dardanelles would have vacant cargo space in their holds and need to take on ballast unless something heavy – such as empty amphorae – could be found to fill that space.

As a parallel from modern history, the tile factories of Marseille exported millions of machine-made ceramic roof tiles to Australia, a sea voyage of more than 17,000 km. Shipping cheap building materials halfway around the globe makes little economic sense when viewed in isolation, but the sailing vessels carrying Australian grain to Europe took the tiles as a cargo for the return voyage. The meagre revenue to be gained from carrying tiles was still preferable to travelling in ballast and earning nothing at all.

Concluding remarks

The dynamic expansion of the north Pontic fish-processing industry in the first centuries of the Roman empire, attested by several hundred fish-salting cisterns, is a remarkable phenomenon in ancient economic history that defies easy explanation. Part of the background is obviously the integration of the north Pontic region into the economy of the Roman empire at a time when demand for fish sauce – *garum* – was on the increase. The western provinces of the Empire were well served with fish sauce from their own salteries, but there will also have been a market for processed fish and fish derivatives in the eastern Mediterranean.

Remarkably few fish tanks have been found along the Aegean coast or in the Levant, and many of these should probably be interpreted as holding tanks for live fish, not as *cetariae* (Theodoropoulou 2018). As noted above, Aegean salt-fish is only mentioned once in the *Deipnosophostai* of Athenaios. If Aegean entrepreneurs tried to exploit the demand for processed fish and fish derivatives in their home markets, then their efforts have left few traces in the historical record (Lytle 2018. P. 411).

Possibly Aegean fish-salters were simply unable to compete with their Pontic colleagues. Whereas fish were abundant on the Black Sea shores, in the Aegean cities, fresh fish were much in demand and fetched high prices. For a rich citizen to buy large quantities of fish for salting – and driving the market price up even further – would have been a provocation, a violation of the unwritten rules of the moral economy. In Byzantine Constantinople, fish

dealers were specifically prohibited from selling their wares to fish-salters before the market had closed for the day (Koder 1991. P. 127 = Leo the wise, 17.2). Thus, with a few exceptions, fish-processing in the Aegean region could not transcend the limitations of the polis or the oikos and gain a foothold the wider Mediterranean market.

According to the model proposed here, the owners of Pontic salting factories were only involved in the first stages of the ‘halieutic cycle’ (fig. 2), whereas the subsequent stages – packaging, transport and marketing – were controlled by wholesalers based in Athens or elsewhere in the Aegean. Chae-rephilus may have been one such entrepreneur, the devious Lacritus (known to us from Demosthenes’ oration 35) may have been another. The model is consistent with the meagre literary evidence and, more importantly, with the archaeological non-evidence, since it will explain the rarity of dedicated amphorae for Pontic fish sauce.

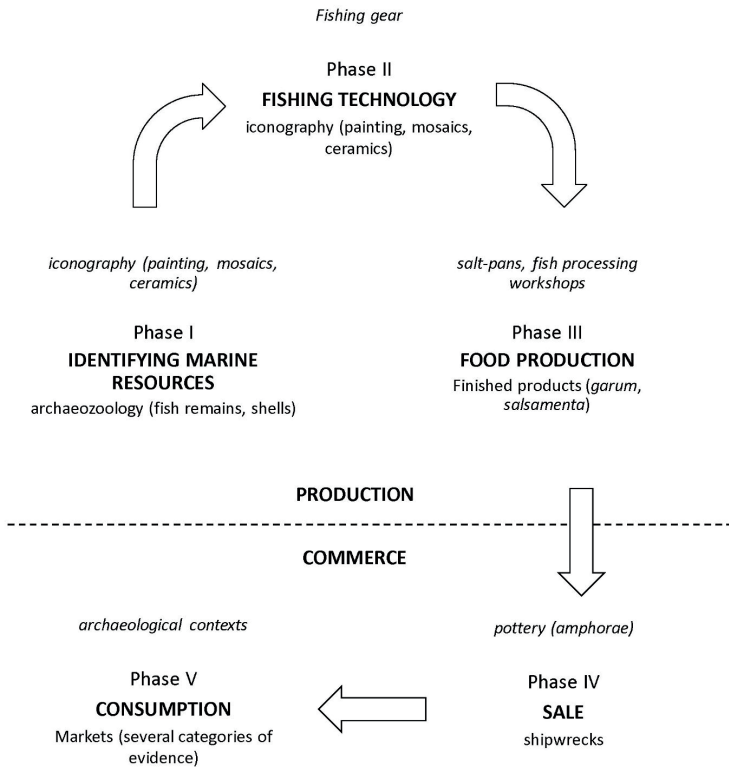


Fig. 2. The ‘halieutic cycle’, after Bernal-Casasola 2016. P. 190.

- Aelian*. On the characteristics of animals, III / Transl. by A.F. Scholfield. Cambridge MA, 1959.
- Alfaro Giner C.* Fishing Nets in the Ancient World: the Historical and Archaeological Evidence // *Ancient Nets and Fishing Gear: Proceedings of the International Workshop on Nets and Fishing Gear in Classical Antiquity* / Ed. T. Bekker-Nielsen, D. Bernal-Casasola. Cádiz, 2010. P. 53–81.
- Amraoui T.* La production urbaine de salaisons en Algérie à l'époque romaine: L'exemple de Tipasa (Maurétanie Césarienne) // *Fish & Ships: Production et commerce des salsamenta durant l'Antiquité* / Ed. E. Botte, V. Leitch. Aix-en-Provence, 2014. P. 91–101.
- Arévalo A., Bernal-Casasola D.* Las *cetariae* de *Baelo Claudia*. Avance de las investigaciones arqueológicas en el barrio meridional (2000–2004). Cádiz, 2007.
- Athenaeus*. The Learned Banqueters / Transl. by S.D. Olson. Cambridge MA, 2006.
- Austin C., Bastianini G.* *Posidippi Pellaei quae supersunt omnia*. Milan, 2002.
- Austin M.M.* The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest: A Selection of Ancient Sources in Translation. Cambridge, 1981.
- Avram A.* Some Thoughts about the Black Sea and the Slave Trade // *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. V. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 239–251.
- Baladié R.* Le sel dans l'Antiquité sur la côte nord de la Mer Noire: à propos d'un passage des *Histoires* d'Hérodote et à la lumière des voyageurs de l'époque moderne // *Il Mar Nero*. 1994. T. I. P. 145–166.
- Bekker-Nielsen T.* The Technology and Productivity of Ancient Sea Fishing // *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* / Ed. T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 83–95.
- Bekker-Nielsen T.* The one that got away: a reassessment of the Agoranomos inscription from Chersonesos // *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. V. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 123–131.
- Bekker-Nielsen T.* Fishing in the Roman world // *Ancient Nets and Fishing Gear: Proceedings of the International Workshop on Nets and Fishing Gear in Classical Antiquity* / Ed. T. Bekker-Nielsen, D. Bernal-Casasola. Cádiz, 2010. P. 186–203
- Bekker-Nielsen T.* Transport in ancient Cyprus // *The Transport Amphorae and Trade of Cyprus: 7th century BC to 7th century AD* / Ed. J. Lund, M. Lawall. Aarhus, 2013. P. 11–19.
- Bekker-Nielsen T.* Ancient harvesting of marine resources from the Black Sea // *The Inland Seas: Towards an Ecohistory of the Mediterranean and the Black Sea* / Ed. T. Bekker-Nielsen, R. Gertwagen. Stuttgart, 2016. P. 287–308.

- Bernal-Casasola D.* Garum in context: New times, same topics in the post-Ponsichian era // *The Inland Seas: Towards an Ecohistory of the Mediterranean and the Black Sea* / Ed. T. Bekker-Nielsen, R. Gertwagen. Stuttgart, 2016. P. 187–214.
- Bernal-Casasola D., Díaz J.J., Expósito J.A., Marlasca R. Baelo Claudia* y la producción pesquero-conservera del *Fretum Gaditanum* (Campaña de 2016) // *L'exploitation des ressources maritimes de l'Antiquité: Activités productives et organisation des territoires* / Ed. R. González Villaescusa, K. Schörlé, F. Gayet, F. Rechin. Antibes, 2017. P. 89–104.
- Bernal-Casasola D., Jiménez-Camino Alvarez R.* Las *cetariae* de *Ivliá Traducta*: Resultados de las excavaciones arqueológicas en la calle San Nicolás de Algeciras (2001–2006). Cádiz, 2018.
- Bernal-Casasola D., Malfitana D., Díaz J.J., Mazzaglia A.* Portopalo, Vendicari y los orígenes del atún siracusano: novedades y diseños // *Le cetariae ellenistiche e romane di Portopalo (Sicilia)* / Ed. D. Bernal-Casasola, D. Malfitana, A. Mazzaglia, J.J. Díaz. Catania, 2021. P. 461–542.
- Botte E.* Fish Processing in Italy and Sicily During Antiquity // *Journal of Maritime Archaeology*. 2018. T. 13. P. 377–387.
- Braund D.* Black Sea grain for Athens? From Herodotus to Demosthenes // *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. V. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 39–68.
- Butyagin A., Kasparov A.* Essay on the Economy of Myrmekion in Pre-Roman Times // *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity: Select papers from the third international conference 'The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast' (27–29 October 2017, Tekkeköy, Samsun)* / Ed. G.R. Tsetskhladze, S. Atasoy. Oxford, 2019. P. 108–111.
- Carusi C.* Il sale nel mondo Greco (VI a.C. – III d.C.). Bari, 2008.
- Čechová M.* Fish products and their trade in Tauric Chersonesos/Byzantine Cherson: the development of a traditional craft from Antiquity to the Middle Ages // *Fish & Ships: Production et commerce des salsamenta durant l'Antiquité* / Ed. E. Botte, V. Leitch. Aix-en-Provence, 2014. P. 229–236.
- Cobb M.A.* Balancing the Trade: Roman Cargo Shipments to India // *Oxford Journal of Archaeology*. 2015. T. 34. P. 185–203.
- Conovici N.* Histria VIII: Les timbres amphoriques, II. București, 1998.
- Demosthenes.* Orations, IV / Transl. by A.T. Murray. Cambridge MA, 1936.
- Dio Chrysostom.* Orations, IV / Transl. by H. Lamar Crosby. Cambridge MA, 1946.
- Diodorus Siculus.* Library of History, Vol. III: Books 4.59-8 / Transl. by C.H. Oldfather. Cambridge MA, 1939.
- Dion von Prusa.* Menschliche Gemeinschaft und göttliche Ordnung: Die Borysthenes-Rede / Übers. von H.-G. Nesselrath, B. Bäbler, M. Forschner, A. De Jong. Darmstadt, 2003.

- Ejstrud B.* Size Matters: Estimating Trade of Wine, Oil and Fish-Sauce from Amphorae in the First Century AD // *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* / Ed. T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 171–182.
- Finley M.I.* *The Ancient Economy*. London, 1971.
- Gajdukevič V.F. (Гайдукевич В.Ф.)*. Боспорское царство. М., 1949. [Bosporskoe carstvo (The Bosporan Kingdom). Moscow, 1949.]
- Gajdukevič V.F. (Гайдукевич В.Ф.)*. Мирмекий: советские раскопки в 1956 г., 1934–1956. Варшава, 1959. [Mirmekij: sovetskie raskopki v 1956 g., 1934–1956 (Myrmecium: Soviet excavations in the year 1956, 1934–1956). Warszawa, 1959.]
- Gajdukevič V.F. (Гайдукевич В.Ф.)*. Мирмекий – город виноделов. [Mirmekij – gorod vinodelov (Myrmecium, city of wine-growers)] // *Mélanges offerts a K. Michałowski* / Ed. M.-L. Bernard. Warszawa, 1966. S. 397–409.]
- Gajdukevič V.F.* *Das Bosporanische Reich*. Berlin, 1971.
- Gajdukevič V.F. (Гайдукевич В.Ф.)*. Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987. [Antičnye goroda Bospora: Mirmekij (Ancient cities of the Bosporus: Myrmecium). Leningrad, 1987.]
- Gallant T.W.* *A Fisherman's Tale*. Gent, 1985.
- Gavriljuk N.A.* Fishery in the Life of the Nomadic Population of the Northern Black Sea Area in the Early Iron Age // *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* / Ed. T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 105–113.
- Gavriljuk N.A.* Greek Imports in Scythia // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 1–2* / Ed. D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos. Oxford, 2007. P. 627–676.
- Güney H.* The Economic Activities of Roman Nicomedia and Connectivity between the Propontic and the Pontic World // *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods* / Ed. A. Coşkun, V. Cojocar, M. Dana. Cluj-Napoca, 2014. P. 605–625.
- Hannestad L.* Timber as a Trade Resource of the Black Sea // *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. V. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 85–99.
- Hasebroek J.* *Staat und Handel im Alten Griechenland*. Tübingen, 1928.
- Herodotus.* *The Persian Wars*, Vol. II: Books 3–4 / Transl. by A.D. Godley. Cambridge MA, 1921.
- Højte J.* The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region // *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* / Ed. T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 133–160.
- Ivanova N.V.* Fish Remains from Archaeological Sites of the Northern Part of the Black Sea Region (Olbia, Berezan) // *Offa*. 1994. T. LI. P. 278–283.
- Ivanova S.V. (Иванова С.В.)*. Добыча соли в северном Причерноморье и Крыму (по археологическим и историческим данным) // *Археологія і давня історія України*. 2014. Т. XIII.2. С. 7–17. [Dobyča soli v Severnom Pričernomor'e i

- Krymu (po archeologičeskim i istoričeskim dannym) (Salt extraction in the northern Black Sea and Crimea (based on archaeological and historical data)) // *Archeologija i davnja istorija Ukrainy*. 2014. T. XIII.2. S. 7–17.]
- Jacobsen A.L.L.* The Reliability of Fishing Statistics and a Source for Catches and Fish Stocks in Antiquity // *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* / Ed. T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 97–104.
- Jameson M.* Famine in the Greek World // *Trade and Famine in Classical Antiquity* / Ed. P. Garnsey, C.R. Whittaker. Cambridge, 1983. P. 6–16.
- Kadeev V.I.* [*Kadeev B.II.*]. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV веках н.э. Харьков, 1970. [Очерки истории економіки Херсонеса Таврического в I–IV векaх н.е. (Studies in the economic history of Tauric Chersonesos in the first to fourth centuries AD). Khar'kov, 1970.]
- Koder J.* Das Eparchenbuch Leons des Weisen. Wien, 1991.
- Köhler H.K.E. von.* Ταρχος, ou recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale // *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg*. 1832. S. VI, T. I. P. 347–491.
- Kuprin P.N., Sorokin V.M.* On the post-glacial changes in the level of the Black Sea // *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement* / Ed. V. Yanko-Hombach, A.S. Gilbert, N. Panin, P.M. Dolukhanov. Dordrecht, 2007. P. 205–217.
- Lowe B.* The trade in fish sauce and related products in the western Mediterranean // *The Inland Seas: Towards an Ecohistory of the Mediterranean and the Black Sea* / Ed. T. Bekker-Nielsen, R. Gertwagen. Stuttgart, 2016. P. 215–235.
- Lucian, V* / Transl. by A.M. Harmon. Cambridge MA, 1936.
- Lund J., Gabrielsen V.* A Fishy Business: Transport Amphorae of the Black Sea Region as a Source for the Trade in Fish and Fish Products in the Classical and Hellenistic Periods // *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region* / Ed. T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 161–169.
- Lytle E.* Chaerephilus & Sons: Vertical Integration, Classical Athens and the Black Sea Fish Trade // *Ancient Society*. 2016. T. XLVI. P. 1–26.
- Lytle E.* The Economics of Saltfish Production in the Aegean during the Classical and Hellenistic Periods // *Journal of Maritime Archaeology*. 2018. T. XIII. P. 407–418.
- Marčenko K.K., Žitnikov V.G., Kopylov V.P.* Die Siedlung Elizavetovka am Don. Moskva, 2000.
- Marlière E.* L'outre et le tonneau dans l'Occident romain. Montagnac, 2002.
- Marx K.* Formen die der Kapitalistischen Produktion vorhergehen // *Grundrisse*, MEGA. Berlin, 1976–1981. Vol. II.1–1.2. P. 378–415.
- Marzano A.* Harvesting the Sea: The Exploitation of Marine Resources in the Roman Mediterranean. Oxford, 2013.

- Matera M.* Ceramic stamps from Polish excavations at Tyritake: Preliminary presentation // Tyritake: Antique Site at Cimmerian Bosphorus / Ed. A. Twardecki. Warszawa, 2014. P. 111–132.
- Mehl A.* Der Überseehandel von Pontos // Stuttgarter Kolloquium zur historischen Geographie des Altertums 1, 1980 / Ed. E. Olshausen. Bonn, 1987. P. 103–186.
- Meyer F.* Weinbau und Weinhandel an Mosel, Saar und Ruwer: Ein Rückblick auf die letzten 100 Jahre. Koblenz, 1926.
- Morgenstern K.* Heinrich Karl Ernst Köhler: Zur Erinnerung an den Verewigten // Recueil des Actes de la Séance Publique de l'Académie Imperiale des Sciences de St. Petersbourg tenue le 29 Décembre 1838. St-Petersburg, 1839. P. 71–142.
- Opait A.* A Weighty Matter: Pontic Fish Amphorae // The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges / Ed. V. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 123–131.
- Opait A.* Aspects of the provisioning of the Pontic settlements with olive oil in the Hellenistic and early Roman periods // PATABS I: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon (27–29 avril 2006) / Ed. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Istanbul, 2010. P. 153–158.
- Peters B.G. (Петерс Б.Г.).* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1981. [Morskoe delo v antičnykh gosudarstvakh Severnogo Pričernomor'ja (Marine activities in the ancient states of the northern Black Sea). Moscow, 1981.]
- Polybius.* The Histories 2: Books 3–4 / Transl. by W.R. Paton, rev. by F.W. Walbank, C. Habicht. Cambridge MA, 2010.
- Romančuk A.* Studien zur Geschichte und Archäologie des Byzantinischen Cherson. Leiden, 2005.
- Rostovcev (Rostovtzeff) M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic world. Oxford, 1941.
- Rostovcev (Rostovtzeff) M.I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Second edition. Oxford, 1957.
- Semonov-Zuser S.A. (Семёнов-Зусер С.А.).* Рыбный рынок в Херсонесе (новооткрытая надпись музея Харьковского государственного университета) // ВДИ. 1947. Т. XX, 2. С. 237–246. [Rybnyj rynek v Chersonese (novootkrytaja nadpis' muzeja Char'kovskogo gosudarstvennogo universiteta) (The fish market in Chersonesos: A newly discovered inscription in the museum of Charkov state university) // Vestnik drevney istorii. 1947. Т. XX, 2. P. 237–246.]
- Sombart W.* Die römische Campagna: eine sozialökonomische Studie. Leipzig, 1888.
- Stolba V.* Fish and Money: Numismatic Evidence for Black Sea Fishing // Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region / Ed. T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 115–132.

- Storey I.* Fragments of Old Comedy. Vol. II: Diopieithes to Pherecrates. Cambridge MA, 2011.
- Strabo.* Geography. Vol. III: Books 6–7 / Transl. by H.L. Jones. Cambridge MA, 1924.
- Tchernia A.* Les installations de traitement du poisson: aperçu historiographique // Fish & Ships: Production et commerce des *salsamenta* durant l'Antiquité / Ed. E. Botte, V. Leitch. Arles, 2014. P. 13–15.
- Theodoropoulou T.* To Salt or Not to Salt: A Review of Evidence for Processed Marine Products and Local Traditions in the Aegean Through Time // Journal of Maritime Archaeology. 2018. T. XIII. P. 389–406.
- Thompson E.P.* Customs in Common. London, 1991.
- Trakadas A.* The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Western Mediterranean // Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region / Ed. T. Bekker-Nielsen. Aarhus, 2005. P. 47–82.
- Tunkina I.V.* The Formation of a Russian Science of Classical Antiquities of Southern Russia in the 18th and Early 19th century // The Cauldron of Ariantas. Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of His 70th Birthday / Ed. P.G. Bilde, J.M. Højte, V. Stolba. Aarhus, 2003. P. 303–364.
- Tsetschladze G.* Trade on the Black Sea in the archaic and classical periods: some observations // Trade, Traders and the Ancient City / Ed. H. Parkins, C. Smith. Florence, 1998. P. 52–74.
- Vaz Pinto I., Magalhaes A.P., Brum P.* An overview of the fish-salting production centre at Tróia (Portugal) // Fish & Ships: Production et commerce des *salsamenta* durant l'Antiquité / Ed. E. Botte, V. Leitch. Aix-en-Provence, 2014. P. 145–157.
- Vinogradov Ju.A.* [Виноградов Ю.А.]. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора / Под ред. Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецова, А.А. Масленникова, О.Н. Усачевой. М., 1992. С. 99–120. [Mirmekij // Očerki arkheologii i istorii Bospora (Myrmecium // Studies in the archaeology and history of the Bosporus) / Ed. G.A. Koshelenko, V.D. Kuznecov, A.A. Maslennikov, O.N. Usacheva. Moscow, 1992. P. 99–120.]
- Vinokurov N.I.* [Винокуров Н.И.]. Рыбозасолочные комплексы хоры Европейского Боспора // РА. 1994. Т. IV. С. 154–170. [Rybozasoločnye kompleksy chory Evropejskogo Bospora (Fish-salting complexes of the European Bosporus) // Rossijskaja Archaeologija. 1994. Т. IV. S. 154–170.]
- Weber M.* Agrarverhältnisse im Altertum // Max Weber Gesamtausgabe. T. I/VI / Ed. J. Deininger. Tübingen, 2006.
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft // Max Weber Gesamtausgabe. T. I/XXIII / Ed. K. Borchardt, E. Hanke, W. Schluchter. Tübingen, 2013.
- Williams M.F.* The New Posidippus Papyri and Propertius' Shipwreck Odes // Classica et Medievalia. 2006. T. LVII. P. 103–123.

Yanko-Hombach V., Mudie P.J., Kadurin S., Larchenko E. Holocene marine transgression in the Black Sea: New evidence from the northwestern Black Sea shelf // *Quaternary International*. 2014. Т. CCCXLV. P. 110–118.

Zinko V.N. Tyritake // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 1–2* / Ed. D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos. Oxford, 2007. P. 827–854.

Тённес Беккер-Нильсен

ГРЕКО-РИМСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ МОРСКИХ РЕСУРСОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БОСПОРСКОЙ ТОРГОВЛИ РЫБОЙ

Уже в V в. до н.э. соленая рыба экспортировалась из Причерноморья в города Средиземноморья. С начала нашей эры известны использовавшиеся там устройства для производства рыбного соуса (*garum*). В некоторых местностях производство соленой рыбы и соуса продолжалось и в византийский период.

Сведения о черноморском рыбном производстве несколько противоречивы. С одной стороны, такие литературные тексты, как «Пир мудрецов» Афиней (ок. 200 г. до н.э.) подтверждают значение черноморской переработанной рыбы на средиземноморском рынке, а находки множества устройств для засолки рыбы в нескольких местностях Крыма свидетельствуют о крупных партиях рыбы, перерабатываемых в соус или в соленую рыбу. С другой стороны, находки амфор для готового продукта редки. Находки причерноморских амфор, известные по раскопкам вдоль побережья Средиземного моря, нисколько не превышают огромное количество рыбных амфор с Иберийского полуострова, найденных в римских раскопах.

Принимая за исходный пункт не экспорт, а импорт, автор этой работы предлагает новую модель развития и организации экспорта рыбы из Причерноморья. Что касается экспорта, предполагается, что главной причиной вывоза рыбной продукции из Причерноморья был не спрос среди греков на переработанную рыбу, а спрос на престижные товары со стороны причерноморской элиты. Экспорт давал наличные деньги, необходимые для расчетов за ввозимые оливковое масло и вина, а также чтобы компенсировать упадок экспорта рабов по условиям *рах Романа*, и потому вывоз черноморской соленой рыбы возрос. Также высказывается предположение, что рыбная продукция, как правило, не вывозилась местными (черноморскими) купцами, а закупалась оптом средиземноморскими оптовыми торговцами на месте производства. Вот почему следы причерноморской рыбной торговли почти незаметны среди местных археологических находок.

Ключевые слова: Крым, Боспорское царство, соленая рыба, *garum*, торговля, Афины

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-206-229

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА РУБЕЖЕ ЭР

Статья посвящена сложной теме локализации народов и племен на территории Северного Причерноморья на рубеже эр. Авторами использовался метод интерпретации сообщений античных авторов, сведения которых сопоставлялись с широким археологическим материалом. В результате исследования отдельные народы и многочисленные племена указанного времени были успешно локализованы на этнической карте региона. Большинство племен и народов, судя по проведенному исследованию, оставили яркий след в этнической истории Северного Причерноморья. Однако еще не все этносы, жившие здесь в это время, нашли свое место в географическом пространстве региона. Локализация некоторых из них продолжает оставаться нерешенной научной проблемой. Данным обстоятельством обусловлена актуальность проведенного исследования.

Помимо тщательного анализа античной письменной традиции, для доказательства размещения племен авторы привлекают и археологический материал. Благодаря такому комплексному исследованию удалось установить, что после зафиксированных немногочисленных сарматских погребений II–I вв. до н.э. в районах между Днестром и Доном и в Северо-Западном Причерноморье число сарматских памятников второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. к западу от Днестра резко возрастает. На левобережье Кубани во второй половине I в. до н.э. появляются курганные могильники зубовско-воздвиженской группы сарматских памятников, по ряду черт отличающихся от среднесарматских сиракских комплексов Прикубанья. В данных погребениях отмечаются ярко выраженные центральноазиатские элементы культуры. В этой связи авторы обращают особое внимание на запустение к рубежу эр южноуральских степей по причине аридизации и смещение центра формирования среднесарматской культуры в сторону Нижнего Дона. Таким образом, проведенное исследование подтверждает огромную роль миграций из глубин Азии как в становлении среднесарматской культуры, так и в появлении многих инноваций в культуре сарматов I в. н.э.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крым, античность, варвары, племена, этнос

Считается, что после гибели Митридата VI Евпатора государства и народы Северного Причерноморья вступили в римский период своей истории. Его начало обычно относят к середине – второй половине I в. до н.э. (Блаватский 1959. С. 30–37; Кадеев 1981. С. 13–15; Зубарь 1994. С. 9–13; 1998. С. 7; Крыжицкий и др. 1999. С. 230; Зубарь, Сон 2007. С. 144). Именно с этого времени установившиеся первые контакты римского государства с Херсонесом и Боспором стали постепенно перерастать в разносторонние отношения городских центров и местных варваров с Римом, что неизбежно привело к необходимости формирования концепции в римской стратегии в этой части античного мира.

Для того чтобы детально ознакомиться с данным процессом, необходимо рассмотреть этногеографическую картину Северного Причерноморья, сложившуюся ко второй половине I в. до н.э. В данное время здесь наблюдалась некоторая стабилизация этнополитической обстановки, которую наиболее полно отразил в своей «Географии» греческий историк и географ Страбон (64/63 г. до н.э. – 23/24 г. н.э.) (Грацианская 1976. С. 6–20; 1988. С. 14–32; Скрипкин 1996. С. 162).

Центральное государство Северного Причерноморья – Боспорское царство со столицей в Пантикапее (современный город Керчь) – располагалось на землях Керченского и Таманского полуостровов. Буквально рядом, к западу от Боспорских границ (к востоку от Крымских гор), Плиний разместил неких скифов-сатарков (Plin. NH IV. 85), упомянутых также Помпонием Мелой (Mela II. 1. 3) и Стефаном Византийским (s.v. Σατάρχοι) и известных в качестве пиратствующих сатархеев еще со II в. до н.э. (IOSPE I². 672). При этом известно, что в числе других племен они перешли Танаис (Plin. NH VI. 22. 23). Иранская этимология названия сатархов – «сильные, господствующие», «царские» (Десятчиков 1973. С. 140), и упоминание Солином сатархов как части среднеазиатского сакского племенного объединения позволяет отнести их к иранским племенам (Sol. 49. 5–7). Правда, данный «социальный» этноним вполне мог применяться не к одному, а ко многим варварским объединениям (Ольховский 1981. С. 57). Однако до сих пор не удается связать сатархов с какой-либо известной археологической культурой Северного Причерноморья (Щеглов 1998. С. 143–146; Симоненко 2001. С. 98), притом Страбон их совсем не упоминает.

Другим народом, зафиксированным на равнинной части полуострова, были земледельцы – георги. Не исключено, что в данном названии скрывается и самоназвание. Скифское *gauvarga* – «разводящие или считающие скот» – могло быть адаптировано греками, превратившись в термин, отражающий хозяйственную деятельность этих людей (отсюда геродотовая синонимичность: «скифы-пахари» и «скифы-земледельцы») (Абаев

1981. С. 74–76; Столба 1993. С. 58–59; Корчелла 1994. С. 82–89). Вряд ли поэтому можно ставить знак равенства между «георгами» Страбона и «скифами-георгами» Геродота (Herod. VI. 18). Их Страбон упоминает, но при этом обращает внимание, что эти люди, «...хотя и слынут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению» (Strabo VII. 4. 6). Учитывая земледельческую основу хозяйства этих людей, локализовать георгов можно будет в Северо-Западном Крыму, где есть памятники оседлого земледельческого населения I в. до н.э. – I в. н.э. (Пуздровский 1999. С. 211–212), или же в Крымском Приазовье на той земледельческой территории, которая впоследствии попадет под защиту Асандра (Зубарев 2005. С. 236–237). К последней версии нас склоняет анализ текста Страбона, в котором автор перед приведенной выше характеристикой георгов рассказывает о кочевниках, предоставлявших за умеренную дань землю для земледелия и в случае неуплаты начинающих с оседлым населением войну. При этом из тех, кто не платил кочевникам, так как мог «...легко отразить нападающих или воспрепятствовать вторжению», назван боспорский царь Асандр, отгородивший защитной стеной некий земледельческий район своей территории (Strabo VII. 4. 6). Это может свидетельствовать о том, что речь идет о территории Восточного Крыма с негреческим оседлым населением, которое, по-видимому, в данное время еще не входило в состав Боспорского царства (Масленников 1995. С. 67). Вот почему сомнительно считать георгов исключительно осевшими на землю скифами (Граков 1971. С. 72; Артамонов 1948. С. 68; Молев 1986. С. 56), ведь, судя по захоронениям в каменных ящиках из Крымского Приазовья (данные погребальные сооружения появились, скорее всего, в результате переселения сюда части кизил-кобинского (таврского) населения из Крымских предгорий: Масленников 1995. С. 60–61), население здесь было в значительной степени этнически неоднородным. Тем более что серия войн, нашествий и природных катастроф в конце II и на протяжении большей части I в. до н.э. до такой степени опустошили Крымское Приазовье, что Страбон вынужден был констатировать безлюдье всего юго-западного побережья Меотиды (Strabo VII. 4. 5).

Большинство поселений здесь было заброшено, на могильниках пресеклась традиция захоронений. Уцелевшие жители собрались в немногих хорошо укрепленных городищах, что значительно усилило смешанность населения. А.А. Масленников, хотя и отмечает преемственность прежних традиций по лепной керамике и погребальному обряду (Масленников 1995. С. 67–68), более склоняется к мысли, что речь здесь должна идти о возникновении совершенно нового этнокультурного населения

(Там же. С. 84–85). Скорее всего, именно эти люди и получили обобщенное наименование георгов-земледельцев.

Археологические источники свидетельствуют, что во II–I вв. до н.э. часть населения из Крымского Приазовья переселилась ближе к предгорью, в окрестности Феодосии. Здесь были выявлены погребальные сооружения (ямы, облицованные каменными кладками с дромосами, окруженные кромлехами и перекрытыми небольшими курганными насыпями), аналогичные погребальным сооружениям в Крымском Приазовье (Катюшин 1996. С. 21–31; Колтухов 2001. С. 64–65; Храпунов 2004. С. 64–65). Этот факт заставляет еще раз обратиться к письменным источникам, упоминающим сатархов. Так, по словам Плиния, непосредственно Крымские горы, т.е. сам «...хребет занимают скифотавры. С запада их ограничивает Новый Херсонес, с востока – скифы-сатархи» (Plin. NH IV. 85). Такая локализация довольно точно соответствует указанным выше памятникам в окрестностях Феодосии. Однако автор небольшого географического трактата середины I в. н.э. Помпоний Мела, описывая Керченский полуостров с севера от Перекопского перешейка (Десятчиков 1973. С. 133), наоборот, указывает на Крымское Приазовье как на территорию проживания этого народа: «...Затем косая полоса земли, спускающаяся к Боспору, ограничивается Понтом и Меотидою. Сторону ее, обращенную к Болоту, занимают сартаги...» (Mela II. 1. 3), причем живущие в пещерах и землянках в стране «постоянного холода» (Mela II. 10). Далее, следуя по периплу с востока на запад и сообщив о Херсонесе, Мела пишет о крымском побережье в районе Каркинитского залива и Перекопа: «...Затем море подходит к берегу и до расстояния 5000 шагов от Меотиды придает почти вид острова местности, занятой сатархами и тавриками» (Mela II. 4). В последнем случае очевидно, что речь идет о Крыме в целом, и рассматривать описанный Мелой полуостров в качестве Тарханкута нет никаких оснований (Щеглов 1966. С. 146; 1998. С. 143–146; Десятчиков 1973. С. 133).

По данным письменных источников, совпадение мест локализации сартагов-сатархов с районами, где археологически было зафиксировано конструктивное тождество погребальных сооружений, безусловно, неслучайно. Вероятно, те из приазовских варваров, кто продолжал осознавать себя сатархами, отошли в район Феодосии, в то время как оставшиеся, смешавшись с другими варварами, постепенно утратили это самоназвание, превратившись в георгов-земледельцев. Видимо, по этой причине сатархи и не упоминаются у Страбона. Таким образом, на данном этапе относительно Крымского Приазовья можно согласиться с мнением В.С. Ольховского о тождестве георгов с сатархами (Ольховский 1981. С. 60). Возможно, именно эти приазовские сатархи и воевали

с полководцем Митридата VI Евпатора Неоптолемом в Керченском проливе летом на кораблях, а зимой на лошадях (Strabo II. 1.16; VII. 3. 18). Во всяком случае, учитывая пиратскую характеристику этих варваров, А.А. Масленников (1981. С. 71–72) отождествляет с ними сатархов.

Идентификация сатархов затрагивает проблему еще одного сложного этнонима – тафриев. Локализация данных варваров явно связана с местностью Тафры. Здесь заслуживает внимания идея В.С. Ольховского о том, что сам топоним «тафры» (рвы) может обозначать местность, заключенную между рвами, по его мнению, между Перекопом и Акмонаем (Ольховский 1981. С. 63). Таким образом, трудно не согласиться с нашей гипотезой, согласно которой локализация страны Тафры между Перекопом и Узунларским валом заполняет обширную лагуну в античной географии Крымского полуострова, возвращая на его карту район степного Крыма (Зубарев 2005а. С. 236–238; 2005б. С. 40–41).

Тафры как местность также фигурируют у Помпония Мелы: «...Затем море... придает почти вид острова местности (Крымскому полуострову), занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив – Каркинитский» (Mela II. 4). Как раз в этом случае речь может идти о более широком понимании топонима Тафры. Местность между Каркинитским заливом и Меотидой включает в себя большую часть степного Крыма, что может свидетельствовать о развитии в античной письменной традиции термина «тафрос».

Среди письменных источников по интересующей нас теме сообщение Стефана Византийского наиболее неоднозначно: «Тафры и в единственном числе Тафра – страна у Меотийского озера, которую окружили рвами рабы, вступившие в связь со своими господами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами, или живущие по сю сторону Истра, как рассказывает Каллистрат в третьей книге... эту страну-де заселили саторхеи» (Steph. Byz. s. v.). Локализация Геродотом рва «слепых» от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера (Herod. IV. 3) обычно приводит исследователей в район Ак-Монайского перешейка (Ольховский 1981. С. 62–63; Масленников 2003. С. 8–36). Однако следует заметить, что под горами могли подразумеваться не только отроги Крымских гор в районе Феодосии, но и естественное их продолжение в виде Парпачского хребта и ряда горных холмов, самым высоким из которых является гора Опук (183,7 м) с городищем Киммерик (Голенко 2006. С. 10–11), которыми и заканчивалась стена Асандра (Зубарев 2005. С. 451). Поэтому гипотеза Н.И. Сокольского о том, что ров «слепых» – это Узунларская линия, выглядит вполне актуальной и сейчас (Сокольский 1957. С. 91). Таким образом, речь в рассказе Стефана Византийского однозначно идет о Керченском полу-

острове, что может свидетельствовать о локализации здесь и стены Асандра, и области Тафра, и даже территории, на которой проживали сатархи.

Правда, у Геродота, кроме слова «τάφρος» (ров), ничего не говорится ни о городе, ни о стране с таким названием. Пересказывая Геродота, Стефан Византийский (из текста нельзя сделать вывод, что Домитий Каллистрат, на которого ссылается Стефан, упоминает термин «τάφρος»), исходя, видимо, уже из поздней традиции своего времени (VI в.), называет местность, где выкопали ров потомки слепых рабов, страной Тафры. Здесь полностью отсутствует связь с событиями древней легенды. В этой ситуации никаких других выводов, кроме возможного совпадения территории, сделать нельзя.

Тем не менее Л.А. Ельницкий сделал попытку отождествить потомков слепых рабов с тафрями и сатархами (Ельницкий 1961. С. 91). В.С. Ольховский, заметив, что текст источника не дает основания считать, что сатархи изначально заселяли Тафры, подверг сомнению тождество сатархов и тафриев (Ольховский 1981. С. 60). При этом тождество потомков слепых с тафрями он поддержал, хотя у Стефана речь шла только о том, что местность с древними земляными оборонительными укреплениями, про историю возникновения которых рассказывал в свое время Геродот и которую потом заселили сатархи, впоследствии получила название Тафры. А.Н. Щеглов также считал тафриев потомками крымского населения эпохи раннего железа, размещая их ближе к Перекопу, в Северо-Западном Крыму (Щеглов 1966. С. 148). Эти кизил-кобинцы предгорий и степей, по мнению В.С. Ольховского, в VII–VI вв. до н.э. были покорены скифами и позднее, во II в. до н.э., ассимилированы пришлыми сатархами (Ольховский 1981. С. 60, 63). Потомками местного населения Перекопа и Северного Присивашья, ассимилированного скифами, смешавшимися с сатархами, считает тафриев и Е.А. Молев (1986. С. 56). По мнению Ю.М. Десятчикова, когда сатархи во II в. до н.э. заняли область Тафры, они и получили прозвание тафрии, т.е. живущие в тафрах (в укреплениях). Ничего общего с потомками слепых, кроме одного и того же места жительства, они не имели (Десятчиков 1973. С. 135). Версия о названии сатархов тафрями по месту их пребывания рядом с древними рвами получила поддержку и в современной науке (Столба 1993. С. 59; Храпунов 2004. С. 89).

Таким образом, то обстоятельство, что тафрии, скорее всего, являлись жителями укреплений, а также предположительная дата их появления по сообщению Страбона в первую очередь заставляют думать о боспорских военных поселенцах. Следовательно, новые укрепления, возводимые Асандром, должны были, по замыслу царя, охранять именно варвары, находящиеся на царской службе. При этом этнический состав таких

гарнизонов довольно любопытен. Так, жители поселения Полянка, судя по характерной застройке и лепной керамике, оказались родственны позднескифскому населению Центрального Крыма (Масленников 1981. С. 92–93). С этим же населением отождествляется гарнизон небольшого помещения второй половины I в. до н.э., примыкавшего к Узунларскому валу (Масленников 1994. С. 180–182). Напомним, что указанный вал являлся лишь одним из элементов сложной, глубоко эшелонированной системы обороны, защищающей сельскохозяйственные районы Европейского Боспора. При этом собственно боспорские интересы при Асандре распространялись гораздо дальше, чем возведенная им линия укреплений. По словам Страбона, практически весь Крым в это время (после смерти Митридата) оказался под опекой Боспора: «...С тех пор и донныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора. <...> Большой Херсонес и по виду, и по величине похож на Пелопоннес; им владеют боспорские правители, после того как он весь сильно пострадал от непрерывных войн... теперь вся эта страна находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне» (Strabo VII. 4. 3, 5, 7).

Ранее мы утверждали, что тафрии – это эллинизированное варварское население, находящееся на службе у боспорского царя, которое на правах военных поселенцев расселялось Асандром по всем стратегически важным местам создаваемой им сложной фортификационной системы. Из-за того, что выходцы из тавроскифской среды жили в укрепленных поселениях и несли службу по охране оборонительных линий (тафров), они, видимо, и получили наименование тафриев, что и засвидетельствовал Страбон. Позднее это название перешло на город и прилегающую к нему местность. В широком смысле этот термин распространился, по всей видимости, на весь степной Крым. Вот почему у Страбона тафрии – это жители западного побережья Крыма, а у Птолемея город Тафр расположен внутри полуострова. Однако на современный момент данная проблема представляется более сложной. Выходит так, что тафрии, если соотносить с ними материал, происходящий из мест, связанных с термином «тафрос», и мест, где несли службу варварские гарнизоны, являлись не просто полиэтничными выходцами из варварской среды, а исключительно воинами тавроскифами, которых, разумеется, не могло быть много. Это объясняет, почему при относительно большом количестве военно-хозяйственных поселений на Боспоре тафрии упомянуты только один раз. При этом варвары других этносов, находящиеся на боспорской службе, по-видимому, также сохраняли не только самосознание, но и свое наименование. Например, на роль таких варваров, учитывая все вышесказанное, вполне могут претендовать и сатархи.

Далее к западу от боспорских границ в горном и предгорном Крыму жили хорошо известные скифы и тавры (КБН 39. 40), к этому времени уже

слившиеся в единый этнический субстрат, получивший название «тавро-скифы» или «скифотавры» (Соломоник 1962. С. 153–157). Со скифами у боспорских царей еще со II в. до н.э. были установлены династические связи (Виноградов 1980. С. 97; Молев 1994. С. 38; Зайцев 2000. С. 52–54). Памятники же тавров в горах уже отсутствовали, а их потомки входили в число жителей позднескифских поселений (Пуздоровский 1999. С. 213–214; Храпунов 2004. С. 65–66) и даже боспорских городов и поселений (Кастанаян 1981. С. 17). Не случайно Страбон называет их «скифским племенем» (Strabo VII. 4. 4–5). При этом, несмотря на функционирование бывшей столицы Неаполя, политического единства у поздних скифов не было. По словам Плиния, «...от Каркинита начинается Таврика, некогда окруженная морем и сама бывшая морем в тех местах, где теперь лежат равнины. Затем она вздымается большими горными хребтами, в них – 30 народов, из которых 23 внутри этой области, и 6 городов: Оргокины, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Калиорды. Самый хребет занимают скифотавры» (Plin. NH IV. 85). Скорее всего, речь здесь идет о племенных или этнических группах, в свое время подчиненных Скилуrom и объединенных в рамках единой позднескифской государственной структуры (Зубарь 2002. С. 514, примеч. 16). При этом позднескифское оседлое население также сохраняется в интересующее нас время и в Северо-Западном Крыму (Храпунов 2004. С. 111–112), где на побережье Каркинитского залива Страбон размещает тафриев (Strabo VII. 3. 19).

Еще дальше к западу от районов Предгорного Крыма на территории Гераклеийского полуострова располагался античный Херсонес (на берегу современной Карантинной бухты). При этом данный полуостров был не только размежеван на земельные наделы херсонитов, но и в достаточной степени укреплен. Оставаясь демократическим полисом, Херсонес к рубежу эр уже давно потерял Северо-Западный Крым и сильно рассчитывал на помощь постепенно набирающего силу Рима.

К востоку от боспорских границ, проходящих по Таманскому полуострову с крупнейшим городом Фанагорией, к началу римского периода ситуация складывалась следующая. На Азиатском Боспоре в это время жили синды (Strabo XI. 2. 10. 11), обычно локализуемые в районах устья Кубани и примыкающего к нему побережья Понта (Илющенко 2007. С. 223). С ними обычно связывают Таманскую археологическую группу меотских памятников (Каменецкий 1989. С. 226–227). Псевдо-Скилак, Полиэн (Poleaen. VIII. 55) и Дионисий (Dionys. Per. 681) различают синдов и меотов. Страбон (Strabo XI. 2. 10. 11), напротив, относит синдов к меотским племенам. По данным Страбона (Strabo XI. 2. 1. 10), Синдика находилась у моря к югу и юго-востоку от русла реки Антикит (Гипа-

нис), где располагались города Гермонасса, Апатур, Горгиппия и Аборака. Очевидно, что, говоря о Синдике, даже если Синдская гавань не равнозначна Горгиппии и располагалась на месте поселения Старотитаровское 17 (Зубарев 2005. С. 356–366), Страбон имел в виду составную часть Боспорского государства. Данные сведения явно восходят к более раннему источнику (Тохтасьев 2004. С. 163). Синды вместе с соседними торетами, а также с дандариями и песссами еще в IV в. до н.э. были включены в состав Боспорского царства (Блаватский 1964. С. 58).

Вполне вероятно, что границы этой части царства охраняли военные поселенцы – выходцы из различных племен. С ними вполне можно отождествить упоминаемых Страбоном (Strabo XI. 2. 11) и известных по другим источникам (Ptolem. V. 8. 17–25; Herodian. Techn. VII. 180, 2; Tab. Peut. сегмент VIII. 3: Aspurgiani; Steph. Byz. s.v. Ἀσπυρῳαῖοι) аспургиан. Этимология данного слова явно восходит к иранским корням – «мощноконные» (Абаев 1949. С. 157; Десятчиков 1973. С. 143–144; Сапрыкин 1985. С. 67; Пуздровский 1999. С. 210) или же «сильные» (Десятчиков 1973. С. 143; Пуздровский 1999. С. 220). По сведениям Страбона, они жили между Фанагорией и Горгиппией, частично затрагивая территорию Синдики (Блаватский 1964. С. 163). Связанные с ираноязычным именем (Сапрыкин 1985. С. 68) и расселенные Аспургом, возможно, вдоль дороги на Скопел в качестве дружины боспорского царя (Ростовцев 1916. С. 16), аспургиане занимались земледелием, ремеслом и военным делом, обеспечивая охрану юго-восточной границы Боспорского царства. Не исключено, что они обладали статусом военных поселенцев (Сапрыкин 1985. С. 65–78; Зубарев 2005. С. 372). Правда, вышеупомянутые античные авторы настойчиво называют аспургиан племенем. Однако это, по нашему мнению, не должно вызывать сомнений в их служилом статусе (Молев 2010. С. 273), т.к. в рамках организации военно-хозяйственных поселений, известных еще при Митридате VI Евпаторе, расселенные на царских землях варвары обладали автономией. Более того, судя по надписям (КБН 36. 1246. 1248), аспургиане занимали отдельный территориальный округ на Азиатском Боспоре во главе со своим наместником. Указанные надписи, конечно, поздние, но вряд ли ситуация во времена Аспурга сильно отличалась от последующих веков, учитывая высокую степень консолидации этих варваров, легко убивших царя Полемона (Гайдукевич 1949. С. 222, 316–317; Блаватский 1964. С. 132). Хорошо организованные и жившие, по-видимому, в крепостях или усадьбах, аспургиане вполне заслуживали определения как народа или племени, даже несмотря на вероятное смешение и неизбежную эллинизацию. В пользу такого вывода свидетельствует отсутствие аспургиан в царской титулатуре Аспурга среди практически полного списка подвластных и

союзных племен синдов, меотов, тарпитов, торетов, псессов, танаитов, скифов и тавров (КБН 39. 40) (Сапрыкин 2002. С. 212–219). К тому же наличие сарматской тамги у Аспурга не позволяет считать аспургиан меотским племенем (Латышев 1909. С. 104; Молев 2010. С. 273).

Тем не менее, для решения данной проблемы необходимо также учитывать и то обстоятельство, что аспургиане, о которых идет речь, это только часть крупного объединения варваров, перешедшая на службу боспорским царям. Ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, что аспургиане были неразрывно связаны с племенным миром меото-сарматского населения Кубани (Медведев 2015. С. 273). Напомним, что в это время здесь особо выделяются богатые сарматские курганные могильники зубовско-воздвиженской группы, возникшие примерно во второй половине I в. до н.э. и по ряду черт отличающиеся от среднесарматских сиракских комплексов Прикубанья. Обычно их отождествляют с сираками (Смирнов 1952. С. 14–15), меотами (Абрамова 2000. С. 123–128) или даже с аланами, учитывая наличие здесь ярко выраженных центральноазиатских элементов культуры (Раев, Яценко 1993. С. 111–125). При этом если с аспургианами связывать обнаруженные на некрополях античных поселений и Цемдолинском могильнике погребения тяжеловооруженных воинов с мечами и копьями, сопровождаемых конями, а также отдельные захоронения коней, то придется согласиться с утверждением М.И. Ростовцева, что аспургиан вывел с берегов Азовского моря или глубин Сарматии именно Аспург (Ростовцев 1916. С. 16). Ведь, судя по археологическим данным Восточного некрополя Фанагории и других античных некрополей, указанные захоронения, традиция которых уходит своими корнями в древности меотского или меото-сарматского круга, появляются на Боспоре только с рубежа эр (Медведев 2015а. С. 66–68). Хотя, как уже говорилось выше, аспургиане, по-видимому, являлись главной опорой еще Асандра в его борьбе за власть.

Далее к северо-востоку на территории, прилегающей к побережью Меотиды, Страбон (Strabo I. 14; XI. 2. 1. 4. 11) размещает меотов, что находит свое отражение и у других авторов (Mela I. 14. 114; Plin. NH IV. 26; VI. 7), а южнее – ахеев, зихов, гениохов, керкетов и макропогонов (Strabo XI. 2. 1). Правда, размещая меотов на «побережье», Страбон (Strabo XI. 2, 4) тем не менее утверждает, что берег здесь «пустынен» (Strabo VII. 4. 5). Подробно эту проблему недавно исследовал И.С. Каменецкий (2011. С. 158–162). Плиний, правда, в другом месте, на побережье Меотиды, «начиная от Киммерия» и до Танаиса, размещает меотиков, галлов, сернов, серреев, скизов и гниссов (Plin. NH VI. 19). Кроме меотиков, указанные племена не встречаются более ни у одного автора (Каменецкий 2011. С. 169–170). В этой связи наиболее распространенным является мнение,

что название «меоты» было собирательным относительно племен, населявших восточное побережье Меотиды, а также области вокруг устья р. Гипанис (Доватур, Каллистов, Шишова 1982. С. 376–377; Илющенко 2007. С. 221). Так, Евстафий Солунский в комментариях к поэме Дионисия Перизгета «Описание ойкумены» утверждал, что возле Меотиды живут меоты, «получившие, стало быть, имя от Меотиды или, пожалуй, от которых Меотийское озеро получило название» (Eust. Ad Dion. Per. 652). По словам же самого Страбона, «к числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и многие другие. К ним же относятся и аспургианы...» (Strabo XI. 2. 11). Помимо этнической идентификации синдов у античных авторов, о чем говорилось выше, Полиэн (Polyaen. VIII. 55) и Деметрий из Скепсиса к меотам отнесли еще и яксаматов, которых Эфор (Тохтасьев 2004. С. 167) считал савроматским народом. Однако в боспорских надписях меотам противопоставляются синды, тореты, доски, тарпеты (КБН 10. 11. 25. 971. 972. 1015. 1039. 1040), которые у Страбона названы меотами. Таким образом, очевидно, что древние авторы подразумевали под меотами различные племена, живущие как у Меотиды, преимущественно по ее юго-восточному побережью (Тохтасьев 2004. С. 167), так и вглубь материка (Каменецкий 2011. С. 155–198). Таким образом, доказать обратное, что меоты являлись единым этносом, например, предками адыгейцев (Лавров 1978. С. 38), чрезвычайно сложно. При этом некоторые меотские термины объясняются с иранского (Абаев 1949. С. 37, 162, 163; Лавров 1978. С. 39) или даже с индоиранского (Трубачев 1997. С. 192–196), но этого явно не хватает для признания меотов особым этносом.

Попытки определить места расселения меотов предпринимались В.В. Латышевым (1906. Карта), В.П. Шиловым (1950. С. 102–123), И.С. Каменецким (1989. С. 226–227). Главной проблемой здесь выступают как недостаточная изученность археологических памятников этого района Северного Причерноморья, так и сложность интерпретирования письменных свидетельств. В свое время фатей (Mela I. 19; Plin. NH VI. 17; Ptolem. V. 8. 12. 17–25; Chron. Alex. 186) и псессы (Plin. NH VI. 7; Ptolem. V. 8. 12; 9. 17; Herodian. Techn. VIII. 208. 10; Tab. Peut. сегмент VIII. 3) размещались, по В.В. Латышеву, между реками Еей и Челбасы, где, как впоследствии оказалось, отсутствуют меотские памятники. В.В. Шилов, отказавшись от такого варианта, локализовал эти племена на Кубани, там, где действительно находятся меотские городища (Каменецкий 1989. С. 227). На основе археологических источников здесь выделяется особый позднемеотский период (вторая половина I в. н.э. – III в. н.э.). Помимо густой сети городищ в бассейне р. Кубани (Краснодарская,

Усть-Лабинская, Ладожская и ряд более восточных групп), еще две группы памятников располагаются в районах устья р. Кирпили и Танаиса (Каменецкий 1989. С. 240–248). Заманчиво связать некоторые упоминаемые в письменных источниках племена Меотиды с этими древностями. В.П. Шилов предложил, например, поместить досхов в дельтах рек Кирпили и Протоки, а между досхами и Кубанью – дандариев (Каменецкий 1989. С. 227). Заметим, что степень обоснования любых подобных локализаций не может быть признана достаточно аргументированной. К тому же в первые века нашей эры происходила некоторая этнокультурная ассимиляция меотов с сарматами (Каменецкий 1989. С. 234–238), хотя о формировании какой-то единой сармато-меотской культуры речь, конечно, идти не может (Шевченко 2013. С. 69). Все это не позволяет с надежностью отождествить данные племена с конкретными археологическими памятниками. Не следует также забывать, что в одних источниках диафеса племен связана с периплом, что означает локализацию этих племен на побережье, а в других – с перизгезой, где фигурировали племена из глубинных районов материка (Зубарев 2005. С. 365–366). При этом многие племена попали в сочинения авторов из более древней письменной традиции, тем самым исказив этническую картину современной автору эпохи.

Сложности подобной локализации видны на следующем примере. Городища на р. Кирпили, в отличие от размещения здесь В.П. Шиловым досхов, И.С. Каменецкий связывает с язаматами, которые, по его мнению, пришли сюда еще в начале III в. до н.э. с побережья Черного моря, а в начале I в. н.э. покинули свои дома, переселившись на Дон (Каменецкий 1971. С. 165–170; 2011. С. 335; Зубарев 2005. С. 239–241). Однако, по уточненным данным, указанные городища возникли только в начале I в. до н.э., что делает невозможным их отождествление с язаматами. В любом случае все они к I в. н.э. пришли в упадок, и люди стали массово покидать свои дома, возможно, действительно переселяясь на Дон (Шевченко 2013. С. 46, 69–71). Любопытно, но именно с конца I в. до н.э., и особенно рубежа нашей эры, вокруг дельты Дона возникает ряд укрепленных поселений, носивших ярко выраженный туземный характер (Капошина 1962. С. 100; Кругликова 1974. С. 182; Каменецкий 1993. С. 5–6, 12–14, 145–153). Не исключено, что это были обычные военно-хозяйственные поселения, в которых жило эллинизированное варварское население, находившееся на службе у боспорского царя. Трудно сказать, с ними или все же с кочевыми ордами необходимо связывать появившихся здесь загадочных танаитов. Дело в том, что данный регион с I в. н.э. был затронут сложным процессом формирования на просторах Евразии среднесарматской культуры, поэтому танаиты вполне могли

иметь прямое отношение к указанным кочевникам. Сам данный этноним, конечно, мало чем может помочь в этнической идентификации этих варваров, так как он, безусловно, имеет географическую основу, ведь, например, и расположенный рядом боспорский город в устье Танаиса также носил название Танаис. Впервые танаиты появляются в титулатуре Аспурга (КБН 39. 40), позднее Птолемей упоминает их вместе с офлонами в районе Танаиса (Ptolem. III. 5. 10). Существует еще достаточно неясное сообщение Плиния: «...сюда вторглись скифские племена авхетов, атернеев и ассампатов и истребили поголовно танаитов и инапеев» (Plin. NH VI. 22), свидетельствующее о том, что этот народ серьезно пострадал в междоусобной войне. У Страбона танаиты действительно отсутствуют, хотя он был весьма хорошо осведомлен о расселении племен в Северном Причерноморье (Завойкина 2004. С. 169–170). Не исключено, что танаиты являлись союзным боспорскому царю племенем и, хотя не несли военную службу, как, например, аспургиане, также могли серьезно пострадать во время разгрома Танаиса Полемоном (Strabo XI. 2. 3). При этом мы разделяем точку зрения Н.В. Завойкиной об отсутствии связи между указанными танаитами с более поздней городской общиной танаитов – выходцев из сарматской среды (Завойкина 2004. С. 169–171).

Что же касается иксибатов-язаматов, то они вполне могли являться одним из сарматских племен раннесарматской культуры (Виноградов 1963. С. 114, 145; Смирнов 1971. С. 191–196; Максименко 1983. С. 16), мигрирующим еще в IV в. до н.э. в район Подонья (Максименко 2004. С. 136–137). Тогда название сарматского племени языгов может являться производным от более ранней формы язаматов-яксамагов (Смирнов 1971. С. 191–196). Т.е. можно предположить, что к началу нашей эры какая-то часть именно этих племен откочевала в степи за Днепр, где и стала известна под именем языгов. Двухкратное переселение язаматов, которых И.С. Каменецкий считал меотами, не находит подтверждения в источниках (Виноградов 1974. С. 153–159). По свидетельству Псевдо-Скимна, после сарматов, живущих на Танаисе, располагалось (со ссылкой на Деметрия) меотийское племя язаматов, которое у Эфора (IV в. до н.э.) называлось савроматами. Термин «меоты» употребляется здесь Деметрием явно в географическом контексте (Максименко 2004. С. 137). Помпоний Мела сообщает, что ближе всего к устью реки живут иксиматы (Mela I. 19. 114). Птолемей также помещает их в нижнем течении Танаиса, но в глубине степи (Ptolem. V. 8. 16). Нижнедонские памятники раннесарматской и среднесарматской культур являются хорошим отражением вышеназванных сведений (Смирнов 1989. С. 165–177; Мошкова 1989. С. 177–191). Скорее всего, именно территория Нижнего Дона и являлась местом кочевий этой варварской группы. Во всяком слу-

чае, анализ письменных источников, как уже говорилось выше, не подтверждает их внезапную миграцию с берегов Черного моря (Виноградов 1974. С. 156).

Переходя к характеристике степного пространства Северного Причерноморья на рубеже эр, необходимо отметить следующее. По ту сторону Дуная Страбон помещает гетов (Strabo VII. 3. 8). Кассий Дион, однако, называет живших здесь, по обе стороны Дуная, варваров даками (Cass. Dio. LI. 22. 7). Плиний уточняет, что гетов теперь «римляне называют даками» (Plin. NH IV. 25. 80). Это сильно романизированное фракийское племя (которое обычно отождествляется с липицкой культурой) жило в Дакии и частично в Мунтении (памятники типа Милитарь-Килия) (Магомедов 2000. С. 325; Никитина 2006. С. 49). Именно геты в середине I в. до н.э. разграбили Ольвию – античный город, расположенный на западном берегу Днепро-Бугского лимана, один из важнейших античных центров Северного Причерноморья (Dio Chrys. XXXVI. 4). Отсутствие здесь археологических слоев второй половины I в. до н.э. может означать, что жизнь в Ольвии возродилась только на рубеже эр (Анохин 1989. С. 56; Крапивина 1993. С. 140–141; Крыжицкий и др. 1999. С. 230–233).

Отдельное племя бастарнов (певкинов) Страбон помещает в устье Дуная (Strabo VII. 3. 17). Археологическим отражением пришедших с запада бастарнов считается поянешты-лукашевская культура (Щукин 2005. С. 60). Тацит подтверждает данную информацию: «...певкины, которых некоторые называют бастарнами...» (Tacit. Germ. 46). Один из памятников певкинов Сата-Ноу с керамикой поянешты-лукашевской культуры исследован в Добрудже (Щукин 2005. С. 60). Рядом Страбон помещает спорное племя троглодитов, якобы живших около Каллатия, Том и Истра (Strabo VII. 5. 12). Птолемей уточняет, что рядом с певкинами «ниже устья Певки живут троглодиты» (Ptolem. III. 10. 4). Там же их помещает Аммиан Марцеллин (Amm. Marcell. XXII. 8. 43). По мнению Ю.М. Десятчикова, троглодиты могут быть отождествлены с сатархами (Десятчиков 1973. С. 136–138). Однако данный термин, скорее всего, не является этническим названием. В разные времена его применяли в отношении разных народов (Буданова 2000. С. 378–379).

Выше же певкинов находились бритолаги (Ptolem. III. 10. 7). Забегая немного вперед, скажем, что в дальнейшем наиболее организованной силой Северо-Западного Причерноморья, учитывая монолитность культуры, стали, по-видимому, карпы (этническое определение которых неясно), ко II–III вв. н.э. частично проникшие на Нижний Дунай (Ptolem. III. 5. 10; 10. 13; Dexipp. Fr. 13) и сопоставляемые обычно с культурой Поянешты-Вуртешкой между Карпатами и Прутом (Магомедов 2000. С. 325; Щукин 2005. С. 131).

В междуречье Дуная и Днепра Страбоном локализованы языги, урги, царские сарматы и бастарны, а между Днепром и Доном роксоланы (Strabo VII. 3. 17). Попытка отождествить ургов Страбона с более поздними уругундами, живущими на Истре (Zosim. I. 27. 1; 31. 1), с локализацией их на Днестре, не совсем удачна (Рыбаков 1950. С. 16). Существует и мнение Л.А. Ельницкого, предположившего, что урги – это испорченные георги, высказанное им в примечаниях к переводам В.В. Латышева, С.В. Мирошникова, П.И. Прозорова текста Страбона (Ельницкий 1947. С. 200). Здесь же в устье Тираса (Днестра) находился античный город Тира, обладавший небольшой земледельческой хорой с зависимым оседлым населением. Выше по Нижнему Днепру находилась целая сеть городищ предположительно позднескифского или даже эллинского населения (Гаврилюк, Крапивина 2007. С. 52–65). Считается, что Северо-Западное Причерноморье входило в зону влияния гетов и бастарнов. Видимо, неслучайно на карте Агриппы граница между Сарматией и Дакией проходит по Днепру (Глебов 2001. С. 198). Возможно, это доказывает этноним «тирагеты», судя по наименованию, имеющий привязку к Днестру (Strabo II. 5. 12. 30; VII. 1. 1; 3. 1; 14. 17; Plin. NH IV. 26; Ptolem. III. 5. 11; 10. 7). Во всяком случае, только после разгрома Марком Крассом в 29–27 гг. до н.э. гето-бастарнов сарматы (язаматы, ставшие языгами) стали переходить через Днепр в степи Северо-Западного Причерноморья (Глебов 2001. С. 198; Симоненко 1981. С. 66–68). С этого времени набеги сарматов на римские провинции на Дунае становятся регулярными (Глебов 2001. С. 198).

Далее к востоку в степной зоне между Меотидой и Каспием кочевали набианы, панксаны, сираки и аорсы. Причем нижние аорсы занимали земли по Танаису, а верхние – на Каспийском побережье (Strabo XI. 5. 7–8). Судя по всему, территория, контролируемая аорсами и сираками, не достигала Кавказских гор – между ними и предгорьями располагались набианы и панксаны (Каменецкий 2011. С. 163). Сираки же, по-видимому, находились в районах Прикубанья и Предкавказья. Река Ахардей, на которой локализованы Страбоном сираки, большинством исследователей отождествляется с Манычем, его левым притоком Егорлыком (Смирнов 1950. С. 105; Виноградов 1963. С. 142; Виноградов 1965. С. 33–45; Шилов 1983. С. 82–93) или же с Кубанью (Ростовцев 1918. С. 128; Каменецкий 1965. С. 5, 10–12; Гаглойти 1968. С. 24). К.Ф. Смирнов расселяет сираков на северокавказских равнинах от Кубани до Маныча (Смирнов 1950. С. 106); В.П. Шилов – на просторах приазовских и в глубинных районах предкавказских степей (Шилов 1983. С. 42, 43); В.Б. Виноградов – на всей территории Центрального и Северо-Восточного Предкавказья (Виноградов 1963. С. 142); Д.А. Мачинский, наоборот, отводит сиракам степи к северу от Кубани (Мачинский 1974. С. 128).

Любопытно, что у Помпония Мелы сираки действительно локализируются где-то на восточном побережье Меотиды (Mela I. 114), но некие аорсы, которых обычно помещают в Придонье к востоку от Маныча (Мошкова 1989а. С. 156–157; Мачинский 1974. С. 131), оказываются уже в устье р. Букес (Зубарев 2005. С. 269), впадающей в Меотиду (Mela I. 114), т.е. на территории Крыма, на западной границе Боспорского царства. Это объясняет странности римско-боспорской войны 49 г. н.э., когда аорсы, вместе с войском Котиса выступив против Митридата и сираков (Tacit. Ann. XII. 15–16), похоже, действительно переправились на азиатскую часть Боспора из Крыма (Скрипкин 1996. С. 166; Глебов 2001. С. 197). В Кавказском же предгорье Страбон поместил «неких троглодитов», а также хамекитов, многоедов и исадигов (Strabo XI. 5. 7). Плиний же размещает «вокруг Меотийского озера до Керавнских гор следующие племена: по берегу живут напры, выше их по вершинам гор – эсседоны, владения которых простираются до колхов. <...> Затем камаки, ораны, автаки, мазамаки, кантиокапты, агаматы, пики, римосолы, акаскомарки» (Plin. NH VI. 20–21). Противоречивость данных этой этнокарты недавно была подробно рассмотрена И.С. Каменецким (2011. С. 170–171).

Археологические источники в целом подтверждают данную картину расселения племен и народов в степной зоне Северного Причерноморья в начале римского времени. При этом отметим, что после зафиксированных немногочисленных сарматских погребений II–I вв. до н.э. в районах между Днепром и Доном (Симоненко 2000. С. 159–160), в степях Крыма (Симоненко 1991. С. 17–28) и в Северо-Западном Причерноморье (Дзиговский 2003. С. 69–73; Шукин 2005. С. 197; Савельев 2005. С. 331) археологическая ситуация в регионе начинает меняться. Число сарматских памятников второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. к западу от Днестра возрастает (Дзиговский 2003. С. 81–82; Шукин 2005. С. 62), на левобережье Кубани во второй половине I в. до н.э. появляются курганные могильники зубовско-воздвиженской группы сарматских памятников, по ряду черт отличающихся от среднесарматских сиракских комплексов Прикубанья. Главной особенностью здесь было то, что погребения зубовско-воздвиженской группы в основной своей массе являлись не впускными, как захоронения сираков, а основными в курганах (Абрамова 2000. С. 126–127). В самих же погребениях указанной группы отмечены ярко выраженные центральноазиатские элементы культуры (Раев, Яценко 1993. С. 112). Сложность этнической интерпретации этих памятников стала причиной отождествления их не только с сираками (Смирнов 1952. С. 14–15; Пуздровский 2001. С. 104) или с меотами (Абрамова 2000. С. 123–128), но и с подошедшими с востока аланами (Раев, Яценко 1993. С. 111–125). Сейчас уже трудно отрицать огромную роль миграций

из глубин Азии как в становлении среднесарматской культуры, так и в появлении многих инноваций в культуре сарматов I в. н.э. (Скрипкин 1982. С. 206–222). В пользу этой концепции свидетельствуют и запустение к рубежу эр южноуральских степей по причине аридизации (Демкин, Рысков 1995. С. 135–138), и смещение центра формирования среднесарматской культуры в сторону Нижнего Дона (Сергацков 2002. С. 18). Однако данный процесс нельзя упрощать, ведь, судя по всему, пришельцы постоянно смешивались здесь с какой-то частью сираков (Савельев 2005. С. 57) и, возможно, аорсов (Скрипкин 1984. С. 115; Щукин 2005. С. 62), что приводило к неизбежной трансформации культурной среды.

Итак, очевидно, что после смерти правителя гетов Бурбисты в регионе стала постепенно стабилизироваться военно-политическая обстановка. Некоторое время здесь отсутствовали крупные катаклизмы, масштабные войны и массовые передвижки племен. Все это, безусловно, способствовало почти беспрепятственному выходу Римской империи на просторы Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. [*Abayev V.I.* Osetinskiy yazyk i fol'klor (Ossetian Language and Folklore). Moscow; Leningrad, 1949.]
- Абаев В.И.* Геродотовские scythai georgoi // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 74–76. [*Abayev V.I.* Gerodotovskkiye scythai georgoi (Herodotus' scythai georgoi) // Voprosy yazykoznaneya. 1981. N 2. S. 74–76.]
- Абрамова М.П.* О погребениях зубовско-воздвиженской группы: Историографический обзор // Нижнее-волжский археологический Вестник. 2000. Вып. 3. С. 123–128. [*Abramova M.P.* O pogrebeniyakh zubovsko-vozdvizhenskoj grupy: Istoriograficheskiy obzor (On the burials of the Zubov-Vozdvizhenskaya group: Historiographic review) // Nizhneye-volzhskiy arkhеologicheskiy Vestnik. 2000. Vyp. 3. S. 123–128.]
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. [*Anokhin V.A.* Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Coins of ancient cities of the North-Western Black Sea region). Kiev, 1989.]
- Артамонов М.И.* Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. 1948. № 8. С. 56–78. [*Artamonov M.I.* Skifskoye tsarstvo v Krymu (Scythian Kingdom in the Crimea) // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1948. N 8. S. 56–78.]
- Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в ан-

- тичную эпоху. М., 1959. С. 7–39. [*Blavatskiy V.D.* Protsess istoricheskogo razvitiya antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya (Historical Development of the Ancient States of the Northern Black Sea Region) // Problemy istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu. Moscow, 1959. S. 7–39.]
- Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. [*Budanova V.P.* Varvarskiy mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov (The Barbarian World of the Great Migration). Moscow, 2000.]
- Виноградов Ю.Г.* Перстень царя Скила // СА. 1980. № 3. С. 92–109. [*Vinogradov Yu.G.* Persten' tsarya Skila (The King Skyles ring) // Sovetskaya arkheologiya. 1980. N 3. S. 92–109.]
- Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-та. Грозный, 1963. Т. IV. [*Vinogradov V.B.* Sarmaty Severo-Vostochnogo Kavkaza (The Sarmatians of the northeastern Caucasus) // Trudy Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Groznyy, 1963. T. IV.]
- Виноградов В.Б.* Еще раз о язаматах // ВДИ. 1974. № 1. С. 153–159. [*Vinogradov V.B.* Yeshche raz o yazamatakh (Once more of the yazamates) // Vestnik drevney istorii. 1974. N 1. S. 153–159.]
- Виноградов В.Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 33–45. [*Vinogradov V.B.* Sirakskiy soyuz plemen na Severnom Kavkaze (Sirak tribal confederation in the North Caucasus) // Sovetskaya arkheologiya. 1965. N 1. S. 33–45.]
- Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В.* Постскифские городища Нижнего Поднепровья и Ольвия // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Supplementum. Симферополь, 2007. Вып. 4. С. 52–65. [*Gavriilyuk N.A., Krapivina V.V.* Postskifskiye gorodishcha Nizhnego Podneprov'ya i Olviya (Post-Scythian settlements of the Lower Dnieper and Olbia) // Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya v antichnoye vremya. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum. Simferopol, 2007. Вып. 4. S. 52–65.]
- Гаглойти Ю.С.* К истории северокавказских аорсов и сираков // Известия Юго-Осетинского науч.-исслед. ин-та АН ГрССР. Цхинвали, 1968. Вып. XV. С. 23–39. [*Gagloyti Yu.S.* K istorii severokavkazskikh aorsov i sirakov (On the history of the North Caucasian Aorses and Sirakes) // Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta AN Grusinskoy SSR. Tskhinvali, 1968. Вып. XV. S. 23–39.]
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. [*Gaydukevich V.F.* Bosporskoye tsarstvo (Bosporan kingdom). Moscow; Leningrad, 1949.]
- Глебов В.П.* Сарматы и Боспор на рубеже эр // Боспорский феномен. 2001. Ч. 2. С. 194–201. [*Glebov V.P.* Sarmaty i Bospor na rubezhe er (Sarmatians and Bosporus at the turn of the eras) // Bosporskiy fenomen. 2001. Ch. 2. S. 194–201.]

- Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006. [Golenko V.K. Drevniy Kimmerik i yego okruga (Ancient Kimmerik and its environs). Simferopol, 2006.]
- Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. [Grakov B.N. Skify (Scythians). Moscow, 1971.]
- Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 1988. С. 6–175. [Gratsianskaya L.I. «Geografiya» Strabona. Problemy istochnikovedeniya (Geography of Strabo. Problems of source studies) // Drevneyshiy gosudarstva na territorii SSSR. 1986 g. Moscow, 1988. S. 6–175.]
- Грацианская Л.И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 г. М., 1976. С. 6–20. [Gratsianskaya L.I. Mesto politicheskoy istorii Bospora v «Geografii» Strabona (The place of the political history of the Bosphorus in the “Geography” of Strabo) // Drevneyshiy gosudarstva na territorii SSSR. 1975 g. Moscow, 1976. S. 6–20.]
- Демкин В.А., Рысков Я.Г. Почвы и ландшафты сухих степей Приуралья во II–I тысячелетиях до нашей эры // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала: Ч. V. Кн. 2: Материалы 3-й Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Челябинск, 1995. С. 135–138. [Demkin V.A., Ryskov Ya.G. Pochvy i landshafty sukhikh stepey Priural'ya vo II–I tysyacheletiyakh do nashey ery (Soils and landscapes of the dry steppes of the Urals in the 2nd–1st millennium BC) // Kul'tury drevnikh narodov stepnoy Yevrazii i fenomen protogorodskoy tsivilizatsii Yuzhnogo Urala: Ch. V. Kn. 2: Materialy 3-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeystviya». Chelyabinsk, 1995. S. 135–138.]
- Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144. [Desyatchikov Yu.M. Satarkhi (Satharchi) // Vestnik drevney istorii. 1973. N 1. S. 131–144.]
- Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. [Dzigovskiy A.N. Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel' (Essays on the history of the Sarmatians of the Carpatho-Dnieper lands). Odessa, 2003.]
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. [Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. Narody nashey strany v «Istorii» Gerodota (The peoples of our country in the Herodotus' “Histories”). Moscow, 1982.]
- Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. [Yel'nikiy L.A. Znaniya drevnikh o severnykh stranakh (Knowledge of the ancients about the northern countries). Moscow, 1961.]
- Завойкина Н.В. Таваεῖται в истории Боспорского царства // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 163–197. [Zavoykina N.V. Tavaεῖται v istorii Bosporskogo tsarstva (Таваεῖται

- in the history of the Bosporan kingdom) // *Drevnosti Bospora*. 2004. Вып. 7. S. 163–197.]
- Зайцев Ю.П.* Аргот – супруг царицы Комосарии (К реконструкции династийной истории Боспора и Крымской Скифии) // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). Таманская старина*. СПб., 2000. Вып. 3. С. 52–54. [*Zaytsev Yu.P.* Argot – suprug tsaritsy Komosarii (K rekonstruktsii dinastiynoy istorii Bospora i Krymskoy Skifii) (Argoth – consort of the queen Komosaria (To the reconstruction of the dynastic history of the Bosphorus and Crimean Scythia)) // *Greki i varvary na Bospore Kimmeriyskom (VII–I vv. do n.e.). Tamanskaya starina*. St-Petersburg, 2000. Вып. 3. S. 52–54.]
- Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. [*Zubarev V.G.* Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii (Historical geography of the Northern Black Sea region according to the ancient written tradition). Moscow, 2005.]
- Зубарев В.Г.* К вопросу о локализации местности «Тафрос» (античная традиция и данные археологии) // БФ. 2005. С. 40–41. [*Zubarev V.G.* K voprosu o lokalizatsii mestnosti «Tafros» (antichnaya traditsiya i dannyye arkeologii) (On the issue of localization of the area “Taphros” (ancient tradition and archeological data)) // *Bosporskiy fenomen*. 2005. S. 40–41.] (a)
- Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. [*Zubar' V.M.* Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voyenno-politicheskoy istorii (Chersonesus Taurica and the Roman Empire. Essays on military-political history). Kiev, 1994.]
- Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998. [*Zubar' V.M.* Severnyy Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n.e. – pervaya polovina VI v.) (Northern Pontus and the Roman Empire (mid-1st century BC – first half of the 6th century)). Kiev, 1998.]
- Зубарь В.М.* Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 501–520. [*Zubar' V.M.* Yeshche raz po povodu pozdneskifskoy gosudarstvennosti (Once again about the late Scythian statehood) // *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*. 2002. Вып. IX. S. 501–520.]
- Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху: Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Supplementum. Симферополь, 2007. Вып. 3. [*Zubar' V.M., Son N.A.* Severo-Zapadnoye Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu: Osnovnyye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (The North-Western Black Sea region in Antiquity: Main trends in socio-economic development) // *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*. Supplementum. Simferopol, 2007. Вып. 3.]

- Глюшечкина Е.В.* Племена Меотиды в позднеэпической традиции: Дионисий Периегет // БФ. 2007. Ч. II. С. 220–227. [*Ilyushechkina Ye.V.* Plemena Meotidy v pozdneepicheskoy traditsii: Dionisiy Perieget (Tribes of Meotis in the Late Epic Tradition: Dionysius Periegetes) // *Vosporskiy fenomen*. 2007. Ch. II. S. 220–227.]
- Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981. [*Kadeyev V.I.* Khersones Tavricheskii v pervyye veka n.e. (Chersonesus Taurica in the first centuries AD). Khar'kov, 1981.]
- Каменецкий И.С.* Ахардей и сираки // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 5–12. [*Kamenetskiy I.S.* Akhardey i siraki (Akhardeus and Sirakes) // *Materialy sessii, posvyashchennoy itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1964 g. v SSSR*. Baku, 1965. S. 5–12.]
- Каменецкий И.С.* О язаматах // Проблемы скифской археологии / МИА. 1971. № 177. С. 165–170. [*Kamenetskiy I.S.* O yazamatakh (About Iazamates) // *Problemy skifskoy arkheologii* / *Materal'y i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1971. N 177. S. 165–170.]
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224–251. [*Kamenetskiy I.S.* Meoty i drugiye plemena severo-zapadnogo Kavkaza v VII v. do n.e. – III v. n.e. (Meotai and other tribes of the northwestern Caucasus) // *Stepi Yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moscow, 1989. S. 224–251.]
- Каменецкий И.С.* История изучения меотов. М., 2011. [*Kamenetskiy I.S.* Istoriya izucheniya meotov (History of the Meotian study). Moscow, 2011.]
- Капошина С.И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962. С. 95–112. [*Kaposhina S.I.* Raskopki Kobyakova gorodishcha i yego nekropolya (Excavations of the Kobyakov settlement and its necropolis) // *Arkheologicheskiye raskopki na Donu*. Rostov-na-Donu, 1962. S. 95–112.]
- Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981. [*Kastanayan Ye.G.* Lepnaya keramika Vosporskikh gorodov (Moulded ceramics of the Bosporan cities). Leningrad, 1981.]
- Катюшин А.Е.* Курганный могильник I в. до н.э. – II в. н.э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 21–31. [*Katyushin A.Ye.* Kurgannyy mogil'nik I v. do n.e. – II v. n.e. v okrestnostyakh Feodosii (Burial mound of the 1st century BC. – II century AD near Feodosia) // *Materal'y po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. 1996. Vyp. V. S. 21–31.]
- Колтухов С.Г.* О Крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М., 2001. С. 59–70. [*Koltukhov S.G.*

- О Krymskikh kurganakh s «kollektivnymi pogrebeniyami» (Crimean mounds with “collective burials”) // Pozdniye skify Kryma. Trudy GIM. Moscow, 2001. S. 59–70.]
- Корчелла А.* Скифы ἀροτῆρες и скифы γεωργοί // ВДИ. 1994. № 1. С. 82–89. [Korchella A. Skify ἀροτῆρες i skify γεωργοί (Scythians ἀροτῆρες and Scythians γεωργοί) // Vestnik drevney istorii. 1994. N 1. S. 82–89.]
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. [*Krapivina V.V.* Ol’viya. Material’naya kul’tura I–IV vv. n.e. (Olvia. Material culture 1st–4th centuries. AD). Kiev, 1993.]
- Кругликова И.Т.* Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Ч. II. С. 173–193. [*Kruglikova I.T.* Raboty Sukho-Chaltyrskogo otryada Nizhne-Donskoy ekspeditsii (Works of the Sukho-Chaltyr detachment of the Lower-Don expedition) // Arkheologicheskiye pamyatniki Nizhnego Podon’ya. Moscow, 1974. Ch. II. S. 173–193.]
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. [*Kryzhitskiy S.D., Rusyayeva A.S., Krapivina V.V., Ley-punskaya N.A., Skrzhinskaya M.V., Anokhin V.A.* Ol’viya. Antichnoye gosudarstvo v Severnom Prichernomor’ye (Olvia. An ancient state in the Northern Black Sea region). Kiev, 1999.]
- Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. [*Lavrov L.I.* Istoriko-etnograficheskiye ocherki Kavkaza (Historical and ethnographic essays of the Caucasus). Leningrad, 1978.]
- Латышев В.В.* Известия греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1904–1906. Т. II. Вып. 1–2. [*Latyshev V.V.* Izvestiya grecheskikh i latinski-kh pisateley o Skifii i Kavkaze (The Greek and Latin writers’ accounts of Scythia and the Caucasus). St-Petersburg, 1904–1906. T. II. Vyp. 1–2.]
- Латышев В.В.* Известия греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. Страбон «География» // ВДИ. 1947. № 4. С. 177–241. [*Latyshev V.V.* Izvestiya grecheskikh i latinskikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Strabon “Geografiya” (The Greek and Latin writers’ accounts of Scythia and the Caucasus. Strabo’s “Geography”) // Vestnik drevney istorii. 1947. N 4. S. 177–241.]
- Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // PONTIKA: Сб. науч. ст. В.В. Латышева. СПб., 1909. С. 60–128. [*Latyshev V.V.* Kratkiy ocherk istorii Bosporskogo tsarstva (Brief outline of the history of the Bosphorus kingdom) // PONTIKA: Sbornik nauchnykh statey V.V. Latysheva. St-Petersburg, 1909. S. 60–128.]
- Магомедов Б.В.* Этнические компоненты черняховской культуры // Stratum plus. 2000. № 4. С. 322–330. [*Magomedov B.V.* Etnicheskiye komponenty chernyak-

hovskoy kul'tury (Ethnic components of the Chernyakhov culture) // Stratum plus. 2000. N 4. S. 322–330.]

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. [Maksimenko V.Ye. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (Savromates and Sarmatians on the Lower Don). Rostov-na-Donu, 1983.]

Максименко В.Е. Проблемы этнической интерпретации нижнедонских памятников скифской эпохи // ВДИ. 2004. № 3. С. 133–143. [Maksimenko V.Ye. Problemy etnicheskoy interpretatsii nizhnedonskikh pamyatnikov skifskoy epokhi (Problems of ethnic interpretation of the Lower Don monuments of the Scythian era) // Vestnik drevney istorii. 2004. N 3. S. 133–143.]

Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003. [Maslennikov A.A. Drevniye zemlyanuye pogranichno-oboronitel'nyye sooruzheniya Vostochnogo Kryma (Ancient earthen border-defensive structures of the Eastern Crimea). Tula, 2003.]

Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. 1995. Вып. 8. [Maslennikov A.A. Kamennyye yashchiki Vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniya Yevropeyskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.) (Stone boxes of the Eastern Crimea (On the history of the rural population of the European Bosphorus in the 6th–1st centuries BC)) // Bosporskiy sbornik. 1995. Vyp. 8.]

Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. [Maslennikov A.A. Naseleniye Bosporskogo gosudarstva v VI–II vv. do n.e. (The population of the Bosphorus state in the 6th–2nd centuries BC). Moscow, 1981.]

Масленников А.А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. 1994. № 4. С. 176–184. [Maslennikov A.A. Raskopki na Uzunlarskom valu (Vostochnyy Krym) (Excavations on the Uzunlar shaft (Eastern Crimea)) // Rossiyskaya arkheologiya. 1994. N 4. S. 176–184.]

Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122–132. [Machinskiy D.A. Nekotoryye problemy etnogeografii vostochnoyevropeyskikh stepey vo II v. do n.e. – I v. n.e. (Some problems of the ethnogeography of the Eastern European steppes in the 2nd century BC – 1st century AD) // Arkheologichskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. 1974. Vyp. 16. S. 122–132.]

Медведев А.П. О погребениях с конями в античном некрополе Фанагории // АМА. 2015. №17. С. 272–288. [Medvedev A.P. O pogrebeniyakh s konyami v antichnom nekropole Fanagorii (About burials with horses in the ancient necropolis of Phanagoria) // Antichnyy mir i arkheologiya. 2015. N 17. S. 272–288.] (a)

Медведев А.П. Об аспурггианах в Фанагории // ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Сб. научн. тр. к 50-лет. проф. Н.Н. Болгова / Под ред. Е.В. Литов-

- ченко. Белгород, 2015. С. 61–70. [*Medvedev A.P.* Ob aspurgianakh v Fanagorii (About Aspurgians in Phanagoria) // IRESIONA. Antichnyy mir i yego naslediyе. Sbornik nauchnykh trudov k 50-letiyu prof. N.N. Bolgova / Ed. Ye.V. Litovchenko. Belgorod, 2015. S. 61–70.] (б)
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. [*Molev Ye.A.* Bospor v period ellinizma (Bosporus during the Hellenistic period). Nizhniy Novgorod, 1994.]
- Молев Е.А.* Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 54–64. [*Molev Ye.A.* Bospor i varvary Severnogo Prichernom'ya nakanune pokhodov Diofanta (Bosporus and the barbarians of the Northern Black Sea region on the eve of the campaigns of Diophantus) // Mezhdunarodnyye otnosheniya v basseyne Chernogo morya v drevnosti i sredniye veka. Rostov-na-Donu, 1986. S. 54–64.]
- Молев Е.А.* Этногеографическая ситуация на Боспоре и у его границ в конце II – первой половине I в. до н.э. // GAUDEAMUS IGITUR: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 268–276. [*Molev Ye.A.* Etnogeograficheskaya situatsiya na Bospore i u yego granits v kontse II – pervoy polovine I v. do n.e. (The ethnogeographical situation in the Bosporus and at its borders at the end of the 2nd – the first half of the 1st centuries BC) // GAUDEAMUS IGITUR: Sbornik statey k 60-letiyu A.V. Podossinova. Moscow, 2010. S. 268–276.]
- Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1989. С. 177–191. [*Moshkova M.G.* Srednesarmatskaya kul'tura (Middle Sarmatian culture) // Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Arkheologiya SSSR). Moscow, 1989. S. 177–191.] (а)
- Мошкова М.Г.* Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1989. С. 202–214. [*Moshkova M.G.* Khozyaystvo, obshchestvennyye otnosheniya, svyazi sarmatov s okruzhayushchim mirom (Economy, social relations, connections of the Sarmatians with the outside world) // Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Arkheologiya SSSR). Moscow, 1989. S. 202–214.] (б)
- Никитина Г.Ф.* Земледелие в черняховской культуре // РА. 2006. № 4. С. 41–49. [*Nikitina G.F.* Zemledeliye v chernyakhovskoy kul'ture (Agriculture in the Chernyakhov culture) // Rossiyskaya arkheologiya. 2006. N. 4. S. 41–49.]
- Ольховский В.С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 52–65. [*Ol'khovskiy V.S.* Naseleniye Kryma po dannym antichnykh avtorov (The population of Crimea according to ancient authors) // Sovetskaya arkheologiya. 1981. N 3. S. 52–65.]

- Пуздровский А.Е.* Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 208–225. [*Puzdrovskiy A.E.* Etnicheskaya istoriya Krymskoy Skifii (II v. do n.e. – III v. n.e.) (Ethnic history of the Crimean Scythia (2nd century BC – 3rd century AD)) // *Khersonesskiy sbornik*. 1999. Vyp. X. S. 208–225.]
- Пуздровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ВДИ. 2001. № 3. С. 86–118. [*Puzdrovskiy A.E.* Politicheskaya istoriya Krymskoy Skifii (II v. do n.e. – III v. n.e.) (Political history of Crimean Scythia (2nd century BC – 3rd century AD)) // *Vestnik drevney istorii*. 2001. N 3. S. 86–118.]
- Раев Б.А., Яценко С.А.* О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти акад. М.И. Ростовцева) / Под ред. М.Ю. Вахтиной. Новочеркасск, 1993. С. 111–125. [*Raev B.A., Yatsenko S.A.* O vremeni pervogo poyavleniya alanov v Yugo-Vostochnoy Yevrope (About the time of the first appearance of the Alans in South-Eastern Europe) // *Skifiya i Bospor* (materialy konferentsii pamyati akad. M.I. Rostovtseva) / Ed. M.Yu. Vakhtina. Novocherkassk, 1993. S. 111–125.]
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. [*Rostovtsev M.I.* Kurgannyye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma (Kurgan finds of the Orenburg region of the era of early and late Hellenism). Petrograd, 1918.]
- Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности: Труды Импер. Моск. археол. об-ва. 1916. Т. 25. С. 1–24. [*Rostovtsev M.I.* Bronzovyy byust bosporskoy tsaritsy i istoriya Bospora v epokhu Avgusta (Bronze bust of the Bosporan queen and the history of the Bosporus in the era of Augustus) // *Drevnosti: Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkhelogicheskogo obshhchestva*. 1916. T. 25. S. 1–24.]
- Рыбаков Б.А.* Уличи (Историко-географические заметки) // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 3–17. [*Rybakov B.A.* Ulichy (Istoriko-geograficheskiye zametki) (The Ulichy (Historical and geographical notes)) // *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury RAN*. 1950. Vyp. XXXV. S. 3–17.]
- Савельев О.К.* Аланы в Северо-Западном Причерноморье (письменные источники и археологические соответствия) // БФ. 2005. С. 330–335. [*Savel'yev O.K.* Alany v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye (pis'mennyye istochniki i arkhelogicheskiye sootvetstviya) (Alans in the North-Western Black Sea region (written sources and archaeological correspondences)) // *Bosporskiy fenomen*. 2005. S. 330–335.] (a)
- Савельев О.К.* О возможных причинах появления аланов в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // Кондаковские чтения I. Белгород, 2005. С. 54–60. [*Savel'yev O.K.* O vozmozhnykh prichinakh poyavleniya alanov v

- Severo-Zapadnom Prichernomor'ye v seredine I v. n.e. (Possible reasons for the appearance of the Alans in the North-Western Black Sea region in the middle of the 1st century AD) // Kondakovskiye chteniya I. Belgorod, 2005. S. 54–60.] (6)
- Сапрыкин С.Ю.* Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. Т. 5. С. 207–223. [*Saprykin S. Yu.* Aspurg, tsar' Bospora (Aspurgus, king of the Bosporus) // *Drevnosti Bospora*. 2002. Т. 5. С. 207–223.]
- Сергацков И.В.* История исследования среднесарматских древностей // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М., 2002. С. 13–21. [*Sergatskov I.V.* Istoriya issledovaniya srednesarmatskikh drevnostey (History of the study of Middle Sarmatian antiquities) // *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. III. *Srednesarmatskaya kul'tura*. Moscow, 2002. S. 13–21.]
- Симоненко А.В.* Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура. Формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 1. С. 158–164. [*Simonenko A.V.* Osobennosti rannesarmatskoy kul'tury Severnogo Prichernomor'ya (Features of the early Sarmatian culture of the Northern Black Sea region) // *Rannesarmatskaya kul'tura*. Formirovaniye, razvitiye, khronologiya. Samara, 2000. Вып. 1. С. 158–164.]
- Симоненко А.В.* Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. № 4. С. 92–103. [*Simonenko A.V.* Pogrebeniye u s. Chisten'koye i «strannyye» komplekсы poslednix vekov do n.e. (Burial near the village of Chistenkoe and “strange” complexes of the last centuries BC) // *Nizhnevolzhiyskiy arkheologicheskiy vestnik*. Volgograd, 2001. N 4. S. 92–103.]
- Симоненко А.В.* Роксолани (Пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28. [*Simonenko A.V.* Roksolani (Poshuk arkheologichnikh vidpovidnostey) (Roksolani (Search for archaeological correspondences)) // *Arkheologiya*. 1991. N 4. S. 17–28.]
- Симоненко А.В.* Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 66–68. [*Simonenko A.V.* Sarmaty v Srednem Podneprov'ye (Sarmatians in the Middle Dnieper) // *Drevnosti Srednego Podneprov'ya*. Kiev, 1981. S. 66–68.]
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия во II–V вв.: Некоторые проблемы исследования // СА. 1982. № 2. С. 43–56. [*Skripkin A.S.* Aziatskaya Sarmatiya vo II–V vv.: Nekotoryye problemy issledovaniya (Asian Sarmatia in the 2nd–5th centuries: Some research problems) // *Sovetskaya arkheologiya*. 1982. N 2. S. 43–56.]
- Скрипкин А.С.* К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 160–169. [*Skripkin A.S.* K voprosu etnicheskoy istorii

sarmatov pervykh vekov nashey ery (Ethnic history of the Sarmatians in the early centuries AD) // Vestnik drevney istorii. 1996. N 1. S. 160–169.]

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. [Skripkin A.S. Nizhneye Povolzh'ye v pervyye veka nashey ery (Lower Volga region in the first centuries AD). Saratov, 1984.]

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 97–114. [Smirnov K.F. Sarmatskiye plemena Severnogo Prikaspiya (Sarmatian tribes of the Northern Caspian Sea region) // Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. 1950. Vyp. XXXIV. S. 97–114.]

Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 3–18. [Smirnov K.F. Osnovnyye puti razvitiya meoto-sarmatskoy kul'tury Srednego Prikuban'ya (The main ways of development of the Meotian-Sarmatian culture of the Middle Kuban region) // Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. 1952. Vyp. 46. S. 3–18.]

Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // МИА. 1971. Вып. 177. С. 191–196. [Smirnov K.F. O nachale proniknoveniya sarmatov v Skifiyu (The beginning of the penetration of the Sarmatians into Scythia) // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 1971. Vyp. 177. S. 191–196.]

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1989. С. 165–177. [Smirnov K.F. Savromatskaya i rannesarmatskaya kul'tury (Sauromatian and early Sarmatian cultures) // Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Arkheologiya SSSR). Moscow, 1989. S. 165–177.]

Сокольский Н.И. Валу в системе обороны Европейского Боспора // СА. 1957. Т. XXVII. С. 91–107. [Sokol'skiy N.I. Valy v sisteme oborony Yevropeyskogo Bospora (Shafts in the European Bosphorus defence system) // Sovetskaya arkheologiya. 1957. T. XXVII. S. 91–107.]

Соломоник Е.И. Про значення терміна «тавроскіфи» // АП. 1962. Вып. XI. С. 153–157. [Solomonik E.I. Pro znachennya termina «tavroskifi» (The meaning of the “Tauro Scythians” term) // Archeologichni pam'yatki URSS. 1962. Vyp. XI. S. 153–157.]

Столба В.Ф. Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н.э. (По данным письменных источников) // ПАВ. 1993. № 6. С. 56–61. [Stolba V.F. Demograficheskaya situatsiya v Krymu v V–II vv. do n.e. (Po dannym pis'mennykh istochnikov) (The demographic situation in the Crimea in the 5th–2nd centuries BC (According to written sources)) // Peterburgskiy arkheologicheskii sbornik. 1993. N 6. S. 56–61.]

- Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180. [*Tokhtas'yev S.R.* Bospor i Sindika v epokhu Levkona I (Obzor novykh epigraficheskikh publikatsiy) (Bosporus and Sindika in the era of Leukon the First (Review of new epigraphic publications)) // *Vestnik drevney istorii*. 2004. N 3. S. 144–180.]
- Трубачев О.Н.* В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. [*Trubachev O.N.* V poiskakh yedinstva: Vzgl'yad filologa na problemu istokov Rusi (In search of unity: A philologist's view of the problem of the origins of Rus). Moscow, 1997.]
- Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. 2004. Вып. VI. [*Khrapunov I.N.* Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke (Ethnic history of Crimea in the early Iron Age) // *Bosporskiye issledovaniya*. 2004. Vyp. VI.]
- Шевченко Н.Ф.* Племена Восточного Приазовья на рубеже эр. Ростов-на-Дону, 2013. [*Shevchenko N.F.* Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe er (The tribes of the eastern Azov region at the turn of the era). Rostov-na-Donu, 2013.]
- Шилов В.П.* О расселении меотских племен // СА. 1950. Т. XIV. С. 102–123. [*Shilov V.P.* O rasselenii meotskikh plemen (Settlement of the Meotian tribes) // *Sovetskaya arkheologiya*. 1950. T. XIV. S. 102–123.]
- Шилов В.П.* Аорсы: Историко-археологический очерк // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 82–93. [*Shilov V.P.* Aorsy: Istoriko-arkheologicheskiy ocherk (Aorsi: Historical and archaeological essay) // *Istoriya i kul'tura sarmatov*. Saratov, 1983. S. 82–93.]
- Щеглов А.Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 146–157. [*Shcheglov A.N.* O naselenii Severo-Zapadnogo Kryma v antichnuyu epokhu (Population of north-western Crimea in the ancient era) // *Vestnik drevney istorii*. 1966. N 4. S. 146–157.]
- Щеглов А.Н.* Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (К проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии. СПб., 1998. С. 141–153. [*Shcheglov A.N.* Yeshche raz o pozdneskifskoy kul'ture v Krymu (K probleme proiskhozhdeniya) (Once more of the Late Scythian culture in Crimea (The problem of origin)) // *Istoriya i kul'tura drevnikh i srednevekovykh obshchestv. Problemy arkheologii*. St-Petersburg, 1998. S. 141–153.]
- Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. [*Shchukin M.B.* Gotskiy put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura) (Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)). St-Petersburg, 2005.]

THE ETHNIC MAP OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION
AT THE TURN OF EPOCHS

The article discusses the complicated theme of the localization of peoples and tribes in the northern Black Sea region at the turn of epochs. The authors use the method of interpretation of ancient authors' information while comparing it with broad archeological data. The research allows to successfully localize particular peoples and numerous tribes of the given time on the ethnic map of the region. The research shows that most tribes and peoples left a bright trace in ethnic history of the northern Black Sea region. However, not all ethnic groups dwelling there at that time found their place in the region's geographical space. Some localizations still belong to scientific uncertainties. This confirms the relevance of the research.

In addition to a thorough analysis of the ancient written tradition, the authors also involve archaeological material to prove the location of the tribes. Thanks to this comprehensive study, it has been established that after the few recorded Sarmatian burials of the II–I centuries BC in the areas between the Dnieper and the Don and in the north-western Black Sea coast, the number of Sarmatian monuments of the second half of the first century B.C – early first century AD to the west of the Dniester increases sharply. Several barrow burial mounds of the Zubo-Vozdvizhensky group of Sarmatian monuments appeared on the left bank of the Kuban River in the second half of the first century BC, which differ in some respects from the Central Sarmatian complexes of the Kuban area. The tombs have pronounced Central Asian cultural elements. In this respect the authors pay special attention to the decay of Southern Ural steppes at the turn of the our era due to aridisation and shift of the center of Middle Sarmatian culture towards the Lower Don. Thus, the study confirms the enormous role of migrations from the depths of Asia in the formation of the Middle Sarmatian culture and in the emergence of many innovations in the Sarmatian culture of the first century AD.

Keywords: the northern Black Sea, the Crimea, antiquity, Barbarians, tribes, ethnoses

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-230-258

Daniela Dueck

ΠΑΝΤΑ ἘΠΕΙ ΑΝΔ ΠΟΝΤΟΣ ἘΠΕΙ – STRABO ON THE BLACK SEA

Building on Strabo's references to the Black Sea in his *Geography*, this article examines the perceived changeability of this region as it is summed up in his work and mainly until Strabo's own age. These changes are considered through three spheres of reference: (1) Geographical – this section offers a discussion of the shape of the sea and its connection to the Mediterranean. The Black Sea was at times conceived as a gulf linked to the surrounding Ocean, at times – as a closed sea, and at times – as a gulf linked to the Mediterranean. All three ideas reflected changes in geographical knowledge and their reflection in Greek sources. (2) Cultural – this section deals with the ethnic character of habitation in the regions surrounding the Black Sea. The change in this sphere of discussion pertains to various ethnicities said to inhabit the region while reflecting in the Greek sources a gradual change from barbarism to Hellenic and then Roman cultures. (3) Conceptual – this section surveys the image of the Black Sea in Greek and Roman myth and literature. It shows how the concept of the region went from marginal to central to marginal again. This image originated in historical reality, but resulted in the unique interpretation of the geopolitical developments within myth and literature. On the whole, this article demonstrates how the Greeks and the Romans perceived the region as at once known and unknown, close and distant, and abandoned and settled. All these perceptions contributed to the dynamic image of this unique environment.

Keywords: Strabo, Black Sea, Argonauts, Greek colonization, Roman Empire

The centre of the Hellenic world was Delphi, the centre of the Roman empire was Rome, and the Mediterranean was the central environmental hub for both Greek and Roman societies. This geopolitical reality and this spatial concept prevailed throughout most of Classical antiquity. The Black Sea, for its part, did not figure as a central region for cultural and political activities. Yet, Hellenic knowledge of the Black Sea region appeared in writing as early as the Homeric and Hesiodic epics¹. And even earlier, Hellenic contacts with the

¹ The Iliad, for instance in 2. 851–857, includes names of tribes and place-names from the south shore of the Black Sea without indicating specifically the sea itself. Odysseus' underworld may hint at the edges

region are attested in archaeological findings and in collective memories preserved in the Greek myths. In the mental map of the early Greeks, the Black Sea was in a constant state of change. This article aims to demonstrate such change in three spheres of reference: geographical, cultural and conceptual.

First, let us consider the name of this large body of water. In Greek texts, it was called *Pontos* (“sea”)² or *Euxeinos Pontos/Pelagos* (“hospitable sea”)³ or simply *Euxeinos* (“hospitable”)⁴. The name “Black Sea” first appeared in the thirteenth century. This name may have been related to earlier notions associating colours with relative directions⁵. In all its designations, it seems that knowledge of the regions surrounding this sea preceded a clear identification of it as a defined geographical unit. This situation originated in a very early time when the region was not yet fully recognized, and, in it, the later “Euxinus” was not seen as a distinct body of water.

The geographical change: from gulf to locked sea to an extension of the Mediterranean

We will begin with the description of the Black Sea in Strabo’s *Geography*. This is a solid point of departure because Strabo incorporated into his first-century CE magnum opus centuries of Greek thought on geography and ethnography. Strabo’s geographical discussions usually begin with the Homeric epics, and this is true also for his description of the Black Sea as we see in the following excerpt:

Those who lived at that time simply thought of the Black Sea as a kind of another ocean and that those who sailed to this place went out similarly as those who advanced outside the pillars [of Heracles]; for they considered it as the largest [sea] of those [seas] in our part of the world, and because of this, they named it specifically “Pontus” (=Sea) for its prominence, as [they named] Homer “Poet” (Strabo 1.2.10)⁶.

Two ideas are highlighted by this passage. First, the Black Sea was considered “a second ocean” and sailing into it was likened to sailing through the

of the *oikoumene* by the Black Sea, on which see Podossinov 2013. Similarly, Hesiod alludes to rivers pouring into the Black Sea, such as the Ister (Danube) and the Phasis (Theog. 339-340), but does not mention the sea.

² Hesychius s.v. Πόντος for the definition, and Hdt. 7.95.2 as an example for the application.

³ For instance, in Pind. Nem. 4.49; Hdt. 1.6.1.

⁴ For instance, in Eur. IT 125; Eur. HF 410. The same variations appear in Latin texts, mainly and frequently in Ovid, for instance *mare Euxinum* in Tr. 4.8.42 or simply *Euxinus* in Tr. 2.197, but also *Pontus* for instance in Cic. Tusc. 1.45; 1.94.

⁵ For this explanation, see Schmitt 1996. Other discussions of possible etymologies of all denominations in Graeco-Roman texts appear in Moorehouse 1940; Allen 1957; Moorehouse 1948; West 2003. P. 156–158. For the sake of clarity, I will use the modern appellation “Black Sea” throughout this article, even in translations of ancient texts.

⁶ All translations of Strabo are mine.

Straits of Gibraltar. Hence, the it was conceived of as being vast and connected to the ocean surrounding the inhabited world, just as the Caspian Sea was considered to be a gulf of the surrounding ocean (Strabo 2.5.18; 11.11.7)⁷. Such depiction may have stemmed from times in which sailors arriving from the Greek or Mediterranean world had not yet reached the far ends of the Black Sea (or the Caspian Sea) and so it seemed to them endless. Second, the idea of the Black Sea's immensity turned it into a generic sea, a concept expressed in its designation as "*The Sea*" (*Pontos*).

As seafaring progressed, geographical knowledge expanded. In his discussion of the formation, shape and nature of the Black Sea, Strabo relies mainly on Strato of Lampsacus (c. 335–269 BCE), who was born in a Greek polis on the eastern side of the Hellespont. Hence, he lived at least part of his life right on the Mediterranean gates to the Black Sea and it is likely that his records were based on his own observations (Desclos and Fortenbaugh 2012). The head of the Lycaeum in Athens, Strato, who was referred to as "Physikos" (Diog. Laert. 5.58) due to his interest in natural science, was clearly influenced by Aristotle.

According to Strato, the formation of the Black Sea was determined by numerous rivers emptying into it. He does not recognize a stage when this sea was a gulf of the ocean but starts his discussion at a phase in which it was a closed sea. Accordingly, the Black Sea "formerly did not have its mouth at Byzantium, but the rivers, which empty into it, forced and created an opening and then the water flowed into the Propontis and the Hellespont" (Strabo 1.3.4). Strato, quoted by Strabo, argued that this process is continual and perpetual so that the entire sea would eventually silt up and become dry land. He identified what he considered to be a parallel process in Egypt: "... the temple of Ammon too was earlier on the sea but, because there was an outflow, it now lies in the hinterland" (Strabo 1.3.4)⁸.

The rivers pouring into the Black Sea thus shifted the interplay between landmass and sea. Following the Homeric commentator Apollodorus of Athens, Strabo remarks that about forty rivers flow into the Black Sea, the most famous of which, he says, are the Ister (modern Danube), Tanaïs (modern Don), Borysthenes (modern Dnieper), Hypanis (modern Bog), Phasis (modern Rion), Thermodon (modern Thermeh), and Halys (modern Kizil-Irmak) (Strabo 7.3.6)⁹. As noted, Strato assumed that this extensive flow of both water and silt caused the breach in the boundaries of the originally closed body of water and would eventually result in the solidification of the entire sea¹⁰.

⁷ On this concept and its link to the identification of the Elysium, see Ivantchik 2017. P. 9–13.

⁸ Strato spent time in Alexandria as a tutor of Ptolemy I and thus became acquainted with the Egyptian environment (Diog. Laert. 5.61).

⁹ On Apollodorus' geography, see Bravo 2009.

¹⁰ This does not happen because there is a constant flow from the Black Sea towards the Mediterranean. For a modern scientific survey of the currents, see Poulos 2020.

Leaving aside such understandings of primordial topographic and hydro-logic processes, we note that, in the early records of the Greeks, the Black Sea was seen as connected to the Mediterranean (see below for the Argonauts). In a somewhat symmetrical view, the Black Sea was presented as one of two gulfs of the Mediterranean which “ends in two sea-like gulfs, the one on the left, which we call the Black Sea, and the other consisting of the Egyptian, the Pamphylian, and the Issican Seas” (Strabo 2.5.18). This depiction reflected a vantage point based on the Greek mainland or at the Aegean Sea, facing the eastern Mediterranean. From this perspective the Black Sea was indeed situated to the left and the other marine zones were in the right-hand side of the eastern end of the Mediterranean. These marine zones included the sea mass facing Pamphylia and Issus in Asia Minor, and Egypt. According to this image, there were two sections in the eastern Mediterranean, here presented as two gulfs, although the Black Sea had a set of narrows leading to its full span.

At a finer-grained conceptual resolution, the Black Sea itself was depicted as a sort of double sea (διθάλαττος τρόπον τινα):

...at about the midpoint two capes protrude, one from Europe and the northern parts, the other from Asia opposite to it, and they connect the mid sailing route and form two large seas. The cape of Europe is called “Criumetopon”¹¹, and the one of Asia, Carambis (Strabo 2.5.22 cf. 7.4.3).

Although the distance between the two promontories is about 250 km – far from being a narrow – this concept depicts the Black Sea as composed of a western (τὸ πρὸς ἑσπέραν πέλαγος) and an eastern sea (τὸ ἔϕον πέλαγος). This idea is most probably based on actual sailing experiences of sailors who mentally separated the western part of the Black Sea, which they encountered first on arrival, from its eastern parts situated beyond the aforementioned imaginary midpoint.

Another issue related to the physiography of the Black Sea was its depth and sea level. Again, Strato of Lampsacus is Strabo’s source for this discussion:

...the bottom of the Black Sea is higher than that of the Propontis and of the sea next after... it is filled up by the mud carried by the rivers and becomes shallow and because of this, it flows outward (Strabo 1.3.5).

Thus, both the sea level and its gradual shallowing contributed to a process of change, impacting the direction of water flow outside the Black Sea and into the Mediterranean. In this description, part of this chain of seas pour-

¹¹ Κριοῦ μέτωπον, meaning “ram’s forehead”, located in the southern tip of the Crimean peninsula. The name derives either from the myth of Phryxus or relates to the shape of the coastline curvature, similarly to the use of the shape of a Scythian bow to describe the shape of the Black Sea, for instance in Strabo 2.5.22; Sallust. Hist. 3.63; Mela 1.102; Plin. NH 4.76; 4.86.

ing into each other was Lake Maeotis (sea of Azov), which emptied into the Black Sea (Strabo 2.5.23). Strabo notes that a similar inflow occurs in another Mediterranean strait situated in the west, i.e. the Straits of Gibraltar, through which water flows into the Mediterranean. However, he plays down this point because it is less observable, remarking that the inflow is “hidden under the lows and the tides” (Strabo 1.3.5).

The discussion of the differences in sea depths and in sea levels is motivated by Strabo’s eagerness to comprehend these phenomena (ἐκείνο πυνθάνομαι, Strabo 1.3.6). The analysis, clearly based on observation, is supplemented by an assumption that the hydrologic behaviour of the currents in the Black Sea parallels similar occurrences in the wider Mediterranean: “We must apply these to the whole of our sea [the Mediterranean] and to the outer sea [the Atlantic]” (Strabo 1.3.7). In this sense, the Black Sea is conceived of as a smaller version of larger bodies of water. This analogy includes a comparison between the depth of the water in the Black Sea as being deeper than that in Sardinia “which is said to be the deepest of all the seas that have been measured, about 1,000 *orgyia*”¹², as Poseidonius says” (Strabo 1.3.9). The accuracy of these measurements aside, the discussion reveals an awareness of different depths and efforts to measure them.

The overall treatment of the physiography of the Black Sea in Strabo thus reflects unceasing change and endless flow. This flow translates into a fluid concept of the region, from earliest to latest: a gulf of the surrounding ocean, a closed sea, a gulf of the Mediterranean.

Cultural change: the coming of the Hellenes and the Romans

Strabo refers to the Homeric acquaintance with the region at a time when sea routes were still vague:

He [Homer] knows the Paphlagonians of the hinterland from those who have approached the places on foot, but he is ignorant of the coastline... for this sea was then unnavigable and was called *axeinos* because of its wintry weather and the savageness of the tribes dwelling around it, and particularly the Scythians, who sacrificed strangers, ate their flesh and used their skulls as drinking cups; but later it was called *euxeinos* when the Ionians founded poleis on the coastline (Strabo 7.3.6).

The ethnic change, which also involved a cultural change, is evidenced through the shift from the classification of the sea as “*axeinos*” (inhospitable) to its identification as “*euxeinos*” (hospitable). This personifying illustration stems from the ethnic opposition between the Scythians and the Ionians, the former presented as barbaric cannibals and the latter as civilized citizens who

¹² *Orgyia* = The length of the outstretched arms = one fathom = 1,8 m.

founded Hellenic poleis. It seems that the hostile image of the region was not connected to natural conditions but rather to the character of its inhabitants: “Because of them [the Scythians] the Black Sea was called *axenos*” (Strabo 7.3.7). This understanding may be inherent in the terminology, since it includes the component of *xenia*, which relates categorically to human relationships. Hence, the sea is described through a personifying title.

Archaeological and textual evidence for a Hellenic presence in the region appears as early as the seventh century BCE (echoed in the myth of the Argonauts; for which, see below). The first navigation of the Black Sea was likely motivated by the commercial search for metals, such as iron and silver, and resulted in colonization mainly on the western and southern coastlines. The Hellenic settlement during the process of colonization in the Archaic Age was relatively late in these regions, probably due to both physical hindrances (it was difficult to sail against currents) and mental hindrances (the Sea was associated with the outer ocean) (Drews 1976; Boardman 1962–1963; Treister and Vinogradov 1993; Ivantchik 2017).

Eventually, the Hellenic colonization, which spread “everywhere” in that region (Strabo 14.1.6), seems to have influenced the knowledge that penetrated the awareness of the Greeks living closer to the centre of their physical and mental world, namely, in mainland Greece and the Aegean islands. Yet Strabo admitted that he had a limited knowledge of the northern coasts of the Black Sea, and in particular of the *peoples* who dwelt there:

We know neither the Bastarnae nor the Sauromatae and even, simply, those who dwell above (ὑπέρ) the Black Sea, nor how far they are from the Atlantic Sea nor whether they live near it (Strabo 7.2.4).

According to Strabo, Homer compensated for his ignorance by inventing tribes such as the *Hippemolgoi* (horse-milkers), the *Galaktofagoi* (milk-eaters) and the *Abioi* (unviolent). In contrast, Strabo’s scholarly integrity enabled him to admit the limits of his knowledge. At the same time, however, he does mention some of the tribes by name. The barbaric image of habitation around the Black Sea is further reflected, for instance, in Strabo’s allusion to the exceptionally numerous tribes in the region of Dioscurias (modern Sukhumi). He seems, however, to let his inner logic determine that there are seventy tribes and not 300 according to “those who do not care for the facts” (Strabo 11.2.16). Moreover, these tribes “live scattered and unmingled”. This situation is implicitly contrasted with the concept of civilized life as involving social and political communication.

Skipping ahead a few centuries, still in Strabo’s *Geography*, we find Greeks who are familiar with this region and who consider at least the southern shores of the Black Sea their homeland. This was the result of the massive colonization in the Archaic Age, which produced numerous Greek colonies

on the shores surrounding the Black Sea. Hence, thriving and active Hellenic communities in this region bred distinguished men such as Heracleides (“Ponticus”) of Heraclea, Diogenes the Cynic of Sinope, and Demetrius and Dionsodorus the mathematicians of Amisus. Strabo thus included many Black Sea communities in his “map of intellectuals”¹³.

Strabo’s awareness of the geopolitical situation in the region is current until the Roman alliance with the Cimmerian Bosphoran kingdom, located at the point where Lake Maeotis is linked to the Black Sea (Strabo 2.5.23)¹⁴. According to Strabo, this kingdom was the only one in the region that was loyal to the Romans; the others regularly revolted against the Roman regime (Strabo 6.4.2; 7.4.4). As Strabo summarizes the geopolitical reality, “Today everything is under the Bosphoran kings, whom the Romans appointed” (Strabo 7.4.7). This is clearly a situation-in-the-making; the Roman presence and influence were incomplete, and the political situation was in flux¹⁵.

In Strabo’s time, even the western regions of the Black Sea – which were closer to the centre of the Greek and Roman worlds – were considered beyond the bounds of the Roman Empire. In the famous exile of Ovid to Tomis (modern Constansa), the poet laments his destiny based on the region’s natural and social environments (see below).

Conceptual change: fearful, friendly, forlorn

Both the physiographic notions related to the Black Sea and the geopolitical role of this sea in the history of Classical antiquity influenced its image in the eyes of the Greeks and Romans and, subsequently, shaped their attitude towards the regions surrounding it.

The earliest Greek concept of the Black Sea and its environs is enfolded in ancient mythological traditions. Prior to the Trojan War, the Argonauts set out to explore the shores of the Black Sea in search of the Golden Fleece. This group of heroes included men who later became famous for this endeavour as well as for other mythic tales, and included, among others, its leader Jason, Asclepius, Castor and Pollux, Heracles, Orpheus, and Peleus, Achilles’ father. References to this tradition appeared already in the Homeric epics¹⁶, but the most comprehensive literary description of their journeys was the fourth-century BCE *Argonautica* by Apollonius of Rhodes, who was known to Strabo (Strabo 14.2.13)¹⁷.

¹³ On Strabo’s lists of famous men, see Dueck 2000. P. 79–81; Engels 2005.

¹⁴ Strabo seems to be unaware of contacts between the Ptolemaic kingdom and the Black Sea, for which see Archibald 2007.

¹⁵ For a survey of this kingdom’s interaction with the Greek and Roman worlds, see Podossinov 2012.

¹⁶ Echoes of the myth of the Argonauts in the *Odyssey* are discussed in West 2005.

¹⁷ An elementary edition is the one by Hunter 1989.

According to the myth, the destination of this group of heroes was Colchis, situated at the eastern end of the Black Sea, “at the edge of the Black Sea and of the world (γαῖα)” (Apollon. Argon. 2.417–418). Apollonius emphasizes the perils of this journey, basing himself on practical geographical knowledge acquired by sailors, most probably of his own time:

...if ye shun the clashing rocks and come scatheless inside the Black Sea, straightway keep the land of the Bithynians on your right and sail on, and beware of the breakers, until ye round the swift river Rhebas and the black beach and reach the harbour of the Isle of Thynias. Thence ye must turn back a little space through the sea and beach your ship on the land of the Mariandyni lying opposite (Apollon. Argon. 2.345–352, transl. by R.C. Seaton (1913, LCL).

The first contacts with the region, which gave birth to the earliest concept of this environment, were thus tightly linked with the myth of the Argonauts¹⁸. The basic chronological elements of this story link it to prehistoric times. However, archaeological and textual evidence indicates a Greek presence in the region starting only in the seventh century BCE. Thus, the myth does not support claims of contact between the Aegean Greeks and the Black Sea regions in the precolonial period. It does, however, seem to reflect times when travel to the Black Sea was characterized by danger and mystery. Eratosthenes, quoted by Strabo, observed that, “in ancient times no one had the courage to sail on the Black Sea” (Strabo 1.3.2). This atmosphere indicated both a geographical reality in which the Greeks stepped for the first time beyond the framework of their Mediterranean world, and a conceptual idea of unknown and faraway places.

The association of danger with this region is apparent in Odysseus’ remark about the divine assistance that the Argonauts enjoyed, without which they would have crashed on the rocks at the gate of the Black Sea as did others who attempted to sail there:

One seafaring ship alone has passed thereby, that Argo famed of all, on her voyage from Aetes, and even her the wave would speedily have dashed there against the great crags, had not Hera sent her through, for that Jason was dear to her (Od., 12.69–72, transl. by A.T. Murray).

Eratosthenes, however, according to Strabo, also talked about “why we should not trust those who report about the regions along the Black Sea and the Adriatic” (Strabo 1.3.2). This comment alludes to the broader issue of the relationship between truth and myth, a theme that preoccupied Strabo (Patterson 2017). Apart from the role of myth as evidence, the early myths preserved collective notions of space and of specific regions. Thus, the image of the

¹⁸ On the myth and its link to the Greek knowledge of the Black Sea, see Ivantchik 2017. P. 13–15.

Black Sea environs as peripheral, strange and frightening penetrated these early tales¹⁹.

Centuries later, the interplay between reality and fantasy resurfaced in an entirely different geopolitical context. The expansion of the Roman Empire placed the Black Sea regions in a new framework. Since the centre of the Roman world was further west of the Aegean Greek cultural zone, the Black Sea became again relatively peripheral. The poems of Ovid contributed to this sense since the poet was exiled by the emperor Augustus to Tomis (modern Constanța) on the western shores of the Black Sea. The combination of this personal development with the geographical reality yielded dark descriptions of the region²⁰. Ovid's special circumstances enhanced the already existing Roman idea of the region's remoteness and marginality in multiple senses: geographically, ethnically, culturally and politically. The Black Sea was again seen as a peripheral region at the fringes of the main world.

In this image of the world – on its geographical, ethnic, and political levels – the Romans were presented as successors of the Argonauts. The Argonautic myth was one of conquest through exploration: conquest of the periphery, of barbarians, of the East. The involvement of the Romans in the Mithridatic Wars imparted fresh significance to the myth of a Roman victory in the East over a Black Sea ruler. In this atmosphere of global conquest, Varro Attacinus wrote the first Argonautic epic in Latin and thus burnished the image of the Romans as heirs to the Argonautic tradition (Braund 1993; Munz 2018).

The next historical stage at which the Black Sea region was again practically relevant to Roman politics took place at the beginning of the second century BCE when Trajan conquered the Dacians. His triumph was celebrated as a major achievement, emphasizing the barbaric character of the local inhabitants, tightly associated with the remoteness of these regions on the western shores of the Black Sea (Opreanu 2011). In this sense this image somewhat echoed the earlier depictions of the Scythians, and thus repeated the archaic idea of civilizing the barbarians.

We see, then, that the concept of the Black Sea region went from marginal to central to marginal again. This image originated in historical reality, but it seems that the interpretation of the geopolitical developments within myth and literature gained additional dimensions based on the perceptions of the various periods.

¹⁹ For a survey of the Greek view of the Black Sea, see West 2003. For other myths associated with the region, see Ivantchik 2017. P. 15–18.

²⁰ Podossinov 1987. On the ethnographic aspect of Ovid's image of the Black Sea regions, see Batty 1994; Ramsby 2018.

Change and the dynamics of historical geography

Strabo's *Geography* represents centuries of observation and documentation. Through the details Strabo chose to include in his encyclopedic survey, a vast mental and physical world is revealed. But the result is not a static depiction of past situations or present conditions; rather, it is an animated reflection of the constant change caused by time and nature (Clarke 1999. P. 280; Dueck 2000. P. 45). Thus, topography shifts, human settlement evolves, and, above all, knowledge of the *oikoumene* continuously increases. It is against Strabo's overall representation of geographical change – both physical and human – that the Black Sea and its environs are described, with several unique undertones. These seem to be based on two factors. One is the special local conditions of topography and climate; the other is Strabo's sources of information on this part of the world. We may thus once again characterize Strabo's approach to geography as depicting the dynamics of change within the framework of the inhabited world, and determined by local conditions and by available sources. So, what is unique about the Black Sea from Strabo's perspective?

I suggest that there are overtones of personification related to the treatment of the Black Sea in Strabo, who sums up dominant traditions in the classical heritage. First, the description of the sea as hospitable or hostile is illuminating. In ancient Greek, the term *Xenia*, or friendship, is generally – and unsurprisingly – reserved for relationships between human beings. When the Greek sources refer to the Black Sea as hospitable or inhospitable, they are clearly alluding to the behaviour of the local inhabitants. But the natural conditions and natural local elements were also considered uncomfortable: the perilous rocks at the straits, the unknown paths, and the gloomy weather. In this sense, it is the very sea and land that discourage strangers or newcomers from arriving in the region. The Black Sea, then, assumes an identifiable personality.

Moreover, in several allusions to the region's geography, there are terms which may be read as personifying details. Strabo mentions the Sea's mouth (στόμα) (7 fr. 9 cf. Apollon. Argon. 1.2) referring to the Sea's outlet into the Propontis. Furthermore, according to him, the Black Sea has many other mouths in every point where one of its many rivers pours into it:

This [the Sacred Mouth] is the first mouth on the left as one sails into the Black Sea; the others come in order as one sails along the coast towards the Tyras; and the distance from it to the seventh mouth is about 300 stadia. So small islands are formed between the mouths. The three mouths that come after the Sacred Mouth are small, but the rest are much smaller than it [the Sacred Mouth], but larger than them [the three mouths] (Strabo 7.3.15).

Furthermore, according to Strabo, the forty rivers flowing into the Sea may be envisioned as veins circulating blood into the main organ (heart?), which is

the Black Sea. This body of water has sides and, in some verbal images mentioned above, is symmetric. The constant water flow as well as the changes surveyed in this article add to the sense of “breathing” life of this region. It thus appears as if the sea is a living entity and, as such, processes of change connect to depict natural developments and features typical of vital bodies.

Conclusion

The Presocratic philosopher Heraclitus is said to have coined the phrase Πάντα ῥεῖ (“everything flows”)²¹, meaning that everything is in flux. In this article, I have examined the notion of universal perpetual change in a particular region, namely, the Pontus, or the Black Sea. Thus, we might say by way of paraphrase that Πόντος ῥεῖ. The Black Sea and its surroundings were hardly exceptional in this regard; historical and geographical surveys show similar processes for nearly every place in every period. However, the fact that the Greeks and the Romans perceived the region as at once known and unknown, close and distant, and abandoned and settled, added to the dynamic image of this unique environment.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Allen W.S.* The name of the Black Sea in Greek // *Classical Quarterly*. 1947. T. XLI. P. 86–88.
- Archibald Z.H.* Contacts between the Ptolemaic kingdom and the Black Sea in the early Hellenistic age // *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. V. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. P. 253–271.
- Batty R.M.* On Getic and Sarmatian shores: Ovid’s account of the Danube lands // *Historia*. 1994. T. XLIII (1). P. 88–111.
- Boardman J.* Greek archaeology on the shores of the Black Sea // *Archaeological Reports*. 1962–1963. T. IX. P. 34–51.
- Braud D.* Writing a Roman *Argonautica*: the historical dynamic // *Hermathena*. 1993. T. CLIV. P. 11–17.
- Bravo B.* La Chronique d’Apollodore et le Pseudo-Skymnos: érudition antiquaire et littérature géographique dans la seconde moitié du IIe siècle av. J.-C. (*Studia Hellenistica*; 46). Leuven, 2009.
- Clarke K.* Between Geography and History. Hellenistic Constructions of the Roman World. Oxford, 1999.
- Desclos M.L., Fortenbaugh W.* (eds.). *Strato of Lampsacus: Text, Translation, Discussion*. New Brunswick; London, 2012.

²¹ In variation in Plat. *Crat.* 402 a; 440 c (DK 22A6).

- Drews R.* The earliest Greek settlements on the Black Sea // *Journal of Hellenic Studies*. 1976. T. XCVI. P. 18–31.
- Dueck D.* Strabo of Amasia: A Greek Man of Letters in Augustan Rome. London, 2000.
- Engels J.* Andres endoxoi or ‘men of high reputation’ in Strabo’s Geography // *Strabo’s Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia* / Ed. D. Dueck, H. Lindsay, S. Potheary. Cambridge, 2005. P. 129–143.
- Hunter R.* Apollonius of Rhodes. *Argonautica*. Cambridge, 1989.
- Ivantchik A.* The Greeks and the Black Sea: the earliest ideas about the region and the beginning of colonization // *The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity and Cultural Interactions* / Ed. V. Kozlovskaya. Cambridge, 2017. P. 7–26.
- Moorehouse A.C.* The name of the Euxine Pontus // *Classical Quarterly*. 1940. T. XXXIV (3–4). P. 123–128.
- Moorehouse A.C.* The name of the Euxine Pontus again // *Classical Quarterly*. 1948. T. XLII (1–2). P. 59–60.
- Munz C.* The *Argonautica* of Diodorus Siculus // *Transactions of the American Philological Association*. 2018. T. CXLVIII (2). P. 331–360.
- Opreanu C.H.* The barbarians and Roman Dacia: war, trade and cultural interaction // *The Roman Empire and Beyond: Archaeological and Historical Research on the Romans and Native Cultures in Central Europe* / Ed. E.C. De Sena, H. Dobrzanska. Oxford, 2011. P. 125–136.
- Patterson L.E.* Myth as evidence in Strabo // *The Routledge Companion to Strabo* / Ed. D. Dueck. London, 2017. P. 276–293.
- Podossinov A.V.* *Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets*. Konstanz, 1987.
- Podossinov A.V.* Le royaume du Bosphore Cimmérien aux époques grecque et romaine: un aperçu // *Études de lettres*. 2012. T. I–II. P. 87–109.
- Podossinov A.V.* Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. IV. Odysseus im Schwarzen Meer? Okeanische Fahrten der griechischen Helden und archaisches Weltbild der Griechen // *Ancient West and East*. 2013. T. XII. S. 205–236.
- Poulos S.E.* The Mediterranean and Black Sea marine system: an overview of its physico-geographic and oceanographic characteristics // *Earth-Science Reviews*. 2020. T. CC. P. 103–104.
- Ramsby T.* Ovid as ethnographer in the *Epistulae ex Ponto* // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2018. T. LXI (2). P. 33–44.
- Schmitt R.* Considerations on the name of the Black Sea: What can the historian learn from it? // *Hellas und der griechische Osten: Studien zur Geschichte und*

- Numismatik der griechischen Welt: Festschrift für P.R. Franke zum 70. Geburtstag / Ed. W. Leschhorn, A.V.B. Miron, A. Miron. Saarbrücken, 1996. P. 219–224.
- Treister M.J., Vinogradov Y.G. Archaeology on the northern coast of the Black Sea // American Journal of Archaeology. 1993. Т. ХСVII (3). P. 521–563.
- West S. “The most marvellous of all seas”: the Greek encounter with the Euxine // Greece & Rome. 2003. Т. L. P. 151–167.
- West M.L. Odyssey and Argonautica // Classical Quarterly. 2005. Т. LV (1). P. 39–64.

Даниела Дуэж

ΠΑΝΤΑ ΠΕΙ И ΠΟΝΤΟΣ ΠΕΙ – СТРАБОН О ЧЕРНОМ МОРЕ

Статья построена на упоминаниях Страбоном Черного моря в его «Географии». Автор исследует замеченные изменения данного региона, представленные в его сочинении вплоть до времени самого Страбона. Эти изменения прослеживаются в трех аспектах: (1) Географический – эта часть предлагает рассмотренные формы моря и его связи со Средиземноморьем. Черное море виделось то как залив, связанный с окружающим Океаном, то как закрытое море, то как залив, связанный со Средиземным морем. Все три представления отражали изменения в географических знаниях, а также в греческих источниках. (2) Культурный – эта часть посвящена этносам, населявшим окружающие Черное море регионы. Изменение в этой обсуждаемой сфере касается разных этносов, якобы населявших этот регион; одновременно в греческих источниках находит отражение постепенный переход от варварства к эллинской (древнегреческой), а затем – к древнеримской культурам. (3) Концептуальный – в этой части дается обзор образа Черного моря в древнегреческих и древнеримских мифах и литературе. Показано, как данное понятие региона претерпело изменение из маргинального в центральное и вновь – в маргинальное. Этот образ возник в исторической реальности, но превратился в уникальную интерпретацию геополитического развития в мифах и литературе. В целом, статья показывает, что древние греки и римляне воспринимали этот регион одновременно известным и непознанным, близким и далеким, необитаемым и населенным. Всё это способствовало созданию динамичной картины этого уникального региона.

Ключевые слова: Страбон, Черное море, аргонавты, греческая колонизация, Римская империя

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-259-271

А.А. Завойкин

АСПУРГИАНЕ: 500 СТАДИЕВ МЕЖДУ ФАНАГОРИЕЙ И ГОРГИПШИЕЙ¹

В античной литературной и картографической традиции упоминание аспургиан восходит к информации Страбона (Strabo XI. 2, 11; XII. 3, 29), который считал их одним из меотских племен, обитавшем «около» (περί) Синдики «на пространстве в 500 стадиев между Фанагорией и Горгипшией». Это упоминание аспургиан связано исключительно с тем, что в 8 г. до н.э. они захватили в плен и убили римского ставленника на боспорском престоле – Полемона I. Кроме того, этноним «аспургиане» фигурирует в боспорских эпиграфических документах III в. н.э., где отмечена номенклатура должностного лица, управлявшего административно-территориальной областью – ὁ ἐπί τῶν Ἀσπουργιανῶν (КБН 36, 1246=1248). В историографии существует множество противоречивых точек зрения на происхождение, характер и историческую роль аспургиан. Однако доминирует мнение, что наименование «аспургиане» связано с именем царя Аспурга (его они поддержали в борьбе против Полемона), хотя у Страбона Аспург не упомянут вовсе, а начало его правления разные исследователи определяют по-разному: от 8 г. до н.э. до 14 г. н.э. (ныне подтвержденный новым эпиграфическим документом *terminus ante quem* – 6/7 г. н.э.). При этом, признавая аспургиан «варварами», современные исследователи в большинстве случаев (но не все) считают их не отдельным племенем или его фракцией, а наделенными землей военными поселенцами (*катоиками*) на службе боспорских царей, защищавшими восточные границы государства.

Автор настоящей статьи, опираясь на современные представления о палеогеографии региона, анализ административно-территориального членения Азиатского Боспора и археологических материалов (как поселенческих, так и погребальных памятников), попытался внести уточнения в представления о месте обитания аспургиан, хронологии событий, связанных с их появлением в регионе. Это позволило отказаться от ряда устаревших взглядов и снять некоторые мнимые противоречия между различными точками зрения на происхождение и место аспургиан в боспорской истории.

¹ Работа выполнена в рамках темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

Под «Ἀσπυρῳαῖοι» Страбона следует понимать представителей меото-сарматского мира, поселенных боспорскими царями в районе совр. Анапско-Новороссийского региона с целью обороны юго-восточных рубежей государства. Эти военные поселенцы поддержали законного наследника боспорского престола, Аспурга, в его борьбе против Полемона I, после чего получили наименование «аспургиане». Компактная область проживания «сторонников Аспурга» составила особый административный округ Азиатского Боспора, которым управляли «наместники <области> аспургиан» (οἱ ἐπὶ τῶν Ἀσπυρῳαῖων).

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Синдика, Аспург, аспургиане, палеогеография, административно-территориальные области, археология

На страницы сочинений античных авторов упоминания аспургиан попали исключительно благодаря тому, что именно они сыграли фатальную роль в судьбе римского ставленника на боспорский престол, царя Понта Полемона I. «Царь Полемон хотел напасть на них под прикрытием дружбы, но <его намерение> не укрылось, он был встречен войском <аспургиан>, попался живым в плен и был убит» (Strabo XI. 2. 11; пер. П.И. Прозорова). Информация исторического характера об аспургианах сохранилась для нас только благодаря Страбону. С его же легкой руки этот этноним появляется в сочинениях грамматиков (Herodian. VII. 180. 2; St. Byz. s.v. Ἀσπυρῳαῖοι) и получил отражение в картографической традиции (Ptol. V. 8. 17: Ἀσπυρῳαῖοι; *Tabula Peutingeriana*, сегмент VIII. 3: Aspurgiani (Подосинов 2002. С. 354, илл. 8–9; 2010. С. 380–381, рис. 5; с. 384).

Сведения об аспургианах в литературных источниках очень скудны. Помимо уже отмеченного события, с ними связанного, мы узнаем, что аспургиане принадлежат к числу варварских племен меотов (как и синды, дандарии, тореты и др.). В этом определении со Страбоном (XI. 2. 11) солидарны все остальные авторы, информация которых прямо от него зависит. То же самое относится и к определению места обитания аспургиан: *около* (περὶ) Синдики, на пространстве 500 стадиев между Фанагорией и Горгииппией (Strabo XI. 2. 11; XII. 3. 29; St. Byz. s.v. Ἀσπυρῳαῖοι). Эти источники должны быть дополнены очень важными для понимания места аспургиан в истории Боспора сведениями лапидарных памятников, в которых в составе боспорской бюрократической номенклатуры фигурирует «должность» ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπυρῳαῖων (КБН 36, Пантикапей, 243 г. н.э.; КБН 12465-8 = КБН 12487-8 (А), 2-6 (В), Танаис, 210/1–226/7 гг. н.э.). Вот, собственно, и всё.

Вместе с тем, со временем объем научных исследований об аспургианах вырос до весьма солидных размеров. В работах, специально ли

им посвященных (например, см.: Сапрыкин 1985; Молев 1995; Горнчаровский 2000), или же в разделах трудов более общих (например, см.: Латышев 1909. С. 102–104; Ростовцев 1914а. С. 16–18; Голубцова 1951. С. 111–112; Масленников 1990. С. 80–82; Сапрыкин 2002. С. 177–180, 199–200; Яйленко 2010. С. 250–254) сформулированы различные мнения относительно происхождения аспургиан, характера их связи с царем Аспургом, роли в социально-политической структуре Боспора и пр. Разбор всех существующих на сегодняшний день мнений потребовал бы немало места и времени, в чем я не нахожу большого смысла, хотя с историографической точки зрения это было бы довольно любопытно и даже поучительно². Целью настоящей статьи является анализ локализации аспургиан на географической карте региона с учетом современных о нем представлений, дополненный данными о месте области аспургиан в административной структуре Боспора, которые опираются как на первостепенные по своей значимости эпиграфические документы, так и на материалы археологические. По мере того, как эти задачи будут реализовываться, мы кратко охарактеризуем и оценим различные точки зрения, высказанные на этот счет предшественниками, по возможности внося в них коррективы. Но подчеркну, что я не ставил перед собой задачи представить здесь еще один, «оригинальный» вариант решения проблем, связанных с изучением исторического места аспургиан. Мне показалось более важным и перспективным отыскать «точки схождения» в различных представлениях исследователей и, по возможности, устранить мнимые в них противоречия.

Поскольку вся содержательная информация по теме (помимо надписей) восходит к Страбону, имеет смысл начать рассмотрение проблемы с его «Географии». Информация об аспургианах относится к числу наиболее поздних исторических свидетельств о Боспоре в этом сочинении, в своем основном объеме законченном к 7 г. до н.э. Впрочем, говорить об этом годе как о дате завершения основной части труда можно лишь условно (Грацианская 1988. С. 32–33). Гибель Полемона I от рук аспургиан приурочена к 8 г. до н.э.³. Об источнике Страбона в данном случае говорить сложно.

² Краткий историографический обзор работ, посвященных тематике, связанной с правлением Аспурга, до середины 1980-х гг. представлен в статье Н.К. Соповой (1991. С. 112–123).

³ Эта дата считается общепринятой, она основана на учете двух обстоятельств: 1) последовательности браков Полемона, прибывшего на Боспор в 14 г. до н.э. (женится сначала на Динамии, затем на Пифодориде), и количества детей (трое),житых Полемоном в последнем браке, на что потребовалось 4–5 лет (однако ср.: Болдырев 1999. С. 34–36; Яйленко 2010. С. 240, 281–122, примеч. 1); 2) начала чеканки золота с монограммой, расшифровываемой как ΔΥΜ и относимой ко второму правлению Динамии, датированного 289 г. б.э., т.е. 9/8 г. до н.э. (см.: Ростовцев 1914а. С. 13–15; ср., с обзором различных мнений: Сапрыкин 2002. С. 97 слл.; Яйленко 2010. С. 232 слл.).

В композиционном отношении первое упоминание аспургиан (XI. 2. 11) выглядит вставкой в последовательный обзор племен Меотиды от Танаиса до Синдики. В этой связи географ упоминает «последних» правителей Боспора – Фарнака, Асандра и Полемона: они владели землями до Танаиса, который, как сообщал Страбон чуть ранее (XI. 2. 3), был разрушен Полемоном за неповиновение. Примечательно, что ориентиры местоположения и размеры занимаемой территории указаны только для аспургиан, что позволяет предполагать связь этой информации с источником исторического плана, из которого черпал уроженец Амасии сведения об аспургианах и Полемене. Еще раз аспургиане и Полемон упомянуты в контексте рассказа о Пифодориде, которая наследовала власть после его кончины (XII. 3. 29)⁴. Более поздние боспорские исторические сюжеты в «Географии» не отражены. На момент написания этих пассажей Аспург, видимо, оставался географу неизвестен (так же: Молев 1995. С. 61)⁵, что странно, если исходить из того, что наименование «аспургиане» восходит к ЛИ Аспурги⁶.

Если мы а priori отвергаем мысль о местном историческом источнике, можно предположить, что все пост-митридатовские сюжеты по истории Боспора в изложении Страбона объединены одной тематической линией, которую условно можно обозначить как «Рим и правители Боспора». Впрочем, это суждение не приближает нас к установлению авторства сочинения, использованного Страбоном (Гипсикрат из Амиса (?); см.: Ростовцев 2014б. С. 379–380; Смолин 1929. С. 68). Невозможно что-либо внятное сказать и о возможных нелитературных источниках географа (см.: Смолин 1929. С. 69–71). В.П. Яйленко, ссылаясь на работу Д. Браунда (Braund 2005. P. 254 f.), считает, что сведения о Полемене Страбон почерпнул из личных бесед с Пифодоридой.

⁴ Очевидно, ненадолго, хотя, как предполагала А.И. Болтунова (1989. С. 86, 91), она успела посвятить статую Ливии, супруги Августа, в Гермонассе. Правда, следует учитывать важное замечание В.П. Яйленко (2010. С. 237–238), что в посвящении Пифодориды не указан ее царский титул, следовательно, посвящение должно быть отнесено ко времени жизни Полемона. Также и со второй надписью Пифодориды (ср.: Сапрыкин, Федосеев 2009. С. 138–147; Яйленко 2010. С. 271–275). Более того, небесполезен вопрос: наследовала ли Пифодорида власть Полемона на Боспоре, или же речь у Страбона идет только о понтийских его владениях? Последнее мне видится более вероятным (так же: Латышев 1909. С. 104), тем более что в этом пассаже (XII. 3. 29) обнаруживаем позднейшие вставки в текст сочинения: кончина Архелая, нового супруга Пифодориды (17 г. н.э.), воцарение одного из ее сыновей в Великой Армении (18 г. н.э.), убийство Котиса, супруга дочери Пифодориды (19 г. н.э.) (см. Грацианская 1988. С. 32, примеч. 207).

⁵ Непонятно, каким образом из этого обстоятельства исследователь выводит заключение о неподвластности аспургиан («этноархом» которых, якобы, был еще Асандр – Ps.-Luc. Маср. 17) царям Боспора вплоть до III в. н.э. (Молев 1995. С. 61–62).

⁶ Не нашлось в «Географии» места и для упоминания Динамии. По мнению А.Р. Панова (2007. С. 286), это «...может объясняться тем, что ее правление не вызвало каких-либо ассоциативных связей, которые могли быть включены Страбоном в его произведение».

Стоит, однако, акцентировать внимание на одном, на мой взгляд, важном обстоятельстве. Страбон указывает не только примерные ориентиры места обитания аспургиан (между Фанагорией и Горгиппией), но называет конкретные размеры их территории (500 стадиев). Дело даже не в том, насколько эта цифра точна, а в том, что это пространство было кем-то измерено. Если не ошибаюсь, других примеров тому, чтобы измерялись территории обитания каких-либо варварских племен, не имеется (разве что в днях пути). В данном же случае речь идет о пространстве, находившемся в границах Боспорского государства, т.е. о землях, учтенных кадастром. Такого рода информация, независимо от того, каким образом она попала в руки Страбона, могла восходить только к местному источнику.

Итак, у Страбона аспургиане и Аспург (сын Динамии и Асандра/Асандроха – КБН 30, 40)⁷ не пересекаются. Между тем, по мнению многих исследователей⁸, эти имена неразрывно связаны, но каким именно образом и какое из них первично – в этом мнения решительно расходятся. Одни полагают, что первичен *этноним*, а носитель имени Аспург был выходцем из племени аспургиан (меотского или сарматского) и основателем новой, «варварской» династии боспорских царей. Н.И. Соколь-

⁷ Ю.Г. Виноградов (1994. С. 153) полагал, что Аспург, происходивший из сарматского племени, был приемным сыном Асандра, захватившим боспорский престол. По мнению В.Д. Кузнецова, «надпись из Фанагории ставит точку в этих дискуссиях. В ней прямо говорится, что Аспург был сыном Асандроха, в котором все специалисты единодушно видят боспорского царя Асандра» (Кузнецов 2006. С. 160). С ним согласна Н.В. Завойкина с соавторами (2018. С. 683–684 с лит.). В.П. Яйленко отрицает происхождение царя Аспурга от Асандра и Динамии. По его мнению, *Асандрох* ряда надписей не тождественен *Асандру* других источников, литературных и эпиграфических – КБН 30 (Яйленко 2010. С. 254–256). Обзор ранее высказанных мнений об идентичности / неидентичности Асандра и Асандроха источников см: Сопова 1991. С. 112–113 с лит., а также: Виноградов, Горончаровский 2009. С. 254–255, которые отмечают, что «... точку в вопросе о статусе отца Аспурга пока ставить еще рано».

Признаю, что имеющиеся варианты написания имен в документах официального характера («Асандр» – КБН 30 и на монетах; «Асандрох» – КБН 40; Кузнецов 2006. С. 156–161. № 1; Завойкина и др. 2018. С. 682) едва ли удовлетворительно объяснимы как две формы имени одного лица результатом «гречизации варварского сарматского имени» (Ростовцев 1914а. С. 16–17, примеч. 3) или «варваризации (иранизации) греческого имени» (Сапрыкин 1985. С. 67). Сам я более склоняюсь к первому варианту объяснения. Однако в данном случае предпочитаю прибегнуть к принципу «бритьвы Оккама» и не плодить лишние сущности, поскольку признание Асандроха отличным от царя Асандра лицом влечет за собой одни лишь беспочвенные догадки. Не все исследователи и Динамию однозначно признают матерью Аспурга, не исключая того, что она могла быть его женой или бабкой (см.: Ростовцев 1918а. С. 51; ср.: Ростовцев 1918б. С. 150; Виноградов 1994. С. 153, примеч. 12 с лит.).

⁸ Исключая Е.С. Голубову (1951. С. 112), которая, исходя из хронологического разрыва между смертью Полемона и воцарением Аспурга, считает, что «видимо, название племени аспургиан нельзя ставить в непосредственную связь с именем Аспурга. Скорее следует признать, что имя Аспург – лишь созвучно с названием племени». Е.А. Молев, с одной стороны, отрицает прямую связь названия племени аспургиан с царем Аспургом, а с другой, хотя ученый не объясняет происхождение этого имени сына Асандра, видимо, исходит из предположения, что Асандр мог быть этнархом аспургиан (Молев 1995. С. 62).

ский (1975. С. 28, 29) считал, что эту династию основал в 47 г. до н.э. его отец, Асандр, этнарх аспургиан.

Другие ученые полагают, что первично имя Аспург. Так, И.И. Толстой (1955. С. 11–12) высказал мнение, что наименование Ἀσπουρῳγῳανῳι образовано от личного имени Ἀσπουρῳγῳος при помощи латинского суффикса -ian- и означает «сторонники Аспурга». В.П. Яйленко, однако, показал, что в основе этого словообразования лежит греческий gentilный суффикс -αν (у основ на -ι-) или прилагательные на -ιος, -α, -ον. При этом подобные образования означают сторонников определенного лица, но никогда – племя или народ. В то же время, как отмечает исследователь, во всех источниках аспургиане – это этноним. «Следовательно, – заключает он, – нет оснований ни относить название аспургиане к числу латинизированных этниконов, ни включать его в группу производных от личных имен. По своей семантической сфере оно принадлежит к дериватам от топонимов, на что указывает его структура» (Яйленко 2010. С. 250–251). Иначе говоря, этноним Ἀσπουρῳγῳανῳι был образован не непосредственно от ЛИ Аспург, а от топонима τῃ Ἀσπουρῳγῳανῳι (т.е. область, земля и т.п. Аспурга)⁹, образованного через промежуточное прилагательное Ἀσπουρῳγῳιος (аналогично: Βῳσπορος > Βῳσπόριος > Βῳσποριανῳι). Это ираноязычное племя, изначальное название которого неизвестно, заняло часть Синдикии, «причем это событие или какой-то другой эпизод их бытования здесь связан с царем (?) Аспургом... С течением времени обитавшее на ней население стало называться οἱ Ἀσπουρῳγῳανῳι, и этноним, таким образом, стал этниконом». В этом контексте вполне уместен акцент В.П. Яйленко на том, что во фрагменте Страбона XII. 3. 29 сообщается: это «варвары... называемые (καλοῦμενοι) аспургианами» (Там же. С. 251–252). Е.С. Голубцова, анализируя этот отрывок текста, обращает внимание на то, что «в этом указании нет слова νῳν и вообще какого-либо временного обозначения, которое должно было бы показать, что это племя получило свое название только с недавнего времени» (Голубцова 1951. С. 112).

С.Ю. Сапрыкин, исходя из того же филологического понимания подосновы словообразования (Сапрыкин 1985. С. 68; 2002. С. 178–179)¹⁰, принципиально расходится с В.П. Яйленко, признавая, что «в истории Боспора был только один Аспург, сын Асандра и Динамии¹¹ ... область

⁹ Еще К. Брандис (Bosporos – RE, 1897, Bd. III, Hft. 1, Hbhd. V) отметил, что nominativus к τῳ Ἀσπουρῳγῳανῳν надписей III в. н.э. одинаково могут быть и οἱ Ἀσπουρῳγῳανῳι, и τῃ Ἀσπουρῳγῳανῳι.

¹⁰ Приоритет этой конструкции принадлежит В.П. Яйленко. Хотя его публикация (Яйленко 1990. С. 160–161) с ее изложением вышла в свет позже статьи С.Ю. Сапрыкина (1985), который использовал неопубликованные материалы работы Яйленко, не имея возможности на нее сослаться (см.: Яйленко 2010. С. 252, примеч. 3).

¹¹ Само иранское имя царя «Аспург» С.Ю. Сапрыкин ставит в один ряд с именами Митридат, Фарнак, Махар, восходящими к персидскому царскому дому (Сапрыкин 1985. С. 87). В пользу этого косвенно говорит и то, что старшего своего сына и наследника престола Аспург назвал Митридатом.

расселения его сторонников была связана с ним, царем Боспорского государства 14–37 гг. н.э.». И далее формулирует вопрос: «Какую же территорию Боспорского царства следует подвести под понятие “аспурговой” или “аспургиановой” и соотнести с деятельностью царя Аспурга?» (Сапрыкин 2002. С. 179).

На мой взгляд, понимать термин οἱ Ἀσπυργιάνοι как «сторонники / последователи Аспурга» (в т.ч. до его воцарения) в отрыве от этноса невозможно уже потому, что в источнике указана строго определенная и компактная область их проживания. Уместно еще раз напомнить эти ориентиры. Аспургиане живут на пространстве 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией (Strabo XI. 2. 11); это «варварское племя» обитает *около* (περὶ) Синдики¹² (Strabo XII. 3. 29). Поскольку остальные источники согласны в том, что аспургиане располагались в азиатской части Боспора, но не уточняют их локализации, остановимся на информации самого Страбона. Строго говоря, первая ее часть противоречит второй. Если следовать представлению географа, Синдика, в которой «недалеко от моря» находится Горгиппия, располагается «за Гипанисом» (Strabo XI. 2. 10). Следовательно, область аспургиан по крайней мере большей своей частью лежала в самой Синдике, а вовсе не *около* нее¹³, а другая ее часть – на острове, соответствующем совр. Таманскому п-ову (см.: Завойкин 2017. С. 150–151, 156–158; Тохтасьев 2002. С. 11 сл.).

Расстояние между Фанагорией и Горгиппией по прямой – ок. 51 км (Google Earth). 500 стадиев (по 157,7 м)¹⁴ составляет не менее 78,85 км. Очевидно, что дистанция эта отмерялась не по прямой на карте, через реки, топи и болота (Ps.-Scymn. Per. 890–895 Müller), а по сухопутным дорогам¹⁵. Да и наивно было бы думать, что это расстояние строго укладывалось в пространстве от стен одного города до стен другого. В.П. Яйленко указал: «Между этими городами обитали не только аспургиане, но и синды, жившие, согласно Страбону, вплоть до Горгиппии (XI. 2. 10; Фанагория тоже лежала в области синдов – Scyl. 72)... Между

¹² Е.С. Голубцова переводит περὶ τῆν Σινδικίην βαρβάρων как «<обитающие> за Синдикой варвары» (Голубцова 1951. С. 111). Ср. перевод И.И. Толстого (1955. С. 10): Полемон «скончался в местности так называемых аспургиан, варваров из числа обитателей Синдики...».

¹³ Конструкция περὶ сит асс. означает не только «около», «вокруг», «рядом», «возле» и т.п., но и «в пределах», «в области».

¹⁴ Определить достоверно величину стадия у Страбона невозможно. В зависимости от использованного источника значение стадия могло составлять 157,7, 178 и 185 м (Грацианская 1988. С. 153–154, примеч. 240).

¹⁵ Мы имеем некоторое представление о древних дорогах, которые проходили через Таманский п-ов, в том числе вели в Синдику. Главная дорога по местоположению близка современной шоссейной дороге (см.: Паромов 1998. С. 217–218, рис. 2). Судя по результатам новейших раскопок, примерно по той же трассе (т.е. рядом с современной) проходила магистральная каменная дорога в Горгиппию, построенная «при поддержке центральной власти» в IV в. до н.э. и функционировавшая до I в. н.э. (см.: Паль и др. 2020. С. 308–312, рис. 3, 4).

тем в районе Фанагории перешеек между Азовским и Черным морями настолько узок, что тут вряд ли возможно реальное разграничение синдов и аспургиан. Стало быть, здесь синды и аспургиане каким-то образом наложились в сведениях Страбона». Исследователь обратил внимание на то, что у одних авторов римского времени (Дионисий, Мела) упоминаются синды, но не отмечены аспургиане, тогда как в других источниках (Птолемей, Певтингерова таблица) присутствуют аспургиане, но нет синдов. «Таким образом, в источниках наблюдается известная взаимозаменяемость названий синды и аспургиане... это может быть объяснено двояко: аспургиане либо часть синдов, либо пришельцы» (Яйленко 2010. С. 251–252)¹⁶.

Иным путем в своих суждениях о локализации области аспургиан пошел С.Ю. Сапрыкин. Он отталкивается от карты административно-территориального деления Боспора, которое сложилось при Аспурге (по датировке надписи КБН 40, в ней фигурирует наименование $\acute{\omicron} \acute{\epsilon}\lambda\iota \tau\eta\varsigma \nu\eta\sigma\upsilon$), если еще не при Асандре¹⁷. Согласно мнению исследователя, область обитания аспургиан находилась между Фанагорией и Горгиипой на царской земле. «Это территория Таманского полуострова, область к югу от Ахтанизовского лимана, окрестности Анапы и земли к северу и западу от Новороссийска. Их земли доходили до р. Кубань, поскольку на Кубанском правобережье и далее на востоке жили племена дандариев, меотов, аорсов и др. ... Таким образом, области “острова” и “аспургиан” располагались по-соседству, “около Синдики”, по выражению Страбона, а сам “остров” – это северо-западная часть Таманского полуострова, совр. Фанталовский п-ов» (Сапрыкин 2002. С. 180–181)¹⁸.

Заключительная часть процитированного текста восходит к статье и книге Н.И. Сокольского, который «островом» считал совр. Фанталовский п-ов, якобы отделенный от остальной Тамани Субботиным ериком. Исследователь, ссылаясь на Страбона и надпись КБН 36, в которой упомянут $\acute{\omicron} \acute{\epsilon}\lambda\iota \tau\acute{\omega}\nu \text{ Ἀσπουργιανῶν}$, полагал, что территория аспургиан располагалась к югу от Фанагории (Сокольский 1976. С. 111–112)¹⁹. Занятно, что статья этого исследователя, в которой речь ведется о так наз. «доме

¹⁶ Ср.: аспургиане – «одно из варварских племен, живших в окрестностях Синдики» (Голубцова 1951. С. 112).

¹⁷ Косвенное свидетельство в пользу этого предположения С.Ю. Сапрыкин усматривает в датировке «дома Хрисалиска», ссылаясь на посмертную книгу Н.И. Сокольского (1976. С. 89 и сл.; см.: Сапрыкин 2002. С. 180), хотя в этом случае, видимо, следовало бы говорить еще о времени Митридата Евпатора.

¹⁸ Ср.: «... Общеизвестно, что $\eta \nu\eta\sigma\upsilon$ – это северо-западная часть Таманского полуострова» (Сапрыкин 1985. С. 70).

¹⁹ Ср.: «... Ираноязычные аспургиане, занимавшие, согласно Страбону, большую часть Таманского полуострова, и, по расчетам исследователей (? – А.З.), появившиеся здесь на грани II и I вв. до н.э.» (Сокольский 1975. С. 28).

Хрисалиска», расположенном как раз на Фонталовском п-ове, была названа «Крепость аспургиан на Боспоре» (Сокольский 1975)²⁰.

Однако дело в том, что палеогеографические исследования на Таманском п-ове привели к однозначному выводу²¹: в античное время весь этот регион представлял собой единый остров²², не разделенный протоками Кубани (Гипаниса), которые в действительности отделяли от Синдики *его* целиком (ср.: Ps.-Scymn. 890–895 Müller), а вовсе не Фонталовский п-ов от прочей части Таманского п-ова, как у Сокольского (1976. С. 115; ср.: Тохтасьев 2002. С. 12–14, прим. **; Завойкин 2017. С. 150–151, 156–158). А из этого следует, что занятая аспургианами территория, которую контролировал $\acute{o}\ \acute{\epsilon}\lambda\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \text{Ἀσπουργιανῶν}$ (КБН 36, 1246=1248), не может совпадать, хотя бы частично, с территорией, которая находилась под юрисдикцией $\acute{o}\ \acute{\epsilon}\lambda\iota\ \tau\eta\varsigma\ \nu\eta\sigma\upsilon\upsilon$ (КБН 40, 697, 982.12, 1000).

Стефан Византийский (с.в. Φαναγόρεια) сообщает: «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора (ἡ νῆσος Φαναγόρη) и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (название склоняется по среднему роду)» (пер. И.Е. Сурикова). Обычно весь этот текст относят к сочинению Гекатея Милетского (Hecat. FGrHist. 1. F212). В.Д. Кузнецов скептически отозвался о мнении исследователей (Зубарев 1999. С. 123), полагающих, что под островом в этом пассаже необходимо понимать весь Таманский п-ов: «Ко времени основания Фанагории в этом районе уже существовали апойкии (в частности Гермонасса и Кепы), и соответственно в это время местности и различные детали ландшафта уже имели свои названия... Новое имя могла получить только та часть ландшафта, которая была связана с вновь прибывшими переселенцами, т.е. остров, на котором была основана Фанагория, остров Фанагора, а отнюдь не весь нынешний Таманский полуостров» (Кузнецов 2010. С. 436). Суждение весьма логичное, но в том только случае, если авторство статьи Стефана целиком отнесем на счет Гекатея, имя и название сочинения которого указаны после первой фразы. А поскольку теперь исходим из того, что не только Субботин ерик, но и Шиморданская протока не разделяли Тамань на отдельные острова, признавая резонность рассуждения В.Д. Кузнецова, мы должны будем прийти к заключению, что информация об острове «Фанагора» была заимствована из более позднего источника, относящегося уже ко времени, когда Фанагория занимала доминирующее положение в этом

²⁰ Необходимо принимать во внимание, что эта статья была опубликована уже после смерти исследователя, и нет полной уверенности в том, что такое ее название не стало результатом неудачного редактирования.

²¹ Ради экономии мест сошлюсь лишь на несколько наиболее важных работ по этой проблематике: Болиховская и др. 2002; Горлов и др. 2002; Журавлев, Шлотцауер 2014. С. 151–154; Журавлев и др. 2015. С. 107–115; Гарбузов 2016.

²² Если не считать маленький Голубицкий остров и Благовещенский останец.

регионе, стала его столицей (μητρόπολις – Strabo XI. 2. 10). Между прочим, признание этого факта избавляет нас от необходимости гадать, почему Фанагория, в отличие от Феодосии и Горгиппии, не имела своего собственного «наместника» (ὁ ἐπί τῆς...), как и Пантикапей, или к какому территориально-административному округу она была приписана. Столичный статус Фанагории в этом регионе определился уже в эпоху Спартокидов (Завойкин 2021а. С. 182). И в то же время Синдика в составе их государства представляла собой округ с особым статусом, так же, как и Горгиппия занимала в нем особое место (Завойкин 2021б. С. 62–65). Все это позволяет предполагать, что в общем виде административно-территориальное деление Азиатского Боспора на эти области сформировалось еще при предшественниках Митридата Евпатора, который, по мнению С.Ю. Сапрыкина, заложил основы системы поземельных отношений, перенеся на Боспор принципы организации территории из Понта.

Но вернемся к аспургианам и области их обитания, которая, согласно данным Страбона, «положенным» на географическую карту, состояла из двух частей, разделенных Гипанисом и его обширной низменной долиной с лиманами и плавнями. Итак, если мы исходим из представления о едином пространстве Таманского п-ова (Острова), очевидно, что обитатели «дома Хрисалиска» в северной части микрорегиона (Фонталовский п-ов) к аспургианам Страбона не имеют прямого отношения (см. выше), так же, как и другие памятники Таманского п-ова.

В частности, это относится к роскошной надгробной стеле Матиа-на, сына Зайдара, поставленной от имени царицы Динамии, что была найдена где-то на Таманском п-ове. Погребенный под ней традиционно рассматривается как знатный представитель («вождь») аспургиан, оказавший важную услугу боспорскому царскому дому в борьбе против ставленника Рима Полемона (см.: Яйленко 1995. С. 223–224; Горончаровский 2000. С. 56–57). Вовсе не обязательно этот видный представитель ираноязычного (сарматского?) племени был аспургианом, погребенным за пределами области расселения соплеменников (что, конечно же, исключать нельзя). Памятник свидетельствует лишь о значительной роли варварских народов (их представителей) в истории Боспора последних десятилетий I в. до н.э.

А.П. Медведев соотнес захоронения с конями в Восточном некрополе Фанагории рубежа н.э. / первых десятилетий I – II в. н.э. (по его мнению, они сочетают в себе черты меотских и сарматских традиций) с погребальными памятниками Цемдолинского могильника на «коренной» территории обитания аспургиан (Малышев 2008а. С. 132–133; 2008б. С. 280)²³ и пришел к выводу, что именно «мощноконные» дружинники

²³ Цемдолинский некрополь расположен в 6 км от Новороссийска, в излучине р. Цемес, что не вполне точно согласуется с ориентирами Страбона.

Аспурга и его преемников нашли упокоение в городском некрополе столицы азиатских боспорцев (Медведев 2014. С. 273–274, 278–280). И в хронологическом отношении, и в территориальном эти погребальные комплексы вполне сообразны указаниям Страбона.

Однако предположение воронежского археолога встретило обоснованную критику. «Публикуя результаты своих раскопок, А.П. Медведев связал часть конских захоронений... с обнаруженными рядом человеческими погребениями. Между тем, все последующие находки конских захоронений (16 комплексов) не были однозначно привязаны к конкретному человеческому погребению. Более того, за исключением публикуемого комплекса, все они не содержали узко датирующего материала» (Ворошилов, Ворошилова 2021. С. 19 и сл.). Единственное убедительно датированное погребение боевого коня относится к концу II – первой трети III в. н.э. (Там же. С. 38). Таким образом, веских оснований для того, чтобы погребенных в некрополе Фанагории воинов считать аспургианами, нет.

С.Ю. Сапрыкин, отказываясь видеть в аспургианах этнос, развивает мнение своих предшественников (В.В. Латышев, М.И. Ростовцев)²⁴, согласно которому, аспургиане – это военные поселенцы, которые должны были нести военно-охранительную службу, получая за это право пользоваться выделенной им землей, располагавшейся на царской хоре. Получившие свое наименование по имени царя Аспурга, они были расселены по его приказу в основанных им крепостях-батареях. С.Ю. Сапрыкин справедливо полагает, что «область аспургиан» находилась в окрестностях Горгиппии и Бат, «тогда как укрепления Тамани находились в ведении “начальника острова”, а пригородные земли Горгиппии в зоне ответственности ὁ ἐπί τῆς Γοργυπτείας» (Сапрыкин 1985. С. 65 и сл., с лит.; 2002. С. 177–191). А.А. Масленников по этому поводу заметил: «Попытка связать аспургиан с “батареями” и военно-административной структурой Азиатского Боспора ничего не дает в плане решения вопроса об их этносе и к тому же противоречит свидетельству Страбона о месте их расселения» (Масленников 1990. С. 82). Правомерен вопрос:

²⁴ «... Соответствие имен Аспурга и народа аспургиан заставляет нас предполагать, что аспургиане не составляли особого народа, отличного от меотов и пришедшего извне, а были частью меотов и получили это имя оттого, что помогли царю Аспургу в его войне против Полемона» (Латышев 1909. С. 103). «Аспургиане есть не племя, а та дружина царя Аспурга, которую он вывел с собой с берегов Азовского моря или из глубины Сарматии и которая помогала ему добыть себе престол, которую он поэтому и поселил в лучших местах Тамани, между Горгиппией и Фанагорией, как свой оплот и свою гвардию»; «... Аспургиане, представлявшие собой дружину Аспурга, т.е. молодежь какого-нибудь племени... поселенные в стране синдов и керкетов, очевидно, как помещики и в то же время дружинники царя... они стали называться аспургианами, т.е. боярскими детьми, и также стала называться страна, в которой они поселились» (Ростовцев 1914а. С. 16–17).

если аспургиане – не этнос, а *катойки*, то почему только они (в отличие, например, от тех, что располагались на Острове или на царских землях Европейского Боспора – см.: Сапрыкин 2002. С. 191 слл.) удостоились не только особого наименования, но и выделенной территории, управлявшейся специальным наместником (ὁ ἐπί τῶν Ἀσπουργιανῶν)?²⁵ Кажется, ответ очевиден: по той только причине, что (в отличие от всех прочих²⁶) они образовывали компактную этническую группу военных поселенцев на компактной территории.

По мнению С.Ю. Сапрыкина, «... Страбон и следовавшие ему авторы характеризовали аспургиан как этническое понятие. Привлечение для охраны восточных и юго-восточных земель Боспора *части варварских племен или одного племени* создавало у современников впечатление, что происходило переселение варваров с одного места на другое. Такое впечатление усиливалось, когда им давалась для поселения определенная территория, что создавало даже иллюзию захвата варварами части царства» (Сапрыкин 2002. С. 202). А чуть ниже ученый пишет: поскольку аспургиане «появились не ранее правления Асандра–Аспурга»²⁷, «это уменьшает вероятность рассмотрения их в качестве племени. Это были обычные военные колонисты из состава местных племен – сарматов, мотов, сатархов, занимавшихся земледелием, ремеслом и военным делом» (Там же).

Признаться, логика этого суждения мне не очень понятна. Так же как не могу уяснить, с какой целью противопоставляются аспургиане, не признаваемые С.Ю. Сапрыкиным (вопреки прямому указанию источника) варварским этносом, *с одной стороны*, и прочие «военные колонисты» (*катойки*) на службе боспорских царей, в том числе «из состава местных племен», – *с другой*? Не нахожу необходимости ставить здесь вопрос таким образом: «или – или». Очевидно, что военные поселенцы на царской земле – не только местные варвары, а аспургиане – вар-

²⁵ С.Ю. Сапрыкин, на мой взгляд, «увеличивает» от этого вопроса: «Практика наделения поселенцев землей, введенная на Боспоре по образцу эллинистических государств при Митридате VI и Фарнаке, была продолжена их преемниками Асандром, Динамией и Аспургом. Вот почему (? – А.З.) военные поселенцы на царской хоре в азиатской половине, не отличающиеся в целом от обитателей усадеб и крепостей на европейской половине, получили название “аспургиан” по имени царя, уделявшего особенное внимание укреплению восточных и юго-восточных рубежей царства. Начав эту практику на азиатском Боспоре в Синдике, так как европейский Боспор находился в руках Полемона I, он затем продолжил ее и на Керченском полуострове, после того как была одержана победа над понтийским царем» (Сапрыкин 2002. С. 119–120).

²⁶ Об этническом и социальном составе гарнизона, например, Ильичевской крепости см.: Завойкин, Завойкина 2017. С. 144–148.

²⁷ Аргументация хронологии такова: «Поскольку Страбон завершил свой труд в первой половине I в. н.э., т.е. во время царствования на Боспоре Аспурга, то известия об аспургианах должны были попасть к нему из современных географу источников и отражать произошедшие там перемены» (Сапрыкин 2002. С. 202).

варский этнос, на тех же условиях компактно поселенный на царских землях в Синдике, в области, которой управлял специально назначенный наместник (ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσποურიανῶν).

Аналогичные сомнения вызывает и подход к проблеме В.П. Яйленко. Если сам он признает, что словообразования от имен с гентильным суффиксом *-av* (у основ на *-i-*) или от прилагательных на *-tos*, *-a*, *-ov* «означают сторонников определенного лица, но никогда – племя или народ», то зачем противопоставлять этих «сторонников» аспургианам как этносу, о котором говорят источники? Разве некое ираноязычное племя или его часть (из которого, возможно, происходил Асандрох/Асандр) не могло выступать *сторонником* Аспурга? Не усматриваю здесь противоречия. А если так, то отпадает и необходимость сооружать конструкцию, объясняющую этноним Ἀσποურიανοί через прилагательное Ἀσποურიος от топонима τὰ Ἀσποურიανά (т.е. область, земля и т.п. Аспурга), быть может, и безупречную с филологической точки зрения, но сомнительную в хронологическом отношении. В любом случае эта «Аспургова область» должна была бы появиться еще до того, как аспургиане круто решили судьбу Полемона, т.е. в те времена, когда Аспург еще не был царем (в царствование Полемона или даже раньше). Уместно спросить: почему эта область в Синдике *тогда* стала называться по имени цесаревича? Только потому, что он как представитель царского дома и потенциальный наследник престола был там своего рода «наместником», подобно тому, как это практиковалось еще у Спартокидов? Но прецеденты подобного рода нам не известны²⁸. И если альянс Аспурга и его *сторонников*, лишивших жизни Полемона, сложился еще тогда, закономерен вопрос: почему Аспург сразу не воспользовался плодами этой победы над ставленником Рима (см.: Голубцова 1951. С. 112)?

Собравшись с современными представлениями о палеогеографии и административно-территориальной структуре Азиатского Боспора (существование отдельных «наместничеств» – Острова, Горгиппии и аспургиан), попытаемся подвести итоги.

Прежде всего еще раз констатируем, что согласно всем литературным источникам, восходящим к «Географии» Страбона, почерпнувшего информацию из сочинения неустановленного автора (Гипсикрат?), аспургиане – это варварское *племя*. Оно обитало в Синдике, на компактной территории примерно 500 стадиев (ок. 79 км) в поперечнике, «между Фанагорией и Горгиппией». Поскольку, по представлениям античных географов, Фанагория (наряду с Кепами, Синдской Гаванью и Патусом) тоже находилась в области синдов (Ps.-Scyl. Per. 72), нет ничего удивительного в том, что город Фанагора стал для Страбона ориентиром для

²⁸ Переименование Синдской Гавани в Горгиппию – это пример совсем иного рода.

обозначения северной точки обитания аспургиан, хотя, согласно его же определению, Синдика располагалась «за Гипанисом» (Strabo XI. 2. 10), т.е. к югу от русла совр. Старой Кубани²⁹.

На административно-территориальной карте Азиатского Боспора первых веков новой эры область аспургиан, наместниками которой выступают представители царской администрации в должности ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν (КБН 36, 1246=1248), размещалась между Островом (Таманским п-овом), которым управлял чиновник в должности ὁ ἐπὶ τῆς νήσου, и областью, которую контролировал ὁ ἐπὶ τῆς Горυπλείας (территория Горгиппии и ее хоры). Таким образом, локализация аспургиан по литературным и по эпиграфическим источникам полностью совпадает. То, что наименование «наместник / начальник <области> аспургиан» имеет территориальный характер (независимо от того, как реконструировать *nominativus* к τῶν Ἀσπουργιανῶν надписей, οἱ Ἀσπουργιανοί или τὰ Ἀσπουργιανά), сомнений не вызывает.

Стоит акцентировать внимание на том «факте умолчания», что нигде в пышной титулатуре «великого царя Аспурга» (КБН 39, 40) в числе подчиненных ему территорий и варварских народов аспургиане не отмечены, что явно неслучайно³⁰. А вот синды, на коренной территории которых располагались аспургиане, в титулатуре фигурируют. И хотя В.П. Яйленко отметил, что у авторов римского времени синды и аспургиане не пересекаются (упомянуты либо те, либо другие), сложно в полной мере согласиться с выводом исследователя, что «аспургиане либо часть синдов, либо пришельцы» (Яйленко 2010. С. 251–252), поскольку у Страбона (XI. 2. 11) одновременно упомянуты и синды, и аспургиане. Признавая, что аспургиане жили на земле синдов, А.А. Масленников предполагает: «...Или аспургиане-сарматы частично вытеснили синдов (частично ассимилировались с ними), или они были частью собственно синдов, дружинным воинством» (Масленников 1990. С. 81).

Синдика после ее присоединения к Боспору Левконом I была единственным регионом Азиатского Боспора, компактно населенным варварским народом, который (регион) непосредственно входил в состав территории государства Спартокидов. Земли Синдики (исключая территорию Горгиппии, полиса с особым статусом), по моим представлени-

²⁹ Куда он ошибочно помещает Гермонассу и Апатур, в отличие от Фанагории и Кеп, что лежат «на острове». Его, согласно Страбону, образуют: «Корокондамское озеро» – впадающий в него рукав Антикита (река, впадающая в Меотиду около Тирамбы, в 120 стадиях от Киммерийского селения) – Меотида – река, «некоторые и эту реку называют Гипанис...» (Strabo XI. 2. 4. 9–10). Вполне очевидно, что этот остров соответствует совр. Таманскому п-ову.

³⁰ Их отсутствие в этой «архаической», спартокидовской (с дополнениями, конечно) титулатуре, на мой взгляд, свидетельствует скорее о социальной, чем об этнической характеристике аспургиан в представлении самих боспорцев.

ям, составили «царский домен» (Завойкин 2021б. С. 64–65). Поскольку невозможно себе представить, чтобы на этой территории обосновалось (вторглось) какое-то варварское племя или часть его, из числа ли меотов, к которым относят аспургиан античные авторы, или сарматского мира, остается думать, что аспургиане, кем бы они ни были, были поселены здесь по инициативе самих боспорских царей.

Вопрос о вероятном времени этого события вовсе не праздный. Однако дать на него обоснованный ответ при нынешнем состоянии источников весьма затруднительно. Собственно говоря, у нас только две возможности для рассуждений на эту тему. Первая – попытаться отыскать следы «нового» для Синдики населения в археологических памятниках. Вторая – установить характер связи этнического (квази-этнического) наименования «аспургиане» с именем боспорского царя Аспурга, принявшего этот титул *не позднее* 6/7 г. н.э. (Завойкина и др. 2018. С. 682).

Начнем, пожалуй, со второго. Сама взаимосвязь имени Аспург и названия «аспургиане» в принципе мало у кого вызывает возражение. Практически никто не сомневается в том, что эпонимом является будущий царь Боспора³¹. Согласно мнению большинства исследователей, *аспургианами* стали называть не «особый народ, отличный от меотов», а часть «какого-нибудь племени», «дружины Аспурга», которая поддержала его в войне против Полемона I и «помогла ему добыть себе престол», за что и получила земли «в стране синдов и керкетов» в качестве военных поселенцев (Латышев; Ростовцев; Сапрыкин). Если принять такое понимание ситуации, прежде всего встает вопрос: когда Аспург мог предоставить своим сторонникам землю для поселения в Синдике, до своего воцарения или же после?

Логично думать, что возникшая в противовес Полемену коалиция сторонников Аспурга сформировалась никак не позднее 8 г. до н.э. Не думаю, что в тексте Страбона, написанном близко по времени кончине Полемона, наименование *аспургиане* – это анахронизм. Следовательно, в «Географии» они выступают в качестве именно *сторонников* Аспурга (Страбон считает их варварским этносом, но это никак не противоречит статусу «дружинников» Аспурга!), а вовсе не тех, кто получил свое наименование вследствие проживания на «Аспурговой земле» (τῆ Ἀσπυργιανῆ). Скорее, наоборот: та часть Синдики, которую заняли по воле Аспурга его сторонники³², со временем стала называться Аспурговой. Это наименование вошло в административно-территориальный обиход и сохранялось в течение веков. К слову сказать, это подтверждает

³¹ Оспаривает связь аспургиан с царем Боспора Аспургом Е.А. Молев (1995. С. 62).

³² Но, возможно, занимали ее и раньше, но позднее, поддержав Аспурга, они и получили соответствующее наименование.

предположение, что номенклатура административно-территориального членения Азиатского Боспора, известная нам по эпиграфическим документам первых веков н.э., была принята именно при Аспурге, хотя основа этого разделения территорий была заложена значительно раньше.

Е.С. Голубцова считала, что невозможно объяснить, почему Аспург, «будучи вождем... дружины», убившей Полемона, «не захватил власть сразу же, а добился ее лишь 20 лет спустя» и, соответственно, только тогда смог наделить своих сторонников землей (Голубцова 1951. С. 112). На момент написания ее книги (как и долгие годы после) признанной датой воцарения Аспурга считался 13/14 г. н.э. Большой хронологический зазор между этим событием и смертью Полемона и послужил поводом для ревизии Е.С. Голубцовой взглядов ее предшественников³³. Находка нового эпиграфического документа 6/7 г. н.э. из Горгииппии заметно сузила эту временную лауну. Вопрос же о том, насколько раньше этой даты мог занять царский престол сын Асандра/Асандроха и Динамии, в полной мере остается открытым. Но, быть может, никакой лауны и вовсе не было?

Не хотелось бы углубляться в разбор исследований, в которых затронута проблема того, кто принял царскую власть на Боспоре после смерти Полемона, однако несколько слов об этом сказать придется. В целом мнения исследователей по этой проблеме делятся на две группы (см. с литературой: Яйленко 2010. С. 234–235; Фролова 1997. С. 65–66, примеч. 10–13; С. 66, примеч. 29, 30; Сапрыкин 2002. С. 97–106). Представители первой следуют концепции, сформулированной М.И. Ростовцевым. В числе надписей, в которых Динамия предстает в качестве единоличной правительницы (КБН 38, 978, 1043), Ростовцев выделяет посвящение в честь нее («друга римлян, происходящей от великого царя Фарнака и царя царей Митридата Евпратора Диониса») статуи от имени народа *агриппейцев* (КБН 979). Поскольку же исследователь считал, что переименование Фанагории в Агриппию не могло произойти раньше «вмешательства Агриппы в дела Боспора», и, следуя мнению А.В. Орешникова, синхронизовал чеканку меди Агриппии и Кесарии с золотыми статерами, несущими на себе изображения голов Августа и Агриппы и монограммы (⌘ или ⌘), раскрываемые как Δύναμις, датированные с 9/8 г. до н.э. по 6/7 г. н.э. (см.: Фролова 1997. С. 194–196), он приходит к закономерному выводу о втором периоде царствования Динамии как единоличной правительницы Боспора (Ростовцев 1914а. С. 14–16).

Вторая группа исследователей полагает, что после 9/8 г. до н.э. боспор-

³³ Исходя из этого, Е.С. Голубцова полагала, что «гораздо больше оснований предположить, что племя аспургиан отнюдь не было дружиной царя Аспурга, и, приняв указание Страбона, считать его лишь одним из варварских племен, живших в окрестностях Синдики».

ский престол занял Аспург. Наиболее развернуто контраргументы изложенной выше концепции «второго правления Динамии»³⁴ представлены С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин 2002. С. 97–106). Пересказывать их не вижу смысла. Достаточно, пожалуй, будет особо отметить авторитетное мнение Н.А. Фроловой, которая считает, что чеканка монеты Агриппии (и соответственно переименование города) приходится на интервал между 18 и 14 гг. до н.э., но в любом случае не позже 12 г. до н.э. (Фролова 1989. С. 4–5). И последнее. Новая надпись с посвящением Аспурга из Горгииппии датирована тем же годом (6/7 г. н.э.), что и золотые монеты, несущие на себе монограмму, читаемую как ΔΥΜ. Таким образом, статеры с монограммами ΚΝΕ и ΚΑΡ (7/8–9/10 и 12/13 гг. н.э.) относятся ко времени царствования Аспурга вплоть до того момента, когда боспорский правитель получил подтверждение своих царских полномочий у Тиберия в Риме, после чего на его монетах (не только золотых, но и медных) появляется монограмма ΒΑΡ (Завойкина и др. 2018. С. 687. Таблица). Опираясь на эти факты, как представляется, можно предложить только две гипотезы: *либо* считать, что именно в 6/7 г. н.э. Аспург официально занял царский престол, *либо*, отказавшись от попытки вычитывать в монограммах Δ или Χ имя его матери, думать, что он стал царем Боспора сразу после гибели Полемона от рук его сторонников, аспургиан.

В рассуждениях о хронологии интересующих нас событий следует прежде всего опираться на тот факт, что Страбон, который называет последним из известных ему царей Боспора Полемона (XI. 2. 11), убитого аспургианами (9/8 г. до н.э.), ничего не сообщает о самом Аспурге. На мой взгляд, это надежное свидетельство того, что работу над боспорским материалом географ (его источник) завершил весьма близко к этой дате и больше к данному сюжету не возвращался. (Второй раз, значительно позже, Страбон упоминает аспургиан лишь по случаю, рассказывая о Пифодориде в Понте.) Поскольку мы исходим из того, что наименование *аспургиане*, понимаемое Страбоном как этноним, неразрывно связано с Аспургом (происходит от него, а не наоборот), приходится признать, что сын Асандроха и Динамии и законный наследник боспорского престола уже как-то проявил себя в качестве оппонента римского ставленника Полемона. И остается только гадать о причине, по которой Страбон «проигнорировал» это обстоятельство³⁵: то ли оно было ему «неинтересно»,

³⁴ Лишь ради иллюстрации того, к каким последствиям может привести реконструирование династической истории Боспора на основе трактовки монограмм на монетах, приведу мнение В.А. Анохина (1986. С. 148–150), который выделил наряду со вторым периодом правления Динамии (9/8 г. до н.э. – 7/8 г. н.э.) и третий период (13/14 г. н.э.), разделенные временем правления правителя ΚΛΕ (8/9–9/10 гг. н.э.) и первым периодом правления Аспурга (10/11–13/14 гг. н.э.).

³⁵ Кстати, так же, как и переименование Фанагории в Агриппию. С.Ю. Сапрыкин (2002. С. 105) объясняет это тем, что Страбон, использовавший перипл Артемидора Эфесского, просто пред-

то ли он просто не располагал информацией об Аспурге, еще не ставшем царем Боспора (?), и о связи с ним аспургиан. Последнее предположение кажется более правдоподобным. Возможно, в этом и следует видеть причину того, что аспургиане воспринимались географом как одно из варварских племен, обитавших в Синдике (возможно, еще до Аспурга), тем более что по своему происхождению они, по крайней мере в основном (если не целиком), и были варварами.

Наконец, попытаемся оценить возможности археологических источников. Как уже было отмечено, С.Ю. Сапрыкин считает аспургиан военными поселенцами, их Аспург, которого они поддержали в его противостоянии Полеону I, поселил в Синдике. Ученый полагает также, что небольшие укрепленные поселения (так называемые дома-башни и крепости-батарейки) в Анапском и Новороссийском районах, а также на Фонталовском п-ове являются *катойкиями* на царской земле, связанными с этой социальной категорией населения. Аналогичные поселения известны и в Восточном Крыму, в том числе они расположены на стратегическом оборонительном рубеже – Узунларском валу, не без оснований именуемом Асандровым. Такую практику организации государственной территории, находящую аналогию на коренной территории Понтийского царства, С.Ю. Сапрыкин возводит к Митридату Евпатору и Фарнаку³⁶. Она была продолжена при их приемниках – Асандре и Аспурге. Иными словами, по своему социальному статусу аспургиане в принципе не отличались от остальных военных поселенцев, но выделялись из общего их массива тем, что располагались в компактной области в юго-восточной части Боспорского государства, которая была выделана в особый административный округ, управляемый специальным «наместником» (ὁ ἐπί τῶν Ἀσπουργιανῶν).

Систематическое исследование хронологии памятников сельской территории Боспора I в. до н.э. – середины II в. н.э., выполненное в диссертации А.В. Бонина (2020. С. 14–26), существенно облегчает анализ исторической ситуации, отражающей ход событий в интересующий нас период. Прежде всего отметим, что в основной своей массе «дома-башни», «укрепленные усадьбы» и «крепости» как в Восточном Крыму, так и в восточной части Боспора были возведены во второй половине I в. до н.э.³⁷. Все эти укрепленные поселения Европейского Боспора около

почел оставить в своем тексте древнее наименование города. Но нельзя исключать и того, что о самом переименовании не было известно автору исторического источника Страбона, но едва ли из этого стоит делать выводы хронологического плана. В.И. Денисова (2000. С. 258–262) попыталась и вовсе поставить под сомнение сам факт переименования обеих боспорских столиц.

³⁶ Активное возведение «царских крепостей и укреплений на хоре Боспорского царства... началось после 80-х годов I в. до н.э.» (Сапрыкин 2002. С. 37, 181).

³⁷ К первой половине столетия относятся только «Резиденция Хрисалиска» и укрепленные усадьбы Юбилейный 1 и 2 (обе не переживают середины I в. до н.э.). Н.А. Онайко концом II – I вв. до

рубежа новой эры или в «середине последней четверти I в. до н.э.» погибают (Бонин 2020. С. 20). На Таманском п-ове тогда же прекращается жизнь «Резиденции Хрисалиска» (Фонталовский п-ов) и здания у Ахтанизовского лимана – Ахтанизовская 4 (Ломтадзе 2015. С. 158–159). С высокой степенью вероятности эти катастрофические события связывают с деятельностью Полемона (Сокольский 1975; Масленников 1995; 2018; и др.). А вот жизнь укрепленных поселений в границах совр. Анапского и Новороссийского районов продолжается вплоть до середины I в. н.э.³⁸. Прекращение жизнедеятельности этих укрепленных поселений на восточной окраине Боспора обоснованно связывают с событиями боспоро-римской войны, основные действия которой разворачивались именно в этом регионе (Тас. Ann. XII. 15)³⁹. Примечательно, что гибель этих укрепленных поселений синхронизуется пока только с одним памятником Европейского Боспора – с разгромом крепости Артезиан, надежно связываемым с событиями 45–49 гг. н.э. (см.: Винокуров, Крыкин 2017. С. 176 и сл.).

Возведение системы крепостей-батареек Фонталовского п-ова А.В. Бонин датирует широко⁴⁰: второй половиной I в. до н.э. – первой четвертью I в. н.э., т.е. временем Асандра – Аспурга, более склоняясь к относительно поздней дате – «не позже конца первой четверти I в. н.э.»⁴¹. А гибель этих крепостей отнесена им к середине II в. н.э.⁴².

Итак, основываясь на хронологии памятников интересующего нас времени и их территориальном распределении, можно попытаться наметить исторические этапы в организации обороны сельской территории

н.э. датировала строительство Владимирского и Цемдолинского домов-башен (Онайко, Дмитриев 1982. С. 111).

³⁸ Некоторые исследователи отмечают, что в конце I в. до н.э. укрепленные усадьбы Анапского поселения и Джемете I тоже были разрушены, однако «Большая часть системы укрепленных усадеб п-ова Абрау тогда уцелела, пострадавшее Анапское пос. было восстановлено, и система просуществовала до середины – третьей четверти I в. н.э. ...Исследовательница башнеобразных зданий в Цемесской долине Н.А. Онайко отметила, что они погибли в результате одних и тех же событий». Предполагается, что это была война между Митридатом VIII и Котисом I. Новые материалы подтверждают эту дату. Так, позднейшие монеты в слое гибели Цемдолинского здания – это бронза, чеканенная Митридатом VIII (см.: Вязкова и др. 2009. С. 212–213); аналогично – в слое разрушения монументального здания на Раевском городище (Малышев 2021. С. 155).

³⁹ К сожалению, нам известна только заключительная фаза войны, которая протекала уже за пределами Боспорского царства (см.: Сапрыкин 2002. С. 248 сл.).

⁴⁰ Прежде всего это объясняется тем, что эти крепостцы появились не на пустом месте, им предшествуют поселения более ранние.

⁴¹ Кроме Красноармейской батареи, строительство которой датировано «немного более поздним временем» (Бонин 2020. С. 20).

⁴² Предполагается, что и другие малоизученные крепости Таманского п-ова и дальней восточной окраины Боспора (Старотитаровская 15, Вышестеблиевская 11, Красный Октябрь 1, Краснобатареинное городище) имели те же этапы жизни, что и Фонталовские батареи (Бонин 2020. С. 16–17).

Боспора после Митридата Евпатора, ко времени правления которого относятся единичные примеры укрепленных поселений. Массовое появление таких поселений в европейской и, вероятно, в азиатской частях Боспора должно быть связано с деятельностью Асандра, при котором, в частности, были построены и башни вдоль оборонительной линии, защищавшей восточную часть Европейского Боспора, – Узунларского вала (Strabo VII. 4. 6). По всей видимости, разрушения укреплений в европейской части государства действительно следует связывать с военными действиями Полемона, прибывшего на Боспор после смерти Скрибония, против боспорцев, оказавших ему сопротивление «из-за страха быть отданными под его власть», с которыми «он вступил в битву и одержал победу, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом» (Dion. Cass. LIV. 20. 5–6).

С.Ю. Сапрыкин выделяет два этапа борьбы Полемона за власть на Боспоре: *первый* начался сразу по прибытии понтийского царя в Таврику в 14 г. до н.э. (военные действия охватили главным образом Европейский Боспор); *второй* приходится на 12–8 гг. до н.э.: разрушен непокорный Танаис (Strabo XI. 2. 3), основной театр военных действий – Азиатский Боспор (Сапрыкин 2002. С. 115–116). В результате этих действий была разрушена и «Резиденция Хрисалиска» на Фонталовском п-ове, и укрепленное поселение Ахтанизовская 4⁴³. А.А. Масленников рассматривает сознательное разрушение системы обороны территорий Боспора в контексте стратегических планов по включению Северного Причерноморья «в круг “римского мира”»: уничтожение... пограничных укреплений было призвано ослабить возможности местного населения по сопротивлению» (Масленников 1995. С. 164–165).

На Азиатском Боспоре, как мы видели, эти планы Полемену удалось реализовать, насколько возможно судить, только в северной части Таманского п-ова, а укрепления к юго-востоку от него («за Гипанисом, в Синдике», говоря словами Страбона), расположенные там, где обитали аспургиане, остались не затронутыми войной, поскольку сын Зенона был убит здесь сторонниками Аспурга. Вполне вероятно, что решающая роль, которую сыграли аспургиане в приходе к власти сына Асандроха и Динамии, объясняет особое (привилегированное?) их положение в числе всех прочих *катойков* и само их наименование.

На мой взгляд, показательно, что система укреплений районов Анапы и Новороссийска⁴⁴ прекращает функционировать в середине I в. н.э. и

⁴³ Возможно, в непосредственную связь с этими событиями следует поставить также окончательное запустение южной окраины Фанагории, лишившейся своих оборонительных стен еще при Фарнаке (Завойкин 2021в. С. 154–157).

⁴⁴ Практически все исследователи сходятся в том, что эти укрепления образовывали именно систему обороны данного района, которая возникала не стихийно, а была «проявлением масштабной

была уничтожена, по всей видимости, в связи с событиями боспоро-римской войны (см.: Горончаровский 2003а. С. 175; 2003б. С. 168; Новичихин 2014. С. 42). Это вполне соответствует политике предшествующего римского ставленника на Боспоре, в роли которого теперь выступил Котис I при поддержке когорт А. Дидия Галла, а затем Юлия Аквилы.

Таким образом, мы имеем полное право считать обитателей небольших укрепленных поселений Анапско-Новороссийского региона⁴⁵ теми самыми аспургианами, о которых писал Страбон. Сложнее судить об этническом облике этого населения. Для рассмотрения этого вопроса необходимо привлечь материалы исследованных в этом регионе некрополей, а priori предполагая новации в характеристике погребальных традиций. Однако вопрос этот совсем не прост: не факт, что население, которое с конца I в. до н.э. стало называться аспургианами, было в этническом плане однородным и что оно появилось здесь лишь после того, как ими был убит Полемон, а не раньше.

Прежде чем характеризовать погребальные обряды населения интересующего нас времени и района, стоит еще раз коснуться вопроса о происхождении Аспурга и связях его семьи с племенным миром, на которые, быть может, указывает его ираноязычное имя. Вовсе не отрицая вероятности того, что сын Асандроха и Динамии получил свое имя по материнской линии, и оно, как и полагает С.Ю. Сапрыкин (1985. С. 87), должно быть поставлено в один ряд с иранскими именами других Митридатидов, трудно полностью исключить и некоторую вероятность, что иранское имя Аспург унаследовал по линии отца, который при Фарнаке выполнял функции этнарха (Ps.-Luc. Macr. 17)⁴⁶. В пользу первого предположения – приоритет генеалогической связи матери с предшествующими царями Понта и Боспора; в пользу второго – традиция наследовать старшему сыну имя деда/прадеда по отцовской линии. Так или иначе, тесные контакты понтийской династии на Боспоре с окрестными варварскими племенами начались еще при Митридате Евпаторе, по крайней мере в последний период его царствования на Боспоре (60-е гг. до н.э.), когда он для укрепления союза с местными племенами «обручил <своих> дочерей с могущественнейшими из правителей» (App. Mithr. 102). Неизвестно, следует ли этому факту придавать столь большое значение, чтобы объяснять некоторые события, произошедшие много лет спустя, – например, поддержку, оказанную сираками лишившемуся трона сыну

программы, планомерно осуществляемой в раннеримское время боспорскими правителями в периферийных и пограничных районах Боспорской державы» (Вязкова и др. 2009. С. 212).

⁴⁵ Во всяком случае, северной его части (Анапско-Натухаевская долина, долина р. Маскаги с притоками, верховья р. Котламы). Обоснованно выделяют два микрорегиона, разделенных Навагирским хребтом (Вязкова и др. 2009. С. 217 и слл. Рис. 2).

⁴⁶ По мнению Е.А. Молева (1995. С. 62), «правителя одного из меотских племен».

Аспурга, Митридату VIII (Тас. Ann. XII. 15-17; Plin. NH. IV. 5) (об этом подробно см.: Сапрыкин 2002. С. 138), – или нет. Также не нахожу серьезных оснований для того, чтобы напрямую поддержку Аспурга аспургианами против Полемона связывать с брачными узами его теток и племенных вождей. Если даже данное обстоятельство и сыграло какую-то роль, признание того не приближает нас к пониманию этнического состава сторонников Аспурга. Важно лишь то, что основу этой группы людей составляли представители варварских племен (или племени), что и позволило источнику Страбона поставить их в один ряд с другими меотскими племенами. Впрочем, вполне вероятно, правы те, кто не считают аспургиан каким-то отдельным меотским или сарматским племенем или его фракцией.

Первые следы проникновения меотов в пограничную зону восточной части Боспора мы обнаруживаем в некрополе Раевского городища, погребения в котором датируются еще рубежом III/II – I в. до н.э. Профессиональная специализация населения, оставившего этот некрополь, по мнению А.А. Малышева, определяется «явно повышенным содержанием (в могилах. – А.З.) предметов вооружения» дальнего и ближнего боя (присутствуют в каждом третьем захоронении). С меотской погребальной традицией, в частности⁴⁷, связывают захоронения с лошадьёю или чучелом лошади (Малышев 2007а. С. 138-139; 2007б. С. 243).

Согласно наблюдениям того же исследователя, на рубеже эр в ареале грунтовых некрополей, в которых распространен меотский обряд «миска под головой», оказалась вся юго-восточная периферия Боспора. По его мнению, многочисленные воинские захоронения могильника в Цемесской долине⁴⁸ в непосредственной близости от одного из башенных сооружений раннеримского времени, которые являлись элементами единой боспорской сигнально-сторожевой структуры (Онайко, Дмитриев 1982. С. 113), «свидетельствуют, что новые обитатели Синдики – аспургиане Страбона – органично вписались в этнополитическую систему Азиатского Боспора. С Аспургом, основателем новой династии... несомненно,

⁴⁷ Наряду с преобладающей восточной и юго-восточной ориентировкой погребенных, захоронениями в подбоях, миской под головой и др.

⁴⁸ А.А. Малышев выделяет наиболее многочисленные (39% от общего количества) погребения 2-й хронологической группы (вторая половина I – начало II в. н.э.). Погребенные этой группы ориентированы головой на запад (в отличие от двух более ранних погребенных, положенных головой на восток). Из них 39% составляют мужские погребения с оружием. В их числе – захоронения воинов-всадников «с мощным защитным и наступательным вооружением... которые принадлежали аристократической родоплеменной дружинной верхушке». Миска под головой в этой группе была обнаружена всего в двух могилах лиц «не самого высокого статуса» (Малышев 2008б. С. 279–280). По оценке Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, «некоторые погребения этого могильника близки сиракским захоронениям зубовско-воздвиженской группы первой половины I в. н.э.» (Лимберис, Марченко 2010. С. 275).

связаны находки бюста его матери, Динамии, и комплекса сероглиняных мисок с пометками в виде «тамги Аспурга» (Онайко, Дмитриев 1982. С. 110, рис. 3; ср.: Малышев 2021. С. 157, рис. 10)⁴⁹. В любом случае эти и подобные им тамги подтверждают проникновение в этот регион, наряду с меотами, сарматов-сираков⁵⁰.

Судя по тому, что разрушение укрепленных поселений (домов-башен) в середине I в. н.э. не привело к заметным этнокультурным изменениям на некрополях юго-восточной периферии Боспора, следует думать, что население этого района, именуемое Страбоном аспургианами, здесь сохраняется. Тот факт, что и в III в. н.э. бытует историческое наименование области, населенной выходцами из меото-сарматской среды, которой управляет особый наместник царя (КБН 36, 1246=1248), подтверждает этот тезис.

По ходу изложения материала получилось так, что основное внимание мы уделили территории, которую занимали исторические тореты и, возможно, керкеты, а территория коренной равнинной Синдики (см.: Новичихин 2011. С. 11–14), где обитали синды, упомянутые Страбоном наряду с аспургианами, осталась несколько в стороне. Вообще говоря, это неудивительно. Е.М. Алексеева отметила, что «каменные некрополи»⁵¹ первых веков нашей эры «в окрестностях Анапы пока не выявлены» (Алексеева 1997. С. 28). В то же время у нас практически отсутствуют какие-либо данные и о погребениях местного населения III–I вв. до н.э. Я не решусь строить какие-либо выводы из этого обстоятельства, требующего дополнительного специального исследования⁵², и ограничусь констатацией того, что по археологическим данным ни о судьбе синдов, ни об аспургианах на территории, которая им отведена Страбоном, мы пока ничего определенного сказать не можем.

Вместе с тем, на основе эпиграфических документов можно уверенно полагать, что эти земли входили в состав территориально-административной области, еще и в III в. н.э. находившейся под управлением *ὁ ἐπί τῶν Ἀσπουργιανῶν* (КБН 36, 1246=1248). Строго говоря, название

⁴⁹ Цит. по рукописи статьи, подготовленной для публикации в «Истории России с древнейших времен» в 20 томах, том I (с согласия автора).

⁵⁰ Этноним «сираки» следует рассматривать как собирательный с самого начала их истории в Прикубанье. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко убедительно говорят о «межэтнической интеграции внутри сирако-меотского союза племен», формирование которого относят к позднему периоду (вторая половина I в. до н.э. – середина I в. н.э.) оседания кочевников-сираков в Прикубанье (Лимберис, Марченко 2010. С. 263–264, 275–276).

⁵¹ Эти погребальные памятники Е.М. Алексеева ошибочно связывает с торетами и керкетами, полагая, что синды обитали к северо-западу от них, на Таманском п-ове (ср.: Завойкин 2021б. С. 62, примеч. 24).

⁵² Выражаю искреннюю благодарность признанному знатоку памятников Анапского района, А.М. Новичихину, подтвердившему лакуну в наших знаниях о погребениях местного населения в указанное время, чему, как кажется, и сам он был удивлен.

должности этого представителя царской администрации следовало бы переводить как «наместник <области, населенной> аспургианами», а не «начальник аспургиан», поскольку все другие аналогичные должности с ó ἐπί... относятся к территориальным образованиям. Очевидно, что и в этом случае речь идет не об управлении неким этносом или политической группировкой, когда-то ориентированной на поддержку законного наследника боспорского престола, а об области, получившей свое наименование по имени тех, кто сыграл решающую роль в войне сына Асандроха и Динамии против Полемона I, названных аспургианами в честь своего «сюзерена».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. [*Alekseeva E.M.* Antichnyi gorod Gorgippia (The ancient city Gorgippia). Moscow, 1997.]
- Болыховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин О.Б., Фуаш Э.* Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК. 2002. Т. XII. С. 257–271. [*Bolikhovskaya N.S., Gorlov Yu.V., Kajtamba M.D., Myuller K., Porotov A.V., Parunin O.B., Fuash E.* Izmeneniya landshaftno-klimaticheskikh usloviy Tamanskogo poluostrova na protyazhenii poslednixh 6000 let (Changes in the landscape and climatic conditions of the Taman Peninsula over the past 6000 years) // Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury. 2002. Vol. XII. S. 257–271.]
- Болдырев С.И.* О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 1999. Т. 2. С. 30–38. [*Boldyrev S.I.* O vremeni pereimenovaniya Fanagorii v Agrippiyu (On the time of renaming Phanagoria to Agrippia) // Drevnosti Bospora. 1999. Vol. 2. S. 30–38.]
- Болтунова А.И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1. С. 86–92. [*Boltunova A.I.* Nadpis' Pifodoridy iz raskopok Germonassy (The inscription of Pythodoris from the excavations of Hermonassa) // Vestnik drevnei istorii. 1989. N 1. S. 86–92.]
- Бонин А.В.* Сельские поселения Боспора I в. до н.э. – середины II в. н.э. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2020. [*Bonin A.V.* Sel'skie poseleniya Bospora I v. do n.e. – serediny II v. n.e. (Rural settlements of the Bosporus I c. BC. – middle of the 2nd c. AD). Avtoreferat diss. kand. nauk. Moscow, 2020.]
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009. [*Vinogradov Yu.A., Goroncharovsky V.A.* Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.) (Military history and military

affairs of the Cimmerian Bosphorus (VI century BC – the middle of the III century AD)). St-Petersburg, 2009.]

Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170. [*Vinogradov Yu.G.* Ocherk voenno-politicheskoi istorii sarmatov v I v. n.e. (Essay on the military-political history of the Sarmatians in the 1st century AD) // *Vestnik drevnei istorii*. 1994. N 2. S. 151–170.]

Винокуров Н.И., Крыкин С.М. Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // ПИФК. 2017. № 4. С. 170–194. [*Vinokurov N.I., Krykin S.M.* Rimskaya politika v Severnom i Severo-Zapadnom Prichernomor'e v seredine I v. n.e. (Roman policy in the Northern and North-western Black Sea region in the middle of the 1st century AD) // *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*. 2017. N 4. S. 170–194.]

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Погребение боевого коня из Фанагории позднеримского времени // Нуранис. М., 2021. Т. 3. С. 18–41. [*Voroshilov A.N., Voroshilova O.M.* Pogrebeniye boyevogo konya iz Fanagorii pozdnerimskogo vremeni (Burial of a War Horse from Phanagoria in Late Roman Time) // *Нуранис*. Moscow, 2021. Vol. 3. S. 18–41.]

Вязкова О.Е., Гольева А.А., Малышев А.А. Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау: результаты комплексных исследований // *Abrau Antiqua* / Под ред. А.А. Малышева. М., 2008. С. 212–240. [*Vyazkova O.Ye., Gol'yeva A.A., Malyshev A.A.* Bosporskaya signal'no-storozhevaya sistema na poluostrove Abrau: rezul'taty kompleksnykh issledovaniy (Bosporan signal-sentry system on the Abrau peninsula: results of complex studies) // *Abrau Antiqua* / Ed. A.A. Malyshev. Moscow, 2008. S. 212–240.]

Гарбузов Г.П. «Страбон» рукав Кубани и хора Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 2 / Под ред. А.А. Завойкина (Фанагория; 4). М., 2016. С. 34–45. [*Garbuzov G.P.* «Strabon» rukav Kubani i khora Fanagorii (Strabons' branch of the Kuban' and the chora of Phanagoria) // *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*. Vyp. 2 / Ed. A.A. Zavoykin (Fanagoriya; 4). Moscow, 2016. S. 34–45.]

Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э. (Причерноморье в античную эпоху; 1). М., 1951. [*Golubtsova Ye.S.* Severnoye Prichernomor'ye i Rim na rubezhe n.e. (Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu; 1). Moscow, 1951.]

Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К. К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 2002. Т. XII. С. 248–257. [*Gorlov Yu.V., Porotov A.V., Yanina T.A., Fuash E., Myuller K.* K voprosu ob istoriko-geograficheskoy situatsii na Tamanskom poluostrove v period grecheskoy kolonizatsii (On the question of the historical and geographical situation on the Taman Peninsula during the peri-

- od of Greek colonization) // Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury. 2002. Vol. XII. S. 248–257.]
- Горнчаровский В.А.* Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. Вып. 3 / Под ред. С.Л. Соловьева, Г.Р. Цецхладзе. СПб., 2000. С. 54–58. [*Goroncharovskiy V.A.* Aspurgiane i voyenno-politicheskaya istoriya Bospora na rubezhe nashey ery (Aspurgians and the military-political history of the Bosphorus at the turn of our era) // Tamanskaya starina. Vyp. 3 / Ed. by S.L. Solovyov, G.R. Tsetskhladze. St-Petersburg, 2000. S. 54–58.]
- Горнчаровский В.А.* Между Империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени (Militaria Antiqua; II). СПб., 2003. [*Goroncharovskiy V.A.* Mezhdru Imperiyei i varvarami. Voennoye delo Bospora rimskogo vremeni (Between the Empire and the barbarians. Military affairs of the Bosphorus in Roman times) (Militaria Antiqua; II). St-Petersburg, 2003.] (a)
- Горнчаровский В.А.* Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 129–138. [*Goroncharovskiy V.A.* Rimsko-bosporskiy konflikt 40-kh godov I v. n.e. (Roman-Bosporan conflict of the 40s of the 1st century AD) // Vestnik drevnei istorii. 2003. N 3. S. 129–138.] (б)
- Грацианская Л.И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1988. С. 6–175. [*Gratsianskaya L.I.* «Geografiya» Strabona. Problemy istochnikovedeniya (Geography of Strabo. Problems of sources) // Drevneyshiy gosudarstva na territorii SSSR. 1986 god / Ed. by A.P. Novoseltsev. Moscow, 1988. S. 6–175.]
- Денисова В.И.* Боспор конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. (к проблеме переименования городов) // SYSSITIA. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 256–253. [*Denisova V.I.* Bospor kontsa I v. do n.e. – nachala I v. n.e. (k probleme pereimenovaniya gorodov) (Bosporus at the end of the 1st c. BC. – beginning of the 1st c. AD (on the problem of renaming cities)) // SYSSITIA. Pamyati Yu. V. Andreyeva. St-Petersburg, 2000. S. 256–253.]
- Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / Под ред. Д.В. Журавлева, Н.И. Шишлиной (Труды ГИМ; 201). М., 2014. С. 150–186. [*Zhuravlev D.V., Shlotsauyer U.* Nekotoryye itogi rabot Bosporskoey arkheologicheskoy ekspeditsii na Tamanskom poluostrove. 2006–2013 gg. (Some results of the work of the Bosporan archaeological expedition on the Taman Peninsula. 2006–2013 // Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya. K 100-letiyu otdela arkheologicheskikh pamyatnikov (Trudy GIM; 201). Moscow, 2014. S. 150–186.]

- Журавлев Д.В., Дан А., Герке Х.-Й., Кельтербаум Д., Шлотцауер У.* Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Географическая среда и социум / Отв. ред. В.Н. Зинько (Боспорские чтения; XVI). Керчь, 2015. С. 107–115. [*Zhuravlev D.V., Dan A., Gerke Kh.-Y., Kelterbaum D., Shlotsauyer U.* Novyye dannyye o geografii Tamanskogo poluostrova v antichnoye vremya (New data on the geography of the Taman Peninsula in ancient times) // *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya: Geograficheskaya sreda i sotsium* (Bosporskiye chteniya; XVI). Kerch, 2015. S. 107–115.]
- Завойкин А.А.* «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова) // ПИФК. 2017. № 3. С. 147–163. [*Zavoykin A.A.* «Bospor Kubanskiy» – ostrov – Germonassa (zametki po istoricheskoy geografii Tamanskogo poluostrova) (“Bospor Kuban” – the island – Germonassa (notes on the historical geography of the Taman Peninsula)) // *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*. 2017. N 3. S. 147–163.]
- Завойкин А.А.* Фанагория и Спартокиды (историко-археологический очерк) // ПИФК. 2021. № 4. С. 174–193. [*Zavoykin A.A.* Fanagoriya i Spartokidy (istoriko-arkheologicheskiy ocherk) (Phanagoria and Spartokides (historical and archaeological essay)) // *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*. 2021. N 4. S. 174–193.] (a)
- Завойкин А.А.* Варварские племена и их территории под властью Спартокидов // Нупанис. М., 2021. Т. 3. С. 58–71. [*Zavoykin A.A.* Varvarskiye plemena i ikh territorii pod vlast'yu Spartokidov (Barbarian tribes and their territories under the rule of the Spartokides) // Нупанис. Moscow, 2021. Vol. 3. S. 58–71.] (б)
- Завойкин А.А.* Южная окраина Фанагории в IV–I вв. до н.э. // ДБ. 2021. Т. 26. С. 142–165. [*Zavoykin A.A.* Yuzhnaya okraina Fanagorii v IV–I vv. do n.e. (The southern outskirts of Phanagoria in the 4th–1st centuries BC.) // *Drevnosti Bospora*. 2021. Vol. 26. S. 142–165.] (в)
- Завойкин А.А., Завойкина Н.В.* Ильичевская крепость и ее обитатели в I–II вв. н.э. // ДБ. 2017. Т. 21. С. 122–153. [*Zavoykin A.A., Zavoykina N.V.* Il'ichevskaya krepost' i yeye obitateli v I–II vv. n.e. (Ilyichevskaya fortress and its inhabitants in the I–II centuries AD) // *Drevnosti Bospora*. 2017. Vol. 21. S. 122–153.]
- Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А.* Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгиппии // ВДИ. 2018. № 3. С. 680–692. [*Zavoykina N.V., Novichikhin A.M., Konstantinov V.A.* Novaya posvyatitel'naya nadpis' Aspurga iz Gorgippii (New dedicatory inscription of Aspourgus from Gorgippia) // *Vestnik drevnei istorii*. 2018. N 3. S. 680–692.]
- Зубарев В.Г.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. 1999. Т. 2. С. 123–146. [*Zubarev V.G.* Aziatskiy

- Bospor (Tamanskiy poluostrov) po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii (Asian Bosphorus (Taman Peninsula) according to the ancient written tradition) // *Drevnosti Bospora*. 1999. Vol. 2. S. 123–146.]
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155–172. [Kuznetsov V.D. Novyye nadpisi iz Fanagorii (New inscriptions from Phanagoria) // *Vestnik drevnei istorii*. 2006. N 1. S. 155–172.]
- Кузнецов В.Д. Фанагория – столица Азиатского Боспора // *Античное наследие Кубани / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова*. М., 2010. Т. I. С. 431–469. [Kuznetsov V.D. Fanagoriya – stolitsa Aziatskogo Bospora (Phanagoria – the capital of the Asian Bosphorus) // *Antichnoye naslediyе Kubani / Ed. by G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov*. Moscow, 2010. Vol. I. S. 431–469.]
- Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства // *Латышев В.В. ПОНТИКА*. СПб., 1909. С. 60–128. [Latyshev V.V. Kratkiy ocherk istorii Bosporskogo tsarstva (A Brief Essay on the History of the Bosporan Kingdom) // *Latyshev V.V. PONTIKA*. St-Petersburg, 1909. S. 60–128.]
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сарматы // *Античное наследие Кубани / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова*. М., 2010. Т. I. С. 261–284. [Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Sarmaty (Sarmatians) // *Antichnoye naslediyе Kubani / Ed. by G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov*. Moscow, 2010. Vol. 1. S. 261–284.]
- Ломтадзе Г.А. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4 // *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова / Отв. ред. Д.В. Журавлев*. М., 2015. С. 151–163. [Lomtadze G.A. K voprosu o datirovke oboronitel'nykh sooruzheniy poseleniya Akhtanizovskaya 4 (On the issue of dating the defensive structures of the settlement Akhtanizovskaya 4) // *S Mitridata duyet veter. Bospor i Prichernomor'ye v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova*. Moscow, 2015. S. 151–163.]
- Малышев А.А. Погребальный обряд и планиграфия Раевского некрополя // *Юго-Восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Отв. ред. А.А. Малышев (Некрополи Черноморья; I)*. М., 2007. С. 137–141. [Malyshev A.A. Pogrebal'nyu obryad i planigrifiya Raevskogo nekropolya (Funeral rite and planigraphy of the Raevsky necropolis) // *Yugo-Vostochnaya periferiya Bospora v ellinisticheskoye vremya: po materialam Rayevskogo nekropolya / Ed. A.A. Malyshev (Nekropoli Chernomor'ya; I)*. Moscow, 2007. S. 137–141.] (a)
- Малышев А.А. Заключение // *Юго-Восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Отв. ред. А.А. Малышев (Некрополи Черноморья; I)*. М., 2007. С. 243. [Malyshev A.A. Zaklyucheniye (Conclusion) // *Yugo-Vostochnaya periferiya Bospora v ellinisticheskoye vremya: po materialam Rayevskogo nekropolya / Ed. A.A. Malyshev (Nekropoli Chernomor'ya; I)*. Moscow, 2007. S. 243.] (б)

- Мальшев А.А.* Погребальный обряд и планиграфия Цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: По материалам Цемдолинского некрополя / Отв. ред. А.А. Мальшев (Некрополи Черноморья; II). М., 2008. С. 129–135. [*Malyshev A.A.* Pogrebal'nyu obryad i planigrifiya Tsemdolinskogo nekropolya (Funeral rite and planigraphy of the Tsemdolinsky necropolis) // Aspurgiane na yugo-vostoke Aziatskogo Bospora: Po materialam Tsemdolinskogonekroplya / Ed. A.A. Malyshev (Nekropoli Chernomor'ya; II). Moscow, 2008. S. 129–135.] (a)
- Мальшев А.А.* Заключение // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: По материалам Цемдолинского некрополя / Отв. ред. А.А. Мальшев (Некрополи Черноморья; II). М., 2008. С. 279–280. [*Malyshev A.A.* Zaklyucheniye (Conclusion) // Aspurgiane na yugo-vostoke Aziatskogo Bospora: Po materialam Tsemdolinskogo nekropolya / Ed. A.A. Malyshev (Nekropoli Chernomor'ya; II). Moscow, 2008. S. 279–280.] (б)
- Мальшев А.А.* Юго-восточная периферия Боспорского царства // *Abrau Antiqua* / Под ред. А.А. Мальшева. М., 2009. С. 74–107. [*Malyshev A.A.* Yugo-vostochnaya periferiya Bosporskogo tsarstva (South-Eastern Periphery of the Bosporan Kingdom) // *Abrau Antiqua* / Ed. A.A. Malyshev. Moscow, 2009. S. 74–107.]
- Мальшев А.А.* Полуостров Абрау в римское время // *Hupanis*. М., 2021. Т. 3. С. 147–170. [*Malyshev A.A.* Poluoostrov Abrau v rimskoye vremya (Abrau Peninsula in Roman Time) // *Hupanis*. Moscow, 2021. Vol. 3. S. 147–170.]
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. [*Maslennikov A.A.* Naseleniye Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e. (The population of the Bosphorus state in the first centuries AD). Moscow, 1990.]
- Масленников А.А.* Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 6. С. 158–167. [*Maslennikov A.A.* Polemon I na Bospore (Polemo I on the Bosphorus) // *Bosporskiy Sbornik*. Moscow, 1995. Vyp. 6. S. 158–167.]
- Масленников А.А.* Монетные находки из «башен» на постмитридатовской хоре Европейского Боспора // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 327–335. [*Maslennikov A.A.* Monetnyye nakhodki iz «bashen» na postmitridatovskoy khore Yevropeyskogo Bospora (Coin finds from the “towers” on the post-Mithridatian chora of the European Bosphorus) // *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 2018. Vyp. 250. S. 327–335.]
- Медведев А.П.* О погребениях с конями в античном некрополе Фанагории // АМА. Саратов, 2014. Вып. 17. С. 272–288. [*Medvedev A.P.* O pogrebeniyakh s konyami v antichnom nekropole Fanagorii (On the burials with horses in the ancient necropolis of Phanagoria) // *Antichnyi mir i arkheologiya*. Saratov, 2014. Vyp. 17. S. 272–288.]

- Молев Е.А.* Аспургиане у Страбона // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995. Т. 2. С. 60–63. [*Molev Ye.A.* Aspurgiane u Strabona (Aspurgians at Strabo) // Drevnosti. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy yezhegodnik. Khar'kov, 1995. Vol. 2. S. 60–63.]
- Новичихин А.М.* Границы Синдики // Былые годы. 2011. № 3. С. 11–15. [*Novichikhin A.M.* Granitsy Sindiki (Borders of Sindica) // Bylyye gody. 2011. N 3. S. 11–15.]
- Новичихин А.М.* Синдская топонимия // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Краснодар; Анапа, 2014. С. 39–45. [*Novichikhin A.M.* Sinskaya toponimiya (Sindian toponymy) // Sindika, Gorgippiya, Anapa: issledovaniya po arkheologii i istorii. Krasnodar, Anapa, 2014. S. 39–45.]
- Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–122. [*Onayko N.A., Dmitriyev A.V.* Storozhevyye posty v okrestnostyakh Bat i nekotoryye voprosy sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii yugo-vostochnoy okrainy Bospora na rubezhe n.e. (Guard posts in the environs of Bata and some questions of the socio-economic and political history of the south-eastern outskirts of the Bosphorus at the turn of our era) // Vestnik drevnei istorii. 1982. N 2. S. 106–122.]
- Паль Е.П., Соколов М.П., Петров П.А., Безматерных А.Е.* Раскопки античного поселения Усадьба (х. Вознесенский, ЮЗ окраина) в Анапе (предварительное сообщение) // ДБ. 2020. Т. 25. С. 307–319. [*Pal' Ye.P., Sokolov M.P., Petrov P.A., Bezmaternykh A.Ye.* Raskopki antichnogo poseleniya Usad'ba (kh. Voznesenskiy, YuZ okraina) v Anape (predvaritel'noye soobshcheniye) (Excavations of the ancient settlement "Estate" (farm Voznesensky, SW outskirts) in Anapa (preliminary report)) // Drevnosti Bospora. 2020. Vol. 25. S. 307–319.]
- Панов А.Р.* К вопросу о политической ориентации Динамии // ПИФК. 2007. Вып. XVII. С. 286–291. [*Panov A.R.* K voprosu o politicheskoy oriyentatsii Dinamii (On the question of the political orientation of Dynamis) // Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury. 2007. Вып. XVII. S. 286–291.]
- Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Т. 1. С. 216–225. [*Paromov Ya.M.* Glavnyye dorogi Tamanskogo poluostrova v antichnoye vremya (The main roads of the Taman Peninsula in ancient times) // Drevnosti Bospora. 1998. Vol. 1. S. 216–225.]
- Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. [*Podossinov A.V.* Vostochnaya Yevropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii (Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition). Moscow, 2002.]
- Подосинов А.В.* Таманский полуостров в античной картографии // Античное наследие Кубани / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010.

- Т. I. С. 373–386. [*Podossinov A.V.* Tamanskiy poluostrov v antichnoy kartografii (The Taman Peninsula in Ancient Cartography) // *Antichnoye naslediyе Kubani* / Ed. by G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov. Moscow, 2010. Vol. I. S. 373–386.]
- Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа // *Древности. Труды Московского археологического общества*. Т. 25. М., 1914. С. 1–26. [*Rostovtsev M.I.* Bronzovyy byust tsaritsy Dinamii i istoriya Bospora v epokhu Avgusta (Bronze bust of Queen Dynamis and the history of the Bosphorus in the era of August) // *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. 25. Moscow, 1914. S. 1–26.] (a)
- Ростовцев М.И.* Страбон, как источник для истории Боспора // *Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В.П. Бузескула*. Харьков, 2014. С. 366–380. [*Rostovtsev M.I.* Strabon, kak istochnik dlya istorii Bospora (Strabo as a source for the history of the Bosphorus // *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva v chest' prof. V.P. Buzeskula*. Khar'kov, 2014. S. 366–380.] (б)
- Ростовцев М.И.* Медь Динамии и Аспурга // *ИТУАК*. 1918. № 54. С. 47–53. [*Rostovtsev M.I.* Med' Dinamii i Aspurga (Copper of Dynamis and Aspurgos) // *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii*. 1918. N 54. S. 47–53.] (a)
- Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. [*Rostovtsev M.I.* Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii (Hellenism and Iranism in the South of Russia). Petrograd, 1918.] (б)
- Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // *СА*. 1985. № 2. С. 65–78. [*Saprykin S.Yu.* Aspurgiane (Aspurgians) // *Sovetskaya Arkheologiya*. 1985. N 2. S. 65–78.]
- Сапрыкин С.Ю.* Боспор на рубеже двух эпох. М., 2002. [*Saprykin S.Yu.* Bospor na rubezhe dvukh epoch (Bosphorus at the turn of two eras). Moscow, 2002.]
- Сапрыкин С.Ю.* Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) // *Античное наследие Кубани* / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. Т. II. С. 80–132. [*Saprykin S.Yu.* Pozdneellinisticheskii i rimskiy periody (I v. do n.e. – seredina III v. n.e.) (Late Hellenistic and Roman periods (1st century BC – middle of the 3rd century AD) // *Antichnoye naslediyе Kubani* / Ed. by G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov. Moscow, 2010. Vol. II. S. 80–132.]
- Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Epigraphica Pontica II: новая надпись Пифодориды из Пантикапея // *ВДИ*. 2009. № 3. С. 138–147. [*Saprykin S.Yu., Fedoseyev N.F.* Epigraphica Pontica II: novaya nadpis' Pifodoridy iz Pantikapeya (Epigraphica Pontica II: a new Pythodoris inscription from Panticapaeum) // *Vestnik drevnei istorii*. 2009. N 3. S. 138–147.]
- Смолин В.Ф.* К вопросу об источниках Страбона по Боспорскому царству // *ИТОИАЭ*. 1929. Т. 3. С. 66–71. [*Smolin V.F.* K voprosu ob istochnikakh Strabona po Bosporskoyu tsarstvu //

- bona po Bosporskomu tsarstvu (On the issue of Strabo's sources on the Bosporan kingdom) // *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii*. 1929. Vol. 3. S. 66–71.]
- Сокольский Н.И.* Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21–30. [*Sokol'skiy N.I.* Krepost' aspurgian na Bospore (Aspurgian' fortress on the Bosporus) // *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 1975. Vyp. 143. S. 21–30.]
- Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. [*Sokol'skiy N.I.* Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrisaliska (Taman tholos and residence of Chrysaliscus). Moscow, 1976.]
- Сопова Н.К.* Правление Аспурга на Боспоре в освещении русской (дореволюционной) и советской историографии // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 112–123. [*Sopova N.K.* Pravleniye Aspurga na Bospore v osveshchenii russkoy (dorevolyutsionnoy) i sovetskoy istoriografii (The reign of Aspurgos in the Bosporus in the coverage of Russian (pre-revolutionary) and Soviet historiography) // *Voprosy istorii i arkheologii Bospora*. Voronezh; Belgorod, 1991. S. 112–123.]
- Толстой И.И.* Из области боспорской ономастики // ВДИ. 1955. № 1. С. 9–15. [*Tolstoy I.I.* Iz oblasti bosporskoy onomastiki (From the field of Bosporan onomastics) // *Vestnik Drevnei Istorii*. 1955. N 1. S. 9–15.]
- Тохтасьев С.Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. СПб., 2002. Вып. 4. С. 11–32. [*Tokhtas'yev S.R.* ΣΙΝΔΙΚΑ (Sindika) // *Tamanskaya starina*. St-Petersburg, 2002. Vyp. 4. S. 11–32.]
- Фролова Н.А.* Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. 1989. Т. XV. С. 3–18. [*Frolova N.A.* Mednyye monety Bospora kontsa I v. do n.e. – nachala I v. n.e. (Bosporus copper coins of the end of the 1st c. BC. – beginning of the 1st c. AD) // *Numizmatika i Epigrafika*. 1989. Vol. XV. S. 3–18.]
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. – 210/211 г. н.э. М., 1997. [*Frolova N.A.* Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.). Ch. I. Monetnoye delo Bospora 49/48 g. do n.e. – 210/211 g. n.e. (Coinage of the Bosporus (mid-1st century BC – mid-4th century AD). Part I. Coinage of the Bosporus 49/48 BC – 210/211 AD). Moscow, 1997.]
- Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / Отв. ред. Т.В. Блаватская. М., 1990. С. 128–215. [*Yaylenko V.P.* Dinasticheskaya istoriya Bospora ot Mitridata Yevpatora do Kotisa I (Dynastic history of the Bosporus from Mithridates Evpator to Kotys I) // *Epigraficheskiye pamyatniki i yazyki drevney Anatolii, Kipra i an-*

tichnogo Severnogo Prichernomor'ya / Ed. by T.V. Blavatskaya. Moscow, 1990. S. 128–215.]

Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире / Отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин. М., 1995. С. 204–272. [*Yaylenko V.P.* Zhenshchiny, Afrodita i zhritsa Spartokidov v novykh bosporskikh nadpisyakh (Women, Aphrodite and the priestess of Spartokids in the new Bosporan inscriptions) // Zhenshchina v antichnom mire / Ed. by L.P. Marinovich, S.Yu. Saprykin. Moscow, 1995. S. 204–272.]

Яйленко В.П. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010. [*Yaylenko V.P.* Istoriya i epigrafika Bospora VI v. do n.e. – V v. n.e. (History and epigraphy of the Bosphorus in the 6th c. BC. – 5th c. AD). Moscow, 2010.]

Braund D. Polemo, Pythodoris and Strabo: friends of Rome in the Black Sea Region // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat / Ed. by A. Coşkun [et al.]. Göttingen, 2005. P. 253–270.

Alexey A. Zavoykin

ASPOURGIANS: 500 STADIA BETWEEN PHANAGORIA AND GORGIPPIA

In the ancient literary and cartographic tradition, the mention of the Aspourgians goes back to the information of Strabo (XI. 2, 11; XII. 3, 29), who considered them one of the Meotian tribes, who lived “near” (περί) Sindica “in the space of 500 stadia between Phanagoria and Gorgippia. This mention of Aspourgians is connected solely with the fact that in 8 BC. they captured and killed the Roman henchman on the Bosporan throne – Polemo I. In addition, the ethnonym “Aspourgians” appears in Bosporan epigraphic documents of the 3rd century AD, where the nomenclature of the official who controlled the administrative-territorial region is noted – ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν (CIRB 36, 1246=1248). In historiography, there are many conflicting points of view on the origin, character and historical role of the Aspourgians. However, the prevailing opinion is that the name “Aspourgians” is associated with the name of King Aspurgos (they supported him against Polemo), although Aspurgos is not mentioned in Strabo, and various researchers start his reign attributed to 8 BC. before 14 AD (now confirmed by a new epigraphic monument terminus ante quem – 6/7 AD). At the same time, recognizing the Aspourgians as “barbarians”, most scientists consider them not a separate tribe (or its faction), but military settlers (*katoikoi*) endowed with land in the service of the Bosporan kings, who defended the eastern borders of the state.

The author of this article, relying on modern ideas about the paleogeography of the region, an analysis of the administrative-territorial division of the Asian Bosphorus

and archaeological evidence (both settlements and necropolises), tried to clarify the ideas about the habitat of aspourgians, the chronology of events associated with their appearance in the Bosphorus. This made it possible to abandon a number of outdated views and remove some imaginary contradictions between different points of view on the origin and place of the Aspourgians in Bosporan history.

Strabo's "Ἀσπουργιανοί" should be understood as representatives of the Meo-to-Sarmatian world settled by the Bosporan kings in the region of the modern region of Anapa-Novorossiysk in order to defend the southeastern borders of the state. These military settlers supported the legitimate heir to the Bosporan throne, Aspurgos, in his struggle against Polemo I, after which they received the name "aspourgianoί". The compact area of inhabitancy of the "supporters of Aspurg" constituted a special administrative district of the Asian Bosphoros, which was ruled by "governors of the <area> aspourgianoί" (οἱ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν).

Keywords: Asian Bosphoros, Sindika, Aspurgos, aspourgianoί, paleogeography, administrative-territorial districts, archaeology

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-272-305

Klaus Geus

POMPONIUS MELA, *DE CHOROGRAPHIA*: BEKANNTES, VERKANNTES, UNBEKANNTES ZU PERSON UND WERK

Die „Chorographie“ (*de chorographia* bzw. *cosmographia* bzw. *de situ orbis*) des Pomponius Mela ist das erste geographische Werk in lateinischer Sprache. Es entstand während der Regierungszeit des Kaisers Claudius im Winter des Jahres 43/44 n. Chr. Die Selbstcharakterisierung des Autors als „ein unzugängliches Werk, das für eine elegante Darstellung schlecht geeignet ist“ (*impeditum opus et facundiae minime capax*) ist in der modernen Forschung meist unbesehen übernommen worden: die Einschätzung von Melas „Chorographie“ schwankt daher zwischen „Schulbuch“ aus „bloßem Allgemeinwissen“ und trockener „Hofgeographie“ eines „iberorömischen“ Angehörigen des Ritterstandes. Eine nähere Analyse zeigt jedoch, dass solche Ansichten unhaltbar sind: Pomponius Mela erweist sich in Wirklichkeit als ein literarisch begabter und seine Leser fordender Schriftsteller, der seinen Stoff abwechslungsreich, mit erstaunlichem Maß an wissenschaftlichen Kenntnissen und mit großem literarischen Können gestaltet hat. Hervorzuheben sind vor allem sein durchdachter und stringenter Aufbau sowie die bis in Kleinste ausgefeilte Sprache: beispielsweise vermeidet Mela in seiner Beschreibung des Pontus bzw. Schwarzen Meeres ganz bewusst jede Wiederholung und versucht die verschiedenen Erscheinungsformen des Wassers (Meere, Flüsse, Seen usw.) sprachlich adäquat und literarisch abwechslungsreich wiederzugeben. Anders als bisher in der Forschung gesehen, versteht sich Mela auch nicht primär als „Römer“ – Rom und die Römer kommen in seinem Werk erstaunlich selten vor und werden zudem recht nüchtern geschildert, – sondern als ein aus Nordafrika nach Tingentera (Spanien) ausgewandertes „Phönizier“. Dementsprechend sind es die Phönizier, die sehr positiv charakterisiert werden und als die Urheber zahlreicher Wissenschaften und Fertigkeiten gelten.

Der vorliegende Beitrag lädt dazu ein, das Werk des Pomponius Mela unter verschiedenen Perspektiven neu zu lesen: *de chorographia* ist nicht nur ein wichtiges Werk der antiken Geographie, sondern auch, und zwar vor allem, ein bisher verkanntes literarisches Kunstwerk.

Keywords: Pomponius Mela, *chorographia*, Pontos/Schwarzes Meer, antike Geographie, Periplus, Phönizier

Einleitung: ein impeditum opus et facundiae minime capax?

Die *Chorographie* des Pomponius Mela ist ein selten benutztes und noch seltener gelesenes Werk. Dafür mag es gute Gründe geben: zum einen bietet Mela nur vereinzelt Informationen, die sich nicht auch bei anderen, meist bekannteren Autoren finden. Zum anderen hat der Autor selbst seine *Chorographia* in der Einleitung (1, 1) als „ein unzugängliches Werk, das für eine elegante Darstellung schlecht geeignet ist (*impositum opus et facundiae minime capax*), bezeichnet“¹. Wie sollte sich da die Mühe lohnen, wenn schon der Autor die Messlatte so tief hängt? Weiterhin ist aktuell keine deutsche Übersetzung des Textes im Handel; Kommentare liegen nur in Form der Ausgaben von Parroni 1984, Silberman 1988/2003 und Podossinov 2017 (vgl. außerdem Podossinov, Skržinskaja 2011) vor. Und nicht zuletzt finden sich in der Sekundärliteratur, insbesondere unseren „Handbüchern“, so erschreckende Vokabeln wie „tröge“, „unoriginell“ (Brodersen 1996. S. 30), „trite“ (Irby 2019. S. 104), „oft geschraubt“ (Stürenburg 1932. S. 14), „rhetor[ischer] Schwulst“ (Lasserre 1975. Sp. 1040), „bloßes Allgemeinwissen“ (Brodersen 1996. S. 39) usw. Kurzum: Melas Werk ist heute nur einigen wenigen Spezialisten vertraut.

Im Folgenden möchte ich einige Ansichten, die als *communes opiniones* der Forschung gelten dürfen, hinterfragen. Dabei gehe ich vor allem auf Beiträge von Brodersen 1996 und Irby 2019 ein. Zuletzt möchte ich dafür werben, sich doch näher mit Melas *De chorographia* zu beschäftigen. Das tue ich nicht nur aus Sicht der historischen Geographie, sondern auch aus der eines Liebhabers der lateinischen Sprache. Mir scheint nämlich Mela nicht nur als Geograph, sondern auch, und zwar vor allem, als Schriftsteller verkannt zu sein.

Longum iter est per praecepta, breve et efficax per exempla: der Stand der Forschung

In einem gut lesbaren Aufsatz über „antike Texte im frühen Erdkundeunterricht“ fasst Kai Brodersen unseren Kenntnisstand zur *Chorographie* des Pomponius Mela folgendermaßen zusammen:

„Pomponius Mela aus Tingentera bei Cádiz bietet in seinem geographischen Werk *De chorographia* nach einer kurzen *summa* der „mathematischen“ Geographie (wobei er die Kugelgestalt der Erde und die Existenz der Antichthonen auf der Südhalbkugel vertritt) eine Darstellung der ganzen seinerzeit bekannten Welt anhand fiktiver Fahrten – vor allem entlang der

¹ Wegen des großen Bedeutungsspektrums von *opus* kann man hier auch mit „diffizile Aufgabe“ übersetzen. Es finden sich weitere Stellen in seinem Werk, wo Mela offenbar bewusst mit unterschiedlichen Konnotationen einzelner Wörter und Wendungen spielt.

Küsten – von seinem Heimatland im Westen bis nach Ostasien, vom ewigen Eis im Norden Europas bis zur Gluthitze Afrikas; großen Wert legt er dabei auf Stätten, die Schauplätze der antiken Literatur waren. Besonders ausführlich behandelt Mela die Länder rings ums Mittelmeer, allein Italien bespricht er nur kurz – *nota sunt omnia* – ja, über Rom gibt er lediglich an:

«Rom, einst von Hirten gegründet, ist heute, wenn man vom Baumaterial spricht, eine Neuschöpfung» (1996. S. 30).

Weiterhin ist für Brodersen Melas Text ein „in der Antike vielgelesene[s], von der Altertumswissenschaft jedoch wegen ihrer unoriginellen Sammlung bloßen Allgemeinwissens² häufig geschmähte[s] Werk“ (1996. S. 30). Dem Autor sei „besonders an der Unterweisung in Literatur“ gelegen, mithin sei die *Chorographie* ein „Schulbuch“ (Brodersen 1996. S. *passim*). Durch einen Fingerzeig auf den erfolgreichen Britannien-Feldzug des Kaisers Claudius (auf den Mela in einem von Eduard Norden erkannten Wortspiel – *tam diu clausam* (sc. *Britanniam insulam*) (3, 49) – anspielt³) und die Prognose eines bevorstehenden Triumphes lässt sich das Werk recht sicher datieren:

„Melas Zeitgenossen interessierten sich offenbar sehr für die «Stämme jenseits des Ozeans», und diesem aktuellen Interesse kam Mela im Winter 43/44 n. Chr. mit seinem geographischen Werk entgegen“ (1996. S. 31).

Im Folgenden spricht Brodersen aber dann nur noch von „einer Kreuzfahrt entlang den Küsten und Inseln“, wodurch „das Hinterland weniger ausführlich behandelt“ (1996. S. 31) wird. Man mag sich hier fragen: warum hat Mela eine Darstellungsform gewählt, bei dem das Hinterland eine untergeordnete Rolle spielt, wenn es doch angeblich die Völker und Stämme sind, wofür sich seine Zeitgenossen interessierten? Das stimmt auch nicht so ganz, wie beispielsweise die Darstellung Germaniens zeigt, wo das Landesinnere und die Bewohner – zugegebenermaßen mit den typischen ethnographischen *topoi* der damaligen Zeit – beschrieben werden⁴. En passant weise ich auch noch darauf hin, dass Melas Anordnungsprinzip – zunächst ein Periplus *gegen* den Uhrzeigersinn von den Säulen des Herkules (Gibraltar) in der Reihenfolge Afrika, Asien und Europa, gefolgt von einem Periplus *im* Uhrzeigersinn auf dem ä-

² Vgl. auch Brodersen 1996. S. 39.

³ Claudius' Name wird zwar nicht explizit genannt, aber das *ecce* legt einen Zusammenhang mit der Gegenwart des Autors nahe. Mela bezeichnet ihn als „größten Kaiser, ein Sieger über vor ihm nicht nur unbezwungene, sondern auch unbekannte Völkerstämme. So wie er seinen Taten durch den Krieg Glaubwürdigkeit verschaffte, bringt er uns jetzt ihre Beweise und wird sie im Triumph deklarieren“. Ist das vielleicht (ein Hauch von) Ironie, die sich konkret auf die „Marotte“ des eigentlichen unkriegerrischen Claudius, 27 Akklamationen zum Imperator auf dem Schlachtfeld anzunehmen? Zur Ironie bei Mela bereite ich einen eigenen Aufsatz vor.

⁴ Kennt Tacitus Mela? Dafür plädierte Manitius 1882; dagegen Gisinger 1952. Sp. 2405, der die Parallelen auf eine gemeinsame Quelle zurückführt; vgl. auch Silberman 1988/2003. S. XLIII, Anm. 1. Vgl. auch unten Anm. 7 zu einer Differenz zwischen Tacitus und Mela.

Beren Meer zurück zu den Säulen des Herkules – Melas eigene Erfindung zu sein scheint⁵.

Brodersen geht dann auf das Nachleben des Mela ein. Er wird vom älteren Plinius mehrfach, allerdings nur in den Autorenlisten genannt; Solinus und Martianus Capella benutzen ihn zwar nach Brodersen „immer wieder“ (Id. S. 32), aber wegen der Zwischenquelle Plinius mögen die Nennungen dort vielleicht größtenteils aus zweiter Hand stammen. Hinzu kommen noch Erwähnungen in Jordanes' *De rebus Geticis*⁶ (6. Jh.) und – das scheint auffällig – in den Scholien zu Juvenal und bei dem Vergil-Kommentator Servius im frühen 5. Jh.⁷. Das war es dann auch schon mit den Belegen für die Rezeption des Mela in der Antike. Aus seinem Dornröschenschlaf erweckten ihn im 14. Jh. die italienischen Renaissance-Autoren Petrarca und Boccaccio.

Der Franke Johannes Cochlaeus (1479–1552)⁸, der übrigens die Passage von der Eroberung Britanniens noch auf C. Iulius Caesar bezogen und damit

⁵ Reiserouten gegen den Uhrzeigersinn finden sich später in Aelius Aristides' *Rom-Rede* (82) und im *Itinerarium Antonini*. Vgl. Salway 2012. S. 215. Zu Periplus und zur peripolographischen Literatur vgl. bes. die unter Anleitung von González Ponce in Sevilla (GAHIA) initiierten Arbeiten, z.B. González Ponce 2019 mit einigen interessanten Bemerkungen auch zu Mela; vgl. außerdem zu den Organisationsprinzipien des Mela Podossinov 2010.

⁶ Belege und Similia nach Silberman 1988/2003. S. LIII: Mela 2, 6–7 = Iord. get. 46; Mela 3, 50 = Iord. Get. 11. 13; Mela 3, 51 = Iord. Get. 13. 14. 15; Mela 3, 52 = Iord. Get. 15; Mela 3, 54 = Iord. Get. 16. Wörtlich zitiert ist Mela aber nur in Iord. Get. 16 zu Skandinavien: *De hac etenim in secundo sui operis libro Claudius Ptolomeus, orbis terrae discriptor egregius, meminit dicens: est in Oceani arctoi salo posita insula magna, nomine Scandza, in modum folii cetri, lateribus pandis, per longum ducta concludens se. De qua et Pomponius Mela in maris sinu Codano positam refert, cuius ripas influit Oceanus*. Die (sichere?) Abhängigkeit des Jordanes von Mela verdiente eine eigene Untersuchung, weil Jordanes' Bemerkung zu Ptolemaios' *Geographie* des scheinbar wörtlichen (aber gar nicht vorhandenen) Zitats gerade *nicht* auf eine direkte Kenntnis dieses Werkes hindeutet. Auf den ersten Blick gibt es zwar Parallelen und eine namentliche Erwähnung des Mela. Allerdings beruft sich Jordanes am Anfang seiner Erdbeschreibung auf Orosius und scheint viele Quellen aus zweiter Hand wie eben Ptolemaios zu zitieren. Dass Jordanes Melas *De chorographia* direkt benutzt hat, ist aus den Parallelen nicht zwingend zu schließen.

⁷ Schol. Iuv. 2, 159–160 (1. Hälfte 5. Jh.): *Iuberna insula Britanniae est sita in Oceanu mari, a qua non longe sunt triginta aliae Orcades insulae, quas Mela scribit* = Mela 3, 54 (das mag aus zweiter Hand stammen; Mela wird hier entweder wegen der Zahl 30 zitiert oder weil er der erste lateinische Autor ist, der die Orkaden erwähnt; vgl. Plin. NH 4, 103 (40 *Orcades* und ausführlichere Beschreibung, was gegen eine Benutzung des Mela hier spricht); Ptol. geogr. 2, 3, 31 (*peri triakonta ton arithmon*); Tac. Agr. 10, 4, der behauptet, dass Agricola die bis dahin unbekanntem Inseln entdeckt hat, was eigentlich Mela widerspricht. Dass Tacitus den Mela nicht kannte, ist damit aber nicht gesagt; Tacitus mag hier *ad maiorem gloriam Agricolae* den Mela ignorieren); Serv. ad Verg. Aen. 9, 30 (*altus per tacitum Ganges fluvius Indiae est, qui secundum Senecam in situ Indiae novem alveis fluit, secundum Melonem (sic) septem: qui tamen et ipse commemorat non nullos dicere, quod tribus alveis fluat. Vergilius tamen, Nilo eum iungens, septem alveos habere significat*) = Mela 3, 68; Silberman 1988/2003. S. LIII verweist auch auf ad Verg. Aen. 4, 146 (ohne namentliche Nennung: *pictique agathyrsi populi sunt Scythiae, colentes Apollinem hyperboreum, cuius logia, id est responsa, feruntur. picti autem, non stigmata habentes*) = Mela 2, 10, was aber für eine direkte Benutzung kaum schlagend ist (und die falsche Namensform spricht m. E. gegen eine solche). Als Belege für einen Schulkontext lassen sich die Scholien-Stelle jedenfalls nicht heranziehen. Nachantik sind die Erwähnungen Melas bei Einhart und bei dem anonymen Autor *De situ orbis*.

⁸ Zum geographischen Werk des Cochlaeus vgl. bes. Samuel-Scheyder 1993. S. 221–271.

einen anderen *terminus ad quem* für Mela vermutet hatte, gab 1512 eine viel beachtete und benutzte, und nicht zuletzt auch überarbeitete und ergänzte Fassung des Mela heraus – er wollte u.a. den Mela für Germanien „aktualisieren“ – und verhalf Mela in der Frühen Neuzeit nun tatsächlich zum Rang eines Schulbuchautors in der Geographie⁹.

Soweit Brodersen. In der Gesamttendenz ähnlich, aber mit doch merklich anderer Akzentuierung hat vor kurzem Georgia L. Irby ihren Beitrag „Tracing the *Orbis terrarum* from Tingentera“ (2019. S. 103–104) eingeleitet:

„One of several Iberian intellectuals at the Roman court in the mid-first century AD, Pomponius Mela was the first systematic geographer writing in Latin whose work survives intact. He composed under Claudius and may have intended his *Chorography* to celebrate that emperor’s British triumph (3.49–52). Despite scholarly precedent, Mela took his own route around the Mediterranean. While starting at the traditional spot, the Pillars of Hercules, his maverick decision to work counter-clockwise around „Our Sea“ (*Mare Nostrum*) nonetheless allows him to place his hometown, Tingentera, an obscure Phoenician settlement near the Strait of Gibraltar, roughly at the center of the treatise and of his cosmos. Just as Apollo’s sanctuary at Delphi stood at the center of the early Greek geomythical world, so the Pillars of Hercules, which structure both Mela’s worldview and his text, serve as his personal *omphalos*. Had Mela followed the conventional clockwise path, Tingentera would have been quickly described, passed over, and forgotten early in the opus. Instead, Mela deliberately brings his hometown just off-center“.

Dies sind also Irbys grundlegende Hypothesen zum Aufbau von *De chorographia*. Etwas später schreibt sie noch (2019. S. 106):

„Mela was hardly an aspiring scientific geographer: he lacked the technical preparation. Even the casual reader will notice that Mela usually omits distances¹⁰. But our author is curious about the world, including its size, how the earth has changed over time, and the length of daylight in different part of the world. Even if Mela had know Strabo’s work, he would likely have felt no compulsion to rewrite the *Geographika* in Latin. Mela offers something new, a Greek-style periplus („coasting guide“) with Silver Age patina, a Roman conception of geography of the inhabited world in Latin for an educated audience“.

⁹ Einzelheiten bei Brodersen 1996.

¹⁰ In *De chorographia* finden sich immerhin 19 Entfernungsangaben, davon dreizehn in römischen *milia passum*, drei in griechischen Stadien und drei in der Einheit „Tagesreisen“. Zwar kann von einer systematischen Verwendung von Distanzen nicht die Rede sein, aber wenn sie vorkommen, sind sie von Mela aus stilistischen Gründen eingesetzt: sie unterstreichen dann die jeweilige Größe bzw. Kleinheit von geographischen Räumen mit quasi „mathematischer“ Genauigkeit. Positiver über Melas wissenschaftlichem „Background“ und wissenschaftlichen Kenntnissen auch Shcheglov 2014.

Um dann noch etwas mehr zum Lesepublikum und der Wirkungsabsicht des Mela zu sagen, zieht Irby 2019. S. 129–134 („Mela the Roman Stylist“) zum Abschluss ihres Artikels einen Vergleich zwischen dem berühmten Anfang von Caesars *Bellum Gallicum* 1, 1 und Melas *Chorographie* 2, 87–88. Ihre Ergebnisse fasst sie dann folgendermaßen zusammen (2019. S. 133–134):

„Why, we may ask, does Mela evoke Caesar? We know that, unlike other equestrian writers, there is little to suggest that Mela pursued a political career. Rome’s more technical geographers, Caesar, Agrippa, and Pliny the Elder, each had extensive firsthand experience of Roman provincial administration which informed their cartographic initiatives, and, like Caesar, both Agrippa and Pliny the Elder aimed to elevate Roman geographical accomplishments in their cartographical works and to promote Roman accomplishments abroad, thus exalting Roman culture and virtue. Mela likely lacked this direct experience of governance, and he consequently imitated Caesar to heighten the authority of his own treatise. Mela’s work in geography was hardly practical. No magistrate would ever have consulted Mela in any serious way. He was a court geographer, not a magistrate in the provincial field, but he tapped into magisterial authority with subtle allusions to Caesar. In imitating Caesar, Mela heightened the authority of his treatise as an „official“ *Roman geography*“¹¹.

Soweit Irby. Zusammenfassend gesagt: Während Brodersen Melas Schrift *De chorographia* vor allem als ein römisches „Schulbuch“ liest, sieht Irby in Mela einen literarischen Nachfahren Caesars, der eine „offizielle“ *Geographie* für den oder sogar am Hof des Kaisers Claudius verfasst hat.

Mir scheinen beide Ansichten nicht das Richtige zu treffen.

Ich kann an dieser Stelle nicht alle Argumente, die Brodersen und Irby (aber auch andere Autoren) vorgebracht haben, analysieren und besprechen. Das ist in diesem Rahmen auch wenig sinnvoll. Was ich aber kann und im Folgenden auch tun werde, ist, einige Aussagen aus den vorliegenden Zitaten herauszugreifen und zu kommentieren. Ich setze aber zum Schluss ein paar eigene Beobachtungen und Hypothesen dagegen, sodass jede oder jeder in meinem bewusst zugespitzten Vergleich seine eigene Meinung bilden kann.

Ingeminant plausu Tyrrii, Troesque sequuntur“: „Höfische Geographie“ vs. „Schulbuch“?

Beginnen wir mit Irbys erster Hypothese, dass Mela ein „court geographer“ sei, der als Angehöriger des Ritterstandes am Hof des Kaisers Claudius

¹¹ Nach Irby war also Caesar das Vorbild Melas in geographischen, mithin kartographischen Dingen. Dem wird man sich nur dann anschließen können, wenn man die aus spätantiken Texten bekannten Erzählung von der Vermessung der Erdteile als Tatsache ansieht. Für Caesar und Cicero am Ende der römischen Republik scheint übrigens Eratosthenes die gültige Autorität zu sein.

¹² Verg. Aen. 1, 747.

seine *Chorographia* als „offizielle Geographie“ publiziert hat. Diese Ansicht basiert auf sehr schwachen Indizien: Fast alles was wir über die Person Melas wissen oder zu wissen glauben, ist seinem Werk zu entnehmen. Zwar galten die plebeischen Pomponii der römischen Republik und frühen Kaiserzeit als angesehenere Familie, deren Angehörige sich auf Numa Pompilius zurückführten, mehrfach den Konsulat besetzten und literarisch tätig waren – unter ihnen besonders Ciceros Freund Pomponius Atticus –, aber ob Mela dieser Familie angehörte, ist mehr als fraglich.¹³ Dagegen spricht schon seine Herkunft. Mela sagt von sich selbst in 2, 96:

... et quam transvecti ex Africa Phoenices habitant atque unde nos sumus Tingentera. Tum Mellaria et ...

„... (das ist die Stadt), welche aus Afrika übergesetzte Phönizier bewohnen und woher wir [i.e. Mela] stammen: Tingentera“.

Die beiden Verbalformen im Präsens (*habitant*, *sumus*) zeigen, dass Melas Vorfahren Phönizier sind und er in der südspanischen Stadt Tingentera zu Hause ist. Dass er in Rom lebte, wird ebenso wenig gesagt¹⁴, wie dass er aus dem Ritterstand stammte. Überhaupt ist wenig von einer „römischen“ Identität des Mela in dem Werk zu spüren. Die Stadt Rom wird ein einziges Mal (!) in *De chorographia* (2, 60) erwähnt¹⁵. Die Römer kommen auch sonst nur sporadisch vor¹⁶. Eine „römische“ Geographie oder gar eine „höfische Geographie“ fast ganz ohne Römer? Das ist schlichtweg undenkbar¹⁷.

Damit sind wir bei Irby zweiter Hypothese angelangt, bei der Frage nach Melas Identität. Irby (2019. S. 103–104) schreibt dazu:

„Mela’s Iberian origins linger in the background, and his work reflects complex tensions between these two cultural identities, Iberian and Roman. On the one hand, Mela features Rome at the physical center of the *Chorography* (2.60), but his trite summary of the imperial capital, barely described in a survey of Italian cities, contrasts sharply with the hyperbole with which he treats the Iberian peninsula. In addition, he foregrounds Hercules, a mythological hero whose territory included the extreme western edge of the Mediterranean and whose cult was particularly vigorous in southern Iberia ... Although Mela may declare his cultural *Romanitas* in many ways, his presentation of geography is a complex harmony of his Roman, Silver Age, and Tingenteran outlook“.

¹³ Die berühmten Pomponii leiteten ihre Herkunft auf Numa Pompilius zurück; vgl. Plut. Numa 21, 2; außerdem Nep. Att. 1, 1 (*ab origine stirpis Romanae generatus*). Dieser ist aber in *De chorographia* ebensowenig erwähnt wie andere historische bedeutsame Pomponii.

¹⁴ Diese Annahme beruht auf der missverstandenen Angabe in 2, 78; vgl. die auch Lasserre 1975. Sp. 1039–1040.

¹⁵ Grundsätzlich ist bei Mela die Regel „eine Stadt, eine Erwähnung“ zu beobachten. Wichtigste Ausnahmen sind Karthago und Gades.

¹⁶ Vgl. neben generischen Aussagen wie *colonia Romana* v. a. die (wenigen) Stellen 1, 34; 2, 56. 57. 60; 105.

¹⁷ Vgl. zu diesem Problem auch Traina 2020.

Nach Irbys Hypothese handelt es sich also bei Pomponius Mela um einen römisch-spanischen Autor, der seine Heimat bewusst in den Mittelpunkt seines Werkes gestellt hat. Daran ist richtig, dass Mela aus der Stadt Tingentera bei Cádiz stammte. Das sagt, wie wir gesehen haben, Mela selbst in 2, 96: „... (das ist die Stadt), welche aus Afrika übergesetzte Phönizier bewohnen und woher wir [sc. Mela] stammen: Tingentera“. Allerdings geht Mela bereits im nächsten Satz: „Darauf kommen die Städte Mellaria ...“ zu den anderen Städten über. Von einer herausgehobenen Stellung Tingenteras zu sprechen, ist sichtlich eine Übertreibung¹⁸. Falsch ist nämlich auch Irbys nächste Behauptung, dass Tingentera in der Mitte von Melas Werk (und des Kosmos!) stünde. Zugegeben: Irby schreibt „roughly“. Aber die Mitte von Melas Werk liegt, wie man beim Nachzählen der Worte leicht feststellen kann, nicht bei 2, 96, sondern schon etwa bei 2, 58. Und das ist natürlich kein Zufall. In 2, 58 hält nämlich Mela mit seiner Beschreibung sichtlich inne und stellt in einem Zwischenresümee fest:

„Über Italien wird – mehr weil es die Disposition verlangt als weil es notwendig ist, es (also Italien) vorzustellen – nur wenig gesagt werden: bekannt ist (ja schon) alles“.

Also nicht Spanien, sondern Italien (das bis 2, 73, den Alpen, beschrieben wird) steht bei Mela im Mittelpunkt seines Werkes. Übrigens ist aus dem *nota omnia* keineswegs mit Brodersen und Irby zu schließen, dass Melas Beschreibung Italiens weniger Platz als Iberien in Anspruch nimmt¹⁹. Vielmehr ist Italien nicht nur der Mittelpunkt, sondern auch der umfangreichste Teil des Werkes. *Caveat lector!* Zu Spanien kehrt Mela in seinem Periplus erst zu Ende des 2. Buches über Gallien (74ff.) und die Pyrenäen zurück (nämlich ab 2, 86ff.). Also nicht Tingentera, sondern Rom ist der Omphalos der Welt²⁰. Man fragt sich: Wie könnte es bei einem Römer auch anders sein? Es geht eben nicht darum, was „off-center“ ist, sondern was im Zentrum steht.

Eine Beobachtung ist aber in Zusammenhang mit Rom doch noch nachzutragen: obwohl Rom im Zentrum von *De chorographia* steht, ist es die einzige Stelle in dem gesamten Werk, wo die römische Hauptstadt, der damalige Na-

¹⁸ Dieselbe Kritik äußert jetzt auch Podossinov 2021. S. 289–290.

¹⁹ Italien wird in 16 Kapiteln (2, 58–73), Iberien „nur“ in elf Kapiteln (2, 86–96) beschrieben; man kann zwar darauf verweisen, dass Mela noch für einige Kapitel im 3. Buch (ab 3, 3ff.) auf die spanische Atlantik-Küste zu sprechen kommt, aber er spricht dort nie von Iberia oder Iberern, sondern von „Keltikern“ (vgl. 3, 10: *Totam Celtici colunt*).

²⁰ Durch die Wahl seiner „Fahrten“ gelingt es Mela umgekehrt, die in der Nähe seiner unbekanntenen Heimatstadt Tingentera (es kommt weder bei Huß 1985 noch im *Dictionnaire phénicienne et punique* – außer im Lemma von Marcotte 1992 – vor; vgl. aber Schulten 1937) liegenden Landmarke Gades zu dem in seiner *Chorographie* neben Karthago am häufigsten genannten Toponym zu machen (vgl. 2, 97; 3, 46; 3, 90; vgl. auch noch 3, 4 u. die *fretum*-Stellen). Zu Tingentera vgl. Schulten 1937.

bel der Welt, überhaupt auftaucht²¹. Gesagt wird von ihr „nur“, dass sie „einst“ (*quondam*) von „Hirten“ gegründet wurde und dass sie „heute“ (*nunc*) „in baulicher Hinsicht“ (*pro materia*) „ein neues Werk“ (*alterum opus*) darstellt. Welch merkwürdige Charakterisierung! Roma erscheint wie das schwarze Loch in unserer Galaxis: seltsam stumm und leblos, aber auch von unglaublicher Mächtigkeit, um nicht zu sagen Bedrohlichkeit.

Damit wird auch Irby weitere Annahme, dass quasi zwei Herzen in Melas Brust schlügen – eine römische und eine spanische – wackelig. Zugegeben: Spanien als Origo des Mela wird in *De chorographia* sehr positiv beschrieben. Aber von einer eigenständigen spanischen Identität neben der römischen zu sprechen, erscheint dann doch übertrieben, zumal Mela an dieser einzigen Stelle, wo er auf seine Heimat Tingentera eingeht, nicht die Iberer, sondern die Phönizier nennt, und zwar – worauf Irby gar nicht eingeht – auffälliger Weise im Präsens (*habitant*). Wenn überhaupt müsste man also eine phönizische Identität des Mela postulieren.

Gehen wir zur nächsten Hypothese Irbys über: Melas Werk gehöre zum „Roman Silver Age, a time when bizarre hybridism was popular“. Auch hier geht Irby von einer richtigen Beobachtung aus, die sie dann m.E. zu sehr aufbauscht. Zweifellos finden sich in *De chorographia* einige *paradoxa* bzw. *mirabilia*. Aber Paradoxa gehörten spätestens seit Herodot zum festen Inventar von historiographischen, ethnographischen und geographischen Werken, und hatten insbesondere in der hellenistischen und dann später in der hohen und späten Kaiserzeit Konjunktur²². Dass die lateinische Literatur des silbernen Zeitalters eine besondere Rolle in der Geschichte der Paradoxographie gespielt hätte, wäre jedenfalls mir neu. Mir sind überhaupt nur vier paradoxographische Autoren des 1./2. nachchristlichen Jahrhunderts bekannt²³. Keiner schrieb auf Latein, wie überhaupt die Paradoxographie in erster Linie das Metier von griechischen Autoren war. Der von Irby genannte Strabon ist, wie allgemein bekannt, eine der größten Fundquellen für Paradoxa. Dem gegenüber nimmt sich die Zahl der Mirabilia bei Mela bescheiden aus. Auch römische Historiographen wie Tacitus oder naturwissenschaftliche Autoren wie Seneca verwenden nicht über das übliche Maß hinaus *mirabilia*. Irby mag vielleicht, ohne das explizit zu sagen, an lateinische Epiker wie Statius, Valerius Flaccus oder Silius Italicus denken. Aber auch diese Beispiele genügen nicht, um die Paradoxographie als ein *typisches* Element der Silbernen Latinität oder gar des Werkes des Mela bezeichnen zu können.

²¹ Ich gehe auf die Identität(en) des Mela und die fast vollständige Abwesenheit der Römer in *De chorographia* an anderer Stelle ein; einstweilen verweise ich auf Batty 2000, dessen Thesen, unter Berücksichtigung der Kritik von Ferrer Albelda 2012, stark modifiziert werden müssen.

²² Vgl. z.B. Pajón Leyra 2011; Geus, King 2018. Søren Lund Sørensen (Berlin) arbeitet im Rahmen der „Fragmente der Griechischen Historiker“ (Bd. IV, hrsg. v. Stefan Schorn) neben zahlreichen Einzelstudien und Editionen an einer größeren Arbeit zur Paradoxographie.

²³ Herennios Philon von Byblos; Phlegon von Tralleis; Ptolemaios Chennos; Sotion der Jüngere.

Kommen wir zur dritten Hypothese Irbys: Mela sei von Caesar (auch stilistisch!) inspiriert; er sei habe als „court geographer“, ähnlich wie Plinius der Ältere, die kartographischen Vorarbeiten seiner Vorgänger Caesar und Agrippa in *De chorographia* zu Ende gebracht. In einem Vergleich zwischen zwei Passagen bei Caesar und Mela versteigt sie sich sogar zu der folgenden Behauptung:

„Both Caesar and Mela are precise in explaining the size and arrangement of each of their three regions and they use similar language to do so“ (Irby 2019. P. 132).

Wer nun allerdings glaubt, dass mit dem Vergleich der Regionen die jeweiligen Beschreibungen von Gallien gemeint sind, sieht sich getäuscht. Irby vergleicht nämlich Caesars Beschreibung von Gallien mit Melas Beschreibung von Spanien. Abgesehen von dem an sich schon unglücklichen Vergleich zwischen zwei verschiedenen Regionen führt sie dann m.E. oberflächliche Parallelen an. So betont sie, dass sowohl Caesars Gallia als auch Melas *Iberia* in jeweils drei *partes* eingeteilt sei²⁴:

„Mela’s three Iberian provinces are bordered by three waterways with four names (*Mari Nostro*, *Oceano*, *fluvius Anas*, and *Atlanticum*) in parallel with Caesar’s three rivers plus Ocean (*Rhodano*, *Garumna*, *Oceano*, and *flumen Rhenum*) which separate each of the Gallic provinces“ (Irby 2019. P. 132).

Das ist zwar sachlich richtig. Aber man fragt sich dann doch: Hätte Mela für Spanien und Gallien andere Grenzen als mit Flüssen und Meeren ziehen sollen – oder überhaupt können? Grenzen werden nicht von Autoren, sondern von Politikern festgelegt. Zu Melas Schreibstil, der sich m.E. weit von der attizistischen Diktion eines Caesar unterscheidet, sage ich gleich noch etwas mehr. Weil wir über Pomponius Mela auch nur das wissen, was er selber über sich in seinem Werk sagt, hängt auch das angebliche kartographische Projekt des Mela in der Luft: sind schon die Vorhaben des Caesar und des Agrippa in dieser Hinsicht hoch umstritten und ein kartographisches Projekt des Plinius m. E. eine Chimäre, so gibt es im Werk des Mela keinerlei Hinweise darauf, dass er eine Karte zeichnen wollte oder gezeichnet hat²⁵. Kurz gesagt: Irbys Hypothesen beruhen zwar auf Beobachtungen, die grundsätzlich richtig sind, aber dann doch so überinterpretiert, dass man ihnen letztlich nicht zustimmen kann.

Bevor wir zu Melas Darstellungsweise kommen, noch einige Worte zu Brodersens Ansicht, dass wir in *De chorographia* ein „Schulbuch“ vor uns haben. Zweifellos ist angesichts der mageren Quellenlage zum Unterrichtswe-

²⁴ Caes. Bell. Gall. 1, 1: *Gallia est omnis divisa in partes tres ...*

²⁵ Die wichtige These von Pascal Arnaud (1990) zur römischen Kartographie ist leider nicht offiziell publiziert worden. Pdf’s davon finden sich aber auf seiner *academie.edu*-Seite.

sen in der Antike schwer zu definieren, was ein geographisches „Schulbuch“ überhaupt war. Geographie war in der Antike niemals ein eigenes Schulfach, so wie es heute an den Gymnasien und Universitäten gelehrt wird. Und der Schulunterricht bei den Römern, der ja privat organisiert war, dürfte sicherlich auch regional, organisatorisch und qualitativ sehr unterschiedlich ausgesehen haben. Daher ist die Sache mit dem „Allgemeinwissen“ gerade in der Antike problematisch. In meiner Kritik benutze daher eine recht allgemeine Definition von Schulbuch und verstehe darunter ein Werk, das entweder ein grundlegendes Verständnis der Inhalte des Faches vermittelt oder das zur Erläuterung und Kommentierung von kanonischen Werken der Literatur verwendet wird oder zumindest verwendet werden kann.

Lassen wir Brodersen (1996. S. 39) nochmals zu Wort kommen:

„Das geographische ‚Allgemeinwissen‘ der Antike haben im ersten Jahrhundert n. Chr. Pomponius Mela in seinem Werk *De chorographia* und im zweiten Dionysios von Alexandria in seinem Lehrgedicht *Oikoumenes periegesis* zusammengefaßt. Beide bemühen sich besonders um die Erfassung der ‚literarischen‘ Geographie, also um die in der antiken Literatur genannten Stätten. Ja, noch lange dienten geographische Spezialwerke weniger der Erschließung der geographischen Wirklichkeit als vielmehr der Hebung der Verständlichkeit von – im Unterricht gelesener – Literatur“.

Hier hat Brodersen m.E. einen wichtigen Punkt angesprochen. Geographie wurde bei den Römern in der Schule wohl im Zusammenhang mit den Klassikern, insbesondere den epischen Dichtern, gelehrt und gelernt. Auch wenn es uns an expliziten Zeugnissen fehlt und daher der Zusammenhang hypothetisch bleiben muss, so dürfte doch den meisten, die Vergils *Aeneis* oder Ovids *Metamorphosen* gelesen hat, aufgefallen sein, dass es dort von geographischen Ausdrücken und Anspielungen nur so wimmelt. Es finden sich dort Hunderte von Toponymen und geographischen Epitheta.

Wie hätte ein römischer Schüler ohne Erläuterung einen Vers wie die folgenden verstehen können?²⁶

*ardet in immensum geminatis ignibus Aetna
Parnasusque biceps et Eryx et Cynthus et Othrys
et tandem nivibus Rhodope caritura Mimasque
Dindymaque et Mycale natusque ad sacra Cithaeron.*
(Ov. Met. 2, 220–223)

²⁶ Ich verwende hier ein (zugebenermaßen nicht willkürliches) Beispiel, das ich in meinem Unterricht benutzte, um den geographischen Kenntnisstand der gebildeten Römer zur Zeit des Augustus zu illustrieren. Vgl. zu letzterem z.B. Geus 2016.

“Brennt ins Ungeheure verdoppelten Feuers der Aetna,
Eryx, Cynthus, Parnaß mit den beiden Gipfeln und Othrys,
Rhodope, der da endlich der Schnee sollte fehlen, und Mimas,
Dindymon, Mycale und der den Weihnen bestimmte Cithæron”²⁷.

Natürlich wussten Römer über den Ätna auf Sizilien. Aber warum stößt er eine doppelte Feuersbrunst aus? Weshalb ist der Parnassus *biceps*? Wo finden wir Cynthus, Othrys, Rhodope, Mimas und Dindyma (oder Dindymon, wie der Übersetzer schreibt) genau? Und ähnliches mehr. Das mag man als geographische Quisquilien abtun, aber einige neugierige Schüler dürften das schon gefragt haben – besonders wenn es um um römische “Nationaldichtung” gegangen ist.

Übrigens haben wir aus der Spätantike dann tatsächlich das Werk des Vibius Sequester erhalten, in denen die Toponyme aus Vergil, Ovid und Lucan aufgelistet und kurz paraphrasiert bzw. erläutert worden sind. Allerdings ist spätestens hier zu fragen: Gehört Melas Schrift wirklich in einen solchen schulischen Kontext?

Zunächst fällt auf, dass bei Mela nicht immer Bekanntes erzählt wird – eher das Gegenteil²⁸. Stattdessen wird dem Unbekannten breiter Raum eingeräumt. Melas *mirabilia* und *loci amoeni* haben auffälligerweise kaum Parallelen in anderen Werken. Umgekehrt wird über Rom und Italien – also *Geographica*, die doch für jeden Römer zentral waren und worauf sich die römischen Klassiker doch vor allem konzentrierten – verhältnismäßig wenig berichtet. Diente Melas Werk also tatsächlich für den römischen Schulunterricht? Ist es wirklich eine Zusammenfassung von „geographischem Allgemeinwissen“²⁹? Ich meine: nein. Für den, der aber immer noch Zweifel hat, machen wir noch eine Probe aufs Exempel: Vergleichen wir kurz Vergils *Aeneis* und Melas *Chorographie* und fragen uns, ob Melas Werk als Schulbuch, also quasi als „Nachschlagewerk“ für die verschiedenen Toponyme in den klassischen Texten gedient haben kann. Auf den ersten Blick mag das tatsächlich so scheinen. Nach Brodersen (1994. S. 195) nennt Mela in seinem Werk „an die zweitausend Namen“. Allerdings ist diese Zahl übertrieben und mag auf die unzureichenden³⁰ Indices unserer Ausgaben zurückgehen³¹, die oft unter einem Lemma

²⁷ Ich benutze hier die Übersetzung von Rösch 1990.

²⁸ Anders wieder Irby 2019. S. 134: „hardly practical“.

²⁹ In dem „Schulbuch“ (*Liber memorialis*) des Ampelius kommen ca. 300 Toponyme vor. Im „geographischen Handbuch“ des Ptolemaios über 8000 Toponyme.

³⁰ In Brodersen Register (1994. S. 195) fehlt z.B. Alexandria (vgl. aber 1, 60; 2, 104. 114).

³¹ Interessanterweise sind die verschiedenen Indices und Register in den Ausgaben sehr unterschiedlich. Während die Konkordanz von Jimenez und Salinas (1989) natürlich jedes Wort verzeichnet (übrigens auch schon die Ausgabe von Ranstrand 1971, was eigentlich die Konkordanz überflüssig macht), gibt Brodersen 1994 nur die „Regionen mit ihren modernen Namen“, Parroni 1984 einen „Indice dei nomi propri“, also auch der Personennamen, ähnlich der „Index nominum“ von Silberman 1988/2003. Frick 1880 hat sich in seinem (nur als „Index“ bezeichneten) Register zwar fast ganz auf die geographischen

wie „Indus“ ganz unterschiedliche geographische Objekte wie das indische Volk, „gens India“, den Fluss „Indus“, das Mündungsdelta des Flusses („Indi ostia“), den Indischen Ozean (*mare Indicum*) usw. subsumieren³². Aber selbst wenn man versucht, die Dinge aufzudröseln und auseinanderzuhalten, kommt man auf nicht einmal 1500 Toponyme bei Mela. Das sind immer noch etwa dreimal so viel wie bei Vergil, in dessen Werken etwa 500 Toponyme, also nur ein Drittel so viel wie in Melas *Chorographie* vorkommen. Aber das ist eben, wie gesagt, nur der erste Blick. Wenn die These von dem „Schulbuch“ zu Erklärung der „Klassiker“ richtig wäre, müssten die topographischen Angaben eines Vergil oder eines Ovid auch in Melas Werk auftauchen³³. Tun sie das? Nein! Längst nicht alle vergilischen Toponyme finden bei Mela eine Entsprechung³⁴. Selbst relativ (auch historisch) bekannte Orte wie Alba Longa (Aen. 1, 271 u.ö.) und Amiterna (Aen. 7, 710) oder Völker wie die Aurunci (Aen. 7, 206 u.ö.) oder Flüsse wie der Anio (Aen. 7, 683) und Arar (Ecl. 1, 62) fehlen bei Mela; andere Toponyme werden auch anders lokalisiert. Obwohl sich natürlich vieles aufgrund der geographischen Realität überschneidet, ja zwangsweise überschneiden muss, kann von einer *systematischen* Auswertung der Werke Vergils durch Mela nicht die Rede sein. Grob gesagt finden sich etwa die Hälfte der vergilischen Toponyme nicht bei Mela. Wenn ein römischer Schüler die geographischen Angaben Vergils *Aeneis* anhand von Melas *Chorographie* hätte erschließen wollen, so wäre er mit diesem „Schulbuch“ schlichtweg gescheitert.

Man kann noch weitere, z.B. formale und strukturelle Argumente gegen die Hypothese von einem Schulbuch ins Feld führen. Auch aus diesen greife ich nur einen Punkt heraus.

Est modus in rebus: Bemerkungen zur Struktur von De chorographia

Die drei Bücher der *Chorographia* entsprechen nicht – wie man vielleicht zunächst ermuten könnte – den drei Erdteilen Europa, Asien und Afrika. Vielmehr hat Mela ein ausgeklügeltes System entwickelt, um die *Geographica* seinen Lesern zu präsentieren. In Buch 1 und 2 bespricht er im Periplus-Stil die Küstengebiete des Mittelmeeres und Inseln. Im 3. Buch widmet er sich dann der Beschreibung der inneren Landesteile. Dieser „Periplus-Stil“ ist bei Mela

Angaben beschränkt (er lässt grobenteils Götter- und Heroennamen weg, aber eben doch nicht regelmäßig (vgl. z.B. Minerva oder Achilles) und, was für unsere Fragestellung problematisch ist, fügt auch uneigentliche Begriffe wie Papyrus, *serpens* oder Academia und Personennamen hinzu. Keiner der Indices in modernen Ausgaben ermöglicht also für unsere Fragestellung einen genauen Vergleich.

³² Vorbildlich ist in dieser Hinsicht Podossinov (2017, S. 483), der hier nicht weniger als sieben Kategorisierungen macht.

³³ In Vergils *Aeneis* finden sich 372 „Toponyme“, dazu kommen noch weitere 27 aus den *Bucolica* und 102 aus den *Georgica*, die nicht in der *Aeneis* vorkommen.

³⁴ Die folgenden Belege, aus dem Buchstaben A entnommen, können leicht vermehrt werden.

oft betont worden. Er bedingt zum Beispiel, dass das am Mittelmeer liegende Nordarabien zwischen Ägypten und Syrien im 1. Buch, aber dann auch mit seinem am *mare Indicum* liegenden Teil im 3. Buch beschrieben wird, also, wie übrigens auch noch andere Länder (Gallien), aufgespalten wird. Doch hat schon Gisinger (1952. Sp. 2386) darauf hingewiesen, dass diese Darstellungsart, die andere auch als „perlenschnurartige“ oder „hodologische“ Technik bezeichnen, auch in anderen geographischen „Subgenres“ wie der *Periodos* und der *Periegesis* sich finden lassen. Hier steht Mela in einer langen, bis Homers *Odyssee* zurückreichenden und durchaus heterogenen Tradition.

Das Itinerar-Prinzip, das dem geographischen Material narrative Struktur verleiht, ist bei Mela (oder anderswo) nicht explizit beschrieben, aber doch implizit vorausgesetzt. Offenbar ist es dem Leser vertraut. Man muss nicht unbedingt Kenntnis der geographischen oder periplographischen Werke oder Listen postulieren, die dieses Prinzip voraussetzen. Vielmehr ist es ein unmittelbar eingängiges und wohl auch vielfach geübtes Prinzip. Ich möchte in diesem wenig untersuchten Zusammenhang darauf verweisen, dass alle wichtigen rhetorischen Werke – der pseudonyme Traktat *ad Herennium*, Ciceros *de oratore* und Quintilians *institutio oratoria* – für den Bereich der *memoria* dem Redner empfehlen, die auswendig zu lernenden Gedankenbilder, *imagines*, mit vertrauten und vorgeprägten Orten, *loci* (!), zu verknüpfen³⁵. M.a.W.: der antike Rhetorikunterricht verwendet per se ein geographisches Prinzip bzw. eine topologische Methode, um dem Stoff, der *materia*, eine logische, besser gesagt: narrative Struktur zu verleihen. In gewisser Weise entsprechen die *loci* den zentralen Elementen, den *landmarks*, einer „Karte“, die *imagines* dagegen den damit verbundenen Details wie Mythen, historischen Fakten, *mirabilia* oder Etymologien. Mit „Karte“ ist hier nicht eine reale Karte gemeint, die gleichsam neben der Papyrusrolle gelegt und betrachtet wird, sondern eine mentale Karte, die der jeweilige Leser entsprechend seiner eigenen historischen, mythographischen, paradoxographischen und literarischen Vorkenntnisse individuell ausgestaltet hat und im Laufe des Leseprozesses immer wieder „updatet“. Man brauchte für die Lektüre der *Chorographie* des Pomponius Mela keine Landkarte³⁶ – Landkarten sind ohnehin für die Antike kaum bezeugt und wohl auch nur selten außerhalb von wissenschaftlichen Diskursen verwendet worden, fast im Gegenteil: reale Landkarten hätten das Memorieren von *Geographica* – jedenfalls für das kulturelle Gedächtnis der Römer wichtige *Geographica* – sogar erschwert: rein geographische Informationen wie der Maßstab von Karten, die genaue Relation und exakte Entfernung von Landschaften und Städten, die zahlenmäßige Größe oder wirt-

³⁵ Vgl. bes. Scarth 2008 (mit zahlreichen Belegen).

³⁶ Gerade die Lemmata in Lexika (Lasserre 1975; Purcell 2003) (über)betonen den Zusammenhang mit Kartographie.

schaftliche Bedeutung von Städten, die Vollständigkeit von Orten innerhalb einer Region (unabhängig von der kulturellen Bedeutung), die Aktualität der Informationen, die einheitliche Verwendung von Begriffen wie Bucht, Gestade, See, Sumpf, Meerenge, Kap usw., die konsistente Schreibweise von Toponymen – um nur einige Beispiele zu nennen, die für heutige Geographen von elementarer Wichtigkeit sind – spielten für die *Chorographie* des Pomponius Mela eine sekundäre, wenn nicht tertiäre Rolle.

Panta rhei

Ich komme zu meinem letzten Punkt, wo ich einige Beobachtungen zu Sprache und Stil des Mela vorstellen möchte. Dadurch wird, so hoffe ich, deutlicher, was Mela mit seinem Werk beabsichtigte und wie er von seinen Zeitgenossen „gelesen“ werden wollte.

Wie bereits in der Einleitung erwähnt, beschreiben unsere Handbücher und Lexika *De chorographia* mit wenig schmeichelhaften Vokabeln. Sie greifen damit – bewusst oder unbewusst – Melas eigene Worte auf, mit denen er sein eigenes Werk als *impeditum opus et facundiae minime capax* bezeichnet. Allerdings hat, hier wie anderswo, Melas bewusste und sorgfältige Wahl seiner Worte feine Untertöne, und nicht zum wenigsten ironische³⁷. Das wichtigste Wort ist hier wohl *minime* „kaum“. Wie im Deutschen kann es den Sinn einer Aussage „fast“ ins Gegenteil verkehren. Was zunächst wie eine *captatio benevolentiae*, eine Entschuldigung für die Wahl eines „unästhetischen“ Themas wie Geographie, klingt, verstehe ich vor allem als eine Herausforderung an den Leser: Mela wirft ihm mit diesen Worten einen Handschuh hin. Ist Melas Werk tatsächlich so „träge“, wie der Autor selbst tut?³⁸

Natürlich kann auch diese Frage in diesem Rahmen nicht erschöpfend beantwortet werden. Ich beschränke mich im Folgenden weitgehend auf einen Abschnitt aus Melas Werk, nämlich auf seine Beschreibung des Pontos, des Schwarzen Meeres, die über zwei Bücher verteilt ist und immerhin 39 Kapitel umfasst³⁹.

Bei der ersten Beobachtung geht es mir darum, wie Mela das Element Wasser – das ja nach der Lehre der antiken Geographie mit dem Element Erde

³⁷ In der Charakterisierung seines Werkes als *impeditus* (*pes!*) kommt vor allem zum Ausdruck, dass es Mela um den periplographischen Blick von dem und auf das Wasser geht.

³⁸ Eine moderne Untersuchung zum Stil Melas ist ein Desideratum. Die Dissertation von Oertel 1897 ist verdienstvoll, geht aber kaum über eine Materialsammlung hinaus. Einige wichtige Bemerkungen zu Komposition und Stil des Mela finden sich vor allem bei Gisinger 1952. Sp. 2407–2409; Silberman 1988/2003. S. XIV–LXIII; Romer 1998. S. 9–27; Winkler 2000. S. 142–145.

³⁹ Die Beschreibung des *Pontus* bei Mela hat vor allem die Aufmerksamkeit von Regional- und Lokalforschern erregt. Die Zahl der Studien sind kaum zu überblicken. Meine eigenen Bemerkungen hier betreffen ausschließlich den Stil des Mela. Zu den Realia vgl. z.B. Rostowzew 1931. S. 43–46; Grilli 1979; Podossinov 2010; Podossinov, Skržinskaja 2011; Podossinov 2014. Weitere Literatur jetzt bei Manoledakis 2022.

interagiert und für die Konturierung der Küsten verantwortlich ist – dem Leser präsentiert. Melas Beschreibung des Schwarzen Meeres enthält 131 Fälle, wo die verschiedensten „Wasserkörper“ (Meere, Seen, Flüsse, Golfe usw.) vorkommen (s. den Anhang *Medio flumine quaerere aquam*). In 110 Fällen wird die Tätigkeit oder der Zustand des Wassers explizit genannt. Das sind vor allem Verben wie „fließen“ oder „münden“ und Adjektive wie „groß“ oder „schiffbar“. Obwohl die Variationsmöglichkeit bei der Beschreibung von Wasserbewegungen beschränkt zu sein erscheint, gelingt Mela eine erstaunliche Leistung. Nur drei Wörter kommen überhaupt in derselben Form nochmals vor (das Allerweltsadjektiv *similis* und die häufige Verbalform *accipit*) und in fünf weiteren Fällen (*attingere, navigabilis, defluere, effluere, reddere*) wird zwar das Wort ein zweites Mal verwendet, aber jeweils in einem anderen Kasus, oder, bei Verben, mit einem anderen Numerus oder Tempus verwendet. In über 100 Fällen, also in weit über 90% der Fälle, verwendet Mela also jeweils ein anderes Wort, um das Phänomen Wasser in allen seinen Variationen zu beschreiben. Eine erstaunliche Leistung angesichts der – im Vergleich mit dem Griechischen – spröden Ausdrucksweise des Lateinischen! Dieses Ziel des Mela, sich bei der Beschreibung der Meere, Flüsse und Seen nach Möglichkeit nicht zu wiederholen, ist sicherlich kein Zufall. In seinem Bestreben nach größtmöglicher Variatio scheut Mela übrigens auch vor *hapax legomena*⁴⁰ und gesuchten, fast schon geschraubten Ausdrücken nicht zurück. Wörter wie *subit* („er/sie/es geht hinunter“) oder *stringit* („er/sie/es streift bzw. „berührt“) findet man bei der Beschreibung von Wasser allenfalls noch in der lateinischen Dichtung, aber selten bis gar nicht in der lateinischen Prosa. Hier besteht m.E. ein großer Unterschied zur Fachprosa eines Seneca, der zur selben Zeit wie Mela geschrieben hat. (Oder auch zu Melas angeblichem Vorbild Caesar, wie Irby meint.)

Apropos Fachsprache; hier komme ich zu meiner zweiten Beobachtung: Melas unbedingter Wille zur Abwechslung geht „natürlich“ (*sit venia verbo!*), zu Lasten der Präzision. Eine Fachsprache zeichnet sich ja dadurch aus, dass man gleiche Dinge und gleiche Phänomene auch gleich benennt und beschreibt. Das ist auch ein Stück weit auch bei Mela zu beobachten. Die Benennung von geographischen Objekten mit Substantiven wie *pelagus* und *mare*, *amnis* und *fluvius*, *urbs* und *oppidum*, *frons*, *latus* und *tergum* ist weithin konsistent und folgt einer klaren Terminologie und einer einheitlichen Verwendung⁴¹. Bei den Substantiva ist also Mela relativ präzise und konsistent. Anders ist der Fall aber, wie gerade gezeigt, bei den Verba und Adjektiva. Hier kann Mela sich sprachlich „austoben“ und sogar Wörter neu schöpfen.

Aber auch bei den Verba ist die Sache differenziert zu sehen. Hier möchte ich Melas bewussten Gestaltungswillen an einem Beispiel näher erläutern.

⁴⁰ Vgl. z.B. 1, 106: *pernoxii*; 2, 15: *cinctoria*. Mela ist außerdem der erste Beleg für *disterminare*.

⁴¹ Vgl. aber 2, 16 (*fronte Pontici lateris*); dazu Stürenburg 1932. S. 13–14.

Mein Beispiel bezieht sich auf das Hilfsverbum *esse*, genauer gesagt auf die häufigste lateinische Verbalform überhaupt, auf *est*. Sie kommt in den 39 Kapiteln zum Pontus nicht weniger als 37 Mal vor. „Was ist daran ungewöhnlich?“, mag man fragen. Doch wird bei Mela in den meisten Fällen *est* nicht als Passivform des Perfekts verwendet, sondern als Hauptprädikat im Sinne von „es ist“, „es existiert“, „es liegt da“. Dazu kommen noch achtzehn Mal die Pluralform *sunt*, zweimal die Vergangenheitsform *fuit* und einmal die Futurform *fit*⁴². Von den 39 Kapiteln haben nicht weniger als 15 eine Variante von *esse* (vor allem) im ersten Satz, und zwar dort, wo jeweils ein neues geographisches Objekt eingeführt wird. Nimmt man noch die Fälle hinzu, wo das Prädikat fehlt, also eine elliptische Form von *esse* sinngemäß zu ergänzen ist (oder vielleicht auch im Laufe der Überlieferung einfach ausgefallen ist), wären wir bei fast drei Dutzend Fällen. Zusammenfassend ausgedrückt: wir finden also fast in jedem Kapitel ein Beispiel, wo diese banalste Verbalform *est* als Hauptprädikat steht (und zwar fast nur in Zusammenhang mit geographischen Objekten). Dieser Befund steht natürlich ganz in Gegensatz mit dem, was ich zur Beschreibung der Wasserkörper des Mela mit Hilfe von Verben (und Adjektiven) ausgeführt habe. Wir finden also bei Mela auf der einen Seite maximale Variatio, auf der anderen Seite ein fast schon stupide zu nennendes Wiederholen von *est*. Aber dieser scheinbare Widerspruch erklärt sich m. E. wieder mit dem Gestaltungswillen des Mela: *est* fungiert innerhalb von *De chorographia* quasi als Signalwort, um ein jeweils neues geographisches Element innerhalb der „geographischen Narration“, der topographischen „Perlenkette“, kenntlich zu machen. Wir können auch formulieren: innerhalb der periplographischen Beschreibung des Mela werden neue „landmarks“ oft mit dem Hilfsverb *esse* eingeführt. Obwohl das Hilfsverb vom Sinn her blass bleibt, erfüllt es die wichtige Funktion, den Leser darauf aufmerksam zu machen, dass die gedankliche Seefahrt nun beim nächsten „Landepunkt“ angekommen ist. Das *est* gibt also Melas Beschreibung „Struktur“. Dies (wie übrigens auch das, was ich zu den Wasserwörtern gesagt habe) gilt für den gesamten Text des Mela.

Repetitio mater studiorum est

Mit diesen Hinweisen zum Stil des Mela will ich es an dieser Stelle bewenden lassen. Es ist hoffentlich klar geworden sein, dass hinter seiner *Chorographie* ein ausgeklügelter Plan steht und dass wir in Mela einen Autor vor uns haben, der mit großem Gestaltungswillen und sichtlich auch mit dem kompletten Arsenal an sprachlichen und stilistischen Mitteln gearbeitet hat. „Trocken“ oder „unoriginell“, wie man gemeint hat? Ich behaupte das Gegenteil!

⁴² *fuerunt* kommt in dem Abschnitt nicht vor.

Medio flumine quaerere aquam:

Auflistung der Wasserwörter im „Pontus-Abschnitt“⁴³

Aufgenommen sind hier nur „Wasserwörter“ (Verben und Adjektive, aber keine Einzelnamen, also Hydronyme, oder Substantive wie mare, Oceanus, introitus, angustias, fretum etc.). Eingerückt sind die Stellen, an denen das Wasser nicht als Subjekt, sondern Objekt fungiert.

<i>Verbalform</i> ⁴⁴	<i>Kapitel</i>
aperit (Pontus)	102
extentus (huc atque illuc longo rectoque limite)	102
sinuatus (Pontus)	102
abscissit (Pontus)	102
mollibusque fastigiis	102
faciat (angustos angelos)	102
inflectitur	102
ad formam Scythici arcus	102
brevis	102
atrox	102
nebulosus	102
raris stationibus (esse Pontus)	102
circumdatas (litore)	102
vicinus (aquilonibus)	102
non profundus	102
fluctuosus	102
fervens	102
Axenus (dictus)	102
Euxinus (dictus)	102
angustissimum Ponti angulum	108
erumpit (Phasis)	108
est (eodem nomine quo amnis)	108
Caspium pelagus	109
vasto mari	110
duobus alveis	112
profluens Coracanda	112
reddit (Coracanda paene insulam)	112

⁴³ Der Abschnitt ist beileibe keine Ausnahme: allein in dem kurzen Abschnitt 3, 31, wo Mela die Ostseeküste beschreibt, gebraucht er 15 verschiedene Verba und Adiectiva für Wasserzustände und -bewegungen – ohne eine einzige Wiederholung: *spargi, transgredi, interfluere, accipi, pateo, adtingo, eo, curvo; contentus, angustus, diffusus, refertus, vagus, inflexus, par freto*.

⁴⁴ Eingerückt sind die Formen, in denen das Wasser eine Rolle spielt (in Auswahl). Benutzt ist die Ausgabe und Einteilung von Brodersen 1996.

accipit (ingressos lacus)	113
diffusus (longe lateque)	113
tangit (terras)	113
circumdatus (incurvo ... litore)	113
mari propior	113
aperitur	113
obductus (quasi margine)	113
similis (Ponto)	113
ostio fluminis proximi	114
deiectus (Tanais)	115
praeceps (Tanais)	115
ruit (Tanais)	115
vicina flumina	115
durentur (Maeotis et Bosphorus tum Ponti)	
aliqua	115
solus (Tanais)	115
ferens (Tanais)	115
idem (semper Tanais)	115
sui similis (Tanais)	115
incitatusque (Tanais)	115
decurrat (Tanais)	115

Buch 2

mare (nostrum)	1
per eundem amnem	1
secat (Buces amnis)	2
includitur (Ponto ac Maeotide)	2
in Euxinum mare	3
portuosus (sinus)	3
appellatus (sinus Calos limen)	3
includitur (sinus ...promunturiis duobus)	3
subit (ripam mare)	4
absit (mare ... a Maeotide)	4
reddit (mare ... paene insulam)	4
effluentia (flumina ... uno ostio)	4
atingunt (flumina, sc. urbem)	4
delapsa (flumina)	4
evolvitur (Gerrhos ... Hypacaris)	4
disterminat (Panticapes ... Nomadas Georgosque)	5
mare Ponticum	5
alluit (Borysthenes gentem sui nominis)	6
amoenissimus	6

liquidissimus	6
defluit	6
placidior	6
pulcherrimus	6
alit (Borysthenes)	6
venit (longe)	6
ortus (ignotisque ... e fontibus)	6
stringit (alveo)	6
navigabilis	6
egreditur	6
includit (Callippidas Hypanis)	7
grandi palude	7
oritur	7
ex parvo fonte	7
cui (sc. fonti, Examphaeo est cognomen)	7
amaras (aquas)	7
accipit	7
ipse (Hypanis)	7
dissimilis (sui)	7
non dulcis	7
defluat	7
proximus (Asciaces)	7
descendit	7
separat (hos ab Histricis Tyra)	7
surgit	7
exit	7
attingit (Tyra ... oppidum)	7
ille (Danubius)	8
dirimit	8
apertis ... fontibus	8
desinit	8
exoritur	8
est (diu Danubius)	8
eum (sc. Danubium) appellantibus	8
fit (Hister)	8
acceptisque aliquot annibus	8
ingens	8
nostrum mare	8
decidunt (in nostrum mare)	8
minor (Danubius ... Nilo)	8
totidem quot (ostiis)	8
tribus (ostiis)	8

tenuibus (ostiis)	8
reliquis (ostiis)	8
navigabilibus (ostiis)	8
effluit	8
excedentia (ripas suas ... flumina	15
Pontici lateris fronte	16
Histro pelagoque contingitur	16
mari propior	16
paucos (amnes)	17
evadunt (amnes ... in pelagus)	17
celeberrimos (Hebrum et Neston et Strymona)	17
emittit (amnes, sc. Thracia)	17
Euxinum et Hadrian	17
est (Histro proxima Histropolis)	22
alter Ponti angulus	22
praetervectos	22
accipit (praetervectos alter Ponti angulus)	22
amplior	22
similis	22
intimo in sinu	22
alterum flexum (sui, sc. Ponti)	22
finit (angulo, sc. Pontus)	22

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

a. Editionen, Übersetzungen, Kommentare, Konkordanzen

- [*Brodersen K.*] Pomponius Mela: Kreuzfahrt durch die alte Welt / Zweisprachige Ausgabe von K.B. Darmstadt, 1994.
- [*Frick C.*] Pomponii Melae de chorographia libri tres / Recognovit C.F. Lipsiae, 1880.
- [*Guzmán C., Perez M.E.*] Concordantia in libros Pomponii Melae *De Chorographia* / Editata por C. Guzmán y M.E. Perez; con la colaboración técnica de T. Jimenez u. A. Salinas. Hildesheim; Zürich; New York, 1989.
- [*Mosino F.*] Pomponio Mela: La geografia del Mediterraneo / Introduzione, testo italiano, testo latino, note e indice dei luoghi a cura di F.M. Soveria Mannelli, 2008.
- [*Parroni P.*] Pomponii Melae de chorographia libri tres / Introduzione, edizione critica et commento a cura di P.P. Roma, 1984.
- [*Philipp H.*] Pomponius Mela: Geographie des Erdkreises / Aus dem Lateinischen übersetzt und erläutert von H.Ph. 2 Bde. Leipzig, 1912. Auch als einbändige

- Ausgabe, aber mit identischer Paginierung: Wie sich die alten Römer den Erdkreis vorstellten / Aus dem Werk des Pomponius Mela übersetzt und erläutert von Hans Philipp. Leipzig, o. J.
- [*Podossinov A.V.*] Помпоний Мела: Хорография / Под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2017.
- [*Podossinov A.V., Skrzinskaja M.V.*] Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.
- [*Ranstrand G.*] Pomponii Melae de chorographia libri tres una cum indice verborum edidit G.R. Göteborg, 1971.
- [*Silberman A.*] Pomponius Mela: Chorographie / Texte établie, traduit et annoté par A.S. 2. Aufl. Paris, 2003 (1. Aufl. 1988).
- b. Sekundärliteratur*
- Arnaud P.* La Cartographie à Rome. Thèse d'Études Latines pour le Doctorat d'État, Université de Paris IV. Paris, 1990.
- Arnaud P.* Introduction: la géographie romaine impériale, entre tradition et innovation // La invención de una geografía de la Península Ibérica II: la época imperial; actas del coloquio internacional celebrado en la Casa de Velázquez de Madrid entre el 3 y el 4 de abril de 2006 / Hrsg. G. Cruz Andreotti, P. Le Roux, P. Moret. Málaga, 2007. S. 13–46.
- Batty R.* Mela's Phoenician geography // The journal of Roman studies. 2000. T. 90. S. 70–94.
- Brodersen K.* Mela in Mittelfranken: zu den Anfängen des Geographieunterrichts // Gymnasium Fridericianum: Festschrift zum 250-jährigen Bestehen des humanistischen Gymnasiums Erlangen / Hrsg. W. Krehmer, M. Stoll. Erlangen, 1995. S. 7–16.
- Brodersen K.* *Principia Geographiae*: antike Texte im frühen Erdkundeunterricht // Anregung: Zeitschrift für Gymnasialpädagogik. 1996. T. 42. S. 29–43.
- Delalonde M.* L'Histoire phénicienne de Philon de Byblos au prisme du multiculturalisme: preface de M.J. Versluys. Roma, 2021.
- Ferrer Albelda E.* Un Fenicio apócrifo de época romana: Pomponio Mela // La etapa neopúnica en Hispania y el Mediterráneo centro occidental: identidades compartidas / Hrsg. B. Mora Serrano, G. Cruz Andreotti. Sevilla, 2012. S. 59–74.
- Geus K.* "Er hat die Oikumene der römischen Herrschaft unterworfen": Bemerkungen zu den Raumvorstellungen in der Zeit des Augustus // Der Erste: Augustus und der Beginn einer neuen Epoche / Hrsg. E. Baltrusch, Ch. Wendt. Mainz, 2016. S. 76–85, 159–160.
- Geus K., King C.G.* Paradoxography // Oxford handbook of science and medicine in the classical world / Hrsg. P. Keyser, J. Scarborough. Oxford, 2018. S. 431–444.
- Gisinger F.* Pomponius 104 // RE. T. 42 (= Bd. 21, 2). Stuttgart, 1952. Sp. 2360–2411.
- González Ponce F.J.* Agatémero y las reminiscencias de una literatura náutica // Geographia antiqua. 2019. T. 28. S. 87–104.

- Grilli A.* Mela 1, 102 e la descrizione del Mar Nero // *Rivista di filologia e di istruzione classica*. 1979. T. 107. S. 179–181.
- Huß W.* *Geschichte der Karthager*. München, 1985.
- Irby G.L.* Tracing the *Orbis terrarum* from Tingentera // *New directions in the study of ancient geography* / Ed. D.W. Roller. University Park PA, 2019. P. 103–134.
- Lasserre F.* P[omponius] Mela // *Der Kleine Pauly*. 1975. T. IV. Sp. 1039–1040.
- Manitius M.* Zur Quellenkritik des Tacitus und der Chorographia des Mela // *Forschungen zur deutschen Geschichte*. 1882. T. 22. S. 417–422.
- Manoledakis M.* The southern Black Sea in the Roman geographic texts // *Proceedings of the International Symposium “The Black Sea region in the context of the Roman Empire” held in Athens 5–8 May 2016* / Ed. D. Braund, A. Chaniotis, E. Petropoulos. Athens, 2022. P. 33–58.
- Marcotte D.* Pomponius Méla // *Dictionnaire phénicienne et punique* / Ed. V. Krings. Turnhout, 1992. P. 356.
- Oertel H.* Ueber den Sprachgebrauch des Pomponius Mela. Phil. Diss. Erlangen. 1897. Erlangen, 1898.
- Pajón Leyra I.* Entre ciencia y maravilla: el género literario de la paradoxografía griega. Zaragoza, 2011.
- Podossinov A.V.* Путешествие по античной ойкумене: о принципах организации географического описания в “Хорографии” Помпония Мелы [„Reise durch die antike Oikumene: über die Grundlagen der Organisation der geographischen Beschreibung in der Chorographie des Pomponius Mela“] // *Одиссей 2007: Человек в истории; Путешествие как историко-культурный феномен*; Moscow, 2010. S. 11–23.
- Podossinov A.V.* The Indians in northern Europe? On the ancient Roman notion of the configuration of Eurasia // *The periphery of the classical world in ancient geography and cartography* / Ed. A.V. Podossinov. Leuven; Paris; Walpole MA, 2014. P. 133–145.
- Podossinov A.V.* [Besprechung v.] Roller 2019 // *Aristeas*. 2021. T. 24. S. 285–291.
- Purcell N.* Pomponius Mela // *The Oxford classical dictionary*. 3rd revised edition / Ed. S. Hornblower, A. Spawforth. Oxford, 2003. P. 1218.
- Ranstrand G.* *Textkritische Beiträge zu Pomponius Mela*. Stockholm, 1971.
- [*Rösch E.* (Übers.)] *Ovid: Metamorphosen* / Übers. v. Erich Rösch; mit einer Einleitung v. Niklas Holzberg. München, 1990.
- Roller D.W.* (Hrsg.). *New directions in the study of ancient geography*. University Park PA, 2019.
- Romer F.E.* *Pomponius Mela’s description of the world*. Ann Arbor, 1998.
- Rostowzew M.* *Skythien und der Bosporos. I: Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen; allein berechtigte Übers. aus dem Russischen, neu bearb. für Deutschland und mit neuem Kartenmaterial versehen*. Berlin, 1931.

- Salway B. Putting the world in order: mapping in Roman texts // Ancient perspectives: maps and their place in Mesopotamia, Egypt, Greece & Rome / Ed. R.J.A. Talbert. Chicago; London, 2012. P. 193–234.
- Samuel-Scheyder M. Johannes Cochlaeus: humaniste et adversaire de Luther. Nancy, 1993.
- Scarth E.-A. Mnemotechnics and Vergil: the art of memory and remembering. Saarbrücken, 2008.
- Shcheglov D.A. Pomponius Mela's *Chorography* and Hellenistic scientific geography // The periphery of the classical world in ancient geography and cartography / Ed. A.V. Podossinov. Leuven; Paris; Walpole MA, 2014. P. 77–94.
- Silberman A. Le premier ouvrage latin de géographie: la Chorographie de Pomponius Méla et ses sources grecques. // *Klio*. 1989. T. 71. P. 571–81.
- Stürenburg H. Relative Ortsbezeichnung: zum geographischen Sprachgebrauch der Griechen und Römer. Leipzig; Berlin, 1932.
- Schulten A. Tingentera // RE. 12. Hbb. Stuttgart, 1937. Sp. 1383–1384.
- Traina G. I due mari di Pomponio Mela // *Invigilata Lucernis*. 2020. T. 42. S. 97–106.
- Winkler G. Geographie bei den Römern: Mela, Seneca, Plinius // *Geographie und verwandte Wissenschaften* / Hrsg. W. Hübner. Stuttgart, 2000. S. 141–161.

Клаус Гоïc

ПОМПОНИЙ МЕЛА, *DE CHOROGRAPHIA*: ИЗВЕСТНОЕ, ЛОЖНО ПОНЯТОЕ, НЕИЗВЕСТНОЕ О ЛИЧНОСТИ И ТРУДЕ

«Хорография» (*de chorographia*, или *cosmographia*, или *de situ orbis*) Помпония Мелы – первое географическое сочинение на латинском языке. Оно было написано при императоре Клавдии зимой 43/44 гг. н.э. Сам автор назвал его «сложным сочинением, которое с трудом поддается изящному изложению» (*impeditum opus et facundiae minime carax*), и эти слова, недолго думая, подхватили современные ученые: его оценка колеблется где-то между «школьным учебником», наспигованным общими сведениями, и сухой «придворной географией» некоего «киберо-римского» представителя рыцарского сословия. Однако более скрупулезный анализ свидетельствует, что подобные мнения несостоятельны: на деле Мела проявляет себя литературно одаренным и угождающим своему читателю автором, подающим свой материал разнообразно и с большим искусством. Прежде всего следует отметить продуманную и стройную композицию, а также до мелочей выверенную речь: так, в своем описании Понта / Чёрного моря Мела сознательно избегает повторов и старается использовать разные слова, относящиеся к «воде» (океаны, моря, реки, потоки и т.д.), которые употребляются к месту и создают лексическое разнообразие. Мела (в отличие от принятой до по-

следнего времени в науке точки зрения) не считает себя прежде всего «римлянином» (Рим и римляне появляются в его сочинении удивительно редко и описываются к тому же весьма прозаично), а «финикийцем», прибывшим из Северной Африки в Испанию (Tingentera). То есть, именно финикийцы характеризуются весьма положительно и слывут законодателями множества наук и искусств.

Данная статья предлагает также прочитать сочинение Помпония Мелы в разных аспектах по-новому: его «Хорография» – это не только важный труд античной географии, но также, и прежде всего, до сих пор непризнанное произведение словесности.

Ключевые слова: Помпоний Мела, «Хорография», Понт/Черное море, античная география, перипл, финикийцы

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-306-330

Е.В. Вдовченко

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРИАЗОВЬЕ ПО ДАННЫМ ПЕВТИНГЕРОВОЙ КАРТЫ

Цель статьи – определение этнической ситуации в степной зоне Северного Причерноморья и Приазовья по данным Певтингеровой карты, а также датировка этой информации. За рамками этого исследования остаются города Боспора и Северный Кавказ.

Изменчивость этнической и политической ситуации в степной зоне Европы под влиянием миграций кочевников и других народов (например, готов) позволяют датировать информацию на Певтингеровой карте. Основное внимание уделено местоположению таких народов, как роксоланы, сарматы Центральной Европы, меоты, кавказские аланы. Такие названия, как сираки, аспургриане, псакканы, согласующиеся с античной традицией, тем не менее не позволяют сузить хронологические рамки данных карты.

Меоты на Нижнем Дону существовали с рубежа эр до середины III в. н.э. Роксоланы между Карпатами и Днепром находились с середины I в. до примерно середины III в. Кавказские аланы не могли появиться на карте ранее II в. Этническую картину позволяют дополнить и выстроить археологические реалии. Также обращено внимание на те народы, которых нет на Певтингеровой карте – готы, аланы и аорсы в Северном Причерноморье, гунны.

Все эти данные позволяют мне предположить, что для Северного Причерноморья и Приазовья на карте показано расположение народов между серединой II – серединой III в. н.э., может быть, даже скорее между рубежом II–III вв. н.э. и первой половиной III в. н.э.

Если посмотреть на Певтингерову карту, то можно отчетливо увидеть, что центральная идея карты – всеобъемлющий итинерарий, связки дорог Римской империи и Востока. В этом плане то, что лежит за пределами дорожной сетки – окраина карты, ее периферия, не столь значимо. Ее источником была скорее не литературная традиция, как в случае с научными экскурсами Аммиана Марцелина, а более современные данные. По всей видимости, автор редакции III в. стремился заполнить пространство периферии ойкумены актуальными сведениями, но не слишком детально углубляясь в информацию о тех регионах, куда дорожная сетка не доходила.

Ключевые слова: Певтингерова карта, этносы, номады, сарматы, меоты, аланы, датировка, античная картография, Северное Причерноморье, Приазовье

Северное Причерноморье находилось на периферии интересов античных авторов. Подробнее всего этническая ситуация в регионе в римское время описана Страбоном, Плинием Старшим и Птолемеем. Эти данные довольно сложно свести в стройную систему представлений об этнической истории региона. Тем ценнее любая информация античных авторов об этнокультурной и политической ситуации. К числу одних из самых интересных, но вместе с тем сложных источников, относится Певтингерова карта (*Tabula Peutingeriana*, далее – ТР).

Tabula Peutingeriana – уникальный источник римского времени, данные которого относятся в основном к периоду времени от I до IV в. н.э. Интерпретация данных карты отличается значительной сложностью (Подосинов 2002; Ратманн 2015; Подосинов 2016; Weber 2016; Podossinov 2020), но дает важную информацию о римской эпохе и картографии того времени. Возможно, у истоков Певтингеровой карты находится карта Марка Випсания Агриппы (Подосинов 2016. С. 950). Но основной массив информации о Восточной Европе противоречит времени и эпохе I в. до н.э. Данные этой карты относятся к первым векам нашей эры. Значительная часть названий Певтингеровой карты может быть датирована III в. н.э., хотя есть и более поздние вставки – IV–V вв. н.э. (Подосинов 2002. С. 291, 323). По данным Э. Вебера, последние изменения вносились в 435 г. (Ратманн 2015. С. 101). Что касается попытки Михаэля Ратманна отнести ее появление к эллинистической эпохе (Ратманн 2015. С. 120–125), то аргументы А.В. Подосинова против этого представляются вполне обоснованными (Подосинов 2016). Впрочем, эту карту необходимо рассматривать по регионам и областям, чтобы определить ее информативность для каждого отдельного региона.

Моей целью будет определение этнической ситуации в степной зоне Северного Причерноморья и Приазовья по данным этого источника, а также датировка этой информации. За рамками моего исследования остаются города Боспора и Северный Кавказ (за одним исключением, важным для работы, – аланов).

Данные Певтингеровой карты довольно сложно свести в стройную систему представлений об этнической и политической истории региона. Искажения названий на этой карте – не редкость. Здесь знакомые названия соседствуют с гапаксами, что затрудняет понимание этой информации. Но еще большую озабоченность вызывает сам вид карты, растянутой в широтном направлении. Деформированное изображение затрудняет интерпретацию. Так, например, Кавказ на Певтингеровой карте очень искажен – в силу растянутости карты в широтном направлении (свиток шириной чуть больше 30 см и длиной более 6 м) Кавказ представлен семью горными цепями, растянутыми на карте (ТР от IX. 5 и до XI.3).

Тем не менее, есть одно важное обстоятельство, которое помогает нам понять и расшифровать ту информацию, которая в этой карте содержится. Особенностью степной зоны являются регулярные миграции кочевников и смена населения каждые 100–150 лет. Так, для сарматской эпохи Северного Причерноморья у нас есть как минимум три-четыре волны миграции. Поэтому можно предположить, что отдельные части карты могут зафиксировать ситуацию, специфическую для определенного времени. Названия на карте являются политонимами или этнонимами, многие из которых известны на протяжении столетий (роксоланы, аорсы, аланы и т.п.). Но их расположение на карте, в конкретном регионе является специфическим для каждой эпохи. Разбор следует провести по известным нам названиям степной зоны, и особое внимание следует уделить именно кочевникам.

Первая группа названий, связанных со степной зоной, которые мы видим на северной кромке карты, – это **сарматы Центральной Европы**. На карте фиксируется серия двойных «сарматских» названий – *Sarmate vagi*, *Solitudines Sarmatarum*, *Amaxobii Sarmatae*, *Lupiones Sarmate*, *Venadi Sarmatae*, *Roxulani Sarmate*, *Suani Sarmatae*, *Sasone Sarmatae*, которые располагаются к северу и к северо-востоку от Дуная и на Кавказе (последние два названия). Этноним и политоним ‘сарматы’ относится к нескольким группировкам на карте. Римляне хорошо знали этническую и политическую ситуацию севернее Дуная, плотность информации для этого важного в стратегическом отношении регионе была заметно выше, поэтому здесь так много названий (и не так много в Северном Причерноморье).

Помимо этого, пропорции на карте искажены, и эти общности могли располагаться на обширной территории вокруг Карпат – к западу, востоку (степная зона) и к северу (в лесной зоне). Может быть, сказалось смещение на запад кочевников в III в., когда к известным здесь с I в. языгам могли добавиться аорсы и роксоланы.

Происхождение двойного сарматского названия имеет несколько объяснений.

1. Кочевники по кочевому образу жизни назывались тогда сарматами (см. Tac. Germ. 46: «Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между пемскими и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне», пер. А.С. Бобовича). Здесь сарматами называются именно кочевники.

2. Общность происхождения и этнокультурное родство, а также этническое смешение. Так, например, греко-сарматы упоминаются христианским епископом Ипполитом Портским, автором «*Liber generationis*», сочинения, завершеного не позднее 235 г. н.э. Он сообщает о «*Sarmatarum autem gentes et inhabitationes: Amaxobii, Graeco-Sarmatae*» – «А сарматов племена и поселения: амаксобии, греко-сарматы» (Ipp. Port. Lib. gen., 34; 13). Это название, по-моему, – результат сарматизации Боспора и говорит об этнической миксации. Таким образом, именно этот термин может содержать в себе информацию об этническом смешении и быть результатом той уникальной ситуации, которая сложилась во II–III вв. н.э. на азиатской части Боспора, в первую очередь в Танаисе и Фанагории (Медведев 2009; Вдовченков 2018. С. 112–149).
3. Географическое определение по принадлежности к Сарматии. Название «Сарматия» сменило название «Скифия» примерно с рубежа эр, и население могли называть сарматами по происхождению с этой территории.
4. Политоним Сарматия означал нахождение под властью сарматов или как минимум в определенном союзе с ними.

Сарматы-ваги («бродячие сарматы»), фиксируемые на западной окраине степной зоны, соотносятся, по всей вероятности, с сарматами Среднего Дуная (Подосинов 2002. С. 315), известными в этом регионе в I–V вв. (Tac. Hist. III, 5; Ann. XII, 29; Dio Cass. Ep. LXXI, 19; Iord. Get. 74). Их можно сравнить с языгами-метанастами Птолемея (Geogr. III, 5, 6: *Ἰάζυρες οἱ Μετανάσται*), мигрировавшими в регион в середине I в. н.э. В Северо-Западном Причерноморье на рубеже эр они отмечены как авангард сарматов на западе у Страбона (Strabo VII, 3, 17) и Овидия (Ovid. Ep. I, 2, 77; IV, 7, 9–10; Ovid. Ibis. v. 135).

Сарматы гамаксобии. Гамаксобии нам известны в двух значениях. Во-первых, Страбон, по-видимому, употребляет этот этноним как характеристику кочевников (букв. ‘гамаксобии’ означает по-греч. «живущие на повозках») – см. Strabo II, 5, 26 о стране кочевников, живущих в повозках у Танаиса, Меотийского озера и Борисфена; VII, 3, 2 о скифах и сарматах как гамаксобиях; VII, 2, 4 о «гамаксойках» (букв. по-греч. «живущие на повозках») как общем названии, применяемом к языгам, роксоланам и другимномадам; VII, 3, 7 о современных Страбону варварах Северного Причерноморья; XI, 2, 1 о скифах-кочевниках. Помпоний Мела также причисляет к (г)амаксобиям скифов, аримаспов, эсседонов, агафирсов и савроматов, «поскольку вместо жилищ у них повозки» (II, 2).

Другой смысл этого названия – это название конкретного племени. Отдельным сарматским объединением, идентичным аорсам, считает га-

максобиев Плиний Старший (см. NH IV, 80: Sarmatae, Graecis Sauromatae, eorumque Naxahobii aut Aorsi – «сарматы, по-гречески савроматы, в их числе гамаксобии или аорсы»). Сарматы гамаксобии могут быть соотнесены с аорсами, как это показал Д.А. Мачинский (1974. С. 130–131), опираясь как на Плиния Старшего, так и на другие источники.

Значение конкретного этноса мы видим и у Птолемея в перечне племен: венеды, певкины, бастерны, языги, роксоланы, гамаксобии и скифы-алауны (Ptol. Geogr. III, 5, 19). Один этноним – аорсы – представляет самоназвание народа, а второй имеет греческое происхождение и образован по внешнему признаку, бросившемуся в глаза грекам (Ἀμαξόβιοι – «живущие на повозках»).

Упомянуты в Певтингеровой таблице и сами аорсы, в искаженном, правда, варианте, у западного подножия Кавказских гор, притом дважды («Arsoae» – TP VIII, 5; IX, 1). Совмещение двух названий (аорсы и амаксобии) одного сарматского этноса вполне возможны – при неоднородности такого источника, как Tabula Peutingeriana.

В свете этих данных под сарматами гамаксобиями следует понимать аорсов, которые обитали в Подонье и Поволжье. Страбон называет аорсов в числе кочевников, живущих между Меотидой и Каспийским морем (Strabo XI, 2, 1; XI, 5, 7; XI, 5, 8); примерно в той же области помещает их и Плиний, упоминая аорсов в NH VI, 39. Аорсы сдвинулись на запад, по сообщению Плиния Старшего (NH IV, 80). Тацит, упоминая участие аорсов в войне с Митридатом VII, может быть, уже зафиксировал их сдвиг из Нижнего Подонья (Tac. Ann. XII, 15–20; Мачинский 1974).

В 1984 г. на Мангупе была найдена мраморная плита, оказавшаяся крупным фрагментом почетного декрета неизвестного происхождения, – так называемый Мангупский декрет (Сидоренко 1996). Происхождение декрета было определено ольвийским по особенностям письма, упоминанию в нем посольства к царям Аорсии и восстанавливаемому в тексте адресату другого посольства – к гегемонам Мезии (Там же. С. 36–37). Упомянутые «великие цари Аорсии» находились в Северо-Западном Причерноморье, как и сама Аорсия.

Таким образом, часть аорсов в результате сегментации могла остаться на Кавказе, а основная часть ушла на запад, где они фиксируются во второй половине I в. н.э. Расположение аорсов после I в. н.э. в Северо-Западном Причерноморье определить затруднительно.

Сарматы венеды, упоминаемые Тацитом (Tac. Germ. 46), Плинием Старшим (NH IV, 97), Птолемеем (Geogr. III, 5, 7 и 8) и Певтингеровой картой (TP VII, 1), стали поводом для большой дискуссии (Подосинов 2002. С. 321–330). Практически все исследователи видят в них не номадов (Там же. С. 322–323). В другом месте карты упоминаются просто

Venedi (TP VII, 4). Особого внимания венеды удостоились в связи с поиском первых письменных сообщений о славянах. За этим названием скрывается подчинение сарматским группировкам и/или смешение с ними.

Этноним **Lupiones Sarmate** (Tabula Peutingeriana VI, 4) относится к числу уникальных названий, известных нам благодаря Певтингеровой карте. Он написан красной краской в самой верхней части карты, но его расположение может означать размещение на довольно обширной территории между лимесом и Балтийским морем, ближе, скорее всего, к лимесу. Название ‘лупионы’ рассматривается как искаженное переписчиком карты название племени лугиев. Дискуссия по поводу лугиев, предполагаемых Lugiones, отражена в работе А.В. Подосинова (2002. С. 318–319). Вопрос о том, кто скрывается под именем лугии – славяне, германцы, кельты либо кто-то еще, – не может быть в настоящее время удовлетворительно решен. Использование в названии имени сарматов может объясняться как политическими связями лугиев с сарматами, так и какими-либо иными обстоятельствами. Именно эта версия рассматривается как наиболее вероятная, что не освобождает нас от обязанностей продолжать поиски.

О.Н. Трубачев связывает происхождение названия с волками (лат. *lupus*). Он выводит *Lupiones* из лат. **lupio*, род. п. **lupionis*, мн. **lupiones* (Трубачев 2003. С. 359) и полагает, что экзотичность для Рима культа оборотня, человека-волка, могла вызвать к жизни этот неологизм *Lupiones* «люди-волки?» для обозначения местных племен с таким верованием (даков? вольков? невров?). Таким образом, О.Н. Трубачев предполагает связь этого названия с верованиями местных племен, с «придунайско-северобалканским ареалом этно-мифологической ликантропии, к которой как-то оказались причастны и вольки-волохи, и невры» (Там же. С. 359).

Страбон в своей «Географии», описывая регион между Дунаем и Днепром, упоминает название «урги» (Οὔργοι): «Вся земля, лежащая за описанной, между Борисфеном и Истром занята сначала “пустыней гетов”, затем тирегетами, за которыми (живут) языги-сарматы и те, кого называют “царскими”, и урги, большинство (из которых) – кочевники, а немногие – занимаются земледелием. Они, как говорят, живут также вдоль Истра, часто по обоим берегам» (Strabo VII, 3, 17, перев. А.В. Подосинова). Эти урги упоминаются в авангарде сарматских племен, идущих на запад. Это сообщение может быть отнесено примерно к рубежу эр. Есть еще один вариант прочтения, предложенный В.И. Абаевым: «Οὔργοι» в переводе со скифо-сарматского «дает урги, буквально волки, тотемическое название». В.И. Абаев в своей статье привел серию примеров использования скифо-сарматского слова *varka* – волк.

Итак, у нас есть два варианта прочтения имени ургов. Если встать на точку зрения В.И. Абаева, то название «сарматы лупионы» может быть

латинской калькой иранского названия группы кочевников (Вдовченков 2020). В таком случае Певтингерова карта может отражать существование этого племени в регионе в более поздний период – ближе к III в. н.э. и уже не к востоку от Карпат, а к западу, что логично, учитывая сдвиг иранцев на запад в течение этого времени.

«Волчий» характер этнонима может быть связан не только с тотемом. «Волчи» и «собачьи» названия часто использовались для особых групп воинственной молодежи. В литературе было выдвинуто предположение о связи ургов с такими молодежными воинскими объединениями (Иванчик 2005. С. 183). Урги могли быть этносом, сформировавшимся на базе молодежного/мужского союза. Регион, где отмечены урги, – Подунавье и Северо-Западное Причерноморье – вполне подходит для размещения молодежного союза — это самая окраина кочевого мира, где в этот момент находился авангард сарматского этнокультурного массива.

Solitudines Sarmatarum (TP V, 5–VI, 1) – «пустыни сарматов», географическая область, упоминаемая также Плинием Старшим как «deserta Sarmatiae» (NH IV, 81). Здесь имеется в виду конкретная область в Северо-Западном Причерноморье. С этим названием пересекается **Sors desertus** (TP VII, 5). Sors desertus – это, скорее всего, гетская пустыня, известная у других авторов (Strabo VII, 3, 14), здесь также происходит дублирование географических понятий.

Roxulani Sarmate на карте находятся к западу от Днепра (TP VII, 5; Подосинов 2002. С. 339; илл. 2). Первое предполагаемое сообщение о роксоланах встречается в декрете Диофанта под 109 г. до н.э. Союзниками скифского царя Палака были «ревксиналы» (IOSPE I, изд. 2, 1916, № 352, стлб. 1, строка 23: ... τὸ τῶν Ρεῦξιναλῶν ἔθνος). Речь там, правда, идет о ревксиналах, но исследователи практически единодушно считают, что роксоланы и ревксиналы – одно и то же (см. прежде всего: Мачинский 1974. С. 125–127). Вероятно, имя роксоланов еще не было хорошо известно херсонесцам, поскольку они только недавно появились в этом регионе.

Страбон несколько раз упоминает роксоланов, которых он размещает между Танаисом и Борисфеном (Strabo II, 5, 7; VII, 2, 4; VII, 3, 17). В «Географии» Клавдия Птолемея, созданной во второй половине II в. н.э., сообщается: «Заселяют Сарматии очень многочисленные племена: ... по всему берегу Меотиды (в Европе) язиги и роксоланы (Ἰάζυγες καὶ Ροξολάνοι)» (Ptol. Geogr. III, 5, 7). О язигах и роксоланах пишет и Аммиан Марцеллин: «Вокруг этих крайних и отдаленнейших болот (имеется в виду Меотийское озеро. – *Е.В.*) живет много народов, отличающихся разнообразием языков и всего строя жизни: яксаматы, мэоты, язиги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы (Iaxamatae et Maeotae et

Iazyges, Roxolanique et Halani et Melanchlaenae et cum Gelonis Agathyrsi)» (Amm. Marc. XX, 8, 31).

Несомненно, здесь Аммиан Марцеллин использовал для своего труда данные, относящиеся к раннему времени. М.И. Ростовцев считает, что в целом для всей главы (Amm. Marc. XX, 8, 1–48) использовались периплы и перизгесы, данные которых совпадают с данными Плиния Старшего, Валерия Флакка и Помпония Мелы (Ростовцев 1925. С. 82). Важно, что в этом тексте языги и роксоланы располагаются у Меотиды – так же, как у Птолемея. Скорее всего, такое положение дел соответствует I в. до н.э. Археологически этим роксоланам соответствуют погребения раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. с преобладанием северной ориентировки (Симоненко 2000).

Надгробная надпись на мавзолее Тиберия Плавтия Сильвана Элиана, легата Мезии, который в 60–69 гг. н.э. управлял этой провинцией, гласит: «... Легату за прет(ора) Месии, в которой он перевел (на этот берег) более чем сто тыс(яч) из числа трансданувиан(ов) для уплаты налогов с женам(и) и детьми и с их предводителями или царями; подавил начинающееся движение сармато(в), хотя большу(ю) част(ь) войска послал в экспедицию в Армению; неизвестных раньше или враждебных н(ароду) р(имскому) царей он привел к берегу, который он защищал, чтобы они почтили римские значки; царям бастарнов и роксоланов сыновей, (царю) даков – брата, пленных или у врагов он возвратил; от некоторых из них взял заложников; этим мир провинции и укрепил и расширил; (причем) царь скифов был отогнан от осаждавшегося им Херсонеса, что за Бору-стенном» (CIL XIV, 3608; Кнабе 1981. С. 48). Здесь мы видим участие роксоланов в военных действиях вместе с бастарнами в Северо-Западном Причерноморье. Я согласен с С.А. Яценко, что под «неизвестными ранее и враждебными народу римскому царями» подразумеваются аланы (Яценко 2001). В этом же регионе чуть позже отмечает участие в набеге роксоланов и Тацит (Tac. Hist. 1, 79).

После этих событий роксоланы обосновались в Северо-Западном Причерноморье. В 119 г. император Адриан разбирает с царем роксоланов ситуацию с уменьшением субсидий: «С царем роксоланов, который жаловался на уменьшение ежегодных выплат, он (император Адриан. – *E.B.*), разобрав дело, заключил мир» (SHA V. Adr. VI, 8).

В ходе Маркоманнских войн роксоланы – ближайшие номады к востоку от Карпат: «Он (император Марк Аврелий)... позволил им (языгам) сноситься с роксоланами через Дакию всякий раз, когда ее правитель дозволит им это» (Dio Cass. Ep. LXXI, 19).

До 270 г. н.э. роксоланы перешли на территорию Среднего Дуная (SHA. Tyranni Triginta X. 1).

Таким образом, размещение роксоланов в западной части Северного Причерноморья может датироваться I–III вв. н.э., но не позже 270 г. Более того, движение готов и других народов из Центральной Европы в Северное Причерноморье шло до середины III в. С этого времени здесь начинается формирование мощной черняховской культуры. Вытеснение с территории Северного Причерноморья роксоланов не нашло отражения в письменных источниках. В ходе проникновения на эти территории готы одержали победу над спалами (Iord. Get. 28). Таким образом, роксоланы известны к западу от Днепра с середины I по середину III в. н.э.

Итак, у нас несколько случаев употребления в Певтингеровой карте двойных этнонимов с сарматами. Ряд этих этнонимов – это разновидность сарматов-номадов, когда некоторые из этих названий относятся к разным сарматским группировкам, хорошо известным нам по другим источникам. Я думаю, что *Sarmate vagi*, *Amachobii Sarmatae*, *Roxulani Sarmate* – это обозначение кочевого образа жизни и происхождения из степной зоны Сарматии. *Venadi Sarmatae* – результат смешения оседлого населения с сарматами, а *Lupiones Sarmate* – в зависимости от интерпретации. Если это производное от лугиев, то это результат смешения оседлых и кочевых групп, а если «волчий» вариант названия, то они скорее кочевники.

В Северном Причерноморье фиксируются **гетские** и, возможно, **германские названия**. *Gaete* (VII, 3) и *dagae* (VII, 4) – это названия даков и гетов в местах их традиционного расположения (Podossinov 2020. S. 100–102).

О присутствии германцев говорят довольно спорные свидетельства. Это «*piti*» – питы, в которых можно предположить гепидов (TP VII, 3; Подосинов 2002. С. 327, 331). Также название Днепра – «*Nusacus*», которое может быть германским (TP VII, 5; Шрамм 1997. С. 137–138; Подосинов 2002. С. 338). Но это довольно косвенные данные. Еще одно название, считающееся германским, – река Fl(umen) *Agalingus* (TP VII, 4), которую рассматривают как реку Днестр (Шрамм 1997. С. 137–138; Подосинов 2002. С. 332).

Сираки на Певтингеровой карте известны в форме «**Seracoe**» (TP VIII, 2; илл. 4). Это одно из крупных сарматских кочевых племен, которое обитало между Азовским морем, Каспием и Кавказским предгорьем, в основном по течению Кубани со II в. до н.э. Если принять версию о том, что Диодор Сицилийский в событиях 310/9 г. до н.э. упоминает сираков, то это может быть и конец IV в. до н.э. (Diod. XX. 22. 4; Тохтасьев 2017. С. 236), хотя такая ранняя фиксация сираков вызывает обоснованные сомнения (Балахванцев, Беглова 2011).

Страбон также упоминает сираков (см. XI, 5, 7–8: Σίρακες; XI, 2, 1). По его сообщениям, сираки принадлежат кномадам, кочующим «между

Меотидой и Каспийским морем» (§ 8); они живут в предгорьях Кавказа (§ 7) вплоть до его восточной части. Также Страбон называет страну Сиракены (τῆς Σιρακηνῆς), через которую течет Мермадалис и впадает в Меотиду (XI, 5, 7–8). Об этом народе, кроме Страбона, сообщают и другие античные авторы (Mela I, 114: Sirachi; Plin. NH IV, 83; VI. 35, 39: Siraci; Tacit. Annal. XII, 15–17: Siraci; Ptol. Geogr. V, 9, 17, 19: Σιρακηνοί). Сираки упоминаются и в боспорских надписях (КБН 142; 1237). Особенно примечательна последняя надпись – она дает позднюю точную дату по сиракам – 192 г., перечисляя их в числе народов, покоренных Савроматом II.

Сираки – единственное крупное сарматское объединение, о движении которого на запад почти нет упоминаний в сохранившихся источниках. Только Плиний помещает их между Борисфеном и Керкинитским заливом севернее Ахиллова Бега и западнее Гилеи (NH IV, 83: Siraci).

Аспургианы (TR IX, 3; Podossinov 2020. S. 222–223; илл. 4). Основные сведения об аспургианах сообщаются Страбоном (Ἀσπουργίανοι) и относятся к рубежу эр, но аспургианы упоминаются и позже, например, у Элия Геродиана (VII, 180, 2 Lenz) и Стефана Византийского (Steph. Byz. s. v. Ἀσπουργίανοι). Астуриканы Птолемея (Ἀστούρικανοί) напрямую соотносятся с аспургианами (V, 8, 17). На Боспоре в III в. н.э. известна должность «начальник аспургиан» (КБН 36; КБН 1246, 1248 – ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν). Источники сообщают о существовании на рубеже эр объединения аспургиан, которые находились на службе боспорских царей, а также о формировании в должностной номенклатуре Боспора позиции «начальник аспургиан», которая существовала в 220-е (КБН 1246, 1248) и 270-е гг. (КБН 36; Яйленко 2015. С. 436–437). С аспургианами некоторые исследователи связывают крепости I в. до н.э., расположенные на территории от Фанагории до Горгии (Сокольский 1975. С. 21–29), в т.ч. и т.н. резиденцию Хрисалиска (Сокольский 1975. С. 28–29). Трудно сказать, как долго сохранялась группа аспургиан как отдельное объединение, хотя наличие начальника аспургиан может быть свидетельством их долгого существования. Судя по тому, что начальник аспургиан Зенон, сын Фанна, был и пресбевтом Танаиса (КБН 1246, 1248), а Фанн, сын Сакла, был хилийархом и начальником аспургиан (и упомянут третьим в этом важном списке КБН 36), эта должность предполагала военный функционал и контроль военных групп на службе Боспора.

Psaccani. Псакканы показаны на Певтингеровой карте дважды, красным и черным (TR IX, 3; IX, 4; илл. 4). Они располагаются примерно в низовьях Кубани. Псакканы сближаются с псаханами конца I – начала II в. н.э. (КБН 1048; Яйленко 2015). Также территориально и по названию их сближают с песами (Ψησοί) первой половины IV в. до н.э. из титулатуры Левкона I (КБН 6, 6а, 1037, 1038) и песами I в. из титу-

латуры Аспурга (КБН 39, 40). Упоминает псесов (псессиев) Птолемей (Geogr. V, 9, 17–18): «Между Меотийским озером и Гиппийскими горами, после сиракенов – псесии (Ψήσιοι), затем фатеи меоты (Θατείς Μαλιῶται), ниже которых тирамбы, затем — астуриканы» (Ἀστούρικανοί, leg. Ἀστούριανοί)».

Значение этнонима ‘псакканы’, как и ‘псеханы’ и ‘псессы’, по мнению В.П. Яйленко, – «обитатели низовий, речных долин» (Яйленко 2015. С. 439). Эту точку зрения поддерживает С.Р. Тохтасьев, связывая это название с праадыгским, праабазинским, праубыхским или праабхазским языками (Тохтасьев 2017. С. 206–207). Этим псеханы отличаются от меотов, вопрос о этноязыковой принадлежности которых – предмет дискуссий (Там же. С. 148–162).

Меоты. У северо-западного угла Меотиды на карте мы видим название «meote» (TR VIII, 1; Подосинов 2002. С. 309–310; илл. 3. Общую характеристику этого термина и литературу см.: Каменецкий 2011; Тохтасьев 2017. С. 148–162). Термин «маиты» или «все маиты» боспорских надписей обозначает совокупность неких племен, обитавших по восточному берегу Азовского моря (Тохтасьев 2017. С. 185).

Однако в Северо-Западном Приазовье не было оседлого населения в античную эпоху. Это место на карте в реальности, на мой взгляд, отображает северо-восточный угол Меотиды. Эти «meote» – донские меоты. В высшей степени схематическом отображении Меотиды, которая не соединяется с Черным морем, такое положение донских меотов вполне логично. На карте они находятся на правом берегу Танаиса, что соответствует реалиям Нижнего Дона, где большинство меотских поселений находилось на правом берегу Дона – от Кобяково до Мокрочалтырского городища (на левом берегу – только поселения Крепостное и Подазовское, оставленные жителями во II в. н.э.) (илл. 1). С середины III в. н.э. меотские поселения на Нижнем Дону были разрушены и оставлены жителями (Танаис был разрушен пожаром в 250–251 гг., и меотские поселения по данным раскопок на городищах и некрополях разрушены примерно в это же время). И хотя некоторые данные позволяют предположить, что жизнь могла продолжиться на остатках поселений, но уже далеко не в тех масштабах. И опять же, массового материала позже середины III в. нет.

Фактически это, если моя интерпретация верна, единственное прямое сообщение о донских меотах. Использование имени меотов для населения нижнедонских городищ первых веков нашей эры – результат интерпретации археологических комплексов, явно связанных с меотами Кубани – Приазовья. Есть еще косвенные данные Страбона, который говорит о меотах до Танаиса (XI, 2, 4), и информация Плиния Старшего

(NH IV, 88). Кстати, важно отметить, что у Плиния меоты располагаются по северному побережью Меотиды, как и на Певтингеровой карте. Но И.С. Каменецкий объясняет это тем, что у Плиния смещен Гипанис-Кубань, и вслед за Кубанью сместились меоты (Каменецкий 2011. С. 169).

Alani на Певтингеровой карте упоминаются только раз (TP VIII, 3; илл. 4) в предгорьях Кавказа прямо над первым по очереди кавказским хребтом карты. Это название можно связать с кавказскими аланами – здесь зарождалась Кавказская Алания. Формирование аланской культуры Северного Кавказа происходит в среднесарматское время на основе культуры оседлого и кочевого населения региона с участием среднесарматского миграционного импульса. Ее происхождение связано с миграцией в регион носителей среднесарматской культуры и их смешением с местным населением, носителями культурной традиции Чегем-Манаскент, которая существовала здесь во II в. до н.э. – I в. н.э. (Малашев, Маслов 2021). Здесь происходит во II–IV вв. н.э. оседание кочевников и возникает самобытная аланская археологическая культура раннего этапа. Эти события определили тенденции развития Центрального Предкавказья на следующее тысячелетие. Новейшие исследования позволяют отсчитывать процесс формирования этой культуры со II в. н.э. В III в. Алания представляла собой значительную силу (Малашев 2014). Аланы Певтингеровой карты – это первое, по всей видимости, надежное упоминание кавказских аланов в источниках.

Названия вне контекста. На Певтингеровой карте мы встречаем целую серию названий, чья идентификация затруднена. Это гапаксы, а также названия, которые настолько искажены рукой переписчика, что их трудно надежно идентифицировать.

У реки Танаис обращает на себя внимание загадочное название «**Tanasis. Galatie**» (TP VII, 5; Подосинов 2002. С. 309, 338–339; илл. 2). Это или название народа, или название реки. С чем связано название, близкое имени кельтов (*Galatie*)? Археологических и исторических реалий для этого названия в настоящее время нет. Археология и письменная традиция, связанные с кельтами в Северо-Западном Причерноморье, датируются III в. до н.э., хотя некоторые элементы латенской культуры появляются в степной зоне и позднее (подробнее по теме см.: Казакевич 2015).

Tanasis сближают с именем танаитов, известных нам в разные эпохи. О танаитах сообщают Плиний Старший (NH VI, 22); Птолемей (Geogr. III, 5, 24); Аммиан Марцеллин (XXXI, 3), а также боспорские надписи (КБН 39, 40). Танаиты в этих источниках – скорее этническое наименование. Также есть танаиты – члены гражданской общины Танаиса, разделенной

на танаитов и эллинов. Впервые упоминание архонта танаитов встречается в надписи 188 г. (КБН 1242), танаиты и их архонты упоминаются в официальных строительных надписях (КБН 1242, 1243, 1245–1251а, 1256, 1258) и в посвящении пресбевта (КБН 1237). Впрочем, термин может быть и географическим – производным от названия реки. Например, Сенека использует для амазонки эпитет «танаитянка, или меотиянка», имеющий у него, очевидно, географическое содержание (Sen. Thyestes 401). Но такое сближение ненадежно, особенно в связи с галатами рядом.

В районе Дона мы видим название **Saurica** (ТР VIII, 2). Саурика объясняется как вариант написания Таврики или название одного из народов, например, **Sorices** на правом берегу Днепра (ТР VIII, 2), или *Σαυάροι* Птолемея (III, 5, 10), или *Suagices* Равеннского Анонима (IV, 4) (см.: Подосинов 2002. С. 340, 343).

Рядом с ними – **Manirate** (ТР VIII, 1; илл. 2), **Cannate** (ТР VIII, 2; илл. 3) и ряд других названий без контекста. Трудно как-то прокомментировать такое название, как «Cannate» Певтингеровой таблицы. Предлагаемое чтение «Tanaitae» спорно (ТР VIII, 2; Подосинов 2002. С. 352).

Отсутствующие названия. Следует обратить внимание на те названия, что отсутствуют на ТР. Конфигурация названий и их расположение позволяет ограничить ситуацию, и мы сможем датировать отдельные части карты.

На карте нет готов, чьи походы в середине III в. всколыхнули политическую ситуацию на Дунае и Балканах. В действительности известный как черняховская культура конгломерат народов, среди которых германцы играли лидирующую роль, не мог не оставить следов на карте с середины III в. н.э. и до 370-х гг.

Нет на карте и гуннов. Орозий в своем произведении говорит под 379 г. о трех великих скифских народах – готах, гуннах, аланах (Oros. Hist. I, 2, 53). Гунны, появившиеся к этому времени, заявили о себе как о мощной группировке. В другом месте Орозий говорит под 417 г. о Германии, Дакии (Готии), Алании, что показывает нам значение Алании в системе координат варварских стран для античного автора (Oros. Hist. VII, 34, 5).

И здесь следует еще раз обратить внимание на аланов. Аланы – это новый этноним, проникший в Европу в I в. н.э. Аланов на Нижнем Дону фиксирует в I в. н.э. Иосиф Флавий (De bello Iud. VII, 7, 4). Также есть аланы у Птолемея, где они называются в числе великих народов и находятся, кстати, рядом с гамаксобиями, предполагаемыми аорсами (III, 5, 19). В пантикапейском энкомии боспорского государственного и военного деятеля времени Савромата I (по мнению С.Ю. Сапрыкина) упоминаются несколько царей у аланов (Сапрыкин, Парфенов 2012. С. 169).

Для позднесарматской эпохи ситуация известна намного хуже. В середине II в. н.э. среднесарматская культура сменяется позднесарматской. Эта смена культур сопровождается серией военных акций, самая известная из которых – разгром Танаиса в середине II в. н.э. Через сто лет ситуация в Подонье снова меняется – в середине III в. на смену носителям позднесарматской культуры приходят группы кочевников из Центрального Предкавказья, носители аланской культуры (Малашев 2009). Для IV в. в Подонье Аммианом Марцеллином отмечены аланы-танаиты (XXXI, 3, 1), генетически связанные с аланской культурой.

Но на Певтингеровой карте нет аланов, бывших с середины I по середину II в. в Подонье, и нет аланов-танаитов, которые появляются в Подонье в середине III в. н.э. из Предкавказья. Нет здесь и европейских аланов, которых А.В. Симоненко локализует в Нижнем Подунавье (Аmm. Marc. XXII, 8, 42; Симоненко 2001).

Версия датировки карты. Изменчивость этнической и политической ситуации в степной зоне Европы позволяют датировать информацию на Певтингеровой карте. Эту информацию я отразил в таблице (илл. 5), показав те народы, что были отражены на карте, и те, которых на ней не оказались.

Меоты на Нижнем Дону существовали с рубежа эр до середины III в. н.э. Аланы не присутствовали в Северном Причерноморье с середины II в. по середину III в. Роксоланы между Карпатами и Днепром находились с середины I в. по примерно середину III в. Кавказские аланы могли появиться на карте не ранее II в., а, скорее, ближе к его концу.

Карта показывает нам ситуацию не I в. н.э., поскольку мы видим группу сарматских названий в Центральной Европе. Эта ситуация сложилась позже. Ключевым маркером является отсутствие аорсов/амаксобиев в Северном Причерноморье и Подонье-Поволжье, где они занимали важные позиции в I в. до н.э. – I в. н.э. – а на карте только на Кавказе два упоминания и где-то в Центральной Европе. Также нет аланов в Северном Приазовье, которые стали играть здесь значительную роль со второй половины I в. н.э.

Также однозначно на карте отражена ситуация не IV в. н.э. На карте нет готов, аланов-танаитов и более поздних гуннов.

Все эти данные позволяют мне предположить, что для Северного Причерноморья и Приазовья на карте показано расположение народов между серединой II – серединой III в. н.э., может быть, даже скорее между рубежом II–III вв. н.э. и первой половиной III в. н.э.

Этническую картину позволяют дополнить и выстроить археологические реалии. Донские меоты, вернее, носители донского варианта меотской культуры (илл. 1), хорошо известны по городищам и некрополям Нижнего Дона. Кавказские аланы тоже известны в первую очередь как

яркий археологический феномен, отраженный в существовании десятков мощных городищ Центрального Предкавказья со II по IV в. н.э.

Смена культур в степи – в середине II в. – от среднесарматской к позднесарматской – не могла не изменить номенклатуру названий в степной зоне, и середина III в. – переход от позднесарматской к новой в Подонье и начало формирования черняховской культуры в Северо-Западном Причерноморье.

В целом предложенная мною реконструкция датировки этих частей ТР носит характер гипотезы. Специфика и эклектичность этого источника заставляют нас быть осторожными в оценке этих данных. Правомерность такой датировки и этнической реконструкции покажут дальнейшие исследования.

Ракурс рассмотрения Северного Причерноморья на Певтингеровой карте. Так что же нам дают данные по Северному Причерноморью – это случайный набор названий, вырванных из контекста, например, из литературы, или же за этими сведениями есть какая-то система?

Если посмотреть на пункты Певтингеровой карты, нанесенной на гугл-карту (*Omnnes Viae* 2022), можно отчетливо увидеть, что центральная идея карты – всеобъемлющий итинерарий, связки дорог Римской империи и Востока. Главную идею карты показывает плотность информации на дорожной сетке, на которой сосредоточены в основном 3500 названий и 555 виньеток, даже за пределами Римской империи. В этом плане то, что лежит за пределами дорожной сетки, – окраина карты, ее периферия, не столь значимая, на которой нанесены какие-то маркеры, связывающие ее с предшествующей литературной традицией.

Любопытно взглянуть на города Северного Причерноморья, которые в данном случае я не рассматриваю подробно (это требует отдельного исследования, как и название *Bosforani*: Podossinov 2020. S. 224–225). На карте мы видим Калос Лимен, Нимфей, Фанагорию. Но при этом отсутствие таких городов, как Ольвия, Херсонес, Пантикапей связано, возможно, с тем, что города, не соединенные сетью дорог со всей картой, размещались несистемно.

По всей видимости, автор заполнил пространство периферии ойкумены значимыми названиями, но источником была не литература, а более современные данные. Автор отдал дань традиции («рвы, вырытые рабами скифов» – VIII, 1; «река Танаис, что разделяет Азию и Европу» – VII, 5), но не более. Мы здесь не видим дежурного перечисления народов Северного Причерноморья, как у Аммиана Марцеллина, сообщающего о нервиях, антропофагах, меланхленах, гелонах и агафирсах (XX, 8, 31; XXXI, 2, 14–16).

Вообще, степная зона, как таковая, наполнена гапаксами и непонятными названиями. Узнается только северо-западная часть Причерноморья.

рья с роксоланами и прилегающими частями скорее уже Центральной Европы с обилием двойных сарматских названий, и территория Приазовья с традиционными здесь сираками, аспургианами, псакканами. По всей видимости, автор редакции III в. стремился заполнить пространство периферии ойкумены актуальными сведениями, но не слишком детально углубляясь в проблемы тех регионов, куда дорожная сетка не доходила.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Балахванцев А.С., Беглова Е.А.* Арифарн – царь фатеев или сираков? // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 575–579. [*Balakhvancev A.S., Beglova E.A.* Arifarn – car' fateev ili sirakov? (Arifarn – rex fateev or sirakov?) // *Bosporskij fenomen: naselenie, yazyki, kontakty.* St-Petersburg, 2011. S. 575–579.]
- Вдовченков Е.В.* Социальная история сарматов Нижнего Подонья. М., 2018. [*Vdovchenkov E.V.* Social'naya istoriya sarmatov Nizhnego Podon'ya (Social history of the Sarmatians of the Lower Don region). Moscow, 2018.]
- Вдовченков Е.В.* Lupiones Sarmate Певтингеровой карты – еще одна версия происхождения названия // Homo omnium horarum: Сб. ст. в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под ред. А.В. Белоусова, Е.В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 134–140. [*Vdovchenkov E.V.* Lupiones Sarmate Pevtingerovoj karty – eshche odna versiya proiskhozhdeniya nazvaniya (Lupiones Sarmate of the Peutinger map – another version of the origin of the name) // *Homo omnium horarum: Sbornik statej v chest' 70-letiya A.V. Podossinova / Ed. A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina.* Moscow, 2020. S. 134–140.]
- Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Берлин; М., 2005. [*Ivanchik A.I.* Nakanune kolonizacii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy tradicii: fol'klor, literatura i istoriya (On the eve of colonization. The Northern Black Sea region and steppe nomads of the VIII–VII centuries BC in the ancient literary tradition: folklore, literature and history). Berlin; Moscow, 2005.]
- Казакевич Г.* Східні кельти: культури, ідентичності, історіографічні конструкції. Київ; Вінниця, 2015. [*Kazakevich G.* Skhidni kel'ti: kul'turi, identichnosti, istoriografichni konstrukcii (Eastern Celts: cultures, identity, historiographical constructions). Kiïv; Vinnicya, 2015.]
- Каменецкий И.С.* История изучения меотов. М., 2011. [*Kameneckij I.S.* Istoriya izucheniya meotov (The history of the study of Meots). Moscow, 2011.]

- Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981. [*Knabe G.S. Kornelij Tacit. Vremya. Zhizn'. Knigi* (Cornelius Tacitus. Time. Life. Books). Moscow, 1981.]
- Корпус боспорских надписей. М., 1965. [*Korpus bosporskikh nadpisej* (The corpus of Bosphoran inscriptions). Moscow, 1965.]
- Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52. [*Malashev V.Yu. Pozdnesarmatskaya kul'tura: verkhnaya khronologicheskaya granica* (Late Sarmatian culture: upper chronological boundary) // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2009. № 1. S. 47–52.]
- Малашев В.Ю.* Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н.э. // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 72–83. [*Malashev V.Yu. Alanskaya kul'tura Severnogo Kavkaza: problema rannej gosudarstvennosti u naseleniya regiona vo II–IV vv. n. e.* (Alanian culture of the North Caucasus: the problem of early statehood among the population of the region in the II–IV centuries AD) // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2014. Выр. 234. S. 72–83.]
- Малашев В.Ю., Маслов В.Е.* Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 2. С. 81–132. [*Malashev V.Yu., Maslov V.E. Kurgany-kladbishcha central'nykh i vostochnykh rajonov Severnogo Kavkaza III v. do n.e. – nachala (pervoy poloviny) II v. n.e. (pamyatniki tipa Chegem-Manaskent)* (Burial mounds of the central and eastern regions of the North Caucasus of the III century BC – the beginning (first half) of the II century AD (monuments of the Chegem-Manaskent type)) // *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik*. 2021. T. 20. N 2. S. 81–132.]
- Мачинский Д.А.* Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122–132. [*Machinskiy D.A. Nekotorye problemy etnografii vostochnoevropejskikh stepej vo II v. do n.e. – I v. n.e.* (Some problems of ethnography of the Eastern European steppes in the II century BC – I century AD) // *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1974. Выр. 16. S. 122–132.]
- Медведев А.П.* О греко-сарматах позднеантичной Фанагории // Нижневолжский археологический вестник. 2009. № 10. С. 237–250. [*Medvedev A.P. O greko-sarmatakh pozdneantichnoj Fanagorii* (About the Greco-Sarmatians of Late Antique Phanagoria) // *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik*. 2009. N 10. S. 237–250.]
- Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. [*Podossinov A.V. Vostochnaya Evropa v*

rimskoj kartograficheskoj tradicii. Teksty, perevod, kommentarij (Eastern Europe in the Roman Cartographic tradition. Texts, translation, commentary). Moscow, 2002.]

Подосинов А.В. К вопросу о времени создания Певтингеровой карты // ВДИ. 2016. Т. 76. № 4. С. 938–955. [*Podossinov A.V.* К вопросу о времени созданија Pevtingerovoy karty (On the question of the time of creation of the Peutinger map) // *Vestnik drevney istorii*. 2016. Т. 76. № 4. С. 938–955.]

Ратманн М. Певтингерова карта: состояние вопроса и перспективы дальнейшего исследования // *Аристей*. 2015. Т. 12. С. 98–131. [*Ratmann M.* Pevtingerova karta: sostoyanie voprosa i perspektivy dal'nejshego issledovaniya (Peutinger's map: the state of the issue and prospects for further research) // *Aristeas*. 2015. Т. 12. S. 98–131.]

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критический обзор памятников литературных и археологических. Л., 1925. [*Rostovcev M.I.* Skifiya i Bospor. Kriticheskij obzor pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and Bosphorus. Critical review of literary and archaeological monuments). Leningrad, 1925.]

Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? // ВДИ. 2012. № 1 (280). С. 163–182. [*Saprykin S.Yu., Parfenov V.N.* ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ enkomiya iz Pantikapeya: Domician ili Kommod? (The Encomium from Panticapaеum: Domitian or Commodus?) // *Vestnik drevney istorii*. 2012. N 1 (280). S. 163–182.]

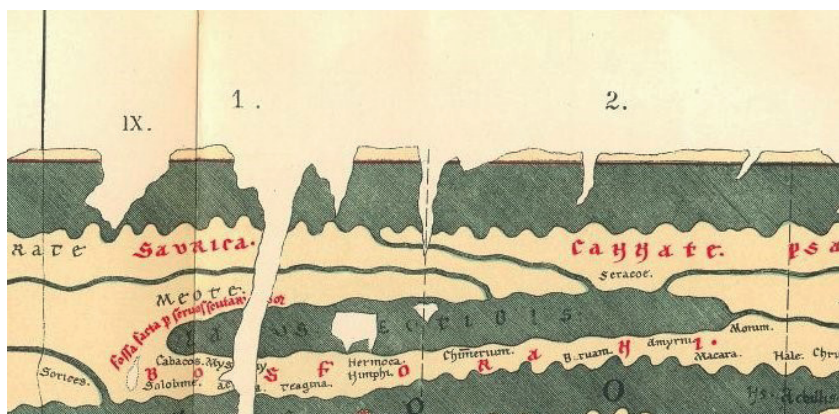
Сидоренко В.А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 35–59. [*Sidorenko V.A.* Fragment dekreta rimskogo vremeni iz srednevekovoj baziliki pod Mangupom (Fragment of the decree of the Roman time from the medieval basilica near Mangup) // *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol, 1996. Vyp. V. S. 35–59.]

Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Проблемы сарматской археологии и истории. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Ч. 1. Самара, 2000. С. 158–164. [*Simonenko A.V.* Osobennosti rannesarmatskoj kul'tury Severnogo Prichernomor'ya (Features of the Early Sarmatian culture of the Northern Black Sea region) // *Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii*. Rannesarmatskaya kul'tura: formirovanie, razvitiye, khronologiya. Ch. 1. Samara, 2000. S. 158–164.]

Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77–91. [*Simonenko A.V.* Evropejskie alany i alany-tanaity v Severnom Prichernomor'е (European Alans and Alans-Tanaites in the Northern Black Sea region) // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2001. N 4. S. 77–91.]

Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21–30. [*Sokol'skij N.I.* Krepost' aspurgian na Bospore (Aspurgian fortress on

- the Bosphorus) // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 1975. Vyp. 143. S. 21–30.]
- Тохтасьев С.Р.* Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2017. Т. VI. С. 135–279. [*Tokhtas'ev S.R.* Varvarskie plemena, sosedi grecheskikh gorodov Bospora (Barbarian tribes, neighbors of the Greek cities of Bosphorus) // *Scripta antiqua*. Voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury. Moscow, 2017. T. VI. S. 135–279.]
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. [*Trubachev O.N.* Etnogenez i kul'tura drevnejshikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya (Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research). Moscow, 2003.]
- Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. [*Schramm G.* Reki Severnogo Prichernomor'ya: Istoriko-filologicheskoye issledovaniye ikh nazvaniy v rannikh vekakh (Rivers of the Northern Black Sea Region: Historical and Philological Study of Their Names in the Early Centuries). Moscow, 1997.]
- Яйленко В.П.* Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 2015. Т. 19. С. 386–458. [*Yajlenko V.P.* Toponimika i etnonimiya antichnogo Bospora (Toponymy and ethnonymy of the ancient Bosphorus) // *Drevnosti Bospora*. 2015. T. 19. S. 386–458.]
- Яценко С.А.* Об этносе – противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Мат-лы IX междунар. научн. конференции. Ростов-на-Дону, 2001. С. 115–117. [*Yacenko S.A.* Ob etnose – protivnike Plavtiya Sil'vana v Severo-Zapadnom Prichernomor'e okolo 62 g. n.e. (About the ethnos – opponent of Plautius Silvanus in the North-Western Black Sea region around 62 AD) // *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka*. Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Rostov-na-Donu, 2001. S. 115–117.]
- OmnesViae: Roman Routeplanner*. URL: <https://omnesviae.org/> (дата обращения 29.12.2022)
- Podossinov A.V.* Osteuropa auf der Tabula Peutingeriana: einige Beobachtungen zu der kartographischen Technik und Nomenklatur // *Orbis terrarum. Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt*. 2020. Bd. 17 (2019). S. 185–240.
- Weber E.* Die Datierungen des antiken Originals der Tabula Peutingeriana // *Orbis Terrarum. Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt*. 2016. Bd. 14 (2016). S. 229–258.



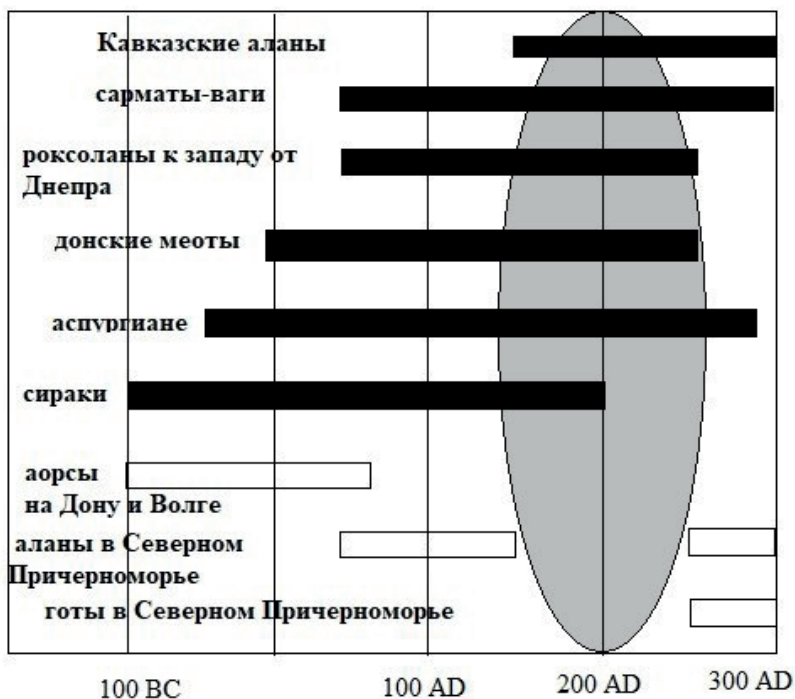
Илл. 3. Певтингерова карта. Меотийское озеро (IX, 1 – IX, 2)
 (<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=8>).

Fig. 3. Peutinger's map. The Meotian Lake (IX, 1 – IX, 2)
 (<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=8>).



Илл. 4. Певтингерова карта. Псакканы, аспургианы, аланы (IX, 2 – IX, 4)
 (<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=8>).

Fig. 4. Peutinger's map. Psaccans, aspurgians, alans (IX, 2 – IX, 4)
 (<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=8>).



Илл. 5. Народы Северного Причерноморья, присутствующие на Певтингеровой карте (черный цвет) и отсутствующие (белый цвет). Серым выделено предполагаемое время редакции информации Певтингеровой карты о Северном Причерноморье.

Fig. 5. Peoples of the Northern Black Sea region, present on the Peutinger map (black color), and absent (white color). The estimated time of the revision of the information of the Peutinger map about the Northern Black Sea region is highlighted in gray.

Eugeny V. Vdovchenkov

THE ETHNIC SITUATION IN THE NORTHERN BLACK SEA AND AZOV SEA REGION ACCORDING TO THE TABULA PEUTINGERIANA

The purpose of the article is to determine the ethnic situation in the steppe zone of the Northern Black Sea and the Azov Sea according to the Tabula Peutingeriana and to date this information. The article avoids the cities of the Bosphorus and the North Caucasus. Changes of the ethnic and political situation in the steppe zone of Europe under the influence of migrations of nomads and other peoples (for example, Goths) permit to date the information on the Tabula Peutingeriana. The attention is mostly paid to the locations of such peoples as Roxolani, Sarmatians of Central

Europe, Maeotians, Caucasian Alans. At the same time such ethnonyms like Siraces, Aspurgiani, Psaccani, being in accordance with anticent tradition, prevent narrowing the chronological framework of the Tabula's data. The Maeotians of the Lower Don existed from the boundary of the two eras till the middle of the 3rd century. The Roxolani dwelled between the Carpathian Mountains and the Dnieper from the middle of the 1st century to about the middle of the 3rd century. Caucasian Alans could not appear on the Tabula earlier than the 2nd century. Archeological realities permit to supplement and arrange the ethnic situation. Also, the author draws attention to the peoples which are not present on the Tabula Peutingeriana, such as Goths, Alans and Aorsi in the Northern Black Sea, and Huns. All these data permit to suggest that the Tabula shows the location of the peoples of the Northern Black Sea and the Azov Sea between mid-2nd and mid-3rd centuries or maybe rather between the boundary of the 2nd/3rd centuries and the first half of the 3rd century. One can clearly see that the central idea of the Tabula Peutingeriana is its being a comprehensive itinerary, a bunch of the roads connecting the Roman Empire and the Orient. Therefore, everything behind the road net, the Tabula's edge, its periphery, is not very important. Its source was not a literary tradition (like in the case of Ammianus Marcellinus' work), but rather more contemporaneous data. Apparently, the author of the version of the 3rd century desired to fill the space of the oikumene with relevant information, but did not delve into the information on the regions distant from the road net.

Keywords: Tabula Peutingeriana, ethnicities, nomads, Sarmatians, Maeotians, Alans, date, ancient cartography, Northern Black Sea, Azov Sea

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-331-353

A.V. Podossinov

ÜBER DIE LANDSTRAßE ENTLANG DER SÜDKÜSTE DES SCHWARZEN MEERES AUF PEUTINGER'S KARTE: WIE ARBEITETE DER KARTOGRAPH

Der Artikel befasst sich mit der auf der lateinischen Tabula Peutingeriana abgebildeten Landstraße, die entlang der Südküste des Schwarzen Meeres vom thrakischen Bosphorus bis nach Trapezunt verläuft. Da die natürlichen Bedingungen dieser Region in der Antike – ins Meer abfallende Gebirgszüge und breite Flüsse – den Durchgang der Straße hier verhinderten und literarische und archäologische Quellen, einschließlich Meilensteine, ihre Existenz nicht bestätigen, werden in dem Beitrag die möglichen Ursachen und Bedingungen erörtert, unter denen der römische Kartograph unter Berufung auf die vorhandenen griechischen Periploi, die diese Küste beschreiben, eine mögliche Landstraße „nachgebildet“ hat. Der Artikel analysiert im Detail die Daten der Tabula Peutingeriana, die die Straße entlang der Küste und die Entfernungen zwischen den „Stationen“ zeigt. Diese Daten werden mit Informationen aus anderen Quellen verglichen, und dies sind geographische Texte, hauptsächlich Periploi, die den Weg des Schiffes entlang der Küste beschreiben (die Hauptquelle ist Arrians „Periplus von Pontus Euxinus“). Es stellt sich heraus, dass die Entfernungen zwischen den Stationen eher den Periploi-Daten entsprechen, was bedeutet, dass die nicht existierende Straße vom Kartographen auf der Grundlage dieser Art von Literatur erfunden wurde. Der Artikel weist auch auf das Fehlen einer Beschreibung einer solchen Straße entlang der Schwarzmeerküste in „Itinerarium Antonini“ hin, in der die Beschreibungen vieler Straßen mit ihrer Darstellung auf der Tabula Peutingeriana übereinstimmen. Ähnliche Fälle wurden bereits auf der Karte vermerkt, als eine Straße am Meer entlang gezeichnet wurde, die in Wirklichkeit nicht existieren konnte. So wird in Kleinasien eine Landstraße zwischen der ionischen Stadt Milet und der lykischen Stadt Patara gezeigt, die durch Myndos, Knidos und Loryma führt, während die geographische Lage dieser Städte impliziert nicht die Existenz von Landstraßen zwischen ihnen, sondern basiert auf Periploi-Daten, die möglicherweise vom Kartographen verwendet wurden. Der Artikel zieht auch eine Parallele zur Straße entlang der nordöstlichen Küste des Schwarzen Meeres (modernes Abchasien), wo Flüsse und Berge in der Antike und in den folgenden Jahrhunderten bis zum 20. Jahrhundert keinen Durchgang zuließen.

Stichworte: Peutinger's Karte, Südküste des Schwarzen Meeres, Landstraße, Periploi

Auf der Tabula Peutingeriana (im Folgenden – TP), die, nach meisten Historikern, aus den ersten Jahrhunderten n. Chr. stammt¹, in lateinischer Sprache geschrieben ist und ein Netz römischer Straßen zeigt, entlang der Südküste des Schwarzen Meeres ist eine Straße gezeichnet, die die südpontischen Städte (als Stationen) zwischen dem Thrakischen Bosphorus und Trapezus verbindet (Abb. 1).

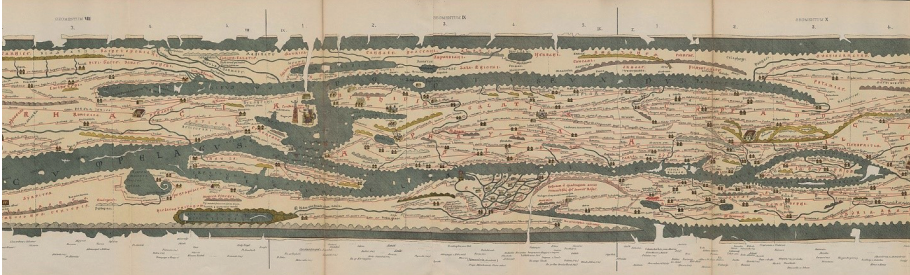


Abb. 1. Die Straße an der südlichen Küste des Schwarzen Meeres auf der TP
(<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=6>).

Aufgrund kartographischer Abweichungen² verläuft der östliche Teil der Straße von Polemonion (auf der TP – der östlichste Punkt des Schwarzen Meeres) nach Trapezus entlang der Ost- und Nordostküste des Schwarzen Meeres (siehe Abb. 2).



Abb. 2. Der östliche Teil des Schwarzen Meeres auf der TP
(<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=9>).

¹ In der modernen wissenschaftlichen Literatur gibt es eine große Meinungsverschiedenheit in der Datierung des TP – vom 3. Jh. v. Chr. (Michael Rathmann), bis ins 1. Jh. v. Chr. (Ekkehard Weber) und sogar bis zum 3. Jh. n. Chr. (Richard Talbert), für weitere Details siehe: Подосинов 2016. С. 938–955. Aber das römische Straßennetz auf der Karte gehört eindeutig zur Römerzeit der ersten Jahrhunderte n. Chr., daher sind die Diskrepanzen in der Datierung der Karte für diesen Artikel nicht ausschlaggebend.

² Über diese Abweichungen s. Podossinov 2020. S. 226–228.

Auf dieser Straße sind 35 Stationen markiert, die durch eine rote Linie verbunden sind, die die Straße zeigt. Wie auch an anderen Stellen, werden auf der Karte die meisten Stationen mit Entfernungen in Meilen angezeigt, und neun Stationen haben spezielle Vignetten, die Stadtbefestigungen oder Tempel darstellen. Die linke Spalte der untenstehenden Tabelle listet alle Stationen der TP von West nach Ost auf (die Zahlen nach den Stationsnamen geben die Entfernung in römischen Meilen zum nächsten Punkt an). Die rechte Spalte enthält eine Liste von Städten und Flüssen, die im gleichen Raum von Arrian im "Periplus Ponti Euxini" (PPE) in der Mitte des 2. Jahrhunderts n. Chr. erwähnt wurden (die Zahlen geben Entfernungen in griechischen Stadien an; eine griechische Stadien enthält ungefähr 1,3 römische Meilen).

Punkten auf der TP	Punkten von Arrian (PPE 12–16)
Iovis Urius (Urion) – 25	Hieron tou Dios tou Ouriou – 90
Ad Promontorium (Promunturium) – 31	–
Ad Herbas fl. (Rhebas)	Rhebas fl. – 150
Melena (Melaena) – 16	Melaina Acra – 150
Artane (Artanes) – 19	Artane fl. – 150
Philius (Psilis) – 27	Psilis fl. – 210 – Calpes Limen – 20 – Rhoe – 20
Chelas – 28	Chelae – 180
Sagarius fl. – 39	Sangarius fl. – 180
Hyppium fl.	Hypios fl. – 100 – Lilaion – 60
Byleum fl. – 2	Elaion – 120 – Cales – 80
Zygom (Lygum) fl. – 4	Lycos fl. – 100
Heraclea – 30	Heracleia – 80 – Metroon – 40 – Poseideion – 45 – Tyndaridae – 15 – Nymphaion – 30 – Oxinas fl. – 90 – Sandarace – 60 – Crenidae – 30
Scylleum (Psylla?) – 12	Psylla – 90
Tium (Tios, Tium) – 12	Tios – 20
	Billaios fl. – 100 – Parthenios fl. – 90
Mastrum (Amastris) – 20	Amastris – 60 – Erythinoi – 60 – Cromna – 90 – Cytoros – 60 – Aigialoi – 90 – Thymena – 120 – Carambis – 60 – Zephyrion – 150 – Abonu teichos – 150 – Aiginete –

	60 – Cinolis – 180 – Stephane – 150 – Potamoi – 120 – Lepte – 60 – Armene – 40
Tycae ³ – 15	
Cereas – 15	
Mileto (Mileton) – 19	
Sinope – 7	Sinope – 150
Cloptasa	Carusa – 150
Orgibate ⁴	
Zacoria (Zagoria) – 25	Zagora – 300
Helega (Halys?) – 12	Halys fl. – 90
Nautagino (Naustathmos) – 20	Naustathmos – 50 – Conopeion – 120
Ezene (Eusene) – 8	Eusene – 160
Missos (Amisus) – 24	Amisos – 160
Ancon – 40	Ancon – 360 – Iris fl. – 160
Heracleon – 30	Heracleion – 40 – Thermodon fl. – 90 – Beris fl. – 60 – Thoaris fl. – 30
Caena (Oenoe?) – 7	Oinoe – 40
Camila (Amyletus?) – 8	
Pytane (Phigamus?) – 20	Phigamos fl. – 150 – Phadisane – 10
Polemonio – 8	Polemonion – 130 – Iasonion – 90 – Boön – 90 – Cotyora – 60
Melantum (Melanthius) – 36	Melanthios fl. – 150 – Pharmatenos fl. – 120
Carnasso (Cerasus) – 24	Pharnaceia (= Cerasus) – 150
Zepyrium (Zephyrium) – 11	Zephyrion – 90 – Tripolis – 20 – Argyria – 90
Philocalia – 30	Philocaleia – 100 – Coralla – 150 – Hieron oros – 40
Cordile (Cordyle) – 16	Cordyle – 45 – Hermonassa – 60
Trapezunte (Trapezus)	Trapezus

³ Diese und zwei folgende Stationen (Tycae, Cereas, Mileto) befinden sich nicht an der Küste, sondern auf einer inneren Landstraße von Amaseia nach Sinope, deshalb sie fehlen bei Arrian. Der Kartograph verwechselte hier zwei Städte – Amaseia und Amastris (Belke 1996. S. 128).

⁴ Diese Station ist nur hier erwähnt. Man vermutet, dass dieser Name identisch mit Gurzubathe ist, den Anon. Raven. und Ps.-Arrian an dieser Stelle nennen (so schon Cramer 1832. S. 234).

Wie wir sehen können, stimmen die Listen der Punkte an der Südküste des Schwarzen Meeres praktisch überein, obwohl Arrian etwas mehr Ortsnamen nennt.

Generell ist anzuerkennen, dass die auf der TP gezeigte Römerstraße von der Donaumündung nach Trapezus entlang der West- und Südküste des Schwarzen Meeres eine wichtige militärische Verkehrsader sein sollte, die weite Gebiete vom Rhein bis zur Donau verbindet und entlang der Schwarzmeerküste nach Trapezus und weiter zum Euphrat führt⁵.

Aber hier stellt sich eine paradoxe Frage: Gab es tatsächlich eine solche Landstraße entlang der Südküste des Schwarzen Meeres?

Das Bild der Westküste des Schwarzen Meeres auf der TP zeigt auch eine Römerstraße, die die gesamte Küste von der Donaumündung (Station *Ad Stoma*) bis zur Schwarzmeermündung des Bosphorus umrundet (Abb. 3).

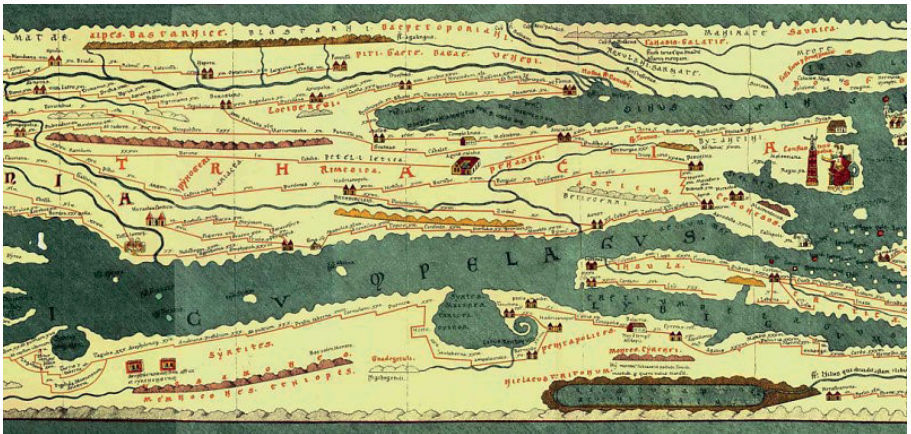


Abb. 3. Westliche Schwarzmeerküste auf der TP
(<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=7>).

Diese Straße verbindet die wichtigsten Städte der westlichen Schwarzmeerregerion, die auf der Karte erwähnt sind: Iстриa (Histriopoli), Tomis, Callatis, Bizone, Dionysopolis (Dyonisopoli), Odessos, Mesembria, Anchialis (Ancialis), Apollonia, Sycas, Constantinopolis und andere weniger bekannte – insgesamt 21 Stationen. Da das Schwarze Meer auf der Karte als schmaler Streifen erschien, der sich von West nach Ost erstreckte und die Donau nicht in die westlichste Ecke des Meeres mündet, sondern in beträchtlichem Abstand nach Osten entlang der Nordküste, dann führte der Weg von Donau zum

⁵ Siehe Olshausen 1999, S. 98: “Die West- und die Südküste des Schwarzen Meeres zwischen der Donaumündung und Trapezus war für das römische Kaiserreich von besonderer strategischer Bedeutung“.

Bosporus zuerst nach Westen, dann nach Süden und dann nach Osten. Diese Straße ist sowohl auf der TP, als auch in „Itinerarium Antonini“ markiert⁶.

Bei der Frage aber nach der Existenz einer Landstraße an der Südküste des Schwarzen Meeres, die in der TP gezeigt wird, stehen wir vor einigen Schwierigkeiten.

Erstens, war die Küste selbst vermutlich vielerorts unpassierbar wegen der Gebirgszüge und breiten Flüsse, die in ihren mündungsnahen Strömungen ihrer Durchquerung verhinderten (Belke 1996. S. 127; Olshausen 1999. S. 94). Das Pontische (oder in türkischer Terminologie das Nordanatolische) Gebirge erstreckt sich vom Marmarameer im Westen bis zum Kleinen Kaukasus im Osten fast durchgehend am Meer entlang und geht oft direkt ins Meer über, was das Passieren erschwerte und keine bequemen Pässe zu haben lässt⁷. Dazu schreibt der führende Spezialist im südlichen Schwarzmeerraum, Eckart Olshausen: “Approximately 470 km in length, the coastal strip between the estuary of the Halys and Trapezous (modern Trabzon) is very narrow and, in parts, completely constricted by the Pontic Mountains, whenever they, on their course parallel to the coast, extend all the way to the seashore itself”⁸.

Durch die ins Schwarze Meer mündenden Flüsse war die Überquerung aufgrund ihrer Breite und Fließgeschwindigkeit äußerst schwierig (siehe über diese Flüsse: Roelens-Flouneau 2018. P. 297–313).

Als ein Beispiel davon möchte ich Prokopius von Caesarea zitieren, der in “De aedificiis” 8–10 über den Fluss Sangaris schreibt: “Hier fließt ein großer Fluss, der heute Sangaris genannt wird, der sich durch eine ungewöhnlich starke Strömung auszeichnet; in der Mitte ist er sehr tief; wenn er verschüttet wird, wird es wie das Meer; seitdem die Menschen auf der Erde leben, gab es noch nie Brücken darauf, aber die Bewohner, die eine große Anzahl von Schiffen verbunden und darauf eine Plattform gebaut haben, beschließen, diesen Fluss zu Fuß zu überqueren ... 9. Aber auch dies kann für die Anwohner gefährlich sein. Oft zerstört der Fluss, nachdem er diese Schiffe mitsamt ihren Seilen, an denen sie festgehalten wurden, abgerissen hat, die Möglichkeit einer Überquerung für diejenigen, die hierher wandern. 10. Der Kaiser Justinian begann nun, ihnen eine Brücke zu bauen” (das passierte in 559–560 J.).

Wichtig ist zu bemerken, dass hier die Rede nicht über die Mündung des Sangaris ist, wo die Küstenstraße sein sollte, sondern über das viel weiter stromaufwärts gelegene Gebiet in der Region von Nicomedia. Man kann sich vorstellen, welche Schwierigkeiten der Fluss in seinem Unterlauf bereitete.

⁶ Siehe ausführlicher über diese Straße: Fodorean 2016. P. 121–122.

⁷ Cm. Erciyas 2003. P. 1406: “The Black Sea coast of Anatolia is regarded as inhospitable because of the sheer cliffs providing very few protected harbours resulting from the position of the pontic mountains descending directly into the sea”.

⁸ Olshausen 2014. P. 41. Cf. Belke 1996. S. 136: “Die Ketten des Nordanatolischen Randgebirges steigen am größeren Teil der Küstenlinie schroff und steil aus dem Meer, so daß die Küstenstädte kaum über ein größeres und leicht zugängliches Hinterland verfügen”.

Sogar ein Fluss Hypios (auf der TP *Hyppium fl.*, modern Melen Çayı), den Apollonius von Rhodos als “tief fließenden” (βαθυρρεϊόντος Ὑπίοιο) genannt hat, entsprach dieser Charakteristik bis zum 19. Jh., wie Luis Robert gezeigt hat (Robert 1980. P. 20–60). Über die Schwierigkeiten, andere Flüsse zu überqueren (Thermodon, Iris, Halys, Parthenios), erzählt *expressis verbis* Xenophon (Anab. V, 6, 9).

Deshalb ist davon auszugehen, dass die Kommunikation zwischen verschiedenen Städten und Siedlungen an der Südküste des Schwarzen Meeres hauptsächlich auf dem Seeweg auf Schiffen erfolgte⁹, was für die griechischen Seefahrer selbstverständlich war und dass es keine einzige Küstenstraße von Heraclea nach Trapezus gab (Schlussfolgerung von Eckart Olshausen: „Eine gut ausgebaut Küstenstraße hat es in der Antike nie gegeben“¹⁰).

Es gibt eine große Literatur sowohl von Reisenden entlang der Schwarzmeerküste aus verschiedenen Zeiten als auch von den Forschern, die ihre Zeugnisse über die Reisebedingungen gesammelt und analysiert haben. Im Jahr 1813 erzählt der englische Reisende John Macdonald Kinneir von seinem Gespräch mit einem lokalen Herrscher in der Horde: “In an interview we this morning had with the Aga of the place, he stated that, ‘as it was madness to think of us traveling by land, he had ordered a felucca to carry us to Kerasoun” (Kinneir 1818. P. 319, vgl. auch 324). Ich kann das allgemeine Fazit mit den Worten von Anthony Bryer und David Winfield zusammenfassen: “Travelers, from Xenophon to the Russian invaders of 1915, found progress along the coast difficult by land” (Bryer, Winfield 1985. P. 19; siehe auch: Magie 1950. Vol. 2. P. 1192).

Zweitens, so Eckart Olshausen, gibt es an der Küste keine römischen Brücken oder Meilensteine, die auf Binnenstraßen üblich sind¹¹.

Dies ist nicht ganz richtig. E. Kalinka, L. Robert, D.H. French, C. Marek, K. Belke, B. Öztürk und andere Forscher publizieren in ihren Arbeiten einige Meilensteine (seit dem 2. Jh. n.Chr.) entlang der Küste, die als Beweis für die Existenz einer solchen Straße zu dieser Zeit gelten¹². Und obwohl sie in einigen Küstenstädten, zum Beispiel in Tios, Amastris, Sinope und Amisus

⁹ Belke 1996. S. 137: „Außer dem Überseehandel war wie an allen Küsten des Mittelmeerraumes auch an den Küsten Paphlagoniens und der Honorias die Küstenschiffahrt für den lokalen Handels- und Personenverkehr von Bedeutung, die bis über die Mitte des 20. Jahrhunderts hinaus für viele Küstenorte die einzig praktikable Verbindung zur Außenwelt darstellte“.

¹⁰ An einigen Stellen lassen sich jedoch Spuren der Römerstraße von Tios durch Parthenios nach Sinope nachweisen (s. Belke 1996. S. 128–129).

¹¹ Olshausen 1999. S. 109: „Auch für die Existenz der pontischen Küstenstraße zeugt kein einziger römischer Meilenstein“.

¹² Siehe, z.B. Ruge 1936. S. 861: ‘T(ios) lag an der großen Küstenstraße von Herakleia nach Sinope, Tab. Peut. IX 5 Müller... Zu ihr gehört wohl der Meilenstein, der südwestlich von T(ios) gefunden worden ist, CIL III 14188... T(ios) war zugleich *caput viae* für die Straße, die im Billaiostal aufwärts führte... Zu ihr gehört der Meilenstein CIL III 14188...’

tatsächlich Meilensteine finden (es gibt nicht viele davon), ist es nicht möglich festzustellen, ob sie sich auf die Küstenstraße beziehen oder auf Anfang der Straße ins Landesinnere (was oft offensichtlich ist). In der Regel teilen diese Meilensteine nur mit, wer (meist der Gouverneur der Region) und unter welchen Kaisern die Straße repariert hat (*viam stravit, viam restituerunt, vias a novo straverunt, ὁδοὺς ἐπεσκεύασαν, τὴν ὁδὸν ἀπεκατέστησεν*). Auch wenn in der Inschrift eine bestimmte Stelle angegeben ist, ist dies in der Regel der Beginn der Straße, der sogenannte *caput viae*, zum Beispiel „a Sinope“, „ab Amasia“, „ab Tio“, „ἀπὸ Ἀμαστρέως“, „ἀπὸ Τείου“. So schreibt der Herausgeber der Meilensteine der südlichen Schwarzmeerküste, David H. French, über einen Meilenstein von Sinope: “On which road this milestone was erected one cannot now discover, perhaps on the road from Sinope to Amaseia or to Pompeiopolis” (French 1981. P. 149; siehe auch: French 2013. P. 30–67), d.h. wir können über die Straße im Landesinneren sprechen und nicht über die Küstenstraße. Ich möchte hier anmerken, dass D.H. French selbst anscheinend die Existenz einer Landstraße entlang der Schwarzmeerküste zugibt, weil er die folgende Straßenkarte von Pontus und Bithynien zeichnet (Abb. 4–5):

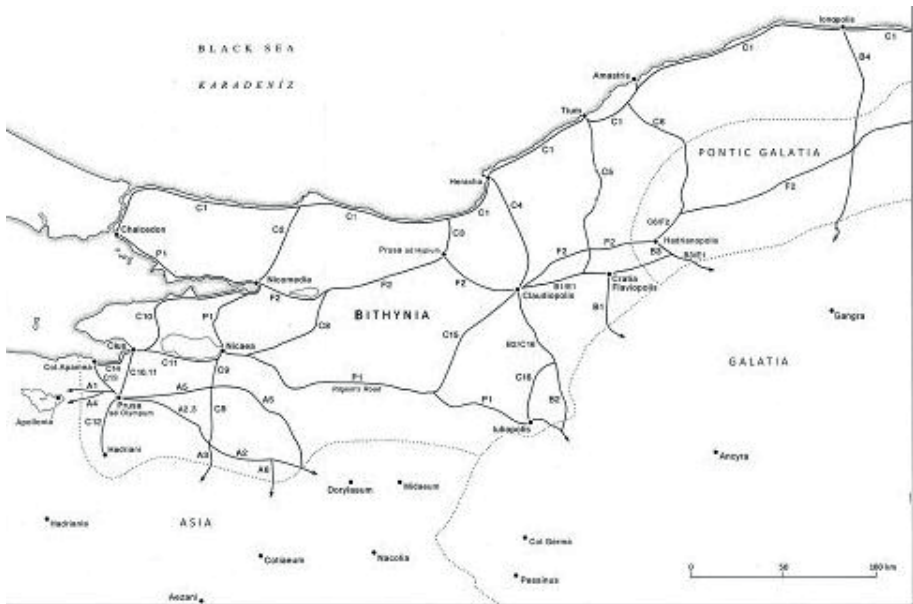


Abb. 4. Pontus und Bithynia (West) (nach D.H. French).

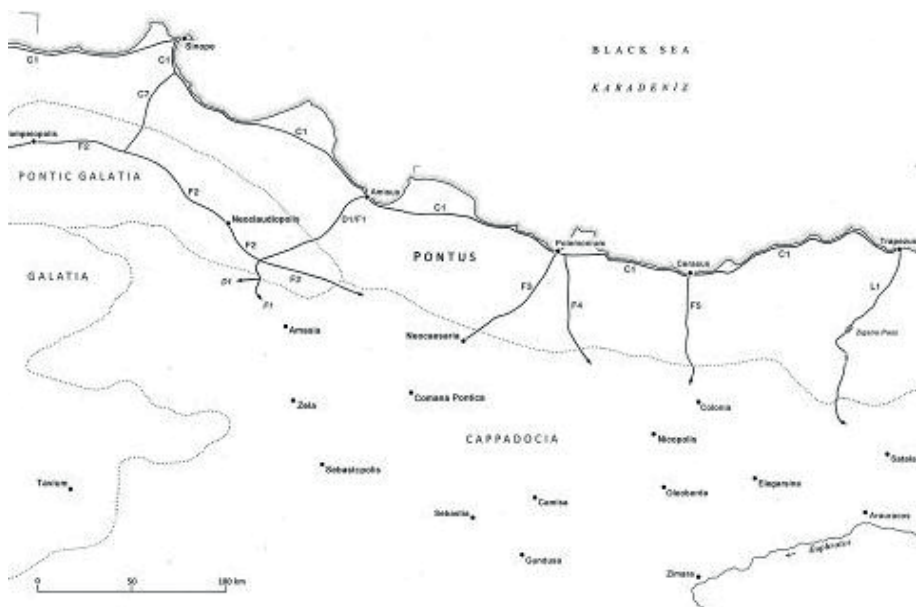


Abb. 5. Pontus und Bithynia (Ost) (nach D.H. French).

Einige Teile der Schwarzmeerküste konnten jedoch lokale Straßen haben, die Küstenstädte verbinden, sofern das Gelände dies zuließ. Strabos Zeugnis über den Synoekismus von Tios und Amastris (Strabo 12. 3. 10) legt nahe, dass diese beiden Städte nicht nur durch den Seeverkehr, sondern auch durch eine Landstraße verbunden gewesen sein könnten. Tatsächlich entdecken Archäologen die Überreste einer römischen Straße zwischen ihnen und sogar noch weiter östlich von Amastris. So schreibt Belke, dass „vereinzelte Reste der römischen Straße auch in schwierigem Gelände (vor allem im Bereich von Amastris und östlich davon)... zeigen, dass es in römischer wie in byzantinischer Zeit sehr wohl eine durchgehende, wenngleich sicher mühsame Straßenverbindung gab“ (Belke 1996. S. 127. See also Öztürk 2016. P. 83).

Es sollte beachtet werden, dass die Straße entlang der Schwarzmeerküste auf der TP an vier Punkten Verbindungen mit anderen Straßen ins Landesinnere hat – Artane, Sinope, Polemonion und Trapezus. Die letzten drei sind die wichtigsten griechischen Häfen von Paphlagonien und Pontus, die in der Römerzeit wirklich eine Verbindung mit Binnenstraßen hatten.

Aus anderen Quellen wissen wir, dass eine Handelsstraße von Sinope nach Süden verließ, die Berge überquerte und in das Tal des Amnius nach Pompeiopolis und Neoclaudiopolis führte. Von Polemonion führte eine Römerstraße nach Süden in das Tal des Flusses Lycos und verband sich mit der großen Römerstraße, die von Nicomedia nach Satala führte. Das Trapezus war auch

ein wichtiger Handelsknotenpunkt (Максимова 1956. С. 71); so war es schon zu Zeiten von Xenophon, der diese Wege bei seinem berühmten Marsch zum Schwarzen Meer benutzte. Amisus (*Missos* auf der Karte), die durch Straßen mit Amaseia verbunden war¹³, und Tios hatten auch solche Verbindungen zu anderen Straßen, aber unsere Karte zeigt dies nicht. Anzumerken ist, dass östlich von Sinope nur sie selbst, Amisus und Trapezus über Häfen verfügten (so Arrian), die für die Handelsbeziehungen zu See und an Land wichtig waren (Olshausen 2014. P. 45).

Neun Städte-Stationen auf dieser Straße sind mit Vignetten gekennzeichnet: Iovis Urius hat das Bild eines großen Hauses mit 4 Fenstern, das der Bezeichnung des Tempels¹⁴ (in diesem Fall von Zeus) entspricht; die Städte-Stationen Melena (Melaina), Artane, Tium (Tios), Mastrum (Amastris), Sinope, Missos (Amisus), Polemonio (Polemonion) und Trapezunte (Trapezus) haben nebeneinanderstehende Türme, manchmal miteinander verbunden. Dass Sinope, Polemonion und Trapezus – wichtige Kreuzungen der Handelswege – die Vignettenbezeichnung der Stationen haben, ist logisch. Das Vorhandensein einer Vignette an der Stadt Amisus ist auch verständlich: hier war die Kreuzung zweier Straßen, obwohl sie aus irgendeinem Grund nicht auf unserer Karte markiert waren. Tium und Amastris haben keine Verbindung zu anderen Straßen auf der TP, waren aber wichtige Handelszentren. Es ist nicht klar, warum die Namen Melena und Artane solche Vignetten haben, da sie die Namen eines Kaps und eines Flusses darstellen. Aber auf der TP gibt es eine Weggabelung von Artane nach Süden, also musste der Kartograph den Ort mit einer Vignette markieren.

Es ist also logisch, dass die Meilensteine in den südpontischen Städten (die meisten stammen aus Sinope) als *caput viae* Tium, Amastris, Sinope, Amisus, Cerasus, Polemonion, Trapezus bezeichnen, also nur die Städte, die die Straßen in das Innere des Festlandes hatten, zu den großen Handels- und politischen Zentren von Sardes, Babylon, Ankyra, Pompeopolis, Flaviopolis, Amasia, Zela, Caesarea, Neocaesarea, Adrianopolis, Nikopolis, Samosata¹⁵. Es gibt keinen stichhaltigen Grund, ihre Angaben als speziell auf die Küstenstraße beziehend zu betrachten.

Drittens, "Itinerarium Antonini" (4. Jh. n.Chr.), das eine Liste von Stationen auf den Straßen des Römischen Reiches enthält, repräsentiert, wie TP, die Landstraße im West-Pontus von der Donau nach Byzanz (vv. 227–230), gibt jedoch keine Straße für die Küste von Süd-Pontus an, beschreibt aber gleich-

¹³ Максимова 1956. С. 53; Olshausen 1999. S. 104: "Diese Strecke war der einzige unproblematische Verbindungsweg zwischen der Schwarzmeerküste und dem anatolischen Binnenland und in dieser Funktion für ganz Kleinasien von Bedeutung".

¹⁴ *Tempio* in der Klassifikation von Levi, Levi 1967. P. 202–203. TP hat insgesamt 44 solche Vignetten.

¹⁵ French 2013. P. 18–22. Siehe auch Belke 2017. S. 54–57 über einige Verbindungen der Küstenstädte Bithyniens mit dem Inland durch Strassen.

zeitig die Straße, die innerhalb des Festlandes durch Sebastopolis, Nikopolis, Satala nach Trapezus führt (v. 216, 4).

Die Schlussfolgerung liegt nahe, dass die Küstenstraße für die Südküste vom Kartographen der Vollständigkeit halber gezeichnet wurde und sich dabei auf die vorhandene Periploi und Beschreibungsliteratur stützte. Nach Ansicht des Kartographen wäre es logisch, im südlichen Schwarzmeerraum, der für das Römische Reich von großer strategischer Bedeutung war, die Straße, die zwischen Donau und Bosphorusbündung tatsächlich existierte¹⁶, fortzusetzen. Dies war wünschenswert, zumal praktisch alle Küsten Unseres Meeres Küstenstraßen hatten, nur eine Küste hatte keine Straßen – dies ist die nördliche Schwarzmeerküste von der Donau bis Trapezunt, wo es wirklich keine gab.

Es wurde bereits vorgeschlagen, dass der Kartograph bei der Beschreibung der Städte an der Südküste des Schwarzen Meeres den Periplus des Menipp-Typs verwendet hat, der nur Küstenstädte, Siedlungen, Flüsse, Kaps und Häfen beschrieb (Gross 1913. S. 56 sqq.; Gisinger 1938. S. 1410–1411). Konrad Miller wies auf eine gewisse Abhängigkeit des Erstellers der TP von Arrians “Periplus Ponti Euxini” hin (Miller 1916. S. 631). Pascal Arnaud vertritt in einem kürzlich erschienenen Artikel über Agrippas “Chorographie” unter Bezugnahme auf die von Agrippa angegebenen Entfernungen die Ansicht, dass “As far as we know, none of these distances relies strictly on data gathered from itineraries, but rather on data found in *periploi*” (Arnaud 2016. P. 211). Dasselbe können wir auch für unsere Küstenstraße auf der TP annehmen. Klaus Belke, der die archäologischen Überreste römischer Straßen in diesem Gebiet untersucht, gibt zu, dass „die von der Tabula verzeichneten Straßenstationen decken sich mit einer Auswahl der Schifffahrtsstationen bzw. Küstenorte der (spät-) antiken Periploi...” (Belke 1996. P. 127). Bryer und Winfield schreiben dasselbe: “The route (on the TP. – *A.P.*) appears to run for the most part along the sea coast and it is quite possible that it represents a sea route for much of the way...” (Bryer, Winfield 1985. P. 18). Auch in der Beschreibung der angeblichen Landstraße von Trapezus nach Konstantinopel von dem arabischen Geographen des 12. Jahrhunderts al-Idrisi sieht man einen Periplus¹⁷.

Dass der Kartograph der TP einen Periplus in der Darstellung einer Landküstenstraße verwenden könnte, kann man beispielsweise durch einen Vergleich mit dem Text von Arrian sehen, der schreibt (PPE, 17: “Für denjenigen, der rechts von Hieron segelt, der Rebas-Fluss ist 90 Stadien von Hieron des

¹⁶ Über die Meilensteine auf der Straße entlang der Westküste des Schwarzen Meeres siehe: Hollenstein 1975. P. 23–44; Bărbulescu, Căteia 1998. P. 119–129; Bărbulescu, Buzoianu, Covacef 2008. P. 169–187.

¹⁷ Bryer, Winfield 1985. P. 19: “Idrisi, writing in the twelfth century, seems to describe a land route along the coast from Trebizond to Constantinople taking twenty-eight days, but the places mentioned all appear to be on the coast and it is possible that this is a sea route”.

Zeus entfernt. Weiter folgt so genannte Kap Melaina (Μέλαινα ἄκρα) in einer Entfernung von 150 Stadien. Vom Kap Melaina zum Fluss Artane, wo es ein Hafen für die kleinere Schiffe gibt neben dem Aphroditeheiligtum, sind weitere 150 Stadien; von Artane zum Fluss Psilis sind 150 Stadien”¹⁸. Auf der TP nach Hieron (Iovis Urius) befinden sich als „Stationen“ auf der Landstraße das Kap Melena und der Artane-Fluss, ebenfalls mit Entfernungsangabe, aber diesmal auch mit Städtevignetten¹⁹! Übrigens, neben diesem Fluss (Artane), der eine Station auf der TR wurde, sind auch andere Flussmündungen des Arrian’s Periplus auch als selbständige Stationen bezeichnet (Philiium < Psilis fl., Sagaris fl. < Sangarios fl., Hyppium fl. < Hypios fl., Byleum fl. < Elaion, Zygum (Lygum?) fl. < Lycos fl., Helega < Halys fl., Pytane < Phigamous fl., Melantum < Melanthios fl.), was selbstverständlich für Periploi ist und fast nie auf der TP erscheint²⁰. Die Mündungen vieler Flüsse (Renus, Patavus, Niger, Umbro, Tygris, Ganges, Araxes, Nigrinus, Oxus, Sygris, Cyrus, Danubius und andere) sind auf der TP separat von der Stationen in der roten Farbe und mit größeren Buchstaben bezeichnet (siehe z.B. drei erste in der Abb. 6).

Bemerkenswert ist auch, dass der Periplus der gesamten Küsten des Mittel- und Schwarzen Meeres, der im 5. Buch der “Kosmographie” des Anonymus aus Ravenna (ca. 700) enthalten ist, die Liste der südpontischen Punkten der TP ganz genau wiederholt und sie immer als Siedlungen (=Stationen) repräsentiert²¹. Der Zusammenhang zwischen “Kosmographie” und TP ist seit

¹⁸ Arrian. PPE 12: Ἀπὸ δὲ τοῦ Ἱεροῦ πλεόντι ἐν δεξιᾷ Ῥήβας ποταμός· σταδίου δὲ τοῦ ἱεροῦ τοῦ Διὸς ἐνεήκοντα. Ἐπειτα Μέλαινα ἄκρα ὧδε καλουμένη, πενήκοντα καὶ ἑκατόν. ἀπὸ Μελαινῆς ἄκρας ἐς Ἀρτάνην ποταμὸν, ἴνα καὶ ὄρμος ναυσὶ μικραῖς πρὸς ἱερῷ Ἀφροδίτης, πενήκοντα ἄλλοι καὶ ἑκατόν. ἀπὸ δὲ Ἀρτάνου εἰς Ψῖλιν ποταμὸν πενήκοντα καὶ ἑκατόν. Vgl. auch die Liste der Punkten in anderen Periploi: Ps.-Skyl. 92: Μετὰ δὲ Μαριανδυνούς εἰσι Θρᾶκες Βιθυνοὶ ἔθνος, καὶ ποταμὸς Σαγᾶριος, καὶ ἄλλος ποταμὸς Ἀρτάνης (ἀρτώνης D), καὶ νήσος Θυνίας, οἰκοῦσι δὲ αὐτὴν Ἡρακλεῶται. καὶ ποταμὸς Ῥήβας; Menippi periplus 8, p. 151 Diller: Ἀπὸ δὲ Ῥήβα ἐπὶ Μέλαιναν ἄκραν στάδον. <Ἀπὸ Μελαινῆς ἄκρας ἐς Ἀρτάνην ποταμὸν καὶ χωρίον στάδον> ἔχει δὲ καὶ λιμένιον πορθμίους, παράκειται δὲ καὶ νησίον ὃ σκεπάζει τὸν λιμένα. Ἀπὸ Ἀρτάνου ποταμοῦ εἰς Ψῖλιν ποταμὸν καὶ χωρίον <στάδιοι ρμ>. Die Erwähnung des Örtchen (χωρίον) bei Menipp könnte dem Kartograph Anlass geben, Artane als eine Station zu zeigen.

¹⁹ Vgl. Kommentar des DFG-Projektes “Commentary on the Tabula Peutingeriana”: “Artane, nach dem Fluss benannte Station”; über Melena: “Das zuerst aus den Argonautika des Apollonios Rhodius bekannte Kap ist ansonsten vor allem in den antiken Periploi u. Itinerarien verzeichnet (s. TIB 766). Trotz dieser eher geringen Präsenz in den antiken Quellen zeichnet die TP den Ort mit einer Doppelturmvignette aus”.

²⁰ Ich konnte nur ein paar solcher Stationen finden: auf der Adriatischen Küste Italiens: *Mataurum fl.*, *Rubico fl.*, *Misco fl.*; auf der gegenüberliegenden Küste: *Arsia fl.*, *Genesis fl.*, *Hapsum fl.*, *Aceloum fl.*, *Euuenos fl.* und *Caledon fl.*; auf der Tyrrhenischen Küste Italiens: *Umbro fl.*, *Armenita fl.*, *Marta fl.*, *Mindo fl.*, *Safo fl.*, *Tanno fl.* Die meisten von ihnen sind aber reale Siedlungen, was nicht so eindeutig in unserem Fall ist.

²¹ Cosm. V. 9–10: Promunturium / Artane / Chelas / Ypion / Licum / Sileon / Amastra... / Tyce / Cereas / Mileton / Armone / Sinopi / Cloptasa / Carusa / Orgibate / Zacoria / Eleca / Nauctacmon / Ezene / Amisissos / Ancone / Eraclion / Cena / Camilia / Fitane / Polemonium / Melancium / Parnasum / Zephirion / Cerasunta / Philocalia / Cordule / Trapezum.

langem bekannt: in vielen Beschreibungen folgt Anonymus auf TP (siehe ausführlicher: Подосинов 1989. С. 248–256), wobei die Frage offen bleibt, ob es für beide Monumente eine gemeinsame Quelle gibt, in diesem Fall gerade in Form eines Periplus.

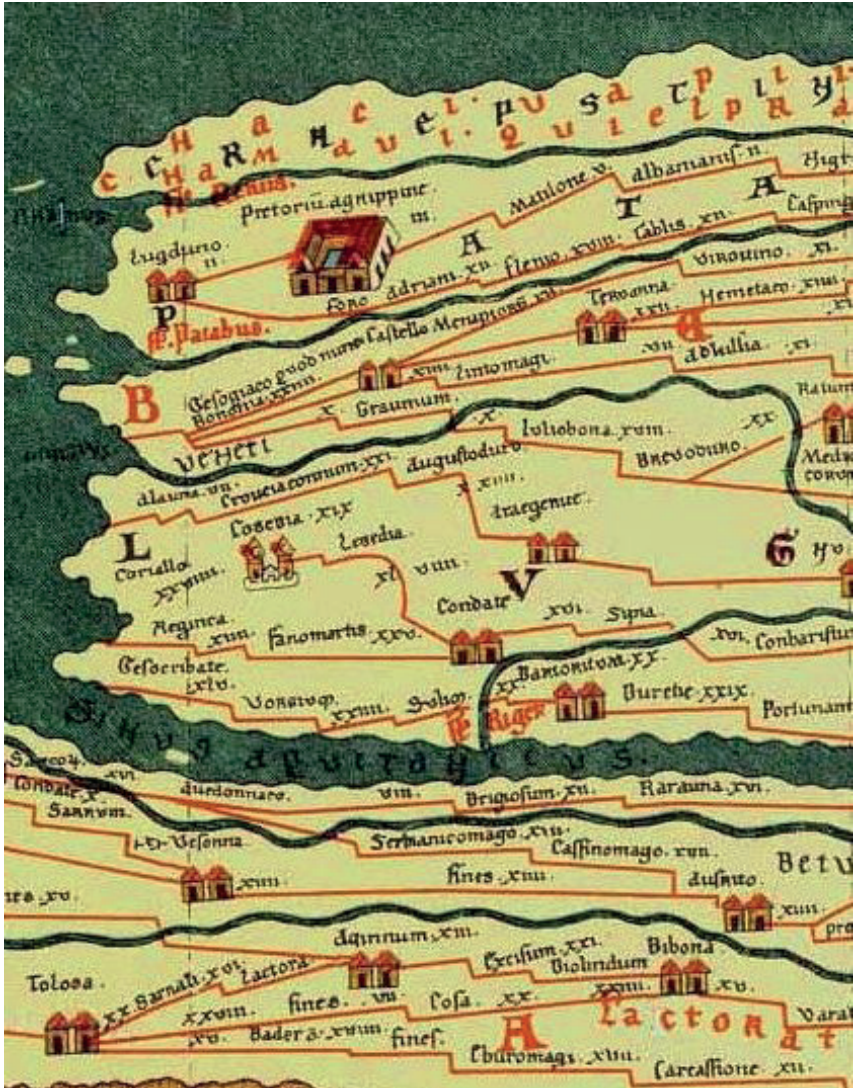


Abb. 6. Bezeichnung der Flussmündungen (Renus, Patavus, Niger) auf TP (<https://www.tabula-peutingeria.de/tabula.html?segm=2>).

Was die Entfernungen zwischen Stationen auf dem TP betrifft, werden sie in der Regel auch aus peripleischen Quellen angegeben. So geben, zum Beispiel, die TP-Daten über die Entfernung zwischen Heracleia Pontica (heute Ereğli) und Thios (heute Hisarönü, die nächste große Stadt zum Osten) 42 Meilen (63 km) an, was sehr nah ist den Daten der Periploi von Menipp, Arrian und Ps.-Arrian. Menipp gibt hier 370 Stadien (58 km) an, die Addition einzelner Wegabschnitte von Herakleia nach Thios bei Arrian beträgt 480 Stadien (75,4 km), bei Ps.-Arrian – 410 Stadien (64,4 km), 55 Meilen (82,5 km)²².

Die Entfernung zwischen Thios und dem nächsten Punkt – Amastris (heute Amasra) wird auf dem TP mit 12 Meilen (18 km) angegeben, was nur die Hälfte der Entfernungen ist, die von den oben erwähnten Autoren der Periploi angegeben wurden. Diese Zahl könnte als Fehler angesehen werden. Es scheint aber, dass diese Entfernung dem Distanz zwischen der Mündung des Flusses Parthenios (heute Bartın Çayı), die zwischen Thios und Amastris sich befindet, und Amastris selbst entsprechen könnte. Arrian und Ps.-Arrian geben hier 90 Stadien (14 km), heute ist es 16 km (Roelens-Flouneau 2018. P. 305). Es stellt sich heraus, dass diese Zahl nahe an der wirklichen Entfernung in einer geraden Linie liegt und daher an der Entfernung, die ein Schiff entlang einer fast geradlinigen Küste zurücklegt, d.h. die Entfernungen sind der periplischen Literatur entnommen. Der Zeichner des TP erwähnt den Fluss Parthenios nicht, obwohl, wie wir oben gesehen haben, viele Flüsse unter seinen 35 Stationen der südpontischen „Straße“ genau als Entfernungsstationen angegeben sind. Vielleicht, nachdem er den Parthenios-Fluss verpasst hatte (und dies ist der einzige Fluss von Arrian, der von TP verpasst wurde), erwähnte der Kartograph dennoch, indem er den Periplus folgte, die Entfernung von Parthenios bis Amastris²³.

Es stellt sich auch heraus, dass die Darstellung einer Landküstenstraße, die eine Umsetzung des periplischen Materials darstellt, auf der TP nicht einzigartig ist. So stellte Benet Salway fest, dass eine der auf der TP in Kleinasien abgebildeten Küstenstraßen, nämlich zwischen dem Ionischen Milet und dem Lykischen Patara durch Myndos, Knidos und Loryma, aufgrund der geographischen Lage dieser Punkte nicht eine *terrestrial route* sein konnte, basierte jedoch auf den Periplus-Daten, die der Kartenhersteller möglicherweise verwendet hat (Salway 2004. P. 91–92).

²² Ps.-Arrian gibt nicht nur Entfernungen in Stadien an, wobei er im Wesentlichen Arrian folgt, sondern auch ihr römisches Äquivalent in Meilen. Eine römische Meile enthält in der Regel ca. 1500 m, aber bei Anonymus könnte sie weniger sein – bis zu 1000 m. Dann können 55 Meilen 50–60 km enthalten.

²³ Über die Schwierigkeit, Seentfernungen zu messen, die meistens durch Segeltage bestimmt wurden, die wiederum von der Geschwindigkeit des Schiffes abhingen (Winde und Strömungen könnten das Passieren der gleichen Entfernung verlangsamten oder beschleunigen), siehe Arnaud 1992. P. 57–59; 1993. P. 240–242.

Dies wird auch durch die Erfahrung mit der Erstellung von Karten von Ptolemäus bestätigt, der die Daten von Periplus viel und bereitwillig verwendete²⁴.

Vermutlich sieht auch Andrei Nacu (Institute of Social Sciences and Humanities Sibiu in Rumänien), der Autor der modernen (2014) Kartenrekonstruktion römischer Straßen, die auf der Grundlage von Materialien aus "Itinerarium Antonini" und Tabula Peutingeriana erstellt wurde²⁵, hier keine Landstraße (Abb. 7).



Abb. 7. Rekonstruktion der römischen Straßen in 125 n. Chr. (nach Andrei Nacu).

²⁴ Siehe die Sonderarbeit zum Einfluss von Periplus auf Ptolemäus: Щергов 2016. С. 674: «...Именно перипл служил в античную эпоху основной моделью описания пространства... Сам Птолемей прямо отмечает (Geogr. 1.18.6), что наиболее точные и надёжные из имеющихся сведений – это именно описания побережий. Естественно предположить, что во многих отношениях именно периплы послужили ему наиболее важным опорным элементом для построения карты» (,... Es war der Periplus, der in der Antike als Hauptmodell für die Beschreibung des Raums diente ... Ptolemaios selbst stellt direkt fest (Geogr. 1.18.6), dass die genauesten und zuverlässigsten verfügbaren Informationen sind die Beschreibungen der Küsten. Es ist naheliegend anzunehmen, dass ihm in vielerlei Hinsicht die Periplus als wichtigstes Stützelement für die Erstellung der Karte dienten“).

²⁵ Siehe in: <https://www.worldhistory.org/uploads/images/3017.jpg?v=1618712106> (20.08.2021).

Otto Cuntz hat sie auch nicht gesehen, wenn er auf seiner Karte das römische Straßensystem im östlichen Teil des Römischen Reiches zeigt (Abb. 8) (Cuntz 1929).



Abb. 8. Das römische Straßennetz im östlichen Teil des Römischen Reiches (nach O. Cuntz)

* * *

Lassen wir am Ende dieses Studiums sehen, wie 10.000 Griechen entlang der südlichen Schwarzmeerküste reisten, als sie am Ende des 5. Jh. v. Chr. unter der Führung des Xenophons von Persien über Trapezus nach Griechenland zurückkehrten. Von Anfang an standen sie vor der Frage, wie man von Trapezus an den Bosphorus gelangt – per Schiff oder zu Fuß. Die erste Idee – auf Schiffen zu segeln – wurde natürlich bevorzugt.

’Aber es scheint mir, sagte Xenophon, falls... wir nicht genug Schiffe bekommen, sollen wir den Küstenstädten befehlen, dass sie die Straßen reparieren müssen, die angeblich in schlechtem Zustand sind. Sie werden aus Angst gehorchen und um uns so schnell wie möglich loszuwerden’. (14) Dann fingen sie (die Griechen. – *A. P.*) an zu schreien, dass es nicht nötig sei, den Straßen zu folgen. Xenophon, der ihre Rücksichtslosigkeit sah, stellte nichts zur Abstimmung, überredete aber die Städte, die Straßen freiwillig zu reparieren, und sagte, dass die Griechen früher abreisen würden, wenn die Straßen in Ordnung seien” (Anab. V. 1. 13–14).

Die Griechen gingen zu Fuß von Trapezus nach Westen bis Kotyora und planten, weiter über Paphlagonien nach Sinope zu gehen (Anab. V. 6. 3–6). Zu

dieser Zeit traf eine Botschaft aus Sinope in Kotyora ein (beachten Sie, dass die Sinopier nach Kotyora, die Kolonie von Sinopa, nicht auf dem Landweg, sondern auf dem Seeweg ankamen!). In seiner Rede hielt der Gesandte von Sinope die Griechen davon ab, zu Fuß zu gehen (V. 6. 9–10):

(Von Kotyora) kommt ihr zu Flüssen und vor allem zu Thermodon, 3 Plethra breit. Dieser Fluss ist meiner Meinung nach auch dann schwer zu überqueren, wenn nicht viele Feinde vor euch stehen und gleichzeitig nicht die gleiche Anzahl von ihnen von hinten verfolgt. Der zweite Fluss ist die Iris, die ebenfalls 3 Plethra breit ist. Der dritte Fluss, Halys, ist mindestens 2 Stadien breit und kann ohne Schiffe nicht überquert werden. Und wer wird sie euch geben? Ebenso unpassierbar ist Parthenius, zu dem Sie gelangen, wenn Sie Halys durchqueren. (10) Also ich finde das Wandern für euch nicht nur schwierig, sondern auch völlig unmöglich. Wenn ihr auf dem Seeweg fahren, können Sie von hier aus nach Sinope und von Sinope nach Heracleia segeln. Und von Heracleia aus können Sie ihre Reise sowohl zu Fuß als auch auf dem Seeweg problemlos fortsetzen, da es in dieser Stadt viele Schiffe gibt.

Genau das taten die Griechen – sie segelten mit Schiffen nach Sinope und weiter nach Heracleia (VI. 1. 14). Man kann also feststellen, dass das Segeln auf dem Seeweg auch zu Xenophons Zeiten den Landreisen vorzuziehen war. Richtig schreibt E. Olshausen diesbezüglich: “Xenophon’s experiences teach us that the Pontic coastal track from Trapezous to the Halys estuary was only cleared on a case-by-case basis and was never maintained in use for any considerable amount of time” (Olshausen 2014. P. 46).

* * *

Die Unpassierbarkeit des Landwegs entlang des Meeres in der südlichen Schwarzmeerregion ähnelt der Situation in der nordöstlichen Schwarzmeerregion, nämlich an der Schwarzmeerküste zwischen den Sotschi und Suchum (besonders aber zwischen Sochi und Gagra), d.h. praktisch auf dem Gebiet des heutigen Abchasiens. In unserer Zeit ist es einfach, entlang dieser Küste mit dem Zug oder Auto von Russland nach Georgien zu reisen – rechts das Meer, links Berge und dazwischen ein fruchtbares Tal mit subtropischem Klima. Es scheint, dass die Kimmerier und Skythen der nördlichen Schwarzmeerregion, die von dort aus lange Feldzüge nach Kleinasien unternahmen, diesen kürzesten Weg hätten gehen sollen. In antiken Quellen finden sich jedoch keine Beweise für die Verwendung dieser Route.

Wahrscheinlich das einzige Mal in der gesamten Antike passierte, dass hier im Jahre 66 v. Chr. der pontische König Mithridates VI. Eupator verging, der vor Pompeius aus Kolchis in Bosporianisches Reich geflohen war, und dies ist, was Strabo schreibt über diese Route (XI. 2. 12–13):

Nach dem Sindischen und Gorgippia kommt am Meer die Küste der Achaier, Zyger und Heniocher; sie ist größtenteils hafelos und gebirgig (sie bildet ja einen Teil des Kaukasus). Sie leben von der Seeräuberei, wofür sie dünnwandige, schmale und leichte Boote haben, die etwa fünfundzwanzig Menschen fassen, selten ganze dreißig aufnehmen können; die Griechen nennen sie *kamarai*... (13) So ist die Lebensweise dieser Völker. Sie werden ebenfalls von lokalen Herrschern regiert, den sogenannten Skeptuchen. Und auch diese stehen selber wieder unter Tyrannen oder Königen: die Heniocher jedenfalls hatten vier Könige zu der Zeit als Mithridates Eupator auf der Flucht aus dem Land seiner Verfahren zum Bosphoros ihr Land durchquerte (durch dieses konnte er ziehen; den Gedanken dagegen an eine Durchquerung des Landes der Zyger gab er wegen der Schwierigkeiten des Geländes und ihrer Wildheit (διὰ τε [τάς] δυσχωρίας καὶ [τὴν] ἀγριότητα) auf und zog mühsam an der Küste entlang (τῆ παραλία χαλεπῶς ἦει), wo er meistens zu Schiff übers Meer fahren musste (τὰ πολλὰ ἐμβαίνων ἐπὶ τὴν θάλατταν), bis er in das Land der Achaier kam und mit deren Hilfe die Reise aus Phasis – nicht viel weniger als viertausend Stadien – vollbrachte (Übersetzung von S. Radt).

So musste Mithridates oft den Seetransport (“*kamarai*”) benutzen, um diese Küste zu überqueren, die er anscheinend von den Anwohnern geliehen hatte. Der Grund ist der gleiche wie in der südlichen Schwarzmeerregion – es fließen viele Gebirgsflüsse aus dem Kaukasus ins Schwarze Meer (ihre Breite war nach dem erhaltenen Flussbett viel größer in der Antike als heute), während Berge in vielen Orten ins Meer absteigen. Zu Beginn des 19. Jahrhunderts schrieb der russische Offizier F.F. Tornau während des Kaukasischen Krieges über die Unmöglichkeit, in der Region Gagra an der Küste entlang zu gehen, weil die Felsen den Weg blockierten (Торнау 2000. С. 182–187, 204). Nur in der Mitte des 20. Jahrhunderts wurden dort die Autobahn- und Eisenbahntunnel (etwa ein Dutzend davon) durch zuvor unpassierbare Felsen und mehrere Brücken über Gebirgsflüsse gebaut (Abb. 9).



Abb. 9. Photo der Eisenbahn in Abchasen

(<https://static.tildacdn.com/tild6465-3032-4566-b936-616666333433/train.jpg>)

Somit darf man vermuten, dass die Landstraße zwischen Bosphorus und Trapezus, die der Kartograph auf der TP gezeichnet hat, tatsächlich zu einem großen Teil das Ergebnis seiner eigenen Bemühungen ist, das Ergebnis der Vertrautheit mit den Daten der Periploi. Der Seeweg entlang der Küste ist zu einer der Landstraßen geworden, für die diese Karte tatsächlich erstellt wurde.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. [*Maksimova M.I.* Antichnyye goroda Yugo-Vostochnogo Prichernomor'ya (Ancient cities of the South-Eastern Black Sea region). Moscow; Leningrad, 1956.]
- Подосинов А.В.* Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 248–256. [*Podossinov A.V.* Traditsii antichnoy geografii v “Kosmografii” Ravennskogo Anonima (Traditions of ancient geography in the “Cosmography” of the Ravenna Anonymous) // Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1987. Moscow, 1989. S. 248–256.]
- Подосинов А.В.* К вопросу о времени создания «Певтингеровой карты» // ВДИ. 2016. № 4. С. 938–955. [*Podossinov A.V.* K voprosu o vremeni sozdaniya “Pevtingerovoy karty” (On the question of the time of creation of the “Peutingers’ map”) // Vestnik drevnei istorii. 2016. N 4. S. 938–955.]
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. [*Tornau F.F.* Vospominaniya kavkazskogo ofitsera (Memoirs of a Caucasian officer). Moscow, 2000.]
- Щеглов Д.А.* Карта Птолемея и античные периплы // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10. Вып. 2. С. 671–968. [*Shcheglov D.A.* Karta Ptolemeya i antichnyye periply (Ptolemy’s map and ancient periploi) // СХОЛН. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya. 2016. T. 10. Vyp. 2. S. 671–968.]
- Arnaud P.* Les relations maritimes dans le Pont-Euxin d’après les données numériques des géographes anciens (pseudo-Scylax, Strabon, Pomponius Mela, Pline, Arrien, Anonyme de 500, Marcien d’Héraclée) // REA. 1992. T. 94. P. 57–77.
- Arnaud P.* De la durée à la distance: l’évaluation des distances maritimes chez les géographes anciens // Histoire et Mesure. 1993. T. VIII, 3/4. P. 225–247.
- Arnaud P.* Marcus Vipsanius Agrippa and his Geographical Work // Brill’s Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 205–222.

- Bărbulescu M., Câteia A.* Drumurile din Dobrogea romană, pe baza stâlpilor miliari din sec II–III p. Chr. // *Pontica*. 1998. T. 31. P. 119–129.
- Bărbulescu M., Buzoianu L., Covacef Z.* Milestones from Dobruja in the collections of the Museum of National History and Archaeology Constanța // *Pontica*. 2008. T. 41. P. 169–187.
- Belke K.* Tabula Imperii Byzantini 9. Paphlagonien und Honorias. Wien, 1996.
- Belke K.* Bithynien und Hellespont in der Tabula Peutingeriana // *Space, Landscapes and Settlements in Byzantium. Studies in Historical Geography of the Eastern Mediterranean, Presented to Johannes Koder / Ed. A. Külzer, M. Popovic.* Wien; Novi Sad, 2017. S. 51–73.
- Bryer A., Winfield D.* The Byzantine monuments and topography of the Pontos. With maps and plans by R. Anderson and drawings by J. Winfield. Vol. I (Dumbarton Oaks studies; XX). Washington, 1985.
- Cramer J.A.* Geographical and Historical Description of Asia Minor. In two volumes. Vol. I. Oxford, 1832.
- Cuntz O.* Itineraria Romana. Vol. I. Itineraria Antonini et Burdigalense. Leipzig, 1929.
- Erciyas D.B.* Heraclea Pontica – Amastris // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea.* Thessaloniki, 2003. Vol. I. P. 1403–1425.
- Fodorean F.-G.* Pannonia, Dacia and Moesia in the Ancient Geographical Sources. Stuttgart, 2016.
- French D.H.* Milestones of Pontus, Galatia, Phrygia and Lycia // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1981. Bd. 43. P. 149–174.
- French D.H.* Roman Roads and Miles of Asia Minor. Vol. 3. Milestones. Fasc. 3.4. Pontus et Bithynia (with Northern Galatia) (Electronic Monograph; 4). Istanbul, 2013.
- Gisinger F.* Peutingeriana // *RE*. 1938. T. 19, 2. P. 1405–1412.
- Gross H.* Zur Entstehungs-Geschichte der Tabula Peutingeriana. Bonn, 1913.
- Hollenstein L.* Zu den Meilensteinen der römischen Provinzen Thracia und Moesia Inferior // *Studia Balcanica*. 10. Recherches de géographie historique. Sofia, 1975. P. 23–44.
- Kinneir J.M.* Journey through Asia Minor, Armenia and Koordistan in the years 1813 and 1814. London, 1818.
- Levi Annalina e Mario.* Itineraria picta. Contributo allo studio della Tabula Peutingeriana. Roma, 1967.
- Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Princeton (New Jersey), 1950. Vol. 1–2.
- Miller K.* Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2. Ausg. Stuttgart, 1916.
- Olshausen E.* Pontica IV. Das römische Straßennetz in Pontos. Bilanz und Ausblick // *Orbis terrarum*. 1999. T. 5. S. 93–113.

- Olshausen E.* Pontos. Profile of a landscape // Space. Place and Identity in Northern Anatolia / Ed. T. Bekker-Nielsen. (Geographica historica; 29). Stuttgart, 2014. P. 39–48.
- Öztürk B.* Two new Milestones from Tios/Tieion in the Karadeniz Ereğli Museum // Philia. 2016. T. 2. P. 83–91.
- Podossinov A.V.* Osteuropa auf der Tabula Peutingeriana: einige Beobachtungen zu der kartographischen Technik und Nomenklatur // Orbis terrarum. Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt. 2020. T. 17 (2019). S. 185–240.
- Robert L.* À travers l'Asie Mineure. Poètes et prosateurs, monnaies grecques, voyageurs et géographie. Athènes; Paris, 1980.
- Roelens-Flouneau H.* Remarques sur la navigabilité des fleuves d'Asie Mineure dans l'Antiquité // Etudes des fleuves d'Asie Mineure dans l'Antiquité / Etudes réunies par Anca Dan et Stéphane Lebreton. T. I. Paris, 2018. P. 251–317.
- Ruge W.* 'Tieion // RE. 1936. T. 6A/1. Sp. 856–862.
- Salway B.* Sea and River Travel in the Roman Itinerary Literature // Space in the Roman World. Its Perception and Presentation / Ed. R. Talbert, K. Brodersen. Münster, 2004. P. 43–96.

Александр В. Подосинов

О СУХОПУТНОЙ ДОРОГЕ ВДОЛЬ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНОГО МОРЯ НА ПЕВТИНГЕРОВОЙ КАРТЕ: КАК РАБОТАЛ КАРТОГРАФ

В статье рассматривается изображенная на Певтингеровой карте сухопутная дорога, пролегающая вдоль южного побережья Черного моря от Фракийского Босфора до Трапезунта. Поскольку природные условия этого региона в древности – горные хребты, спускающиеся в море, и широкие реки – препятствовали прохождению здесь дороги, а литературные и археологические источники, в том числе милевые столбы, не подтверждают ее существования, в статье рассматриваются возможные причины и условия, при которых римский картограф, опираясь на существующие греческие периплы, описывающие этот берег, «воссоздал» возможную сухопутную дорогу. В статье подробно анализируются данные Певтингеровой карты, на которой начертана дорога вдоль побережья и расстояния между «станциями». Эти данные сравниваются с информацией других источников, а это географические тексты, в основном, периплов, которые описывают путь корабля вдоль побережья (главный источник – «Перипл Понта Эвксинского» Арриана). Выясняется, что расстояния между станциями соответствуют больше данным периплов, а значит, несуществующая дорога была придумана картографом, исходя из этого рода литературы. В статье отмечается также отсутствие описания такой дороги вдоль побережья Черного

моря в «Итинерарии Антонина», в котором описания многих дорог совпадают с их изображением на Певтингеровой карте. На карте уже отмечались подобные случаи, когда рисовалась дорога вдоль моря, которая не могла существовать в реальности. Так, в Малой Азии показана сухопутная дорога между ионийским городом Милетом (Milet) и ликийским городом Патара (Patara), проходящая через Миндос (Myndos), Книдос (Knidos) и Лоримной (Loguma), при этом географическое положение этих городов не предполагает существование сухопутной дороги между ними, но основывается на данных перипла, которые, возможно, использовал картограф. В статье приводится также параллель с дорогой вдоль северо-восточного побережья Черного моря (совр. Абхазия), где реки и горы в античности и в последующие века, вплоть до XX века, не давали возможности передвижения.

Ключевые слова: Певтингерова карта, южное побережье Черного моря, сухопутная дорога, периплы

Alexander V. Podossinov

ON THE LAND ROAD ALONG THE SOUTHERN COAST OF THE BLACK SEA ON PEUTINGER'S MAP: HOW THE CARTOGRAPHER WORKED

The article discusses the land road laid along the southern coast of the Black Sea from the Thracian Bosphorus to Trapezunt on the Tabula Peutingeriana. In antiquity this region's natural conditions (mountain ranges, descending to the sea, and wide rivers) stood in the way, so the path could not be laid there. Literary and archeological sources, milestones among them, do not confirm its existence. So, the article discusses possible causes and conditions which permitted the cartographer, who having used existing Greek periploi describing the coast, to "reconstruct" the possible land road. The article analyzes in detail the data of the Tabula Peutingeriana, which shows the path along the coast and the distances between "the stations", these data being compared with the information of other sources (geographical texts), mostly with those of periploi describing the route of the ship close to the shore (the main source is "Periplus of the Pontus Euxinus" by Arrian). It has been found out that the distances between the stations correspond rather to the data of periploi; it means that the non-existent road was the cartographer's invention, who supported on such literature. Also, the article mentions the absence of the road's description in "The Antonine Itinerary", where the descriptions of many ways coincide with the data of the Tabula Peutingeriana. It is noteworthy that this is not the first road along the sea coast on the Tabula which could not really exist. Thus, it shows an coastal road in Asia Minor between the Ionian city of Miletus and the Lycian city of Patara, led through Myndos, Knidos and Loryma. These cities' geographical location does not assume the existence of the coastal road between them, but is based on the data of a periplus, possibly used by the cartogra-

pher. Also, the article draws a parallel with the path along the north-eastern coast of the Black Sea (now Abkhazia), where rivers and mountains impeded communication in antiquity and in the following centuries, until the twentieth century.

Keywords: Peutunger's map, south coast of the Black Sea, land road, periploi

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-354-376

TRAPEZUS IN KOLCHIS

Part I: The Origin of the Tabula Peutingeriana under Julius Caesar

The Greek colony Trapezus is located in Pontic Asia Minor in the south-eastern angle of the Black Sea littoral, but the Tabula Peutingeriana locates it on the north-eastern coast. Alexander Podossinov has recently argued that this error should be traced to the naval campaign of Marcus Agrippa in 14 BCE. This deputy of Augustus wrote geographical notes on which the world map in the Porticus Vipsania in Rome was based. However, Agrippa should have been much more familiar with the geography of the Black Sea. Pliny credits him with substantial knowledge especially on the western and northern Euxine coastlines, which is incompatible with the flaws resulting in the poor coverage of the Black Sea on the Tabula: not even the two capital cities Pantikapaion and Phanagoreia are included, and even worse, the Maiotis appears as an inland lake with no access to the sea. At any rate, Agrippa must have been aware of the mapping project initiated by Julius Caesar, but concluded only between 30 and ca. 20 BCE. This new wealth of information was not yet available to Caesar himself and his staff, when planning the instant Parthian campaign in 44 BCE without being overly concerned with Black Sea geography. The final phase of Caesar's dictatorship might thus have formed the context for a first, rushed, and flawed, yet highly authoritative mapped itinerary of the whole known world that gradually developed into the Tabula Peutingeriana. Over the next five centuries, some parts of it were revised, while others (such as on the northern shore of the Black Sea) were not.

Keywords: Tabula Peutingeriana, Trapezus, Caesar, Agrippa, Black Sea, Roman activity in Pontus

The Tabula Peutingeriana locates *Trapezunta*, that is ancient Trapezus or modern Trabzon respectively, not on the south-eastern coast of the Black Sea in what is today north-eastern Turkey, but rather on the northern shoreline towards its eastern edge¹. Exploring the ramification of this cartographical

¹ The 12th-century copy (Codex Vindobonensis 324) of the Late Roman version (on which see below) is now most easily accessible online at <https://tp-online.ku.de>. Various facsimile editions are also open-access at <https://www.tabula-peutingeriana.de/index.html>. For Trapezus in its geographical context, see the map in Fig. 4 below or the one by Braund 1997/2000 in the *Barrington Atlas* (ed. Talbert 2000). This article is not concerned with the history of Trapezus as such, on which see Ruge 1937 and

distortion will not only provide us with some insights into the complex prehistory of the most illustrious map of all times, but also draw us into problems of east-Pontic geography and eventually bring to light a hitherto unnoticed case of mythogeography.



Fig. 1. *Tabula Peutingeriana, Segment X / Ed. Weber*
<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=9>.

The (Mis-) Location of Trapezus in the Tabula Peutingeriana

The location of Trapezus on the north-eastern edge of the Pontic coast is not the only surprise on the Tabula Peutingeriana. The same map depicts the city as surrounded by two long, unnamed rivers. If defined by the (wider) environment of Trapezus in eastern Pontos, one of these might be the Lykos-Iris (now Kelkit-Yeşilirmak, merging into the Black Sea east of Amisos, now Samsun) or Thermodon (formerly up to a hundred meter wide, now the Terme, with its mouth near Ordu) at a significant distance west of the Trapezus; the other might be the Akampsis-Apsaros river about as far to its east (more on this below). If, however, the two unnamed rivers on the Tabula should represent the largest two that merge into the eastern Euxine, then they might be the Rioni (the ancient Phasis) and the Kodori (for which no ancient name is preserved), although such a riverscape would relocate Trapezus to what is

Janssens 1967; also studies or commentaries on Xenophon's Anabasis (Waterford and Rood 2005), Strabo (Roller 2018), and Arrian's PPE (Belfiore 2009; cf. Silberman 1995; Liddle 2003; Brodersen 2022), besides scholarship on Ionian colonization in the Black Sea region (Ehrhardt 1988; Manoledakis 2022; Müller 2022).

now the province of Abchasia in northern Georgia. Alternatively, the omission of names was meant to avoid specific identifications, merely indicating the presence of multiple rivers in the environment². However, a further hint at an intended location of Trapezus relatively high up to the north may be seen in the adjacent mountain range. This is surrounded by various names, though nothing close to *Paryadres* or *Skydises*, the western and eastern Pontic mountains to the south of Trapezus, or to the *Moschike*, the so-called Lesser Caucasus, which adjoins the two aforesaid mountains further to the east (and which will be addressed further down in this chapter, again)³. However, the ethnics that the Tabula displays around the long, unnamed mountain range remain ambiguous and defy a firm attribution⁴.

The mislocation of Trapezus results in several further cartographical distortions. The city of Polemonion, today's Bolaman nearly 200 km west of Trabzon, figures on the same Tabula in the easternmost corner of the Black Sea. From there, a coastal road reaches Trapezus from the south-east rather than from the west. At the same time, the historical southern road that once connected Trapezus with Satala (the modern village of Sadak) in Armenia Minor appears directed straight to the east. Nearly the same is the case for the route leaving Trapezus via Apsaros (now Gonio) towards Sebastopolis⁵. The latter is the Roman successor to the formerly illustrious Milesian colony of Dioskurias, traditionally identified with Sukhumi in Abchasia, but earlier settlements with these names were likely situated further to the southeast⁶. This third road is depicted as leaving Trapezus in a north-east-east direction. On all other sides, the city appears isolated: the Black Sea borders its south; one

² Lykos-Iris: see Coşkun 2019a. P. 93–98. Thermodon: see Dan 2015. Akampsis-Apsaros: Dan 2019a. P. 98–102 and 2022. Phasis: Dan 2016; Coşkun 2019a. Kodori: Coşkun 2020b. P. 665–670.

³ Strab. *Geogr.* 12.3.18 (548C): τῆς δὲ Τραπεζοῦντος ὑπέρκεινται καὶ τῆς Φαρνακίας Τιβαρανοὶ τε καὶ Χαλδαῖοι καὶ Σάννοι, οὓς πρότερον ἐκάλουν Μάκρωνας, καὶ ἡ μικρὰ Ἀρμενία: καὶ οἱ Ἀππαῖται δὲ πῶς πλησιάζουσι τοῖς χωρίοις τούτοις οἱ πρότερον Κερκίται. διῆκει δὲ διὰ τούτων ὁ τε Σκυδιῆς ὄρος τραχύτατον συνάπτον τοῖς Μοσχικοῖς ὄρεσι τοῖς ὑπὲρ τῆς Κολχίδος, οὗ τὰ ἄκρα κατέχουσιν οἱ Ἑπτακομηῆται, καὶ ὁ Παρυάδρης ὁ μέχρι τῆς μικρᾶς Ἀρμενίας ἀπὸ τῶν κατὰ Σιδήνην καὶ Θεμισκουραν τόπων διατείνων καὶ ποιῶν τὸ ἑσθινὸν τοῦ Πόντου πλευρῶν. Cf. Coşkun 2021b. P. 306f. This mountain range shows up as *Paruerbes* in Segment XI of the Tabula, on which see Coşkun, in preparation 1.

⁴ On its eastern parts, the *Suani* are mentioned, on whom see n. 11 below.

⁵ Parallel to the land route on the Tabula ran the sea route, described by Arrian (PPE 1–11). Both itineraries analysed by Coşkun 2020b (Phasis to Sebastopolis) and 2022a (Apsaros to Phasis); cf. Belfiore 2009. P. 150–185.

⁶ On the earlier locations of Dioskurias-Aia (especially at Ochamchire) and Sebastopolis-Dioskurias (especially at Skurcha), see Coşkun 2020a and 2020b. In contrast, Schmitt 2022 tries to reinforce the traditional view of a single location of Dioskurias-Sebastopolis at Sukhumi: he argues convincingly that Sukhumi claimed to be the successor of Sebastopolis since the Middle-Byzantine period, but he does not engage with the mythogeographical indications, insisting on the Phasis as the only possible location for a potential city of Aia; he does not accept either the relocation of a settlement as a viable solution. The most complete survey of the archaeological evidence for coastal settlements in Kolchis is by Sens 2009; cf. the latest updates by Tsetskhladze 2018 and 2022: despite the progress, the material and epigraphic remains remain undecided.

of those unnamed rivers flows to its west and, after bending eastwards, also encircles Trapezus from the north⁷.

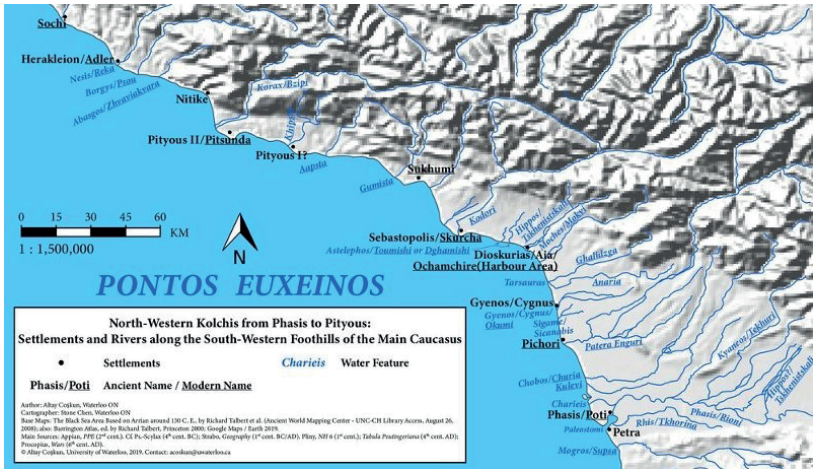


Fig. 2. North-Western Kolchis from Phasis to Pityous
(<http://www.altaycoskun.com/black-sea/>).

More Inaccuracies of the Tabula Peutingeriana and Reflections on Its Nature

Only few scholars have bothered to explain these severe inaccuracies. Konrad Miller, the pioneer of the study of Roman itineraries, offered a simple and pragmatic solution: the lack of space on the physical copy of the Tabula required flexibility⁸. There is, in fact, much to say in support of Miller's passing comment. As is well known, the Tabula has come down to us in the shape of a book scroll, measuring 33 cm in width and 672 cm in length. At least in theory, it could have been carried by a traveller. It is not two-dimensional as modern maps, but essentially consists of a multitude of linear, though intersecting, itineraries. The now-lost first segment must have covered

⁷ The first people named on the opposite bank are the *Parnaci* (sic).

⁸ Miller 1916. S. 332f.: "Die Darstellung auf der Ta(bula) ist dadurch merkwürdig, daß von *Polemonio* an die Straße umkehrt und sich bis Trapezunt nach links wendet, von Trapezunt an aber die Küste des Schwarzen Meeres ganz verläßt und scheinbar nach Osten weit ins Binnenland verläuft, während doch bis Sebastopolis alle Stationen an der Meeresküste liegen. Diese schwere Verzeichnung ist dem Verfasser der Ta(bula) übel vermerkt worden, und man schließt daraus auf ein sehr niedriges Maß seiner geographischen Kenntnisse. Maßgebend war für den Verfasser eben einfach der vorhandene Raum, welcher an der Küste nicht ausreichte; vielleicht hat wenigstens in einer Vorlage die militärische Bedeutung dieser Strecke als Grenzschutzgebiet und der Anschluß derselben an einen Fluß (Phasis), ähnlich wie beim Rhein und der Donau, eine Rolle gespielt."

Lusitania, Mauretania, and the major part of the British island, of which only the south-east edge (excluding Londinium) has been preserved on the first extant segment (counted as II). At the opposite end, segment XII concludes with the east-Indian coast. The Tabula hence depicts the main routes from West to East, or at least makes most itineraries appear as directed this way⁹.

Distortions or ‘adjustments’ as in the environs of Trapezus were therefore inescapable: space had to be made for the place names and distances in areas that were more densely travelled or of relatively high interest to the Romans. The overall representation of the Black Sea may illustrate this principle: The flattening of its south-northern extension reduces the whole western coast to the 32 miles from *Odessos* (now Varna) to *Bysinopoli(s)* (Bizone, now Kavarna); in contrast, the effectively deepest recess of the coast in-between *Ancialis* (Anchialos, now Pomorie) and *Mesambria* (now Nessebar) appears close to the middle of the linear, horizontal extension from the Thracian Bosphorus.



Fig. 3. Tabula Peutingeriana, Segment VIII / Ed. Weber
 (<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=7>).

This important strait, together with Constantinople, the refoundation of Byzantium by Constantine I (330 CE), and its surrounding network of roads, at least accounts for part of the distortion. It is worthwhile mentioning that this late-imperial city appears just opposite the western end of the Sea of Azov (*Maiotis*), which was, to a large part, surrounded by the Bosporan kingdom: this is off by nearly half the length of the north-Anatolian coastline.

⁹ The best description and analysis of the Tabula is now by Talbert 2010. The most accessible facsimile is the online edition <https://www.tabula-peutingeriana.de>.



Fig. 4. Key Settlements along the Black Sea Littoral
 (<http://www.altaycoskun.com/black-sea-map-01-1>).

Many further oddities can be observed in the north-Pontic area of the *Tabula*. The outline of the road network ends with the nodal point of *Tomis* (Constanța) just south of the Delta of the Danube, which thus forms a counterpoint to Trapezus in the east. There is a random selection of cities named on the northern stretch that separates the Sea of Azov and the Black Sea. Most conspicuous is that the two foremost royal cities are omitted: Pantikapaion (Kerch on the eastern Crimea) and Phanagoreia (traditionally located on the western extension of the Taman Peninsula, but recently understood as being separated from it by the Kuban Bosphoros in antiquity)¹⁰. Instead of these two royal cities, the *Tabula* creates a town *Hermoca-Nimphi* on an artificial isthmus that connects the easternmost extensions of the Crimea (where we would expect Pantikapaion and nearby Nymphaion) with the westernmost extension of the Taman Peninsula (where Phanagoreia and Hermonassa were located)¹¹.

¹⁰ Schlotzhauer et al. 2017. For a detailed but traditional map of the Bosporan kingdom, see Braund 1996/2000.

¹¹ One may wonder if the *Tabula* still reflects some broken knowledge of Phanagoreia, if this is behind *Pharnacorium* (or *Phamacorium*) somewhere in the middle between the eastern coast of the Sea of Azov and the westernmost foothills of the Larger Caucasus. On the distorted Peutinger Map, it appears on the opposite side of the Bithynian river Lykos. Alternatively, this name may be pointing at Pharnakeia / Kerasus, which is located between Polemonion and Trapezus nearly on the opposite (Anatolian) coast (Segment X, Fig. 1); however, Pharnakeia rather seems to be behind the name *Carnasso*, 44 mp past Polemonion towards Trapezus. Moreover, a duplication of some Bosporan names is also implied by the repetition of Hermonassa further east, the latter being followed by the *Sindeciae*, an ethnic reminding us of the *Sindoi* on the Taman peninsula (Strabo 11.2.10–12). We should not be worried that these names figure underneath the mountain range which is supposed to be the Greater Caucasus; the ethnic at its western end is *Caucasi*, whereas *Suani* appear at its eastern end (on whom see Coşkun, in preparation 1), neighbouring Trapezus.

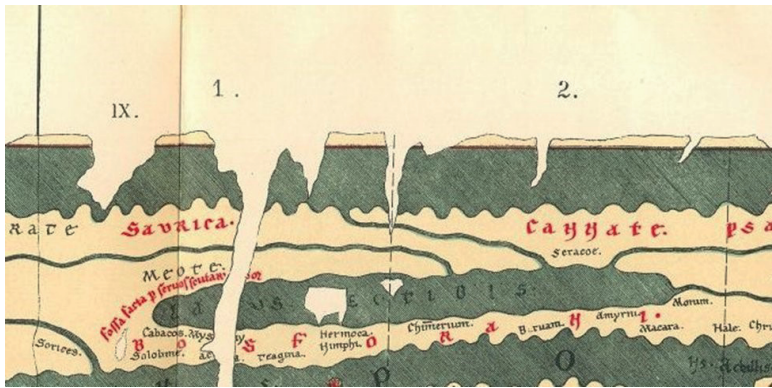


Fig. 5. *Tabula Peutingeriana*, Segment IX / Ed. Weber
 (<https://www.tabula-peutingeriana.de/tabula.html?segm=8>).

On the Date of the *Tabula Peutingeriana*

The *Tabula's* nature as heterogeneous cluster of longer and shorter itineraries likens it to the two most famous Roman roadmaps, the *Itinerarium Antonini* (of the 3rd century) and the *Itinerarium Burdigalense* (of the later 4th century)¹². These two works also describe the approximate timeframe that most scholars ascribe to the original *Tabula*. This is now lost and all that has come down to us is a late-12th- or early-13th-century copy. Miller suggested the 4th century for its creation, speculating about the authorship of a certain Castorius. However, the distinguished editor of the *Barington Atlas* Richard Talbert prefers a date under the first Tetrarchy around 300¹³. In favour of this slightly earlier view, we must admit that the Christianization of the Later Roman Empire practically left no traces on the *Tabula*, with Jerusalem being an insignificant town and Bethlehem missing completely.

However, Christianity permeated Roman imperial ideology only slowly, and the prominent role that Constantinople (Segment IX, Fig. 5 above) plays in the transmitted version of the *Tabula* speaks for a year not before the middle

¹² The recent edition by Talbert 2010. P. 203–286 has not replaced the critical edition of Cuntz 1929. Now see also the online edition: <https://www.tabula-peutingeriana.de/sources.html?typ=ia>.

¹³ Miller 1887 suggested Castorius as the author of the map in the 4th century. This view was already rejected by Dilke 1985. P. 113f., who vaguely dates the map's last revision to the 4th century, while admitting earlier stages going back to the 1st century CE (the destruction of Pompei through the eruption of the Vesuvius is not yet reflected); likewise, Fellmeth 2006; also Brodersen 2003, who adduces the 1st-century-CE Artemidoros papyrus (depicting a fragmentary itinerary from Spain) as the earliest-known example of a 'Routendiagramm', perhaps close in time to the source of the original *Tabula*. Talbert 2010. P. 133–138 (also 142–157) now suggests ca. 300 CE for the main design, followed by Brodersen 2011. P. 87; Roller 2015. P. 203.

course of the 4th century for the map's latest major revision. At least for the eastern Mediterranean, this period seems to work largely well, also in view of the majestic representation of Antioch on the Orontes (Segment X, Fig. 1 above), still the main residence of Constantius II, Julian, and Valens. Such a later date is further recommended by the relative insignificance of Nicomedia, where Diocletian and others had often resided prior to the foundation of Constantinople¹⁴. It is of course possible that other versions with later edits existed, but they are not reflected in the *Tabula Peutingeriana*. Nothing suggests that it was influenced in any way by the world map commissioned by Theodosius II 435 CE¹⁵. At all events, attempts at identifying a late Roman 'original' version are otiose, since the *Tabula* had been developed over a long time, with sporadic and inconsistent updates.

M. Agrippa and the Black Sea

Several scholars concede the strong influence that the (now-lost) geographical notes of M. Vipsanius Agrippa, the friend, deputy, and son-in-law of Augustus, must have exerted on both geography and cartography in Rome and its empire. His work formed the basis of the first map of the known world depicted in the *Porticus Vipsania* in Rome. The monument was commissioned by Augustus shortly after Agrippa's death in 12 BCE.¹⁶ Accordingly, many indications of high-imperial time layers in the *Tabula* are tangible. A good example is the predominance of the city of Rome (which lost its status effectively under the Severi emperors), in combination with the relative insignificance of Trier and Milan (*Mediolanum*), the two major residences of the

¹⁴ See Seek 1919 for later Roman imperial itineraries. Unconvincingly, Dilke 1985. P. 117 hypothetically thinks of a production date in the first half of the 5th century, since Theodosius II occasionally resided in Antioch; this would have coincided with the Theodosian world map project of 435 CE (see next note). However, the progress of Christianization speaks against a major overhaul in the 5th century, while minor adjustments cannot be excluded.

¹⁵ TP-Online (as note 1 above) suggests that the latest revision of the *Tabula* took place around the same year. Cf. Brodersen 1996. P. 156: 4th–5th centuries CE and see previous note. On Theodosius' now-lost map, see Talbert 2010. P. 138f., with reference to GLM (ed. Riese 1878. S. 19–20) and further scholarship in notes 19f.; add Brodersen 2011. esp. P. 65, 71, 87f., who identifies Solinus' spatial reorganization of Pliny's geography around 300 CE as a major influence on Theodosius' map.

¹⁶ Plin. NH 3.17: "Agrippam quidem in tanta viri diligentia praeterque in hoc opere cura, cum orbem terrarum orbi spectandum propositurus esset, errasse quis credat et cum eo Divum Augustum? is namque complexam eum porticum ex destinatione et commentariis M. Agrippae a sorore eius inchoatam peregit". Pliny's frequent excerpts of Agrippa's notes have been excerpted by Dilke 1985. P. 44–52. Brodersen 2004. P. 184f. points out that very little is known about it, except that it must have followed the common hodological principle (cf. Brodersen 1995/2003), whereas the scaled area map had not yet been invented in the Mediterranean world (Brodersen 2011 ascribes the innovative spatial conception of geographical accounts which later led to area maps to Solinus in the later 3rd century). Roller 2015. P. 166f. and 244f. (with bibliography) and Irby 2019b. P. 105 consider the Augustan map an 'inspiration' for the *Tabula*. However, Talbert 2010. P. 136f. is more skeptical, and Dilke 1985 (esp. p. 114, 170) does not even consider Agrippa among the sources of the *Tabula*.

emperors in the West since the later-3rd and through the 4th centuries. Ravenna only prevailed in the early-5th century. Trier is still given with its high-imperial name Augusta Treverorum – or rather a peculiar variation of this (Segment II: *Aug. Tresviro<rum>*), instead of its Later Roman standard form *Treveris*¹⁷. Add that Actium (or Nicopolis?) (Segment VII) appears as major nodal point, which could be another hint at an Augustan date¹⁸.

The seminal influence of Agrippa's notes on the Peutinger Map has recently been emphasized once more by Alexander Podossinov, who puts particular emphasis on the deputy emperor's presence in the Black Sea in 14 BCE. The aim of Agrippa's campaign was to establish Polemon I, then the king of Pontos, also in the Bosphorus, where queen Dynamis had so far rejected this suitor. The mere presence of Agrippa at Sinope with an imperial fleet compelled Dynamis to give in, and the conflict was resolved without further combat¹⁹. It is thus possible that this Pontic campaign informed the aforesaid geographical notes. But were these indeed the main root of what became the *Tabula Peutingeriana*, or at least its description of the Black Sea area?

Moreover, Podossinov brings to our attention that there was a broader geographical tradition for Trapezus being situated on the north-eastern shoreline of the Black Sea. For this, he adduces the fragmentary Dura Europos Map (ca. 230s CE) as well as the accounts of Jordanes (6th century CE) and the *Cosmographia* of Ravenna (around 700 CE). All three of these sources might indeed convey such an impression, although alternative interpretations are possible as well. The extant and readable part of the Dura Europos Map depicts the harbour cities from Odessa in the West at least to the Crimea in the north. Traditionally, the place names towards the end of the itinerary have been supplemented to read *Tra[pezus]* and *Art[axata]*, although this would require us to accept that those cities were represented on one and the same coastline. Richard Uhden suggested long ago that *Tra[pezus]* here denotes the 'Table Mountain' of Chersonesos and *Art[a]* the 'Straits' (in Latin). A re-examination of the map conducted by Konstantin Boshnakov in 2015 confirms that the final destination of the route was 'Bosporos'²⁰. The Dura Europos Map must therefore be excluded from the present discussion on 'Trapezus in Kolchis'.

¹⁷ Segments III–V. Through Greek influence, the Celtic name of the *Treveri* could be spelt as *Treviri* and – jokingly – be understood as *tres viri (capitales)*, that is the 'three men (in charge of execution)'. This pun is first attested in Cicero, *Epistulae ad familiares* 7.13.2: *Sed, ut ego quoque te aliquid admo- neam de vestris cautionibus, Treviros vites censeo: audio capitales esse; mallet auro, argento, aeri es- sent. Sed alias iocabimur*. Cf. Kramer 2012. The name may also have been used shortly after the founda- tion of the city around 16 BCE, one of the measures in response to the *clades Lolliana*. Cf. Heinen

¹⁸ Cf. Irby 2019a. P. 98f. on Actium.

¹⁹ Podossinov 2012. P. 205f. with Cass. Dio 54.24.4–6. On Agrippa's campaign, see also Josephus *AJ* 16.2.1f. (12–23); Orosius 6.21.28; Heinen 2011; most recently Coşkun and Stern 2021. P. 204–207.

²⁰ Uhden 1932; cf. Dilke 1985, 121. And Boshnakov 2017.



Fig. 6. Fragmentary Route Map from Dura Europos, photograph with enhanced colours by Arthur de Graauw (https://en.wikipedia.org/wiki/Dura-Europos_route_map#/media/File:Doura-EuroposMap.png).

As far as Jordanes' *Getica* are concerned, much depends on how to understand 'Pontic coast' (*Ponticum litus*) in his account²¹. The somewhat random selection of cities from Borysthènes to Myrmekion may indeed convey the impression that Trapezus is associated with this group of north-Pontic cities – but this is not a necessary assumption. Something similar can be said for the more detailed, yet also more heterogeneous and spurious list of the *Cosmographia*²². Much uncertainty thus remains. But even if we should grant that two literary sources reflect a similar, if not the same, tradition regarding the mislocation of Trapezus, what would be gained for our investigation of the *Tabula*? Since these accounts postdate the 4th-century recension of the *Tabula*, they may well derive from (whichever version of) it. But even if they had drawn on the Augustan world map or Agrippa's notes independently, this would not explain how the counterfactual tradition about Trapezus had come about in the first place.

²¹ Jordanes, *Getica* 31/32: "Haec, inquam, patria, id est Scythia, longe se tendens lateque aperiens, habet ab oriente Seres, in ipso sui principio litus Caspii maris commanentes; ab occidente Germanos et flumen Vistulae; ab arctu, id est septentrionali, circumdatur oceano, a meridiae Persida, Albania, Hiberia, Ponto atque extremo alveo Istri, qui dicitur Danubius ab oestea sua usque ad fontem. / in eo vero latere, qua **Ponticum litus** attingit, oppidis haut obscuris involvitur, Boristhenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion et **Trapezunta**, quas indomiti Scytharum nationes Grecis permiserunt condere, sibimet commercia prestaturos". Text drawn from thelatinlibrary.com.

²² *Cosm. Rav.* 4.3 (adapted from ed. Schnetz 1990. S. 45f.): "... sed ego secundum praefatum Livianum inferius dictas civitates Bosforanie patrie nominavi. in qua Bosforanie patria plurimas fuisse civitates legimus, ex quibus aliquantas designare volumus, id est Ermonassa, Eteobroton, Suppatos, Fritiores, Dina, Ichigin, Ermogan, Teaginem, Acra, Sanabatin, Asandi, Cita, Nimfa, Abritani, Machara, Tatirita, Aumon, Malorossa, Machare, Chimerion, Panthuas, Ratyra, Murmicon, Cabalo, Salonime, Boristenida, Olbiapolis, Capolis, Dori, Chersona, Theosiopolis, Careon, **Trapezus**".

Polemon I and Agrippa

The Pontic-Kolchian-Bosporan kingdom was first united under Mithradates VI Eupator early in the 1st century BCE. Pharnakes II (48/47 BCE) and Polemon I (14–9/8 BCE) briefly revived this unity²³. Podossinov suggests that this territorial agglomeration may explain the indistinguished location of Trapezus somewhere in Polemon's realm²⁴. But even if the Tabula's connection with Agrippa and the Augustan world map is accepted, such a broader context will not yet explain the counter-intuitive position of Trapezus so far up north or its isolation in the eastern-Euxine region. Moreover, I wonder if the close contact with Polemon should not have informed Agrippa better about the Pontic and the Bosporan kingdoms. The Roman deputy emperor was planning a naval campaign to the Crimea and could easily draw on the intelligence of his royal friend. In addition, detailed knowledge should have been readily available at Agrippa's base in Sinope. After all, this city had played a pre-eminent role in the Pontic colonial network after first Miletus and then Athens had lost their leadership in the 5th century BCE. The Sinopeans held on to their dominant position until or probably even beyond their conquest by Pharnakes I around 183 BCE²⁵.

On closer inspection, it becomes obvious that Agrippa's notes indeed condensed much detailed knowledge on the western and eastern Black Sea region. Pliny quotes it five times for his account of the area ranging from Byzantion to Pantikapaion (Pliny NH 4.77, 78, 81, 83, 91). Agrippa appears sufficiently well informed to discourage the assumption that he served as the main source for the according sections of the Tabula. Less clear is Agrippa's treatment of the south-eastern and north-eastern coastlines of the Black Sea. Pliny does not cite him in his immediate presentation of the settlements along the shore. However, he does reference Agrippa in chapters that discuss the major eastern territories and their overall extensions. From these passages emerges that Agrippa had also studied the geographical tradition of the Armenian and Caucasian regions in some detail. This is most obvious when the Augustan scholar details the distance from Byzantion to Phasis with 1,000 miles, which not only

²³ Mithradates VI: Ballesteros Pastor 1996; Heinen 2008; Payen 2020. P. 264–394; Coşkun 2021c. P. 2f. (for an updated bibliography). Pharnakes II: Coşkun 2019b (*pace* Ballesteros Pastor 2017). Polemon I: Cass. Dio 54.24.4–6 (with n. 19 above); also Strabo 7.2.18 on the king's control of Kolchis, probably acquired before 14 BCE.

²⁴ Podossinov 2012. P. 205f. He further supports his view with the *Divisio Orbis Terrarum* and *Demensuratio provinciarum*, sources from the Augustan period that name the territory south of the Sarmatians and Scythians *provincia Pontica*. But there are too many uncertainties in this equation, such as the ambiguous notion of Pontos. An additional problem is to accept the term *provincia* for a kingdom. I would thus discourage pressing this information.

²⁵ Athenian hegemony: Braund 2005; Coşkun 2019c. Sinopean hegemony: Barat 2006; Burcu Erciyas 2007; Hind 2012; Avram 2016. Sinope from Pharnakes I to Pharnakes II: Coşkun 2019b; 2021c; 2021e. See n. 38 below on further references for Milesian colonies.

implies knowledge of this settlement, but also of the (younger) tradition that regarded the river's mouth (rather than Dioskurias) as situated at the extreme end of the sea²⁶.

There is another remarkable omission that should further caution us against accepting Agrippa as the central authority of (the Euxine portion of) the *Tabula*. Soon after being accepted as the king of the Bosphorans, Polemon I renamed Pantikapaion as Kaisareia and Phanagoreia as Agrippeia²⁷. For sure, Agrippa did not yet know about this when he returned to Rome, but he and Augustus would have been informed about this in due course. While it may have been too late to be considered in his geographical notes, Augustus would barely have failed to include this meaningful detail in the world map of the *Porticus Vipsania*.

No support for Agrippa can be gained from the abovementioned city of Polemonion. This refoundation of Kerasus has often been identified as initiated by Polemon I. But this is an unconvincing assumption. Strabo's silence regarding the royal residence definitely speaks against it, especially since the geographer was close to Polemon's (other) wife Pythodoris, who inherited the Pontic kingdom and is repeatedly mentioned (and praised) in the *Geography*. Polemonion must therefore be ascribed to Polemon II under the later Julio-Claudians. As a result, the city's name on the *Tabula* implies a later update²⁸.

A plausible context for such a revision would be the gradual appropriation of the eastern-Pontic area by the Romans through the imperial period. This may have been as early as under Nero, when Cn. Domitius Corbulo waged war against the Parthians and hence re-arranged central and eastern Anatolia. The Flavians built on these developments when establishing the eastern *limes*. Further changes are attested under Trajan and Hadrian, including the alloca-

²⁶ Pliny NH 6.3: *Mensuram Ponti a Bosphoro ad Maeotium lacum quidam fecere [XIV] XXXVIII D, Eratosthenes C minorem, Agrippa a Calchadone ad Phasim [x], inde Bosporum Cimmerium CCCLX. nos intervalla generatim ponemus conperta in aevo nostro, quando etiam in ipso ore Cimmerico pugnatum est.* 'The dimension of the Black Sea from the Dardanelles to the Sea of Azov is given by some authorities as 1438.5 miles, but Eratosthenes makes it 100 miles less. Agrippa gives the distance from Calchedon to the river Rion as 1000 miles and from that river to the Straits of Kerch as 360 miles. We shall state the distances in sections as ascertained in our own time, inasmuch as there has been dispute even about the mouth of the Straits of Kerch.' Text and translation adapted from the Loeb ed. by Rackham 1942. P. 340f. For broader discussions of eastern Anatolia/Armenia and the Caucasian region involving Agrippa, see Pliny NH 6.37, 39. For Dioskurias in the 'recess', see Coşkun 2021a, with Strabo 11.2.16 (497–498C); also 1.2.10 (21C) and 1.2.40 (46C) on Homeric Aia 'in the recess of the Pontos'; and 1.2.40 (46–47C) = Mimnermos F 11 + 11a for Aia on the edge (*cheilos*) of the Ocean.

²⁷ The renaming of both cities is only attested on coinage, see MacDonald 2005. P. 59 and Heinen 2011 for discussion, with further references on p. 232.

²⁸ In fact, Podossinov does not explicitly argue with Polemonion, but still mentions it as a foundation of Polemon I in the context of his argument. But see Coşkun 2021a. P. 239f. with Strabo 12.3.16 and Vitale 2012. P. 151–154, *pace* Marek 1993. S. 52, 62; Sørensen 2016. P. 136.

tion of Roman cohorts in Apsaros, Phasis, and Sebastopolis, to which Arrian attests around 132 CE in his *Periplus Pontou Euxeinou*²⁹.

There is a good chance that Arrian's account formed the basis for the revision of the intermediate version of the Tabula, which contains much new detail on the eastern-Pontic and Kolchian areas. There is, in fact, a significant overlap of information³⁰. At any rate, the awkward location of Trapezus on the Tabula strongly supports the view that the original design viewed the city as a remote end point, whereas the political developments from Nero to Hadrian turned it into the node of the road network that extended further to Satala and Sebastopolis.

Earlier Roman Campaigns and the Eastern Black Sea Coast in the 1st Century BCE

From the late-Archaic to the late-Classical or early-Hellenistic periods onwards, one should expect Dioskurias to have held the most prominent role in the eastern-Euxine region. But heavy sedimentation along the entire coastline from Apsaros / Gonio to Dioskurias (?) / Ochamchire eclipsed several Greek and Kolchian settlements from the long-distance trade networks by the 4th or 3rd centuries BCE. It is uncertain how long Dioskurias could uphold its position of prominence and when Trapezus was indirectly affected by the loss of trade opportunities in the east. The dynamic rules of Mithradates VI, Polemon I, or Pythodoris did not bring about sufficient change to incentivize the construction (and maintenance) of harbours and long-distance roads in this region. Such a change was only triggered when the Roman-Parthian military conflicts affected the eastern-Anatolian and Kolchian territories more thoroughly in the later 1st century CE³¹.

At any rate, Dioskurias is still attested as the refuge of Mithradates VI in winter 65 BCE, albeit without indication of a significant chora or any other resources attached to it. Lucullus and Pompey campaigned in north-eastern Anatolia, the former turning south-east into Armenia in 69 BCE (and destroying Tigranokerta), the latter marching further north-east into Kolchis in 65 BCE (probably until Surion / Vani). None of the evidence for their campaigns reveals something about the condition of the coastal settlements in Kolchis,

²⁹ On Arrian's *periplus* and its context, see Belfiore 2009 and Coşkun 2020b; also Silberman 1995; Liddle 2003; Brodersen 2022. On the transformation of central and eastern Anatolia in the early-imperial period, see, e.g., Coşkun 2008; Marek 2010; Vitale 2012. On the road network in particular, French 2012 and 2014. The latest excavation report on Apsaros (Mamuladze and Kakhidze 2022) identifies a first construction period from the 2nd half of the 1st century to the 2nd half of the 2nd century CE, followed by a later period ranging from the 2nd half of the 2nd to the 2nd half of the 3rd century CE.

³⁰ See the references in n. 5 above.

³¹ On the developments of the early Empire, see the references in n. 30 above. On the geology of the area around Phasis, see especially Licheli 2016; further references are in n. 2 above.

unless one wants to read the silence as complementary signs of decline and abandonment. At least, we know that both Roman commanders established friendly relations with a son of Mithradates VI, who was then residing in Pantikapaion, Machares and Pharnakes II respectively. On balance, we may therefore expect more specific knowledge of Bosporan, Kolchian, and Pontic conditions in the entourage of Lucullus and Pompey than reflected on the *Tabula Peutingeriana*³². At the very least, they should have known the approximate location of Trapezus.

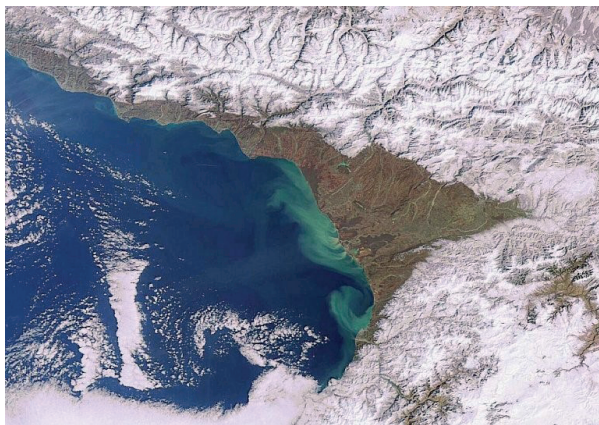


Fig. 7. Satellite image showing the effect of sedimentation up to 30 km offshore along the coast from Gonio to Ochamchire. Photograph (2007) by courtesy of the European Space Agency (ESA) (https://www.esa.int/ESA_Multimedia/Images/2007/05/Georgia).

The situation on the ground changed with the Pontic campaign of Pharnakes II (48/47 BCE). Especially on his desperate flight along the coast of Kolchis, he caused substantial destruction. Soon after him followed Mithradates VII, who had been sent to conquer the Bosphorus for Caesar, but may have died looting Kolchis (47/46 BCE). Both are attested to have pillaged the sanctuary of Leukothea, which should be sought on the south-western coast of Kolchis, either on Batumi's Green Cape or near Tsikhisdziri³³. He may have annihilated the few other remaining settlements along the coast. Caesar had defeated Pharnakes at Zela in the Lykos Valley in spring 47 BCE, but did not pursue him further to Sinope, since he had to rush back to Rome. Later on, he was preparing a major eastern campaign, scheduled to start in March 44 BCE,

³² For the friendship relations, see Ballesteros Pastor 1996. P. 234f.; 322; Tröster 2005; Coşkun 2016. Add Pompey's friendship with Kastor of Phanagoreia: Coşkun 2014. On Surion / Vani, see Coşkun 2021. P. 291, n. 15, with bibliography.

³³ The main source for Pharnakes and Mithradates VII is [Caes.] *Bell. Alex.* 35–78; see Coşkun 2019b, also 2019d; 2019e; 2021d; further Coşkun 2021b with Strabo 11.2.17 on the Leukotheion. Cf. Gelzer 1960; Gajdukevič 1971; Heinen 1994; Ballesteros Pastor 2017.

yet not executed due to his murder on the Ides of March. Although the focus of this planned undertaking was on the Parthians, there was speculation that his return might lead him around the northern shores of the Black Sea, to deal with the Dacians (who had remained a threat after the death of Burebista) and Asandros, who had killed Pharnakes II and replaced him in the Bosporos³⁴.

So, perhaps Caesar had begun acquiring some information on the Euxine coastlines, to be worked into a major compilation of itineraries throughout the eastern Mediterranean and even beyond. If this speculation should be true, then his search for the Black Sea area had only begun, and he would have left further specification for later. Such a context would yield a possible explanation for the Tabula's representation of the Black Sea map: poor information entering a soon-to-become authoritative account or depiction. It is of little bearing that the overall representation of the urban development and road network of Asia Minor reflects the progress made especially from Pompey over Augustus, Nero, and the Flavians to Trajan and Hadrian³⁵. Whenever a major revision of the map was undertaken in later generations, the Bosporan, Kolchian, and eastern-Pontic remained of so little interest that the investment into a complete overhaul of the design was shun.

Caesar's Commissioners, Agrippa's Notes, and Augustus' World Map

These admittedly very hypothetical thoughts might quickly be discarded as wild speculation, but they seem to have some further merits. Caesar's general interest in geography, topography, and itineraries is easily documented in his Gaulish War. More importantly, a late Roman excerpt with the title *Cronica Iulii Caesaris* specifies that Greek scholars worked on or were chosen to compile information on the whole world known in 44 BCE. The text is somewhat opaque, but spells out the names and assignments of four geographers, besides the many years they worked on them: 'to Nikodemos the (part of the) east, to Didymos the west, to Theodotos the north, to Polykleitos the south.' From a Roman perspective, the 'northern' part is likely to have included Asia Minor and the Black Sea region. Theudotos is said to have worked on this for 28 years and eight months and completed his work in the tenth consulship of Augustus (24 BCE)³⁶.

³⁴ Suet. Div. Jul. 44.3, with Freber 1993. P. 167–175; Coşkun 2019d. P. 294 and 2019e for further context.

³⁵ See the references in n. 30 above.

³⁶ GLM ed. Riese 1878. P. 21–23: "Iulio Caesare et Marco Antoni[n]o consulibus omnis orbis peragratus est per sapientissimos et electos viros quattuor: Nicodemo orientis, Didymo occidentalis, Theudoto septentrionalis, Polyclito meridiani. A consulibus supra scriptis usque in consulatum Augusti IIII et Crassi annis XXI mensibus quinque diebus novem oriens dimensa est. Et a consulibus supra scriptis usque in consulatum Augusti VII et Agrippae III annis XXVI mensibus III diebus XVII occidui pars dimensa est. A consulibus supra scriptis usque in consulatum Augusti X annis XXVIII mensibus VIII septemtrionalis pars dimensa est. A consulibus supra scriptis usque in consulatum Saturnini et Cinnae

Although the numbers do not add up (does our source count in the time the scholars had dedicated to their research prior to their appointment by Caesar?), both the duration and the year of publication would yield a date prior to the campaign of Agrippa. It would be unlikely that Agrippa did not use it for his strategic planning, and unfeasible that Augustus continued funding the work of his adoptive father for decades, without drawing on it for his prestigious project of displaying a world map in Rome soon after 12 BCE. In fact, we should assume that this research yielded the backbone of the map in the Porticus Vipsania. We can go even another step further: since Pliny names Agrippa's work as the main source of this map, we should assume that he drew substantially on the results of those four Greek scholars, unless he had even supervised their work. It is remarkable that Pliny names Agrippa several times, but never any one of those four men.

Conclusions on the Tabula Peutingeriana and Outlook on the Mislocation of Trapezus

We should now be confident to surmise that the well-researched notes of (though not necessarily by) Agrippa and the substantiated world map commissioned by Augustus avoided the gross mistakes on Black Sea geography known from the Tabula Peutingeriana. At the same time, Caesar or his staff remain a plausible source for the first version of a major Roman road map that would gradually develop to or at least feed into the much later Tabula. The latter suggestion remains hypothetical, but an attractive choice, if we embrace 24 BCE as a *terminus ante quem* for the design of the Black Sea coast as represented on the same Tabula.

None of these arguments have in fact explained what caused the mislocation of Trapezus and the omission of so many other settlements on the eastern Black Sea coast in the first place. We have, so far, only shown that Agrippa is very unlikely to bear responsibility for this error. The solution of this problem requires another investigation. This will lead us into the wide field of mythogeography, which depicts Trapezus as part of an extended Kolchis or virtual Argonautic landscape³⁷.

annis XXXII mense I diebus XX meridiana pars dimensa est³⁷. The subsequent paragraphs number for each part the seas, islands, mountains, provinces, cities, rivers, and peoples. Riese chose the title *Cosmographia Iulii Caesaris*, although this is not supported by the mss. Cf. Dilke 1985. P. 40; Irby 2019b. P. 104f.

³⁷ Coşkun, in preparation 1, drawing especially on a tradition that locates Trapezus in Kolchis and that reveals an astounding blindspot in-between Trapezus and Phasis: Strabo 11.2.14–19; 12.3.12–17; and Xenophon, *Anabasis* 4.8.22–24. On the mythical tradition of Phrixos and the Argonauts, see Keyßner 1941; Gantz 1993; Bruneau 1994; Dräger 2001; Lovatt 2021; Coşkun, in preparation 5. On Argonautic land- and riverscapes in the context of Greek colonization and changing hegemonies, see Coşkun 2020a; in preparation 2, 3, 4. I shall consider the interrelation of myth, colonial politics, ethnic constructs, geography, and/or toponomy systematically (Dougherty 1993; Braund 1998; 2019; 2021;

Ancient Sources

- Unless indicated otherwise, Greek and Latin texts have been quoted from ToposText, the Perseus Collection, or thelatinlibrary.com.
- Belfiore S.* Il Periplo del Ponto Eusino di Arriano e altri testi sul Mar Nero e il Bosforo. Spazio geografico, mito e dominio ai confine dell' Impero Romano. Venice, 2009.
- Brodersen K. C.* Plinius Secundus d.Ä.: Naturkunde. Lateinisch-deutsch. B. VI: Geographie. Zurich, 1996.
- Brodersen K.* Arrianos / Anonymus: Periplus Maris Euxini, griechisch und deutsch. Speyer, 2022.
- Cuntz O.* Itineraria Romana. Vol. I: Itineraria Antonini Augusti et Burdigalense. Leipzig, 1929.
- Liddle A.* Arrian. Periplus Ponti Euxini. London, 2003.
- Rackham H.* Pliny, Natural History. With an English Translation in Ten Volumes. Vol. II: Libri III–VII. London, 1942, repr. 1962.
- Riese A.* Geographi Latini Minores. Heilbronn, 1878.
- Roller D.W.* The Geography of Strabo / Transl. by D.W. Roller. Cambridge, 2014.
- Schnetz J.* Itineraria Romana. Vol. II: Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Leipzig, 1990.
- Silberman A.* Arrien, Périphe du Pont-Euxin. Paris, 1995.

Modern Scholarship

- Avram A.* On the Date of the Treaty between Pharnaces and Tauric Chersonese // La symmachia comme pratique du droit international dans le monde grec / Ed. J.-C. Couvenhes. Besançon, 2016. P. 213–237.
- Ballesteros Pastor L.* Mithridates Eupátor, rey del Ponto. Granada, 1996.
- Ballesteros Pastor L.* Pharnakes II and the Title “King of Kings” // AWE. 2017. T. 16. P. 297–303.
- Barat C.* Sinope dans son environnement pontique. PhD. Bordeaux, 2006.
- Boshnakov K.* New Observations on the Dura-Periplus Map (2015), paper given at Recent Research in Ancient Black Sea Studies around and across the Pontos Eux-

Ehrhardt 1999; De Siena 2001; Sweeney 2013; Müller 2022). I shall question the view that Aia was identified with a city on the Phasis-Rioni in Kolchis since the earlier Archaic period (Lordkipanidze 1996. P. 55; Braund 1994. P. 15f. and 1998. P. 289; Tstskhladze 1998. P. 171f.; Dan 2016. P. 248), if not since the Bronze age (Lebedev 2021), hence prior to the Milesian settlement on the eastern Euxine coast around 600 BCE. With the new chronology for the poet Eumelos (M. West 2002. P. 109f. and S. West 2003. P. 161; Tausend 2012), such an early date can no longer be sustained. And Strabo's (1.2.10) insistence on Homer knowing of Aia's location in Kolchis (thus recently endorsed by Podossinov 2022. P. 751f.) should rather be read in light of Strabo's admiration of the poet as a geographer (Roller 2018. P. 9f.; 38f.).

- einos. Panel at the 113th Annual Meeting of CAMWS (Kitchener-Waterloo, April 5–8, 2017). Publication of the article is in preparation.
- Braund D.* Georgia in Antiquity: a History of Colchis and Transcaucasian Iberia, 550BC–AD 562. Oxford, 1994.
- Braund D.* Map 84 Maeotis // Map Directory to Accompany Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Ed. R.J.A. Talbert. Princeton, 2000. P. 1201–1212.
- Braund D.* Writing and Re-Writing Colonial Origins // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsetschkladze. Stuttgart, 1998. P. 287–296.
- Braund D.* Pericles, Cleon and the Pontus: The Black Sea in Athens c. 440–421 // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD) / Ed. D. Braund. Exeter, 2005. P. 80–99.
- Braund D.* Clashing Traditions Beyond the Clashing Rocks: (Un)Ethical Tales of Milesians, Scythians and Others in Archaic and Later Colonialism // V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, and A.-I. Pázsint (eds.). Advances in Ancient Black Sea Studies. Historiography, Archaeology and Religion. Cluj-Napoca, 2019. P. 79–108.
- Braund D.* 2021. In What Sense Was the Black Sea Thracian? Reflections on Ethnic Traditions from Thrace to Colchis and the Amazons // V. Cojocaru and A.-I. Pázsint (eds.). Migration and Identity in Eurasia: From Ancient Times to the Middle Ages. Cluj-Napoca 2021. P. 21–42.
- Braund D., Sinclair T.* 1997/2000. Map 87 Pontus-Phasis (1997) // R.J.A. Talbert (ed.). Map by Map Directory to Accompany Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Princeton, 2000. P. 1226–1242.
- Brodersen K.* Terra Cognita: Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim, 1995, 2nd ed. 2003.
- Brodersen K.* Die Tabula Peutingeriana: Gehalt und Gestalt einer “alten Karte” und ihrer antiken Vorlage // D. Unverhau (ed.). Geschichtsdeutung auf alten Karten: Archäologie und Geschichte. Wiesbaden, 2003. P. 289–297.
- Brodersen K.* Mapping (in) the Ancient World // JRS. 2004. 94. P. 183–190.
- Brodersen K.* Mapping Pliny’s World. The Achievement of Solinus // BICS. 2011. 54. P. 63–88.
- Bruneau P.* Phrixos et Helle // LIMC. 1994. 7.1. P. 398–404 (text) and 7.2. P. 332–338 (illustrations).
- Burcu Erciyas D.* Cotyora, Kerasus and Trapezus: The Three Colonies of Sinope // D.V. Grammenos & E.K. Petropoulos (eds.). Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 2. Oxford, 2007. P. 1195–1206.
- Coşkun A.* Das Ende der „romfreundlichen Herrschaft“ in Galatien und das Beispiel einer „sanften Provinzialisierung“ in Zentralanatolien // A. Coşkun (ed.). Freund-

- schaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. v.Chr. – 1. Jh. n.Chr.). Frankfurt, 2008. P. 133–164.
- Coşkun A.* Kastor von Phanagoreia, Präfekt des Mithradates und Freund der Römer // N. Povalachev (ed.). Phanagoreia und darüber hinaus ... – Festschrift für Vladimir Kuznetsov. Göttingen, 2014. P. 131–138.
- Coşkun A.* Heinz Heinen und die Bosporanischen Könige – Eine Projektbeschreibung // V. Cojocar and A. Rubel (eds.). Mobility in Research on the Black Sea (Iaşi, July 5–10, 2015) (Pontica & Mediterranea 6). Cluj-Napoca, 2016. P. 51–72.
- Coşkun A.* Phasian Confusion: Notes on Kolchian, Armenian and Pontic River Names in Myth, History and Geography // Phasis. 2019a. 21–22. P. 73–118 (with maps on pp. 111a, 111b). URL: <http://phasis.tsu.ge/index.php/PJ/issue/view/569>.
- Coşkun A.* The Course of Pharnakes' Pontic and Bosporan Campaigns in 48/47 BC // Phoenix. 2019b. 73.1–2. P. 86–113.
- Coşkun A.* Pontic Athens – An Athenian Emporion in Its Geo-Historical Context // Gephyra. 2019c. 18. P. 11–31. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/gephyra/issue/49781>.
- Coşkun A.* Chersonesos Taurike, Asandros and Rome – A New Interpretation of the Embassy of C. Julius Satyrus to Rome, 46 BC (IOSPE I² 691) // A. Bencivenni, A. Cristofori, F. Muccioli, and C. Salvaterra (eds.). Philobiblos – Scritti in onore di Giovanni Geraci. Milan, 2019d. P. 281–306.
- Coşkun A.* The Date of the Revolt of Asandros and the Relations between the Bosporan Kingdom and Rome under Caesar // M. Nollé, P.M. Rothenhöfer, G. Schmied-Kowarzik, H. Schwarz & H.C. von Mosch (eds.). Panegyrikoi Logoi. Festschrift für Johannes Nollé zum 65. Geburtstag. Bonn, 2019e. P. 125–146.
- Coşkun A.* (Re-) Locating Greek & Roman Cities along the Northern Coast of Kolchis (Gyenos, Dioskourias, Sebastopolis, Pityous and Herakleion). Part I: Identifying Dioskourias in the Recess of the Black Sea // VDI. 2020a. 80.2. P. 354–376. URL: <http://vdi.igh.ru/issues/338?locale=en>.
- Coşkun A.* (Re-) Locating Greek & Roman Cities along the Northern Coast of Kolchis (Gyenos, Dioskourias, Sebastopolis, Pityous and Herakleion). Part II: Following Arrian's Periplus from Phasis to Sebastopolis // VDI. 2020b. 80.3. P. 654–674. URL: <http://vdi.igh.ru/issues/339?locale=en>.
- Coşkun A.* Deiotaros Philorhomaïos, Pontos und Kolchis // A. Coşkun (ed.). Ethnic Constructs, Royal Dynasties and Historical Geography around the Black Sea Littoral. Stuttgart, 2021a. P. 233–263 (with map 2).
- Coşkun A.* Searching for the Sanctuary of Leukothea in Kolchis // A. Coşkun (ed.). Ethnic Constructs, Royal Dynasties and Historical Geography around the Black Sea Littoral. Stuttgart, 2021b. P. 287–318 (with map 4).
- Coşkun A.* Von Mithradates von Kios bis Mithradates V. Euergetes. Kritische Bemerkungen zu Duane Rollers „Empire of the Black Sea“ // Frankfurter elektro-

nische Rundschau zur Altertumskunde. 2021c. 44. S. 1–36. URL: <http://www.fera-journal.eu>.

Coşkun A. Die Teilung ‚Armeniens‘ durch Caesar und die Entstehung ‚Kleinarmeniens‘ // *Orbis Terrarum*. 2021d. 19. P. 65–88.

Coşkun A. Von Amaseia nach Sinope. Die Expansion des Pontischen Reiches unter Pharnakes I. // *Ricerche Ellenistiche*. 2021e. 2. (2022). S. 63–81.

Coşkun A. Akampsis, Boas, Apsaros, Petra, Sebastopolis: Rivers and Forts on the Southern Littoral of Kolchis // J. Boardman, J. Hargrave, A. Avram (+) and A. Podossinov (eds.). *Connecting East and West. Studies Presented to Gocha Tsetskhladze*. Vol. 1. Leuven, 2022a. P. 241–260.

Coşkun A. in preparation 1: Trapezus in Kolchis. Part II: Mytho-Geography in the *Tabula Peutingeriana*.

Coşkun A. in preparation 2: Multiple Aiai in the Black Sea Region: Mythogeography and Identity Constructs on the Margins of the Greek World.

Coşkun A. in preparation 3: Aia-Dioskurias-Sebastopolis-Sukhumi – On the Creation, Recreation, and Relocation of Mythohistorical Roots on the Eastern Coast of the Black Sea.

Coşkun A. in preparation 4: When Was Aia Located in Kolchis? Notes on the Development of the Argonautic Tradition from Homer to ‘Eumelos’ (8th–4th Centuries BC).

Coşkun A. in preparation 5: Stains on the Mytho-Biography of Ino-Leukothea: The Three Wives of Athamas (Nephele, Themisto, Ino) and the Plot against Phrixos Revisited.

Coşkun A., Stern G. Dynamis in Rome? Revisiting the South Frieze of the Ara Pacis Augustae // A. Coşkun (ed.). *Ethnic Constructs, Royal Dynasties and Historical Geography around the Black Sea Littoral*. Stuttgart, 2021. P. 199–230.

Dan A. Le Thermodon, fleuve des Amazones, du Pont-Euxin et de la Béotie: un cas d’homonymie géographique qui fait histoire // V. Naas and M. Mahé-Simon (eds.). *De Samos à Rome: personnalité et influence de Douris*. Paris, 2015. P. 157–193.

Dan A. The Rivers Called Phasis // *AWE*. 2016. 15. P. 245–277.

De Siena A.A. Medea e Medos, eponimi della Media // G. Traina (ed.). *Studi sull’ XI libro dei Geographika di Strabone*. Lecce, 2001. P. 85–94.

Dilke O.A.W. *Greek and Roman Maps*. London, 1985.

Dougherty C. *The Poetics of Colonization: From City to Text in Archaic Greece*. New York, 1993.

Dräger P. *Die Argonautika des Apollonios Rhodios. Das zweite Zorn-Epos der griechischen Literatur*. Leipzig, 2001.

Ehrhardt N. *Milet und seine Kolonien*. 2nd ed. Frankfurt-am-Main, 1988.

Ehrhardt N. Ktistai in den Argonautika des Apollonios Rhodios. Beobachtungen zur Entwicklung von Gründungstraditionen in Kyzikos, Kios, Herakleia Pontike und

- Sinope // *Asia Minor Studien 16: Studien zum antiken Kleinasien*. Bonn, 1999. S. 23–46.
- Fellmeth U.* Tabula Peutingeriana // BNP online. 2006.
- Freber P.-S.G.* Der hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar. Stuttgart, 1993.
- French D.* Roman Roads and Milestones. Vol. III.2: Galatia. Ankara, 2012; Vol. III.5: Asia. Ankara, 2014.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. 2nd ed. Berlin, 1971.
- Gantz T.* Early Greek Myth. A Guide to Literary and Artistic Sources. Baltimore, 1993.
- Gelzer M.* Caesar. Der Politiker und Staatsmann. Stuttgart, 1921, 6th ed. Wiesbaden, 1960.
- Heinen H.* Trier und das Trevererland in römischer Zeit. Trier, 1985, revised repr. 1988.
- Heinen H.* Mithradates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von *Bellum Alexandrinum* 78 // R. Günther & S. Rebenich (eds.). *E fontibus haurire. Beiträge zur römischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften* (=FS H. Chantraine). Paderborn, 1994. S. 63–79.
- Heinen H.* La tradition mithridatique des rois du Bosphore, de Rostovtzeff à l'historiographie soviétique // J. Andreau and W. Berelowitch (eds.). *Michel Ivanovitch Rostovtzeff*. Bari, 2008. P. 137–152.
- Heinen H.* Kaisareia und Agrippeia: das Tor zur Maiotis als augusteisches Monument // N. Povalachev and V. Kuznetsov (eds.). *Phanagoreia und seine historische Umwelt. Von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v.Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n.Chr.)* (*Altertümer Phanagoreias* 2). Göttingen, 2011. S. 225–240.
- Hind J.G.F.* Milesian and Sinopean Traders in Colchis (Greeks at Phasis and the Ransoming of Shipwrecked Sailors) // G.R. Tsetskhladze (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of Archaeology and Ancient History*. Oxford, 2012. P. 105–108.
- Irby G.L.* The Politics of Cartography: Foundlings, Founders, Swashbucklers, and Epic Shields // D.W. Roller (ed.). *New Directions in the Study of Ancient Geography*. 2019a. P. 80–102.
- Irby G.L.* Tracing the Orbis Terrarum from Tingentera // D.W. Roller (ed.). *New Directions in the Study of Ancient Geography*. 2019b. P. 103–134.
- Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Brussels, 1967.
- Keyßner K.* Phrixos (1) // RE. 1941. 19.1. Sp. 763–769.
- Kramer J.* Der Name der Stadt Trier // J. Kramer. *Lateinische Wortgeschichten* / Ed. by M. Frings. Stuttgart, 2012. S. 35–45.
- Licheli V.* Geoarchaeology of Phasis (Georgia) – Géoarchéologie du Phasis (Géorgie) // Méditerranée. 2016. 126. P. 119–128.
- Lordkipanidze O.* Das alte Georgien (Kolchis und Iberien) in Strabons Geographie. Neue Scholien / Deutsch von Nino Begiaschwili. Amsterdam, 1996.

- Lordkipanidze O.* Phasis. The River and the City. Stuttgart, 2000.
- Lovatt H.* In Search of the Argonauts. The Remarkable History of Jason and the Golden Fleece. London, 2021.
- Mamuladze S., Kakhidze E.* The Main Results of the Archaeological Excavations Conducted at the Fort of Gonio-Apsarus in 2015 // J. Boardman, A. Avram, J. Hargrave and A. Podossinov (eds.). Connecting East and West. Studies Presented to Prof. Gocha R. Tsetskhladze. Leuven, 2022. P. 553–573.
- Manoledakis M.* Ionians in the Southern Black Sea Littoral // G.R. Tsetskhladze (ed.). Ionians in the West and East. Proceedings of an International Conference ‘Ionians in the East and West’, Museu d’Arqueologia de Catalunya-Empúries, Empúries/L’Escala, Spain, 26–29 October, 2015. Leuven, 2022. P. 895–914.
- Marek C.* Städte, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia. Tübingen, 1993.
- Marek C.* Geschichte Kleinasiens in der Antike. München, 2010.
- MacDonald D.* An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosphorus. Including the Coinage of Panticapaeum (with “Apollonia” and “Myrmecium”), Phanagoria, Gorgippia, Sindicus Limen or the Sindoi, Nymphaeum, Theodosia, and the Kings of the Cimmerian Bosphorus. Lancaster, 2005.
- Miller K.* Die Weltkarte des Castorius genannt Die Peutingersche Tafel. Stuttgart, 1887. URL: https://www.tabula-peutingeriana.de/sources.html?typ=k_miller.
- Miller K.* Itinera Romana. Stuttgart, 1916.
- Müller C.* Migration et mémoire: Milet et ses apoikiai à l’époque hellénistique // G.R. Tsetskhladze (ed.). Ionians in the West and East. Proceedings of an International Conference ‘Ionians in the East and West’, Museu d’Arqueologia de Catalunya-Empúries, Empúries/L’Escala, Spain, 26–29 October, 2015. Leuven 2022. P. 333–360.
- Payen G.* Dans l’ombre des empires. Les suites géopolitiques du traité d’Apamée en Anatolie. Québec, 2020.
- Podossinov A.V.* Bithynia, Paphlagonia and Pontus on the Tabula Peutingeriana // G.R. Tsetskhladze (ed.). The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of Archaeology and Ancient History. Oxford, 2012. P. 203–206.
- Podossinov A.V.* How the Ionians Saw the Black Sea at the Beginning of Colonisation // G.R. Tsetskhladze (ed.). Ionians in the West and East. Proceedings of an International Conference ‘Ionians in the East and West’, Museu d’Arqueologia de Catalunya-Empúries, Empúries/L’Escala, Spain, 26–29 October, 2015. Leuven, 2022. P. 751–764.
- Roller D.W.* Ancient Geography. The Discovery of the World in Classical and Rome. London, 2015.

- Roller D.W.* A Historical and Topographical Guide to the Geography of Strabo. Cambridge, 2018.
- Ruge W.* Trapezus (2) // RE. 1937. 6A. Sp. 2214–2221.
- Shlotzhauer U., Zuravlev D., Dan A., Gehrke H.-J., Kelterbaum D., and Mommsen H.* Interdisziplinäre Methoden in der Landschaftsarchäologie und andere Archäometrische Untersuchungen am Beispiel der Griechischen Kolonisation im Nordpontus // V.I. Molodin and S. Hansen (eds.). Multidisciplinary Approach to Archaeology: Recent Achievements and Prospects. Proceedings of the International Symposium “Multidisciplinary Approach to Archaeology: Recent Achievements and Prospects” (June 22–26, 2015, Novosibirsk). Novosibirsk, 2017. S. 392–404.
- Schmitt T.* Wege nach Dioskurias // E.S. Danilov, R.M. Frolov, and O.G. Cymbal (eds.). Tsari. Magistraty. Imperatory. Sbornik statej po istorii gosudarstvenno-pravovogo ustrojstva i političeskoj kul'tury drevnich obščestv, posvjaščennyj jubileju Very Viktorovny Dement'evoj. Jaroslavl', 2022. S. 14–44.
- Seck O.* Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n.Chr. Stuttgart, 1919.
- Sens U.* Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste. Langenweißbach, 2009.
- Sørensen S.L.* 2016. Between Kingdom and koinon. Neapolis/Neoklaudiopolis and the Pontic Cities. Stuttgart.
- Sweeney M.* Foundation Myths and Politics. Cambridge, 2013.
- Talbert R.J.A.* (ed.) Barrington Atlas of the Greek and Roman World Princeton, 2000.
- Talbert R.J.A.* Rome's World. The Peutinger Map Reconsidered. Cambridge, 2010.
- Tausend K.* Das Prosodion des Eumelos. Literarische Propaganda und politische Identitätsstiftung im 4. Jh. v.Chr. // Historia. 2012. 61. S. 66–77.
- Tröster M.* Lucullus, His Foreign Amici, and the Shadow of Pompey // Altay Coşkun (ed.). Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat. Göttingen, 2005. P. 91–111.
- Tsetsckhladze G.R.* Die Griechen in der Kolchis. Amsterdam, 1998.
- Tsetsckhladze G.R.* The Colchian Black Sea Coast: Recent Discoveries and Studies // M. Manoledakis, G.R. Tsetsckhladze & I. Xydopoulos (eds.). Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral. Leuven, 2018. P. 425–446.
- Tsetsckhladze G.R.* Ionians in the eastern Black Sea littoral (Colchis) // G.R. Tsetsckhladze (ed.). Ionians in the West and East. Proceedings of an International Conference ‘Ionians in the East and West’, Museu d'Arqueologia de Catalunya-Empúries, Empúries/L'Escala, Spain, 26–29 October, 2015. Leuven, 2022. P. 915–975.
- Uhden R.* Bemerkungen zum römischen Kartenfragment von Dura Europos // Hermes. 1932. Bd. 67. S. 117–125.
- Vitale M.* Eparchie und Koinon in Kleinasien von der ausgehenden Republik bis ins 3. Jh. n.Chr. Bonn, 2012.

- Waterford R., Rood T.* Xenophon, The Expedition of Cyrus. Oxford, 2005.
- West M.L.* ‘Eumelos’: A Corinthian Epic Cycle? // JRS. 2002. Т. 122. Р. 109–133.
- West S.* “The Most Marvellous of All Seas”: the Greek Encounter with the Euxine // Greece & Rome. 2003. Т. 50. Р. 151–167.

Алтай Чошкун

ТРАПЕЗУНТ В КОЛХИДЕ

Часть I. Возникновение Певтингеровой карты при Юлии Цезаре

Греческая колония Трапезунт расположена в понтийской Малой Азии в юго-восточной оконечности черноморского побережья, но Певтингерова карта локализует его на северо-восточном побережье. Александр Подосинов недавно доказал, что эта ошибка восходит к морской кампании Марка Агриппы в 14 г. до н.э. Этот сподвижник Августа написал географические заметки, на которых была основана карта в Портике Випсания в Риме. Но с географией Черного моря Агриппа, вероятно, был знаком гораздо лучше. Плиний приписывает ему серьезные знания Понта Эвксинского, особенно его западного и северного побережья, что не сочетается с пробелами в картине Черного моря на Певтингеровой карте, куда не попали даже два таких крупных города, как Пантикапей и Фанагория, а хуже всего то, что Меотида предстает внутренним озером, не имеющим выхода в море. Во всяком случае, Агриппа, вероятно, знал о карте, создание которой началось при Юлии Цезаре, но которая была завершена только между 30 и 20 г. до н.э. Эта новая информация еще не была доступна ни самому Цезарю, ни его штабу, когда он составлял план внезапной Парфянской кампании в 44 г. до н.э., не вполне ознакомившись с географией Черного моря. Таким образом, последняя фаза диктатуры Цезаря могла бы образовать контекст первого, беспорядочного, с белыми пятнами, но всё равно в высшей степени надежного итинерария, нанесенного на карту всего известного тогда мира, которая постепенно превратилась в Певтингерову карту. На протяжении последующих пяти веков одни ее части подвергались пересмотру, а другие (вроде северного побережья Черного моря) нет.

Ключевые слова: Певтингерова карта, Трапезунт, Цезарь, Агриппа, Черное море, деятельность римлян на Понте

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-377-400

Manolis Manoledakis

THE SOUTHERN BLACK SEA IN PTOLEMY'S *GEOGRAPHY*

Ptolemy stands out among the ancient geographers as one of the most prominent ones and certainly the most influential one throughout the history of cartography that followed his era. Geographical research, which had displayed significant achievements by his time, culminated with his celebrated *Geography*, a methodologically trustworthy work, the first preserved one providing co-ordinates for thousands of places around the then known world. In this paper we will focus on the way in which the southern Black Sea appears in the Ptolemaic record. We shall deal with the coast's division into provinces, the references to indigenous peoples, as well as all the places, both settlements and geographical features, which are listed in the relevant chapters of the *Geography* with their co-ordinates, highlighting the strengths and weaknesses of this treatment. We will finish with a short evaluation of the way in which the area under study is presented in the Ptolemaic record. In this evaluation several characteristics of the Ptolemaic work should be taken into consideration: First of all, we cannot say for sure which parts of the text that is preserved today do indeed belong to Ptolemy, since some data might have undergone changes or corrections in several periods of time. Besides, the *Geography* has been preserved and transmitted to us through several codices from the 13th to 15th centuries, and there are numerous cases where these do not agree with each other on a place's co-ordinates, exact name or other details. Finally, we should always keep in mind that Ptolemy's *Geography* is a general geographical work dealing with the whole Oecumene without the intention to deal more thoroughly with a specific area, such as the Black Sea. All these notwithstanding, our examination shall confirm that Ptolemy's *Geography* is still a valuable geographical work that fully justifies its enormous impact on later geographers and cartographers.

Keywords: Ptolemy, ancient geography, ancient cartography, southern Black Sea, geographers, north Anatolia

Introduction

Claudius Ptolemaeus (Ptolemy) undoubtedly stands out among the ancient geographers as one of the most prominent ones and certainly the most influential one throughout the history of cartography that followed his era. Geographical research, which had displayed significant achievements by his time

(AD 90–168), culminated with his celebrated work *Geographike Hyphegesis* or, more simply *Geography*. *Geography* is actually a list of about 8000 places (settlements as well as geographical features) covering the entire known world, accompanied with their co-ordinates, with the final object being the construction of a world map. Although Ptolemy was not the first to have used co-ordinates, his work happens to be the earliest preserved one of its kind, and therefore inspired all the later important European cartographers.

Nevertheless, *Geography's* significance does not lie merely in the fact that it displays co-ordinates, but also in the reliability of his author's methodology, as this is described in the first of the work's eight books. Ptolemy followed a long tradition of great geographers, which goes back as at least as far as Eratosthenes, and living in Alexandria, he had access to a huge variety of works.

Ptolemy made clear that, in order to draw a world map, as close to reality as possible, it would be necessary to make a systematic investigation. This required the collection of all knowledge available to the cartographer from reports by people with scientific background who had travelled around the world. The cartographer then should study and compare these reports with his own data, mainly topographic and astronomic observations and measurements (1.2.2). Thus, Ptolemy followed the most recent reports by travellers and geographers, especially Marinus of Tyre, and was careful in distinguishing the reliable information from the unreliable. He corrected the latter, crosschecking them with the help of astronomical observations, and determined the place of each region, giving lists of spherical coordinates (longitude – latitude) in degrees and primes (with a five primes resolution) for a great number of cities and other geographical entities that, according to him, deserved representation on a world map. As Ptolemy stated, he made sure to determine the position of each place and region “with respect to each other and to the whole Oikoumene” (1.19.3), while he also mentioned some nations inhabiting each region (1.19.1–2)¹.

For these reasons, examining the way in which a region appears in the Ptolemaic work is a quite interesting task, all the more so since Ptolemy lived in a period of time in which many geographical works had already appeared. It is noteworthy that those which were reportedly used by Ptolemy, like the ones by Hipparchus and Marinus, have not survived. On the contrary, as regards other works that did survive, like those of Menippus, Strabo, Pomponius Mela, and especially the Ptolemy's contemporary Arrian, one cannot easily assert whether they were used by Ptolemy or not; most of them probably not. Nevertheless, the data provided by these latter texts, particularly the most

¹ About Ptolemy's *Geography* and the geographer himself see more recently and indicatively Dilke 1987; Lennart Berggren and Jones 2000; Stückelberger 2000. P. 185–208; Stückelberger and Grasshoff 2006; 2009, with the previous bibliography; Jones (ed.) 2010.

trustworthy among them, as the *Periplus* by the eyewitness Arrian, can be used to crosscheck the Ptolemaic data.

In any case, the high number of sites listed in the *Geography*, followed by their co-ordinates, namely an in principle objective measure for their spatial relation to each other, combined with the division into provinces, constitute a quite good source for the geographical examination of a region in the second century AD². The region which we shall be examining in this paper is the southern Black Sea; a region that was contemplated by several *Periploi* compilers, as a coastal one, but also by Strabo, who was born and lived in the area, and thus what he wrote on it was based on first-hand knowledge and observation as well as on personal access to archives and other sources of information, as becomes evident from some of his references (Tozer 1971. P. 258; Dueck 2000. P. 4–5, 185).

Ptolemy's data

Let us first see what exactly Ptolemy records about the southern Black Sea. It must be noted that the coast is not treated as a unity, as would be the case, for example, in *Periploi*. Ptolemy deals with Asia Minor in his fifth book, in the “first map of Asia”. He divides it into areas and deals with them by following strips of a north-south direction, from west to east. Thus the order followed is Pontus and Bithynia (Ptol. 5.1), “Asia Proper” (5.2), Lycia (5.3), Galatia (5.4), Pamphylia (5.5), Cappadocia (5.6), Armenia Minor (5.7) and Cilicia (5.8) (Fig. 1a)³. The three of these regions that border the Black Sea (Pontus and Bithynia, Galatia and Cappadocia) are described from the coast to the hinterland (north-south). This means that the southern Black Sea coast is treated in three different parts of Book 5: the coastal part of Pontus and Bithynia, from the Bosphorus as far as Cytoron in 5.1.5–7; that of Galatia, as far as Amisos in 5.4.2–3; and that of Cappadocia, as far as the Apsorros river and the ambiguous case of Sebastopolis in 5.6.2–7 (see below).

² And not earlier. Ptolemy was not interested in presenting historical data (see more below and in Ptol. 1.19.2).

³ It must be stressed that, although Ptolemy gave detailed directions concerning the creation of a map of the *Oecoumene* in his *Geography*, it is doubtful that he ever made a map himself. The earliest so-called “Ptolemaic” maps are those that accompany some of the earlier (Mediaeval) manuscripts of the *Geography*. Besides, it is noteworthy that among all these later maps, even those of specific regions, we find no one that contains all the places of the displayed region that were mentioned in the Ptolemaic record. The first such maps are those of the 2006 edition of Stückelberger and Grasshoff, who have created maps with all the places mentioned by Ptolemy, put in graticules according to his co-ordinates, with all the uncertainties that for the rest the drawing of such maps would entail (see Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 34, 37–38, 44–45). The map depicted here is a detail from their reconstructed “Asia’s map 1” (Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 846–847).



Fig. 1a. Reconstruction of Ptolemy's "Asia's map 1", after Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 846–847.

In all three chapters, the first paragraph (5.1.1; 5.4.1; 5.6.1) is dedicated to a brief description of the general borders of the region, in one of the rare cases of short texts (not in the form of lists with names and co-ordinates) in the *Geography*. Only in the first instance, there are also paragraphs (5.1.2–4) dedicated to the western coast, that of the Propontis. Similarly, in all three chapters, the description of the coast is followed by that of the hinterland, the reference to the most noteworthy mountains of each region, while some of the indigenous peoples are also mentioned (e.g. in 5.1.11; 5.4.5; 5.6.2; 5.6.6). In the case of Pontus and Bithynia in particular, 5.5.15 is dedicated to the islands of the region, which for the rest are absent from the Black Sea⁴.

To focus on the coast, in the following table all the coastal places mentioned in the *Geography* appear, from west to east, according to the co-ordinates provided in the Ptolemaic record⁵. As we shall see later on, some of the sites might be in a wrong spatial relation with each other, but here Ptolemy's geographical order is kept. Unlike the western boundary of the coast, which is formed by the Bosphorus straits, the eastern one cannot be easily defined, since the coastline describes a smooth curve to the north. But since an eastern boundary there must be, we follow here Ptolemy's division into regions and finish with the mouth of the river Apsorros, which forms the border between Cappadocia and Colchis (see also Fig. 1b).

⁴ For Ptolemy's omission of the Island of Ares in Cappadocia, see below.

⁵ The co-ordinates can be seen in Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 480–484, 502–504, 512–516. On cases of different co-ordinates given by different manuscripts see below, in the last chapter.

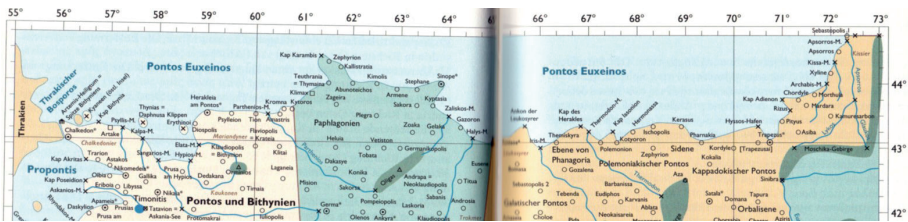


Fig. 1b. The southern Black Sea coast, according to the Ptolemaic record.
Detail from Figure 1a.

Nr.	Name	Region	Category	Location
1	Bithynias akra	Pontus and Bithynia	cape	Karaburun
2	Artake	Pontus and Bithynia	settlement	Şile
3	Psillis	Pontus and Bithynia	river	Ağva/Koca Creek
4	Calpe	Pontus and Bithynia	river	Sarısu Stream
5	Thynias/ Daphnousia	Pontus and Bithynia	island	Kefken Island
6	Sangarios	Pontus and Bithynia	river	Sakarya
7	Erithynoi	Pontus and Bithynia	reefs	off the coast of Çakraz
8	Hypios	Pontus and Bithynia	river	Büyükmelan Stream
9	Elata	Pontus and Bithynia	river	Kocaman Stream
10	Diopolis	Pontus and Bithynia	settlement	Akçakoca
11	Heraclea	Pontus and Bithynia	settlement	Ereğli
12	Psylleion	Pontus and Bithynia	settlement	Eren Port

13	Tion	Pontus and Bithynia	settlement	Filyos
14	Parthenios	Pontus and Bithynia	river	Bartın
15	Amastris	Pontus and Bithynia	settlement	Amasra
16	Cromna	Pontus and Bithynia	settlement	Tekkeönü or Kurucaşile
17	Cytoron	Pontus and Bithynia	settlement	Gideros
18	Climax	Galatia	settlement	Şehriban Beach, Sakallı
19	Teuthrania/ Thymaina	Galatia	settlement	Çayyaka
20	Carambis	Galatia	cape	Kerempe
21	Zephyrion	Galatia	settlement	Doğanyurt
22	Callistratia	Galatia	settlement	Marçula Koyu
23	Abonou Teichos	Galatia	settlement	İnebolu
24	Kimolis	Galatia	settlement	Ginolu
25	Armene	Galatia	settlement	Hamsilos, Aklıman
26	Stephane	Galatia	settlement	Istifan, Çaylıoğlu
27	Sinope	Galatia	settlement	Sinop
28	Cyptasia	Galatia	settlement	Demirciköy Limanı
29	Zaliscus	Galatia	river	Uluçay
30	Gazonon	Galatia	settlement	unknown
31	Halys	Galatia	river	Kızılırmak
32	Amisos	Galatia	settlement	Samsun
33	Ancon of the Leucosyroi	Cappadocia	settlement	at the outlet of the Yesil River
34	Iris	Cappadocia	river	Yeşilirmak

35	Themiscyra	Cappadocia < Pontus Galaticus	settlement	Terme, or close to it
36	Heracleous Akron	Cappadocia < Pontus Galaticus	cape	close to Amazon Tabiat Parkı
37	Thermodon	Cappadocia < Pontus Polemoniacus	river	Terme
38	Polemonion	Cappadocia < Pontus Polemoniacus	settlement	Bolaman
39	Iasonion	Cappadocia < Pontus Polemoniacus	cape	Yason Burnu
40	Cotyoron	Cappadocia < Pontus Polemoniacus	settlement	Ordu
41	Hermonassa	Cappadocia < Pontus Polemoniacus	settlement	Akçaabat
42	Ischopolis	Cappadocia < Pontus Cappadocicus	settlement	Bulancak
43	Kerasous	Cappadocia < Pontus Cappadocicus	settlement	Giresun
44	Pharnakia	Cappadocia < Pontus Cappadocicus	settlement	close to Giresun
45	Hyssou Limen	Cappadocia < Pontus Cappadocicus	settlement	Araklı
46	Trapezous	Cappadocia < Pontus Cappadocicus	settlement	Trabzon

47	Pityous	Cappadocia < at the Kissioi	settlement	Of
48	Rhizous	Cappadocia < at the Kissioi	settlement	Rize
49	Adienon or Athenon Akron	Cappadocia < at the Kissioi	cape	close to Pazar
50	Chordyle	Cappadocia < at the Kissioi	settlement	unknown (between Çayeli and Pazar?)
51	Morthoula	Cappadocia < at the Kissioi	settlement	Fındıklı
52	Archabis	Cappadocia < at the Kissioi	river	Orçi Stream
53	Xyline	Cappadocia < at the Kissioi	settlement	Sugören or Hopa
54	Kissa	Cappadocia < at the Kissioi	river	Hopa Stream
55	Apsorros	Cappadocia	settlement	Gonio
56	Apsorros	Cappadocia	river	Chorokhi River

Table 1. List of settlements and geographical features of the southern Black Sea mentioned in the Geography.

Apparently, several observations and remarks can be made on the list. To start with the most basic of them, Ptolemy mentions totally 56 places on the southern Black Sea coast, of which 36 are settlements. From the 20 geographical features, we count five capes, thirteen rivers and two islands. Ptolemy mentioned also three wider provinces and four sub-provinces, as well as six indigenous peoples, which we shall be dealing with later on.

Division into provinces and regions

The division into provinces is one of the aspects of Ptolemy's work that deserve some attention. Generally, the division into provinces is a weak point for many geographers of the Roman period. It may be that most of them were influenced by certain historical sources or by each other, that they were giving geographic rather than political/administrative names, or that they were simply misinformed (Manoledakis 2022a). Actually, most of them do not seem

to have laid much stress on this matter. Ptolemy on the other hand appears to have been more interested in dividing the world – at least, in our case, the southern Black Sea littoral – into provinces and districts, but his division again displays some problems, since it does not correspond to the division of a specific period, Ptolemy's or any previous one.

The western part of the littoral as far as Amisos is divided between Pontus and Bithynia and Galatia. Their border appears to be between the cities of Cytoros and Climax. Thus Galatia possesses the coast between Climax and Amisos, which is one of the most surprising elements of the whole map. The eastern part of the littoral belongs to Cappadocia. The relevant chapter is divided into six paragraphs dedicated to the small parts of the Leucosyroi, around the Iris estuary (5.6.2), and Pontus Galaticus, around the Cape of Heracles (5.6.3), as well as the larger parts of Pontus Polemoniicus, up to the area between Cotyora and Ischopolis (5.6.4), and Pontus Cappadocicus, up to the east of Pityous (5.6.5). A quite long land is also attributed to the Kissioi (5.6.6), as far as the Apsorros and the homonymous city, which are given a separate paragraph (5.6.7).

Ptolemy's confusion might have been due to the different names and borders of vassal kingdoms and provinces in northern Anatolia throughout the Roman period. Right after his victory over Mithridates VI, Pompey had created the expanded province of Pontus and Bithynia, which reached to the east the area to the east of Amisos, and had given Galatia and part of the coast to the east to Deioterus (Strab. 12.3.13; Dio Chr. 41.63; 42.45). Similarly, a couple of decades later, Marcus Antonius gave Pontus to the east of Amisos to Polemon (hence the name Pontus Polemoniicus) and Cappadocia to Archelaus. Paphlagonia – as an administrative and not cultural region (Manoledakis 2021. P. 171, n. 39) – was restricted on the mountains to the south of the coast and north of Galatia. Galatia was annexed in 26/25 BC by Augustus. A bit later, in 6 BC, Galatia annexed Paphlagonia and, three years later, its northern part, around Amaseia, Sebastopolis and Sebasteia – the latter called Pontus Galaticus (Marek 1993. P. 55–56). In AD 17, under Tiberius, Cappadocia (Ptolemy's Pontus Cappadocicus) was also annexed to the Empire, as was Pontus Polemoniicus in 64, under Nero. Whether Pontus Polemoniicus was integrated to the province of Galatia (Sartre 1991. P. 44, 259) or to that of Cappadocia (Marek 1993. P. 62, n. 421; Burrell 2004. P. 205) remains obscure, but Ptolemy's data confirms the latter. In AD 72 Cappadocia annexed Armenia Minor and Vespasian created a new province by uniting Galatia and Cappadocia. Finally, between 107 and 113, Trajan divided the two provinces again, and the two regions, Pontus Galaticus and Pontus Polemoniicus, went with Cappadocia, as we meet them in Ptolemy⁶.

⁶ For the history of the Roman provinces in Anatolia, until as well as after Ptolemy's time, see Sartre

Consequently, a map showing the provinces as described by Ptolemy is a creation that – as regards the eastern half of the coast – synchronizes divisions of different periods that preceded the geographer (Marek 1993. P. 79–80): those of Augustus (Galatia including Paphlagonia), Tiberius (Pontus Galaticus with Amaseia and Cappadocia with Pontus Cappadocicus), Nero (Pontus Polemoniacus in Cappadocia, but Pontus Galaticus in Galatia and not in Cappadocia as in Ptolemy) and – after Vespasian’s unification break – Trajan. According to the available historical evidence, Ptolemy’s division into provinces was not valid in any period. Especially as far as the western half of the littoral is concerned, the attribution of the coast to the north of Paphlagonia as far as Amisos to Galatia is totally fictitious, since the specific coast seems to have never belonged to Galatia before the Severan period, which followed Ptolemy’s death (Marek 1993. P. 72–73). The placement of borders to the east of Amisos may be correct, but the borders separated Cappadocia from Pontus and Bithynia, not Galatia⁷.

This mistake might well be due to the fact that the Paphlagonians, a quite well-known and culturally influential people throughout antiquity, always dominated the coast⁸. Indeed, Paphlagonia appears as a coastal province in many other Roman geographers. In view of this, Ptolemy, knowing that Paphlagonia belonged to Galatia, probably presumed that Galatia bordered the Black Sea. But in our case, of course, we deal with the administrative and not ethnic or cultural borders, and Paphlagonia as an administrative district did indeed belong to Galatia but not possess part of the Black Sea coast before the Severan period. The coastal strip to the north belonged to Pontus and Bithynia.

Worth noting are also the paragraphs of the chapter of Cappadocia that mention the lands of the Leucosyroi and the Kissioi. Unlike the other paragraphs and chapters, they are not named after a province, but after two of the indigenous peoples of the littoral. And while the Leucosyroi had always been a well-known people (Manoledakis 2022b. P. 133–154), this is not the case with a people called Kissioi in the specific part of the world. The only Kissioi known are the Elamite inhabitants of Susiana, far away from our area of interest, where the only relevant name is that of the river Kissa. The latter is, however, quite far from Trapezous and Pityous, between which the territory of Ptolemy’s Kissioi appears to have had its western border. Besides, we would expect the sites included in this territory to have been included in Pontus Cappadocicus.

1991. P. 14–54, 258–261; Marek 1993; 2003. P. 45–47; 2010. More bibliography in Burrell 2004. P. 205–206.

⁷ At least, Ptolemy is the only geographer who correctly mentioned the province of Cappadocia (Jones 1971. P. 181–184).

⁸ As also Ptolemy’s words a bit later indicate (5.4.5). See also below.

One could claim here that each paragraph is not necessarily dedicated to a different region. This may be true, judging by the division into paragraphs in the other two chapters we are dealing with here (Pontus and Bithynia, and Galatia); a division that does not allow a clear explanation. However, the titles of the three previous paragraphs (5.6.3–5) dispose us to expect a title referring to a province as well (the paragraphs in the two other chapters do not have titles). Moreover, whatever the case with Ptolemy's Kissioi may have been⁹, their territory cannot have almost reached Trapezous to the west. The choice of a people for the title of a paragraph is in itself strange, as is the case with the Leucosyroi, to whom an anyway very small area is attributed. The only explanation I can think of is again the continuously changing borders of the provinces in Anatolia in the Roman period, which might have been causing some uncertainty or even confusion to Ptolemy – his target was, after all, not concentrated on the definition of the administrative borders in different parts of the world, and even most of his (at least geographical) sources might well have been in a confusion or discrepancy with each other as regards the specific matter.

The existence of the last paragraph (5.6.7) might also be considered as an indication of confusion. Without a title, this paragraph mentions the river Apporros and the homonymous city, and thus brings us to the north-east borders of Cappadocia, and in specific Pontus Cappadocicus, with Colchis, which by the way should also belong to Cappadocia, into which it had been incorporated under Trajan. There we meet a city called Sebastopolis (5.6.7), which constitutes an interesting case we shall deal with later on.

References to peoples

Ptolemy does not lay much stress on mentioning the peoples that inhabited the southern Black Sea littoral, contrary to other areas. Actually, once again, there are some remarks that can be made in this respect. Already at the western end of the coast we encounter the Chalcedonioi, who are reported to have possessed the coast from the Bopsorus to the river Hypius (5.1.11). This was actually the coastal territory of the Bithynians and such an identification of the Chalcedonioi with the Bithynians is unprecedented in the preserved ancient literature, where Chalcedonioi are called only the inhabitants of Chalcedon or its vicinity, including Byzantium (see, e.g., the *Suda*, s.v. Χαλκηδόνιοι; Nicephorus Blemmydes *Conspectus geographiae* 464.2.44–45). The city lay indeed within Bithynian territory,¹⁰ but would this be enough to explain Ptolemy's unique

⁹ Probably considered as a people that inhabited the area around the Kissa, but again, totally absent from any other source. According to Cramer (1832. P. 295), Ptolemy might refer to the Zygoi (Strabo 11.2.1), but this would take us even further east-northeast.

¹⁰ Bithynia's southern borders must have included the peninsula created between the Black Sea, the Bosphorus and the Olbian gulf (the Gulf of Nicomedia: Pseudo-Scylax 92. See e.g. Stephanus of Byzantium, s.v. Ἀστακός; Νικομήδειον; Χρυσόπολις), as well as the next peninsula to the south, covered by

designation of the Bithynians as Chalcedonioi? And why would he not use the name Bithynians, which was always used both before and after him?

Although not directly related to this issue, we could mention Eustathius' words in his Commentary on the *Orbis descriptio* by Dionysius periegetes (Comm. ad Dion per. 805) that after the Chalcedonioi Chalcideis lived the Bebryces¹¹. Eustathius wrote the specific commentary in order to deal with the Bebryces and not the Chalcedonioi, hence the verse 805 of the *Orbis descriptio*, which mentions the Bebryces. However, two verses before, Dionysius had indeed mentioned the Chalcideis. The whole passage is as follows: "The Chalcideis first of all inhabit the land near the mouth, looking at the soil of Byzantium on the opposite coast. After them are the Bebryces and the mountains of the Mysian land" (*Orb. descr.* 803–805)¹². Probably, the confusion started from Dionysius, who called the people of Chalcedon Chalcidians instead of Chalcedonians (no Euboean colony was ever mentioned in the specific area). His work is dated from *ca.* 120 and thus could have been read by Ptolemy, who wrote his Geography *ca.* 150. Knowing that Chalcedon was there he corrected the name to Chalcedonians, although still erroneously identifying them with the Bithynians. Eustathius, confused by both works, provided us with the all-inclusive and rather weird "Chalcedonians Chalcidians".

Nevertheless, the border between these Chalcedonioi and the Mariandynoi (the Hypius) is correct, if it is indeed the Bithynians that are meant under the former's name, and coincides with the data provided by Pseudo-Scylax (Periplus 91)¹³. Here we have the only clear reference in the passages of Ptolemy we are dealing with to two neighbouring peoples with their border¹⁴.

Of special interest is Ptolemy's reference to the Caucones¹⁵, to the south of Mt Orminion (5.1.11), which can be identified with the Koroğlu Mountains. First of all, the specific inland placement of the Caucones is mentioned by no one else in the entire body of ancient literature, where the specific people are always mentioned as having lived on the Black Sea coast around the Parthe-

Mt Argantheion. The border proceeded eastward to Lake Ascania, Nicaea (Menecrates in Plutarch Theseus 26; Pliny NH 5. 43), the land to the north of Mt Olympus (Strabo 12.4.10, 8.1, 8.8, 8.10; Constantine Porphyrogenitus De thematibus Asia 4.13; Nicephorus Blemmydes Conspectus geographiae 465.1.2–4) and the southern course of the Sangarius, which ran parallel to the sea (Strabo 12.5.2; Pliny NH 5.43).

¹¹ Ὅτι μετὰ τοὺς Χαλκηδονίους Χαλκιδέας οἱ Βέβρυκες κείνται.

¹² Χαλκιδέες μὲν πρῶτα παρὰ στόμα γαῖαν ἔχουσιν, οὐδας ἕς ἀντιπέρην Βυζάντιον εἰσορόοντες· Βέβρυκες δ' ἐπὶ τοῖσι καὶ οὖρα Μυσίδος αἴης...

¹³ The Sangarius has also been mentioned as the natural border between Bithynia and the Mariandynoi (Strabo 12.3.7; contra Arrian Alexandri Anabasis 1.29; Arrian, in Eustathius Comm. in Dion. Per. 793 and Comm. ad Hom. II. 2.754, who included the river in Bithynia). The two rivers are actually not far from each other and the small discrepancy could even be due to occasional shifts of the border.

¹⁴ For the Mariandynoi, see most recently Manoledakis 2022b. P. 89–102, with bibliography.

¹⁵ Or Cycones or Cyllones in some manuscripts.

nus. And secondly, one would rather not expect this people to have been mentioned by Ptolemy at all.

The geographer had pointed out in his first book that he would refer to the most significant nations inhabiting each region, always aiming to create a useful map (1.19.2) – for his contemporaries and not a historical one. There is no hint in his introduction that he was interested in writing history. Nonetheless, the Caucones constitute a nebulous case of people, whose very existence is obscure and who, even if they had existed, must have disappeared many centuries before Ptolemy.

The Caucones are practically known thanks to their mention in the *Iliad* (10.429; 20.329), where they are reported by Homer to have fought in the Trojan War on the Trojan side. Afterwards, only Strabo and, according to him, Callisthenes mentioned them, and only on the occasion of their examination of the Homeric work. However, Strabo did not manage to draw a firm conclusion about the Caucones' existence. It is indeed noteworthy that this people was never mentioned by any other known ancient author, whether historian or geographer or even poet or mythographer, for example Apollonius, who speaks of several peoples on the southern Black Sea coast¹⁶.

All the obscurities and disagreements surrounding them do indeed make us doubtful of their precise geographic location and even of their very existence¹⁷. Like the Leleges and the Pelasgians, it seems that the Caucones might have belonged to those very ancient peoples for which things were not perfectly clear after the Archaic period. The several theories about them might have been encouraged by some sporadic reminiscence or remaining traces of them, or perhaps even claims by later inhabitants here and there. Some of these theories may have contained elements of fiction, but the Caucones themselves need not necessarily have been fictitious (*cf.* Strabo 8.3.17; 12.3.5). Whatever the case may have been, Ptolemy's reference to the Caucones is rather unexpected, but on the other hand, one could say, an argument in favour of their historicity.

This Ptolemaic reference to the Caucones might have triggered the Mediaeval copyists of the *Geography* to add the Bebryces (their name in brackets in 5.1.13) to the paragraph mentioning inland cities that actually occupy most of Bithynia's hinterland. This is another case of people who seem to have disappeared relatively early. Already Eratosthenes is reported (Pliny NH 5.127) to have written that by his time the Bebryces and many other peoples had disappeared from Asia Minor. But this must have happened much earlier, and it is usually the Bithynians who are blamed for that¹⁸. Nevertheless, the Bebryces

¹⁶ For the Caucones, see Manoledakis 2022b. P. 102–110 in detail, with all the previous bibliography.

¹⁷ Claudius Aelianus (fragm. 282) speaks of 'the Homeric Caucones and Leleges', as if Homer had invented them, but then he adds that they 'plot against people'.

¹⁸ Prêteux (2005. P. 249) argues that the replacement of the Bebryces by the Bithynians must have taken

were remembered for many centuries after their extinction, as their frequent appearance in the literature as late as the Late Byzantine period indicates¹⁹. Their early disappearance, in an obscure period marked by important events and with few sources, combined with the fact that most references to them (all dated much later) had a mythical context, resulted first in ambiguity and gradually in total confusion concerning their history, from their geographic area to their very identity. A confusion that is obvious in the Late Antique and Mediaeval texts, where the Bebryces appear occasionally as having occupied several parts of western Asia Minor, Bithynia, Mysia, the western part of the Black Sea coast, even Lydia, around Ephesus and Magnesia (Schol. in Apol. Arg. 2.124), or as being identified with the Bithynians (Nic. Blemmydes Phil. et Theol. Conspect. geogr. 465.1.1–2), the Phrygians (Apollodorus in Strabo 14.5.23), the Trojans (Pseudo-Zonaras Lexicon, s.v. Βέβρυκες; Scholia in Lycophronem 1305; Scholia in Oppianum_Haleutica 1.618) and even the Greeks (Lexicon Artis Grammaticae, s.v. Βέβρυξ). Nevertheless, all these references indicate how popular the Bebryces still were among authors of the period during which they appeared in the Ptolemaic manuscripts.

To return to our coast, to their east, the Mariandynoi reach the area of Cytoron, after which Galatia starts, always according to Ptolemy (5.1.11; 5.4.1–2). The coastal part of Galatia is possessed by “the people of Paphlagonia” (5.4.5), who held also a considerable inland part to the south²⁰. Ptolemy’s reference to “people of Paphlagonia” and not “Paphlagonians” deserves to be highlighted. It rather implies that Ptolemy was not quite sure whether the Paphlagonians, i.e. the inhabitants of the area called Paphlagonia, were one or actually more peoples. Although this might just be accidental, I cannot fail to think of a particularity regarding the Paphlagonians, as compared to most of the other peoples that dwelt the southern Black Sea coast: their territory appears to vary considerably in the ancient literature, the largest extending from the Billaeus (or even the Callichorus) to Cotyora²¹.

It may be that the changing borders of what is called Paphlagonia could be due to assimilation or other kinds of connections emerging from the ancient literature between the Paphlagonians and neighbouring peoples, such as the Mariandynoi, the Caucones, the Enetoi, the Tibarenoi and the Leucosyroi. Moreover, many texts refer to the cultural influence of the Paphlagonians on

place in the 8th century BC. Cf. W. Ruge, *Bebrykes 2*, RE III.1 (1897), 180. However, if the accounts of Plutarch (*Moralia* 255) and Polyaeus (*Strategemata* 8.37) that mention the Bebryces refer to the foundation of Lampsacus as a Phocaeen colony (see more recently, Morel 2006. P. 360–361), which took place in the 7th century BC (see Roebuck 1959. P. 113, with earlier bibliography), then we have a tradition that contradicts this dating.

¹⁹ See the works of many commentators and lexicographers, such as Eustathius (*De capta Thess.* 30).

²⁰ See also above, on the issue of Paphlagonia’s territory in Ptolemy.

²¹ The smallest territory emerging from the texts lies between the rivers Parthenius and Euarchus. See the sources in Manoledakis 2021. P. 171.

several peoples of northern Anatolia as manifest, for example, through similarities in their armour (Manoledakis 2021. P. 171–173). It is noteworthy that in all these accounts it is always other peoples that had armour resembling the Paphlagonian and never that the Paphlagonians had armour resembling that of another people or that all these peoples wore similar armour.

All the above could indicate a cultural influence, if not a cultural dominance, of the Paphlagonians over their neighbours, some of whom may have even had an ethnic kinship with them. This dominance, which has even led to expression of the view that all the local peoples of the central part of the southern Black Sea littoral were probably Paphlagonians (Saprykin 1991; Tsetskhladze 2007. P. 193; 2012b. P. 236), may probably have established the name Paphlagonia in a large area extending from west of the Billaeus to east of the Iris. In this case, the name is purely cultural and geographic, devoid of any administrative character, and the territory is not to be confused with the homonymous Roman province, as this was discussed above. In passing, it is worth noting that the Paphlagonians are among the very few southern Black Sea peoples that managed to give their name to the territory they inhabited, and perhaps an even larger one.²² Therefore, Ptolemy's formulation might be due to the actually vague image of the area that from time to time was called Paphlagonia throughout antiquity, as well as of the people(s) possessing it.

On the contrary, as far as the Leucosyroi are concerned, who follow to the east, Ptolemy seems to attribute quite a small region to them to the east of Amisos, including just Ancon of the Leucosyroi and the area around the Iris estuary (5.6.2)²³. In general terms, the placement is correct. However, we cannot be totally sure whether Ptolemy considered the land of the Leucosyroi as reaching Themiscyra to the east, since no other people is mentioned by him until Trapezous and the Kissioi. This is the problem with the different paragraphs of the chapter on Cappadocia mentioned previously. To the east of the Iris several peoples are known to have been inhabited the coast up to Trapezous in antiquity, such as the Chalybes, the Tibarenoi and the Mossynoikoi, but none of them appears in Ptolemy.

Curiously enough, the only people mentioned by the geographer after the Leucosyroi are the Kissioi, and actually as possessing a quite long part of the coast (5.6.6), an attribution that is unique in the ancient literature, as we have already seen. No safe explanation can be provided for this. It is, however, remarkable that the specific area to the east of Trapezous, which actually reaches

²² Thus, it is striking that Apollonius refers very rarely to the Paphlagonians and never to Paphlagonia. In the first of the four relevant passages, the 'hills of the Paphlagonians' are vaguely placed in the huge area between the Billaeus and the Halys or the Thermodon (*Argonautica* 2.357–358; *cf.* 2. 790–791; 4.245, 300), although elsewhere Sinope, to the west of the Halys, is said to belong to the land of Assyria (2.946).

²³ Nöldeke (1871. 447) harshly criticised Ptolemy for this, but he is rather unjust, since he expected from a second-century geographer more than he should.

Colchis to the east, happens to be the one characterised by a noteworthy particularity in the ancient literature. Most sources that deal with the inhabitants of the area in question mention several peoples from west to east, like the Becheires, the Ececheiries, the Saspeires and the Byzeres, and then follow the Colchinas, after the Apsaros²⁴. Besides, the vast majority of the ancient sources refer to the Colchians as the people who lived around the Caucasus and the Phasis, with varying levels of generality²⁵.

Xenophon, however, gives a quite different image. According to his *Anabasis*, not only was Trapezous clearly situated in the territory of the Colchians (4.8.22), the first people whom the Greek army met when they reached the coast coming from the south, but this people seems to have occupied the littoral as far to the west as Kerasous (5.3.2), at least at the time of the Ten Thousand's march through the area, namely in 400 BC. Given that Xenophon is alone in providing such a pattern, this contrast could be by-passed, were it not for the fact that the *Anabasis* is one of the most credible sources we have on the region (Manoledakis 2022b. P. 18–19). On the other hand, the earliest among the preserved sources mentioning all the other peoples in the same area, Pseudo-Scylax's *Periplus*, was written not long after the *Anabasis*, which makes the disagreement regarding Colchian expansion along the southern Black Sea coast even more significant. The disagreement concerns even the peoples living between Trapezous and Kerasous to its west²⁶.

Difficult as the issue may be, it is worth directing our attention to another particularity regarding the Colchians, which might prove to be of some help. For it is not only the demarcation of their territory that is marked by obscurity, but also their very status: there is evidence that the Colchians were not one distinct nation, but the term 'Colchians' denoted a wider group of different peoples, similar to the case of the Scythians and the Thracians. Already Hecataeus is reported to have mentioned at least two peoples as 'Colchian nations'. This could lead us to the possibility which would practically confirm

²⁴ See, e.g., Pseudo-Scylax *Periplus* 81–89; Apollonius *Argonautica* 2.396–397, 1242–1280 (cf. the Scholia); Strabo 12.3.18; Valerius Flaccus *Argonautica* 5.153–180; Mela 1.108; Pliny NH 6.11–12; Dionysius *Orbis descriptio* 765 (cf. Paraphrases); Orphica *Argonautica* 756; Eustathius *Comm. in Dion. Per.* 762.

²⁵ E.g. Hecataeus FGrH 1a 1 F 17, 18a, 210, 288; Herodotus 1. 2. 2, 104. 1, 3. 97. 4; Ctesias FGrH 3c 688 F 57; Herodorus fragm. 52; Timaeus FGrH 3b 566 F 84; Pseudo-Scymnus 937; Strabo 1. 3. 2, 7, 21, 11. 2. 1, 14, 16–17, 5. 6, 14. 4, etc.; Appian *Mithridatica* 282, 556; Dionysius *Periegetes* 688–689, 762; Aelius Herodianus 3. 1. 96: Pyenis, city of the Colchians (Stephanus of Byzantium, s.v. Πυήνις, mentioning also another city called Tyenis: s.v. Τυήνις), 3. 1. 102, 271, 332; Hesychius *Lexicon*, s.v. Φᾶσις; Stephanus of Byzantium, s.v. Αἴα, Φᾶσις; Procopius *De bellis* 3. 1. 11; 8. 1. 8; Eustathius *Comm. in Dion. Per.* 19. 14–15, 689. 21.

²⁶ Which was inhabited by Colchians, according to Xenophon (*Anab.* 5.3.2), and by the Leucosyroi, the Chalybes, the Tibarenoi, the Mossynoikoi and the Macrocephaloi, according to the rest of the sources, even if the latter were not always in agreement with each other as regards the exact placement and borders of these peoples.

both Xenophon and the authors mentioning all the other peoples to the east of Trapezous: that the latter or most of them were actually Colchian. As an eyewitness, Xenophon could not have been mistaken. He and his soldiers were on the coast; they stayed there for many days, were in contact with the locals, discussed, negotiated and fought with them, witnessed their customs and way of life. If Xenophon had met other peoples there, he would have mentioned them. On the other hand, the rest of the authors would not necessarily be mistaken in numbering all these peoples we read about in their works among those living on the coast (Manoledakis 2022b. P. 225–232).

Whatever the case may be, the area in question is exactly the one that Ptolemy attributes to the Kissioi. Could this be mere coincidence, or was Ptolemy confused by the (actual or not) discrepancy of the sources? It must be noted that he never mentions the Colchians, not even in the relevant chapter about Colchis (5.10); and this is an ethnic name that one would certainly expect in a work on the world's geography that mentions the Caucones. He rather divided the inhabitants of his coastal Colchis between the Lazoi, the Manraloi and the people living in the Ekrektike land (5.10.5). The Kissioi could thus have been another Colchian tribe, or even a by mistake used name for the Colchians. But still, their absence from the rest of the ancient literature rather makes us think of a confusion – either of Ptolemy himself or of one of his immediate sources (Marinus?).

The places and their locations

We shall now focus on the 56 places that are followed by their co-ordinates in the Ptolemaic record (Table 1). Generally, Ptolemy is very detailed providing his readers with as many as 56 places on the southern Black Sea coast, more than Pseudo-Scylax, Pseudo-Scymnus, Strabo, Pomponius Mela and Pliny. Only Menippus and Arrian have mentioned more in the preserved ancient geographical works. Moreover, as already mentioned, he is the only among them all who specifies the location of each place by giving its co-ordinates. Nevertheless, while as a rule his data coincided with what is mentioned by the other geographical sources, there are some discrepancies, some of which are indeed noteworthy. Let us try to categorize them.

Probably less important and more easily explainable are different names of sites or different classification terms attributed to them. This could be due to changes that happened in the course of time or even errors in the copying of the manuscripts. For example, Ptolemy stands out by calling Bithynias akra (nr. 1) the cape otherwise known as Melaena or Cale Akre (Apollonius Argonautica 349, 651; Menippus Periplus 5701; Arrian Periplus 12; Anonymous Periplus 3), and Elata (nr. 9) the river otherwise called Elaeus (Menippus 5710; Anonymous 9). As regards settlements, Hyssou Limen (nr. 45), called like that

also by Arrian (3) and Anonymous (38), seems to have been called Psoron Limen in earlier times (Pseudo-Scylax 85). Pityous (nr. 47), irrelevant with the homonymous Colchian city, was otherwise known as Ophious (Menippus 9r9; Anonymous 38). Finally, there is the plain of Phanagoria (5.6.3), mentioned in the Galatian Pontus (without co-ordinates), which should probably be connected with Strabo's Phanaroia (12.3.15, 30), traversed by the Iris.

On the other hand, Ptolemy provides us with an interesting piece of information about one of the very few islands of the Black Sea, Thynias or Apollonia (Nymphis in Schol. in Apol. Arg. 2. 672; Apollonius Argonautica 2.350, 672–673; Pseudo-Scylax 92; Menippus 8; Strabo 12.3.7; Pomponius Mela 2.98; Pliny NH 6.13; Arrian 13; Anonymous 6; Aelius Herodianus De prosodia catholica, s.v. Θυνιάς; Anonymous 6; Schol. in Apol. Arg. 2.177), which, according to him (nr. 5) was also called Daphnousia.

As for site classification terms, Climax (nr. 18) appears as a *chorion*, while Menippus (5801) had called it *polis* and Anonymous (17) would call it *kome*. Similarly, Stephane (nr. 16) is called *kome* by Ptolemy, as well as by Menippus (5905), but *limen* by Pseudo-Scylax (90) and *hormos* (roadstead) by Arrian (14). Anonymous (20) combined *polis* and *limen*.

Generally, Ptolemy is less persistent than other authors of geographical works in clarifying the status of his settlements; whether, for example, they are *poleis*, *komai*, *choria*, *emporía*, etc. He uses a site classification term only seven times, mentioning two *choria* (nrs. 2 and 18), two ports (nrs. 45 and 48), two *poleis* (nr. 11 and 17) and one *kome* (nr. 26)²⁷. However, the way in which Ptolemy's two *poleis* are mentioned as such might be indicative: Heraclea and Cytoron are not classified as *poleis* in their appearance on the list of the coastal cities of Pontus and Bithynia (5.1.7), but when they are mentioned as borders of areas and peoples' territories (5.1.11; 5.4.2). This, combined with the fact that Ptolemy's lists of inland cities usually start with the phrase "the inland *poleis* of ... are those:", with slight variations, indicate that actually all or most settlements in the lists (of both coastal and inland settlements) could have been considered *poleis* by Ptolemy. In this case, one would be inclined to support that the term *polis* was mostly used by Ptolemy in its political rather than urban sense²⁸.

Unique is the case of Gazoron (nr. 30), otherwise unknown as a settlement's name on the Black Sea coast. An error has probably been made here, and Ptolemy might have meant one of the two towns with similar names that existed in the neighbourhood, either Caroussa (at modern Gerze: Pseudo-Scylax 89; Menippus 6001; Pliny 6.7; Arrian 14; Anonymous 24) or Zagora / Za-

²⁷ For an overall comparison of the geographical sources in this respect, see Manoledakis 2022b. P. 360–361, Table 4.

²⁸ In recent decades many studies have sought to comprehend how this term was used by ancient authors, mainly of the Archaic and the Classical periods – in the urban or political sense (or both), consistently

goron (at modern Çayağzı: Menippus 6001; Arrian 14; Anonymous 24).

Nevertheless, far more important than the afore-mentioned differences in names and site classification terms are the divergences in the Ptolemaic record of some places' locations from the locations that appear in the rest of the sources. Starting from the west, already the eastern one of the two Cyanean Rocks appears to be more to the east of the westernmost Bithynian cape (Yum Burnu), which does not make much sense. The Erithinoi reefs (nr. 7), which are always (as Erythinoi) placed to the east of Amastris²⁹, appear in Ptolemy more to the west, even of Heraclea, and actually to the south of it (5.1.15) – a considerable divergence. Furthermore, Armene (nr. 25) appears to the west of Stephane (nr. 26), while the rest of the sources unanimously speak for the opposite geographical relation with each other (Pseudo-Scylax 89–90; Menippus 5905; Pliny 6.5–6; Arrian 14; Anonymous 20).

As far as the eastern part of the coast is concerned, Hermonassa (nr. 41) is placed by Ptolemy far more to the west than we meet it in all the other sources (Menippus 9r9; Strabo 12.3.17; Arrian 16; Anonymous 36), where it appears just to the west of (and very close to) Trapezous. Besides, there is the case of Cordyle, one of the two coastal homonymous cities mentioned in the ancient literature, which usually appears on the coast between Pharnakia³⁰ and Hermonassa (Menippus 9r9; Pliny NH 6.11, who actually calls it a port; Arrian 16, who calls it a roadstead; Anonymous 36), while Ptolemy refers to it as an inland town (5.6.11)³¹, and keeps on the coast only Chordyle of nr. 50. Moreover, the settlement of Hyssou Limen (nr. 45) is placed by Ptolemy to the west of Trapezous, while the rest of the sources mention it always to the east of Sinope's colony (Pseudo-Scylax 85; Arrian 3; Anonymous 38). Another town that is placed inland by Ptolemy (5.4.6) but on the coast by Arrian (15) is Eusene.

Finally, Zephyrion (nr. 21) appears to the west of Callistratia (nr. 22), while Anonymous (19) mentions them with the opposite geographical relation with each other. But since Anonymous is actually combining the data given by Menippus (5901) on Callistratia (Callistratis) and by Arrian (14) on Zephyrion, and neither of these two authors has mentioned both sites, the mistake might well have been Anonymous' and not Ptolemy's.

Another interesting aspect of the Ptolemaic record is some settlements and geographical features that are mentioned only there in the preserved litera-

or not, etc. – and much debate has ensued. See Hansen 2000; Hansen and Nielsen 2004, with the whole bibliography, also on the reservation expressed about the Copenhagen Polis Centre's research results. The most insightful view expressed in the publications of the Centre is that 'each occurrence of *polis* must be studied in context' (Hansen 2000. P. 177).

²⁹ On the location of Erythinoi, as well as on the issue of whether this was just a pair of rocky outcrops or a settlement as well, see Manoledakis 2013. P. 24–25, 28.

³⁰ Pharnakia is clearly different from Kerasous in the Ptolemaic record. For the relation of the two cities with each other, see Manoledakis 2010.

³¹ Therefore not mentioned in our list here.

ture. Starting from the west, these are the settlement called Cyptasia (nr. 28), the Cape Adienon or Athenon Akron (nr. 49), the settlements of Morthoula (nr. 51) and Xyline (nr. 53), as well as the river Kissa (nr. 54). Most of them are in the eastern end of the coast.

Indeed, the case of Morthoula deserves some attention as regards its treatment in the modern bibliography. As stated, the site has never been mentioned in any other preserved source and thus what we have is only its appearance in the Ptolemaic catalogue, where it is clearly listed among the coastal sites (5.6.2–7). However, modern scholars have usually placed it inland and identified it with the modern town of Borçka³². What is noteworthy is the fact that they have done so despite the fact that they cite Bryer and Winfiled (Bryer and Winfiled 1985. P. 336), who do not give any such identification, but place Morthoula correctly on the coast and identify it with modern Fındıklı. The erroneous identification with Borçka, probably inserted by the influential *Barrington Atlas*, was followed even by Stückelberger and Grasshoff (2006. P. 515), although on their reconstruction map Morthoula appears on the coast. Many decades earlier, A. Herrmann (*RE XVI.1* (1933), 321, s.v. Morthoula) had also placed Morthoula in the Cappadocian hinterland, at the Firtina Creek, although Ptolemy's longitudes given for the sites before and after Marthoula indicate that the latter must have been situated almost in the middle of the distance between Cape Adienon and Chordyle to the west and the estuary of Archabis to the east. Thus Marthoula does anyway not fit with Firtina Creek, which flows into the sea just to the east of Pazar, so close to Cape Adienon and Chordyle.

Special mention must be made of Ischopolis (nr. 42). Writing in the first century AD, probably between 18 and 24, Strabo mentioned in his *Geography* (12.3.17) that Ischopolis was in ruins in his day. However, a century later, Ptolemy (5.6.5) mentions it as if it were a proper settlement; this could suggest a city that had declined for a time but later prospered again. No other preserved source mentions this settlement.

As already mentioned, Sebastopolis (5.6.7), the last city mentioned by Ptolemy in Cappadocia, to the north of the Apsorros and almost on the borders with Colchis, constitutes another interesting case. Here as well, no such settlement is known by any other source as been situated there. The two known cities with this name in the wider region lay in the Cappadocian inland (Sulusaray) and in Colchis (the earlier Greek colony of Dioscurias), both also mentioned by Ptolemy in 5.6.9 (as the “other Sebastopolis”) and 5.10.2 respectively. Stückelberger and Grasshoff are wrong in identifying this strange Sebastopo-

³² Talbert 2000 (*Barrington Atlas*); Pleiades project (<https://pleiades.stoa.org>); Digital Atlas of the Roman Empire by the Centre for Digital Humanities, University of Gothenburg (<https://dh.gu.se/dare/>); Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 515.

lis of Ptolemy with Sulusaray, which is actually the “other Sebastopolis”, and the latter with Sebasteia (modern Sivas) (Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 517). After all, Sulusaray and Sivas are actually very close to each other, contrary to what results from Ptolemy’s co-ordinates of the two homonymous cities. Probably, what we have here is a frustration of our geographer.

The last aspect of Ptolemy’s work that deserves some attention regards places that are absent from it, although they were rather well-known, as becomes evident from their mention in many other sources throughout antiquity (including the Roman period), and not only geographical ones. Starting from the settlements, one would certainly expect to meet the port of Calpe, visited by Xenophon (*Anabasis* 6.2.17) and mentioned by several authors of the Roman period, such as Menippus (5701), who actually called it an *emporion* of the Heracleans, Pliny (6.4) and Arrian (12)³³. The island of Thynias, which Ptolemy was aware of (5.1.15), also had one or two settlements, Apollonia and Thynias, which were rather well-known (Pseudo-Scylax 92; Pseudo-Scymnus 1026; Pomponius Mela 2.98; Arrian 13), but not mentioned by the geographer from Alexandria. Moreover, Lillaion, Elaion and Cales, three settlements to the west of Heraclea and probably its *emporion*, were mentioned by two authors of the Roman period before Ptolemy (Menippus 5710; Arrian 13), but not by him. The same applies to the fortress Phadissane or Phabda, to the west of Polemonion (Menippus 9r9; Strabo 12.3.16; Arrian 16), and, of course, the second of the two towns called Kerasous, identified with the modern Vakfikebir³⁴.

As regards geographical features, one cannot fail but notice the absence of the renowned Island of Ares, opposite Kerasous of Giresun (Pseudo-Scylax 86; Menippus 9r9; Mela 2.98; Arrian 16), known also from the celebrated Argonautic myth (e.g. Apollonius *Argonautica* 2.382-87, 1031). Notwithstanding the fact that Ptolemy seems quite assiduous in mentioning the rivers of the southern Black Sea, including thirteen of them in his list, this number is rather small as compared with the totally 49 rivers that are mentioned in the ancient literature as flowing into the Black Sea from the south (Manoledakis 2022b. P. 36–41, Table 1). Among them, in the Ptolemaic record we would certainly expect to meet the Rhebas, the Lycus, the Oxinas or Callichorus, the Billaeus, the Lycastus, as well as some of the many rivers of the eastern part of the littoral that are omitted.

³³ Anonymous mentions all these settlements, since he derives information from several earlier sources, so we shall not mention him again here.

³⁴ The question of Kerasous is one of the most puzzling in the study of the southern Black Sea littoral. I have dealt with the matter in detail elsewhere (Manoledakis 2010; 2022c). While for the identification of the city mentioned by Xenophon as the colony of Sinope that he visited (*Anab.* 5.3.2; cf. Diodorus 14. 30. 5) things are now rather clear (this is the one mentioned by Ptolemy – nr. 43 – as well as by Pseudo-Scymnus 911, and Arrian 16), no secure answer can be given for three Roman authors, Strabo (12.3.17), Mela (1.107) and Pliny (NH 6.11), whose descriptions are utterly unclear, contrary to Menippus’ placement (9r9).

Concluding remarks

In the beginning of this paper, we pointed out that Ptolemy is one of the most prominent and influential geographers of antiquity and referred to his *Geography* as a most valuable geographical work. Focusing on the southern Black Sea, however, we discovered some divergences from reality. Should this mean that this work is, after all, not as reliable as has been considered? To answer this question, we should first make sure that all the data included in this work as we know it today do indeed belong to Ptolemy. Though, modern scholarship's examination of the Ptolemaic *Geography* is far from explicitly confirming such a case. Even if scholars do not agree about how much (and what) of the work is actually Ptolemy's, the only certain thing is that the whole of it is not. Apart from Book 1 and the first chapter of Book 2, which refer to the methodology used by Ptolemy, the other seven books, and especially the large parts of them with the lists of places and co-ordinates, might have undergone changes – deliberate or not – or corrections in several periods of time (Bagrow 1985. P. 35).

As regards the co-ordinates in particular, Ptolemy himself stated in his second book that he had considered the possibility of obtaining more accurate figures in the future and accommodated the ability to write them on the lists (2.1.3). Besides, the work itself has been preserved and transmitted to us through several codices from the 13th to 15th centuries, divided into two main recensions (Ω and Ξ), and there are numerous cases where they do not agree with each other on a place's co-ordinates, exact name or other details. This is the result of errors during the copying from manuscript to manuscript – or even deliberate attempts to correct the Ptolemaic data, but not of Ptolemy's mistakes (Lennart Berggren and Jones 2000. P. 41–45; Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 27–30, 39–40; 2009; Mittenhuber 2010). For example, the thirteen-century Codex Vaticanus Graecus 191, which is actually the only one representing the recension Ξ , contains several mistakes that are considered to have been made during the transcription from a majuscule manuscript (Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 33). Whether we could recognize in this codex an effort of Ptolemy himself “to prepare a new edition of his *Geography*, which was not completed”, as has been proposed (E. Polaschek, RE. Suppl. 10 (1965), 717, s.v. Ptolemaios als Geograph), remains doubtful.

Other issues should also be taken into consideration. For example, Ptolemy cannot have been himself to all the places of the world he describes; on the contrary, scholars believe that his journeys were rather limited (Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 10). This means that most of the co-ordinates in the *Geography* are not the results of his own measurements. From what we have seen in the previous pages, the southern Black Sea coast must not have been visited by him. Besides, it is rather impressive that, apparently, we cannot

include any of the geographical works that are preserved today (like the several *Periploi*) in his sources, both those that are mentioned by him and those defined by modern scholars (Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 16–20). Especially, Arrian's *Periplus Ponti Euxini* was certainly unknown to Ptolemy, although it was written about twenty years earlier (AD 130–132) than the *Geography*. Had he read it, various parts of his description of the coast would have been different. All the more so, since Ptolemy himself had stated (1.18.6) that calculations on coasts are easier than inland.

In connection to this, one should furthermore bear in mind that Ptolemy's co-ordinates are given with an intrinsic approximation of five spherical minutes of arc, which means *ca.* 10 kilometres on an actual terrestrial sphere. This means that a place mentioned by Ptolemy with specific co-ordinates could in reality lie anywhere within a circle of uncertainty of 10 km radius around the point indicated by those co-ordinates, and thus possibly, in the case of the afore-mentioned 'exceptions', in the correct (according to other geographers) location. Would this be enough to justify the mistakes pinpointed in this paper? Rather not, since in almost all the afore-mentioned cases of Ptolemaic divergences from reality (according to the rest of the sources) as regards the location of a place the deviation is larger than five minutes and there are not different co-ordinates given by different codices.

The only exception is Hyssou Limen (nr. 45), which, as we saw, is placed by Ptolemy to the west of Trapezous, while the rest of the sources mention it always to the east of Sinope's colony. In this case some manuscripts give for the settlement exactly the same longitude as for Trapezous ($70^{\circ} 45'$) (Stückelberger and Grasshoff 2006. P. 514). Theoretically, this could mean that, if we take the maximum range of error, Hyssou Limen could have been situated ten primes to the east of Trapezous in the Ptolemaic record. However, first of all, according to Arrian (*Per.* 7), the river called Hyssus (Karadere stream) traversed the homonymous city (Araklı) just before flowing into the Black Sea 180 stadia far from Trapezous, while the Anonymous (38) gives the same distance (obviously taking it from Arrian) between the two cities. This distance corresponds to 33,3 km, and thus is larger than the possible Ptolemaic error. Second and most important, in the Ptolemaic list, which follows a geographical order from west to east, Hyssou Limen is mentioned before Trapezous, and this leaves no doubt that it was considered by Ptolemy as being situated to its west. Actually, the order in which places appear in this list is the only reliable criterion is such a discussion, given the many errors that occurred during the successive copies from manuscript to manuscript, especially in the co-ordinate numbers (see above), which actually makes it very difficult to attribute most of the latter to Ptolemy himself³⁵.

³⁵ It has even been argued that all the lists of co-ordinates in the *Geography* are actually a compilation of earlier and later than Ptolemy works by an unknown author, who "gave the whole work an air of

One should also attach importance to the considerable difficulty in determining longitude in Ptolemy's era; a problem that was actually solved much later, in the 17th century. Although the Ptolemaic record appears much more accurate regarding the latitude determination, some slight divergences still exist, but cannot be considered significant, given the period of time in which the work was created. For example, the northernmost point of the littoral appears to be Cape Carambis (Kerempe), although in reality it is Lepte or Syrias Akre (Inceburun), to the west of Sinope. Besides, Apsorros (5.6.7) appears to be more to the north than Cape Carambis (5.4.2), although it is not.

Finally, it would be right to remark that one should always know what to expect from each work and not set the bar exceedingly high. A comparison with the *Periplus Ponti Euxini* written by Arrian of Nicomedia, for example, would be unrealistic. Ptolemy's *Geography* is a general geographical work dealing with the whole *Oecumene* and having as an ultimate goal the creation of a world map and the demonstration of the appropriate methodology, as the very existence of Book 1 indicates, and not of the co-ordinates themselves, many of which, as Ptolemy himself acknowledged (2.1.3), would need corrections in the future. There was no intention to deal more thoroughly with a specific area, such as the Black Sea. Arrian, on the contrary, was governor of Cappadocia in the time of Hadrian and wrote his *Periplus*, addressing it to his emperor, *ad hoc*, containing strictly geographical data. Besides, the great value of this work derives also from the fact that Arrian actually visited the places he described, having a personal interest in conveying reliable information to his emperor. This is clearly stated in his text, as is also the fact that he had studied the works of other eye-witnesses describing the littoral, including Xenophon's *Anabasis*, whose information Arrian sometimes tries to confirm. It would have been almost impossible for anybody to create such a work about the whole world in antiquity.

Consequently, despite the errors pinpointed above, which are anyway not many, Ptolemy's *Geography* is still a valuable geographical work that fully justifies its impact on geographers and cartographers for more than one and a half millennium.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Aujac G. 'The "Revolution" of Ptolemy' // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2015. P. 313–334.
- Bagrow L. History of Geography. London, 1985.

authority by attributing it to Ptolemy and attaching to it the name of one of his works" (Bagrow 1985. P. 35).

- Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington DC, 1985.
- Burrell B.* Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors. Leiden, 2004.
- Crammer J.A.* A Geographical and Historical Description of Asia Minor. Vol. 1. Oxford, 1832.
- Dilke O.A.W.* The Culmination of Greek Cartography in Ptolemy // The History of Cartography. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J.B. Harley, D. Woodward, Chicago; London, 1987. P. 177–200.
- Dueck D.* Strabo of Amasia: A Greek Man of Letters in Augustan Rome. New York, 2000.
- Hansen M.H.* Survey of the Use of the Word Polis in Archaic and Classical Sources // Further Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. P. Flensted-Jensen (Historia Einzelschriften; 138). Stuttgart, 2000. P. 173–206.
- Hansen M.H., Nielsen T.H.* (eds.) An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxford, 2004.
- Jones A.H.M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1971.
- Lennart Berggren J., Jones A.* Ptolemy's Geography. Princeton, 2000.
- Manoledakis M.* Choirades, Kerasous, Pharnakeia. Observations on three ancient placenames in the southern Black Sea // AWE. 2010. Vol. 9. P. 137–155.
- Manoledakis M.* The Southern Black Sea in the Homeric Iliad: Some Geographical, Philological and Historical Remarks // Exploring the Hospitable Sea (Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity (Thessaloniki, 21–23 September 2012) / Ed. M. Manoledakis. Oxford, 2013. P. 19–37.
- Manoledakis M.* The Paphlagonians and the Greeks' Perception of them // The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th Century BC–5th Century AD): 20 Years On (1997–2017) (Proceedings of the Sixth International Congress on Black Sea Antiquities, Constanța, 18–22 September 2017) / Ed. G.R. Tsetschladze, A. Avram, J.F. Hargrave. Oxford, 2021. P. 167–178.
- Manoledakis M.* The southern Black Sea in the Roman geographic texts // Proceedings of the International Symposium “The Black Sea region in the context of the Roman Empire” (Athens, 5–8 May 2016) / Ed. D. Braund, A. Chaniotis, E. Petropoulos. Athens, 2022. P. 33–58.
- Manoledakis M.* An Approach to the Historical Geography of the Southern Black Sea Littoral (First Millennium BC). Leuven; Paris; Bristol, 2022.
- Manoledakis M.* The Identification of Xenophon's Kerasous: A New Solution to an Old Problem // AWE. 2022. Vol. 21. P. 109–125.
- Marek C.* Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynien und Nord-Galatien. Tübingen, 1993.

- Marek C.* Pontus et Bithynia: die römischen Provinzen im Norden Kleinasiens. Mainz, 2003.
- Marek C.* Geschichte Kleinasiens in der Antike. Munich, 2010.
- Mittenhuber F.* The Tradition of Texts and Maps in Ptolemy's Geography // Ptolemy in Perspective: Use and Criticism of his Work from Antiquity to the Nineteenth Century / Ed. A. Jones. New York, 2010. P. 95–120.
- Morel J.-P.* Phocaean Colonisation // Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 1 / Ed. G.R. Tsatskheladze. Leiden; Boston, 2006. P. 359–428.
- Nöldeke T.* ΑΣΣΥΡΙΟΣ ΣΥΡΙΟΣ ΣΥΡΟΣ // Hermes. 1871. Vol. 5. P. 443–468.
- Saprykin S.J.* ΠΑΦΛΑΓΟΝΙΚΑ // Thracia Pontica. 1991. Vol. 4. P. 241–254.
- Sartre M.* L'Orient romain: Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères (31 avant J.-C.–235 après J.-C.). Paris, 1991.
- Stückelberger A.* Klaudios Ptolemaios // Geographie und verwandte Wissenschaften / Hrsg. W. Hübner. Stuttgart, 2000. P. 185–208.
- Stückelberger A., Grasshoff G.* Klaudios Ptolemaios – Handbuch der Geographie. Basel, 2006.
- Talbert R.J.A.* The Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Princeton, 2000.
- Tozer H.F.* A History of Ancient Geography. New York, 1971.
- Tsatskheladze G.R.* Greeks and Locals in the Southern Black Sea Littoral: A Re-Examination // Greeks between East and West: Essays in Greek Literature and History in Memory of David Asheri / Ed. G. Herman, I. Shatzman. Jerusalem, 2007. P. 160–195.
- Tsatskheladze G.R.* The Southern Black Sea Coast and its Hinterland: An Ethno-Cultural Perspective // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity: Aspects of Archaeology and Ancient History / Ed. G.R. Tsatskheladze. Oxford, 2012. P. 235–241.

Μανολις Μανολεδακις

ЮЖНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В «ГЕОГРАФИИ» ПТОЛЕМЕЯ

Птолемей выделяется среди античных географов как один из самых выдающихся и, разумеется, самых влиятельных авторов в истории всей последующей картографии. Географическая наука, совершив к его времени немало значительных достижений, достигла кульминации в его знаменитой «Географии», методологически надежном сочинении, первом известном нам труде, доносящем координаты тысяч мест во всем известном в те времена мире. В данной работе мы сосредоточимся на том, каким предстает Южное Причерноморье в

описании Птолемея. Мы обратимся к делению побережья на провинции, упоминаниям местных народов, а также ко всем местам, как поселениям, так и географическим объектам, перечисленным в соответствующих главах «Географии», с их координатами и дадим оценку сильным и слабым сторонам их описания. Мы закончим краткой оценкой того, каким предстает изучаемый регион в описании Птолемея. Вынося эту оценку, следует принять во внимание несколько особенностей сочинения Птолемея. Прежде всего, невозможно с уверенностью сказать, какие части дошедшего до нашего времени текста действительно принадлежат Птолемею, поскольку некоторые данные могли быть изменены или исправлены за прошедшее с тех пор время. Кроме того, «География» сохранилась и дошла до нас в нескольких кодексах, относящихся к XIII–XV вв., и во многих случаях они не согласуются друг с другом относительно координат или точного названия того или иного места или других деталей. Наконец, надо всегда помнить, что «География» Птолемея – это сочинение о географии в целом, посвященное всей Ойкумене, автор которого не собирался углубляться в описание таких конкретных регионов, как Черное море и Причерноморье. Но несмотря на всё это, мы утверждаем в нашем исследовании, что «География» Птолемея до сих пор является ценным географическим трудом, по праву оказавшим огромное влияние на географов и картографов последующих эпох.

Ключевые слова: Птолемей, античная география, античная картография, Южное Причерноморье, географы, Северная Анатолия

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-401-427

А.Ю. Виноградов

ΤΟΡΟΝΥΜΙΣΑ ΡΟΝΤΙΣΑ 3. Ο ΜΝΙΜΥΧ Ι ΡΕΑΛΪΝΥΧ ΣΥΓΔΕΙΣΚΙΧ ΤΟΠΟΝΙΜΑΧ

Одна из главных проблем в изучении топонимики Северного Причерноморья – наши отрывочные знания о ней, которые по крохам собираются из данных письменных источников, надписей, этнографии и т.п. Поэтому открытие сразу нескольких локальных топонимов – всегда весьма важное событие для топонимики региона. В настоящей заметке речь пойдет о нескольких топонимах средневековой Сугдеи (совр. Судак), читаемых в одной из глосс на полях «Сугдейского синаксаря» и введенных в научный оборот М. Нистазопулу. Более тщательное изучение глоссы дает возможность прочесть название Сугдейской горы – Даут.

Ключевые слова: «Сугдейский синаксарь», глоссы, средневековая Сугдея, гора Даут

Глоссы на полях «Сугдейского синаксаря», хранящегося сейчас в собрании монастыря Св. Троицы на о. Халки в Мраморном море (Chalki Trias 75), – ценнейший источник наших знаний об истории, просопографии и географии средневековой Сугдеи. В своем первом издании этих глосс архим. Антонин (Капустин) привел, под № 50 (Антонин 1863. С. 605), без перевода, чуть обрезанную справа и плохо читаемую глоссу, находящуюся рядом с синаксарным житием прп. Авраамия под 14 февраля: Τὸ μ(έν) θριδακίν ὁ ἐστὶ πῆλμαχχ τὸ δὲ οὐ ὁ ἐστὶν τουργά κελαη. τὸ δὲ σέλην ὁ ἐστὶν ουδαυτ σουγδιανα ὄρη. Впрочем, в комментарии он отметил, что τουργά можно прочесть и как πυργά.

М. Нистазопулу дала, под № 151, свое чтение (Νυσταζοπούλου 1965. Σ. 132) этой глоссы, которую она по почерку атрибуировала автору глосс 1327 г. (Ibid. Σ. 154. Σημ. 163). Издательница воспроизвела его следующим образом: Τὸ μ(έν) θριδακίνε ὄτελι πῆλμχ, τὸ δὲ οὐλο ἐστὶν πουργά κελα|τὸ δὲ σέλην ὁ ἐστὶν οὐλ + λαυτ() σουγδιανα ὄρη. Слова σουγδιανα ὄρη «Сугдейские горы», отмеченные еще архим. Антонином, натолкнули Нистазопулу на мысль, что в тексте глоссы речь идет о сугдейских топонимах. Прочитанное ею ὁ Πουργῶς она без сомнения отождествила

с текстом позднесредневекового греческого портолана, где упоминается «холм, лысый, круглый и алый, и называют его το Πουρκῶ» (Delatte 1958. P. 40). За словом σέλην исследовательница предположила тюркский корень *sel* «сезонный ручей», остальной же текст оставила без толкования из-за нехватки сведений о топонимике средневековой Сугдеи.

Однако столь ценный текст на проверку оказался совершенно иным. Ни архим. Антонин, ни Нистазопулу не обратили внимания на то, что данная глосса относится к расположенному слева от нее тексту синаксарного жития прп. Авраамия, где о том, что он принимал в пищу, сказано следующее: οὔτε ὀσπρίων, οὔτε λαχάνων ὀμλησάντων πυρί, οὐχ ὕδατος, ἀλλὰ θριδακίνας καὶ σέρεϊς καὶ σέλινα «ни бобовых, ни приготовленных на огне овощей, ни воды, но латук, цикорий и сельдерей». Соответственно, глосса толкует эти непонятные для сугдейцев названия растений. Благодаря любезности А. Бинггели нам удалось ознакомиться с цифровой копией текста глоссы, которая показала, что она была издана оба раза не совсем верно. Дадим вначале ее корректное прочтение и перевод:

Τὸ μὲν θριδακίνε ὁ ἐστὶ πηλμα. τὸ δὲ σε[ρε]λλό ἐστὶν τουργάκεπα|τὸ δὲ σέλην
ὃ ἐστὶν οὐ[.]!+ δαυτ σουγδιана ὄρη

«Латук – это пилма, цикорий – это тургакепа, сельдерей – это у... Даут – сугдейские горы»

Язык приведенных в глоссе названий растений нам отождествить не удалось – вероятнее всего, что это один из тюркских: ср., например, слово *turyay/toryay*, обозначающее в тюркских языках один из видов мелкой птицы.

Единственным реальным топонимом в глоссе оказываются «Даут – сугдейские горы». Горы с таким названием справочники не знают, однако известны ойконимы Давутлар (совр. Кикенеиз) и Давут Эли (совр. Марфовка на Керченском полуострове) (Бушаков 2003. С. 70; Jankowski 2006. P. 437). Название явно образовано от арабского, а затем общемусульманского имени Даут (<Давид). Впрочем, следует отметить что упоминание горы Даут в данной глоссе, а точнее в отдельной маленькой глоссе, начинающейся с креста, появилось, по всей видимости, случайно: она глоссирует ошибочно прочитанное глоссатором слово ὕδατος «воды». Так по случайности до нас, вероятно, дошел интересный ороним Крыма.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Антонин (Капустин), архим. Заметки XII–XV вв., относящиеся к крымскому г. Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества древностей. 1863. Т. 5. С. 595–

628. [*Kapustin A. Zametki XII–XV vv., odnosjashhiesja k krymskomu g. Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare (Notes of the XII–XV centuries relating to the Crimean town of Sugdea (Sudak), added in Greek Synaxarium) // Zapiski Odesskogo obshhestva drevnostej. 1863. T. 5. S. 595–628.*]

Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топоніми Криму. Київ, 2003. [Bushakov V.A. Leksichnij sklad istorichnoї toponimi Krimu (Lexical composition of the historical toponyms of the Crimea). Kyiv, 2003.]

Delatte A. Les Portulans grecs. T. 2 (Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et des Lettres de l'Université de Liège; 53). Bruxelles, 1958.

Jankowski H. Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston, 2006.

Νυσταζοπούλου Μ.Γ. Η εν Ταυρική χερσονήσω πόλις Σουγδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνος. Αθήνα, 1965.

Andrey Ju. Vinogradov

TOPONYMICA PONTICA 3. IMAGINARY AND REAL SUGDEAN TOPONYMS

One of the main problems in studying the toponymy of the Northern Black Sea region is our fragmentary knowledge about it, which is collected bit by bit from written sources, inscriptions, ethnography, etc. Therefore, the discovery of several local toponyms is always a very important event for the toponymy of a region. This note will focus on several toponyms of the medieval Sugdea (modern Sudak), read in one of the glosses in the margins of the Sugdean Synaxarium and introduced into scientific circulation by M. Nystazopoulou. A more thorough study of the glosses makes it possible to read the name of the Sugdean mountain – Daut.

Keywords: “Sugdean Synaxarium”, glosses, medieval Sugdeya, Mountain Daut
DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-428-430

Salvatore Liccardo

MIGRATIONS OF ETHNONYMS, MIGRATIONS OF PEOPLES:
CONTINUITY AND CHANGE IN THE ETHNIC LANDSCAPE
AROUND THE BLACK SEA THROUGH THE STUDY OF
LATE ANTIQUE LISTS OF ETHNONYMS

This contribution aims at highlighting the importance of the study of ethnonyms and, in particular, of lists of ethnonyms for understanding late antique discourses of ethnicity. The selected sources for this contribution are the *Laterculus Veronensis* (314 CE) and the *Cosmographia* of Julius Honorius (5th century CE). Both works consist in a series of catalogues of place names and ethnonyms, which provide invaluable material for the analysis of the ethnic vocabulary of the time. Drafted with different purposes, these texts serve to elucidate the role of ethnonyms in both the political communication and the educational system of Late Antiquity. In this context, as a cultural and geographical borderland, the area north and east of the Black Sea represents an ideal subject of studies. Its apparently frozen representation in several Late Roman sources exemplifies the dynamic between direct knowledge of the area, the persistence of centuries-old ethnographic traditions, and the agenda of the authors. The following examination will focus on a few ethnic names, such as the Vandali and the Sciri, whose transmission history evidences continuity and change of the ethnic discourse applied to the populations inhabiting this geographical area. In Late Antiquity, the Greco-Roman world experienced numerous drastic transformations that made familiar representations of the ethnic landscape increasingly outdated. The selected sources represent two different examples of the attempt of reconciling the developments on the ground with the older but authoritative ethnographic tradition. In conclusion, these registers reveal the importance of ethnonyms within the organization of knowledge and the learning techniques of the time, as well as the political undertone of ethnic names and their lists.

Keywords: Late Antiquity, ethnonyms, Black Sea, Sciri, *Laterculus Veronensis*, *Cosmographia* of Julius Honorius, ethnic discourse

On the importance of studying ethnonyms and lists of ethnonyms

It is easy not to talk about ethnonyms for a historian. In fact, one could ask oneself whether only linguists and philologists might have the necessary skills

to analyze them. Moreover, while use and functions of ethnonyms in rhetorical and poetical writing is established, understanding characteristics and purposes of ethnonyms from a historical perspective is a more arduous task. However, as this contribution aims to demonstrate, names applied to ethnic groups have also socio-cultural, political, and even educational repercussions. Ethnonyms relate to the identity of the defined groups. They can have symbolic meanings. They trigger associations and serve as means for claiming ownership on past events and collective memories. The connection between ethnonyms and their real-life referents is not always clear, but they are more than simple stylistic embellishments. Ethnonyms did and still matter in a variety of ways. They can be studied as parts of speech and rhetorical devices, but they also take part in history.

One can find ethnonyms in a large number of texts of very different genres. If one concentrates on Late and post-Roman literary texts, ethnonyms are particularly numerous in historiography, geography, and poetry. In historiography, they abound in ethnographic excursuses, in which authors displayed their knowledge of the barbarian world and their familiarity with ancient literature and mythology¹. Texts transmitting geographical information are even more abundant of ethnonyms. They represent one of the cardinal elements that constitute the description of space both in ancient and medieval geographies². Finally, ethnonyms are ubiquitous in poetical writing, especially in late antique panegyrics. A relatively ample corpus of speeches written in honor of late Roman emperors survives to this day. In these texts, the names of defeated barbarians served the primary goal of aggrandizing the military successes accomplished by Roman emperors. Mentioning centuries-old names, such as *Scythae* and *Persae*, or alluding to the fabulous *Amazones* and *Blemmyae*, these rhetoricians blurred the line between history and myth and lent an epic coloring to the Roman victories.

A specific way of employing ethnonyms is gathering them in dedicated lists. By drafting such catalogues, late antique authors collected, organized, and transmitted knowledge in a concise and easily accessible manner. Although certainly not exclusive of the period, to Late Antiquity date a significant number of texts often known under the title of *laterculus* or *notitia*. Regardless of their subject, the lowest common denominator of all these texts is their format. They all consist of one or more lists of names³. Rather than a distinct genre, catalogues are a specific form of discourse that played a central role in late antique intellectual cultures and practices of power. First, regis-

¹ On role of ethnographic topoi embedded in historiographical narratives, e.g. Free 2020; Almagor, Skinner 2013; Kaldellis 2013. P. 1–25.

² On the importance of ethnonyms in geographies and, in particular, the Peutinger Table, Liccardo 2020.

³ An introduction to the study of lists in the Roman world, with a focus on the Late Republic and the Early Empire, Riggsby 2019. P. 10–41.

ters were instrumental in the late antique administration system. In an era of frequent reforms, lists helped Roman bureaucrats to get their facts straight. The most famous example of such lists is the *Notitia Dignitatum* (editions: Neira Faleiro 2005; Seeck 1876). In addition to administration, lists could also function as archive of geographical and topographical data. Since geography was not thought as a separate subject, but rather functioned as a background for other branches of knowledge, catalogues of place-names and ethnonyms were used by teachers of grammar and rhetoric. By collecting toponyms and ethnonyms cited by ancient and authoritative authors, these lists constituted convenient reference books, which helped the students in recognizing the correct spatial framework of the stories they had to learn about⁴.

In the next pages, I will focus on two specific examples of lists of ethnonyms. These are the *Laterculus Veronensis* and the *Cosmographia* of Julius Honorius. The aim is to understanding what these catalogues can tell us about the ethnographic knowledge of their authors; whether these lists were adapted to reflect the changes occurring on the ground; and how do they reflect the migrations occurring around the Black Sea in Late Antiquity.

The Laterculus Veronensis and the Sciri, or rather when ethnonyms do not migrate

The *Laterculus Veronensis* (henceforth *LV*) consists of a register of Roman provinces, organized in twelve dioceses, and three shorter lists, which gather ethnonyms and names of five *civitates* located across the Rhine⁵. Preserved in just one manuscript, the Verona Biblioteca Capitolare II (2), fols. 255r–256v⁶, and mostly lacking in references to datable events, the *LV* has been a bit of a headache for modern scholars. However, after much debate, today the *communis opinio* describes the *LV* as a coherent document drafted in the later months of 314 (Jones 1964. P. 43–47. Overviews on the dating of the text, Barnes 2007. P. 203–204, 1996. P. 548–550; Kuhoff 2001. P. 338; Rees 2004. P. 24–30; Porena 2003. P. 173–186; Zuckerman 2002).

While almost every research dedicated to this work has focused on the provincial list, neither the purpose nor the single items of the catalogues of ethnonyms have received much attention. These lists reflect the transformations of the ethnographic and topographic lexicon of the time. Karl Müllenhoff published the only extensive examination of these listings back in 1863 (Müllenhoff 1863). More recent, but partial, analysis of these catalogues are

⁴ For a long and detailed discussion of these lists, Racine 2009. P. 41–64. For an overview on the teaching of geography in late antiquity, Gautier Dalché 2014; Lozovsky 2002. P. 102–138.

⁵ See the editions Seeck 1876. P. 247–253; Riese 1878. P. 127–129. The title *Laterculus Veronensis* is a modern invention. Bibliography in Hartmann 2008. P. 34; Fuhrmann 1989.

⁶ For a description of the manuscript, Gryson 1999. P. 278, n. 182; Spagnolo, Marchi 1996. P. 51–52, II (2). The Manuscript contains also the recension B of the *Cosmographia* of Julius Honorius.

included in the third volume of *Griechische und Lateinische Quellen zur Frühgeschichte Mitteleuropas*, edited by Joachim Herrmann, and in ‘Eastern Europe in Roman Cartographic Tradition’ (*Vostochnaya Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii*), authored by Alexander Podossinov (Herrmann 1991. P. 401–402, 644–646; Podossinov 2002. P. 99–105. See also: Mathisen 2011. P. 22–23).

These registers of ethnonyms collect names of barbarians living in Europe, Asia, and Africa. Introduced by the heading *Gentes barbarae, quae pullulauerunt sub imperatoribus*, the first one of these lists contains four different clusters of names. These correspond to the peoples living in Britain and Ireland, the trans-Rhenine barbarians, the trans-Danubian groups, and, finally, the *gentes* that dwelt near the Eastern frontier. The section dedicated to the groups living north of the Danube and the Black Sea reads:

Armilausini Marcomanni / Quadi Taifruli Hermundubi Uandali Sarmat[ae] / Sciri Carpi Scitae Gothi

The sequence follows roughly a west-east direction and has the Danube as the main point of reference. After the Armilausini, an example of a non-ethnic term turned into an ethnic denomination⁷, and the usual pair Marcomanni-Quadi⁸, the *LV* presents a mixture of classical and recent ethnonyms, as well as of small *gentes* and large ethnic confederations. One finds in this section the well-known ethnic umbrella term *Sarmatae* and probably the most re-used and re-adapted ethnonym of Greco-Roman ethnography, i.e. *Scythae*. However, there are also names of minor groups, such as the Hermunduri⁹ and the Taifals, a *gens* attested only by a handful of sources transmitting a very limited amount of information.

The *LV* represents a valuable source for the history of the Vandals and, even more so, of the Sciri. These names represent two cases of ‘disappearing and reappearing’ ethnonyms¹⁰. Known by authors of the Late Republic and the Early Empire, these names disappear from the sources at our disposal and resurface during Late Antiquity. Chronologically distant textual references to ethnic groups bearing the same or a very similar name are not *per se* proof of the uninterrupted existence of the given people. However, the reappearance of such ethnonyms cannot always be disregarded as a bookish identification.

⁷ Rübekel 1996. P. 1331; Sitzmann, Grünzweig 2008. P. 39. Miller has suggested another etymology pointing at a possible river called Armala, corresponding to the Pregolya, Neman or Lyna River: Miller 1916. P. 615.

⁸ On the etymology of these ethnonyms, Sitzmann, Grünzweig 2008. P. 202–203, 222–223.

⁹ For a linguistic analysis and the oldest references of this ethnonym, Neumann 2008. P. 345–346; Sitzmann, Grünzweig 2008. P. 114–115.

¹⁰ On this concept, Heather 1998. For three monographies dedicated to this gens, Steinacher 2016; Merrills, Miles 2010; Castritius 2007.

The sources encourage us to reflect on whether ‘old’ and ‘new’ groups with the same name were indeed connected. In answering to this very complex question, the *LV* provides some precious evidence. Thanks to the *LV*, in fact, one can try to fill the gap in the historical record of ethnonyms that, after their first appearance in the 1st century, disappear from sight for several decades.

Called by Latin sources either *Vandili*, *Vandali*, or *Vanduli*, the Vandals are mentioned both by Pliny and Tacitus¹¹. At the beginning of the 3rd century Cassius Dio informs us of the diarchy of the Asdingi – a group usually considered as being a sort of ethnic sub-unit of the Vandals, since the name was later adopted by the Vandal royal family – and locates the spring of the Elbe River in the ‘Vandalic Mountains’¹². Afterwards, the ethnonym resurfaces in the second half of the 3rd century CE, when Dexippus refers to a peace treaty signed by the Vandals and the emperor Aurelian¹³. Negotiated in 270, the pact brought to an end a largely unsuccessful invasion of Roman Pannonia and set forth the enlistment of Vandal cavaliers in the Roman army¹⁴. According to Zosimus, Emperor Probus defeated a group of Vandals about ten years later (Zos. *Historia Nea* 1.68). This time the Vandals were allies of the Burgundians and their theater of operations was the Roman province of Raetia (Steinacher 2016. P. 26). Finally, a few years before the composition of the *LV*, the Vandals appear also in a speech in honor of emperor Maximian (21 April 289). Here the Vandals, together with the Gepids, are described fighting a coalition of Taifals and Tervingians (Paneg. Lat. 11(3).17.1).

In conclusion, this *gens* seems to have played a secondary role in the Middle Danube region during the 3rd century. While no extant source refers to the Vandals in the context of the ‘Gothic wars’ in 250s and 260s, they were involved in military activities of limited scope. This is also evidenced by the fact that no coeval Roman emperor bore the victory title *Vandalicus*, which entered the Roman titlature only under Justinian. The Vandals were a small ethnic entity, fractioned in even smaller groups that were only rarely in conflict with the Romans. The limited size increased the mobility of the Vandals, who pillaged both Pannonia and Raetia within a few years. As confirmed also by the *LV*, between the end of the 3rd and the beginning of the 4th century the ethnonym re-entered the ethnic vocabulary of Roman persons of letters. Nevertheless, the scarce number of instances shows that the Vandals became

¹¹ “Germanorum genera quinque: Vandili, quorum pars Burgodiones, Varinnae, Charini, Gutones.” Plin., NH 4.14.99. On the etymology of this ethnonym, Sitzmann, Grünzweig 2008. P. 295–297. Tac. Germ. 2.2.

¹² Cass. Dio *Historia Romana* 55.1.3 (the Vandal Mountains), 72[73].2.4 (together with the Iazyges and the Buri), 77[78].20.3 (together with the Marcomanni). On the peculiar institution of the diarchy, Castrius 2008. On the identification of these mountains as the Riesengebirge, Swan 2004. P. 42.

¹³ Dexippus F 30 (ed. Martin, 136–137).

¹⁴ *Notitia Dignitatum*, in *partibus Orientis* 28.25 (ed. Seeck, 59).

prominent only at the beginning of the 5th century, after a mixed group of Alans, Vandals, and Suebi crossed the Rhine the last day of 406. Concerning the location of the Vandals, the *LV* places them between the Hermunduri and the Sarmatians, thus beyond the Middle Danube.

The name *Sciri* represents another, more complex, and thus perhaps more intriguing case of a disappearing and reappearing ethnonym. The paucity of the sources and the extremely wide time intervals that divide the few-recorded mentions make any interpretation very tentative (on this: Castritius, Zimmer 2005. Also: Sitzmann, Grünzweig 2008. P. 240–241; Goffart 2006. P. 203–205). The name's etymology points at the PIE root **skeHi-* meaning 'to shimmer' or 'to shine.' The Sciri are thus 'the bright ones' or 'the shining ones.' The oldest source attesting to the Sciri is an inscription found in Olbia, an ancient colony of Miletus located near the estuary of the Southern Bug in today's Ukraine. Dated to the last quarter of the 3rd century BCE, the text is an honorific decree devoted to a wealthy and influential citizen, called Protopogenes, who held a series of public offices and had the merit of defending the city from barbarian raiders¹⁵. The inscription praises Protopogenes for providing out of his own pocket donatives for several tribes that were instrumental in convincing such barbarians to spare the city. One passage of the inscription goes:

Deserters were reporting that the Galatians and the Sciri had formed an alliance, that a large force had been collected and would be coming during the winter, / and in addition that the Thisarnatae, Scythians and Saudaratae were anxious to seize the fort, as they themselves were equally terrified of the cruelty of the Galatians¹⁶.

Although the epigraph does not provide precise geographical information, it suggests that the military alliance formed by the *Γαλάται* and the *Σκίροι* was alarming the neighboring peoples pushing them towards the city of Olbia. The text implies that Galatians and Sciri were dwelling further inland in comparison to the Thisarnatae, the Scythians, and the Saudaratae.

It exists a second inscription containing this ethnonym that dates roughly to the same period¹⁷. Engraved on a marble stele, the text is another honorific decree for a distinguished citizen, a certain Meniskos. Found in reuse at Pliska, the inscription was erected in 215–210 BCE in the city of Histria, a Mile-

¹⁵ Austin 2006. P. 217–222. The inscription is included in the collection *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*, as IOSPE I² 32. For the historical context, Vinogradov 1999. P. 70–75. For a much broader analysis, as the historical context, Braund 2002.

¹⁶ Austin 2006. P. 220. The original text goes: “τῶν δὲ αὐτομόλων ἐπαγγελλόντων Γαλά- / τας καὶ Σκίρους πεποιῆσθαι συμμαχίαν καὶ δύ- / ναμιν συνῆχθαι μεγάλην καὶ ταύτην τοῦ χει- / μῶνος ἦξειν ἐπαγγελλόντων, πρὸς δὲ τοῦ- / τοις Θισαμάτας καὶ Σκύθας καὶ Σαυδαράτας ἐπι- / θυμῆν τοῦ ὀχυρώματος, δεδιότας ὡσαύτως καὶ αὐτοὺς τὴν τῶν Γαλατῶν ὀμότητα.” IOSPE I² 32, face B.1, 5–11.

¹⁷ Alexandru Avram has newly edited and commented the inscription, Avram 2015.

sian colony located near the Danube Delta. Meniskos is described convincing the civic authorities to donate a certain amount of gold to the king of the Sciri, named Ates, in order to facilitate a peace treaty with this menacing group. This second inscription evidences the presence of a *gens* called Sciri on the Lower Danube just a few years after their appearance in the hinterland of Olbia.

Pliny the Elder is the first Latin author that mentions the Sciri, localizing them together with Sarmatians, Veneti, and Hirri, in the area between Aeningia (possibly Aestingia, i.e. the Baltic area) and the Vistula River¹⁸. In the following centuries, the ethnonym vanishes from historical records. Any hypothesis on how the name survived is highly speculative, but one can suppose that this extraordinary long period of silence is the consequence of a lack of political and military independency. This might be the reason why later sources, referring to an area they barely knew, used only the ethnonym of more influential *gentes*. Therefore, it seems plausible that the name Sciri was abandoned by Greco-Roman authors in favor of the ethnonyms Galatians and Bastarnae, the latter being a term used for specifying the Galatians living near the Danube¹⁹.

If the equation between the names *Bastarni* and *Sciri* is correct, the expression *Basternici motus*, found in the prologue of Justin's *Epitome* may refer to the same incursions whose circumstances are narrated in the aforementioned inscriptions commissioned by the citizens of Olbia and Histria (Avram 2015. P. 51–52; the expression is in Justin *Epitome*, Prologus 28). Moreover, in Tacitus' *Germania* the Bastarnae are located in an ethnic context very similar to the one described by Pliny in regard to the Sciri. Similar to other *Germani* for their language, religion, and way of life, the Bastarnae are said to neighbor the Veneti and the Fenni, and to intermarry with Sarmatians so frequently to resemble them more than fellow Germans (Tac. *Germ.*, 46.1. On this reference on their appearance: Isaac 2004. P. 142). A further element that indicates the Roman ethnographic attitude of treating these ethnonyms as denoting affiliated groups comes from the *Ethnica* of Stephanus of Byzantium. This 6th-century dictionary defines the Sciri as a 'Galatian people' (*Γαλατικόν ἔθνος*) (Steph. Byz. *Ethnika*. S. 210).

The testimony of the *LV* is particularly remarkable because it attests to the reappearance of the ethnonym after centuries of silence. Moreover, the *LV* shows that from the point of view of the Roman literati the Sciri continued to occupy roughly the same area. Inserted between the Sarmatians and the Carpi, they are included among the *gentes* that dwelt near the Lower Danube. Referring to an event occurred in 381, Zosimus pairs them with the Huns and the *Καρποδάκαι*, placing them, again, in the same geographical context, namely north of the Lower Danube (Zos. *Historia Nea* 4.34.6). At the beginning of

¹⁸ Plin. *NH* 4.13.97. On Pliny's sources, Avram 2015. P. 49–50; Schmidt 1934. P. 97.

¹⁹ For an overview of the history of this gens, Batty 2008. P. 353–356.

the 5th century the Sciri are connected to the Huns, with whom they raided the Roman Empire in 408 under the leadership of Uldin (Soz. *Historia Ecclesiastica* 9.5). The eventual defeat of the barbarians led to the imprisonment and deportation of both Huns and Sciri that were redistributed among Roman landowners as *coloni* (Cod. Theod. 5.6.3 (409); this population transfer is explained by the *constitutio de Scyris*, Rosafio 2011). In conclusion, the name of the Sciri represents the extraordinary case of an ethnonym defining both in the Hellenistic period and in Late Antiquity an ethnic group that did not change its dwelling place. What is peculiar regarding the Sciri is that their disappearance as well as their reintroduction in the Greek and Latin ethnic nomenclature does not appear to be the consequence of their migration, but of a change of posture of Roman authors as well as transformations occurred within the *barbaricum*.

The *Cosmographia* of Julius Honorius and a seemingly unchanged ethnic landscape

The second case study comes from a 5th-century geographical text known under the title *Cosmographia* and authored by a certain Julius Honorius²⁰. This text is explicitly connected to late antique teaching practices. A colophon included in the oldest manuscript containing the *Cosmographia* illustrates its purpose and provides a few information on its author²¹. It calls this work a *liber exceptorum*²², that is to say a collection of lecture notes, and refers to it as “the excerpts from the sphere or rather its content” (*excerpta eius sphaerae uel continentia*). In other words, the *Cosmographia* is the written legend of a globe, the textual form of a map²³. If, from a modern perspective, the copying of the names found on a map seems a quite dull, if not pointless undertaking, for Julius Honorius and his students the *Cosmographia* had its advantages. Since the curved surface of the globe made it difficult to read its numerous inscriptions, the text facilitated the use of the sphere in class, so that teachers and students started reading the *Cosmographia* as its explanatory booklet.

²⁰ With the exception of the edition provided by Salvatore Monda – Monda (2008) –, no modern study has been entirely dedicated to the *Cosmographia*. On the other hand, there are analysis dedicated to certain sections of the text, as well as useful summaries and overviews. For an introduction, Gautier Dalché 2014. P. 157–159; Altomare 2013. P. 18–22.

²¹ The *Cosmographia* has a rather complex transmission history. Scholars have recognized three different recensions, defined as A, B, and C. The recension A has only one witness. It is the manuscript Paris Lat. 2769, f. 23v + Paris Lat. 4808, ff. 53–65 (MSS A¹ and A¹¹). The rest of the sigla codicum includes the manuscripts (V) Verona Biblioteca Capitolare II (2), (O) El Escorial, R. II. 18; (S) Paris, lat. 10318; (P) Vatican, Pal. lat. 973; (R) Vatican, lat. 3864; (C) Paris, lat. 4871.

²² The term *excepta* refers to the entire book and not only to the summary (compendium) inserted at the end of the main text. Cf. Monda 2008. P. 17–24; Gautier Dalché 2014. P. 158; contra Spallone 2003. P. 132.

²³ The latest and most detailed analysis of this passage is in Diederich 2019. P. 126–135.

Furthermore, the aforementioned colophon calls the author, Julius Honorius, a *peritus* and *doctissimus* teacher, thus confirming the context in which the text was drafted. In plain terms, the text consists of a series of catalogues of place-names and ethnonyms. The *Cosmographia* reflects a clear, fourfold division of the *orbis terrarum*, according to the cardinal points and follows the order: East, West, North, and South. For each quarter of the world, the text includes six lists of toponyms (these are names of seas, islands, mountains, provinces, cities, and rivers) and one catalogue of ethnonyms. It offers a collection of names of localities and peoples that the pupils of Julius Honorius could perceive as both chronologically and spatially distant. By gathering them, the *Cosmographia* made the students familiar with their location as well as their cultural and historical significance.

Finally, it is worth noting that the catalogues of places and peoples are prefaced by the account of the measurement of the world. Thoroughly analyzed by Claude Nicolet and, more recently, by Christopher Krebs and Silke Diederich (Diederich 2019. P. 134–135; Krebs 2018. P. 113–116; Nicolet, Gautier Dalché 1986. P. 157–183), this section of the text, the so-called *dimensio* of the world, describes a geographical enterprise started during the last consulate of Julius Caesar (44 BCE) and concluded during the reign of Augustus²⁴. According to this account, in a few decades four *sapientissimi viri* observed and measured the four quarters of the world at the behest of the Roman authority. Regardless of the authenticity of this tale and the circumstances of its transmission (Simon 2013. P. 39), its inclusion in the *Cosmographia* attests to the political essence of geographical investigations and the ideological meaning of these seemingly dry lists of place-names and ethnonyms. For the ethnic landscape of the Black Sea Region, the *Cosmographia* contains a quite long albeit mostly outdated archive of names. According to the proposed fourfold division, the *gentes* living around the Black Sea occupied the northern quarter of the world. The text goes:

Gentes oceani septentrionalis quae sint. Scythae gens | Borysthenes <gens> | Nomades gens | Sauromatae gens | Cercetae gens | Heniochi gens | Colchi gens | Phasis gens | barbari albi | ignobiles gens | Thermonos gens | Ryndacos gens | Xanthii gens | Mossynoeci gens | Leucosyri gens | Arimaspi gens | Futtui gens | Dahae gens | Scythae Anthropophagi gens | Derbiccae gens | Pasicae gens | Seres gens | Theriodes gens | Anartacae gens | Chorasmi gens | Massagetae gens | Bactriani gens | Paropanisidae gens | †Traumeda gens | Sigotani gens (Cosmographia 38, ed. Monda, 56–57).

²⁴ The date oscillates between 19 BCE and 4/5 CE.

Up until the entry *Leucosyri gens*²⁵, the list proceeds clockwise around the Black Sea, from the northwestern coast to its southern shore²⁶. It opens with the ever-present Scythians and two entries – *Borysthenes* and *Nomades* – considered by the Greco-Roman historiographic and geographic tradition as referring to two Scythian sub-units. This set of ethnonyms strikes for its conventional character, since it follows the description of the area first provided by Herodotus. With the following entry – *Sauromatae* – and the omission of the Basilides and the Melanchlaeni, the *Cosmographia* diverges from this model and cuts short the series of names recorded by Herodotus, Mela, and Pliny²⁷. The ethnonym *Sauromatae* divides the people living north of the Black Sea from the ones inhabiting its eastern coast. This position suggests that on the map this ethnonym was located around the mouth of the Tanais (the Don River).

This specific entry reveals the varied nature and chronology of the content illustrated on the *sphaera* used by Julius Honorius. While the Latin ethnonym *Sarmatae* among the *gentes* of the Western Ocean shows the presence of a group with such name among the peoples dwelling north of the Danube – the ethnonym is inserted between the Quadi and the Bastarnae – this second item signals the representation on the map of a Greek and older understanding of the ethnic landscape. The relation between the ethnonyms *Σαυρομάται*/*Sauromatae* and *Sarmatae* is not entirely clear²⁸. If it is true that Pliny puts it as a simple linguistic matter – these are the Greek and Latin versions of the same name (Plin. NH 4.12.80) – the terms can refer to different *gentes* and the same Pliny treats them as distinct denominations applied to separate groups²⁹. Here the co-occurrence of these names evidences the presence of Greek inscriptions on the original globe and the stratification of this depiction. Furthermore, it exposes its dissimilarity with the Peutinger Table. Contrary to this extant ancient map, the *Cosmographia* does not include any of the groups considered by the sources as Sarmatian sub-units, neither in Eastern Europe, such as the Roxolani or the Iazyges, nor in the Northern Caucasus Region³⁰. In the text, there is only one entry, the name *Sarmatae*, alluding to the Sarmatian groups that became a threat to the Roman provinces of Pannonia and Moesia from the 3rd century CE onwards. Contrasted with the entries *Carpi*,

²⁵ On ancient sources localizing this group in the north-east of Asia Minor, Dan 2010.

²⁶ For an overview of the latest researches on this region, Tsetschladze, Avram, and Hargrave 2021.

²⁷ Hdt., 4.20. As in the case of the Anthropofagi, according to Herodotus the Melanchlaeni were not a Scythian group. Also Mela and Pliny describe Nomades and Basilides as neighbors, Mela 2.1.4; Plin. NH 4.12.84. However, both Latin authors place the Melanchlaeni further east, in the Colchis, Mela 1.110; Plin. NH 6.15.

²⁸ For a longer discussion and bibliography, Dan 2017a. P. 114–115.

²⁹ E.g. describing the peoples living near the Caspian Sea, in the hinterland of the city Pityus, Pliny defines the Epageritiae as a Sarmatarum populus that neighbors the Sauromatae, Plin. NH 6.5.17.

³⁰ On the migration of the Sarmatians, Dan 2017a; Grumeza 2021.

Goti, and *Gippedi*, which are included in the list of western *gentes* and are either ‘new’ or reappearing ethnonyms, the lack of details in this section shows the western focus of the *Cosmographia* and the absence of terminological update for describing the nomads living in the Eurasian steppe³¹.

The hypothesis that the *Cosmographia* reflected a mostly unchanged image of the Black Sea Region is further supported by the entries *barbari albi* and *ignobiles gens*. These are considered as two separate items by Salvatore Monda, the last scholar publishing an edition of the *Cosmographia*, and they are written as such in the oldest manuscripts containing the *Cosmographia* (A^{II} and V)³². On the other hand, Alexander Riese, the German scholar who edited the famous collection *Geographi latini minores*, interpreted these words as referring to a single map legend, which the editor of the booklet conveyed as *barbari alii ignobiles gens*, in place of the grammatically correct *barbarae aliae ignobiles gentes* (‘other unknown barbarian peoples’) (Riese 1878. P. 45). In this case, one has to bear in mind that no manuscript has the wording *alii* and that color names can be used in ethnographic designations to distinguish sub-units of the same group. This is the case for the well-known White Huns (*λευκοὶ Οὔννοι*)³³, or the White Syrians (*λευκόσυροι*), a name attested also by the *Cosmographia* (*Leucosyri gens*) a few items later.

However, this second hypothesis – i.e. interpreting the caption as referring to ‘other unknown barbarian groups’ – would help to recognize the origin of this entry in some other explanatory notes located on the globe that referred to a certain ‘land of the barbarians.’ In order to identify this region one can take into consideration the Albi Map, which offers a comparable example³⁴. By and large dependent on the image of the world described by Orosius in the *Historiae adversus paganos*³⁵, this 8th-century world map contains the legend *Barbari* between the illustrations of the Caspian and the Black Sea³⁶. In a map otherwise devoid of ethnonyms, this inscription has the symbolic function of marking the area as quintessentially barbarian (Coumert 2013). It is the same Orosius, the main source of the Albi Map, to define this area as *Barbaricum* while describing the north-eastern end of Europe (Oros. *Historiae adversus paganos* 1.2.54).

³¹ For a take on the narratives regarding the Nomads north of the Black Sea, Podossinov 2019.

³² Same situation in O, while in other manuscripts this segment is divided into three different entries – *barbari*, *albi*, *hicnobilis* (S); *barbari gens*, *Alchi gens*, *Ignobiles gens* (C). In P this section is missing.

³³ Described at length in Procop. BP 1.3.

³⁴ As suggested by Arnaud 2014. P. 48; one can also take into consideration the Tournai Map of Asia, which contains the inscription [B]arbaries. In that case, the legend is located north of the Danube and near the source of the Alanus fluvius (usually identified with the Prut).

³⁵ In the manuscript, after the map one finds an index of seas and winds, and Orosius’ geographical introduction (f. 58v–61v).

³⁶ Recently on this map, with a detailed bibliography and the context, Dan 2017b.

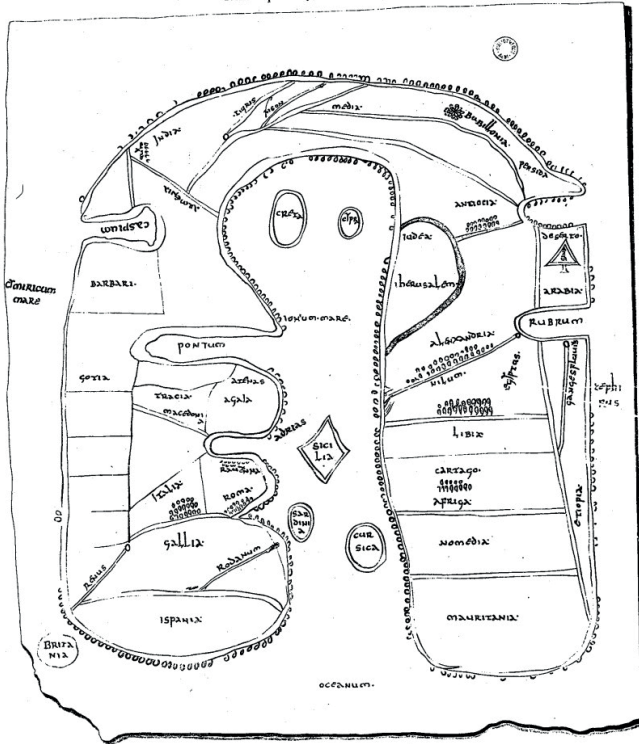


Fig. 1. Albi Map, sketch from Miller 1895. P. 58.

Further evidence is provided by Isidore of Seville, who, in the 7th century, repeats this account, offering next to the geographical location also a clear explanation of the name:

The first region of Europe is lower Scythia, which begins in the Maeotian swamps (i.e. the Sea of Azov), stretching between the Danube and the northern Ocean up to Germania. And this land is called Barbarica in general usage on account of the barbaric people by whom it is inhabited³⁷.

To these sources, one can add an episode told by Curtius Rufus that seems to echo this geographical tradition. At the beginning of Book 3 of his *Historiae Alexandri Magi*, Curtius Rufus describes Darius III in the act of reviewing his multi-ethnic army in 333 BCE near Babylon. Fashioned after Herodotus'

³⁷ "Prima Europae regio Scythia inferior, quae a Maeotidis paludibus incipiens inter Danubium et Oceanum septentrionalem usque ad Germaniam porrigitur; quae terra generaliter propter barbaras gentes, quibus inhabitatur, Barbarica dicitur." Isid. Etym. 14.4.3. Translation in Barney, Lewis 2006. P. 289.

description of the military review made by Xerxes at Doriscus in 480 (Blänsdorf 1971), the account provides details on the forces of infantry and cavalry units. The ethnic origin of the troops is the main organizing principle of this passage, which is a sort of catalogue of the Achaemenid army. Towards the end, after listing the troops coming from the Caspian Sea, the author mentions two thousand foot soldiers and four thousand knights recruited among *ignobiles aliae gentes* (Curt. *Historiae Alexandri Magni* 3.2.8). Included at the end of a list of discrete items, the expression serves to blur the limits of the catalogue conveying the idea of an unlimited number of military units. However, structured as a geographical excursus, the text could also mirror the Greek ethnographical tradition of describing peripheral areas between the Black Sea and the Caspian Sea as crawling with nameless and unknown barbarians.

Conclusions

By focusing on two late antique lists of ethnonyms and, more specifically, their sections devoted to the *gentes* inhabiting the Black Sea Region, this contribution aimed at highlighting elements of continuity and adaptability in Late Roman ethnographic and geographic discourse. The first catalogue of ethnonym completed a list of provinces and was drafted in 314, while the second one was included in a 5th-century school handbook. These registers reveal the importance of ethnonyms within the organization of knowledge and the learning techniques of the time, as well as the political undertone of ethnic names and their lists.

With its focus on two cases of ‘disappearing and reappearing’ ethnonyms, the analysis of the *Laterculus Veronensis* has emphasized the possible adjustments of the ethnic vocabulary in Late Antiquity. Gathering both ancient and coeval names, this source reflects an intermediate phase in the development of the Late Antique ethnic nomenclature. If names such as *Calidoni*, *Bructeri*, and *Celtiberi* display the lexical conservatism of early 4th-century Roman literati, the inclusion of relatively recent ethnonyms, such as *Scoti*, *Alamanni*, and *Bavares* hints at the limited updates that the shared repertoire of ethnic names was experiencing. With the reintroduction of long forgotten names and the addition of a few recent denominations, the *Laterculus Veronensis* indicates a certain Roman receptiveness to revise ancient ethnographic schemes and taxonomies. In particular, the case of the Sciri highlights both the importance of this source for the study of lesser-known groups and the often ambiguous relationship between the use of a certain ethnonym and the history of its real-life referent. The vanishing of this ethnonym from the historical record, as well as its reappearance in the same ethnic landscape, encourages us to recognize the complexity and sophistication of Greco-Roman strategies of identification and distinction (for these concepts Pohl, Reimitz 1998; Pohl, Heydemann

2013). It urges us to avoid reducing ethnonyms to a mere matter of authors' style, but also considering them as a conclusive evidence of the existence and survival of the corresponding ethnic groups.

The second selected source has further elucidated the various meanings and functions that ethnonyms could assume in Late Antiquity. Read and studied in class, the *Cosmographia* of Julius Honorius exemplifies the importance of listing and memorizing ethnonyms as part of the late antique school curriculum. In this handbook, ethnonyms were included as terms to be studied and remembered per se, for their intrinsic value, but also as tools for categorizing the world. The section of the *Cosmographia* centered on the *gentes* inhabiting the Black Sea Region reveals the glaring contrast between the marked traditionalism of this source and the drastic changes that were unfolding on the ground. The difference between the image of this region, as depicted by the *Cosmographia*, and the actual migrations of peoples is so stark that one may wonder if late antique education served more to isolate pupils from the surrounding world, rather than providing them with the instruments for understanding it³⁸. By conserving the same literary canons and transmitting vocabulary and content dating to classical Rome, the educational system fostered a sentiment of nostalgia for a better and idealized version of *vetustas*. The repetition of names made renowned first by Herodotus and the inclusion of general statements on the barbarian nature of these distant lands concur to create a distinctively archaic and exotic image of the area north and east of the Black Sea. This region continued to represent an essentially barbarian land and the historical homeland of waves of unknown barbarians.

In conclusion, the *Laterculus Veronensis* and the *Cosmographia* of Julius Honorius attest to the importance of listing ethnonyms in Late Antiquity. Although lists and registers are certainly not an invention of Late Roman culture, the cultural trends and epistemic horizons of the time were particularly suitable for the drafting of this kind of texts. These sources mirror processes of dislocation and new contextualization of ancient knowledge within late and post-Roman cultural environments³⁹. While in the *Laterculus Veronensis* the catalogues of ethnonyms substantiate the Roman claim of universal dominion – the subjugated barbarians are the counterpart to Roman provincials and make the imperial authority truly *sine fine* – in the *Cosmographia* the names of the *gentes* complete the image of a world shaped by Roman knowledge and power. In this tension between a largely conservative ethnographic discourse and lexicon, on the one hand, and an ever-changing ethnic landscape, on the other, the study of the peripheries of the Late Roman world, such as the Black

³⁸ On this interpretation of late antique education, Stenger 2022. P. 5–7. One specific field that did experience some innovations is legal education, Szabat 2015.

³⁹ Overview of these several processes, Dusil, Schwendler, Schwitter 2017.

Sea Region, represents the best litmus test. In the descriptions of these borderlands, the attempts of conserving, adapting, and re-negotiating centuries-old ethnic taxonomies and cultural boundaries appear more clearly⁴⁰. It is especially in regards to these areas that late Roman elites employed ethnonyms as basic components of their analytical models to represent, interpret, and influence a human world that migrations, political unrest, and cultural changes, were profoundly transforming.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Almagor E., Skinner J.* (eds.). *Ancient Ethnography: New Approaches*. London, 2013.
- Altomare B.* Géographie et cosmographie dans l'Antiquité tardive: la tradition grecque et les modèles latins // *Dialogues d'histoire ancienne*. 2013. T. 1. N. 1. P. 9–34.
- Arnaud P.* Mapping the Edges of the Earth: Approaches and Cartographical Problems // *The Periphery of the Classical World in Ancient Geography* / Ed. A. Podossinov. Leuven, 2014. P. 31–58.
- Arnaud-Lindet M.-P.* (ed. and transl.). *Orose: Histoire contre les païens*. Paris, 1990.
- Austin M.* *The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest: A Selection of Ancient Sources in Translation*. 2nd ed. Cambridge, 2006.
- Avram A.* Les premiers peuples germaniques sur le bas Danube. Autour du décret SEG 52, 724 // *Studi ellenistici*. 2015. Vol. 29. P. 27–76.
- Barnes T.* Emperors, panegyrics, prefects, provinces and palaces (284–317) // *Journal of Roman Archaeology*. 1996. Vol. 9. P. 532–558.
- Barnes T.* Constantine after Seventeen Hundred Years: The Cambridge Companion, the York Exhibition and a Recent Biography // *International Journal of the Classical Tradition*. 2007. Vol. 14. P. 185–220.
- Barney S., Lewis W., Berghof B. and O.* (transl.). *The Etymologies of Isidore of Seville*. Cambridge, 2006.
- Batty R.* *Rome and the Nomads. The Pontic-Danubian Realm in Antiquity*. Oxford, 2008.
- Billerbeck M., Neumann-Hartmann A.* (eds.). *Stephani Byzantii Ethnica*. 5 vols. Berlin; New York, 2006–2017.
- Blänsdorf J.* Herodot bei Curtius Rufus // *Hermes*. 1971. T. 99. N. 1. P. 11–24.
- Boissevain U.* (ed.). *Cassii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum quae supersunt*. Berlin, 1895–1931.
- Braund D.* Steppe and Sea: The Hellenistic North in the Black Sea Region before the first century BC // *The Hellenistic World. New perspectives* / Ed. D. Ogden. Swansea, 2002. P. 199–219.

⁴⁰ On this 'transitional' aspect of ethnonyms, Lampinen 2019.

- Castritius H.* Die Vandalen. Etappen einer Spurensuche. Stuttgart, 2007.
- Castritius H.* Das vandalische Doppelkönigtum und seine ideell-religiösen Grundlagen // Das Reich der Vandalen, und seine (Vor-) Geschichten / Ed. G. Berndt, R. Steinacher. Wien, 2008. P. 79–86.
- Coumert M.* Représenter le barbaricum entre Antiquité et Moyen Age. Texte et dessin dans le manuscrit d'Albi // Communication inédite, publiée en ligne sur. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01225053>. 2013.
- Dan A.* Les Leukosyriens: Quelques notes d'ethnographie sinopéenne // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. T. 16. P. 73–102.
- Dan A.* The Sarmatians: Some Thoughts on the Historiographical Invention of a West Iranian Migration // Vom Wandern der Völker. Migrationserzählungen in den Altertumswissenschaften / Ed. F. Wiedemann et al. Berlin, 2017. (a)
- Dan A.* La mappemonde d'Albi - un pinax chorographikos. Notes sur les origines antiques de la carte et du texte du ms Albi 29 fol. 57v–58r // Bulletin du Comité Français de Cartographie. 2017. T. 234. P. 13–44. (b)
- Diederich S.* Kartenkompetenz und Kartenbenutzung bei den römischen Eliten – Teil 2 // Orbis Terrarum. 2019. T. 17. P. 101–184.
- Dusi S., Schwedler G., Schwitter R.* Transformationen des Wissens zwischen Spätantike und Frühmittelalter // Exzerpieren – Kompilieren – Tradieren / Hrsg. S. Dusil et al. Berlin; Boston, 2017. S. 1–22.
- Free A.* Bemerkungen zur Topik als unvermeidbarem Element antiker Geschichtsschreibung // Der ethnographische Topos in der Alten Geschichte Annäherungen an ein omnipräsentes Phänomen / Hrsg. M. Zerjadtke. Stuttgart, 2020. P. 27–38.
- Fuhrmann M.* Der Laterculus Veronensis // Handbuch der lateinischen Literatur der Antike 5: Restauration und Erneuerung. Die lateinische Literatur von 284 bis 374 n.Chr. / Hrsg. R. Herzog. München, 1989. S. 99, § 519.
- Gautier Dalché P.* L'enseignement de la géographie dans l'antiquité tardive // Klio. 2014. T. 96. N. 1. P. 144–182.
- Godley A.* (ed. and transl.). Herodotus. The Persian Wars, Vol. 2: Books 3–4. Cambridge, Massachusetts; London, 1921.
- Goffart W.* Barbarian Tides: the Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006.
- Grumeza L.* Sarmatae and Sarmatia: From the North Pontic Area to the Great Hungarian Plain // Environment and Habitation around the Ancient Black Sea / Ed. D. Braund et al. Berlin; Boston, 2021. P. 157–176.
- Gryson R.* Altlateinische Handschriften/Manuscripts Vieux Latins 1-275. Vetus Latina 1/2A Freiburg, 1999.
- Hansen G.* (ed.). Sozomenus. Kirchengeschichte. Berlin, 1995.

- Hartmann U.* Die literarischen Quellen // Die Zeit der Soldatenkaiser: Krise und Transformation des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert n.Chr. (235–284) / Hrsg. K.P. Johne. Berlin, 2008. S. 19–44.
- Haury J., Wirth G.* (eds.). Procopii Caesariensis opera omnia. Vols. 1–2: De Bellis. Leipzig, 1962–1963.
- Heather P.* Disappearing and Reappearing Tribes // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. W. Pohl, H. Reimitz. Leiden, 1998. P. 95–111.
- Herrmann J.* Griechische und lateinische Quellen zur Frühgeschichte Mitteleuropas bis zur Mitte des 1. Jahrtausends u.Z. 3. Teil: Von Tacitus bis Ausonius (2. bis 4. Jh. u.Z.). Berlin, 1991.
- Isaac B.* The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton; Oxford, 2004.
- Jones A.* The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964.
- Kaldellis A.* Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Philadelphia, 2013.
- Kuhoff W.* Diokletian und die Epoche der Tetrarchie. Das römische Reich zwischen Krisenbewältigung und Neuaufbau (284–313 n.Chr.). Frankfurt-am-Main, 2001.
- Lampinen A.* Cultural Artefacts in Transit. Notes on the Transmission and Translation of Ethnonyms in the Greco-Roman Eastern Mediterranean // Translation and Transmission / Ed. J. Hämeen-Anttila, I. Lindstedt. Münster, 2019. P. 139–179.
- Liccardo S.* Geography of Otherness. Ethnonyms and non-Roman Spaces in the Tabula Peutingeriana // Orbis Terrarum. 2020. Vol. 18. P. 147–165.
- Lindsay W.* (ed.). Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive originum libri XX. 2 vols. Oxford, 1911.
- Lozovsky N.* The Earth is Our Book. Ann Arbor, 2002.
- Lucarini C.* (ed.). Q. Curtius Rufus Historiae. Berlin; New York, 2009.
- Martin G.* (ed. and transl.). Dexipp von Athen. Tübingen, 2006.
- Mathisen R.* Catalogues of Barbarians in Late Antiquity // Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World / Ed. R. Mathisen, D. Shanzer. Farnham; Burlington, 2011. P. 17–32.
- Mayhoff K.* (ed.). Plinius Secundus, Gaius: Naturalis historiae libri XXXVII. Leipzig, 1875–1906.
- Merrills A., Miles R.* The Vandals. New York, 2010.
- Miller K.* Itineraria Romana, Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. Stuttgart, 1916.
- Mineo B.* (ed. and transl.). Abrégé des Histoires Philippiques de Trogue Pompée. 3 vols. Paris, 2016–2020.
- Monda S.* La Cosmographia di Giulio Onorio. Un excerptum scolastico tardo-antico. Roma, 2008.

- Müllenhoff K.* Über den Anhang zu dem Provinzialverzeichniss von 297 // Verzeichniss der Römischen Provinzen / Hrsg. Th. Mommsen. Berlin, 1863. S. 518–531.
- Neira Faleiro C.* (ed.). *Notitia Dignitatum*, La *Notitia Dignitatum* nueva edición crítica y comentario histórico. Madrid, 2005.
- Neumann G.* Namenstudien zum Altgermanischen. Berlin; New York, 2008.
- Nicolet C., Gautier Dalché P.* Les “quatre sages” de Jules César et la “mesure du monde” selon Julius Honorius: réalité antique et tradition médiévale // *Journal des savants*. 1986. T. 4. P. 157–218.
- Önnerfors A.* (ed.). *P. Cornelii Taciti Libri qui supersunt*. Vol. II.2. De origine et situ Germanorum liber. Stuttgart, 1983.
- Paschoud F.* (ed. and transl.) *Histoire nouvelle*. 3 vols. Paris, 1971–1989.
- Pharr C.* (transl.). *The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions*. Princeton, 1952.
- Podossinov A.V.* *Vostochnaya Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii* (Eastern Europe in Roman Cartographic Tradition). Moscow, 2002. [*Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.]
- Podossinov A.V.* *Nomads of the Eurasian Steppe and Greeks of the Northern Black Sea Region: Encounter of Two Great Civilisations in Antiquity and Early Middle Ages // Competing Narratives between Nomadic People and their Sedentary Neighbours* / Ed. Chen Hao. Szeged, 2019. P. 237–251.
- Pohl W., Heydemann G.* [eds.]. *Strategies of Identification. Ethnicity and Religion in Early medieval Europe*. Turnhout, 2013.
- Pohl W., Reimitz H.* (eds.). *Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities*, 300–800. Leiden, 1998.
- Porena P.* *Le origini della prefettura del pretorio tardoantica*. Roma, 2003.
- Racine F.* *Literary Geography in Late Antiquity*. [PhD diss.] Yale, 2009.
- Rees R.* *Diocletian and the Tetrarchy*. Edinburgh, 2004.
- Riese A.* *Geographi Latini Minores*. Heilbronn, 1878.
- Riggsby A.* *Mosaics of Knowledge*. Oxford, 2019.
- Rosafio P.* *La constitutio de Scyris e l’insediamento dei barbari nell’impero // Figures d’empire, fragments de mémoire: Pouvoirs et identités dans le monde romain impérial* / Ed. S. Benoist et al. Villeneuve d’Ascq, 2011. P. 407–423.
- Rübekeil L.* *Völkernamen Europas // Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik / Name Studies : An International Handbook of Onomastics / Les noms propres: Manuel international d’onomastique* / Ed. E. Eichler et al. Berlin; New York, 1996. P. 1330–1343.
- Schmidt L.* *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung*. Bd. 1: Die Ostgermanen. München, 1934.
- Seeck O.* (ed.). *Notitia Dignitatum: Notitia Dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et Laterculi prouinciarum*. Berlin, 1876.

- Silberman A.* (ed. and transl.). *Pomponius Mela. Chorographie.* Paris, 1988.
- Simon J.* *Chorography reconsidered // Mapping Medieval Geographies. Geographical Encounters in the Latin West and Beyond, 300–1600 /* Ed. K. Lilley. Cambridge, 2013. P. 23–44.
- Sitzmann A., Grünzweig F.* *Die altgermanischen Ethnonyme. Ein Handbuch zu ihrer Etymologie.* Wien, 2008.
- Spallone M.* *La Cosmographia di Iulius Honorius e Cassiodoro // Segno e testo.* 2003. T. 1. P. 129–181.
- Spagnolo A., Marchi S.* *I manoscritti della biblioteca capitolare di Verona: catalogo descrittivo.* Verona, 1996.
- Steinacher R.* *Die Vandalen: Aufstieg und Fall eines Barbarenreichs.* Stuttgart, 2016.
- Stenger J.* *Education in Late Antiquity: Challenges, Dynamism, and Reinterpretation, 300–550 CE.* Oxford, 2022.
- Swan M.* *The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History. Books 55–56 (9 B.C.–A.D. 14).* Oxford; New York, 2004.
- Szabat E.* *Late Antiquity and the Transmission of Educational Ideals and Methods // A Companion to Ancient Education /* Ed. M. Bloomer. Chichester, 2015. P. 252–266.
- Tsetskhladze G., Avram A., Hargrave J.* (eds.) *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC – 5th century AD): 20 Years On (1997–2017).* Oxford, 2021.
- Vinogradov Yu.G.* *Severnoe Prichernor'e posle padenija velikoj Skifii (Northern Black Sea region after the fall of the Great Scythia) [Виноградов Ю.Г. Северное Причерноморье после падения великой Скифии] // Hyperboreus.* 1999. T. 5. N. 1. P. 56–82.
- Zuckerman C.* *Sur la Liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'empire et la date de creation des dioceses // Travaux et Mémoires.* 2002. T. 14. P. 617–637.

Сальваторе Ликкардо

МИГРАЦИИ ЭТНОНИМОВ, МИГРАЦИИ НАРОДОВ: ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ ПЕЙЗАЖЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ СОГЛАСНО ПОЗДНЕАНТИЧНЫМ ПЕРЕЧНЯМ ЭТНОНИМОВ

Цель этой работы – показать, как важно изучение этнонимов и, в частности, списков этнонимов, для понимания позднеантичных дискурсов об этнической принадлежности. Основные источники – сочинения *Laterculus Veronensis* (314) и «Космография» Юлиа Гонория (V в.). Обе работы содержат ряд каталогов

топонимов и этнонимов, предоставляющих бесценный материал для анализа этнического словаря того времени. Задачи текстов были разными, но они оба помогают показать роль этнонимов как в политической коммуникации, так и в системе образования в период Поздней Античности. В данном контексте северо-восточное Причерноморье, будучи культурной и географической контактной зоной, представляет собой идеальный объект для изучения. Его кажущееся неизменным описание в нескольких древнеримских сочинениях являет образец динамики познания этого региона, живучесть вековых этнографических традиций и решаемые авторами проблемы. В нашем исследовании мы сосредоточимся на нескольких этнонимах, таких как вандалы и скиры, история переноса которых свидетельствует о континуитете и изменениях этнического дискурса применительно к населению этого географического региона. В период Поздней Античности греко-римский мир претерпел множество коренных преобразований, которые всё больше изменяли знакомую картину этнического ландшафта. Наши источники – это два разных примера попытки примирить развитие событий на местах с устаревающей, но не теряющей силы этнографической традицией. Наконец, эти списки показывают значение этнонимов для упорядочивания знаний и методов обучения того времени, наряду с политическим подтекстом этнонимов и их списков.

Ключевые слова: Поздняя античность, этнонимы, Черное море, скиры, *Laterculus Veronensis*, «Космография» Юлия Гонория, дискурсы об этнической принадлежности

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-431-450

Е.В. Илюшечкина

УДИВИТЕЛЬНАЯ СКИФИЯ ГАЯ ЮЛИЯ СОЛИНА

Утерянные для нас этногеографические сведения эллинистической и более ранней традиции о северочерноморском регионе, а также прилегающих к нему территориях отчасти сохранились благодаря компиляциям эпохи Римской империи. Так, произведение Гая Юлия Солина «Собрание достопамятных вещей» (*Collectanea rerum memorabilium*, III в.), несмотря на «вторичный» характер содержащихся в нем сведений, представляет собой перспективный для исследователей этногеографии Северного Причерноморья источник. В статье рассматриваются свидетельства Солина о народах и племенах, населявших в древности северочерноморский регион, и наряду с этим другие разновидности описаний (в основном, касающихся гидронимов, местной фауны, обычаев и образа жизни скифских племен), обращая внимание на особенности картины мира Солина. Основными источниками компиляции Солина послужили произведения римских авторов I в. н.э. Помпония Мелы и Плиния Старшего, при изложении текстов которых Солин использует риторическую технику и в своей передаче дополняет информацию предшественников отступлениями парадоксографического направления, т.е. вставляет в этногеографический контекст необычные факты и удивительные явления природы. По-видимому, эта манера описания должна была прибавить этногеографическому материалу Солина большую привлекательность в глазах античной читательской публики и способствовать своего рода «популяризации» знаний об античной ойкумене, иными словами, служить дидактическим целям. И если использование *mirabilia* в произведениях античной литературы наблюдается с самых ранних времен, то в труде Солина «удивительные примеры» поставлены во главу угла; тем самым, можно говорить о его близости с литературным направлением античных парадоксографов. Условные требования софистики отнюдь не исключают использования произведения Солина в качестве исторического источника, содержащего достоверные факты и детали, которые не только устраняют сложности в понимании этногеографической карты Солина, но и дополняют хорошо известные свидетельства по истории и культуре северочерноморского региона в античности.

Ключевые слова: Помпоний Мела, Плиний Старший, Гай Юлий Солин, этногеография Северного Причерноморья, *mirabilia*

Текст авторского предисловия к *Collectanea rerum memorabilium* («Собрание достопамятных вещей»), написанного в форме посвященного послания к покровителю и благодетелю Адвенту, личность которого не установлена, позволяет не только уточнить цели и задачи этногеографического сочинения в целом, но и познакомиться с принципиальными установками Гая Юлия Солина, произведение которого принято датировать III в. н.э.¹ Авторы «энциклопедических» компиляций, как правило, использовали чужой материал греческих и латинских источников, особенно не претендуя на оригинальность изложения (ср.: Formisano 2007. P. 277–284), чего, однако, нельзя сказать о замысле Солина.

В компиляции Солина представлена вся известная к тому времени картина обитаемого мира во всей его широте и многообразии. Содержание *Collectanea* довольно разнообразно: наряду с изложением географических описаний и исторических легенд читатель знакомится с этнографическими экскурсами, упоминаниями удивительных обычаев и нравов народов дальних стран, списками фантастических животных или драгоценных камней. В своем периплическом описании Солин мысленно движется с запада на восток от Италии к Греции, затем к Понту; далее через Каспий, представляющий собой залив северного океана, направляется вдоль европейского побережья на запад к берегам Британии. Мысленно обогнув Пиренейский полуостров и оказавшись снова в Средиземном море, Солин описывает побережье Северной Африки и Малой Азии (затем – внутренние регионы Азии) и, обгибая побережье Африки, завершает описание, повторив во многом маршрут, известный по географическим книгам «Естественной истории» Плиния Старшего (кн. III–VI).

Вместе с тем, содержание труда Солина и его способы описания ойкумены отличаются от традиционной схемы рядом особенностей. Прежде всего, этногеографическое описание мира начинается у Солина с рассказа об основании Рима (I. 1–19), дополненного кратким очерком римской истории от основания Города до времени принципата Августа (I. 20–52). Подобный зачин нарушает традиционно принятый порядок географических сочинений и не сочетается с информацией вводных частей основных источников Солина – Помпония Мелы и Плиния Старшего. В *Collectanea* Солин по-своему комбинирует достижения предшественников – не только эллинистического, но и более раннего времени: по организации известного в древности пространства ойкумены, которое к периоду жизни Солина ассоциировалось с занимаемой Римской импе-

¹ Теодор Моммзен предпочитал датировать компиляцию Солина периодом между 200 и 400 г., т.е. III в. (Mommmsen 1895. S. VI–VII), Фернандес Ньето датирует текст Солина временем между 290 и 350 г. (Fernández Nieto 2001. P. 11–27), а Кай Бродерсен – концом III в. (Brodersen 2014a. S. 8). Ричард Талберт относит время написания труда Солина к 300 г. и связывает его с датой создания Певтингеровой карты (Talbert 2010. P. 136).

рией территорией. Солин подчеркивает авторитет и величие государства, обозначая место Рима в качестве центра мировой державы и связывая выражение *caput orbis [terrarum]* («глава мира») с политическими коннотациями²; одновременно автор географической компиляции отсылает читателя к классическим текстам латинских авторов³. В результате упорядочивания географического пространства империи и в соответствии с исторической традицией тема Рима, ставшего мировой столицей, приобрела характерную для топоса устойчивую форму, отражающую политические устремления эпохи (Курциус 2021. Т. 1. С. 169–202; Аверинцев 1996. С. 158; Данилевский 2018. С. 206–209).

Для общей картины мира Солина характерны заимствованные еще от раннеионийской традиции и от Эратосфена представления о мировом океане, опоясывающем ойкумену с внешней стороны⁴, однако, Солин не дает его детального описания, упоминая лишь названия отдельных частей, двигаясь мысленно с юга через восток к западу против часовой стрелки (XXIII. 17)⁵. Солин впервые вводит понятие *mediterranea*

² «...позволь и мне начать [повествование] с главы мира (*caput orbis [terrarum]*), то есть с города Рима; сколько бы ни оставили [нам] самые ученые авторы, нет ничего, что можно было бы добавить еще к его прославлению и почти нет смысла ступать по пути, столь часто исхоженному в анналах. Однако, чтобы вовсе уж не промолчать о нем [sc. Риме], я приложу все силы, чтобы проследить за началом Рима» (Sol. praef. 7–8, перевод Солина здесь и далее мой. – Е. И.). См. также: Nicolet 1988. P. 273–274; подробнее о риторических особенностях предисловия Солина см.: Илюшечкина 2020.

³ См. фразу Цицерона в заключительной части одной из его «Филиппик»: *Populum romanum servire fas non est: quem di immortals omnibus gentibus imperare voluerunt*. «Не положено данным свыше законом, чтобы римский народ [кому-то] служил: по воле богов они [sc. римляне] призваны повелевать всеми народами» (Cic. In M. Anton. or. philip. VI. 7. 19). Ср. также приводимые Ливием слова Ромула в его божественной ипостаси: «...угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира» (*caput orbis terrarum*) (Liv. I. 16. 7, пер. В.М. Смирин). Ср. Luc. II. 653–654: *caput mundi...Roma* «глава мира... Рим»; Verg. Aen. VI. 851–853: энкомий римлянам и Риму как столице мировой державы; см. также Ovid. Fasti II. 688–689: *gentibus est aliis tellus data limite certo: / Romanae spatium est urbis et orbis idem* «земли народов других ограничены твердым пределом: / Риму предельная грань та же, что миру дана» (пер. Ф.А. Петровского).

⁴ По поводу раннеионийской географической традиции см., например: Gisinger 1937. S. 2320; ср.: Strabo II. 5. 18. С 121, где пересказывается учение Эратосфена об Океане.

⁵ *Oras autem extimas Oceanus amplectitur, qui a litoribus suis Arabicus Persicus Indicus Eous Sericus Hircanus Caspius Scythicus Germanicus Gallicus Atlanticus Libycus Aegyptius dicitur*. «Крайние же пределы охватывает Океан, называемый по его берегам Аравийским, Персидским, Индийским, Восточным, Серским, Гирканским, Каспийским, Скифским, Германским, Галльским, Атлантическим, Ливийским, Египетским» (Sol. XXIII. 17). Примечательно, что в состав частей океана Солин включает и четыре его крупных залива, которые у большинства античных географов описываются отдельно. Использование нескольких названий для обозначения отдельных частей Океана указывает на то, что эти имена заимствованы из разных источников. Подтверждение этому находим в пассаже о названиях северной части Океана («Замерзший», «Мертвый» или «Кронийский»), где Солин напрямую ссылается на свои источники: *Oceanum septemtrionalem ex ea parte, qua a Propaniso amne Scythia adluitur, Hecataeus Amalcium appellat, quod gentis illius lingua significat congelatum. Philemon a Cimbris ad promunturium Rubeas Morimarusam dicit uocari, hoc est mortuum mare; ultra Rubeas quicquid est Cronium nominat*. «Северный Океан от той его

(*maria*) «Средиземные (моря)» (XVIII. 1), четвертым заливом которого (т.е. самым дальним, начиная от Гадеса) является Понт, в чем Солин следует за Плинием (NH IV. 75). Вся ойкумена разделена, по Солину, на три материка – Европу, Азию и Ливию, границы между которыми проходят по Танаису и Нилу (XL. 1; ср. XII. 1, где Азию от Европы отделяет Геллеспонт). По словам К. Бродерсена, наряду с традиционно принятым способом описания географических объектов вдоль побережий Солин, в отличие от других географов, использует начальные элементы картографической ориентации, вводя понятие *plaga* для обозначения отдельных регионов или «участков» ойкумены (например, *septentrionalis plaga* «северная страна», X. 12; *Asiatica plaga* «Азиатская земля», XVII. 3; XIX. 3 и др.) (подробнее см.: Brodersen 2013). Кроме того, в компиляции Солина представлены различные способы ориентации человека в пространстве, характерные еще для архаической эпохи: по небесным телам (звездам и солнцу), по направлениям ветров (особенно, аквилона), по сторонам света (с уточнениями по временам года: *oriens brumalis/ oriens solstitialis*), с точки зрения воображаемого наблюдателя (с помощью маркеров «справа/слева»: *dextro latere, dextra laeva* и др.). Бродерсен приходит к выводу, что Солин излагает географическую информацию предшественников в доступной для античного читателя форме (так, в его тексте встречается минимальное количество данных о расстояниях, что облегчало читателю усвоение информации) и предоставляет частично обновленную картину античного мира. Несмотря на спорность выводов Бродерсена можно согласиться с тем, что Солин вполне мог применять приемы нарождающейся картографии⁶.

В своем изложении Солин стремится сочетать разнообразие содержания с безыскусной простотой и ясностью стиля, лишенного украшений⁷. Интерес современной Солину читательской публики к этногеографиче-

части, что омывает Скифию от реки Пропанис, Гекатей называет Амалькийским, каковое имя на языке этого племени означает “замерший”. Филемон сообщает, что кимбры называют его вплоть до мыса Рубей Моримарусой, т.е. Мертвым морем; а за Рубеем он называет его Кронийским» (Solin. XIX. 2; ср.: Plin. NH IV. 94–95).

⁶ Недаром некоторые исследователи допускают, что текст Солина послужил одним из источников для составления Херефордской карты (ок. 1290 г., см.: Chekin 1999. P. 152–157). Подробнее о соотношении картографического и словесного способов описания в структуре античного географического текста см.: Подосинов 1999. С. 595 сл.

⁷ *ut ne prodiga sit in eo copia nec damnosa concinnitas...* «...чтобы чрезмерное разнообразие [содержания] не было бы избыточным, а цветистость [стиля] не навредила бы [произведению]» (Solin. praef. 2). Здесь *concinnitas* в значении «искусное соединение слов или фраз» используется Солином для обозначения авторского стиля. О «простом и «ясном» литературном стиле см. Cic. Or. XVI. 53; Квинтилиан в «Наставлениях оратору» описывает «простой» и «ясный» (*purus*) стиль без украшений, считавшийся приемлемым для специальных пособий и ученых трактатов (*sermo purus et dilucidus et distinctus ceterum minime elatus ornatusque* «язык простой, понятный и ясный, а в остальном – менее всего возвышенный и приукрашенный» – Inst. or. XI. 1. 53).

ским описаниям объясняется, по всей видимости, ее доверием к подобным сюжетам и, кроме того, спросом на сведения о дальних странах и народах, обитающих на краю света, о торговых путях, наконец, интересом к ходу завоевательных кампаний и попыткам Рима установить контроль на суше и на море. Помимо всего, знакомство с этногеографической литературой считали признанным способом пополнить полезные знания о земном круге. Усвоение и запоминание текстов с этногеографической информацией составляло в большой степени часть образовательной системы римлян. *Collectanea* Солина с их «сжатым» обзором в виде краткого руководства по этногеографии ойкумены прекрасно вписывались в дидактическую традицию.

Декларируя уважение к традициям римской старины, сохранившим престижность в эпоху Римской империи, Солин включил в свое повествование тщательно отобранные им сведения древних писателей, свидетельства которых, по его словам, «достойны упоминания» (*digna memoratu – graef. I 4*)⁸. При этом авторитет предшественников и источников, не утративших влияния, прежде всего, Помпония Мелы и Плиния Старшего, информация которых во многом опирается на эллинистическую традицию, им вовсе не подвергается сомнению⁹.

Облегченный стиль изложения Солина вполне адекватен характеру содержания: для него было важно донести до заинтересованного читателя не только знание географии окружающего мира, но и впечатление об огромном пространстве, занимаемом римской империей. Во всяком случае, очевидно стремление Солина сделать *Collectanea* более доступным сочинением для читательской публики, выходящей за рамки круга римских интеллектуалов¹⁰. Оставив в стороне более или менее известные сведения по этногеографии, Солин привлекает внимание читателей к

⁸ Схожим образом поступают Авл Гелий и Макробий, которые, сообщая в предисловиях к своим трудам о приводимых сведениях, используют, как и Солин, формульное выражение «достойные упоминания». См. Gell. praef. 2: «...брал ли я в руки какую-либо книгу... слышал ли что-либо *достойное упоминания*, я отмечал то, что [мне] было угодно» (пер. А. Б. Егорова); Macrob. *Saturn.* 1, praef. 3: *nec indigeste tamquam aegeruum congesimus digna memoratu*. Подробнее об особенностях предисловия Авла Геллия см.: Илюшечкина 2001. С. 78–90.

⁹ Как Помпоний Мела в «Хорографии», так и Плиний Старший в «Естественной истории» не только опираются на эллинистическую традицию, но и отмечают преимущества древних порядков и нравов перед современными. Солин, скорее всего, следует этой же линии своих источников. Надо отметить, что, помимо сведений Помпония Мелы и Плиния Старшего, Солин использовал сочинения греческих и латинских авторов, только часть из которых им названа, а также – неизвестные нам «книжные» источники разного времени. Подробнее см.: Apps 2014.

¹⁰ В т.н. «втором» предисловии Солин сетует по поводу некоего читателя, который «скорее нетерпелив, чем прилежен» (*impatiens potius quam studiosius*, praef. II). Чуть ниже Солин отмечает, что приобретение знаний требует от читателя прилежания и значительных усилий (*praeteritis quae ad incrementum cognitionis accesserunt cura longiore – praef. II*). Подробнее см.: Schmidt 1995. S. 23–35.

редким и занимательным явлениям мира людей, животных и растений¹¹. Среди такого рода экскурсов и пассажей, «достойных упоминания», бросаются в глаза рассказы о диковинах, назначение которых в том, чтобы доставить читателю «интеллектуальное удовольствие» и попутно обеспечить занимательность текста Солина.

Общая характеристика внутренних скифских земель у Солина (XV. 20–21) не выходит за границы традиционных представлений античной нарративной традиции¹². Образ враждебной, лишенной солнечного света северной страны, лежащей за мифическими Рипейскими горами, объятой вечным холодом и названной Птерофорон («Перьяносной») «из-за постоянно падающего снега, похожего на перья», почти дословно позаимствован Солином из текста Плиния Старшего (NH IV. 88)¹³. С некоторой разницей в отрывках обоих авторов отражаются хронологически одновременные сведения греческих и латинских авторов о северных просторах Скифии. В описании Солина риторически преувеличены холод и суровость северного климата: эта единственная в своем роде земля погружена в вечный мрак, где нет времен года, что – в отличие от других климатических поясов – причудливо и необычно само по себе (ср.: Fuhrmann 1968. S. 23–66). Используя риторическую топику, Солин акцентирует внимание на ветре Аквилоне, приносящем с севера холод и снег¹⁴. Повторяя плиниево редкое словоупотребление *conceptaculum*

¹¹ Ср. *Addita pauca de arboribus exoticis, de extimarum gentium formis, de ritu dissono abditarum nationum...* «Было добавлено немного об экзотических деревьях, образе жизни и необычных обычаях дальних народов...» (praef. I 4).

¹² *Arimaspi circa Gesclithron positi uniuocula gens est. Ultra hos et Rhiphaeum iugum regio est assiduis obsessa nivibus; Pterophoron dicunt, quippe casus continuantium pruinarum quiddam ibi exprimit simile pinnarum. (21) Damnata pars mundi et a rerum natura in nubem aeternae caliginis mersa ipsisque prorsus aquilonis conceptaculis rigentissima. Sola terrarum non novit vices temporum nec de caelo aliud accipit quam hiemem sempiternam.* «Аримаспы, проживающие около Гесклитрон [«затворов земли»], это – одноглазое племя. За ними и за Рипейским горным хребтом есть область, покрытая вечными снегами; называют [ее] Птерофорон [«Перьяносной»], потому что постоянно падающий снег там представляет собой нечто похожее на перья. (21) [Эта] приговоренная часть мира самой природой вешней погружена в облако вечного мрака и совершенно застыла из-за местопребывания [ветра] Аквилона. [Это] единственная из стран, [что] не знает смен времен года и [ничего] другого не получает от неба, кроме вечной зимы» (Solin. XV. 20–21).

¹³ «[Эта] часть мира проклята самой природой, погружена в густую мглу, во все, что производит стужа, и во вместилище ледяного Аквилона» (пер. А.В. Подосинова). Комментарий А.В. Подосинова к этому пассажию см.: Подосинов, Скржинская 2011. С. 283–284.

¹⁴ Аналогичные географические мотивы можно встретить в поэтических образах Вергилия и Овидия, ср. Verg. Georg. III. 382: *gens effrena virum Rhiphaeo tunditur eugo* «Тяжко терпеть им [sc. злобным варварам под Медведицей гиперборейской] удары рипейского Евра» (пер. С.В. Шервинского) и Овидия (Pont. IV. 10, 41–42: *Hic oritur Boreas oraecque domesticus huic est / Et sumit vires a propiore loco* «в путь отсель вылетает Борей: для него этот / Дом, и в окрестных краях он набирается сил» (пер. М.Л. Гаспарова); Trist. III. 10. 17–18: *Tantaque commoti vis est Aquilonis, ut altas / Aequet humo turres tectaque rapta ferat* «Столь в этом крае могуч Аквилон мятежный, что, дую, / Башни ровняет с землей, сносит, сметая, дома» (пер. М.Л. Гаспарова), ср. также: Trist. III. 10. 45–46.

с уменьшительным суффиксом, Солин уточняет «место пребывания» Аквилона¹⁵, а вот сведения о мифических Рипейских горах, «покрытых вечным снегом» и расположенных на северном краю света, встречаются не только у Солина и Плиния (см.: Lucan. IV. 118; Val. Flac. VII. 562 ff.; Mela II. 1; Plin. NH IV. 88; ср.: Подосинов 2000. С. 9–14). Топоним «Рипеи» привычно связывают с представлением об античном севере (либо с обитающими на севере народами – гиперборейцами или, как у Плиния и Солина, с аримаспами), а в поисках возникновения топонима отсылают к гомеровским стихам (Hom. II. XV. 171–172; XIX. 357–358: ῥίπῃ Βορέϊο «порыв Борея») (подробнее см.: Rausch 2013. S. 22–23).

Что касается «затвора земли» (Ges klithron, ср. Plin. NH VII. 10), можно полагать, что в контексте архаической традиции этим локусом обозначался один из входов в потусторонний мир, находящийся на северных окраинах ойкумены. В «Митридатовых войнах» Аппиана (App. Mithr. 102) упоминаются загадочные «скифские затворы» (Κλεῖθρα Σκυθῶν), которые преодолело войско Митридата, двигаясь по черноморскому побережью от Диоскуриады до Боспора Киммерийского. Вполне допустимо, что топоним «скифские затворы», равнозначный «затвору земли» (Ges klithron) Плиния и Солина, служил обозначением локуса на берегу Черного моря, которое, по мнению А.И. Иванчика, до второй половины VIII в. до н.э. отождествлялось с Северным, или Скифским океаном (Ivanchik 2005. S. 82–85).

Острая нехватка солнечного света, бесконечные зимы со снегопадами, аномально холодный климат, обусловленный местом зарождения северного ветра Аквилона, не только определяют стереотипные черты ландшафта на окраине ойкумены, но и выполняют роль символа в изображении «скифского» пространства. Со временем ставшие стереотипными сведения о климатических особенностях зоны Северного Причерноморья стали основой для возникновения риторического топоса, одну из вариаций которого передает Солин. Стереотипные элементы – устойчивые мотивы, переключки, аллюзии и другие разновидности интертекстуальных связей в изображении Скифии с ее бескрайними просторами и жестокими племенами выступают в качестве семантической системы, что заставляет относиться к конкретным свидетельствам Солина с осторожностью.

Известный Солину земной мир был населен многочисленными народами, среди которых Рим занимал господствующее положение. Как уже отмечалось, близко следуя тексту Плиния, Солин считает акваторию Эвксинского Понта четвертым заливом Средиземного моря: «Четвертый

¹⁵ Помимо Плиния Старшего (NH II. 115; IV. 88; XI. 138) conceptaculum встречается у Авла Геллия (XVIII. 10. 9), Фронтиня (De aq. 22) и у Апулея (Met. VI. 13; VII. 20).

залив Европы начинается с [пролива] Геллеспонта, а оканчивается устьем Меотиды; и вся эта ширь, разделяющая Европу и Азию, сжимается в узкий пролив в семь стадиев – это Геллеспонт. [...] Разлившись оттуда мощным потоком, он устремляется в Пропонтиду: [тут] он сужается до полумили и превращается в Боспор Фракийский» (XII. 1–2)¹⁶. Ко времени создания *Collectanea* античной географической традицией была накоплена многообразная и противоречивая информация о самой акватории и о прилегающей к зоне Черного моря территории¹⁷. Приведенный текст Солина в отличие от описания Плиния не изобилует подробностями, однако содержит некоторые особенности: прежде всего, обращает на себя внимание редко встречающийся в тексте Солина гидроним «Меотида». По сути, Меотида, или Меотийское озеро (*Maeotis lacus*), упоминается автором *Collectanea* лишь четырежды: дважды при описании крайней точки Понта (X. 15 и XI. I. 1), однажды – при описании Танаиса как границы между Азией и Европой (XL. 1), и один раз – как граница одного из кавказских отрогов (XXXVIII. 11). Кроме того, Солин (вслед за Плинием) смешивает в этом пассаже и так-то нечастые у него обозначения расстояний между объектами – указывая как греческие стадии, так и римские мили; подобное встречается в компиляции только один раз при

- ¹⁶ *Quartus Europae sinus Hellesponto incipit, Maeotis ostio terminatur, atque omnis haec latitudo quae Europam Asiamque dividit, in septem stadiorum angustias stringitur. hic est Hellespontus[...] inde diffusus aequore patentissimo rursus stringitur in Propontidem: mox in quingentos passus coartatur fitque Bosphorus Thracius[...]* (Solin. XII. 1–2). Ср.: *Quartus e magnis Europae sinus ab Hellesponto incipiens Maeotis ostio finitur...* «четвертый из великих заливов Европы, начинаясь от Геллеспонта, оканчивается устьем Меотиды...» (Plin. NH IV. 75, пер. А.В. Подосинова). В соответствии с античной географической традицией Плиний (а вслед за ним и Солин) разделяет водное пространство Средиземноморья на четыре крупных залива (Plin. NH III. 5). Первым заливом Европы считалась часть Средиземного моря, начиная от Гибралтарского пролива и оканчиваясь Локрами Эпизефирскими на юге Италии; второй залив берет начало от мыса Лакиний и оканчивается скалистым мысом Акрокеравний в Эпире (Solin. II. 24; ср. Plin. NH III. 11); третий «европейский» залив простирается от Акрокеравнийских гор до пролива Геллеспонт (ср. Plin. NH IV. 1). Об источниках такого деления моря на заливы см. Sallmann 1971, 55–60. В отличие от Плиния Мела насчитывает три залива в Средиземноморье: первый образует Эгейское море, второй – Ионийское и Адриатическое, третий – Тускское, или Тирренское, море (Mela I. 16–17).
- ¹⁷ Начиная с VIII–VII вв. до н.э. греки, основавшие многочисленные колонии на берегах Эвксинского Понта и вступившие в контакт с местным населением, составляли обстоятельные описания новооткрытых земель и Черноморского бассейна. Геродот одним из первых древнегреческих историков побывал в Северном Причерноморье и дал описание края, который видел своими глазами (Herod. IV. 85). Вслед за Геродотом описание этой части ойкумены оставили Псевдо-Скилак и Эфор (оба – IV в. до н.э.), которые упоминают, в частности, мыс Крию Метопон (Ps.-Scyl. 68; Ephor. 70 F 41 Jacoby), а также Псевдо-Скимн, называющий оба мыса на северном и южном побережье Понта – Крию Метопон и Карамбис (Ps.-Scymn. F 28 Marcotte = 953–957 Müller). Эти мысы служили опорными ориентирами для античных мореплавателей (см.: Золотарев 1979. С. 94–100). Об обстоятельном знакомстве с регионом Черного моря греческих авторов, чьи произведения сохранились в отрывках, можно судить по дошедшей до нас «Географии» Страбона. Сохранившиеся сведения латинской традиции (Саллюстий, Валерий Флакк, Лукан и др.) по большей части повторяют свидетельства греков.

аналогичном упоминании Геллеспонта (X. 21)¹⁸. Интересно, что используемое здесь слово *latitudo*, обозначающее, как правило, широкое (в данном случае – водное) пространство, с учетом того, что речь в тексте идет о границе между Европой и Азией, фактически выполняет функцию картографического термина в значении «параллель».

Из всех известных античной традиции многочисленных понтийских рек Солин упоминает только четыре – Истр, Гипанис, Борисфен и Фасис и делает это, по-видимому, неслучайно. Так, вслед за Мелой и Плинием, которые, скорее всего, опираются на свидетельство Страбона (IV. 6. 9 С 207)¹⁹, Солин локализует истоки Истра в горных областях юго-запада Германии, на границе с Галлией, дополняя традиционную информацию списком названий семи устьев Истра и перечнем их гидрографических особенностей, призванных вызвать «удивление» читателей²⁰. Семь устьев Истра возникают, вероятно, вслед за Мелой (*Mela* II. 1. 8), который также упоминает аналогичное число устьев Истра-Данувия, сравнивая реку с Нилом, как и Геродот (IV. 50), который сообщает, однако, о пяти устьях Истра (IV. 47)²¹. Наконец, словно возражая Плинию, Солин

¹⁸ Ширина Геллеспонта в семь стадиев была отмечена уже у Геродота (IV. 85).

¹⁹ Согласно античным источникам, греческое название Истр (совр. р. Дунай; ср. у Hesiod. Theog. 339; Aesch. F 155 Radt; Pind. Ol. III. 14; Herod. II. 33; Arist. Meteor. I. 13. 36. 350a; Ps.-Scymn. F 7a Marcotte = 773–791 Müller) в римское время чаще встречается как обозначение нижнего течения реки (Strabo VII. 3. 13 С 305; Ovid. Met. II. 241; *Mela* II. 8, 16, 22, 57, 63, 79, 98; III. 33; Plin. NH IV. 79; Ptol. Geogr. III. 10. 2–6), в то время как верхнее после Цезаря начали называть *Danuvius/Danubius* (BG VI. 25, 2). См. также комментарий А.В. Подосинова в издании: Помпоний Мела 2017. С. 223–224.

²⁰ *Hister Germanicis iugis oritur, effusus monte qui Rauracos Galliae aspectat. Sexaginta amnes in se recipit ferme omnes navigabilis. Septem ostiis Pontum influit, quorum primum Peuce, secundum Naracustoma, tertium Calonstoma, quartum Pseudostoma; nam Borionstoma ac deinde Spilonstoma languidiora sunt ceteris, septimum vero pigrum ac palustri specie non habet quod amni comparetur. Priora quattuor ita magna sunt, ut per longitudinem quadraginta milium passuum non misceantur aequori dulcemque haustum incorrupto detineant sapore. «Истр берет начало с Германских высот, изливаясь с горы, которая обращена к рауракам Галлии. Он принимает в себя шестьдесят рек, почти все судоходные. Изливается он (sc. Истр) в Понт семью устьями: из них первое – Певка, второе – Наракустома, третье – Прекрасное [устье], четвертое – Ложное [устье]; [течение] Северного [устья] и затем Спилонстома гораздо медленнее остальных, а седьмое [устье], стоячее и похуже на болото, нельзя и сравнить с потоком. Первые четыре [устья] настолько велики, что на протяжении сорока миль не смешиваются с [морской] водой и сохраняют свой пресный вкус» (Solin. XIII. 1).*

²¹ Этому свидетельству Геродота (Herod. IV. 47: «Истр с пятью устьями») или близкого ему источника, восходящего к древнеионийской традиции о пятиустьем Истре, следуют некоторые античные авторы (например, Ephor. 70 F 157 Jacoby; Ps.-Scymn. F 7 a Marcotte = 773–791 Müller). Представление о шести (Plin. NH IV. 79; Ptol. Geogr. III. 10. 2–6) и семи устьях Истра распространено в географии римского времени (Strabo VII. 3. 15 С 305; Verg. Aen. VI. 800; Ovid. Trist. II. 189; *Mela* II. 8; Stat. Silv. V. 2. 136; Amm. Marc. XXII. 8. 44–45), что, скорее всего, являлось данью литературной традиции. Как показывают современные исследования, дельта Истра-Дуная постоянно менялась в результате заиливания старых и возникновения новых русел. Подробнее о разном количестве устьев Истра по свидетельствам античных источников см.: Агбунов 1992. С. 112–117; Доватур, Каллистов, Шишова 1982. С. 272.

пишет, что почти все шестьдесят притоков Истра судоходны (в то время, как Плиний приписывает эту особенность только половине рек, впадающих в Данувий-Истр, IV 79).

Достоверные сведения об истоках северопонтийских рек в античной географической литературе исключительно редки, что вызвано трудностями речного сообщения между греческими городами прибрежной зоны Понта и примыкающими с севера землями. Тем любопытнее краткое упоминание Солином верховьев скифской реки Борисфен²². У истоков реки Борисфен, которую обычно идентифицируют с совр. Днепром, Солин – в отличие от своих основных источников, Мелы (II. 6) и Плиния (NH IV. 82) – локализует народ невров (согласно Помпонию Меле, в стране невров начинается река Тира, II. 7). Основное внимание в пассаже Солина уделено не описанию реки, а очередной «диковине» – обитавшей в Борисфене бескостной рыбе (предположительно, семейства осетровых)²³. По-видимому, Солин в очередной раз совершенно осознано включает в повествование ряд деталей, которые выглядят необычными и даже неправдоподобными. В любом случае, большая часть приводимых Солином сведений основывается на информации Мелы (II. 6) и Плиния (NH IX. 45), отдельные пассажи которых, по мнению исследователей, восходят к ионийской традиции VII–VI вв. до н.э.²⁴ Порой Солин не указывает точного местоположения географических объектов, однако неизменно фиксирует внимание читателя на удивительных явлениях природы, которые несут дополнительную нагрузку в самом тексте или «перекликаются» с содержанием других текстов.

Сообщение Солина об истоках скифской реки Гипаниса и удивительных свойствах речной воды почти полностью основывается на информации Геродота (IV. 52), которой в эллинистический период, видимо,

²² Apud Neuros nascitur Borysthenes flumen, in quo pisces egregii saporis et quibus ossa nulla sunt nec aliud quam cartilagines tenerrimae. «У невров берет начало река Борисфен, в которой [водятся] рыбы замечательного вкуса и у которых вовсе нет костей, а только нежнейшие хрящи» (Solin. XV. 1). По словам Геродота, «Борисфен – величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила» (IV. 53; ср. IV. 5, 17, 18, 47, 54, 56, 71, 81, 101). Гидроним Борисфен упоминает также в передаче Псевдо-Скимна Эфор (Ps.-Scymn. F 15a Marcotte = 835–859 Müller), свидетельство которого, по мнению Маркотта, восходит к Гекатею Милетскому (FGH I F 184–190 Jacoby). Об истоках же Борисфена ни Геродот («у этой реки и у Нила я не могу указать источники и, полагаю, не может никто из эллинов» – IV. 53), ни другие античные авторы (Strabo II. 4. 6 C 107; Mela II. 6; Ptol. Geogr. III. 5. 6) ничего не знают. Зато дошедшие до нас источники передают много подробностей, «достойных удивления» (Herod. IV. 53), об устьях большинства рек Скифии, находившихся вблизи заселенных и освоенных греками территорий. См.: Шрамм 1997. С. 65–68.

²³ Ср. Herod. IV. 53: «В реке [Борисфен] водятся огромные бескостные рыбы под названием «антакен» и есть много других диковин».

²⁴ Об источниках Мелы и Плиния см., например: Подосинов 2011. С. 26–32 (Мела), 148–153 (Плиний).

воспользовался парадоксограф Антигон из Кариста на острове Евбея (F 85 Giannini), а в I в. н.э. передает Мела (II. 1. 7). Упомянутый Солином народ авхетов Плиний локализует в верховьях Гипаниса (NH IV. 88), при этом идентификация самого Гипаниса с одной из современных рек Причерноморья остается затруднительной²⁵. О Фасисе же мы узнаем, что в районе этой реки, текущей из области мосхов (Solin. XV. 19), водится диковинное животное «трагелаф» (греч. «козел-олень», совр. бородастая газель – Solin. XIX. 19)» (ср. Plin. NH VIII. 120).

На примере понтийских рек вырисовываются отдельные элементы описательной схемы Солина, включающие, среди прочего, идентификацию истоков реки с отдельным племенем (исключением стал Истр, истоки которого помещены в германских горах), отсутствие каких-либо данных о днях пути вдоль реки или ее длине (по крайней мере, в «скифской» части повествования) и об известных городах в их устьях (что было бы традиционно для периплического описания). Занимательность и отчасти таинственность сообщениям Солина придают рассказы об удивительной полноте Истра и его семи устьях, о необычных свойствах переменчивой воды Гипаниса, о диковинных рыбах Борисфена и чудо-оленях в долине Фасиса – все эти *mirabilia* позволяют усматривать в нарративной технике Солина элементы риторизации и вполне осознанного отбора материала источников.

Отдавая дань традиции, нечто «удивительное» Солин сообщает и о расположенном напротив устья Борисфена острове Ахилла, называемом в других источниках также островом Левка, или Белый (Mela II. 98; Plin. NH IV. 83, 93; ср. Strabo II. 5. 22 C 125)²⁶. На острове Ахилла находился

²⁵ Hypanis oritur inter Auchetas Scythicorum amnium principes, purus et haustu saluberrimus, usque dum Callipidum terminis inferatur, ubi fons Examphaeus infamis est amara scaturrigine: qui Examphaeus liquido admixtus fluori amnem vitio suo vertit, adeo, ut dissimilis sibi in maria condatur. (2) ita inter gentium opiniones fama de Hypane discordat: qui in principiis eum norunt, praedicant, qui in fine experti sunt, non iniuria execrantur. «Гипанис, главнейшая из скифских рек, берет начало [в земле] авхетов; [вода] его чиста и чрезвычайно целебна, пока он не доходит до пределов каллипидов, где есть источник Эксампей, пользующийся дурной славой за [свою] горькую воду. Этот Эксампей, соединившись с чистой водой, заражает собой [всю] реку, так что она изливается в море не похожая [сама] на себя. (2) Поэтому мнения разных народов о Гипанисе различны: [те], которые знают его в верховьях, хвалят, а испытавшие в низовьях – справедливо проклинаят» (Solin. XIV. 1). Более подробный комментарий А.В. Подосинова к пассажиам Геродота, Мелы и Плиния об обитавших по течению Гипаниса авхетах и каллипидах, горько-соленом источнике Эксампей, а также литературу вопроса см.: Подосинов, Скржинская 2011. С. 316, примеч. 204; 279, 281–282.

²⁶ Известны также свидетельства о местонахождении острова Ахилла напротив устья Тиря (Strabo VII. 3. 16) или Истра (Rav. Anon. VIII. 18). По словам Псевдо-Скимна, ссылающегося на Деметрия Каллатийского, остров Ахилла лежит далеко в море за находящимся против устья Истра островом Певка (F 7a–7b Marcotte = 773–791, 792–796 Müller). А.В. Подосинов в комментарии к IV 93 Плиния отмечает, что Мела и Плиний ошибочно помещали остров Ахилла недалеко от Борисфена, «очевидно, путая его с Березанью»; правда, Плиний, локализуя остров Ахилла около Борисфена (NH IV. 83), в другом пассаже (IV 93) удаляет Ахиллов остров от Борисфена, что,

храм Ахилла Понтарха, которого в городах Северного Причерноморья почитали на протяжении многих веков начиная со времени колонизации в VII–VI вв. до н.э.²⁷ В своем пассаже Солин, следуя, как и Плиний (X. 78), сообщению парадоксографа Антигона из Кариста с острова Евбея (жившего на рубеже III–II вв. до н.э.), говорит о том, что в храм на Ахилловом острове никогда не залетают птицы (F 122 Giannini)²⁸.

Менее возвышенный тон носит повторенное вслед за Плинием (NH IV. 92–93) упоминание Солином скульптуры Аполлона с острова аполлонитов, т.е. из западнопонтийской греческой колонии Аполлонии, частично располагавшейся на острове (Solin. XIX. 1). Вывезенная в Рим во время третьей войны с Митридатом статуя Аполлона, оцененная в 500 талантов, занимает первое место в списке огромных статуй Плиния (NH XXXIV. 39); можно предположить, что Солин, как и его читатели, мог еще видеть статую в храме на Капитолии, куда она в 72 г. до н.э. была посвящена проконсулом Македонии Марком Лукуллом (ср. Strabo VII. 6. 1 С 319).

Ориентируясь на сведения своих источников, Солин описывает образ жизни и нравы народов Скифии, представлявших для римлян сообщества «варваров из варваров» (ср. XV. 15), характеристики которых в античной нарративной традиции наделялись чертами дикости и суеверий. При этом невольно возникающее у читателей *Collectanea* контрастное сопоставление привычной для римлян системы ценностей с необычным жизненным укладом и жестокими нравами скифских жителей, обитавших на краю света, сопровождается риторическими преувеличениями. Солин дает близкий к «каталогу» скифских племен Плиния (NH IV. 88) перечень народов европейской и азиатской Скифии (Solin. XIV–XV. 1–15). Так, он пишет, что невры обладают способностью превращаться в волков, а спустя некоторое время приобретать изначальный облик. Кроме того, особо подчеркиваются жестокость и воинственность невров, ко-

по мнению А.В. Подосинова, позволяет идентифицировать этот остров с расположением совр. острова Змеиный в Черном море (Подосинов, Скржинская 2011. С. 287–288).

²⁷ Hommel 1980; Русяева 2004; Ivanchik 2005. S. 71. Хоммель полагает, что островом Ахилла, или Левкой, называлась также Березань, как ее локализует Иордан (Get. 46) (Хоммель 1981, 58; ср.: Подосинов, Скржинская 2011. С. 258–259 с обширной литературой).

²⁸ Ante Borysthenem Achillis insula est cum aede sacra, quam aedem nulla ingreditur ales; et quae forte advolaverit, raptim fugam properat. «Перед Борисфеном есть остров Ахилла со священным храмом, в который не залетает ни одна птица; а если случайно и залетит, тотчас покидает [храм]» (Solin. XIX. 1). Ср. nec ulla avis in Ponto insula, qua sepultus est Achilles, sacratam ei aedem. «...в Понте, на острове, где похоронен Ахилл, ни одна птица не перелетает посвященный ему храм» (Plin. NH X. 78, пер. А.В. Подосинова). Напротив, Арриан в «Перипле Евксинского Понта» передает, что «много птиц гнездится на острове, – чайки, нырки и морские вороны в несметном количестве. Эти птицы очищают храм Ахилла: каждый день рано утром слетают они к морю, затем, омочив крылья, поспешно летят с моря в храм и окропляют его; а когда этого будет достаточно, они обметают крыльями пол храма» (Arrian. PPE 32–33, пер. А.В. Подосинова).

торые вместо почитания изображения своего божества войны (которого Солин, вслед за Геродотом и Мелой идентифицирует с Аресом-Марсом) поклоняются мечам и приносят человеческие жертвы, а «костями поддерживают огонь в очагах»²⁹. В стремлении поразить воображение читателей описанием диких нравов обитателей экзотичной Скифии Солин, явно знакомый с информацией Мелы о неврах, игнорирует подробности, которые не столько оправдывают, сколько объясняют отчасти действия туземцев. Так, например, Мела поясняет, что поселившиеся на бесплодных землях невраы вынуждены – за неимением дров – поддерживать огонь в очагах с помощью костей (Mela II. 15).

Соседнее с неврами племя гелонов отличается не меньшей жестокостью и дикостью: в данном случае Солин повторяет пассаж о гелонах Мелы (II. 14), который приписывает гелонам обычаи скифов (ср. Herod. IV. 64)³⁰. Вместе с тем, у Солина, как и у греческих парадоксографов периода эллинизма, особым вниманием пользуются необычные факты и явления (ср. [Arist.] Mir. 30 Giannini, где при упоминании скифского племени гелонов в подробностях рассказывается об обитающем в их местности загадочном звере «таранде»)³¹. Однако и наоборот – в этно-географических описаниях Солина изредка встречаются детали, дополняющие традиционные описания. Так, при упоминании агафирсов, практикующих «странный» обычай раскрашивать себя синей краской, Солин добавляет, что чем гуще окраска на представителе племени агафирсов, тем выше его положение в племенной иерархии³².

²⁹ Verum Neuri, ut accepimus, *statis temporibus in lupos transfigurantur; deinde exacto spatio, quod huic sorti adtributum est, in pristinam faciem revertuntur. (3) populis istis deus Mars est; pro simulacris enses coluntur; homines victimas habent. Ossibus adolent ignes focorum. «А невраы, как нам известно, в определенные времена обращаются в волков; затем по истечении срока, который положен для этого жребия, принимают прежний облик. (3) У этих народов божество Марс; вместо изображений почитаются мечи, а вместо жертвоприношений убивают людей. Костями поддерживают огонь в очагах» (Solin. XV. 2–3; ср. Herod. IV. 105). Конъектура *statis temporibus* (ср. *statum... tempus*, Mela II 14) принята вместо используемого в старых изданиях словосочетания *aestatis temporibus*.

³⁰ Geloni ad hos proximant. De hostium cutibus et sibi indumenta faciunt et equis suis tegmina. «Ближайшие их [невров] соседи – гелоны. Они из кож врагов выделывают одежды для себя и черпаки для своих коней» (Solin. XV. 3). Ср. комментарий А.В. Подосинова к пассажи Мелы: Помпониус Мела 2017. С. 227, примеч. 71.

³¹ Об эллинистической традиции парадоксографов с описанием невероятных историй и их влиянии на писателей ранней Римской империи см.: Schepens, Deleroix 1996; Hardie 2009; Pajón Leyra 2011.

³² Gelonis Agathyrsi conlimitantur, caeruleo picti, fucatis in caeruleum crinibus, nec hoc sine differentia: nam quanto quis anteit, tanto propensiore nota tinguitur, ut sit indicium humilitatis minus pingi. «С гелонами граничат агафирсы, разрисованные синей краской и с выкрашенными в синий [цвет] волосами; эта раскраска применяется не без различия: чем знатнее человек, тем гуще он красится, так что меньшая окраска служит признаком низкого происхождения» (Solin. XV. 3, пер. А.В. Подосинова). См. также комментарий А.В. Подосинова: Подосинов, Скржинская 2011. С. 281, примеч. 289, где говорится, что у фракийцев, к которым исследователи относят агафирсов, был

Греческая форма этнонима «антропофаги» (букв. «людоеды»), восходящая к Геродоту (IV. 106), используется Мелой дважды: в первом случае этот свирепый народ кочевников локализуется в зоне Северного Причерноморья (II. 14), а во втором – уже не в европейской, а на севере азиатской Скифии (III. 59). Плиний помещает антропофагов далеко на восток от реки Танаис между номадами и савроматами (Plin. NH IV. 88; ср. VII. 9 и 12 со ссылкой на парадоксографа Исигона Никейского, F 13 Giannini)³³. Судя по контексту, Солин размещает антропофагов в пустынной и холодной местности азиатской Скифии, иными словами, на самом краю ойкумены, и сосредотачивает внимание читателя не только на описании диких нравов антропофагов, но и на исключительно мрачной местности их обитания³⁴. Кровожадности антропофагов соответствует окружающий их ландшафт, представляющий собой риторически преувеличенную картину бескрайних пространств и брошенной земли,

распространен обычай красить волосы в серо-голубой или синий цвет, что отмечено у Мелы (II. 1. 10) и Плиния (NH IV 88), а также у Вергилия (Aen. IV. 147). Кроме того, комментатор пишет, что вслед за информацией Мелы и Плиния Солин локализует агафирсов намного восточнее, нежели Геродот, и это обстоятельство объясняется тем, что латинские авторы отразили в своих произведениях сведения древнегреческих географов VII–VI вв. до н.э., т.е. зафиксированные намного раньше геродотовой «Истории».

Схожим образом Солин характеризует, например, племена халибов, дагов и кавказских албанов, обитавших в азиатской Скифии: *Chalybes et Dahae in parte Asiaticae Scythiae crudelitate ab inmanissimis nihil discrepant. At Albani in ora agentes, qui posteros se Iasonis credi volunt, albo crine nascuntur, canitiem habent auspicium capillorum: ergo capitis color genti nomen dedit. Glauca oculis inest pupula: ideo nocte plus quam die cernunt.* «Халибы и даги в азиатской части Скифии своей кровожадностью нисколько не отличаются от самых диких народов; живущие на побережье [Каспия, т. е. Северного, или Скифского, океана, кавказские] албаны, которые желают считаться потомками Ясона, рождаются с седыми волосами, и седину их считают добрым знамением; таким образом цвет волос на голове дал имя народу. В глазах у них светлый зрачок, поэтому ночью они видят лучше, чем днем» (Solin. XV. 5). Солин выделяет такие стереотипные черты этих народов, как «дикость» и «кровожадность», отмечая при этом «удивительную» способность албанов – в отличие от других народов – родиться сразу седыми и видеть лучше ночью, чем днем. По замечанию Солина, албаны причисляют себя к потомкам мифического Ясона, что косвенно указывает на их особый (по сравнению с другими «варварскими» народами) статус, возможно, потому что происхождение этнонима «албаны» восходит к латинскому *alb(an)us*,-a,-um, т. е. «белый, чистый, благородный».

³³ Подробнее см. комментарий А.В. Подосинова в кн.: Помпоний Мела 2017. С. 227, примеч. 70.

³⁴ *Post Anthrophophagi, quibus execrandi cibi sunt humana viscera: quem morem impiae gentis adiacentium terrarum prodit tristissima solitudo, quas ob nefarium ritum finitimae nationes metu profugae reliquerunt. Ea causa est, ut usque ad mare quod Tabin vocant per longitudinem eius orae, quae aestivo orienti obiacet, sine homine terra sit et immensa deserta, quoad perveniatur ad Seras.* «Затем следуют антропофаги [людоеды], для которых человеческие внутренности служат отвратительной пищей: этот обычай безбожного народа порождает жуткое безлюдье обреченных в округе земель, которые покинули соседние народы, бежавшие из-за гнусностей и страха. В этом заключается причина того, что до самого моря, называемого Табис, на всем протяжении береговой линии, обращенной к востоку, лежат безлюдные земли и бескрайние степи, пока не достигнешь серов» (Solin. XV. 4).

которую оставили бежавшие в страхе соседние с андрофагами народы³⁵. Этот риторический образ обезлюдившего пространства, которое сродни «перевернутому миру», усилен в следующей фразе благодаря словесному повтору (*sine homine terra sit et immensa deserta* «безлюдные земли и бескрайние степи», Solin. XV. 4)³⁶. Описание удаленных от Черного моря областей Скифии насыщено у Солина огромным количеством перекрещивающихся свидетельств с фрагментами разной протяженности из предшествующей литературы. Скорее всего, эти переклички обусловлены тем, что не только основные – Мела и Плиний, но и гораздо более ранние источники Солина рисуют одну и ту же картину мира, один и тот же образ сурового ландшафта Скифии с бескрайними степями.

Что касается следующей за этим пассажем фразы Солина о локализации Табиса, то она стала очередным примером для критики общих принципов Солина в комментарии XVII в. Клода де Сомеза (латинизированное имя – Клавдий Салмазий) к отрывку Солина (XV 4). Салмазий замечает, что все доступные ему печатные издания *Collectanea* приводят в данном случае написание *usque ad mare quod Tabin vocant* – «вплоть до самого моря, которое называют Табис». Однако, по мнению Салмазия, Солин неверно истолковал и неправильно передал слова Плиния: *iterumque deserta cum beluis usque ad iugum incubans mari quod vocant Tabim* (другое рукописное чтение *thabim*) – «снова пустыни с дикими зверями вплоть до прилегающей к морю горе, которую называют Табис» (Plin. NH VI. 53). Салмазий приходит к выводу, что речь у Плиния идет о пустынях, прилегающих к горе, или, вернее, к мысу Табис на морском побережье, в то время как в тексте Солина топоним «Табис» обозначается море³⁷. Однако этот пассаж Солина может свидетельствовать не о его недопонимании предшественников (в данном случае, Мелы и Плиния), но о его новой интерпретации таинственного Табиса (или даже об использовании неизвестного нам источника).

Основываясь на материале приведенных отрывков, можно сказать, что включение в этногеографический контекст *Collectanea* удивительных курьезов, историй о чудесных явлениях природы и даже неправдоподобных деталях обогащает повествование Солина, придает ему не толь-

³⁵ *Morem impiae gentis adiacentium terrarum prodit tristissima solitudo quas ob nefarium ritum finitimae nationes metu profugae reliquerunt.* «Обычай безбожного народа порождает жуткое безлюдье обреченных в округе земель, которые покинули соседние народы, бежавшие из-за гнусностей [андрофагов] и страха» (XV. 4).

³⁶ Подробнее о риторической функции повтора в прозаических текстах см.: Николаева 2000. *passim*.

³⁷ *Salmasius 1689. P. 134B.* Интересно, что схожую с сообщением Плиния информацию о мысе Табис передает Мела: *vasta deinde iterum loca beluae infestant, usque ad montem mari imminentem nomine Tabim* «Далее, вплоть до горы, выступающей в море и называемой Табис, тянется обширная местность, опасная из-за диких животных» (III. 60, пер. А.В. Подосинова).

ко занимательность, но и делает его отчасти поучительным. Исходя из специфических особенностей содержания географической компиляции, Солин преследует дидактические цели, не забывая при этом о риторической обработке избранных им источников и о своего рода «популяризации» знаний об античной ойкумене. Впрочем, использование *mirabilia* в произведениях античной литературы наблюдается с самых ранних времен и вплоть до римского времени – все эти рассказы либо о необычных случаях вмешательства богов в жизнь людей, либо описания природных аномалий, вроде землетрясений или извержений вулканов, либо разного вида информации о странных обычаях и общественном устройстве обитателей неведомых земель древние связывали с нарушением естественного порядка вещей и интерпретировали в зависимости от сложившихся представлений о природе и месте в ней человека. Однако, в произведении Солина этот принцип перечисления *mirabilia* окружающего мира становится стержнем повествования, на котором строится отбор материала.

Схожим образом, основные источники Солина – Мела и Плиний, содержат многочисленные отступления о «диких» окружающего мира, где «чужое» нередко выступало синонимом «необычного». Из приведенных выше пассажей видно, что Солин творчески переработал заимствованные у Мелы и Плиния тексты, порой демонстрируя начитанность и снабжая свои пассажи в XII главе отсылками к Гомеру и Аристотелю (Hom. II. III. 3–7; Arist. HA VIII. 597a 4 – о битве пигмеев с журавлями) или в XV главе к Геродоту (Herod. III. 116. 1 – о сражениях аримаспов с грифами из-за золота и драгоценных камней), порой по-своему толкуя информацию своих источников (см. пример с мысом/морем Табис, XV. 4). В целом, Солин в своем труде неоднократно ссылается на конкретных греческих и латинских авторов; вместе с тем, встречаются отсылки к не названным им источникам (ср. «я прочитал», «передают» и т.п.). Это прямо указывает на то, что все еще недостаточно изученное произведение Солина – помимо уже известных сведений по античной истории и культуре – содержит неизвестный исследователям материал. Прибегая к всестороннему изучению *Collectanea* Солина, нельзя не учитывать в структуре текста риторической функции пассажей, содержащих «удивительные примеры» (ср. Cic. *De deor. nat.* II. 124–126; Val. Max. I. 8. 18), назначение которых отнюдь не ограничивается «риторизацией», но позволяет иногда за условными требованиями софистики обнаружить достоверные факты и детали, устраняющие не только сложности в понимании этногеографической карты Солина, но и дополняющие известные свидетельства по изучению северочерноморского региона в античности.

- Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158–190. [*Averintsev S.S.* Ritorika kak podhod k obobsheniyu dejstvitel'nosti (Rhetoric as an Approach to the Generalization of Reality) // Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii. Moscow, 1996. S. 158–190.]
- Агбунов М.В.* Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. [*Agbu-nov M.V.* Antichnaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Geography of the Northern Black Sea Region). Moscow, 1992.]
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. [*Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A.* Narody nashey strany v "Istorii" Gerodota (The Peoples of Our Country in the "History" of Herodotus). Moscow, 1982.]
- Данилевский И.Н.* Историческая текстология. М., 2018. [*Danilevski I.N.* Istoricheskaya tekstologiya (Historical Textology). Moscow, 2018.]
- Золотарев М.И.* Новые факты о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 94–100. [*Zolotaryov M.I.* Novye fakty o drevnih morskikh putyah v Ponte Evksinskom (New Facts about Ancient Sea Routes in Pontus Euxinus) // Problemy grecheskoy kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ya. Tbilisi, 1979. S. 94–100.]
- Илюшечкина Е.В.* Вступление к «Аттическим ночам» Авла Гелия // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. Т. X. С. 78–90. [*Ilyushechkina E.V.* Vstuplenie k "Atticheskim nocham" Avla Gelliya (Praefatio in the "Attic Nights" of Aulus Gellius) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2001. T. X. S. 78–90.]
- Илюшечкина Е.В.* Мифология истории Рима и риторическая политизация в «Collectanea» Гая Юлия Солина // Шаги/Steps. 2020. Т. 6 (2). С. 226–234. [*Ilyushechkina E.V.* Mifologiya istorii Rima i ritoricheskaya politisatsiya v "Collectanea" Gaya Yuliy Solina (Mythology of the Roman History and Rhetorical politisation in "Collectanea" of Gaius Iulius Solinus) // Shagi/Steps. 2020. Vol. 6 (2). S. 226–234.]
- Курциус Э.Р.* Европейская литература и латинское Средневековье, Т. I–II. 2-е изд. М., 2021. (*Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. B., 1948.)
- Николаева Т.М.* От звука к тексту. М., 2000. [*Nikolaeva T.M.* Ot zvuka k tekstu (From Sound to Text). Moscow, 2000.]
- Подосинов А.В.* Ex Oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. [*Podossinov A.V.* Ex Oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v archaicheskikh kul'turah Evrasii (Ex Oriente Lux! The Orientation to the Cardinal Points in the Archaic Cultures of Eurasia). Moscow, 1999.]

- Подосинов А.В.* Где находились Рипейские горы? // *Подосинов А.В.* Проблемы исторической географии Восточной Европы (античность и раннее средневековье) (Russian Studies in World History and Culture; 2). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 9–14. [*Podossinov A.V.* Gde nahodilis' Ripeyskie gory? (Where were Rhiperia Mountains?) // *Podossinov A.V.* Problemy istoricheskoy geografii Vostochnoy Evropy (antichnost' i rannee srednevekov'e) (Russian Studies in World History and Culture; 2). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. 2000. S. 9–14.]
- Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпони Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011. [*Podossinov A.V., Skrzhinskaya M.V.* Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponiy Mela i Pliniy Starshiy. (Roman Geographical Sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder). Moscow, 2011.]
- Помпони Мела.* Хорография / Пер. с лат. под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2017. [*Pomponius Mela.* Horografiya (Chorographia) / Ed. A.V. Podossinov. Moscow, 2017.]
- Русяева А.С.* О храме Ахилла на острове Левка в Понте Евксинском // ВДИ. 2004. Т. 1. С. 177–189. [*Rusyava A.S.* O hrame Ahilla na ostrove Levka v Ponte Evksinskom (About the sanctuary of Achilleus on the Leuce Island in Pontus Euxinus) // *Vestnik drevney istorii.* 2004. T. 1. S. 177–189.]
- Хоммель Х.* Ахилл – бог // ВДИ. 1981. Т. 1. С. 53–76. [*Hommel H.* Ahill – bog (Achilleus the God) // *Vestnik drevney istorii.* 1981. T. 1. S. 53–76.]
- Чекин Л.С.* Картография христианского Средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. [*Chekin L.S.* Kartografiya hristianskogo Srednevekov'ya VIII–XIII vv. (Cartography of the Christian Middle Ages of the 8th–13th cent.). Moscow, 1999.]
- Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. [*Shramm G.* Reki Severnogo Prichernomor'ya: istoriko-filologicheskoe issledovanie ih nazvaniy v rannih vekah (The Rivers of the Northern Black Sea Region: A Historical-Philological Analysis of their Names in Early Centuries). Moscow, 1997.]
- Аппс А.* Source Citation and Authority in Solinus // Solinus. New Studies / Hrsg. K. Brodersen. Heidelberg, 2014. P. 32–42.
- Brodersen K.* Vom Periplus zur Karte: die Leistung des Gaius Julius Solinus // Die Vermessung der Oikumene / Hrsg. K. Geus, M. Rathmann (Topoi; 14). Berlin; Boston, 2013. S. 185–201.
- Brodersen K.* (Hrsg.) *Gaius Iulius Solinus.* Wunder der Welt. Darmstadt, 2014.
- Brodersen K.* The Geographies of Pliny and his 'Ape' Solinus // Brill's Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (Brill's Companions in Classical Studies). Leiden, 2015. P. 298–310.

- Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. 2. Aufl. Frankfurt-am-Main, 1988.
- Formisano M.* Towards an aesthetic paradigm of Late Antiquity // *Antiquité Tardive*. 2007. Vol. 15. P. 277–284.
- Fuhrmann M.* Die Funktion grausiger und ekelhaften Motive in der lateinischen Dichtung // *Poetik und Hermeneutik III*. München, 1968. S. 23–66.
- Gisinger F.* Okeanos // *RE*. 1937. Bd. XVII, 2. Sp. 2308–2349.
- Hardie P.R.* Paradox and the Marvellous in Augustan Literature and Culture. Oxford, 2009.
- Hommel H.* Der Gott Achilleus. Heidelberg, 1980.
- Ilyushechkina E.* Strabo's Description of the North and Roman Geo-political Ideas // *The Routledge Companion to Strabo* / Ed. D. Dueck. London; New York, 2017. P. 60–68.
- Ivanchik A.I.* Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8.–7. Jhs. v.Chr. in der klassischen Literaturtradition: Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte. Berlin; Moskau, 2005.
- Mommsen Th.* (Hrsg.) *C. Julii Solini Collectanea rerum memorabilium*. Berlin, 1864 (1895²).
- Nicolet C.* L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. Paris, 1988.
- Fernández Nieto F.J.* (ed.) *Solino. Colección de hechos memorables o El erudito*. Madrid, 2001.
- Payón Leyra I.* Entre ciencia y maravilla. El género literario de la paradoxografía griega (*Monografías de filología griega*; 21). Zaragoza, 2011.
- Rausch S.* Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Berlin, 2013.
- Romer F.E.* Reading the Myth(s) of Empire: Paradoxography and Geographic Writing in the *Collectanea* // *Solinus. New Studies* / Hrsg. K. Brodersen. Heidelberg, 2014. S. 75–89.
- Salmasius Cl.* *Plinianae exercitationes in Caji Julii Solini Polyhistora: Item Caji Julii Solini Polyhistor ex veteribus libris emendatus*. Utrecht, 1689².
- Sallmann K.G.* Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. Berlin; New York, 1971.
- Schepens G., Delecroix K.* Ancient Paradoxography. Origin, evolution, production and reception. // *La letteratura di consumo nel mondo greco-latino: atti di convegno internazionale* / Ed. O. Pecere, A. Stramaglia. Cassino, 1996. P. 373–460.
- Schmidt P.L.* Solins Polyhistor in Wissenschaftsgeschichte und Geschichte // *Philologus*. 1995. Bd. 139. S. 23–35.
- Talbert R.J.A.* Rome's world: The Peutinger map reconsidered. Cambridge; New York, 2010.

MIRACULOUS SCYTHIA OF GAIUS IULIUS SOLINUS

The lost ethno-geographic information of Hellenistic tradition and of the earlier one on the northern Black Sea and neighboring territories are partially preserved due to the compilations emerged in the epoque of the Roman Empire. Thus, “*Collectanea rerum memorabilium*”, the work by Gaius Julius Solinus, (the 3rd cent.), despite its “secondary” information, is a promising source for the researchers of the northern Black Sea’s ethno-geography. The article discusses Solinus’s information on peoples and tribes dwelling in the region of the northern Black Sea in antiquity, as well as other descriptions (mostly concerning hydronyms, local fauna and customs and the mode of life of Scythian tribes) drawing attention to the features of Solinus’s world picture. Solinus’s compilation’s chief sources were works by Pomponius Mela and Pliny the Elder. Exposing their texts, Solinus used rhetorical techniques and added paradoxography’s excursions to his predecessors’ information, i.e., inserted unusual facts and curious natural phenomena. Obviously, such a description should have made Solinus’s ethno-geographical stuff more attractive to ancient readers and contribute to “a popularization” of the science of ancient oikoumene, i.e., serve didactic targets. If *mirabilia* in ancient literature are used from the early times, “the miraculous examples” in the work by Solinus are put to the forefront. So, one can speak of his proximity to the literature of ancient paradoxographers. Conventional requirements of sophistic do not exclude the use of Solinus’s work as a historical source containing true facts and details, which not only remove complications in understanding of Solinus’s ethno-geographic map, but also add some evidence of history and culture of the northern Black Sea region in antiquity.

Keywords: Pomponius Mela, Pliny the Elder, Gaius Julius Solinus, ethno-geography of the northern Black Sea, *mirabilia*

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-451-470

А.О. Денисов

ОТОБРАЖЕНИЕ АНТИЧНЫХ РЕАЛИЙ В РЕГИОНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАРТАХ

Античные наименования, образы и представления о мире занимают важное место на средневековых картах несмотря на то, что положение вещей изменялось с наступлением другой эпохи и в течение ее. И это далеко не всегда объясняется лишь незнанием, здесь есть и почтение к древнему наследию (в том числе географическому), которое было одной из основ средневековой культуры. Авторы средневековых карт стремились к архаизации, а картина мира на них в целом была исторической. Как и на других изображениях этой эпохи, на картах представлено несколько слоев времени. Только если в первом случае речь, как правило, идет о разных моментах в рамках одного события или жизни одного человека, то во втором представлены эпизоды из разных эпох истории мира. С этой точки зрения, Черное море и прилегающие земли не были исключением, тем более что в античности этот регион активно осваивался. Кроме того, Черное море было своего рода пограничем: его западные и южные берега были под властью Восточной Римской империи, с другой стороны находились восточные страны, а северные его берега представлялись как окраина мира, населенная варварами-кочевниками и чудовищами. Отображение Черного моря во многом зависело от вида карты: на некоторых из них нет даже упоминания его названия (таковы, например, так называемые Т-О карты мира), тогда как на других постоянно появляются его очертания. На более подробных картах содержится больше сведений о строении черноморского бассейна, располагающихся внутри него островах, впадающих в него реках и окружающих землях. Более практичный подход к пространству Чёрного моря и Причерноморья отражен на морских картах-портоланах, создававшихся в позднее Средневековье, когда в этом регионе активную торговлю вели итальянские купцы.

Ключевые слова: средневековые карты, *mapra mundi*, Т-О карты, Черное море, Понт Эвксинский, Причерноморье

Введение. Общие сведения о средневековой картографии

Собственно античных карт, отображающих Черное море, дошло не так много. В первую очередь это карта из Дура Европос, изображенная на щите римского воина (Подосинов 2002. С. 77–99). Она сохранилась не

полностью, но на ней показано как раз побережье Черного моря. Также оно отображено на Певтингеровой карте (Там же. С. 287–378, сегменты карты с Черным морем – с. 308–311; *Tabula-Peutingeriana. Segm. VIII–X*). Эта карта восходит к античному прототипу, но дошедшая копия ее была изготовлена уже в средние века. Координаты объектов черноморского региона в своем «Руководстве по географии» указывал и Птолемей, однако античных карт на основе его сочинения не сохранилось, их стали изготавливать только в средние века.

Вместе с тем в эту эпоху было создано множество карт различных видов, на некоторых из которых Черное море отсутствовало, а на некоторых занимало важное место. Однако на все из них античное влияние очевидно, хотя, возможно, прямая преемственность между античными и средневековыми картами существует не всегда (Подосинов 2020). Также возникает вопрос, не имелось ли перед создателями карт в средние века античных образцов, на которые они опирались и которые не сохранились впоследствии. В любом случае можно быть уверенными, что сведения брались из античных письменных источников или из работ основывавшихся на них средневековых авторов.

Более всего в средние века были распространены трехчастные схемы, на которых была показана окруженная Океаном известная земля, разделенная на Азию, Европу и Африку водами Танаиса, Нила и Средиземного моря. Они были расположены в виде буквы Т, вписанной в О, образуемую Океаном. Наряду с Т-О существовали схемы Y-О, усложненные за счет Меотийских болот, т.е. Азовского моря, а также другие виды трехчастных карт.

Черное море показано на картах, восходящих к позднеантичному автору Макробию. На них отображалось восточное полушарие. Оно было разделено на климатические зоны, которых, как правило, насчитывалось пять: две холодных необитаемых на крайнем севере и юге, жаркая в середине и две умеренные обитаемые между ними: в северной располагалась "наша" ойкумена, в южной же – земля антэков, иногда называемых антиподами. Поэтому эти карты также называются зональными. Еще одной их особенностью было отображение четырех заливов в ойкумене: Средиземного (и соединяемого с ним Черного), Красного, Индийского (Индийский океан) и Каспийского морей. Последнее, как считалось до путешествия Гийома де Рубрука многими античными и средневековыми авторами, соединялось с Океаном проливом. Четыре залива отображены и на незональной карте из Альби, на картах Козьмы Индикоплова (Римский, Арабский, Персидский заливы и Каспийское море), а также на византийской карте XV в. – Каспийский, Арабский и Эритрейский заливы, а также неподписанное Средиземное море (Подосинов 2010).

На более подробных картах Черное море имеет более сложную структуру, в нем показаны острова, а на его побережьях отмечено множество городов, народов и областей. Математически точные очертания Черное море обретает на позднесредневековых морских картах-портоланах, а также на картах, восходящих к Птолемию.

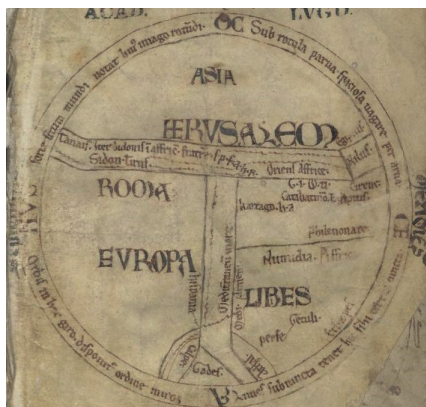
Черное море на схематичных картах

На самых схематичных картах типа Т-О Черное море как таковое не изображено и, как правило, не упоминается. Это объясняется самой их структурой. Ведь букву Т, вписанную в круг Океана О, на этих картах с восточной ориентацией составляют три водных бассейна: Средиземное море в основании, впадающий в него с юга Нил и соединенный с ними Танаис на севере. Безусловно, нельзя сказать, что создатели таких карт считали, что Дон впадает в Средиземное море, и не знали о существовании Черного. Отсутствие его обозначения, вероятно, объясняется, с одной стороны, схематичностью карты, это касается в первую очередь очертаний водных бассейнов, а с другой стороны, возможно, тем, что Черное и Азовское моря, а также проливы, которые соединяют их со Средиземным, были очевидными границами между Европой и Азией. Однако на севере целый ряд рек, которые могли бы представлять собой рубеж между этими частями мира, впадают в Черное и Азовское моря. Возможно, поэтому важно было подчеркнуть, что именно Танаис играет эту роль. Ведь на картах типа Т-О, собственно, и показано разделение круга земель на три части водными преградами, что было унаследовано средневековьем из античной географической традиции. При этом структура карт Y-О усложнялась по сравнению с Т-О в первую очередь за счет Меотийских болот, т.е. Азовского моря (см. илл. 2).

На некоторых схематичных картах к югу от Танаиса появляется наименование *Secundum mare*, под которым, возможно, скрывается Черное море (см. илл. 4). Однако бывают случаи обозначения этим наименованием и других морей в северной части переключины Т. На картах встречаются упоминания в этом месте, вероятно, Эгейского моря – *Augea mare*, однако надпись слишком нечеткая; Адриатического моря; даже есть пример упоминания Средиземного моря; также в этом месте встречаются упоминания Сидона и Тира, которые, впрочем, довольно свободно перемещались по верхней части Т; в эту часть карты могло попасть даже упоминание пути Дидоны (илл. 1); на некоторых картах показан Геллеспонт и даже Евфрат (Chekin 2006. P. 330, 332, 334, 335, 338, 339, 344, 345, 350, 354, 357, 358). Таким образом, как видно на усложненных схемах (некоторые из упомянутых карт относятся к типу Y-О) и при наличии большего числа надписей в северной части переключины Т, в обозначении

нии ее или ее фрагмента подчеркивалось не Черное море, но та или иная часть средиземноморского бассейна, хотя он должен был ассоциироваться в первую очередь с основанием Т. Такая подвижность наименований в пространстве карты и гибкость ее структуры только лишней раз показывают, насколько не важна была точность расположения географических объектов относительно друг друга. Однако само их упоминание имело значение. Ведь с разными местами и народами были связаны сюжеты, важные для средневековой культуры вообще. В частности, многие из них названы в тех работах, к которым карты служили иллюстрациями, в первую очередь это «Фарсалия» Лукана, «Югуртинская война» Саллюстия и «Этимологии» Исидора, а также другие тексты. Значит ли относительно небольшое внимание к Черному морю, что оно, с этой точки зрения, не обладало достаточным историческим и культурологическим потенциалом? Возможно, дело лишь в простоте трехчастных схем, особенностях их структуры и, как подчеркивалось выше, очевидности того, что Черное море представляло собой границу между Европой и Азией. Хотя легко заметить, что в том месте, где должно быть Черное море и соединяющие его со Средиземным проливы, часто размещаются объекты, связанные со средиземноморским бассейном.

Еще одним распространенным видом средневековых карт являются зональные карты (илл. 3). При этом, несмотря на схематичность зональных карт, на них часто к северу от Средиземного моря показано Черное, соединенное с первым проливом. Черное море обычно помещалось в обитаемую умеренную зону, хотя и близко к границе с северной холодной. Также есть ряд карт, на которых граница зон пересекает Черное море (Chekin 2006. Р. 398, 400–402, 404–405, 408, 422), т.е. оно находится в умеренной зоне лишь частично. Таким образом, оно рассматривалось как пограничное между обитаемой землей, ойкуменой, и северным холодным поясом. Однако есть и примеры карт, на которых Черное море полностью находится в последнем (Chekin 2006. Р. 417, 419). На Фрайзингской карте (Chekin 2006. Р. 449) Черное море полностью помещено в холодной зоне, а на границе двух климатов находится некое утолщение пролива, соединяющего его со Средиземным, возможно, имелось в виду Мраморное море. Таким же утолщением к северу от Черного моря показаны Меотийские болота.



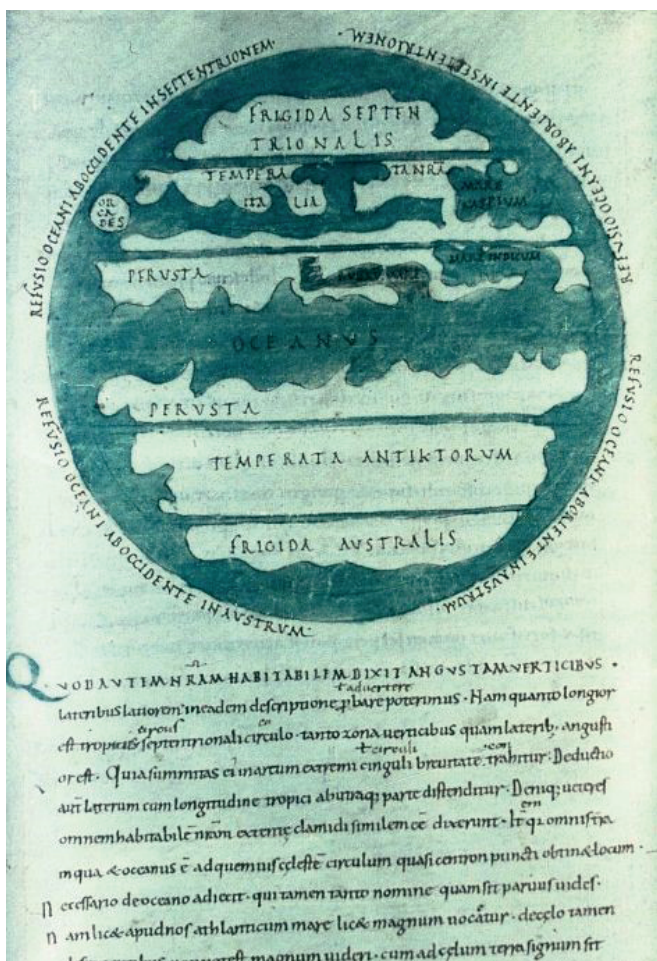
Илл. 1. Схема Т-О XIII в. с обозначениями пути Дидоны, Тира и Сидона в левой части перекладины Т (Leiden, Bibliotheek der Rijksuniversiteit. BPL 193. fol. 1). https://www.disc.leiden.edu/view/item/3261295?solr_nav%5Bid%5D=9ee2c21794008fb249c3&solr_nav%5Bpage%5D=0&solr_nav%5Boffset%5D=0#page/6/mode/1up (30.05.2022).

Fig. 1. T-O scheme of the 13th century with the designation of Dido's path, Tyre and Sidon in the left part of T crossbar (Leiden, Bibliotheek der Rijksuniversiteit. BPL 193. fol. 1). https://www.disc.leiden.edu/view/item/3261295?solr_nav%5Bid%5D=9ee2c21794008fb249c3&solr_nav%5Bpage%5D=0&solr_nav%5Boffset%5D=0#page/6/mode/1up (30.05.2022).



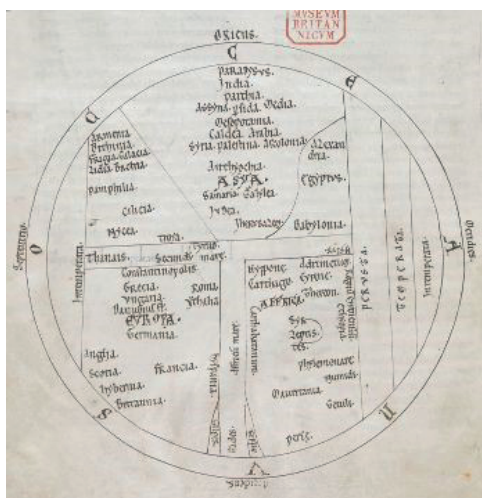
Илл. 2. Схема Y-O с Меотийскими болотами, XII в. (London, British Library. Harl. 2660, fol. 123v). URL: https://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=harley_ms_2660_f001r (30.05.2022).

Fig. 2. Y-O scheme with the Maeotian Swamps, 12th century (London, British Library. Harl. 2660, fol. 123v). URL: https://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=harley_ms_2660_f001r (30.05.2022).



Илл. 3. Зональная карта конца X – начала XI в. (Oxford, Bodleian Library, d'Orville 77, fol. 100). URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/d76ac9b7-c1f5-4dc1-92d4-164029bb5704/surfaces/8e7ed055-b865-4204-ac18-e36c075a8fd4/> (30.05.2022).

Fig. 3. Zonal map of the end of the 10th or beginning of the 11th century (Oxford, Bodleian Library, d'Orville 77, fol. 100). URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/d76ac9b7-c1f5-4dc1-92d4-164029bb5704/surfaces/8e7ed055-b865-4204-ac18-e36c075a8fd4/> (30.05.2022).



Илл. 4. Карта 1172 г., сочетающая в себе схему Т-О и климатические зоны; на ней отмечено Второе море, под которым могло пониматься Черное (London, British Library. Harl. 2799. fol. 241v). URL: https://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=harley_ms_2799_fs001r (30.05.2022).

Fig. 4. Map combining T-O scheme and climatic zones; the Second Sea is mentioned on it, this could be interpreted as the Black Sea, 1172 (London, British Library, Harl. 2799, fol. 241v). URL: https://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=harley_ms_2799_fs001r (30.05.2022).



Илл. 5. Карта из Альби (Albi, Bibliothèque municipale, 29, fol. 57v). URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mappa_mundi_dAlbi.png (30.05.2022).

Fig. 5. Albi map (Albi, Bibliothèque municipale, 29, fol. 57v). URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mappa_mundi_dAlbi.png (30.05.2022).

Структура четырех заливов прослеживается и на карте из Альби VIII в. (Dan 2017), на которой Черное море, Pontum, показано в виде ответвления на север от Средиземного (илл. 5). Помимо этого, четыре залива являются ключевыми составляющими структуры ойкумены на картах Козьмы Индикоплова (дата написания Христианской топографии – VI в., карты дошли в рукописях IX и XI вв.), на которых показано и Черное море. На византийской карте мира XV в. (Подосинов 2010) Черное море с подписью Эвксинос показано весьма схематично в виде полосы. С одной стороны, оно соединяется со Средиземным морем, и в этом месте обозначен Абидос, а несколько западнее и Константинополь. С другой стороны на севере Черное море соединено с Майотисом, или Азовским морем которое, в свою очередь, вплотную примыкает к Океану. Значит ли это, что нарисовавший эту карту считал, что Азовское море напрямую соединено с Океаном, или это следствие упрощенности карты, поскольку не хватает обычно размещаемого между ними Танаиса? Стоит отметить, что на других картах, на которых изображены четыре залива, будь то карта из Альби, или зональные, или восходящие к Козьме Индикоплову, также отсутствует Танаис. Однако на них нет и Меотиды, примыкающей к Океану. Все эти карты так или иначе восходят к греческой географической традиции, по классификации некоторых авторов зональные карты полушария даже напрямую называются греческими (The History of Cartography 1987. P. 295), а трехчастные карты порой назывались римскими. Греки же, как известно, колонизировали регион Черного моря, и для них он был относительно хорошо известен, хотя и находился на окраинах их ойкумены.

Существовал также смешанный вид карт, сочетающий в себе черты и Т-О, и зональных схем. На них также иногда изображалось Черное море, хотя во многих случаях за основу брали схему Т, не предполагающую его отображения, другие же заливы с зональных схем на картах смешанного вида показаны весьма часто. Любопытный пример представляет карта, на которой над Средиземным морем изображено Черное, как на обычной зональной карте, тогда как Танаис и Нил, составляющие обычно перекладину схемы Т, соединены между собой, но не связаны с морями (Chekin 2006. P. 430).

На некоторых картах, как например, на карте из Гейдельберга XIII в. (Chekin 2006. P. 444), Танаис составляет не часть перекладки Т, но отклоняется на северо-восток, соединяясь с самой верхней частью Т. Таким образом, на такого рода картах перекладина Т изображает другие водные бассейны, это должны быть Азовское и Черное моря, а также проливы, соединяющие их со Средиземным морем. Однако на этих картах перекладина Т соединена с Океаном на севере, как и на юге, что, вероятно, объясняется традицией.

Очертания и структура Черного моря на подробных картах

На карте Гвидо Пизанского середины или второй половины XII в. (Chekin 2006. P. 136–137) от традиционной линии, изображающей Танаис, на восток и на запад отходят водные пространства. Таким образом, схема Т-О немного усложняется за счет выделения очертаний Черного моря.

Порой Черное море имеет ответвление, которое называется Киммерийским морем, как на Псевдоисидоровой Ватиканской карте, созданной, вероятно, между 762 и 777 гг. (Ibid. P. 126–128) – *mare Cimericum*, само Черное море на этой карте показано весьма небольшим и изображено схематично – в виде прямоугольника.

Также Киммерийское море обозначено на первой карте из Турнэ XII в. (Brott, Foys and Wacha, Tournai Map of Asia [A2] [BL Add. MS 10049, f. 64r] 2020; Chekin 2006. P. 134–135): в восточной части Черного моря отмечены *Cimericum mare* и *Euxinus Pontus*, в западной за островом *Patmos* – просто *Pontus* (илл. 6). На второй карте из Турнэ (Chekin 2006. P. 134–136), находящейся в рукописи сразу после первой, структура Черного моря в целом похожа, однако есть и некоторые особенности. Название *Cimericum* нанесено к востоку от Черного моря, а не внутри него. Это объясняется тем, что граница карты проходит по самому Черному морю, поэтому та его часть, которая называется Киммерийским морем, не изображена. Название же *Euxinus Pontus* находится внутри очертаний Черного моря. Так же, как и на первой карте из Турнэ, на второй название *Pontus* обозначено за островом *Pathmos* в западной части моря. На юге к Черному морю примыкает Пропонтида.

На карте из Соли конца XII – начала XIII в. (Virtual Mappa 2020. Sawley Map [CCCC 66, Parker Library. P. 2]; Chekin 2006. P. 137–139) Черное море имеет продолговатую форму, а его восточная часть названа *Mare Cimericum*. Также на этой карте упоминается *mare Propontidis*. На карте же из Альби второй половины VIII в. *Sumiricum mare* обозначено в северном Океане. Киммерийское море упоминал Орозий (1.2.25, 36, 49), который сильно повлиял на средневековые карты, а своими корнями традиция разделения Черного моря на два моря уходит к Страбону (II, 5, 22).

Разветвленная совокупность водных бассейнов, связанных с Черным морем, показана на копии Сен-Викторской карты XI в. (München. Bayerische Staatsbibliothek. CLM 10058. fol. 154v. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00112097?page=312>; Chekin 2006. P. 132–134) (илл. 7). Само оно обозначено как *Eusinum mare*. На востоке с ним соединено (или его частью является) *Cimericum mare*. При этом Киммерийское море разделено на две половины, между которыми заключены Фемискирские поля, место обитания легендарных амазонок. На Псалты-

рной карте 1262–1265 гг. (Virtual Mappa 2020. Psalter World Map [BL Add MS 28681, f. 9r]) в юго-восточную часть Черного моря вдается круглый полуостров, однако Фемискирские поля не обозначены. Подобным образом эта область показана и на Эбсторфской карте ок. 1300 г. (URL: https://warnke.web.leuphana.de/hyperimage/EbsKart/#V16_030/ [30.05.2022]). На ней Киммерийское море названо Киммерийским озером, LACUS CIMERICUS, и изображено в виде разомкнутого кольца, внутри которого находятся не только Temiscerii campi, но и Temiscerinum oppidum. В свою очередь та часть моря, которая находится западнее, названа, как обычно, EUXINUS PONTUS. Кроме того, на одном из островов написано Ponticum mare.

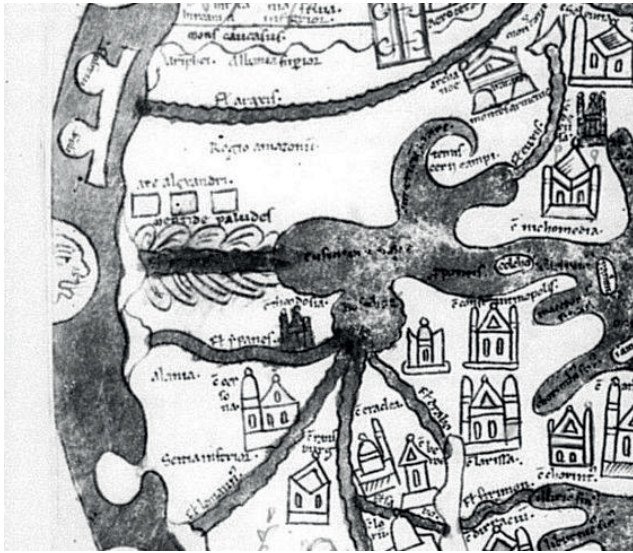
На копии Сен-Викторской карты на западе с Черным морем соединен Bosphorus, а на юге Propontis, которая за островом Colchos продолжается как Ellespontus. Meotide paludes показаны вокруг Танаиса – похоже, была попытка изобразить, что река разливается и заболочена по краям.

На карте Европы Ламберта Сент-Омерского XII в. обозначен Euxini Pontus, южнее же – Меотийское море, mare Meotis, хотя на большинстве карт оно обозначено как болота и расположено севернее Черного моря. Ещё южнее отмечен рукав святого Георгия – Brachium Georgii.



Илл. 6. Понт Эвксинский и Киммерийское море на первой карте из Турнэ (London, British Library. Add. 10049, fol. 64r). URL: <https://sims2.digitalmappa.org/36> (30.05.2022).

Fig. 6. The Euxine Sea and the Cimmerian Sea on the first Tournai map (London, British Library. Add. 10049, fol. 64r). URL: <https://sims2.digitalmappa.org/36> (30.05.2022).



Илл. 7. Черное море на копии Сен-Викторской карты (München, Bayerische Staatsbibliothek. CLM 10058, fol. 154v). URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00112097?page=312,313> (30.05.2022).

Fig. 7. The Black Sea on the copy of the St Victor map (München, Bayerische Staatsbibliothek. CLM 10058, fol. 154v). URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00112097?page=312,313> (30.05.2022).

Своими особенностями обладает строение черноморского бассейна и на картах Мэтью Пэриса. Продолговатый водный объект протягивается от *mare Eusinum* на запад. Его расположение соответствует Дунаю, но очертания напоминают Меотийские болота, если сравнивать с другими подробными картами. Кроме того, реки на первой из этих карт показаны более темным оттенком синего, а этот водный объект изображен бирюзовым, т.е. как море. На этой же карте внутри него есть надписи, но они неразборчивы, а на второй, копии первой, они вообще отсутствуют. В свою очередь Дунай обозначен западнее, и впадает он в северный Океан. На север от Черного моря также отходит небольшой водный бассейн, упирающийся в горы на побережье северного Океана. Обычно так располагается Танаис, в данном же случае вода бирюзовая, поэтому скорее имелись в виду Меотийские болота. Западнее же Малой Венгрии (*Minor Hungaria*) обозначены Нижние Меотийские болота (*Meotides paludes inferiores*).

На юге с Понтом Эвксинским соединено Греческое море (*mare Grecum*), на побережье которого обозначен Константинополь. Таким об-

разом, под этим морем скорее всего подразумевалось Мраморное море с проливами, а кроме того, вероятно, и Эгейское, которое не упоминается, далее следует лишь Адриатическое. На это указывает и обозначение Larissa, причём вопреки действительному расположению севернее Константинополя

На Англо-Саксонской карте второй четверти XI в. (Virtual Mappa 2020. Cotton World Map [BL Cotton Tiberius B.v, f. 56v]; Chekin 2006. P. 129–132) в Черном море показан ряд неподписанных островов. На Херефордской карте мира конца XIII в. острова подписаны. На одном из них в восточной части моря указано название Penagorgea (=Phanagorea), однако этот город располагался на восточном берегу Керченского пролива. Тем не менее многие античные авторы, начиная с Гекатея Милетского писали, что Фанагория находится на острове, см., например, «...как говорит Гекатей в описании Азии: остров Фанагора и Фанагория» (Steph. Byz. Fr. 164; ср. Strabo XI, 2, 10). На другом острове в восточной части моря отмечен город Carambis, одноименный мысу, на котором располагался. Однако он тоже находился на материке, на южном побережье Черного моря, турецкое название мыса – Kerembe Burnu. Западнее этих островов помещена надпись Euxinum mare. Острова на Херефордской карте имеют округлые очертания, надписи же, относящиеся к самому морю, заключены в прямоугольные рамки с фоном того же цвета, которым обозначается суша. Более того, первая часть названия, Euxinum, написана красным, а слово mare – черным, как названия городов. Так же дело обстоит и с другими названиями морей. Западнее на острове нанесено название Alloressea ciuitas, вероятно, это был остров, располагавшийся в античной дельте р. Кубань (Chekin 2006. P. 209). Далее на запад следует обозначение Cimerisum mare. Обычно как Киммерийское море обозначалась восточная часть Черного моря, на Херефордской же карте это название помещено ближе к средней его части или скорее даже к западной, если учитывать, где на карте начинается Пропонтида. Далее обозначен остров Achillea, известный также как Левка и Макарон, позднее получивший название Змеиный; название, которое отражено на карте, остров получил из-за находившегося там храма, посвященного Ахиллу (Chekin 2006. P. 207). Также есть версия, что это остров Тендровская коса.

К западу от острова Ахилла обозначен Pathmos, часто встречающийся на картах. Возможно, он так важен для авторов карт, потому что на этом острове Иоанн написал «Откровение», как сообщается в самом же этом произведении (1.9). Однако Патмос находится в Эгейском море. Тем не менее, согласно ряду средневековых карт мира, Иоанн, подобно Овидию, оказался сосланным на Черное море. В свою очередь на картах мира Мэтью Пэриса середины – второй половины XIII в. (Chekin 2006.

Р. 195–197) внутри Черного моря помещена надпись, в которой упоминается и сама ссылка Овидия на остров Понтос: *Pontos insula ubi Ovidius exul*. В свою очередь остров Патмос, на других картах размещаемый в Черном море, на картах Мэтью Пэриса расположен в Средиземном, к югу от Малой Азии (на самом деле этот остров находится к юго-западу от Малой Азии, на указанных же картах он сильно сдвинут на восток). Колхида, как и на некоторых других *maprae mundi*, показана на картах Мэтью Пэриса в виде *Colcos insula*.

Западнее Патмоса на Херефордской карте обозначен остров *Thasos*, который также располагается в Эгейском море. В свою очередь, между этими названиями обозначено *Propontidis mare*, хотя в очертаниях моря в этом месте это никак не отражено. В том же месте, где с морем соединяется пролив, он носит название *Voffarum Trachius*, хотя как раз он и соединяет Черное и Мраморное моря. Такая перестановка создает ситуацию, при которой Босфор и Геллеспонт непосредственно соприкасаются друг с другом и фактически представляют один пролив. Впрочем, автор карты Ричард Хэлдингхэм разделяет их островом *Choos*, Кос или, возможно, Хиос – оба располагаются в Эгейском море. Таким образом, на Херефордской карте наблюдается путаница в порядке обозначения как самих Эгейского, Мраморного и Черного морей, которые соединены между собой проливами, так и объектов, находящихся внутри их бассейнов или на их побережье. У устья Дуная обозначен *Canospatos*; по Миллеру, это искаженное название *Stenos Portus*, располагавшегося в Крыму, предполагалось также, что это могло быть искажением от *Chersonesos* или даже от *Prochenissam*, по Уэстрему (*Virtual Mappa 2020. The Hereford Map, Hereford Cathedral*). Л.С. Чекин предполагает, что это могло быть искаженным названием одного из островов дельты Дуная *Conoron Diabasis* (Chekin 2006. P. 216).

На Эбсторфской карте встречается *Vosphorum insula*, очевидно, получивший свое название от Босфора Киммерийского, остров расположен к западу от Киммерийского озера. Западнее обозначен *insula Apollinis*, вероятно, имеется в виду остров с храмом Аполлона недалеко от Аполлонии Понтийской. Также на два прямоугольных острова разделена надпись *Extimum portus*, возможно, искаженное *Euxinus Pontus*. Кроме того, острова на Эбсторфской карте обычно имеют округлую форму. Также обозначен еще один круглый неподписанный остров, а далее на западе, в проливе, упоминаются острова уже Эгейского моря: Митилены (на карте это остров, в действительности главный город Лесбоса), Кос, Самос.

На одной из карт Ранульфа Хигдена XIV в. (*Virtual Mappa 2020. Higden Map 3 [CCCC MS 21, fol. 9r]*) Черное море отсутствует (на ней вообще почти нет очертаний водных объектов), обозначены лишь Меотийские

болота и Танаис. К югу от них отмечены Патмос и Колхос. К востоку от них упомянута Скандинавия. Такое же расположение этих островов и Скандинавии наблюдается и на другой карте Ранульфа Хигдена (Virtual Mappa 2020. Higden Map 2 [BL Royal 14.C IX, fol. 2v]). На еще одной его карте (Virtual Mappa 2020. Higden Map 1 [BL Royal 14.C IX, ff. 1v–2r]) Танаис впадает непосредственно в Черное море, а Меотийские болота изображены к западу от него и не связаны с ним. Из островов указан Тугус, под которым, предположительно, имелся в виду Тасос. Так или иначе Тасос – остров в Эгейском море, а на карте обозначение помещено напротив Танаиса, севернее Пропонтиды. На западном берегу моря обозначены вандалы, Греция, Фракия и Мёзия. На этой же карте обозначен и Патмос, а также указано, что там находится Иоанн – *Pathmos ubi Iohannes* (глагола, указывающего на прошлое, нет, как и в случае с упоминанием сосланного Овидия – это наряду с прочим помогает ощутить единство событий и явлений разных исторических периодов, отображенных на одном пространстве карты). Кроме того, обозначен *Arsida insula*, возможно, под ним имелся в виду остров Ахилла. Кроме того, между Черным и Эгейским морями, которые, как и на других картах, нередко смешиваются, обозначен *Propontides insula*. Дунай же на этой карте не доходит до Черного моря.

Реки, впадающие в Черное море

На более детальных картах отмечен ряд рек с античными названиями, впадающих в Черное и Азовское моря. Танаис и Меотийские болота обозначались весьма часто. Танаис на Англо-Саксонской карте изображен впадающим скорее в Черное море, а не в Азовское, поскольку Меотийские болота обозначены восточнее, если, конечно, изготовитель карты не обозначил этой подписью более широкую область. В целом, такие двусмысленности во многом возникают из-за того, что точность не являлась главной задачей. На первой карте из Турнэ Танаис и обозначенные к западу от него *Meotie pal* располагаются напротив острова Патмос. На карте из Соли Танаис выступает проливом, соединяющим Черное море с Океаном. Вдоль восточного его берега показаны горы, а вокруг нижней его части автор карты явно пытался изобразить заболоченность, то есть Меотийские болота. В этом месте крупными красными буквами нанесена надпись: *terminus Asie* – на восточном берегу, *et Europe* – на западном (имеется в виду, что Танаис образовывал в античности и средневековье границу Европы). На Херефордской карте *fluuius Meotides* продолжается изображаемыми в виде островов внутри реки *palludes*. Как видно на ряде примеров, авторы средневековых карт по-разному пытались отобразить болота Меотиды. В случае Херефордской карты единое название

Meotides paludes распадается на отдельное наименование реки и обозначение болот, хотя в некоторых источниках встречается река Меотис (Ibid. P. 233–234). Танаис же на Херефордской карте не обозначен.

На Эбсторфской карте три реки пересекают изображенные в виде прямоугольника Меотийские болота. Река Меотис впадает в Черное море. Танаис доходит до Херсонеса, *Gersanis*, и соединяется с устьем Дуная. Это место обозначено как *Brachium Sci. Georgii*, один из рукавов устья Дуная называется Георгиевским Гирлом. Третья пересекающая Меотиду река, название которой, вероятно, было подписано в поврежденном месте, впадает в устье Дуная. Сам Дунай перед впадением в Черное море сначала имеет огромное утолщение, в которое впадают реки Эбр (*Ebrum fluius*) и Леман, потом сужается, и в этом месте нанесена надпись о его семи устьях: *septem hostia Danubii*. Далее водами заключается в кольцо область с Гиперборейскими горами, и только затем Дунай соединяется с Черным морем. Расположение рек на Эбсторфской карте весьма необычно.

На первой карте из Турнэ встречается *Alanus Fl*, что, возможно, представляет собой иное название Лема(н)на. Рядом с этой рекой обозначены *Alani scite*, от наименования которых, вероятно, и возникло название реки. *Alanus fluius* обозначена также на Херефордской карте. Там она впадает в дельту Дуная, а *alani* (красным) *sithe* (черным) помещены рядом с ней, а между реками *Coruus* и *Danaper*, которые впадают в Черное море восточнее. Между болотами и Корвом в море изливается *fluius Arfaxat*, на счет которой существует целый ряд версий (Ibid. P. 211–212). Одного из сыновей Сима звали *Arphaxad* (Gen. 10.22). Однако эта река расположена в Европе, к западу от Меотийских болот, а Симу досталась Азия. Впрочем, *Arfaxat* отмечен недалеко от этой части света. На Эбсторфской карте так называется один из идолов, разрушенных апостолом Матфеем в Африке. *Arfaxat* может быть искаженным названием Аракса или Яксарта, возможно, даже смесью этих названий, в частности Аммиан Марцеллин использует *Araxates* для обозначения Яксарта (23.6.59). Однако на Херефордской карте эта река, известная также как Сырдарья и Силис, впадает в Черное море восточнее Меотийских болот – *fl Ylis qui et Laxates*. На самом деле она впадает в Малое Аральское море, но Александр Македонский принял ее за Танаис, поэтому эти реки путали. То, что Яксарт занимает на Херефордской карте место, схожее с таковым Танаиса, может быть причиной его отсутствия на карте. Также существует предположение, что *Arfaxat* может быть искаженным названием скифского племени *Auchetas*, упоминаемого Солином (Virtual Mapra 2020. The Hereford Map, Hereford Cathedral). Название реки также схоже с наименованием античной столицы Великой Армении Артаксаты, располагавшейся на левом берегу Аракса недалеко от города Арташат.

Также обозначался Гипанис, то есть Южный Буг (Англо-Саксонская карта). На копии Сен-Викторской карты в Босфор впадают четыре реки: Fl Ypanes, Fl Lemannus (возможно, Буг, Днепр или Днестр – Chekin 2006. P. 231–232), Fl Danubius с притоком Fl Sabo, а также Fl Drabo, под которой очевидно имелся в виду еще один наряду с Савой правый приток Дуная – Драва, впадающий тем не менее на карте в Босфор или, по крайней мере, в дельту Дуная. На первой карте из Турнэ приводятся два его названия – Danubius uel Hister fl. На Херефордской карте у дельты Дуная написано: Hister qui et Danubius (красным только первое слово). И, как известно, Истром в античности обычно называли нижнее течение Дуная. Кроме того, на Херефордской карте обозначено множество притоков Дуная.

На карте из Соли показано другое расположение рек. На ней изображена дельта Дуная, а также многочисленные его притоки, в основном неподписанные. В Дунай впадает Истр (sic!) у самой его Дельты, а Draua, в свою очередь, изображена как приток Истра. Дунай, впадающий в Черное море, показан и на карте Гвидо Пизанского, вдоль него тянется Volgaria. На Англо-Саксонской карте к западу от Гипаниса, вероятно, обозначен Днепр – nar[er] fl[umen] da.

Кроме того, на средневековых картах показан ряд рек Малой Азии, впадающих в Черное море. На первой карте из Турнэ в Черное море впадает Gera fl, возможно, в данном случае имелся в виду Гиерас – приток р. Сангарий, или Сакарья, впадающей в Черное море и разделяющей Вифинию и Галатию, как это и показано на карте. На первой карте из Турнэ в Черное море также впадает разделяющая Верхнюю Фригию и Галатию р. Лик (Solin. 43.1), отождествляемая с Марсием (Solin. 40.7) – Licus fl qui est Marsias. Фригия ограничена с запада неподписанной рекой и на карте из Соли. Отождествление, вероятно, произошло из-за того, что оба этих названия носят притоки Меандра, который, однако, впадает в Эгейское море. Река Лик обозначена и на Херефордской карте, на которой она впадает в Босфор Фракийский и разделяет Вифинию и Галатию.

В свою очередь Пафлагонию и Верхнюю Фригию на первой карте из Турнэ разделяет Pactolus fl. Эта же река ограничивает на востоке Фригию на карте из Соли. Пактол, также известный как Сарт, протекает в Лидии, которая на карте обозначена восточнее, это приток Герма, впадающего в Эгейское море. На Псалтырной карте указан впадающим в Черное море и сам fl Hermes. Fl Pactalus есть и на Херефордской карте. Она сливается с fluuius Helles, и вместе они впадают в Киммерийское море. Под Геллесом, вероятно, имелся в виду Кызылырмак, имеющий античное название Галис. Однако Пактол – это приток Герма, поэтому под Геллесом, возможно, скрывается последний. Лидия на Херефордской карте обозначена

на к югу от горы, с которой Пактол берет свое начало. К востоку от него обозначены Пафлагония и Каппадокия, а между Пактолом и Геллесом – Фригия. Таким образом, на этих картах отмечены несколько притоков рек, впадающих в Эгейское море. Обозначение их как впадающих в Черное море еще раз показывает, что авторы этих карт смешивают географию Черного и Эгейского морей.

Реки, впадающие в Черное море в Малой Азии, на Эбсторфской карте не подписаны. В одной из них выделяется *Nylas Iacus*. Две из них, как Пактол и Геллес на Херефордской карте, соединяются и впадают в Черное море единым потоком. Еще одним совпадением с Херефордской картой является то, что между ними обозначена Большая Фригия, *FRIGIA maior*, а к югу от них Лидия. Особенностью их расположения на Эбсторфской карте является то, что они повернуты по сравнению с другими картами и текут с востока на запад. Севернее соединяющихся рек располагаются Кария и Ликаония. В свою очередь, от Вифинии и Фригии их отделяет та река, внутри которой выделено озеро. Еще одна река ограничивает область с Гераклеей.

В Киммерийское озеро на Эбсторфской карте впадет река Мелес, а восточнее Сангар и Салис (вероятно, Фасис). На копии Сен-Викторской карты в Киммерийское море впадает *Fl Euxis*. Возможно, название реки *Eusis*, как она отмечена на других картах, было искажено под влиянием названия Понта Эвксинского, в который она впадает (Chekin 2006. P. 224–225). Однако на копии Сен-Викторской карты название самого этого моря написано через *s* – *Eusinum mare*. На первой карте из Турнэ в Киммерийское море впадает *Fasis fl* (совр. Риони в Грузии). С юго-востока в Черное море впадает р. Фасис и на карте из Верчелли XIII в. (URL: <https://mostre.museogalileo.it/framauro/it/mappa-mundi-m/1250-1280-mappa-mundi-di-vercelli.html> [30.05.2022]; Chekin 2006. P. 142–146).

На карте из Соли с севера в Черное море впадает неподписанная река, берущая свое начало с гор на побережье Океана. Она разделяет Албанию, примыкающую к Киммерийскому морю, и антропофагов. На Херефордской карте Колхиду опоясывает неподписанная река, фактически выступая в качестве границы. Она берет начало в Тавре, в данном случае это Кавказ, и, делая полукруг, впадает в Черное море с севера.

Земли и народы Причерноморья

Народы и земли вокруг Черного моря, обозначаемые на средневековых картах мира, прежде всего более детальных, восходят в первую очередь к античной традиции во многом через посредство Орозия и Исидора.

Расстояние от Черного моря до Океана на севере обычно показывалось на средневековых картах небольшим, однако это утверждение но-

сит весьма относительный характер в условиях отсутствия масштаба. В этом пространстве на картах отмечались алтари Александра, северная граница ойкумены. Таким образом, Северное Причерноморье представляло собой окраину мира.

К северу от Черного моря обычно обозначались варварские народы, в первую очередь скифские племена (Подосинов 2016. С. 214–233). Первая карта из Турнэ особенно богата скифскими племенами или обозначенными как таковые: *Thalii scite*, *Rhobasci scite*, *Geloni scite*, *Euri scite*, *Allipodes scite*, *Alani scite*, – после каждого названия подчеркивается и уточняется: *scite* (т.е. скифы). И это лишь те из них, которые обозначены вблизи от Черного моря. Очевидно, что не все перечисленные племена были скифскими. И это лишь подчеркивает появившуюся еще в античности тенденцию расширения значения наименования скифы от обозначения определенного народа до кочевника и варвара в целом. Скифы стали своего рода образом кочевого мира.

Некоторые скифские племена обозначены к северу от Черного моря и на Херефордской карте: *Catharum sithe*, *Scitotauri sithe*, *Essedones sithe*, наконец, неназванный *Scitharum gens*. Обо всех этих народах на карте приведены комментарии, описывающие их варварство и жестокость, а также изображения их дикости. Только про катаров сказано, что они, отказавшись от использования золота и серебра, отвергли алчность в своем обществе. Впрочем, отказ от драгоценных металлов, способствующих торговле, можно рассматривать и как признак отсталости, это в любом случае должно было восприниматься как диковина. Кроме того, название «катары» слишком напоминает наименование осуждаемых католической церковью еретиков, считавших все материальное творением дьявола. Богомилы, повлиявшие на катаров, были распространены на Балканах, недалеко от Черного моря. Считается, что Херефордская карта была создана в конце XIII в., а в начале этого столетия с катарами велась ожесточенная борьба во время Альбигойских войн.

На Эсторфской карте присутствуют многие образы и комментарии про скифов, схожие с таковыми с Херефордской карты, однако они расположены не к северу от Черного моря, а восточнее, в области, огражденной Кавказским хребтом, протянувшимся на Эбсторфской карте от северной части Океана до восточной. Стоит отметить, что Скифией называли все эти обширные северо-восточные пространства, к северу от Черного моря и далее на восток.

К северо-востоку от Черного моря на картах Мэтью Пэриса обозначена Скифия, в которой проповедовал апостол Филипп – *Sicia ubi Philippus predicavit*. Таким образом, к античному наименованию добавляется библейская составляющая. Здесь также отражается идея о важности мис-

сионерства в нехристианских землях окраин ойкумены, представляемых дикими. Отмечать апостолов, проповедующих в разных частях мира, – характерная черта некоторых карт Беата Либанского (Chekin 2006. P. 176–177), однако на них не изображалось Черное море. В свою очередь, на карте из Верчелли захоронение апостола Филиппа обозначено на реке Alis в Каппадокии.

На первой карте из Турнэ обозначены жители региона Босфора, возможно даже, имелись в виду подданные Боспорского царства – *Vosfogani*. Подобное наименование встречается еще разве только на Певтингеровой карте (*Tabula Peutingeriana*. Segm. IX; Подосинов 2002. С. 346–347). Они обозначены рядом с сужением бассейна Черного моря – возможно, так показан Керченский пролив, т.е. собственно Босфор Киммерийский. Как известно, Керченский пролив соединяет Черное море с Азовским, т.е. с Меотийскими болотами. На карте же из Турнэ сужение водного бассейна располагается между Киммерийским морем и Эвксинским Понтом, с одной стороны, и частью, в которой нанесена надпись Понт, с другой. Меотийские болота также присутствуют на этой карте к западу от Танаиса и к северо-западу от сужения бассейна.

На ряде карт появляются и мифологические народы и существа, такие, как грифоны и амазонки. Причем первые могли пониматься и как мифологические создания, и как народ, описанный в «Космографии Этика» (*Die Kosmographie des Aethicus* 1993. P. 188, 10–14). На карте из Соли между дельтой Дуная, Океаном и Танаисом нанесена надпись о том, что там живут негодные люди – грифы: *Nic habitant Griffes, homines nequam*. *Griste homines* обозначены к северу от реки Арфаксат на Херефордской карте. Кроме того, на крупнейших картах Средневековья, Херефордской и Эбсторфской, изображены сцены битв грифонов с аримаспами с подписями о том, что они сражались за изумруд (на Эбсторфской карте точнее, за Кавказом). Аримаспы упоминаются и на карте из Турнэ рядом с гиперборейями.

С одной стороны, обозначение скифов и других известных античности народов и существ показывает авторитет для средневековья античной традиции и являет собой пример отображения исторических реалий на картах. С другой же стороны, это может иметь и символическое значение. Скифы стали образом кочевников, которые и в средние века жили в степях Причерноморья и нередко доходили и до Европы. Иногда в этом регионе встречается и общее обозначение варваров, в частности, на карте из Альби к северу от Черного моря или на первой карте из Турнэ к северо-западу. Это, а также надписи с описаниями непотребств скифов подчеркивают инаковость и чуждость этих мест не только античному миру, но и средневековой христианской Европе. Итак, обозначение ски-

фов, прочих варваров и даже чудовищ может быть не только отсылкой к античной культуре и истории, но и символически отображать современное рисовавшим карты людям положение вещей.

К западу от Черного моря обычно обозначались Фракия, Алания, Мёзия, Дакия, Готия. На картах Готия часто связана с Дакией, например, *Gothia et Dacia* на карте Гвидо Пизанского. В свою очередь на карте из Соли в связке находятся *Dascia et Russia* к северу от Дуная. Такое же сочетание этих названий в том же месте обозначено и на Херефордской карте – *Dacia hes et Russia*. В целом между этой картой и картой из Соли наблюдается целый ряд аналогий. На Псалтырной карте к северу от Черного моря указаны *Sclavenia Occidentalis* и *Ruscite*, причем Западная Славения показана восточнее Руси, если, конечно, эти названия не связаны. Возможно, необычный вариант названия Руси объясняется тем, что ее причисляли к скифам – *scite* (на этой карте наименование Скифия передано как *Citia* и как *Citha*, причем оба названия упомянуты рядом с Дунаем, наряду с *Sarmatica*). Если это так, то наблюдается попытка соотнести античные и собственно средневековые реалии. Также есть чтение – *irii scite* (Chekin 2006. P. 141). На карте Ранульфа Хигдена к западу от Меотийских болот указаны Нижняя Скифия, Алания и Склавия (*Virtual Mappa 2020. Higden Map 3 [CCCC MS 21, f. 9r]*). На другой карте Ранульфа Хигдена (*Virtual Mappa 2020. Higden Map 1 [BL Royal 14.C IX, ff. 1v–2r]*) сказано, что Алания – это часть Нижней Скифии, а также говорится о татарах (точнее тартарах), которые жили к северу и царем которых был пресвитер Иоанн (это одно из самых ранних упоминаний его на картах)¹. Античный образ кочевого мира, Скифия, связывается с кочевниками, которые жили в одно время с Ранульфом Хигденом. На другой его карте эти области отмечены без комментариев (*Virtual Mappa 2020. Higden Map 2 [BL Royal 14.C IX, f. 2v]*).

На первой карте из Турнэ обозначены готы, отождествляемые с гетами, видимо, из-за созвучия названий – *gothi qui [est?], gete*. На Псевдоисидоровой карте также упоминается Нижняя Скифия (*Scythia inferior*), а перед Германией сказано, что до тех пор идет Скифия (*hucusque Scythia*). На той же карте Скифия обозначена к востоку от Черного моря. Таким образом, она протягивается от тех мест вплоть до Германии (*Isid. 14.3.31*), т.е. всё Северное Причерноморье охватывается ею. На картах Скифия обычно и обозначалась в этой области.

На Псевдоисидоровой карте показан город Феодосия, “*C[ivitas] Theodosia*”. На копии Сен-Викторской карты “*c Theodosia*” стоит на Гипанисе, а Херсонес, обозначенный как “*c Cersona*”, на Лема(н)не, в месте же

¹ *Sithia Inferior, cuius pars est Alania, propter barbaras gentes; et ex parte aquilonis habitant Tartari quorum rex fuit Presbiter Iohannes.*

впадения Савы в Дунай обозначена “с Eraclea”. Вблизи от Черного моря располагается целый ряд городов, называющихся Гераклея, однако такого расположения не имеет ни одна из них. На северном побережье Понта Феодосия появляется на первой карте из Турнэ.

В месте же впадения в Черное море Дуная на ней приведена легенда о пигмеях, сражающихся с журавлями: *Pigmei cum gruibus pugnant* (Solin. 10.11). Надпись помещена рядом с обозначением *Tracia prouincia*, поскольку, согласно Солину, пигмеи подвергались ударам журавлей из фракийского города Герания (Chekin 2006. P. 254–255). На Херефордской карте к северу от Черного моря и истока реки Арфаксат между Меотийскими болотами и рекой Корв изображен страус, которому приписывается голова гуся, тело журавля и ноги теленка, а также утверждается, что он поедает железо: *Ostricius, capud auce, corpus gruis, pedes uituli; ferrum comedit*. Возможно, подобная птица с телом журавля также имеет некое отношение к легенде о пигмеях. На Эбсторфской же карте журавли показаны на северных островах Виарцис и Бридинно (*Die Kosmographie des Aethicus* 1994. P. 124, 6), жителей последнего, карликов нанов, отождествляли с пигмеями (*Isid.* 11.3.7). Также пигмеем с журавлями может быть сражающийся с птицами человек, изображенный на этой же карте в Индии к западу от рая. Такая неопределенность в положении пигмеев и журавлей, помимо опоры на разные авторитетные источники, показывает одну из тенденций средневековых карт: одни и те же мифические существа и народы могли появляться в разных, порой весьма удаленных друг от друга, местах, несмотря на то что многие из них имели определенную область обитания. Такие случаи могут объясняться тем, что важнее было поместить их на окраину мира, в неизвестные земли, чем определить их точное местоположение. Ведь для *mapra mundi* в целом точность не ставилась в приоритет, а символизм, в частности в изображении отдаленных, окраинных земель, был более значителен. Помещение диковинных народов и существ на окраинах мира сближает средневековую карту со страницей рукописи, в середине которой находился упорядоченный текст, а маргиналии могли быть заполнены дикарями и монстрами. Таким образом, саму такую страницу, вероятно, можно рассматривать как своеобразную модель мира с цивилизованным центром и хаотической дикой периферией.

На Англо-Саксонской карте на западном побережье Черного моря появляется название *mesina*, которое может быть искаженным упоминанием Мёзии или же относиться к Мессембрии, позже ставшей Несебыром, что к северу от Константинополя. Последний, в свою очередь, как раз отмечен южнее. Константинополь обозначался на многих картах. Также к северу от него на побережье отмечена *Mesambre* на Эбсторфской кар-

те, а кроме нее “Obfesus c” (Варна) и Dachis. Еще севернее, за заливом, во Фракии, также на побережье отмечены Макра (Макри), Кристополис, Сест и Гераклея. На карте из Соли севернее залива обозначена Кардия, хотя она располагалась юго-западнее на побережье Саросского залива Эгейского моря. В таком же положении обозначен “Cardia c” и на Херефордской карте.

К югу от Черного моря упоминается область Малой Азии Каппадокия (Англо-Саксонская, Херефордская карта), город Даскуса (Англо-Саксонская, копия Сен-Викторской карты, Херефордская карта), упоминаемый позднеантичным автором Орозием (1.2.23). Из городов Вифинии, отмеченной на многих картах, обозначались Никомедия (копия Сен-Викторской карты, первая карта из Турнэ, карта Ранульфа Хигдена – Virtual Mapra 2020. Higden Map 1 [BL Royal 14.C IX, ff. 1v–2r]) и Никея (первая карта из Турнэ). На картах Мэтью Пэриса на побережье Черного моря указаны Сарадосия (на самом деле не располагается на его побережье), Nichomedia (находящаяся на берегу Мраморного моря), столица области Вифиния, также обозначенной на карте. Кроме того, упомянута Мизия (примыкала к Мраморному морю) и южнее на расстоянии от Черного моря – Фригия, что соответствует ее действительному расположению. На Херефордской карте Nicea ciuitas, Calcidonia (Халкидон) и Micomedia расположены на побережье Босфора Фракийского (Никея была расположена на берегу оз. Аскания, Халкидон – у соединения Мраморного моря с Босфором). На морском побережье на Эбсторской карте обозначены Никомедия, Либуса, Никея, Халкидон, который примыкает и к оз. Гилас, порт Адонии и за рекой Гераклея, которая на других картах обозначалась западнее, а также Acherusius specus. В Галатии на первой карте из Турнэ показаны “Galathe c”, очевидно названный по региону, возможно, Анкара, и “Egaclea c”. “Egaclea c” на южном побережье Черного моря в Галатии обозначена и на Херефордской карте.

На карте из Верчелли сохранилось изображение лишь южного и отчасти восточного побережий Чёрного моря, вдоль которых отмечен ряд городов. В описании Малой Азии перечислены следующие области и реки, встречающиеся и на других картах: «Asia minor habet provincias Bithiniam, Galathiam, ... Lisaniam, Capadociam, Armeniam, Pontum insulam, Albaniam,... Panfiriam, Camagenam, Syriam, Coleos regnum, Getas, Saurom[atas], [flumina magna ?] Araxim, Phasim, Sangariam [...]».

Как уже было сказано, место обитания легендарных амазонок, Фемискирские поля, на копии Сен-Викторской карты обозначено между двумя рукавами Киммерийского моря. Однако область амазонок также располагается севернее него. На Псевдоисидоровой карте наблюдается похожее положение вещей. К югу от Киммерийского моря обозначены

Фемискирские поля, *Temesceri campi*; область же амазонок, *regio Amazonum*, обозначена к северо-востоку от Киммерийского моря вместе с Гирканией, *Ircania*. На Псалтырной карте в бассейне Черного моря есть полуостров, на котором на некоторых других *maprae mundi* обозначались Фемискирские поля, а сами амазонки, *amazones hic manent*, обозначены к северо-востоку от Черного моря за Нижней Албанией, *Albania Inferior*. На Эбсторфской карте Фемискирские поля и Фемискирская крепость окружены Киммерийским озером, а сами амазонки изображены севернее. На одной из карт Ранульфа Хигдена (*Virtual Mapra 2020. Higden Map 1 [BL Royal 14.C IX, ff. 1v–2r]*) об амазонках рассказывается, что они лишены правой груди и сами мужественно сражаются². Помещены они к северо-востоку от Черного моря. На северо-востоке от Черного моря помещена Амазония и на другой карте Ранульфа Хигдена (*Virtual Mapra 2020. Higden Map 2 [BL Royal 14.C IX, f. 2v]*). Таким образом, на средневековых картах связь между Фемискирскими полями и амазонками часто утрачивалась. Однако в отличие от этих карт на первой карте из Турнэ Фемискирские поля и амазонки обозначены вместе к юго-востоку от Эвксинского Понта.

К юго-востоку от Черного моря на многих картах упоминается Армения, в горах которой на Апарате часто обозначался Ноев ковчег. На первой карте из Турнэ рядом с Черным морем появляется топоним *Armenia inferior*, а также город Армения – “*Armenia c*”. Возможно, это Себастия, позже получившая название Сивас – столица *Armenia prima*; или же Арташат – столица Верхней Армении; может быть, в данном случае вообще имелась в виду *Armenia maior*. На второй карте из Турнэ обозначены, как и на многих картах, Армения, *mons Armenie ubi resedit archa* и гора Тавр, но они значительно отнесены к юго-западу от Черного моря. На Херефордской карте к югу от Черного моря обозначена *Armenia inferior*, впрочем, она отделена от него горным отрогом Тавра и областью, в которой изображено существо *pinas* с телом, напоминающим змеиное, двумя ногами и человеческой головой. Существует предположение, что это может быть искаженное наименование и образ сфинкса. В свою очередь между Галатией и р. Геллес изображена рысь, которой приписываются способности видеть через стены и испускать из себя черный камень: «*Linx uidet per muros et mingit lapidem nigrum*». Надпись сопровождает изображение рыси и черного камня. Херефордская карта, как и другие, содержала в себе сведения из бестиария.

На Псевдоисидоровой карте к югу от Черного моря в Малой Азии появляется Олимп (известный как Малый Олимп, а по-турецки называемый Улудаг). На Англо-Саксонской карте он показан южнее Каппадокии.

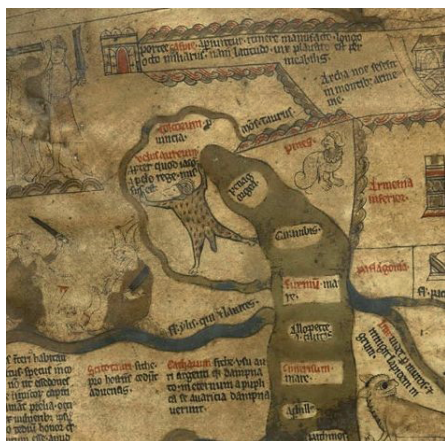
² *Amasones sunt femine sine mamillis dextris, per se ipsas viriliter militantes.*

На Псевдоисидоровой карте эта гряда фактически занимает место Кавказа, располагаясь между Черным и Каспийским морями. Также Тавром на средневековых картах назывались горы, расположенные южнее Каспийского моря, но они не всегда соединялись с первым, несмотря на их близость. На копии Сен-Викторской карты между Черным и Каспийским морями на Кавказе обозначены Каспийские ворота. На первой карте из Турнэ они примыкают к Арарату с Ноевым ковчегом, а над ними содержится следующая надпись: *Caspie porte ut quidam dicunt*. Такое сомнение автора карты согласуется с тем, что восточнее он обозначил еще одни Каспийские ворота. На карте из Соли на юг от Киммерийского моря уходит горная гряда Кавказа, в которой обозначены Каспийские ворота. Этот хребет разделяет *Cholcos* на западе и Амазонию на востоке. Армения же обозначена южнее Амазонии за неподписанной рекой. На Херефордской карте на юг от Черного моря отходит разветвленный на множество хребтов Тавр с Каспийскими воротами и Ноевым ковчегом. На Эбсторфской карте Кавказ не примыкает к Черному морю, но идет от северной части Океана до восточной. Тем не менее на нем обозначены Каспийские ворота, а Ноев ковчег изображен на отдельной горе.

На ряде карт на северо-восточном побережье Черного моря появляется упоминание известной из античных источников Албании. На Псевдоисидоровой карте *Albania* тянется вдоль побережья Океана на севере, в соответствии с тем, как ее описывал Исидор (14.3.34). На Англо-Саксонской карте *Albanorum regio* обозначен к северо-востоку от Черного моря. На первой карте из Турнэ Албания обозначена за рекой Фасис и савроматами к северо-востоку от Киммерийского моря. На Эбсторфской карте содержится обширное описание Албании, основанное на Исидоре (14.3.34) и Солине (15.5-11).

Кроме того, обозначалась Колхида, или *Colchorum provincia*. На первой карте из Турнэ на восточном побережье Черного моря, между рукавами Киммерийского моря и Эвксинского Понта, присутствует *dioscoris ciuitas* (Диоскуриада, совр. Сухум) с обозначением города и *Colchi*. На Херефордской же карте в *Colchorum provincia* даже изображено золотое руно с надписью, сообщающей о том, что Ясон был послан за ним царем Пелием: «*Velus Aureum, propter quod Iason a Pelo rege missus est*» (илл. 8). К востоку от Черного моря пересказывается миф о золотом руне³. Легенда сопровождается изображением руна и помещена к востоку от города Колхида, который располагается на реке, впадающей в Понт.

³ Hic est regnum Colchos. Hic fuit aries qui habuit aureum vellus, quem Jason cum aliis argonautis rapuit. Rex istius terre dicebatur Oeta.



Илл. 8. Золотое руно на Херефордской карте, Херефордский собор. URL: <https://sims2.digitalmappa.org/36> (30.05.2022).

Fig. 8. The Golden Fleece on the Hereford map, Hereford Cathedral. URL: <https://sims2.digitalmappa.org/36> (30.05.2022).

На Эбсторфской карте также есть надпись о Колхиде и Золотом руно: «Regnum Colchorum. Nic phylosophi fingunt auream pellem, de qua Jasonem penetrasse dicunt, unde etiam Grecorum et Troianorum effecta est conflictio» (илл. 9). Похоже, в данном случае устанавливается причинно-следственная связь между походом Ясона и Троянской войной. Еще одна надпись сообщает, собственно, о Ясоне и аргонавтах: «Hanc pellem vel vellus aureum Argonaute sub Jasone abstulerunt Oeta rege regnante». Область к востоку от Киммерийского озера обозначена, вероятно, по имени царя Колхиды Ээта Oetee... regio. Также на Эбсторфской карте есть обширная надпись о том, сколько народов строили Диоскуриаду, а также о том, сколько существует племен колхов и других народов: «Hec gentes XIV construxerunt civitatem Dioscorum: Colchi, quorum sunt gentes sedecim, Auferi et Cyrci, quorum sunt gentes duodecim».

Одним из неизвестных античности народов, обозначенных на средневековых картах на побережье Черного моря, были болгары. На Херефордской карте *Vulgarii* помещены к западу от Днепра, который, впрочем, также имеет не античное название. Но даже их земля на первой карте из Турнэ соотносится с античной Мёзией: *mesia hec et uulgaria*. На Эбсторфской карте к югу от Меотиды упоминаются авары, которые отождествляются с гуннами, пришедшими в Европу на рубеже античности и средних веков: «Hic olim Auares id est Huni habitaverunt». Объем сведений для этой области, не связанных так или иначе с античностью,

таким образом, совсем не велик. Использование в первую очередь античных, во многом мифологизированных сведений о регионе Черного моря может говорить и о том, что он был плохо известен в средние века. Однако и в Европе, известной изготовителям карт, часто появляются античные названия, а ее очертания порой весьма схематичны. Антиквизация наименований, очевидно, была своего рода ученой традицией, призванной подчеркнуть связь с античным авторитетом, а физическая точность не была приоритетом для средневековых карт мира.

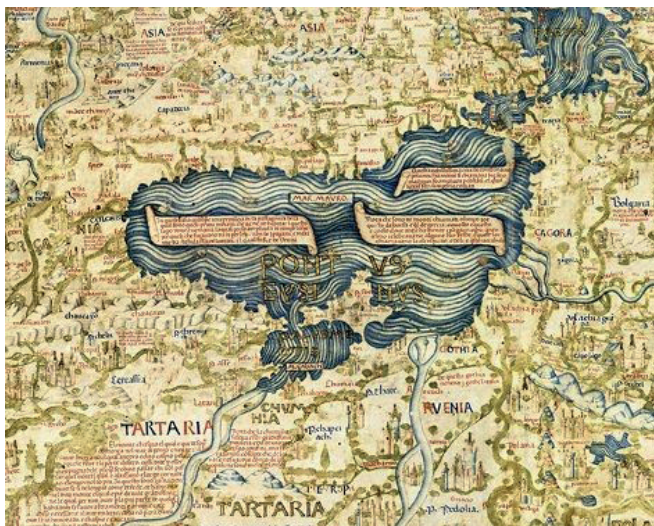


Илл. 9. Черное море на реконструкции Эбсторфской карты (Kugler 2007. Bd. I)⁴. URL: <http://www.landschaftsmuseum.de/Seiten/Museum/Ebstorf1.htm> (30.05.2022).
 Fig. 9. The Black Sea on the reconstruction of the Ebstorf map (Kugler 2007. Bd. I). URL: <http://www.landschaftsmuseum.de/Seiten/Museum/Ebstorf1.htm> (30.05.2022).

⁴ Оригинал был уничтожен во время Второй мировой войны.

Черное море на точных картах позднего Средневековья

В позднее средневековье, в XIV–XV вв., Черное море имело огромное значение для западноевропейских, в первую очередь итальянских торговцев. На его берегах существовали такие торговые фактории, как Тана и Кафа (Карпов 2021). В это время развития торговли и судоходства были распространены морские карты-портоланы (Фоменко 2011), на которых Черное море имеет математически точные очертания. На его побережья наносили названия всех основных портов, в которые заходили суда. На картах переходного вида, сочетающих в себе черты как *tabulae mundi*, так и портоланов, например, на карте фра Мауро, Черное море также имеет математически точные очертания, наряду со Средиземным (илл. 10). Не все моря обозначались на таких картах физически точно, что лишь подчеркивает известность и значение Черного моря для Европы. На портоланах и картах мира позднего средневековья скифов сменяют *Tartaria Magna* и *Cumania*, земли других кочевников, обосновавшихся в причерноморских степях.



Илл. 10. Черное море на карте фра Мауро середины XV в.⁵ Библиотека Марциана, Венеция. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:FraMauroDetailedMap.jpg> (30.05.2022).

Fig. 10. The Black Sea on the mid-15th century Fra Mauro map. Marciana Library, Venice. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:FraMauroDetailedMap.jpg> (30.05.2022).

⁵ Последняя *tabula mundi*; она относится к переходному виду, т.к. испытала на себе влияние портоланов, однако от применения методов картографирования, разработанных Птолемеем, хотя его труд уже был известен в Западной Европе, ее создатели намеренно отказались; особенность этой карты состоит еще и в ее южной ориентации.

Еще одним видом изготавливавшихся на закате средневековья и в более позднее время карт, на которых Черное море имело весьма точные очертания, были карты, изготовленные на основе географического руководства Птолемея. Изначально, в отличие от портоланов, отражавших в первую очередь современные картографам практически полезные сведения, карты Птолемея воспроизводили географические представления этого античного автора. Однако со временем стали появляться карты с более новыми данными.

Заключение

Таким образом, мы видим, что Черное море не входит в структуру трехчастных схем и, напротив, весьма часто отображается на схемах с четырьмя заливами. На более подробных картах мира наблюдается более сложное строение Черного моря, в частности, на многих из них выделяется Киммерийское море на востоке. Вместе с тем, в западной части Черного моря и Причерноморья нередко показаны объекты, связанные с Эгейским морем, что создает путаницу между этими морями, разделяемыми, но одновременно и соединяемыми проливами.

Преобладание античных сведений о Черном море на средневековых картах мира может объясняться тем, что они были итогом работы ученых книжников, опиравшихся на античные тексты и Писание, в котором о Черном море нет данных. На карты попадали в первую очередь теоретические сведения, которые были весьма архаичны из-за древности авторитетов, на которых основывались авторы карт. Однако даже эти данные нередко перепутаны и неточны. Ведь точность не была главной задачей для авторов средневековых карт, гораздо важнее было отображение картины мира в целом. В средневековом образе мира Черное море выступало в роли своего рода пограничья. С одной стороны, оно находилось на границе двух климатических зон: "нашей" умеренной обитаемой и северной холодной необитаемой. С другой стороны, противоположность представляют собой его южное и северное побережья. Если Южное Причерноморье со своими античными названиями малоазийских городов и областей явно входит в состав освоенной, цивилизованной ойкумены, то Северное Причерноморье с варварами – ее дикая окраина. Это в некоторой степени через язык архаичных символов отражало и действительность средневековья, а не только античности. Южное Причерноморье было хорошо освоено Восточной Римской империей, в Северном же постоянно сменяли друг друга кочевники, угрожавшие набегами и не являвшиеся частью ни античного, ни христианского мира. Именно они напоминали те самые народы с окраин земли, которые, согласно пророчеству, должны быть собраны для последней битвы добра и зла. Однако

то, что кочевники были язычниками, предполагало и представление о том, что их нужно обратить в христианство, такой замысел был, например, в отношении монголов. Это отражало миссионерскую идею о распространении веры на языческие окраины христианского мира.

Противоположным образом Черное море отображается на морских картах-портоланах, которые были распространены в позднее средневековье, когда в Черном море стали активно действовать итальянские торговцы. На портоланах в силу их практической значимости отображались довольно точные очертания Черного моря, а по побережьям в большом количестве указывались современные для картографов порты, куда могли зайти корабли, упоминались современные земли и народы. Также довольно точно отображено Черное море на картах, основанных на труде Птолемея, изначально полностью отражавших картину мира этого античного ученого. Присутствие античных данных на картах на протяжении всего средневековья очевидно, а с началом их изготовления по Птолемею в эпоху Возрождения это получило новый импульс.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Карпов С.П.* История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб., 2021. [*Karpov S.P.* Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv. T. 1. Tana v XIII–XIV vv. (History of Tana (Azov) in the XIII–XV centuries. Vol. 1. Tana in the XIII–XIV centuries). St-Petersburg, 2021.]
- Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. [*Podossinov A.V.* Vostochnaya Yevropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii. Teksty, perevod, kommentariy (Eastern Europe in the Roman Cartographic Tradition. Texts, translation, commentary). Moscow, 2002.]
- Подосинов А.В.* Вновь найденная поздневизантийская карта мира // Византийский Временник. 2010. Т. 69 (94). С. 230–247. [*Podossinov A.V.* Vnov' naydenaya pozdnevizantiyskaya karta mira (Newly found late Byzantine map of the world) // Vizantiyskiy Vremennik. 2010. Vol. 69 (94). S. 230–247.]
- Подосинов А.В.* Античные истоки средневековой картографии: проблема преемственности // ВДИ. 2020. Т. 80/3. С. 675–696. [*Podossinov A.V.* Antichnyye istoki srednevekovoy kartografii: problema preyemstvennosti (Antique origins of medieval cartography: the problem of continuity) // Vestnik drevney istorii. 2020. T. 80/3. S. 675–696.]
- Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г.* Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. М., 2016. [*Podossinov A.V., Jackson T.N., Konvalova I.G.* Skifiya v istoriko-geograficheskoy traditsii Antichnosti i Srednih vekov. M., 2016.]

son T.N., Konovalova I.G. Skifiya v istoriko-geograficheskoy traditsii Antichnosti i Srednikh vekov (Scythia in the historical and geographical tradition of Antiquity and the Middle Ages). Moscow, 2016.]

Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2011. [*Fomenko I.K.* *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'ye. Konets XIII–XVII v.* (Image of the world on ancient portolans. Black Sea region. End of XIII–XVII century). Moscow, 2011.]

Chekin L.S. Northern Eurasia in Medieval Cartography. Inventory, Texts, Translation, and Commentary. Turnhout, 2006.

Dan A. La mappemonde d'Albi – un pinax chôrographikos. Notes sur les origines antiques de la carte et du texte du ms Albi 29 fol. 57v–58r // *Cartes & Géomatique. Revue du Comité français de cartographie.* 2017, December. N 234.

The History of Cartography. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago, 1987.

Die Kosmographie des Aethicus / Hrsg. O. Prinz. München, 1993.

Kugler H. Die Ebstorfer Weltkarte. Bd. I: Atlas; Band II: Untersuchungen und Kommentar / Hrsg. H. Kugler. Berlin, 2007.

Virtual Mappa / Ed. M. Foys, H. Wacha et al. Philadelphia, 2020. URL: <https://sims2.digitalmappa.org/36> (30.05.2022).

Andrei O. Denisov

MAPPING ANTIQUITY IN THE BLACK SEA REGION IN THE MIDDLE AGES

Antique names, images and ideas about the world take an important place on medieval maps although the situation was changing with the beginning of another epoch and during it. And this can't always be explained only by nescience, but also by homage to the ancient heritage (including geography) which was one of the foundations of medieval culture. The authors of medieval maps were seeking for archaization and the image of the world on them was historical in general. Several layers of time are presented on maps as on other pictures of this epoch. In most cases it is about different moments of one event or of one person's life for the images, while the scenes from different epochs of the world history are presented on the maps. From this point of view the Black Sea and adjacent lands were not an exception. In addition, this region was actively colonized in the Antiquity. Moreover, the Black Sea was some kind of a frontier: its western and southern shores were ruled by the Eastern Roman Empire, eastern countries were on the other side, while its northern shores were considered to be as a periphery of the world inhabited by barbarian nomads and monsters. The representation of the Black Sea depended on the type of a map a lot: some of

them don't have even the mention of its name while its outline constantly appears on the others. More detailed maps contain more data about the structure of the Black Sea basin, the islands located within it, the rivers flowing into it and the surrounding lands. A more pragmatic approach towards the space of the Black Sea and the Black Sea Region is represented on nautical portolan charts created in the late Middle Ages when Italian merchants were trading in this area in an active way.

Keywords: medieval maps, mappa mundi, T-O maps, the Black Sea, Pontus Euxinus, Circumpontic region

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-471-501

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА	Античный мир и археология. Саратов
АП	Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БФ	Боспорский феномен. СПб.
БЧ	Боспорские чтения. Керчь
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВКАЭ	Восточно-Крымская археологическая экспедиция ИА РАН
ГИМ	Государственный исторический музей. М.
ДБ	Древности Боспора. М.
ЗООА	Записки Одесского археологического общества. Одесса
ИА РАН	Институт Археологии Российской Академии Наук. М.
ИВАД	Известия на Варненското археологическо дружество. Варна
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры. СПб.
ИТОИАЭ	Известия Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии. Симферополь
ИТУАК	Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Симферополь
КБН	Корпус боспорских надписей М.; Л., 1965 (Corpus inscriptionum Regni Bosporani).
КСИА	Краткие сообщения института археологии РАН. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН. СПб.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НА ГМЗ ХТ	Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
ПАВ	Петербургский археологический вестник. СПб.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск
РА	Российская археология. М.
СА	Советская археология. М.
Фанагория	Фанагория. Результаты археологических исследований / Под ред. В.Д. Кузнецова. М.: ИА РАН.

AJPh	American Journal of Philology. Baltimore
AncCiv	Ancient civilisations from Scythia to Siberia. Leiden
ANRW	Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin
AWE	Ancient West and East. Leuven; Paris; Walpole (MA)
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. Paris; Athènes
BG	Bellum Gallicum Caesaris
CIL	Corpus inscriptionum Latinarum. Berlin
CIRB	см. КБН
CRAI	Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
DHA	Dialogues d'histoire ancienne. Paris
FGrHist	Die Fragmente der griechischen Historiker / Ed. F. Jacoby. Berlin; Leiden, 1923–
FHG	Fragmata historicorum Graecorum / Ed. C. Müller. I–V. Parisiis, 1853–1870.
GGM	Geographi Graeci minores / Ed. K. Müller. I–II. Parisiis, 1855–1861.
GRBS	Greek, Roman and Byzantine Studies. Duce University Press
HA	Historia Augusta
Hypanis	Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. М.
IG	Inscriptiones Graecae. Berlin
IGB	Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Sophia
IGDOLbia	Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996.
ICGP	International Geoscience Programme
IOSPE	Latyshev V.V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli
ISM	Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris Antiquae. Series 2. Inscriptiones Scythiae Minoris Graecae et Latinae. 1. Inscriptiones Histriae et viciniae / Ed. and trans. D.M. Pippidi. Bucharest, 1983.
JHS	Journal of Hellenic Studies. London
NH	Naturalis historia Plinii Maioris
PPE	Periplus Ponti Euxini Arriani et Anonumi
RE	Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart
REA	Revue des études anciennes. Bordeaux
RFIC	Rivista di filologia e di istruzione classica. Torino
SC	Латышев В.В. Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (Собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев). Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893–1900. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904.
SEG	Supplementum epigraphicum Graecum. Leiden; Amsterdam
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Беккер-Нильсен Тённес** – PhD, проф. эмеритус, Факультет Гуманитарных наук, Университет Южной Дании. Campusvej, 55, 5230, Odense M, Denmark. tonnes@sdu.dk
- Бухарин Михаил Дмитриевич** – д-р ист. наук, главн. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН, действительный член РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32а. michabucha@gmail.com
- Бьянкетти Серена** – PhD, проф., Университет Флоренции. Piazza S. Marco, 4, 50121, Firenze, Italia. serenabianchetti@yahoo.it
- Вдовченко Евгений Викторович** – канд. ист. наук, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия, 344006, ул. Большая Садовая, 105/42. evvdovchenkov@sfsedu.ru
- Виноградов Андрей Юрьевич** – д-р ист. наук, проф. Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Москва, Россия, 101000, ул. Мясницкая, д. 20. ampelios@gmail.com
- Гойс Клаус** – PhD, проф., Свободный университет. Kaiserswerther Str., 16–18, 14195, Berlin, Deutschland. klaus.geus@fu-berlin.de
- Денисов Андрей Олегович** – независимый исследователь. Москва, Россия, 119619, ул. Наро-Фоминская, д. 9, кв. 51. andre7de7nisov7@gmail.com
- Дузк Даниэла** – PhD, проф. истории и классических исследований, Университет Бар Илан. Ramat Gan, Tel Aviv District, Israel. daniela.dueck@biu.ac.il
- Завойкин Алексей Андреевич** – д-р ист. наук, вед. научн. сотр. Института археологии РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дм. Ульянова, 19. bospor@inbox.ru
- Зедгенидзе Ангелина Андреевна** – канд. ист. наук, доц. Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Москва, Россия, 101000, ул. Мясницкая, д. 20. zedhenidze@yandex.ru
- Зубарев Виктор Геннадьевич** – д-р ист. наук, проф. кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Тула, Россия, 300026, проспект Ленина, 125, корп. 4. kir.tspu@mail.ru
- Илюшечкина Екатерина Викторовна** – канд. ист. наук., PhD, доц. Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС; доц. Института Восточных культур и античности РГГУ. Москва, Россия, 125047, Миусская площадь, д. 6. ilyushechkinae@gmail.com
- Ликкардо Сальваторе** – PhD, научн. сотр. Института истории Австрии Венского университета. Hollandstraße, 11–13, A-1020, Wien, Österreich. liccardo@univie.ac.at
- Маноледакис Манолис** – PhD, проф. классической археологии, Международный эллинский университет. 4th km Thessaloniki – N. Moudania National Road, 57001, Thermi, Thessaloniki, Greece. m.manoledakis@ihu.edu.gr

- Масленников Александр Александрович** – д-р ист. наук, вед. научн. сотр. Института археологии РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дм. Ульянова, 19. iscander48@mail.ru
- Подосинов Александр Васильевич** – д-р. ист. наук, главн. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32а. podossinov@mail.ru
- Сапрыкин Сергей Юрьевич** – д-р. ист. наук, проф., зав. кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия, 119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. mithridates@mail.ru
- Суриков Игорь Евгеньевич** – д-р. ист. наук, главн. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32а. isurikov@mail.ru
- Чошкун Алтай** – PhD, проф. Университета Ватерлоо. University Avenue, 200, West Waterloo, ON, Canada N2L 3G1. altaycoskun@yahoo.co.uk
- Ярцев Сергей Владимирович** – д-р. ист. наук, доц., проф. кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Тула, Россия, 300026, проспект Ленина, 125, корп. 4. s-yartsev@yandex.ru

NOTES ON CONTRIBUTORS

- Bekker-Nielsen, Tønnes** – Dr. Hab. (Philology), Associate Professor emeritus at Faculty of Humanities, University of Southern Denmark. Campusvej, 55, 5230, Odense M, Denmark. tonnes@sdu.dk
- Bianchetti, Serena** – Dr. Hab. (History), Professor, University Firenze. Piazza S. Marco, 4, 50121, Firenze, Italia. serenabianchetti@yahoo.it
- Bukharin, Mikhail D.** – Dr. Hab. (History), Chief Research fellow of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, full member of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. michabucha@gmail.com
- Coşkun, Altay** – Dr. Hab. (History), Prof., Department of Classical Studies, University of Waterloo. University Avenue, 200, West Waterloo, ON, Canada N2L 3G1. acoskun@uwaterloo.ca
- Denisov, Andrei O.** – MA (History), independent researcher. Naro-Fominskaya ul., 9–51, 119619, Moscow, Russia. andre7de7nisov7@gmail.com
- Dueck, Daniela** – Dr Hab. (Philology), Professor of History and Classical Studies, Bar Ilan University. Ramat Gan, Tel Aviv District, Israel. daniela.dueck@biu.ac.il
- Geus, Klaus** – Dr. Hab. (History), Professor der Freien Universität Berlin. Kaiser-swerther Str., 16–18, 14195, Berlin, Deutschland. klaus.geus@fu-berlin.de
- Ilyushechkina, Ekaterina V.** – PhD (History), PhD (Philology), docent, Senior Researcher at the School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; docent at the Institute of Oriental Cultures and Antiquity, The Russian State University of Humanities. Miusskaya pl., 6, 125047, Moscow, Russia. ilyushechkinae@gmail.com
- Liccardo, Salvatore** – PhD (History), Universität Wien, Institut für Österreichische Geschichtsforschung. Hollandstraße, 11–13, A-1020, Wien, Österreich. salvatore.liccardo@univie.ac.at
- Manoledakis, Manolis** – Dr. Hab. (History), Professor of Classical Archaeology, International Hellenic University. 4th km Thessaloniki – N. Moudania National Road, 57001, Thermi, Thessaloniki, Greece. m.manoledakis@ihu.edu.gr
- Maslennikov, Alexander A.** – Dr. Hab. (History), Professor, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dm. Ul'yanova ul., 19, 117292, Moscow, Russia. iscander48@mail.ru
- Podossinov, Alexander V.** – Dr. Hab. (History), Prof. Chief Researcher of the Institute of World History of Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. podossinov@mail.ru
- Saprykin, Sergey Ju.** – Dr. Hab. (History), Professor, Head of the Department of Ancient History of Historical Faculty of Moscow Lomonosov State University. Lomonosovskiy prospect, 27, k. 4, 119192, Moscow, Russia. mithridates@mail.ru
- Surikov, Igor E.** – Dr. Hab. (History), Chief Research fellow of the Institute of World History of Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. isurikov@mail.ru

- Vdovchenkov, Evgeny Viktorovich** – PhD (History), Head of the Department of Archaeology and History of the Ancient World Institute of History and International Relations, Southern Federal University. Bol'shaya Sadovay ul., 105/42, 344006, Rostov on Don, Russia. evdovchenkov@sfedu.ru
- Vinogradov, Andrey Ju.** – Dr. Hab. (History), Professor, National Research University “Higher School of Economics”. Myasnitskaya ul., 20, 101000, Moscow, Russia. ampelios@gmail.com
- Yartsev, Sergey V.** – Dr. Hab. (History), docent, Department of history and archaeology at the Tula State Pedagogical University. Prospect Lenina, 125, k. 4, 300026, Tula, Russia. s-yartsev@yandex.ru
- Zavoykin, Alexey A.** – Dr. Hab. (History), Professor, Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dm. Ul'yanov ul., 19, 117292, Moscow, Russia. bospor@inbox.ru
- Zedgenidze, Angelina A.** – PhD (History), Guest Lecturer (Associate Professor), National Research University “Higher School of Economics”. Myasnitskaya ul., 20, 101000, Moscow, Russia. zedhenidze@yandex.ru
- Zubarev, Viktor G.** – Dr. Hab. (History), Professor, Department of history and archaeology at the Tula State Pedagogical University. Prospect Lenina, 125, k. 4, 300026, Tula, Russia. kir.tspu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Подосинов.</i> Предисловие	5
<i>И.Е. Суриков.</i> Древнейшие греческие географы о Понте Евксинском и его окрестностях	13
<i>Serena Bianchetti.</i> The Black Sea as a Scythian Bow: Genesis of an Image	50
<i>С.Ю. Сапрыкин.</i> ЭМПОРИЙ – ПОЛИС в древнем Причерноморье	74
<i>А.А. Зедгенидзе.</i> Херсонес Таврический: границы и элементы полиса в конце V – IV в. до н.э.	136
<i>М.Д. Бухарин.</i> Борисфен: теоним и гидроним	174
<i>А.А. Масленников.</i> Палеогеография, археология и античная топонимика и терминология Крымского Приазовья	183
<i>Tønnes Bekker-Nielsen.</i> Greek and Roman Marine Resource Exploitation in the Northern Black Sea: The Origin and Dynamics of the Bosporan Fish Trade	206
<i>В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев.</i> Этническая карта Северного Причерноморья на рубеже эр	230
<i>Daniela Dieck.</i> Πάντα ῥεῖ and Πόντος ῥεῖ – Strabo on the Black Sea	259
<i>А.А. Завойкин.</i> Аспургиане: 500 стадиев между Фанагорией и Гор-гипсией	272
<i>Klaus Geus.</i> Pomponius Mela, <i>De chorographia</i> : Bekanntes, Verkanntes, Unbekanntes zu Person und Werk	306
<i>Е.В. Вдовченков.</i> Этническая ситуация в Северном Причерноморье и Приазовье по данным Певтингеровой карты	331
<i>А.В. Podossinov.</i> Über die Landstraße entlang der Südküste des Schwarzen Meeres auf der Peutinger's Karte: wie arbeitete der Kartograph	354
<i>Altay Coşkun.</i> Trapezus in Kolchis. Part I: The Origin of the Tabula Peutingeriana under Julius Caesar	377
<i>Manolis Manoledakis.</i> The Southern Black Sea in Ptolemy's <i>Geography</i>	401
<i>А.Ю. Виноградов.</i> Toponymica Pontica 3. О мнимых и реальных сугдейских топонимах	428
<i>Salvatore Liccardo.</i> Migrations of Ethnonyms, Migrations of Peoples. Continuity and Change in the Ethnic Landscape around the Black Sea through the Study of Late Antique Lists of Ethnonyms	431

<i>Е.В. Илюшечкина. Удивительная Скифия Гая Юлия Солина</i>	451
<i>А.О. Денисов. Отображение античных реалий в регионе Чёрного моря на средневековых картах</i>	471
Список сокращений	502
Сведения об авторах	504

CONTENTS

<i>Alexander V. Podossinov</i> . Preface	5
<i>Igor E. Surikov</i> . The Earliest Greek Geographers on the Pontus Euxinus and its Environs	13
<i>Serena Bianchetti</i> . The Black Sea as a Scythian Bow: Genesis of an Image	50
<i>Sergey Ju. Saprykin</i> . “EMPORION – POLIS” in Ancient Black Sea Region	74
<i>Angelina A. Zedgenidze</i> . Chersonesus Taurica: Boundaries of the Polis and its Elements in the late 5 th – 4 th centuries BC	136
<i>Michail D. Bucharin</i> . Borysthenes as Theonym and Hydronym	174
<i>Alexander A. Maslennikov</i> . Paleogeography, Archeology and Ancient Toponymics and Terminology of Azov Crimea	183
<i>Tønnes Bekker-Nielsen</i> . Greek and Roman Marine Resource Exploitation in the Northern Black Sea: The Origin and Dynamics of the Bosporan Fish Trade	206
<i>Viktor G. Zubarev, Sergey V. Yartsev</i> . The Ethnic Map of the Northern Black Sea Region at the Turn of Epochs	230
<i>Daniela Dueck</i> . Πάντα ῥεῖ and Πόντος ῥεῖ – Strabo on the Black Sea	259
<i>Alexey A. Zavojkin</i> . Aspourgians: 500 stadia between Phanagoria and Gorgippia	272
<i>Klaus Geus</i> . Pomponius Mela, <i>De chorographia</i> : Bekanntes, Verkanntes, Unbekanntes zu Person und Werk	306
<i>Eugeny V. Vdovchenkov</i> . Ethnic Situation in the Northern Black Sea and Azov Sea Region after Data of Peutinger’s Map	331
<i>Alexander V. Podossinov</i> . Über die Landstraße entlang der Südküste des Schwarzen Meeres auf der Peutinger’s Karte: wie arbeitete der Kartograph	354
<i>Altay Coşkun</i> . Trapezus in Kolchis. Part I: The Origin of the Tabula Peutingeriana under Julius Caesar	377
<i>Manolis Manoledakis</i> . The Southern Black Sea in Ptolemy’s <i>Geography</i>	401
<i>Andrey Ju. Vinogradov</i> . Toponymica Pontica 3. Imaginary and Real Sugdean Toponyms	428
<i>Salvatore Liccardo</i> . Migrations of Ethnonyms, Migrations of Peoples Continuity and Change in the Ethnic Landscape around the Black Sea through the Study of Late Antique Lists of Ethnonyms	431

<i>Ekaterina V. Ilyshechkina</i> . Miraculous Scythia of Gaius Iulius Solinus .	451
<i>Andrey O. Denisov</i> . Mapping Antiquity in the Black Sea Region in the Middle Ages	471
List of abbreviations	502
Notes on contributors	504

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2023 год

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В АНТИЧНОСТИ
И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Ответственный редактор:

А. В. Подосинов

Художественный редактор *М. В. Козлова*

Верстка *А. В. Тутынина*

Подписано в печать 13.11.2023 г.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 32

Тираж 500 экз. Заказ № 2023-11/ГП

ГАУГН ПРЕСС

e-mail: press@gaugn.ru

<http://press.gaugn.ru>

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, ул. Дачная, д. 33, оф. 1

ISBN 978-5-6049894-8-7



Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.